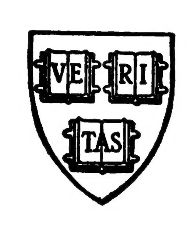
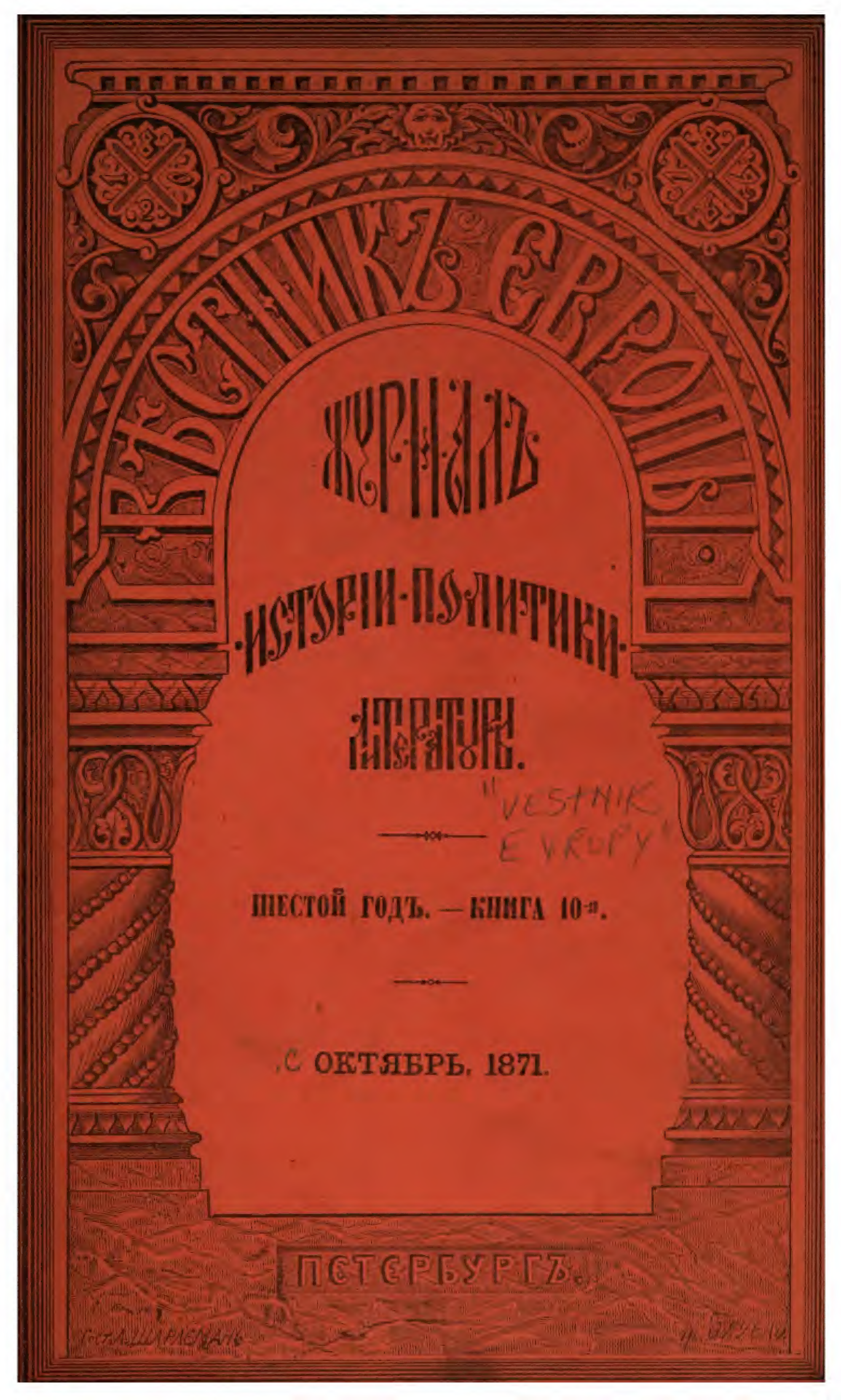

VE RI
TAS

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
"VESTNIK EVROPY"
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.
ОКТЯБРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1871.

Пятая и послѣдняя часть романа «Большая Медвѣдица» будетъ напечатана вся въ ноябрьской книгѣ журнала.

ЛИЧНОСТЬ
ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГРОЗНАГО.

Въ нашей русской исторіи царствованіе царя Ивана Васильевича Грознаго, обнимающее половину лѣтъ, составляющихъ XVI-е столѣтіе, есть одна изъ самыхъ важныхъ и достойныхъ особаго изслѣдованія эпохъ. Оно важно какъ по расширенію русской территоріи, такъ и по крупнымъ и знаменательнымъ событіямъ и измѣненіямъ во внутренней жизни. Много было совершено въ этотъ полувѣковой періодъ славнаго, свѣтлаго и великаго, по своимъ послѣдствіямъ, но еще болѣе мрачнаго, кроваваго и отвратительнаго. Понятно, что, при такомъ противоположномъ качествѣ многихъ важныхъ явленій, характеръ главнаго дѣятеля — царя Ивана Васильевича представлялся загадочнымъ; уяснить и опредѣлить его было не маловажною задачею отечественной исторіи, а это было возможно только при разнообразномъ изученіи какъ былевой, такъ и бытовой стороны того вѣка, къ которому принадлежалъ царь Иванъ Васильевичъ. Къ счастію, Карамзинъ именно на этой части русской исторіи показалъ всю силу своего таланта, болѣе чѣмъ на всякой другой, и съ замѣчательною вѣрностію угадалъ характеръ этой личности; оставалось доканчивать начатый имъ мастерской очеркъ, и при помощи новыхъ данныхъ и при дальнѣйшей разработкѣ источниковъ, сообщать ему болѣе тѣлесности, красокъ и жизни, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поправлять допущенныя исторіографомъ невѣрныя черты, касающіяся, впрочемъ, большею частію

подробностей. Но историки наши и изслѣдователи не удовольствовались намѣченнымъ путемъ и стали пролагать пути иные, находя взглядъ Карамзина невѣрнымъ, и образъ царя Ивана Васильевича, имъ первоначально обрисованный, — несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Само собою разумѣется, что разнообразныя мнѣнія и противорѣчія во взглядахъ бываютъ полезны для установленія, посредствомъ борьбы между ними, правильныхъ взглядовъ; поэтому и различныя мнѣнія о личности царя Ивана Васильевича не принесутъ вреда русской исторіи даже и тогда, когда бы намъ пришлось, предавъ ихъ, по разсмотрѣніи, полному забвенію, возвратиться къ Карамзину и разрабатывать эпоху Грознаго, руководствуясь основными началами его взгляда.

Предъ нами «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго», подписанныхъ именемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора санктпетербургскаго университета. Эти «Нѣсколько словъ» были сказаны въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета и напечатаны въ мартовской книжкѣ «Зари». Здѣсь воздается похвала «великолѣпному разсказу о завоеваніи Сибири Ермакомъ», который «года два тому назадъ въ одномъ изъ собраній читалъ А. Н. Майковъ», заявляется желаніе, чтобъ этотъ поэтъ представилъ въ поэтическихъ образахъ всю эпоху Грознаго и въ противоположность этому поэту говорится о другомъ поэтѣ въ такихъ выраженіяхъ:

«Другой поэтъ вывелъ намъ царя Ивана Васильевича Грознаго такимъ, какимъ онъ его себѣ представляетъ, и мнѣ кажется, что выведенное имъ лицо недостаточно соотвѣтствуетъ настоящему лицу; это тѣмъ прискорбнѣе, что вредъ, производимый впечатлѣніемъ поэтическаго произведенія, долженъ быть весьма силенъ».

Хотя этотъ другой поэтъ и не названъ по имени, но для всякаго слишкомъ ясно, что дѣло идетъ объ А. К. Толстомъ, авторѣ трагедіи «Смерть Грознаго». Мы до сихъ поръ убѣждены, что главнѣйшее достоинство этого произведенія именно и состоитъ въ замѣчательной вѣрности характера царя Ивана, въ томъ, что выведенное лицо достаточно соотвѣтствуетъ настоящему лицу. Чѣмъ же именно недовольны въ произведеніи Толстаго? «Тѣмъ—говорятъ намъ—что предъ нами является коварный тиранъ, самолюбивый и самовластный деспотъ и болѣе ничего». Въ противность этому хотятъ возвысить царя Ивана Ва-

сильевича въ образъ великаго человѣка, поставить его почти въ уровень съ Петромъ. «Если—говорятъ намъ—передъ нами стоятъ два человѣка съ одинаковымъ характеромъ, съ одинаковыми цѣлями, съ одинакими почти средствами для достиженія ихъ, за измѣненіемъ только нѣкоторыхъ несущественныхъ обстоятельствъ, то мы обыкновенно отдаемъ преимущество, вѣнчаемъ лаврами того, который одержалъ полную побѣду; мы видимъ человѣка, достигшаго послѣднихъ результатовъ, видимъ торжество блистательное—униженіе сосѣдняго государства, стоявшаго прежде на первомъ планѣ на всемъ Сѣверѣ—мы видимъ полное достиженіе цѣли и видимъ его торжественно сходящимъ съ своего поприща. Мы говоримъ: вотъ великій человѣкъ! Обращаясь къ другому, мы видимъ, что цѣли были тѣже, но не было того торжества, и говоримъ: этотъ не былъ великимъ человѣкомъ! Будемъ ли мы правы? Если мы будемъ называть великимъ человѣкомъ только того, кто, идя къ цѣли, при извѣстномъ положеніи дѣлъ, выбираетъ средства, дѣйствительно соотвѣтствующія этой цѣли, тогда мы будемъ совершенно правы; но дѣйствительно ли всегда можно, съ имѣющимися подъ рукою средствами, достигнуть желаемой цѣли, и неужели человѣкъ, ранѣе другого стремившійся къ извѣстной цѣли, но не имѣвшій подъ руками средствъ для ея достиженія, не заслуживаетъ, если не вѣнчанія лаврами, то, по крайней мѣрѣ, нашего участія, нашего внимательнаго изученія? Въ такомъ положеніи мы стоимъ передъ двумя нашими великими историческими лицами: передъ Петромъ Великимъ и Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Оба они одного хотѣли, къ одному стремились; но одинъ имѣлъ Полтаву и Ништатскій миръ, другой же имѣлъ миръ на Киверовой горкѣ» и пр.

Прежде всего нужно уяснить себѣ—что слѣдуетъ называть великимъ, что дѣйствительно достойно этого названія. Намъ кажется, слѣдуетъ строго отличать великое отъ крупнаго. Побѣды, кровопролитія, разоренія, униженія сосѣднихъ государствъ для возвышенія своего—явленія крупныя, громкія, но сами по себѣ не великія. Сочувственное названіе великаго должно давать только тому, что способствуетъ благосостоянію человѣческаго рода, его умственному развитію и нравственному достоинству. Тотъ только великій человѣкъ, кто дѣйствовалъ съ этими цѣлями и достигалъ ихъ удачнымъ, сознательнымъ выборомъ надлежащихъ средствъ. Относительная степень историческаго величія можетъ быть опредѣлена какъ суммою добра, принесеннаго человѣчеству, такъ и умѣньемъ находить для своихъ цѣлей пути и средства, преодолѣвать препятствія и, наконецъ, пользоваться своими успѣхами. Если историкъ называетъ человѣка великимъ

только тогда, когда видитъ за нимъ успѣхъ и настолько признаетъ за нимъ величія, насколько дѣятельность его была плодотворна—историкъ вполнѣ правъ; это, безъ сомнѣнія, не лишаетъ его права на сочувствіе къ тѣмъ, которые имѣли хорошія цѣли, но не могли или неумѣли найти средствъ и путей къ ихъ выполненію; нужно только, при этомъ, быть увѣреннымъ, что дѣйствительно такія цѣли существовали.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право питать сочувствіе къ тому испанцу, который въ XII-мъ столѣтіи, въ Барцелонѣ, показывалъ первую попытку къ устроенію паровогo судна и до нѣкоторой степени исполнилъ свою идею, хотя не можемъ придать ему одинакое историческое величіе съ Уаттомъ и Фультономъ, потому что это была бы историческая ложь. Но въ такомъ ли отношеніи стоитъ царь Иванъ Васильевичъ къ царю Петру Алексѣевичу? Насъ именно въ этомъ хотятъ увѣрить. Чѣмъ же? Указываютъ на такого рода сходство въ дѣйствіяхъ того и другого: Иванъ въ XVI-мъ столѣтіи стремился завоевать Ливонію, а Петръ въ XVIII-мъ. Петру удалось; Ивану не удалось, потому что было еще рано. Вотъ что значитъ сопоставлять одни внѣшніе признаки: на подобномъ сходствѣ можно выводить въ исторіи Богъ знаетъ какія произвольныя заключенія.

Съ нашей точки зрѣнія, и удачное завоеваніе Ливоніи Петромъ Великимъ совсѣмъ не великое дѣло само по себѣ, и за подобныя дѣла мы бы и самому Петру не дали названія великаго человѣка, если бы не видѣли за нимъ дѣйствительно великихъ намѣреній и дѣяній, клонившихся къ полезнымъ для народа преобразованіямъ и къ расширенію его благосостоянія. За Иваномъ Васильевичемъ мы не знаемъ такихъ цѣлей и намъ не указываютъ ничего подобнаго, кромѣ попытки завоеванія Ливоніи. Но вѣдь нужно еще доказать, что у него, при этой попыткѣ, были дѣйствительно намѣренія и планы, сколько-нибудь подобные преобразовательнымъ намѣреніямъ Петра. Нѣтъ ничего ошибочнѣе и поверхностнѣе взгляда тѣхъ историковъ, которые, не вдаваясь въ исходы явленій, безъ дальнихъ разсужденій, готовы приписывать все, совершенное въ монархическомъ государствѣ, сидѣвшимъ тогда на престолѣ государямъ, довольствуясь, какъ будто, только тѣмъ, что ихъ именемъ производились всѣ дѣла. Этакъ можно всѣ дѣянія Ришльё при Людовикѣ XIII-мъ и дѣянія Мазарини въ малолѣтство Людовика XIV-го приписывать тѣмъ лицамъ, которыя носили въ то время титулъ французскихъ королей. Сколько примѣровъ встрѣчаемъ мы въ исторіи, когда на престолѣ находился младенецъ, между тѣмъ, все дѣлалось его именемъ и носило видъ, какъ будто бы все

исходило отъ него и зависѣло отъ его благоусмотрѣнія и воли. Руководствуясь оффиціальными источниками, можно и въ самомъ дѣлѣ приписывать государственныя дѣла младенцу или же слабоумному, который, какъ извѣстно, попавши, по слѣпому случаю рожденія, на престолъ, нуждается въ опекѣ какъ и младенецъ. Всякій признаетъ ошибочность такого рода обращенія съ исторіею, а между тѣмъ этому упреку справедливо подвергаться могутъ, въ извѣстной степени, историки, которые станутъ приписывать царю Ивану Васильевичу всѣ дѣла, совершенныя въ его царствованіе, хотя бы даже и со времени его совершеннолѣтія.

Исторія Карамзина приводитъ читателя къ такому заключенію, что царствованіе Грознаго, съ того времени, когда онъ уже сколько-нибудь могъ имѣть вліяніе на ходъ событій собственною волею, разбивается на три части. Сперва, испорченный въ дѣтствѣ воспитаніемъ, этотъ царь, достигши юношескаго возраста, является съ признаками своевольства, разврата и жестокости, потомъ — онъ попадаетъ подъ вліяніе Сильвестра, Адашева и кружка умныхъ бояръ; тогда творятся великія дѣла, правленіе государствомъ показываетъ признаки политической мудрости и попеченія о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народа; но потомъ Иванъ свергаетъ съ себя власть своихъ опекуновъ и является необузданнымъ, кровожаднымъ, трусливымъ и развратнымъ тираномъ. Новые историки приписываютъ самодѣятельности царя Ивана Васильевича все хорошее, совершенное во второмъ изъ періодовъ или частей своего царствованія со времени совершеннолѣтія и хотятъ представить въ болѣе свѣтломъ видѣ третій періодъ.

И тамъ и здѣсь капитальная ошибка.

Изучая характеръ личности царя Ивана Васильевича, мы сомнѣваемся, чтобъ онъ когда-нибудь дѣйствовалъ самостоятельно, и думаемъ, что этотъ государь всю жизнь находился подъ вліяніемъ то тѣхъ, то другихъ, какъ это бывало, большею частію, съ подобными ему тиранами (причемъ обыкновенно оказывать вліяніе на тирана было вѣрнѣйшимъ средствомъ быть отъ него современемъ замученнымъ). Но, по отношенію къ третьему періоду его царствованія, со времени такъ-называемой перемѣны, происшедшей будто бы въ его характерѣ по смерти Анастасіи, мы должны будемъ нашу мысль доказывать наблюденіями надъ фактами и проявленіями характера Ивана Васильевича въ разныхъ положеніяхъ его жизни, тогда какъ по отношенію ко второму періоду намъ не нужно даже и этого труда, потому что есть данныя, вполнѣ несомнѣнныя, доказывающія отсутствіе самостоятельности царя Ивана Васильевича въ это время. Излагать

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРIИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.
ОКТЯБРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ность не царская, а всенародная; и дѣйствительно, впослѣдствіи, Ермакъ Тимоѳеевичъ, мимо всякихъ царскихъ указовъ, довершалъ на дальнемъ востокѣ путь, проложенный русскими подъ Казанью. Но на югѣ торчало, между тѣмъ, татарское царство— болѣе всѣхъ несносное для Руси, болѣе всѣхъ мѣшавшее ея движенію впередъ: то былъ Крымъ. Важность этого края въ русской исторіи недостаточно еще оцѣнена историками. Пока тамъ существовало хищническое гнѣздо, Русь не могла безопасно подвигаться на югъ и занять пространства плодородныхъ земель, которыя должны были составить главнѣйшее ея богатство, экономическую силу и богатство государства и народа. Въ XVI-мъ вѣкѣ граница спокойныхъ владѣній Руси оканчивалась какихъ-нибудь верстъ за сто отъ Москвы: далѣе начиналось рѣдкое населеніе бѣдныхъ острожковъ, гдѣ жители безпрестанно должны были опасаться за свою жизнь и гдѣ не могло быть спокойнаго улучшенія быта: по мѣрѣ удаленія къ югу, русскіе должны были дичать и дѣлаться болѣе азіатскимъ, чѣмъ европейскимъ народомъ.

Въ слѣдующее за тѣмъ столѣтіе народонаселеніе на югѣ увеличивалось очень медленно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно въ той же полосѣ увеличивалось въ болѣе позднее время — по завоеваніи Крыма. Что касается до культуры въ этомъ краѣ, то въ царствованіе Анны, Елисаветы и даже Екатерины южная Россія и даже прилегавшая къ ней часть средней были очень дики. Мы прожили какихъ-нибудь лѣтъ пятьдесятъ съ небольшимъ на свѣтѣ, а помнимъ видѣнныхъ нами въ юности престарѣлыхъ жителей южныхъ (даже не совсѣмъ крайнихъ) губерній, которые, въ качествѣ воспоминаній своего дѣтства, разсказывали намъ о страхѣ татарскихъ набѣговъ, которому подвергались земледѣльцы, не заботясь о выгодахъ осѣдлаго житья, опасаясь, что, быть можетъ, придется покинуть свое гнѣздо и бѣжать куда глаза глядятъ. Безспорно, что существованіе Крымскаго Царства, которому, кромѣ полуострова, были подчинены на материкѣ бродячія орды, готовыя во всякое время дѣлать набѣги на Русь, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ медленности разселенія русскаго народа на огромномъ материкѣ средней и южной Руси, и плохого хода культурнаго развитія вообще въ русской странѣ. Если и теперь мы чувствуемъ и сознаемъ нашу отсталость отъ западной Европы, то въ числѣ многихъ неблагопріятныхъ условій мы обязаны этимъ и Крыму. Наша исторія пошла бы совсѣмъ иначе, еслибъ въ XVI-мъ столѣтіи исполнились замыслы тѣхъ людей, которыхъ новѣйшіе историки лишаютъ умственнаго превосходства предъ царемъ

Иваномъ Васильевичемъ за то, что они хотѣли овладѣть Крымомъ, идя «по старому пути». Намъ могутъ возразить: да, овладѣть Крымомъ было бы хорошо, но это было въ тѣ времена невозможно и потому-то прозорливый и мудрый царь, видѣвшій лучше своихъ совѣтниковъ эту невозможность, обратилъ свою дѣятельность въ иную сторону. Но, вникая въ тогдашнія обстоятельства, окажется, что именно тогда наступало самое удобное время къ осуществленію такого намѣренія и, слѣдовательно, за людьми, хотѣвшими вести Русь «по старому пути» придется не только признать вѣрный взглядъ на потребности Руси, но еще и практическое пониманіе условій времени, умѣнье поступать сообразно пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо! Послушаемъ Курбскаго, современника и участника этихъ замысловъ. Пусть онъ за насъ защититъ своихъ друзей, сторонниковъ «стараго пути» противъ строгаго суда нашихъ ученыхъ.

«Богъ пустилъ на татаръ нагайскихъ зиму жестокую — весь скотъ у нихъ пропалъ и стада конскія, и самимъ имъ на лѣто пришлось исчезать, потому что орда питается отъ стадъ, а хлѣба не знаетъ; остатки ихъ перешли къ перекопской ордѣ, и тамъ рука Господня казнила ихъ: отъ солнечнаго зноя все высохло, изсякли рѣки; три сажени копали въ глубину и не докопались до воды, а въ перекопской ордѣ сдѣлался голодъ и великій моръ; нѣкоторые самовидцы свидѣтельствуютъ, что во всей ордѣ не осталось тогда и десяти тысячъ лошадей. Тутъ-то было время христіанскимъ царямъ отмщать бусурманамъ за безпрестанно проливаемую православную христіанскую кровь и на вѣки успокоить себя и свое отечество; вѣдь они на то только и на царство помазываются, чтобы судить справедливо и оборонять врученное имъ отъ Бога государство отъ варваровъ. Тогда и нашему царю нѣкоторые совѣтники, храбрые и мужественные, совѣтовали и налегали на него, чтобъ онъ самъ, своею головою, двинулся съ великими войсками на перекопскаго царя, пользуясь временемъ, при явномъ божескомъ хотѣніи подать помощь, чтобы уничтожить враговъ своихъ старовѣчныхъ и избавить множество плѣнныхъ отъ издавна заведенной неволи. И еслибъ онъ помнилъ значеніе своего царскаго помазанія, да послушалъ добрыхъ и мужественныхъ стратиговъ, получилъ бы великую славу на семъ свѣтѣ и наградилъ бы его тьмами кратъ болѣе создатель Христосъ Богъ въ будущей жизни. А мы готовы были души свои положить за страдавшихъ много лѣтъ въ неволѣ христіанъ, потому что это была бы добродѣтель выше всѣхъ добродѣтелей. Но нашъ царь не радѣлъ объ этомъ и едва послалъ только пять тысячъ войска съ Димитріемъ Вишневецкимъ

рѣкою Днѣпромъ, а на другое лѣто—восемь тысячъ также водою съ Даниломъ Адашевымъ и другими военачальниками; они, выплывъ Днѣпромъ въ море, нежданно для татаръ учинили въ ордѣ большое опустошеніе: многихъ убили, женъ и дѣтей ихъ немало взяли въ плѣнъ, немало освободили изъ неволи христіанскихъ людей и вернулись благополучно домой. Тогда мы паки и паки налегали на царя и совѣтовали ему: или самъ бы шелъ, или хоть бы великое войско послалъ во-время въ орду; но онъ не послушалъ, спорилъ противъ насъ, а его настраивали ласкатели, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ, друзья различныхъ наслажденій».

Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ вѣрности извѣстій и взгляда Курбскаго, тѣмъ болѣе, когда извѣстный намъ ходъ тогдашнихъ событій вполнѣ согласуется съ Курбскимъ. Мы видимъ въ Иванѣ Васильевичѣ какое-то колебаніе въ этомъ вопросѣ; замѣтно, что онъ находился подъ различными противоположными двигательными силами, то дѣлалъ шагъ впередъ, то отступалъ назадъ, то поддавался мысли покоренія Крыма, то боялся вдаться въ ея исполненіе, а между тѣмъ, обстоятельства такъ были благопріятны для такого исполненія, что всѣ его даже несмѣлые и боязливые шаги впередъ пророчили ему дальнѣйшій успѣхъ. Прежде всего, въ 1557 году, онъ, поддаваясь, конечно, внушеніямъ сильвестровскаго кружка, послалъ Ржевскаго съ отрядомъ, и Ржевскій совершилъ свое порученіе такъ удачно и съ такими надеждами на будущія удачи, какъ только возможно было при тѣхъ слабыхъ силахъ, какія имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Онъ разбилъ крымцевъ подъ Исламъ-Кирменемъ, взялъ очаковскій острогъ, разбилъ татаръ и самыхъ турокъ: такіе блестящіе подвиги произвели сильное возбужденіе въ Днѣпровской Украинѣ, гдѣ уже образовывалось воинственное казачество, всегда готовое броситься на татаръ, какъ только завидитъ надежное знамя, подъ которымъ можно было собраться. Князь Димитрій Вишневецкій, этотъ первообразъ цѣлаго ряда послѣдовавшихъ за нимъ героевъ, этотъ богатырь-Байда народныхъ казацкихъ пѣснопѣній, предлагалъ московскому государю свои услуги противъ Крыма. Онъ тогда же готовъ былъ поклониться царю съ Черкасами, Каневомъ, съ казацкою Украиною, сердцевиною той разросшейся Украины, которая поклонилась другому московскому царю черезъ столѣтіе. Царь Иванъ не рѣшился принять его съ землями: быть можетъ, онъ имѣлъ тогда основаніе, не желая раздражать литовскаго государя, котораго союзъ могъ ему пригодиться противъ того же Крыма. Онъ далъ ему Бѣлевъ. А потомъ что? Не рѣшившись идти

самъ съ войскомъ, онъ, однако, какъ будто не прочь былъ вести дѣло, а хотѣлъ еще разъ испытать и извѣдать безсиліе своихъ враговъ. Вишневецкій отправился къ Перекопу. На этотъ разъ пошло дѣло еще успѣшнѣе, чѣмъ съ походомъ Ржевскаго. Ханъ испугался, сѣлъ въ осадѣ; орда не отражала нападенія. Ханъ отпустилъ русскаго посла, котораго, до того времени, держалъ въ неволѣ, изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ царемъ. Ясно было, что Крымъ не въ силахъ будетъ защититься, если на него пойдутъ новыя и притомъ большія силы съ самимъ царемъ во главѣ. Но царь Иванъ Васильевичъ и теперь не поддался увѣщаніямъ принять начальство надъ войскомъ и идти на Крымъ. Въ тоже время, однако, не примирился онъ съ ханомъ, а еще разъ послалъ на Крымъ новый отрядъ, какъ будто еще разъ хотѣлъ сдѣлать попытку и узнать: точно ли врагъ безсиленъ, хотя узнавать уже было тогда нечего. Данило Адашевъ отправился на судахъ по Пслу, а потомъ Днѣпромъ въ море и причинилъ большое опустошеніе на западномъ берегу полуострова. Отпора не было. Хану Девлетъ-Гирею было съ разныхъ сторонъ дурно. Черкесы отняли Таманскій полуостровъ. Внутри Крыма происходило междоусобіе. Мурзы, недовольные правленіемъ Девлетъ-Гирея, хотѣли возвести на престолъ Тохтамышъ-Гирея, это не удалось; Тохтамышъ бѣжалъ въ Московское государство. Это могло быть новою помощью московскому государю: объявивъ себя покровителемъ претендента, онъ могъ внутри Крыма между татарами найти партію, которая невольно способствовала бы его успѣхамъ въ надеждѣ посадить на престолъ Тохтамыша и заслужить вниманіе и благодарность новаго хана. Царь Иванъ ничѣмъ не воспользовался.

Царь Иванъ тогда вообще все болѣе и болѣе старался дѣйствовать наперекоръ Сильвестру и его кружку. Онъ уже завязался въ ливонскую войну и былъ чрезъ то самое наканунѣ разрыва съ Литвою и Польшею, съ которыми предполагали его бывшіе опекуны дѣйствовать совмѣстно для покоренія Крыма.

Время показало все неблагоразуміе поведенія царя Ивана Васильевича по отношенію къ Крыму. Ужъ если онъ не хотѣлъ завоевать Крыма, то не нужно было и раздражать его нерѣшительными и неважными нападеніями. Напротивъ, московскій царь — начиналъ и не кончалъ, не воспользовался удобнымъ временемъ — эпохою крайняго ослабленія врага, а только раздразнилъ его, далъ ему время оправиться и, впослѣдствіи, возможность отомстить вдесятеро Москвѣ за походы Ржевскаго, Вишневецкаго и Адашева. Тотъ же Девлетъ-Гирей, который трепеталъ отъ приближенія немногочисленныхъ русскихъ отря-

довъ, въ 1571-мъ году съ большимъ полчищемъ въ 120,000 (какъ повѣствуютъ бывшіе въ Москвѣ иностранцы) прошелъ до Москвы, опустошая все русское на своемъ пути, и появленіе его подъ столицею было поводомъ такого страшнаго пожара и разоренія, что московскіе люди не забыли этой ужасной эпохи даже послѣ смутнаго времени, и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ иноземцы слышали отъ нихъ, что Москва была многолюднѣе и богаче до онаго крымскаго разоренія, а послѣ него съ трудомъ могла оправиться.

Однако, наши почтенные историки увѣряютъ, что царь Иванъ поступилъ благоразумно, не послушавъ совѣтовъ устремить всѣ силы на Крымъ. Возиться съ Крымомъ, по ихъ соображеніямъ, было некстати московскому государю; во-первыхъ—очень затруднительно было сообщеніе Москвы съ Крымомъ, не то что съ Казанью и Астраханью, куда можно было дойти значительную часть пути водою; во-вторыхъ — если бы и удалось покорить Крымъ, то невозможно было удержать его, при сравнительномъ малолюдствѣ русскаго народа, такъ какъ трудно было бы отдѣлить значительное русское населеніе въ новопокоренную землю; въ-третьихъ, покореніе крымскаго полуострова вовлекло бы Русь въ войну съ Турціею, которая находилась въ то время въ апогеѣ своей славы и силы, была страшна всей Европѣ.

Нельзя не признать основательности такихъ замѣчаній. Но для всякаго предпріятія, особенно такого, которое сопряжено съ борьбою, есть свои препятствія, однако, для всякихъ препятствій найдутся соотвѣтствующія средства избѣгать ихъ или преодолѣвать, и если историкъ, оцѣнивая намѣренія историческихъ дѣятелей, будетъ подбирать одни препятствія, съ которыми эти дѣятели должны были бороться, не обращая вниманія на средства, возможныя въ свое время для устраненія препятствій, то взглядъ историка будетъ односторонenъ и, слѣдовательно, не вѣренъ. Указавши на препятствія, возникавшія противъ исполненія извѣстнаго предпріятія, надобно указать и на средства, какія могли быть найдены, чтобы побѣдить эти препятствія. Намъ говорятъ, что сообщеніе съ Крымомъ было затруднительнѣе сообщенія съ Казанью и Астраханью. Мы соглашаемся съ этимъ, но не думаемъ, чтобы затрудненія эти были совершенно непреодолимы. Главное удобство, по тогдашнимъ условіямъ, состояло въ водяныхъ путяхъ. И что же? Мы видимъ, что большая половина пути отъ Москвы до береговъ Крымскаго полуострова могла быть пройдена водою. Данило Адашевъ съ восемью тысячами отправился на судахъ по рѣкѣ Пслу, а потомъ по Днѣпру и, такимъ образомъ, могъ достигнуть западныхъ бе-

реговъ Крымскаго полуострова. Былъ еще и другой пунктъ водяного пути — тотъ же Воронежъ, на который, впослѣдствіи, обратилъ вниманіе Петръ Великій. Нужно было, говорятъ намъ, большое войско; однако, нѣтъ основанія думать, чтобы войско, необходимое для завоеванія Крыма, при тѣхъ критическихъ условіяхъ, въ какихъ находилась тогда орда, требовалось въ такомъ количествѣ, которое было бы затруднительно выставить Московскому государству. Для покоренія Казани, Московское государство должно было послать до 130,000 воиновъ, а завоеваніе отдаленной Астрахани потребовало менѣе третьей части этого количества. Если крымскія дѣла были до того разстроены, что отряды въ пять и въ восемь тысячъ могли безотпорно опустошать владѣнія хана и наводить на него великій страхъ, то что же могло быть, еслибы, вмѣсто восьми тысячъ, явилось восемьдесятъ, да еще съ самимъ царемъ, котораго присутствіе столько же благодѣтельно въ нравственномъ отношеніи подѣйствовало бы на русскую рать, сколько зловредно на враговъ? Появленіе царя на челѣ войска русской державы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покорить Крымское царство подняло-бы, воодушевило и привлекло къ царю, для совмѣстнаго дѣйствія противъ крымцевъ, съ одной стороны днѣпровское, съ другой донское казачество, а казачество, особенно днѣпровское, было бы совсѣмъ не малочисленною военною силою, потому что, при той воинственности, которая охватывала украинское населеніе, ряды его тотчасъ же увеличивались бы множествомъ свѣжихъ охотниковъ и эта сила почти ничего бы царю не стоила. Мы не говоримъ, впрочемъ, чтобы Крымъ, во всякое время, могъ быть такъ легко завоеванъ; мы имѣемъ въ виду только то печальное и разстроенное его состояніе въ половинѣ XVI-го вѣка, которымъ хотѣли воспользоваться совѣтники царя Ивана Васильевича. Намъ говорятъ—если бы даже царю и удалось завоевать Крымъ, то невозможно было бы его удержать по причинѣ какъ отдаленности края, такъ и при малолюдствѣ русскаго народонаселенія, причемъ нельзя было бы доставить въ новопокоренный край достаточное количество русскихъ поселенцевъ. Но не надобно выпускать изъ вида того важнаго обстоятельства, что Крымъ, по качеству народонаселенія, въ XVI-мъ вѣкѣ былъ не то, что въ XVIII-мъ и даже уже въ XVII-мъ. Крымскіе ханы были страшны преимущественно тѣми ордами, которыя бродили и кочевали въ степяхъ и находились въ ихъ распоряженіи, когда нужно было ихъ подвинуть на опустошеніе сосѣднихъ земель. На самомъ полуостровѣ собственно татарское населеніе еще не составляло большинства; въ XVI-мъ вѣкѣ въ Крыму еще очень много было хри-

стіанъ; ихъ потомки, одичавшіе, лишенные средствъ религіознаго воспитанія, подъ гнетомъ господства магометанъ не ранѣе какъ въ XVII-мъ вѣкѣ (а многіе уже въ XVIII), отатарившись, мало по малу, перешли къ исламу, такъ что Екатеринѣ II удалось спасти только остатокъ ихъ, переселенный на берегъ Азовскаго моря подъ именемъ крымскихъ грековъ[1]). Въ XVI-мъ вѣкѣ христіане были еще многочисленны и конечно встрѣтили бы русское завоеваніе, какъ избавленіе отъ иновѣрной неволи. Вотъ уже былъ готовый контингентъ для того населенія, которое бы вначалѣ послужило ручательствомъ во внутреннемъ спокойствіи края подъ русскимъ владычествомъ. При такомъ выгодномъ условіи, Руси предстояло менѣе труда закрѣпить за собою новопокоренный край, чѣмъ это случилось съ Казанскою землею, гдѣ, кромѣ татаръ, магометанская и языческая черемиса долго враждебно относилась къ русской власти. Опасность вовлечься въ войну съ сильною Турціею была важнѣйшимъ препятствіемъ. Но и это препятствіе не было вполнѣ неотвратимо. Нельзя сказать, чтобъ Московское государство, овладѣвши Крымомъ, никакъ уже не могло сойтись дружелюбно съ Турціею. Турція была сильна, но Турція была падка на выгоды. Если бы московскій государь, сдѣлавшись обладателемъ Крыма, предложилъ Турціи выгодныя условія, даже извѣстный постоянный платежъ за тотъ же Крымъ (которымъ вѣдь Турція собственно не владѣла), то едвали бы Турція не предпочла мирную сдѣлку трудной войнѣ. А еслибъ и не такъ, еслибы пришлось Руси воевать съ Турціею — война эта представляла бы для Турціи гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ всякая другая въ Европѣ. Легко было нагайскимъ летучимъ загонамъ и различнымъ ордамъ нападать на южные предѣлы Московскаго государства внезапно и убѣгать въ свои степи съ добычею. Но двинуться съ многочисленнымъ турецкимъ войскомъ, въ глубину необозримыхъ степей, подвергаться всевозможнѣйшимъ лишеніямъ и неудобствамъ непривычнаго климата, встрѣтить противъ себя всю сосредоточенную силу Руси—это было такое предпріятіе, что сдѣлавши опытъ, Турція отказалась бы отъ него, особенно, когда могла сойтись съ Московскимъ государствомъ выгодно. Вѣдь, впослѣдствіи, посылали же турки янычаръ на помощь Девлетъ-Гирею отнимать у Москвы Астрахань. Предпріятіе не удалось. Это уже можетъ служить примѣромъ, что

[1]) Поразителенъ тотъ фактъ, что еще въ XVII-мъ вѣкѣ въ Кефе (Ѳеодосія), при 6,000 домахъ, было 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и одна католическая, а въ 1778 число найденныхъ въ Крыму православныхъ,но совершенно отатарившихся, простиралось только до 15,000 (см. Хартохая, Истор. судьба крымск. татаръ. «Вѣстн. Евр.» 1867, II. стр. 152 173).

Турціи не легко было воевать на русскомъ материкѣ. При этомъ, надобно замѣтить, что Москвѣ представлялись пути дѣйствовать съ постепенностію, которая бы задержала быстрые поводы къ разрыву съ Турціею. Можно было и въ Крыму употреблять ту же политику, какую употребляли надъ Казанью и Астраханью и прежде чѣмъ завоевать окончательно Крымъ, сажать на крымскій престолъ такихъ претендентовъ, которые были бы подручниками Москвы. Личность Тохтамыша была уже первымъ готовымъ образчикомъ. Постепенно, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, страна, управляемая подручникомъ, все болѣе и болѣе подчинялась главенствующей державѣ, пока, наконецъ, не прильнула бы къ ней и не вошла бы въ систему ея непосредственныхъ владѣній.

Замѣчательно, что тогдашніе московскіе руководители крымскаго дѣла хотѣли дѣйствовать такъ, чтобы, елико возможно, не дойти до разрыва съ Турціею: поэтому Данило Адашевъ, захватившии въ Крыму, въ числѣ плѣнныхъ, кромѣ татаръ—турокъ, отослалъ ихъ къ очаковскому пашѣ, объяснивши, что московскій государь воюетъ съ крымскимъ ханомъ, а никакъ не съ падишахомъ. Видно, что, по ихъ соображеніямъ, можно было овладѣть Крымомъ и уклониться отъ войны съ Турціею, по крайней мѣрѣ до времени.

Всѣ намѣренія насчетъ Крыма, долженствовавшія, въ случаѣ удачнаго исполненія, открыть для Руси совсѣмъ иную дорогу, разбились объ упрямство деспота, который уже вырвался изъ-подъ долгой опеки умныхъ людей. Наши историки приписывали его нежеланіе продолжать крымское дѣло его прозорливости, политическому дальновидѣнію, чуть не геніальности. «Онъ понималъ — говорятъ они — лучше своихъ совѣтниковъ несвоевременность попытки надъ Крымомъ». Но еслибъ въ самомъ дѣлѣ было такъ, то для чего-жъ онъ посылалъ Ржевскаго, Адашева, Вишневецкаго задирать крымцевъ? Результатъ вышелъ очень плохой, когда крымцамъ дали оправиться. Намъ кажется, побужденія, руководившія Иваномъ Васильевичемъ, гораздо проще объясняются: съ одной стороны, онъ тяготился опекою, но по недостатку нравственной силы не могъ свергнуть ее съ себя сразу и переживалъ эпоху колебанія; оттого выходило, что онъ то, по прежней привычкѣ, поддавался внушеніямъ своихъ опекуновъ и уступалъ ихъ совѣтамъ, то перечилъ имъ и своенравно пріостанавливалъ ходъ начатаго предпріятія и портилъ его. Кромѣ того, какъ самое предпріятіе представляло для него личныя опасности, то здѣсь вступало въ свои природныя права то всегдашнее свойство его характера — трусость, свойство неизмѣнно общее

всѣмъ, подобнымъ ему, тиранамъ. Вѣдь и противъ Казани онъ лично поѣхалъ неохотно и послѣ, когда уже Казань находилась подъ его властію, съ досадою вспоминалъ, какъ его противъ воли повезли сквозь безбожную землю.

Но отчего историки наши величаютъ царя Ивана Васильевича за ливонскую войну? Говорятъ, что царь Иванъ лучше своихъ опекуновъ видѣлъ невозможность сладить съ Крымомъ и обратилъ свою дѣятельность къ такому предпріятію, которое могло быть полезнѣе для Россіи. Но развѣ это предпріятіе удалось? Нѣтъ. Не послушавши своихъ совѣтниковъ, оставивъ крымское дѣло на четверти дороги и затѣявши покореніе Ливоніи, Иванъ навлекъ только на Россію бѣдствія и пораженія съ двухъ сторонъ: раздраживъ крымскаго хана и давши ему время оправиться, подвергъ страшному разоренію Москву и центральныя области государства и, вооруживши противъ себя Польшу, былъ побѣжденъ Баторіемъ и не удержалъ Ливоніи, стоившей напрасной потери русской крови. Но если—возражаютъ намъ — онъ и не успѣлъ въ своемъ предпріятіи, все-таки онъ достоинъ уваженія и сочувствія, какъ шедшій по тому пути, по которому шелъ Петръ Великій. А что общаго между дѣлами Ивана и Петра? Только то, что какъ Иванъ, такъ и Петръ воевали въ Ливоніи. И только: это одни внѣшніе признаки; на нихъ исключительно нельзя опираться историку при оцѣнкѣ и опредѣленіи характеровъ и значенія историческихъ лицъ. Петру нужно было возвратить Россіи море, загороженное Столбовскимъ договоромъ; Ливонія вовсе не была его цѣлію—она ему только подвернулась въ войнѣ, и онъ завоевалъ ее, дѣйствуя въ силу обстоятельствъ, вслѣдствіе войны, которая велась совѣмъ не ради Ливоніи, а для другихъ цѣлей. Царь Иванъ не былъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ былъ Петръ. То море, котораго только и добивался первоначально Петръ, у Ивана было уже во владѣніи. Еслибы Россія при Петрѣ была въ такихъ границахъ, какъ при Иванѣ, то Петру не нужно было бы начинать наступательной войны: ему пришлось бы просто начать строить Петербургъ на русской землѣ, и еслибы это вызвало со стороны завистливыхъ сосѣдей нападеніе, то война съ ними имѣла бы чисто оборонительный характеръ. Впрочемъ, и безъ того война Петра съ Карломъ XII поднята была за возвращеніе Россіи ея достоянія, не очень давно захваченнаго. Было ли у Ивана что-нибудь въ головѣ, подобное тому, что было у Петра? Думалъ ли Иванъ о заведеніи флота, о введеніи въ государство образовательныхъ началъ, о сближеніи съ Европою? Думалъ ли онъ объ этомъ хотя настолько различно отъ Петра, насколько XVI-й вѣкъ отличался отъ XVIII-го?

Наши историки говорятъ — да; но историческіе факты не даютъ намъ ни малѣйшаго права согласиться съ этимъ. Правда, если (какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки) составлять выводы на основаніи внѣшнихъ, случайныхъ признаковъ, то можно, пожалуй, натягивать и отыскивать что-то такое, чтó покажется зачинающимся стремленіемъ къ знакомству съ Западомъ и къ преобразованію Руси; но такіе выводы разсыпятся отъ одного прикосновенія даже слабой исторической критики. Болѣе всего и прежде всего способенъ соблазнить насъ саксонецъ Шлиттъ, который, въ 1547-мъ году, хотѣлъ привезти въ Московское государство полезныхъ иноземцевъ. Но когда это происходило? Именно въ тотъ періодъ Иванова царствованія, когда этотъ государь находился подъ вліяніемъ Сильвестра, Адашева и другихъ лицъ ихъ кружка, когда, по собственному признанію Ивана, онъ часто совѣтовалъ противное тому, что дѣлалось, да его не слушали (аще и благо совѣтующе, сія непотребно имъ учинихомся), слѣдовательно, если съ порученіемъ Шлитту соединить какія-нибудь образовательныя цѣли, то ихъ надобно приписывать не царю Ивану Васильевичу, а тѣмъ же самымъ его совѣтникамъ, которыхъ ученые историки хотятъ унизить, возвышая Ивана Васильевича. Но такой единичный фактъ, какъ исторія саксонца Шлитта, не настолько замѣчателенъ и важенъ, чтобъ къ нему привязывать, какъ слѣдствія къ причинѣ, крупныя историческія явленія, очевидно, истекавшія прямымъ путемъ изъ иного источника. Съ одной стороны самая исторія Шлитта не была чѣмъ-либо новымъ, до сего времени неслыханнымъ; это собственно было только повтореніемъ того, что дѣлалось при дѣдѣ Ивана Васильевича Грознаго, великомъ московскомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, когда въ Москвѣ отличались Аристотель, Марко, Алевизо, Дебосисъ, Антонъ лекарь и другіе; а то, что дѣлалось при Иванѣ III-мъ, было продолженіемъ того, что бывало и въ прежнія времена, при случаѣ, и мы дойдемъ до построекъ, совершенныхъ нѣмецкими мастерами во Владимирѣ. По отношенію къ сближенію съ Европою, которое было одною изъ главныхъ сторонъ петровскаго преобразованія, всѣ такіе случаи прибытія въ Россію иноземцевъ, знающихъ то или другое полезное дѣло, хотя были, до извѣстной степени, предварительными явленіями, но не иначе, какъ въ своей совокупности, а не въ отдѣльности, потому что каждое изъ этихъ явленій не имѣло само по себѣ слишкомъ большой важности. Съ другой стороны, причинъ войны съ Ливоніею нельзя искать главнымъ образомъ въ исторіи саксонца Шлитта, и еще менѣе въ какихъ-то образовательныхъ цѣляхъ Московскаго государства.

Война царя Ивана Васильевича была непосредственнымъ послѣдствіемъ и возобновленіемъ войны его дѣда, а послѣдняя имѣла свой корень въ старинной враждѣ прибалтійскихъ рыцарей съ русскимъ міромъ, враждѣ, которая наполняетъ всю исторію Пскова и упирается въ подвиги Александра Невскаго. Если нападенія царя Ивана Грознаго на Ливонію приписывать образовательнымъ цѣлямъ, и за то возводить Ивана въ званіе сознательнаго предшественника Петра Великаго по дѣлу преобразованія Россіи, то въ равной степени можно сочинять такія же побужденія и для предшествовавшихъ столкновеній русскихъ съ прибалтійскими нѣмцами.

Московское государство, основавшись какъ изъ зерна—изъ Москвы, образовывалось присоединеніемъ ближнихъ земель одна за другою и расширялось. Это характеристичное явленіе, лежавшее въ его натурѣ. Какъ оно начало первоначально слагаться, такъ и продолжало. Ради собственнаго существованія ему приходилось расширяться и забирать земли за землями. Только впослѣдствіи судьба должна была указать, гдѣ предѣлъ этому расширенію. Въ XVI-мъ столѣтіи было много такого, что могло искушать московскую политику забиранія. Но отъ мудрости правительства зависѣло понять: за что слѣдовало приняться прежде, а съ чѣмъ надобно было обождать. Ливонія, рано или поздно, попалась бы во власть Московскаго государства; если бы послѣднее ее вовсе не трогало, и тогда нѣмцы вызвали бы Москву на предпріятія, которыя могли бы окончиться завоеваніемъ Ливоніи. Уже тогда возрастающая сила Московскаго государства возбуждала зависть какъ въ Ливоніи, такъ и въ Швеціи, и побуждала къ выходкамъ, показывавшимъ нерасположеніе и злобу. Но Москвѣ слѣдовало пока устраняться; чередъ для Ливоніи еще не пришелъ, какъ и показали послѣдствія. Мудрые совѣтники царя Ивана находили, что прежде всего нужно уничтожить хищническія орды или царства, возникшія на развалинахъ громадной монголо-татарской державы, такъ какъ это было необходимо для существованія Руси, для ея мирнаго развитія. Своенравный царь, желая перечить своимъ опекунамъ, обратился въ иную сторону—на Ливонію, поддерживаемый или скорѣе побуждаемый, какъ говорятъ современники, иными совѣтниками (кѣмъ именно—подлинно не знаемъ). Но для того, чтобъ туда обратиться, не нужно было никакой изобрѣтательности, никакихъ передовыхъ стремленій, мудрыхъ соображеній, высокихъ политическихъ и образовательныхъ цѣлей. Колея была уже про-

ложена; не слѣдовало только въ видахъ здравой политики пускаться по ней во-всю ивановскую. Сильвестръ и другіе совѣтники его кружка противились войнѣ съ Ливоніею, и не удивительно. Она была преждевременна, а потому несправедлива, и притомъ велась черезъ чуръ варварскимъ способомъ. Быть можетъ, и даже вѣроятно, они отнеслись бы сами иначе къ этому предпріятію въ иное время, при иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, но въ данную минуту они не могли одобрять предпріятія. Великое дѣло овладѣнія Крымомъ, подчиненія татарскихъ племенъ русской державѣ, расширенія государственной территоріи на югъ, требовало сосредоточенности всѣхъ силъ народа и государства; нельзя было развлекаться въ разныя стороны; татарскій вопросъ былъ важнѣе всего для Руси; жертвовать имъ для какихъ бы то ни было иныхъ цѣлей было невыгодно для нея. Послѣдствія оправдали вѣрность взглядовъ мудрыхъ совѣтниковъ царя Ивана. Ливонія не была покорена, а Москва была разорена, держава истощена, народъ подвергся великимъ бѣдствіямъ. Замѣчательны слова современника, псковскаго лѣтописца, сказанныя по этому поводу: «и сбысться писаніе глаголющее: еже аще кто чюжаго похочетъ, по малѣ и своего останетъ; царь Иванъ не на велико время чужую землю вземъ, а по малѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби».

Если бы у царя были какія-нибудь широкія политическія и образовательныя цѣли, онъ сколько-нибудь выказалъ бы ихъ въ своихъ письмахъ къ Курбскому, когда онъ, оправдывая себя, касался вопроса о ливонской войнѣ. Но мы встрѣчаемъ у него только такую выходку, которая прилична не мудрому политику, какимъ его хотятъ представить, а скорѣе пришедшему въ патріотическій задоръ простолюдину, у котораго, однако, горизонтъ міровоззрѣнія чрезвычайно туманенъ за предѣлами его деревни. «Если-бы — пишетъ царь Иванъ Курбскому — не ваше злобѣсное претыканіе было, то бы за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ». Уже этой одной выходки достаточно, чтобъ видѣть: какъ широко размахивались мечтанія царя Ивана о своемъ могуществѣ и какъ узко было у него пониманіе настоящихъ потребностей своей страны. Не встрѣчая признаковъ, которые бы показывали въ Иванѣ такія высокія побужденія сблизить Россію съ Европою, какія навязываютъ Ивану, перенося ихъ на него съ Петра (по обратному смыслу пословицы — не съ больной головы на здоровую, а съ здоровой на больную), мы и въ другихъ его поступкахъ не видимъ ничего такого, что̀ бы свидѣтельствовало о чемъ-нибудь подобномъ. Онъ приближалъ къ себѣ иноземцевъ? А какихъ? Бомелія, подававшаго

ему совѣты какъ мучить людей и впослѣдствіи достойно поплатившагося за такія услуги? Вообще не только о царѣ Иванѣ, но о всѣхъ деспотическихъ государяхъ въ мірѣ слѣдуетъ замѣтить, что держаніе около своей особы полезныхъ иноземцевъ, въ родѣ лекарей, аптекарей, строителей, мастеровъ и пр., не даетъ еще ни мало права подозрѣвать въ нихъ какія-либо образовательныя стремленія по отношенію къ управляемой имъ странѣ. Такіе люди были нужны царямъ собственно для ихъ частной жизни. Царь Иванъ находился въ сношеніяхъ съ Англіею. Но чѣмъ отзывались эти сношенія для народнаго благосостоянія и образованія? Заимствовалъ ли царь для своей страны что-нибудь изъ того, въ чемъ Англія ушла впередъ отъ Россіи? Извѣстно, что эти сношенія не заведены царемъ; англичане сами начали ихъ, а что касается до русскихъ, то послѣдніе, сообразно своему глубокому невѣжеству, дозволяли предпріимчивымъ иноземцамъ поживляться насчетъ русской простоты безцеремоннымъ образомъ и вести торговыя дѣла такъ, что они приносили пользы англичанамъ несравненно болѣе, чѣмъ русскимъ. Намѣренія обратить это появленіе европейцевъ въ Россіи къ дѣлу просвѣщенія своей страны — мы не видимъ и тѣни у Ивана. Царь относился къ этому явленію эгоистически; онъ былъ радъ, что могъ получать предметы для нарядовъ, роскоши, сластолюбія, какихъ не было у него въ подвластной землѣ. Вся англійская торговля въ Москвѣ направлена была, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы служить выгодамъ царя и двора его. Никто не могъ покупать товаровъ, прежде чѣмъ лучшія изъ нихъ возьмутся для царя; другимъ смертнымъ дозволялось покупать то, что царю уже не годилось. Да если бѣломорская торговля и подѣйствовала на дальнѣйшее движеніе внутренней жизни и въ нѣкоторой степени на умноженіе благосостоянія, то въ этомъ все-таки нельзя считать виновникомъ Ивана, такъ какъ вообще не слѣдуетъ ставить въ заслугу человѣку дѣла, въ которомъ онъ участвуетъ, если хорошія послѣдствія возникли мимо его воли, по обстоятельствамъ, которыхъ онъ и не предвидѣлъ и не старался сознательно имъ содѣйствовать.

Нашъ почтенный ученый говоритъ: «Іоаннъ Грозный въ умственномъ отношеніи былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, близко знакомый съ письменностію своей земли, одинъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Блескъ, юморъ, огромная начитанность, логичность изложенія, отличающія всѣ его произведенія, рѣдко встрѣчаются даже и у писателей по призванію, а

не только у писателей случайныхъ, каковымъ можетъ быть правитель великаго народа. Слѣдовательно, у окружавшихъ Іоанна не было даже и умственнаго превосходства надъ нимъ; мы знаемъ произведенія одного изъ нихъ—Домострой, образецъ узкости и мелочности; это произведеніе того, который считается геніемъ, ангеломъ-хранителемъ Грознаго, который внушалъ ему благородныя идеи, и подъ вліяніемъ котораго онъ дѣйствовалъ. Книга «Домострой» довольно извѣстна и нѣтъ нужды вдаваться въ подробную ея характеристику».

Да—скажемъ мы—«Домострой» сочиненіе извѣстное и приводитъ насъ къ иному мнѣнію о немъ, совершенно иному. Пусть «Домострой» не изъятъ отъ узкости, господствовавшей въ томъ обществѣ, въ которомъ жилъ его составитель, все-таки, по своимъ взглядамъ, по уму и, главное, по сердцу послѣдній безмѣрно былъ выше Ивана. Мы видимъ тутъ человѣка благодушнаго, честнаго, глубоконравственнаго, чистаго и добраго семьянина, превосходнаго хозяина. Царь XVI-го вѣка, взявши себѣ за образецъ «Домострой» и приложивъ его духъ къ государственному строенію, былъ бы идеаломъ своего времени и вполнѣ могъ бы стать виновникомъ благосостоянія и счастія подвластнаго народа. Самая характеристическая черта «Домостроя»—это любовь къ слабымъ, низшимъ, подчиненнымъ и заботливость о нихъ не лицемѣрная, не риторичная, не педантская, не теоретическая, а простая, сердечная, истинно-христіанская. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія авторъ говоритъ о справедливости къ слугамъ и подчиненнымъ, о попеченіи объ нихъ; видно, что его особенно трогалъ и занималъ этотъ вопросъ. Напримѣръ, онъ приказываетъ хозяйкѣ каждый день самой отвѣдывать пищу, которая готовится для прислуги. Одна эта черта въ человѣкѣ, бывшемъ царскимъ ближнимъ совѣтникомъ, возбуждаетъ глубокое къ нему уваженіе. «Какъ свою душу любить — поучаетъ онъ — такъ слѣдуетъ кормить слугъ и всякихъ бѣдныхъ. Пусть хозяинъ и хозяйка всегда наблюдаютъ и спрашиваютъ своихъ слугъ объ ихъ нуждахъ, о ѣдѣ и питіи, объ одеждѣ, о всякой потребѣ, о скудости и недостаткѣ, объ обидѣ и болѣзни, помышлять о нихъ, пещись сколько Богъ поможетъ, отъ всей души, все равно, какъ о своихъ родныхъ». Не ограничиваясь этимъ, онъ приказываетъ заботиться и объ ихъ нравственномъ и отчасти объ умственномъ развитіи.

Такого рода правила, разумѣется, внушались царю по отношенію къ подвластнымъ ему людямъ. Отсюда-то истекаютъ тѣ грамоты и распоряженія лучшихъ лѣтъ Иванова царствованія, въ которыхъ видно желаніе давать народу какъ можно болѣе

льготъ, свободы и средствъ къ благосостоянію. Авторъ «Домостроя» сознаетъ мерзость рабства, и самъ лично уже отрѣшился отъ владѣнія рабами; онъ тоже заповѣдуетъ и сыну. «Я всѣхъ своихъ рабовъ освободилъ и надѣлилъ, а чужихъ выкупалъ изъ рабства и отпускалъ на свободу. Всѣ бывшіе наши рабы свободны и живутъ добрыми домами; а домочадцы наши, свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Многихъ оставленныхъ сиротъ и убогихъ мужескаго и женскаго пола и рабовъ въ Новгородѣ и здѣсь въ Москвѣ я воскормилъ и воспоилъ до совершеннаго возраста, и выучилъ ихъ, кто къ чему былъ способенъ, многихъ грамотѣ, писать и пѣть, иныхъ писать иконы, иныхъ книжному рукодѣлію, серебренному мастерству и инымъ рукодѣліямъ, а нѣкоторыхъ научилъ торговать разною торговлею. А мать твоя воспитала многихъ дѣвицъ и вдовъ, оставленныхъ и убогихъ, научила ихъ рукодѣлію и всякому домашнему обиходу и надѣливъ, замужъ повыдавала, а мужескій полъ поженила у добрыхъ людей. И всѣмъ тѣмъ далъ Богъ — свободны: многіе въ священническомъ и діаконскомъ чинѣ; во дьякахъ, въ подъячихъ, во всякомъ званіи, кто къ чему способенъ по природѣ и чѣмъ кому Богъ благословилъ быть; тѣ рукодѣльничаютъ, другіе торгуютъ въ лавкахъ, многіе ѣздятъ для торговли (гостьбу дѣютъ) въ различныхъ странахъ со всякими товарами. И божіею милостію, всѣмъ нашимъ воспитанникамъ и послуживцамъ не было никакой срамоты, ни убытка, ни продажи отъ людей, и людямъ отъ насъ не бывало никакой тяжбы: во всемъ насъ до сихъ поръ соблюдалъ Богъ, а отъ кого намъ отъ своихъ воспитанниковъ бывали досады и убытки — все это мы на себѣ понесли; никто этого не слыхалъ, а намъ Богъ все пополнилъ. И ты, дитя мое, также поступай: всякую обиду перетерпи — Богъ тебѣ все пополнитъ! Я не зналъ никакой женщины, кромѣ твоей матери; какъ мы съ нею обѣщались, такъ я и сдержалъ свое обѣщаніе. И ты, дитя мое, храни законный бракъ и, кромѣ жены своей, не знай никого. Берегись пьянственнаго недуга. Отъ этихъ двухъ пороковъ все зло» и пр. Такіе-то совѣты, безъ сомнѣнія, подавалъ Сильвестръ царю Ивану. И что же могло быть лучше, еслибы царь прилагалъ эти правила къ обращенію съ подданными и къ своей собственной нравственности, отъ которой зависѣли или по крайней мѣрѣ съ которою тѣсно были связаны его поступки въ области самодержавнаго правленія? По освобожденіи своемъ отъ узъ Сильвестрова ученія, пьяный, развратный, кровожадный тиранъ показывалъ собою во всемъ противоположность идеалу трезваго, нравственнаго, дѣятельнаго и благодушнаго государя, идеала,

до котораго хотѣлъ довести его Сильвестръ при помощи своихъ совѣтниковъ.

Но ученые говорятъ, что идеалъ Ивана былъ выше и шире идеала его совѣтниковъ!

Этого мало: насъ хотятъ увѣрить, что «задуманный Грознымъ планъ переустройства государства хорошо подходилъ къ общеславянскому всегдашнему плану государственнаго устройства».

Слово «общеславянское» имѣетъ неопредѣленное значеніе общаго мѣста, которое можно прилагать къ чему угодно. Можно употреблять его и тогда, когда, заглянувши внутрь себя построже, мы должны будемъ сознаться, что сами не понимаемъ того, о чемъ толкуемъ. Общеславянскій планъ государственнаго устройства! Легко сказать! А кто для славянъ составлялъ этотъ планъ? Кто одобрялъ его? Какія, въ самомъ дѣлѣ, данныя представляетъ намъ исторія, по которымъ мы вправѣ сказать, что вотъ такой-то, а не иной какой-нибудь государственный строй болѣе пригоденъ для всѣхъ вообще славянъ, болѣе любимъ всѣми славянами, болѣе удовлетворяетъ ихъ характеру, ихъ нравственнымъ и матеріальнымъ потребностямъ?

Чтобы опредѣлить «общеславянское» нуженъ гигантскій трудъ, нужно въ исторіи всѣхъ славянъ отдѣлить то, что входило къ славянамъ отъ другихъ народовъ, потомъ исключить то, что составляло историческую принадлежность быта только нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ и было чуждо другимъ, и потомъ уже собрать въ совокупность и привести въ порядокъ то, что окажется, въ равной степени присущимъ всѣмъ вообще славянамъ. Но такой трудъ еще никѣмъ не совершенъ и едва ли результатъ его въ надлежащей степени можетъ быть когда-либо достигнутъ: своеобразное и повсемѣстное, національное и заимствованное—такъ перепутываются между собою, что очень часто нѣтъ возможности ясно отдѣлить и обозначить то и другое. Въ настоящее время выраженіе: «общеславянскій планъ» государственнаго устройства, будетъ означать не болѣе, какъ тотъ планъ, который автору нравится и который авторъ, по собственному вкусу, полагаетъ умѣстнымъ считать пригоднымъ для всѣхъ славянъ. Но, такимъ образомъ, каждый будетъ навязывать на славянъ все, что ему самому вздумается; славянъ, разумѣется, никто не будетъ объ этомъ спрашивать, да и спросить ихъ, очевидно, нѣтъ возможности: желаютъ ли они такого или иного государственнаго устройства? Тотъ, кто будетъ навязывать славянамъ свои мечтанія, тотъ же будетъ и отвѣчать за нихъ. Развѣ изъ этого не выйдутъ одни мыльные пузыри! Съ одинакимъ правомъ одинъ будетъ доказывать, что общеславянское государствен-

ное устройство должно быть абсолютная монархія, другой—что федеративная республика. Одинъ будетъ, злоупотребляя словомъ *общеславянство*, усердно кадить той или иной существующей въ данное время силѣ, другой—изъ тумана общеславянскихъ воззрѣній показывать ей кулакъ. Научной правды, плодотворной для жизни, не будетъ ни здѣсь, ни тамъ!

Мы не считаемъ совѣтниковъ царя Ивана, составлявшихъ около него, по выраженію Курбскаго, избранную раду, изъятыми отъ узкости, свойственной вѣку, а равно и отъ личныхъ недостатковъ. Вообще же главный недостатокъ у нихъ у всѣхъ былъ тотъ, что они были слуги, а не граждане и, по всему складу подготовлявшей ихъ предшествовавшей исторіи Московскаго государства, не могли быть ничѣмъ другимъ. Все-таки—они были лучшіе люди своего времени и своей страны, полезнѣйшіе и здравомыслящіе дѣятели въ государствѣ. Отъ своей узкости они пали.

Ставятъ въ заслугу царю Ивану Васильевичу, что онъ утвердилъ монархическое начало; — но будетъ гораздо точнѣе, прямѣе и справедливѣе сказать, что онъ утвердилъ начало деспотическаго произвола и рабскаго безсмысленнаго страха и терпѣнія. Его идеалъ состоялъ именно въ томъ, чтобы прихоть самовластнаго владыки поставить выше всего—и общепринятыхъ нравственныхъ понятій, и всякихъ человѣческихъ чувствъ, и даже вѣры, которую онъ самъ исповѣдывалъ. И онъ достигъ этого въ московской Руси, когда, вмѣсто старыхъ князей и бояръ, поднялись около него новые слуги — рой подлыхъ, трусливыхъ, безсердечныхъ и безнравственныхъ угодниковъ произвола, кровожадныхъ лицемѣровъ, автоматовъ деспотизма: они усердно выметали изъ Руси все, что въ ней было добраго; они давали возможность быстро разростись и процвѣтать всему, что въ ней, въ силу прежнихъ условій, накопилось мерзкаго. Намъ совѣтуютъ не довѣрять Курбскому и другимъ писателямъ его времени насчетъ злодѣяній Ивана. Не отрицаютъ, впрочемъ, фактической дѣйствительности казней, совершенныхъ имъ: это было бы черезъчуръ произвольно, при собственномъ сознаніи тирана. Задаютъ вопросъ: «да не было ли, въ самомъ дѣлѣ, измѣны? Точно ли выгодно было московскому боярству не измѣнять и неужели оно не имѣло гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своихъ идеаловъ». И на такой вопросъ отвѣтъ сейчасъ готовъ: «идеалы эти были, и были рядомъ, въ Литвѣ». Бросается подозрѣніе на замученныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; они, подобно Курбскому, хотѣли бѣ-

жать въ Литву; тамъ у нихъ были свои идеалы. Но исключая немногихъ — неясныхъ — примѣровъ (въ родѣ поступка князей Ростовскихъ), исторія не представляетъ никакихъ, даже слабыхъ, доводовъ къ подкрѣпленію такихъ произвольныхъ подозрѣній. Чтобы ихъ разсѣять, достаточно указать на то обстоятельство, что тѣ люди, которыхъ Иванъ перемучилъ, въ періодъ господства Сильвестра и его партіи, не измѣняли и не думали бѣжать ни въ Литву, ни куда-нибудь въ иную землю. Стало быть—еслибъ и на самомъ дѣлѣ у кого-либо изъ казненныхъ Иваномъ было намѣреніе послѣдовать примѣру Курбскаго, то это происходило бы не оттого, что у него въ Литвѣ были какіе-то идеалы, а просто отъ крайней необходимости спасать свою жизнь, которой угрожала безумная прихоть тирана; и въ этомъ случаѣ вина падаетъ на мучителя, а не на замученныхъ. Мучительства производили бѣгства, а не бѣгства и измѣны возбуждали Ивана къ мучительствамъ. Тѣ доводы, которые приводитъ Курбскій въ свое оправданіе, имѣютъ характеръ общечеловѣческой правды. Курбскій жилъ въ XVI-мъ вѣкѣ, и едва ли умѣстно въ XIX-мъ судить дѣятелей прошедшаго времени по правиламъ того крѣпостничества, по которому каждый, имѣвшій несчастіе родиться въ какомъ-нибудь государствѣ, непремѣнно долженъ быть привязаннымъ къ нему даже и тогда, когда за всѣ его услуги, оказанныя этому государству, онъ терпитъ одну несправедливость и долженъ каждую минуту подвергаться опасности быть безвинно замученнымъ! Неужели намъ велятъ сочувствовать аргументамъ царя Ивана, писавшаго къ Курбскому: «аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити»? Историкъ, оправдывающій мучительства Ивана и похваляющій «логичность» въ его письменныхъ произведеніяхъ, вѣроятно, не рѣшится сказать, что онъ сочувствуетъ подобнымъ софизмамъ шекспирова Ричарда III, доказывающаго вдовѣ убитаго имъ принца, что онъ оказалъ ему благодѣяніе, отправивъ его въ царство небесное?

Если въ личности Курбскаго можно указать на что-нибудь черное, то никакъ не на бѣгство его въ Литву, а скорѣе на участіе въ войнѣ противъ своего бывшаго отечества; но это происходило именно оттого, что, какъ мы сказали, московскіе люди, даже лучшіе, были слуги, а не граждане. Курбскій былъ преступенъ только какъ гражданинъ; какъ слуга — онъ былъ совершенно правъ, исполняя волю господина, которому добровольно обязался служить и который его, изгнанника, принялъ и облагодѣтельствовалъ. Мы не думаемъ, чтобы вообще у бѣжавшихъ

въ тѣ времена въ Литву московскихъ людей были какіе-нибудь идеалы въ Литвѣ. Имъ просто становилось, почему-нибудь, дурно и опасно жить въ Московскомъ государствѣ и они бѣжали изъ него; бѣжать въ Литву имъ было и ближе, и подручнѣе, чѣмъ въ другое государство: и языкъ и обычаи тамъ были для нихъ ближе, чѣмъ въ иной землѣ, и принимали ихъ тамъ радушно; какъ люди служилые, они и въ Литвѣ видѣли для себя службу, только служба тамъ казалась польготнѣе, особенно послѣ того, какъ почему-нибудь въ Москвѣ служба становилась тяжела. Точно тоже мы должны сказать и о тѣхъ, которые наоборотъ изъ Литвы бѣжали въ Москву: и у этихъ людей въ Москвѣ не было предуготованныхъ идеаловъ: имъ дурно становилось въ Литвѣ,—вотъ, поэтому только они и бѣжали въ Москву; стѣсненныя обстоятельства ихъ выгоняли изъ отечества. Прежніе господа считали ихъ измѣнниками, но тѣ, которые ихъ принимали, напротивъ, находили вполнѣ справедливымъ, если эти перебѣжчики, служа новому господину, пойдутъ войною и на землю прежняго, то-есть на свое прежнее отечество. Руководясь русскимъ патріотизмомъ, конечно, можно клеймить порицаніемъ и ругательствами Курбскаго, убѣжавшаго изъ Москвы въ Литву и потомъ, въ качествѣ литовскаго служилаго человѣка, ходившаго войною на московскіе предѣлы, но въ тоже время не находить дурныхъ качествъ за тѣми, которые изъ Литвы переходили въ Москву и по приказанію московскихъ государей ходили войною на своихъ прежнихъ соотечественниковъ: эти послѣдніе *намъ* служили, слѣдовательно хорошо дѣлали! Разсуждая безпристрастно, окажется, что ни тѣхъ, ни другихъ не слѣдуетъ обвинять, да и вообще, чтобъ вмѣнять человѣку измѣну въ тяжкое преступленіе, надобно прежде требовать, чтобъ онъ былъ гражданинъ, чтобы, вслѣдствіе политическихъ и общественныхъ условій, въ немъ было развито и чувство и сознаніе долга гражданина: безъ этого онъ или слуга, или рабъ. Если онъ слуга—то что дурного, когда слуга оставляетъ господина, который не умѣетъ его привязать къ себѣ и переходитъ на службу къ другому? Если же онъ рабъ, то преступленія раба противъ господина могутъ быть судимы только предъ судомъ того общества, которое допускаетъ рабство, но не предъ судомъ исторіи, которая, изслѣдуя причины явленій, должна судить тѣ неестественныя общественныя условія, которыя производятъ подобныя явленія.

Намъ говорятъ: «во всѣхъ вопросахъ русской исторіи, съ которыми она соприкасается, можно припомнить много такого,

что выставляетъ намъ личность царя Ивана совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Завоевавъ, напримѣръ, Ливонію, что дѣлаетъ царь Иванъ Васильевичъ? Въ Ливоніи появляется дерптскій епископъ, появляется юрьевское помѣстное дворянство. Совсѣмъ иначе онъ дѣйствуетъ на востокѣ; такъ, завоевавши Казань, онъ старается привлечь къ себѣ мѣстное населеніе».

Кроткія мѣры по отношенію къ обитателямъ покореннаго Казанскаго царства, послѣ завоеванія Казани, принадлежатъ къ тому періоду царствованія Ивана Васильевича, когда онъ находился подъ вліяніемъ Сильвестра и людей его кружка, слѣдовательно, по всѣмъ соображеніямъ, онѣ истекали отъ тогдашнихъ дѣйствительныхъ правителей государства и свидѣтельствуютъ о государственной мудрости и гуманности послѣднихъ. Что же касается до варварскихъ, жестокихъ и вѣроломныхъ мѣръ обращенія съ покоренною Ливоніею, то ученый профессоръ, котораго строки мы привели, не излагаетъ тѣхъ своихъ основныхъ взглядовъ, которые побуждаютъ его видѣть въ хорошемъ свѣтѣ такіе поступки, какъ намѣреніе устроить юрьевское помѣстное дворянство, съ которымъ, какъ извѣстно, соединялось насильственное переселеніе нѣмцевъ въ московскіе города и московскихъ людей въ ливонскіе. Поэтому и намъ слѣдуетъ воздержаться отъ спора объ этомъ вопросѣ, такъ какъ мы опасаемся не точно понять то, что станемъ опровергать, и такъ какъ, притомъ, мы слишкомъ уважаемъ автора, чтобы по какимъ-либо недоумѣніямъ признавать за нимъ такіе взгляды, отъ которыхъ онъ, быть можетъ, отшатнется также, какъ и мы. Скажемъ только, что каковы бы ни были причины, побуждающія ученыхъ мужей оправдывать, восхвалять и вообще представлять въ хорошемъ свѣтѣ разныя насилія, совершенныя историческими дѣятелями и часто оправдываемыя «политическою необходимостью, государственными цѣлями» и т. п., мы все же надѣемся, что уже близко то время, когда встрѣтить у историка похвалу насильственнымъ мѣрамъ, хотя бы предпринимаемымъ или допускаемымъ съ цѣлью объединенія и укрѣпленія государствъ, будетъ также диво, какъ было бы теперь диво услышать съ каѳедры одобренія инквизиціонныхъ пытокъ и сожженій, совершавшихся не только съ высокою цѣлью единства вѣры, но еще съ самою высшею и благою — ради спасенія многихъ душъ отъ адскаго огня въ будущей жизни. Въ прежнія времена были же люди, очень ученые и почтенные, находившіе хорошую сторону въ такихъ мѣрахъ. Укажемъ, однако, какъ смотрѣли люди XVI-го вѣка на слѣдствія тѣхъ мѣръ государственной политики царя Ивана, которыя заслужили одобреніе ученыхъ XIX-го вѣка. Описавши,

какъ погибали русскіе люди въ Ливоніи отъ голода, мороза и, наконецъ, отъ непріятельскаго меча, умный псковской лѣтописецъ восклицаетъ: «Исполни грады чужіе русскими людьми, а свои пусты сотвори!» Такъ-то люди простые, неученые, руководствуясь здравымъ природнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, приходятъ часто къ болѣе правильнымъ и человѣчнымъ взглядамъ, чѣмъ ученые люди, вѣдущіе многое и многое!

Напрасно историки наши силятся опровергнуть основное воззрѣніе Карамзина на личность царя Ивана Васильевича и представить его великимъ государственнымъ мужемъ, свѣтлымъ умомъ, достойнымъ уваженія и сочувствія, предшественникомъ Петра Великаго, и оправдать его звѣрскія дѣянія.

Принимаемъ смѣлость представить на обсужденіе читателей нашъ взглядъ на характеръ царя Ивана Васильевича, составленный на основаніи посильнаго уразумѣнія явленій его государственной и частной жизни.

Личность эта принадлежитъ къ разряду тѣхъ нервныхъ натуръ, которыхъ можно встрѣчать много вездѣ въ разныхъ положеніяхъ, зависящихъ отъ разныхъ условій рожденія, жизни, воспитанія. Способности ихъ отъ природы могутъ быть различны, начиная очень талантливыми и кончая очень тупоумными, но при всемъ различіи, они всѣ имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ, общее, свойство—чрезвычайная чувствительность къ внѣшнимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого, быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ обыкновенно слабая; великими дѣятелями они быть не способны. Устойчивости у нихъ нѣтъ; терпѣнія у нихъ очень мало. Сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства. Воображеніе у нихъ сильнѣе и разсудка и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять, но легко покидаютъ ихъ, когда являются препятствія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душею. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ, и нерѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ безпрерывную и странную смѣну умныхъ поступковъ глупыми и наоборотъ; нерѣдко, однако, послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству воображенія и внезапныхъ побужденій. Эти личности неспособны къ самостоятельности и нуждаются въ опекѣ надъ собою, хотя, обыкно-

женно, не замѣчають этого; они не надолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще они не любятъ послѣднихъ; они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію; когда же они почуютъ унизительность своей зависимости, то ненавидятъ тѣхъ, которые управляли ими, но по слабости воли и по трусости, и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Они чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ и, въ тоже время, крайняя трусость—ихъ неизбѣжное свойство, потому что таже чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача повергаетъ въ прахъ. Отъ этого—они высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушны, потерливы въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспріимчивы ко всему доброму, но еще чаще къ злу и порокамъ, потому что для добра, на практикѣ, всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, возвышенны, благородны на словахъ и совсѣмъ не таковы на дѣлѣ: слова легче дѣлъ, и при извѣстной доли способностей изъ нихъ выработываются превосходные риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ, обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а малоспособныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ безвредными нулями; всего болѣе можетъ обуздать и даже отчасти переродить ихъ нужда, но за то многихъ изъ нихъ она убиваетъ, и никто такъ легко и безпомощно не падаетъ подъ гнетомъ нужды, какъ люди этого рода. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть: возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозможнаго безумія. Многіе тираны, прославленные исторіею за свою кровожадность и вычурныя злодѣйства, принадлежали къ такимъ натурамъ. Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Иванъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ, при всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другого несходными об-

стоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Иванъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ; какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра и подъ ихъ вліяніемъ показались признаки мудраго и добраго правленія, такъ Иванъ Васильевичъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка, и его именемъ совершено было не мало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Иванъ, удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, пустились во вся тяжкая, не зная предѣловъ своимъ развратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона и Ивана облекались характеромъ вычурности, иногда театральности. Неронъ вначалѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Иванъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, за то убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ (какъ говорятъ) Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьею;—Иванъ не жегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, по безразсудству и трусости Ивана; за то Иванъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьею. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произволу своихъ вольноотпущенниковъ; Иванъ уѣхалъ въ Александровскую слободу, разыгривалъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнинѣ. Неронъ и Иванъ были равно жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали — первый языческимъ храмамъ, второй—христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Иванъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти, и неограниченный произволъ самовластія былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Ивану не приходилось спасать себя отъ опасности испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, за то во все свое царствованіе онъ многообразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Нашъ почтенный исторіографъ, при оцѣнкѣ характера царя Ивана воздержался отъ сравненія его съ Нерономъ, замѣтивъ, что одинъ былъ христіанинъ, другой язычникъ. Правда, Иванъ каялся и посылалъ въ монастыри поминовенія по тѣмъ, которыхъ самъ убилъ, но это дѣлалось не потому, чтобъ чудовище возненавидѣло зло и обратилось на путь добра:

то было проявленіе трусости; московскій царь боялся царя небеснаго и хотѣлъ его умилостивить; но безсердечіе было одинаково какъ у русскаго, такъ и у римскаго тирана, только римскій—не боялся своихъ боговъ; —и правду сказать: этимъ отличіемъ русскій тиранъ дѣлается еще омерзительнѣе римскаго. Наконецъ, Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Иванъ щеголялъ риторикою, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи, вообще резонерствомъ. Но по странному стеченію — московскій царь въ этомъ отношеніи оказался счастливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тирана превозносятъ теперь за «блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изслѣдованія и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени». За то Сенека оказался счастливѣе Сильвестра. Воздавая хвалу Ивану и противополагая его литературнымъ произведеніямъ творенія Сильвестра, какъ «образчикъ» узкости и мелочности, упускаютъ изъ вида то обстоятельство, что если Иванъ, котораго воспитаніе въ дѣтствѣ оставлено было въ крайнемъ небреженіи, отъ кого-либо набрался какихъ-нибудь свѣдѣвій и науки писательства, то скорѣе всего отъ того же Сильвестра.

Разсмотримъ же литературныя произведенія московскаго Нерона; увидимъ изъ нихъ, ка́къ и насколько выказалъ онъ намъ свой талантъ, душу, сердце, понятіе и нравъ.

Вотъ передъ нами письмо царя Ивана къ Курбскому — широковѣщательное и многошумящее посланіе, какъ назвалъ его Курбскій. Оно заключаетъ въ печати цѣлыхъ восемьдесятъ шесть страницъ in 8°, составляя отвѣтъ на письмо Курбскаго, которое могло умѣститься на какихъ-нибудь семи съ половиною страницахъ того же формата. Самый фактъ существованія такого отвѣта очень знаменателенъ и поясняетъ многое въ личности Ивана. Если бы царь былъ правъ въ своихъ поступкахъ, какъ хотятъ изобразить его историки, — никогда бы не рѣшился онъ оправдываться передъ виновнымъ; еслибы онъ руководился умомъ, а не мелочнымъ самолюбіемъ — ни за что бы онъ не отвѣчалъ Курбскому. Съ какою цѣлію писано это письмо и чего добивался царь отъ Курбскаго? Неужели онъ хотѣлъ, ему нужно было, и онъ надѣялся убѣдить Курбскаго признать царя во всемъ правымъ, а себя и всѣхъ опальныхъ и замученныхъ виновными? Но еслибы у Ивана была такая цѣль, мы бы должны были признать за нимъ умственный уровень еще ниже того, какой признаемъ те-

перь на основаніи его поступковъ и словъ. Или ужъ не хотѣлъ ли Иванъ склонить Курбскаго воротиться? Но этого намѣренія и въ письмѣ Ивана не видно. Побужденіе Курбскаго, рѣшившагося писать къ своему бывшему государю, понятно и естественно. Изгнаннику хотѣлось излить тирану все, что накопилось у него на сердцѣ, чего онъ не смѣлъ прежде высказать. Тутъ было своего рода мщеніе за себя и за другихъ: отрадно было заставить тирана поневолѣ выслушать правду, которая инымъ путемъ до него не достигла бы никогда. Но со стороны царя Ивана Васильевича не могло быть иного побужденія къ написанію такого длиннаго письма, кромѣ безразсуднаго нервнаго самолюбія, уязвленнаго голосомъ правды, кромѣ мелкой, безсильной злобы, подстрекавшей его. Ивану нельзя было ничего уже сдѣлать Курбскому: ему въ воображеніи рисовались истязанія, муки, страданія, которымъ бы хотѣлось подвергнуть дерзкаго раба, переставшаго быть и называться его рабомъ—а исполнить этого не было возможности. Излить свою досаду потокомъ словъ, а иногда и слезъ, при невозможности проявить ее дѣломъ — самый обыкновенный пріемъ у такихъ натуръ, къ которымъ принадлежалъ царь Иванъ Васильевичъ. И вотъ, въ порывѣ раздраженія, забывая свое достоинство, тиранъ посылаетъ длинное письмо Курбскому: здѣсь площадныя ругательства перемѣшаны съ дикими, уродливыми софизмами, они подкрѣпляются то невстати выхваченными примѣрами изъ сокровищницы тогдашней учености, то явнымъ искаженіемъ истины фактовъ изъ современной жизни. Курбскій достойно оцѣнилъ это письмо, замѣтивъ, что оно совсѣмъ не прилично царю, походитъ на «басни неистовыхъ бабъ, и не слѣдовало было посылать его въ такую страну, гдѣ есть много людей искусныхъ въ грамматическихъ, риторическихъ, діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ».

Главная мысль царскаго письма состоитъ въ изложеніи ученія о безмѣрномъ величіи царской власти; это апотеозъ не только самодержавія, но безграничнаго произвола

Курбскій ушелъ отъ царя, Курбскій, изгнанникъ, упрекаетъ царя въ неправосудіи, жестокостяхъ, неистовствахъ. Что отвѣчаетъ на это царь? Онъ ставитъ Курбскому въ вину, что Курбскій не претерпѣлъ мученій отъ царя для полученія небеснаго царства, не исполнилъ долга, предписывающаго рабамъ повиноваться господамъ. Царь ставитъ ему въ примѣръ доблесть раба самого Курбскаго, Васьки Шибанова, который, стоя у смертныхъ вратъ передъ царемъ и передъ всѣмъ народомъ, не отвергся отъ своего господина. Что можетъ быть возмутительнѣе этого? Извергъ,

самъ замучивъ несчастнаго Ваську Шибанова, восхищается его доблестію и ставитъ его въ примѣръ[1])!

Царь можетъ дѣлать все, что захочетъ и никто не долженъ судить его поступковъ; эту основную мысль письма Иванъ Васильевичъ подкрѣпляетъ множествомъ мѣстъ и примѣровъ изъ священнаго писанія, святыхъ отцовъ, византійской исторіи. Способъ этого подкрѣпленія таковъ, что не только не оправдываетъ взглядовъ тѣхъ ученыхъ мужей, которые признаютъ Ивана однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени, а напротивъ, свидѣтельствуетъ о его ограниченности, тупоуміи и невѣжествѣ.

Считая самъ себя правымъ, Иванъ, однако, сознается, что есть и за нимъ кое-какія согрѣшенія, но онѣ произошли отъ измѣны тѣхъ бояръ, къ кругу которыхъ принадлежалъ Курбскій. Курбскій укоряетъ царя Ивана въ жестокостяхъ; за это Иванъ обвиняетъ Курбскаго въ ереси;—нѣтъ человѣка безъ грѣха, а Курбскій, обвиняя Ивана въ грѣхахъ, стало быть требуетъ, чтобы человѣкъ былъ безгрѣшенъ, хочетъ поставить человѣка въ-равнѣ съ ангелами! Ужъ не это ли юморъ, который находятъ въ сочиненіяхъ царя Ивана? По нашему взгляду, трудно выдумать остроту, болѣе тупую и плоскую. Въ другомъ мѣстѣ царскаго письма (стр. 88), запрещая Курбскому порицать свои поступки, Иванъ приводитъ изъ книги «О старчествѣ» монашескую легенду о томъ, какъ нѣкій старецъ, «егда возстена о нѣкоемъ братѣ, живущемъ во всякомъ небреженіи и въ піянствѣ и въ блудѣ», видѣлъ видѣніе, которое вразумило его, что онъ грѣшитъ, присвоивая себѣ судъ, принадлежащій Богу. Но что, быть можетъ, имѣло смыслъ въ мірѣ отшельниковъ, то совсѣмъ не годилось въ мірѣ общественномъ, потому что, если приложить это правило вообще къ нравственности, то значило бы оставить полную возможность дурнымъ людямъ дѣлать какое угодно зло. Очевидно, примѣръ приведенъ вовсе не кстати. Также точно нельзя было заграждать Курбскому право указать Ивану на его худыя дѣла словами св. Григорія, упрекающаго юношу, который хочетъ поучать старика. Примѣръ этотъ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, о которомъ велась рѣчь. Ни по лѣтамъ, ни по умственному авторитету, Иванъ не имѣлъ подобнаго права. Обвиняя Курбскаго за бѣгство, Иванъ хотѣлъ поразить его примѣрами изъ Ветхаго Завѣта, но выбралъ ихъ неудачно. Допустимъ, что исторія

[1]) Возмутительнымъ казался поступокъ самого Курбскаго, рѣшившагося послать вѣрнаго слугу на явную погибель, но въ лѣтописи, означенной Карамзинымъ именемъ Александроневской, о Васькѣ Шибановѣ говорится, что онъ способствовалъ бѣгству Курбскаго, и самъ былъ схваченъ; слѣдовательно, вовсе не посланъ въ Москву съ письмомъ своего господина, какъ обыкновенно полагали.

Авенира (стр. 26) имѣетъ еще какое-то отдаленное подобіе; но что общаго между Курбскимъ, ради спасенія жизни убѣжавшимъ въ чужую землю, и Іеровоамомъ, который отторгнулся отъ Іерусалима и основалъ особое царство Самарійское. Во-первыхъ — покушеніе Іеровоама на отторженіе провинцій отъ власти Давидова дома не могло, по смыслу повѣствованія въ самой Библіи, толковаться какъ дѣло, неугодное Богу и преступное, такъ какъ самъ Господь, еще при Соломонѣ, изрекъ свою волю Іеровоаму чрезъ пророка Ахію, состоящую въ томъ, что за грѣхи Соломона значительная часть его владѣній должна быть отнята отъ его потомства и передана Іеровоаму, котораго, такимъ образомъ, по библейскому смыслу, самъ Богъ избралъ своимъ орудіемъ, и если впослѣдствіи Іеровоамъ навлекъ на себя Божій гнѣвъ идолопоклонничествомъ, то все-таки, въ дѣлѣ отпаденія отъ іерусалимскаго престола, онъ не можетъ подвергаться обвиненію и этотъ его поступокъ не можетъ служить подобіемъ такому поступку, который, опираясь на св. писаніе, желаютъ представить въ дурномъ свѣтѣ. Во-вторыхъ — безсмысленно и противно св. писанію приписывать паденіе царства Самарійскаго означенному поступку Іеровоама и связывать съ этимъ поступкомъ отступленіе самарійскихъ царей отъ Бога и поклоненіе золотому тельцу, такъ какъ подобное идолопоклонство происходило и въ Іудейскомъ царствѣ, да и послѣднее также точно погибло, какъ и Самарійское, только нѣсколько позже. Иванъ говорилъ: «Смятеся царство въ Самаріи и отступи отъ Бога и поклонися тельцу, и како оубо смятеся царство Самаріи тое неудержаніемъ царей и вскорѣ погибе; Іюдино же аще и мало бысть, но странно и пребысть до изволенія Божія». Но царство Израильское погибло совсѣмъ не вскорѣ, а просуществовало 253 года, а царство Іудейское хотя продержалось до 604 г. до Р. Х. и даже (если считать отведеніе въ плѣнъ Седекіи его концемъ) до 585, то все-таки погибло тѣмъ же способомъ, какъ Самарійское: и о царствѣ Израильскомъ, какъ и о царствѣ Іудейскомъ одинаковымъ образомъ можно сказать, что оно погибло по изволенію Божію. Наконецъ, выставляя Курбскому на видъ, какъ примѣръ, исторію Іеровоама, тиранъ въ той же исторіи могъ съ бо́льшимъ смысломъ увидѣть собственное свое подобіе въ Ровоамѣ, который не послушался ни Іеровоама, ни умныхъ совѣтниковъ, не хотѣлъ облегчить повинностей, лежавшихъ на народѣ, а еще поругался надъ народнымъ горемъ (нынѣ отецъ мой наложи на вы яремъ тяжекъ, азъ же приложу къ ярму вашему: отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами. Царствъ II, гл. 12, ст. 11). Распаденіе государства было достойнымъ послѣдствіемъ такой

тиранской выходки. Мы позволили себѣ распространиться объ этомъ именно съ тою цѣлью, чтобъ показать, какъ нелогично, какъ не кстати пользовался Иванъ тѣми источниками знанія и размышленія, какіе были у него подъ рукою.

Горькое воспоминаніе о томъ, какъ онъ нѣкогда слушался совѣтовъ Сильвестра и его партіи (слѣдовательно, по его выводамъ, не былъ самодержавнымъ государемъ), тяжело лежало у него на сердцѣ. Онъ постоянно чувствовалъ, что былъ униженъ. Понятно, что самолюбіе его уязвлено было паче всего тѣмъ, что, по собственнымъ словамъ его (стр. 94), «попъ Селивестръ и Алексѣй», считая его «неразумна суща или разумомъ младенчествующа», прельстили его «лукавымъ совѣтомъ» и держали подъ своимъ вліяніемъ, пугая «дѣтскими страшилы». Теперь, онъ пришелъ къ такому убѣжденію, что слушаться совѣтовъ умныхъ людей для царя унизительно: это значило — дозволить рабамъ владѣть царемъ. И по этому поводу оказалось нужнымъ блеснуть передъ Курбскимъ ученостію и мудростію. Иванъ сыплетъ текстами и примѣрами. Но какъ? въ высшей степени не впопадъ. Ни къ селу ни къ городу, какъ говорится, приводитъ онъ мѣсто изъ пророка Исаіи: «Людіе, что аще уязвляетеся и пр. (стр. 37), тогда какъ въ этомъ мѣстѣ Ветхаго Завѣта описывается вообще наказаніе, грозящее Израилю за его беззаконія, безъ всякаго отношенія къ тому, для чего привелъ его Иванъ. Далѣе въ своемъ письмѣ (стр. 39) указываетъ на разныя смуты, бѣдствія, на ослабленіе и паденіе восточной римской имперіи. (Это мѣсто не даетъ намъ права признавать за Иваномъ «огромную» начитанность; онъ могъ всѣ эти знанія перевести на письмо къ Курбскому изъ любого хронографа). Московскій царь изъ чтенія исторіи вывелъ себѣ такое уродливое заключеніе, что погибель имперіи произошла все отъ того, что цари ея были послушны «епархамъ и сигклитамъ». Вотъ образчикъ того, какъ понималъ умъ Ивана Васильевича то, что ему приходилось читать!

Изложеніе прошедшихъ событій царствованія у Ивана въ письмѣ любопытно: оно преисполнено умышленныхъ невѣрностей. Прежде всего насъ поражаетъ простодушное сознаніе въ своей трусости. Вспоминая о казанскомъ походѣ, онъ говоритъ: «каково доброхотство ко мнѣ этихъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Они меня, какъ плѣнника, посадили въ судно и повезли съ немногими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю; еслибы не всемогущая десница Всевышняго защитила мое смиреніе, то я бы и жизни лишился». Такимъ образомъ, мы ясно видимъ, что важнѣйшее изъ дѣлъ царствованія Иванова не принадлежало ему: онъ самъ игралъ здѣсь жалкую, глупую,

комическую роль; такимъ онъ и самъ себя выставляетъ, ни мало не понимая, какъ видно, того положенія, въ какомъ онъ является передъ глазами тѣхъ, кто станетъ читать его письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ прилгнулъ, говоря, будто его везли съ немногими людьми (съ малѣйшими), тогда какъ извѣстно, что онъ отправлялся въ походъ съ сильнымъ войскомъ.

Выставляя свою страдательную роль въ казанскомъ дѣлѣ, жалуясь на бояръ, которые его насильно тащили въ походъ и подвергали опасностямъ, черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же своемъ письмѣ Иванъ забываетъ то, что̀ самъ говорилъ, и пишетъ (стр. 70) уже совсѣмъ противное: какъ будто казанское дѣло было ведено самимъ имъ, вопреки совѣтникамъ, какъ будто онъ, царь, побуждалъ своихъ воеводъ идти на войну подъ Казань, а они, воеводы, упрямились, дурно исполняли его порученія и не хотѣли съ нимъ идти подъ Казань. «Когда мы — пишетъ царь — начало восприняли, съ Божіею помощью, воевать съ варварами, тогда посылали прежде князя Симеона Микулинскаго съ товарищи. А вы что тогда говорили? Что мы какъ будто въ опалу ихъ послали! Сколько ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, съ желаніемъ? Когда же Богъ явилъ намъ свое милосердіе и покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, вы и тогда не хотѣли съ нами воевать противъ варваровъ и съ нами, по причинѣ нашего нехотѣнія, не было болѣе пятнадцати тысячъ»? Здѣсь прямое противорѣчіе тому, что мы читали въ одномъ и томъ же письмѣ царя Ивана выше. Чему же вѣрить? Гдѣ-нибудь да Иванъ лжетъ. Но въ первомъ мѣстѣ Иванъ представляетъ самъ себя простакомъ, трусомъ, котораго, пользуясь его царскимъ саномъ, умные люди, для видовъ государственной пользы, везутъ почти насильно туда, гдѣ ему страшно; — во второмъ мѣстѣ Иванъ выставляетъ себя мудрымъ правителемъ, героемъ и обвиняетъ въ трусости и неспособности своихъ совѣтниковъ и воеводъ. Но всегда (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда человѣку нужно бываетъ наклепать на себя, что̀ рѣдко бываетъ, особенно при здравомъ умѣ) лгунъ сочиняетъ о себѣ небылицы съ цѣлью выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ: это согласно съ человѣческими слабостями. Уже по этому одному, мимо всякихъ иныхъ соображеній, мы признаемъ ложью послѣднее, а не первое мѣсто Иванова письма. Разсмотрѣвъ обстоятельства событій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости нашего взгляда. Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени мы узнаемъ, что князь Симеонъ Микулинскій, о которомъ такъ презрительно отзывается царь Иванъ,

вмѣстѣ съ другими воеводами, подготовилъ взятіе Казани, да и самъ царь Иванъ Васильевичъ, слѣдуя съ войскомъ подъ Казань и прибывъ въ Свіяжскъ, изъявлялъ ему благодарность (см. Карамз. VIII. 152). Что же касается до того, будто, по нерадѣнію воеводъ, съ царемъ подъ Казанью не было болѣе пятнадцати тысячъ, то это вопіющая неправда. У Морозовскаго лѣтописца число всего войска, бывшаго подъ Казанью, показано въ 150,000 человѣкъ.

Еслибы нужно было допустить, что число это преувеличено, какъ дѣйствительно бываетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то ужъ, конечно, не пришлось бы его сокращать въ десять разъ. Пятнадцатью тысячами невозможно было осадить Казани. О числѣ бывшаго подъ Казанью войска можно судить изъ описанія взятія Казани въ исторіи, составленной Курбскимъ. Онъ повѣствуетъ, что, по прибытіи подъ Казань, полкъ правой руки, въ которомъ находился и авторъ повѣствованія, посланъ былъ за рѣку Казанку: въ немъ было болѣе (вяще) двѣнадцати тысячъ, а потомъ онъ прибавляетъ: «и пѣшихъ и стрѣлковъ аки шесть тысящей». Въ этомъ мѣстѣ для насъ не совсѣмъ ясно: слѣдуетъ ли причислять эти шесть тысячъ къ числу «болѣе двѣнадцати тысячъ», или считать ихъ особо? Судя по способу описанія, въ подобныхъ случаяхъ, когда пѣшіе считаются отдѣльно отъ конныхъ, которые всегда здѣсь ставятся прежде, можно, съ большою вѣроятностію, полагать, что подъ двѣнадцатью тысячами разумѣются конные, и быть можетъ здѣсь пропущено слово «конниковъ», но мы не рѣшаемся опираться на такія очень смѣлыя толкованія. Уступимъ заранѣе тѣмъ, которые бы упорно хотѣли число двѣнадцать тысячъ считать итогомъ, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли разница не окажется очень важною. Затѣмъ, по отрѣзаніи отъ войска этого отряда въ 18,000 (а можетъ быть только въ 12,000), царь (Сказ. Курбск. I, 28) повелѣлъ все свое войско раздѣлить надвое: половину его оставилъ подъ городомъ при орудіяхъ, немалую часть оставилъ при шатрахъ стеречь свое здравіе, а тридцать тысячъ конныхъ, устроивъ ихъ и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставивъ надъ каждымъ полкомъ по два и по три начальника, также и пѣшихъ около пятнадцати тысячъ, вывелъ стрѣльцовъ и казаковъ, и раздѣлилъ ихъ на строевые отдѣлы (гуфы) по воинскому порядку, поставилъ надъ ними главноначальствующимъ князя Суздальскаго, Александра, по прозванію Горбатаго, и велѣлъ ждать за горами, а когда бусурманы, по своему обычаю, выйдутъ изъ лѣсовъ, то сразиться съ ними.

Такимъ образомъ, Курбскій указываетъ, что, за исключе-

ніемъ полка правой руки, половина всего, раздѣленнаго надвое, войска составляла около сорока пяти тысячъ; но, кромѣ двухъ такихъ половинъ, царь оставилъ немалую часть для охраненія своей особы. На стр. 39-й того же изданія сочиненій Курбскаго мы находимъ приблизительное число войска, остававшагося и около царя у шатровъ. Тамъ указывается, что въ царскомъ полку было «вяще, нежели двадесятъ тысящей воиновъ избранныхъ». Слѣдовательно, по извѣстіямъ Курбскаго, выходитъ, что все войско, бывшее подъ Казанью, простиралось отъ 120,000 до 130,000 человѣкъ. Разница между Курбскимъ и Морозовскимъ лѣтописцемъ тысячъ на двадцать или на тридцать—не болѣе, но какъ Курбскій указываетъ свои числа только приблизительно и притомъ два раза говоритъ вяще (болѣе), то очень возможно, что между Курбскимъ и Морозовскимъ лѣтописцемъ разницу слѣдуетъ считать еще менѣе.

Такимъ образомъ, здѣсь Иванъ является лжецомъ наглымъ и до крайности безстыднымъ: онъ лжетъ передъ тѣмъ, кто ни въ какомъ случаѣ не можетъ ему повѣрить, зная хорошо самъ всѣ обстоятельства. Понятно, что, при такой явной лжи, мы не можемъ считать ничѣмъ другимъ его упрековъ, встрѣчаемыхъ въ томъ же письмѣ, будто бы послѣ взятія Казани воеводы торопились скорѣе воротиться домой, тогда какъ Курбскій, въ своей исторіи, разсказываетъ, что мудрые и разумные совѣтовали ему пробыть подъ Казанью всю зиму съ войскомъ, чтобы «до конца выгубить воинство бусурманское и царство оное себѣ покорить и усмирить землю на вѣки; но царь послушалъ совѣта своихъ шурьевъ, которые шептали ему, чтобъ онъ спѣшилъ къ царицѣ, и направили на него другихъ ласкателей съ попами».

Изъ двухъ, совершенно противорѣчивыхъ, извѣстій объ одномъ и томъ же—Ивана и Курбскаго, мы, на основаніи исторической критики, предпочитаемъ послѣднее. Обстоятельства, извѣстныя намъ изъ другихъ свидѣтельствъ, подтверждаютъ Курбскаго. Не воеводы бросали войско, а самъ государь прежде всѣхъ оставилъ его и побѣжалъ, можно сказать, опрометью. Поплывши изъ Казани, и только переночевавши въ Свіяжскѣ, царь безъ остановки плылъ до Нижняго, тамъ распустилъ войско и побѣжалъ на лошадяхъ домой. Оба шурина были съ нимъ; это подтверждаетъ извѣстіе Курбскаго о томъ, что шурья побуждали царя спѣшить къ царицѣ. Въ то время Ивану дѣйствительно былъ поводъ къ этому бѣгству. Царица Анастасія была въ послѣднихъ дняхъ беременности; любившій ее царь, естественно, безпокоился за нее: поэтому-то онъ спѣшилъ ѣхать

до Владимира, а тамъ извѣстилъ его бояринъ Траконіотъ, что Анастасія разрѣшилась отъ бремени благополучно, и царь съ этихъ поръ ѣхалъ уже не торопясь, но заѣзжалъ въ разнымъ святымъ мѣстамъ для поклоненія. Въ письмѣ къ Курбскому Иванъ не признаетъ никакого достоинства, никакихъ заслугъ за боярами и воеводами своими въ казанскомъ дѣлѣ: «Ни единыя похвалы, аще истинно рещи достойно есть, понеже вси яко раби съ понужденіемъ сотворили есте, а не хотѣніемъ, а паче съ роптаніемъ». Но если они были недостойны похвалы, зачѣмъ же самъ Иванъ благодарилъ ихъ и жаловалъ въ свое время? Не у Курбскаго, а въ другихъ источникахъ (Карамз. VIII, пр. 544) мы встрѣчаемъ такую рѣчь царя Ивана къ военачальникамъ, бывшимъ при взятіи Казани: «О мужественніи мои воины, бояре и воеводы, и вси прочіи страдателіи знаменитіи имене ради Божія и за свое отечество и за насъ! Никто же толикую показа въ нынѣшнихъ временѣхъ храбрость и побѣду, якоже вы любиміи мною. Вторые есть македоняне, и наслѣдователи есте храбрости прародителей вашихъ, показавшихъ пресвѣтлую побѣду съ великимъ княземъ Димитріемъ за Дономъ надъ Мамаемъ. За которое ваше преславное мужество достойни есте не точію отъ мене благодаренія, но и отъ Божіей десницы воздаянія» и пр.

Допустимъ, что это болѣе лѣтописная риторика, чѣмъ правда, что царь Иванъ Васильевичъ говорилъ не такъ (хотя онъ несомнѣнно любилъ ораторствовать и вышеприведенная рѣчь совершенно въ его стилѣ); но вотъ другой лѣтописецъ (Ник. VII, 197) описываетъ, какъ царь Иванъ, возвратившись въ Москву, пировалъ три дня, дарилъ и жаловалъ бояръ, воеводъ и дѣтей боярскихъ. За что же онъ ихъ дарилъ и жаловалъ, когда они недостойны были никакой похвалы? Ложь царя Ивана Васильевича о другихъ событіяхъ своего царствованія, допущенная имъ въ его письмѣ къ Курбскому, обличена уже Устряловымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію «Сказаній князя Курбскаго». Такимъ образомъ (стр. 92), царь пишетъ въ этомъ письмѣ: «Мы послали тебя въ нашу отчину Казань привести въ послушаніе непослушныхъ; ты же, вмѣсто виновныхъ, привелъ къ намъ невинныхъ, напрасно на нихъ наговаривая, а тѣмъ, противъ кого мы тебя послали, не сдѣлалъ никакого зла». Здѣсь припоминается порученіе, данное нѣкогда царемъ Иваномъ Курбскому, усмирить волненіе въ Казанской землѣ (1553—1555 гг.). Но, по справедливому замѣчанію Устрялова, царь не могъ быть недоволенъ дѣйствіями Курбскаго, когда, послѣ того, пожаловалъ его бояриномъ. То же оказывается и по другому поводу. Царь упрекаетъ

Курбскаго, что когда онъ посланъ былъ противъ Крымцевъ подъ Тулу, то ничего не сдѣлалъ и только ѣлъ да пилъ у тульскаго воеводы Темкина и потомъ прибавляетъ: «аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же сотвористе» (стр. 93). По сопоставленіи царскихъ словъ съ Царственною Книгою оказывается, что дѣйствительно самъ ханъ убѣжалъ изъ-подъ Тулы еще до прихода воеводъ, однако эти воеводы не бездѣйствовали, а погнались за ханомъ, поразили его, отняли у него плѣнниковъ и обозъ, и царь самъ, послѣ того, жаловалъ воеводъ за эту службу. Самъ царь, въ письмѣ къ Курбскому, говоря, что въ то время воеводы пировали у Темкина и ничего не сдѣлали, упоминаетъ, однако, о ранахъ, которыя они претерпѣли. Но ни Курбскій, ни его товарищи не могли претерпѣть ранъ иначе, какъ въ бою. «Уже сіи раны свидѣтельствуютъ, что Курбскій думалъ тогда не о пирахъ, а о битвахъ»—справедливо замѣчаетъ Устряловъ. Еще лживѣе, несправедливѣе и безстыднѣе является Иванъ Васильевичъ тамъ, гдѣ въ своемъ письмѣ касается ливонскаго дѣла. «Когда мы—говоритъ онъ—посылали васъ на германскіе грады, семь посланій писали мы къ болрину князю Петру Ив. Шуйскому и къ тебѣ; вы же едва пошли съ немногими людьми и по нашему многому приказанію взяли пятнадцать городовъ. Но вы взяли ихъ по нашему напоминанію, а не по своему разуму» (стр. 74). Но, во-первыхъ, если воеводы взяли столько городовъ съ немногими людьми, то тѣмъ самымъ заслуживаютъ болѣе чести и славы; во-вторыхъ, какъ могъ царь ставить въ вину имъ то, что они такъ хорошо исполняли приказаніе царское? Царь не могъ простить имъ того, что, будучи сторонниками Сильвестра, они не считали полезнымъ дѣломъ начинать войны съ Ливоніею. Но если они, какъ совѣтники, по своему убѣжденію, были несогласны съ тѣмъ, что нравилось царю, а какъ вѣрные слуги и покорные исполнители воли верховной власти, съ успѣхомъ дѣлали то, что угодно было этой власти, то не должна ли бы эта власть тѣмъ болѣе цѣнить ихъ заслуги? Тиранъ этого не понималъ и не чувствовалъ. Онъ помнилъ только одно — и теперь попрекаетъ Курбскому: «Отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ я потерпѣлъ много словесныхъ отягченій; если мнѣ дѣлалось что-нибудь скорбное, вы все говорили, что это случилось ради германовъ». Въ другомъ мѣстѣ своего письма Иванъ Васильевичъ (стр. 83) упрекаетъ Курбскаго и прочихъ бояръ и воеводъ, что еслибы не ихъ злобѣсное претыканіе, то вся бы Германія была за православіемъ, и что они воздвигли на православіе литовскій и готскій языкъ и другихъ. (Тоже оттолѣ литовскій

и готскій языкъ и иные множайшіе воздвигосте на православіе). Такимъ образомъ, по воззрѣнію Ивана Васильевича, его бояре и воеводы помѣшали ему подчинить православію всю Германію и подняли на православную Русь Литву и Швецію: если царь принужденъ былъ вести войну съ этими государствами, то виною этому его бояре и воеводы. Не знаешь, чему болѣе изумляться: безумію ли и невѣжеству тирана и его безсовѣстности, или же тѣмъ историкамъ, которые, слыша отъ самого Ивана такого рода обвиненія, приходятъ въ раздумье и задаютъ вопросъ: да не были ли, въ самомъ дѣлѣ, измѣнниками тѣ, которыхъ Иванъ казнилъ и мучилъ? Но если допустить вѣру словамъ этого чудовища, которое лжетъ на каждомъ словѣ, то почему же не раздѣлить его мнѣнія о томъ, что, еслибы не коварные измѣнники, то Россія подчинила бы всю Германію православію и что Литву и Швецію подвинули на московскаго государя и съ нимъ на православіе все тѣже измѣнники?

Второе письмо царя Ивана, всего на шести страницахъ, отлично отъ перваго по тону, хотя одинаково съ нимъ по духу. Царь не ругается собакою, какъ въ первомъ, начинаетъ смиреніемъ, называетъ себя беззаконнымъ, блудникомъ, мучителемъ, но это не болѣе, какъ молитвословная риторика; тутъ же онъ хвалится своими побѣдами въ Ливоніи, потому что пишетъ изъ завоеваннаго Вольмара. Опять, какъ въ первомъ письмѣ, вспоминаетъ онъ прошлое и обвиняетъ Сильвестра, Адашева и совѣтниковъ ихъ партіи, приводя нѣкоторыя событія, о которыхъ прежде не говорилъ. Таже ложь, что и въ первомъ письмѣ, пробивается и здѣсь. О нѣкоторыхъ намекахъ мы не можемъ ничего сказать, какъ, напр., о дочеряхъ князя Курлятева, о покупкѣ узорочьевъ для нихъ, о какомъ то судѣ Сицкаго съ Прозоровскимъ, о какихъ-то полуторастахъ четяхъ, которыя, какъ говоритъ царь, были боярамъ дороже его сына Ѳеодора, о какой-то стрѣлецкой женѣ. Курбскій, въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, опровергая другія обвиненія, объ этихъ отозвался непониманіемъ, замѣтивъ только, что все это смѣху достойно и пьяныхъ бабъ басни. Грозный жалуется, что его разлучили съ женою, Анастасіею, и прибавляетъ, что еслибъ у него не отняли «юницы», то не было бы «кроновой жертвы». Курбскій превосходно отвѣчалъ ему, что предки его, подобно московскимъ князьямъ, не привыкли ѣсть своего тѣла и пить крови своей братьи.

Обвиненіе въ отравленіи Анастасіи, конечно, не имѣетъ никакого основанія; если были недовольны бояре, то собственно не ею, а ея братьями. Курбскій дѣйствительно отзывается объ нихъ неблагосклонно, и потому, еслибы въ самомъ дѣлѣ бояре покусились на злодѣяніе, то жертвою его были бы шурья царевы, а не царица, которую, напротивъ, многіе любили. Другое обвиненіе бояръ въ намѣреніи возвести на престолъ двоюроднаго брата царскаго, Владимира Андреевича, имѣетъ нѣкоторое основаніе, но перепутывается недоразумѣніями и явною ложью. Иванъ Васильевичъ говоритъ, будто дяди *ваши* (т.-е. бояръ) и господа уморили отца его въ тюрьмѣ, держали его самого, Владимира, съ матерью въ тюрьмѣ, а онъ, царь, ихъ освободилъ. Но уморила въ тюрьмѣ князя Андрея Ивановича мать царя Елена, а освободили его вдову и сына изъ заключенія бояре послѣ смерти Елены, а не царь Иванъ. Онъ указываетъ на то, будто хотѣли посадить на престолъ Владимира, а его Ивана съ дѣтьми извести. Но не видно ничего подобнаго такому злодѣйскому намѣренію. Извѣстное приключеніе во время болѣзни Ивана еще въ 1553-мъ году очень темно. Дѣйствительно, въ виду ожидаемой кончины царя, нѣкоторые боялись, чтобы, при малолѣтствѣ его сына, не захватили власти Захарьины, царскіе шурья, но трудно рѣшить кто именно и до какой степени готовы были дѣйствительно лишить престолонаслѣдія сына Иванова и возвести Владимира. Самъ Курбскій за себя отвѣчалъ на это обвиненіе Ивану, что онъ никогда не думалъ возводить на царство Владимира, потому что считалъ его недостойнымъ.

Странно, во всякомъ случаѣ, что царь, послѣ своей болѣзни, долго не выказывалъ злобы за то, что̀ происходило между боярами во время его недуга; люди, которыхъ онъ послѣ обвинялъ по поводу этого событія, долгое время были къ нему близки. Чѣмъ объяснить это? Намъ кажется, тѣмъ, что означенное событіе уже впослѣдствіи раздули въ воображеніи царя новые его любимцы, заступившіе мѣсто Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. У натуръ, подобныхъ царю Ивану Васильевичу, не рѣдко давнія огорченія возрастаютъ въ позднѣйшее время, когда что-нибудь извнѣ возбуждаетъ объ нихъ воспоминанія. Письмо царя къ Курбскому вообще поясняетъ, что всѣ неистовства тирана происходили оттого, что онъ никакъ не могъ забыть своего униженія, которое онъ перенесъ въ то время, когда допустилъ руководить и собою и всѣми дѣлами государства Сильвестру, Адашеву и ихъ благопріятелямъ. «Вы — пишетъ онъ — хотѣли съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими видѣть

всю Русь; вы не только не хотѣли мнѣ быть послушны, но всю власть съ меня сняли, сами государили какъ хотѣли, я только словомъ былъ государь, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Курбскій не отрицаетъ справедливости смысла этихъ словъ! «Ласкатели твои — пишетъ онъ — клеветали на онаго пресвитера, что онъ устрашалъ тебя не истинными, но льстивыми видѣніями. Воистинну, скажу я, былъ онъ льстецъ, коварный, но благокозненный; онъ тебя исторгнулъ отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ-было тебя къ Христу Богу нашему. Умные врачи поступаютъ подобно ему, когда вырѣзываютъ бритвами дикое мясо и неудобоисцѣлимыя гангрены, а потомъ возстановляютъ и исцѣляютъ недужныхъ; такъ и онъ творилъ — пресвитеръ блаженный Сильвестръ, видя твои душевные недуги, застарѣлые и неудобные къ исцѣленію!»

Подъ какимъ угломъ зрѣнія ни смотрѣли бы на эту переписку, для насъ второе письмо царя Ивана къ Курбскому служитъ подтвержденіемъ того убѣжденія, что царь этотъ обладалъ недальнимъ умомъ, или по крайней мѣрѣ умственныя способности его были подавлены черезъ-чуръ воображеніемъ и необузданными порывами истерическаго самолюбія. Царь, у котораго неограниченность власти была пунктомъ мышленнаго вращенія, самъ не замѣчаетъ и не понимаетъ, какъ онъ своими письмами унижалъ себя, какъ становился и страшенъ и жалокъ, и мерзокъ и смѣшонъ. Въ отвѣтъ на второе письмо Курбскій заявилъ ему полное презрѣніе. «Что ты—пишетъ царю изгнанникъ—исповѣдуешь предо мною грѣхи свои, какъ передъ священникомъ; я простой человѣкъ, воинъ. Оно было бы чему порадоваться, не только мнѣ, бывшему твоему рабу, но всѣмъ царямъ и народамъ христіанскимъ, еслибы твое покаяніе было истинное; но въ твоей эпистоліи выказывается несовмѣстимая съ этимъ неблагочинная походка внутренняго человѣка, хромающаго на оба бедра, изумительно и странно, особенно въ земляхъ твоихъ сопостатовъ, потому что здѣсь много людей, свѣдущихъ не только во внѣшней философіи, но и въ священномъ писаніи, а ты — то черезъ чуръ уничижаешься, то выше всякой мѣры превозносишься»! Намекая на разореніе Москвы татарами, Курбскій выражается въ такомъ презрительномъ тонѣ: «Собравшись со всѣмъ твоимъ воинствомъ, какъ хороняка и бѣгунъ, ты трепещешь и исчезаешь, когда тебя никто не гонитъ. Только совѣсть твоя кричитъ внутри тебя, обличая тебя за твои дѣла и безчисленныя убійства». Въ довершеніе презрѣнія, Курбскій запрещаетъ Ивану писать къ себѣ: «Не пиши, прошу тебя къ чужимъ слугамъ, гдѣ умѣютъ тебѣ отвѣчать такъ, что сбудется на тебѣ

сказанное однимъ мудрецомъ: говорить хочешь, за то услышишь то, чего не хочешь»!

Посланіе царя Ивана Васильевича въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь драгоцѣнно и замѣчательно, какъ образчикъ лицемѣрства, ханжества, самообольщенія — всего, что въ продолженіи многихъ вѣковъ плодило у насъ искаженное, превратно понятое христіанство, легко успокоивавшее нечистую совѣсть риторикою богомыслія и внѣшними проявленіями благочестія и смиренія, не искореняя въ человѣкѣ дурныхъ наклонностей, не возбуждая въ немъ подвиговъ добра, вмѣсто прежнихъ мерзкихъ дѣлъ, а только прибавляя ко всѣмъ порокамъ еще одинъ, тотъ, который божественный Основатель нашей религіи наиболѣе громилъ въ лицѣ фарисеевъ, во время своей земной жизни. И если гдѣ, то именно въ этомъ посланіи царь Иванъ кажется намъ мерзѣе своего языческаго двойника—Нерона. Монастырское благочестіе, съ его философіею, легендарною исторіею и пріемами аскетической практики, для царя Ивана было такою же забавою воображенія, какъ для Нерона античесвое художество. Иванъ входилъ въ роль кающагося грѣшника, смиреннаго отшельника, суроваго умертвителя собственной плоти и тѣшился этою ролью, какъ Неронъ ролью артиста. Неудивительно, что въ посланіи Ивана можно признать извѣстную начитанность по этой части, когда такого рода увлеченіе доставляло ему удовольствіе. Мечтаніе — вступить въ монахи, давно уже не покидало царя Ивана; оно поддерживалось въ немъ его злодѣяніями и безчинствами. Какъ только въ немъ пробуждалась совѣсть, или лучше сказать страхъ наказанія на томъ свѣтѣ, такъ тотчасъ являлся въ его воображеніи успокоительный образъ покаянія; ему представлялось, какъ онъ удалится отъ міра, запрется въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, будетъ ходить въ волосяницѣ, изнурять свою плоть сухояденіемъ, набивать себѣ шишки и мозоли поклонами, смирять свою гордыню метаніями предъ игуменомъ, направлять свои помышленія къ небу непрестаннымъ произнесеніемъ Іисусовой молитвы, и омывать свои прегрѣшенія слезными токами; — онъ предавался такого рода представленіямъ и ему становилось на душѣ легче; онъ читалъ тогда назидательныя поученія о мнишескомъ равноангельскомъ житіи, повѣствованія о подвигоположничествѣ отшельниковъ и воображалъ себѣ, какъ онъ послѣдуетъ ихъ примѣру. Такъ онъ унивался своимъ будущимъ очищеніемъ и примиреніемъ съ Богомъ, пока житейскія ощущенія не извлекали его

изъ блаженнаго самообольщенія и не увлекали къ дѣламъ разврата, гордыни и звѣрства. И вотъ въ тѣ минуты, когда царь Иванъ, напившись человѣческой крови, притекалъ къ тихому пристанищу покаянія и благомыслія, написалъ онъ свое знаменитое «суесловіе» какъ самъ онъ, побуждаемый фальшивымъ смиреніемъ, очень вѣрно назвалъ свое посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Трудно прибрать болѣе рѣзкихъ ругательныхъ эпитетовъ, какими угощаетъ себя Иванъ, обвиняя въ тяжкихъ грѣхахъ. Онъ грѣшный, скверный, нечистый, мерзкій, душегубецъ, песъ смердящій, всегда въ пьянствѣ, блудѣ, прелюбодѣйствѣ, въ убійствѣ, въ грабленіи, хищеніи, ненависти, во всякомъ злѣ. Но это не болѣе, какъ обычныя выраженія, которыя обильно можно найти въ разныхъ молитвахъ, особенно въ послѣдованіи ко св. причащенію; это для многихъ, если можно такъ выразиться, покаянный циркуляръ, въ которомъ одинъ можетъ увидѣть для себя то, другой иное. Царь Иванъ безъ преувеличенія могъ примѣнить къ себѣ всѣ грѣхи, какіе только могъ вычитать, но еслибы онъ ихъ и половины не сдѣлалъ, то по благочестивому смиренію все равно долженъ былъ ихъ перечислить и также точно называть себя всякаго рода бранными эпитетами. Но вотъ гдѣ гнусное лицемѣрство: царь Иванъ считаетъ себя недостойнымъ, какъ-бы не вправѣ вступаться съ своею царственною властію въ дѣла духовныя: «какъ лучше такъ и дѣлайте; сами вѣдаете, какъ себѣ хотите, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ». Если онъ рѣшался давать совѣты и напоминать инокамъ о благочестіи и правильномъ соблюденіи монашескаго житія, то это онъ дѣлаетъ только потому, что къ нему обратились, что его просятъ объ этомъ; только поэтому онъ и согласился вмѣшиваться въ церковныя и монастырскія дѣла. Такъ смиренничаетъ предъ достоинствомъ церкви человѣкъ, умертвившій псково-печерскаго игумена Корнилія, задушившій добродѣтельнаго митрополита Филиппа, перебившій и перемучившій монаховъ въ Новгородѣ, грабившій монастыри, облитые кровью своихъ обитателей, затравившій собаками Леонида! Сначала въ его посланіи крайнее самоуничиженіе, но подъ конецъ невольно чувствуется близкое пробужденіе обычнаго звѣрства, на время усыпленнаго монашеньемъ. «Намъ къ вамъ писати больши невозможно, да и писать нечего: се уже конецъ моихъ словесъ къ вамъ. А впередъ бы есте о Шереметевѣ и о иныхъ такихъ безлѣпицахъ намъ не докучали». За исключеніемъ приступа, преисполненнаго фразъ о собственномъ недостоинствѣ, все посланіе загромождено выписками изъ сочиненій Иларіона Великаго въ похвалу мни-

комическую роль; такимъ онъ и самъ себя выставляетъ, ни мало не понимая, какъ видно, того положенія, въ какомъ онъ является передъ глазами тѣхъ, кто станетъ читать его письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ прилгнулъ, говоря, будто его везли съ немногими людьми (съ малѣйшими), тогда какъ извѣстно, что онъ отправлялся въ походъ съ сильнымъ войскомъ.

Выставляя свою страдательную роль въ казанскомъ дѣлѣ, жалуясь на бояръ, которые его насильно тащили въ походъ и подвергали опасностямъ, черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же своемъ письмѣ Иванъ забываетъ то, что̀ самъ говорилъ, и пишетъ (стр. 70) уже совсѣмъ противное: какъ будто казанское дѣло было ведено самимъ имъ, вопреки совѣтникамъ, какъ будто онъ, царь, побуждалъ своихъ воеводъ идти на войну подъ Казань, а они, воеводы, упрямились, дурно исполняли его порученія и не хотѣли съ нимъ идти подъ Казань. «Когда мы — пишетъ царь — начало восприняли, съ Божіею помощью, воевать съ варварами, тогда посылали прежде князя Симеона Микулинскаго съ товарищи. А вы что тогда говорили? Что мы какъ будто въ опалу ихъ послали! Сколько ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, съ желаніемъ? Когда же Богъ явилъ намъ свое милосердіе и покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, вы и тогда не хотѣли съ нами воевать противъ варваровъ и съ нами, по причинѣ нашего нехотѣнія, не было болѣе пятнадцати тысячъ»? Здѣсь прямое противорѣчіе тому, что мы читали въ одномъ и томъ же письмѣ царя Ивана выше. Чему же вѣрить? Гдѣ-нибудь да Иванъ лжетъ. Но въ первомъ мѣстѣ Иванъ представляетъ самъ себя простакомъ, трусомъ, котораго, пользуясь его царскимъ саномъ, умные люди, для видовъ государственной пользы, везутъ почти насильно туда, гдѣ ему страшно; — во второмъ мѣстѣ Иванъ выставляетъ себя мудрымъ правителемъ, героемъ и обвиняетъ въ трусости и неспособности своихъ совѣтниковъ и воеводъ. Но всегда (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда человѣку нужно бываетъ наклепать на себя, что̀ рѣдко бываетъ, особенно при здравомъ умѣ) лгунъ сочиняетъ о себѣ небылицы съ цѣлью выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ: это согласно съ человѣческими слабостями. Уже по этому одному, мимо всякихъ иныхъ соображеній, мы признаемъ ложью послѣднее, а не первое мѣсто Иванова письма. Разсмотрѣвъ обстоятельства событій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости нашего взгляда. Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени мы узнаемъ, что князь Симеонъ Микулинскій, о которомъ такъ презрительно отзывается царь Иванъ,

вмѣстѣ съ другими воеводами, подготовилъ взятіе Казани, да и самъ царь Иванъ Васильевичъ, слѣдуя съ войскомъ подъ Казань и прибывъ въ Свіяжскъ, изъявлялъ ему благодарность (см. Карамз. VIII. 152). Что же касается до того, будто, по нерадѣнію воеводъ, съ царемъ подъ Казанью не было болѣе пятнадцати тысячъ, то это вопіющая неправда. У Морозовскаго лѣтописца число всего войска, бывшаго подъ Казанью, показано въ 150,000 человѣкъ.

Еслибы нужно было допустить, что число это преувеличено, какъ дѣйствительно бываетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то ужъ, конечно, не пришлось бы его сокращать въ десять разъ. Пятнадцатью тысячами невозможно было осадить Казани. О числѣ бывшаго подъ Казанью войска можно судить изъ описанія взятія Казани въ исторіи, составленной Курбскимъ. Онъ повѣствуетъ, что, по прибытіи подъ Казань, полкъ правой руки, въ которомъ находился и авторъ повѣствованія, посланъ былъ за рѣку Казанку: въ немъ было болѣе (вяще) двѣнадцати тысячъ, а потомъ онъ прибавляетъ: «и пѣшихъ и стрѣлковъ аки шесть тысящей». Въ этомъ мѣстѣ для насъ не совсѣмъ ясно: слѣдуетъ ли причислять эти шесть тысячъ къ числу «болѣе двѣнадцати тысячъ», или считать ихъ особо? Судя по способу описанія, въ подобныхъ случаяхъ, когда пѣшіе считаются отдѣльно отъ конныхъ, которые всегда здѣсь ставятся прежде, можно, съ большою вѣроятностію, полагать, что подъ двѣнадцатью тысячами разумѣются конные, и быть можетъ здѣсь пропущено слово «конниковъ», но мы не рѣшаемся опираться на такія очень смѣлыя толкованія. Уступимъ заранѣе тѣмъ, которые бы упорно хотѣли число двѣнадцать тысячъ считать итогомъ, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли разница не окажется очень важною. Затѣмъ, по отрѣзаніи отъ войска этого отряда въ 18,000 (а можетъ быть только въ 12,000), царь (Сказ. Курбск. I, 28) повелѣлъ все свое войско раздѣлить надвое: половину его оставилъ подъ городомъ при орудіяхъ, немалую часть оставилъ при шатрахъ стеречь свое здравіе, а тридцать тысячъ конныхъ, устроивъ ихъ и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставивъ надъ каждымъ полкомъ по два и по три начальника, также и пѣшихъ около пятнадцати тысячъ, вывелъ стрѣльцовъ и казаковъ, и раздѣлилъ ихъ на строевые отдѣлы (гуфы) по воинскому порядку, поставилъ надъ ними главноначальствующимъ князя Суздальскаго, Александра, по прозванію Горбатаго, и велѣлъ ждать за горами, а когда бусурманы, по своему обычаю, выйдутъ изъ лѣсовъ, то сразиться съ ними.

Такимъ образомъ, Курбскій указываетъ, что, за исключе-

комическую роль; такимъ онъ и самъ себя выставляетъ, ни мало не понимая, какъ видно, того положенія, въ какомъ онъ является передъ глазами тѣхъ, кто станетъ читать его письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ прилгнулъ, говоря, будто его везли съ немногими людьми (съ малѣйшими), тогда какъ извѣстно, что онъ отправлялся въ походъ съ сильнымъ войскомъ.

Выставляя свою страдательную роль въ казанскомъ дѣлѣ, жалуясь на бояръ, которые его насильно тащили въ походъ и подвергали опасностямъ, черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же своемъ письмѣ Иванъ забываетъ то, что̀ самъ говорилъ, и пишетъ (стр. 70) уже совсѣмъ противное: какъ будто казанское дѣло было ведено самимъ имъ, вопреки совѣтникамъ, какъ будто онъ, царь, побуждалъ своихъ воеводъ идти на войну подъ Казань, а они, воеводы, упрямились, дурно исполняли его порученія и не хотѣли съ нимъ идти подъ Казань. «Когда мы — пишетъ царь — начало восприняли, съ Божіею помощью, воевать съ варварами, тогда посылали прежде князя Симеона Микулинскаго съ товарищи. А вы что тогда говорили? Что мы какъ будто въ опалу ихъ послали! Сколько ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, съ желаніемъ? Когда же Богъ явилъ намъ свое милосердіе и покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, вы и тогда не хотѣли съ нами воевать противъ варваровъ и съ нами, по причинѣ нашего нехотѣнія, не было болѣе пятнадцати тысячъ»? Здѣсь прямое противорѣчіе тому, что мы читали въ одномъ и томъ же письмѣ царя Ивана выше. Чему же вѣрить? Гдѣ-нибудь да Иванъ лжетъ. Но въ первомъ мѣстѣ Иванъ представляетъ самъ себя простакомъ, трусомъ, котораго, пользуясь его царскимъ саномъ, умные люди, для видовъ государственной пользы, везутъ почти насильно туда, гдѣ ему страшно; — во второмъ мѣстѣ Иванъ выставляетъ себя мудрымъ правителемъ, героемъ и обвиняетъ въ трусости и неспособности своихъ совѣтниковъ и воеводъ. Но всегда (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда человѣку нужно бываетъ наклепать на себя, что̀ рѣдко бываетъ, особенно при здравомъ умѣ) лгунъ сочиняетъ о себѣ небылицы съ цѣлью выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ: это согласно съ человѣческими слабостями. Уже по этому одному, мимо всякихъ иныхъ соображеній, мы признаемъ ложью послѣднее, а не первое мѣсто Иванова письма. Разсмотрѣвъ обстоятельства событій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости нашего взгляда. Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени мы узнаемъ, что князь Симеонъ Микулинскій, о которомъ такъ презрительно отзывается царь Иванъ,

вмѣстѣ съ другими воеводами, подготовилъ взятіе Казани, да и самъ царь Иванъ Васильевичъ, слѣдуя съ войскомъ подъ Казань и прибывъ въ Свіяжскъ, изъявлялъ ему благодарность (см. Карамз. VIII. 152). Что же касается до того, будто, по нерадѣнію воеводъ, съ царемъ подъ Казанью не было болѣе пятнадцати тысячъ, то это вопіющая неправда. У Морозовскаго лѣтописца число всего войска, бывшаго подъ Казанью, показано въ 150,000 человѣкъ.

Еслибы нужно было допустить, что число это преувеличено, какъ дѣйствительно бываетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то ужъ, конечно, не пришлось бы его сокращать въ десять разъ. Пятнадцатью тысячами невозможно было осадить Казани. О числѣ бывшаго подъ Казанью войска можно судить изъ описанія взятія Казани въ исторіи, составленной Курбскимъ. Онъ повѣствуетъ, что, по прибытіи подъ Казань, полкъ правой руки, въ которомъ находился и авторъ повѣствованія, посланъ былъ за рѣку Казанку: въ немъ было болѣе (вяще) двѣнадцати тысячъ, а потомъ онъ прибавляетъ: «и пѣшихъ и стрѣлковъ аки шесть тысящей». Въ этомъ мѣстѣ для насъ не совсѣмъ ясно: слѣдуетъ ли причислять эти шесть тысячъ къ числу «болѣе двѣнадцати тысячъ», или считать ихъ особо? Судя по способу описанія, въ подобныхъ случаяхъ, когда пѣшіе считаются отдѣльно отъ конныхъ, которые всегда здѣсь ставятся прежде, можно, съ большою вѣроятностію, полагать, что подъ двѣнадцатью тысячами разумѣются конные, и быть можетъ здѣсь пропущено слово «конниковъ», но мы не рѣшаемся опираться на такія очень смѣлыя толкованія. Уступимъ заранѣе тѣмъ, которые бы упорно хотѣли число двѣнадцать тысячъ считать итогомъ, тѣмъ. болѣе, что для нашей цѣли разница не окажется очень важною. Затѣмъ, по отрѣзаніи отъ войска этого отряда въ 18,000 (а можетъ быть только въ 12,000), царь (Сказ. Курбск. I, 28) повелѣлъ все свое войско раздѣлить надвое: половину его оставилъ подъ городомъ при орудіяхъ, немалую часть оставилъ при шатрахъ стеречь свое здравіе, а тридцать тысячъ конныхъ, устроивъ ихъ и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставивъ надъ каждымъ полкомъ по два и по три начальника, также и пѣшихъ около пятнадцати тысячъ, вывелъ стрѣльцовъ и казаковъ, и раздѣлилъ ихъ на строевые отдѣлы (гуфы) по воинскому порядку, поставилъ надъ ними главноначальствующимъ князя Суздальскаго, Александра, по прозванію Горбатаго, и велѣлъ ждать за горами, а когда бусурманы, по своему обычаю, выйдутъ изъ лѣсовъ, то сразиться съ ними.

Такимъ образомъ, Курбскій указываетъ, что, за исключе-

комическую роль; такимъ онъ и самъ себя выставляетъ, ни мало не понимая, какъ видно, того положенія, въ какомъ онъ является передъ глазами тѣхъ, кто станетъ читать его письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же онъ прилгнулъ, говоря, будто его везли съ немногими людьми (съ малѣйшими), тогда какъ извѣстно, что онъ отправлялся въ походъ съ сильнымъ войскомъ.

Выставляя свою страдательную роль въ казанскомъ дѣлѣ, жалуясь на бояръ, которые его насильно тащили въ походъ и подвергали опасностямъ, черезъ нѣсколько страницъ въ томъ же своемъ письмѣ Иванъ забываетъ то, что̀ самъ говорилъ, и пишетъ (стр. 70) уже совсѣмъ противное: какъ будто казанское дѣло было ведено самимъ имъ, вопреки совѣтникамъ, какъ будто онъ, царь, побуждалъ своихъ воеводъ идти на войну подъ Казань, а они, воеводы, упрямились, дурно исполняли его порученія и не хотѣли съ нимъ идти подъ Казань. «Когда мы — пишетъ царь — начало восприняли, съ Божіею помощью, воевать съ варварами, тогда посылали прежде князя Симеона Микулинскаго съ товарищи. А вы что тогда говорили? Что мы какъ будто въ опалу ихъ послали! Сколько ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, съ желаніемъ? Когда же Богъ явилъ намъ свое милосердіе и покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, вы и тогда не хотѣли съ нами воевать противъ варваровъ и съ нами, по причинѣ нашего нехотѣнія, не было болѣе пятнадцати тысячъ»? Здѣсь прямое противорѣчіе тому, что мы читали въ одномъ и томъ же письмѣ царя Ивана выше. Чему же вѣрить? Гдѣ-нибудь да Иванъ лжетъ. Но въ первомъ мѣстѣ Иванъ представляетъ самъ себя простакомъ, трусомъ, котораго, пользуясь его царскимъ саномъ, умные люди, для видовъ государственной пользы, везутъ почти насильно туда, гдѣ ему страшно; — во второмъ мѣстѣ Иванъ выставляетъ себя мудрымъ правителемъ, героемъ и обвиняетъ въ трусости и неспособности своихъ совѣтниковъ и воеводъ. Но всегда (кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда человѣку нужно бываетъ наклепать на себя, что̀ рѣдко бываетъ, особенно при здравомъ умѣ) лгунъ сочиняетъ о себѣ небылицы съ цѣлью выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ: это согласно съ человѣческими слабостями. Уже по этому одному, мимо всякихъ иныхъ соображеній, мы признаемъ ложью послѣднее, а не первое мѣсто Иванова письма. Разсмотрѣвъ обстоятельства событій, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, мы еще болѣе убѣждаемся въ справедливости нашего взгляда. Изъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ того времени мы узнаемъ, что князь Симеонъ Микулинскій, о которомъ такъ презрительно отзывается царь Иванъ,

вмѣстѣ съ другими воеводами, подготовилъ взятіе Казани, да и самъ царь Иванъ Васильевичъ, слѣдуя съ войскомъ подъ Казань и прибывъ въ Свіяжскъ, изъявлялъ ему благодарность (см. Карамз. VIII. 152). Что же касается до того, будто, по нерадѣнію воеводъ, съ царемъ подъ Казанью не было болѣе пятнадцати тысячъ, то это вопіющая неправда. У Морозовскаго лѣтописца число всего войска, бывшаго подъ Казанью, показано въ 150,000 человѣкъ.

Еслибы нужно было допустить, что число это преувеличено, какъ дѣйствительно бываетъ въ нашихъ лѣтописяхъ, то ужъ, конечно, не пришлось бы его сокращать въ десять разъ. Пятнадцатью тысячами невозможно было осадить Казани. О числѣ бывшаго подъ Казанью войска можно судить изъ описанія взятія Казани въ исторіи, составленной Курбскимъ. Онъ повѣствуетъ, что, по прибытіи подъ Казань, полкъ правой руки, въ которомъ находился и авторъ повѣствованія, посланъ былъ за рѣку Казанку: въ немъ было болѣе (выще) двѣнадцати тысячъ, а потомъ онъ прибавляетъ: «и пѣшихъ и стрѣлковъ аки шесть тысящей». Въ этомъ мѣстѣ для насъ не совсѣмъ ясно: слѣдуетъ ли причислять эти шесть тысячъ къ числу «болѣе двѣнадцати тысячъ», или считать ихъ особо? Судя по способу описанія, въ подобныхъ случаяхъ, когда пѣшіе считаются отдѣльно отъ конныхъ, которые всегда здѣсь ставятся прежде, можно, съ большою вѣроятностію, полагать, что подъ двѣнадцатью тысячами разумѣются конные, и быть можетъ здѣсь пропущено слово «конниковъ», но мы не рѣшаемся опираться на такія очень смѣлыя толкованія. Уступимъ заранѣе тѣмъ, которые бы упорно хотѣли число двѣнадцать тысячъ считать итогомъ, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли разница не окажется очень важною. Затѣмъ, по отрѣзаніи отъ войска этого отряда въ 18,000 (а можетъ быть только въ 12,000), царь (Сказ. Курбск. I, 28) повелѣлъ все свое войско раздѣлить надвое: половину его оставилъ подъ городомъ при орудіяхъ, немалую часть оставилъ при шатрахъ стеречь свое здравіе, а тридцать тысячъ конныхъ, устроивъ ихъ и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставивъ надъ каждымъ полкомъ по два и по три начальника, также и пѣшихъ около пятнадцати тысячъ, вывелъ стрѣльцовъ и казаковъ, и раздѣлилъ ихъ на строевые отдѣлы (гуфы) по воинскому порядку, поставилъ надъ ними главноначальствующимъ князя Суздальскаго, Александра, по прозванію Горбатаго, и велѣлъ ждать за горами, а когда бусурманы, по своему обычаю, выйдутъ изъ лѣсовъ, то сразиться съ ними.

Такимъ образомъ, Курбскій указываетъ, что, за исключе-

Обвиненіе въ отравленіи Анастасіи, конечно, не имѣетъ никакого основанія; если были недовольны бояре, то собственно не ею, а ея братьями. Курбскій дѣйствительно отзывается объ нихъ неблагосклонно, и потому, еслибы въ самомъ дѣлѣ бояре покусились на злодѣяніе, то жертвою его были бы шурья царевы, а не царица, которую, напротивъ, многіе любили. Другое обвиненіе бояръ въ намѣреніи возвести на престолъ двоюроднаго брата царскаго, Владимира Андреевича, имѣетъ нѣкоторое основаніе, но перепутывается недоразумѣніями и явною ложью. Иванъ Васильевичъ говоритъ, будто дяди *ваши* (т.-е. бояръ) и господа уморили отца его въ тюрьмѣ, держали его самого, Владимира, съ матерью въ тюрьмѣ, а онъ, царь, ихъ освободилъ. Но уморила въ тюрьмѣ князя Андрея Ивановича мать царя Елена, а освободили его вдову и сына изъ заключенія бояре послѣ смерти Елены, а не царь Иванъ. Онъ указываетъ на то, будто хотѣли посадить на престолъ Владимира, а его Ивана съ дѣтьми извести. Но не видно ничего подобнаго такому злодѣйскому намѣренію. Извѣстное приключеніе во время болѣзни Ивана еще въ 1553-мъ году очень темно. Дѣйствительно, въ виду ожидаемой кончины царя, нѣкоторые боялись, чтобы, при малолѣтствѣ его сына, не захватили власти Захарьины, царскіе шурья, но трудно рѣшить кто именно и до какой степени готовы были дѣйствительно лишить престолонаслѣдія сына Иванова и возвести Владимира. Самъ Курбскій за себя отвѣчалъ на это обвиненіе Ивану, что онъ никогда не думалъ возводить на царство Владимира, потому что считалъ его недостойнымъ.

Странно, во всякомъ случаѣ, что царь, послѣ своей болѣзни, долго не выказывалъ злобы за то, что происходило между боярами во время его недуга; люди, которыхъ онъ послѣ обвинялъ по поводу этого событія, долгое время были къ нему близки. Чѣмъ объяснить это? Намъ кажется, тѣмъ, что означенное событіе уже впослѣдствіи раздули въ воображеніи царя новые его любимцы, заступившіе мѣсто Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. У натуръ, подобныхъ царю Ивану Васильевичу, не рѣдко давнія огорченія возрастаютъ въ позднѣйшее время, когда что-нибудь извнѣ возбуждаетъ объ нихъ воспоминанія. Письмо царя къ Курбскому вообще поясняетъ, что всѣ неистовства тирана происходили оттого, что онъ никакъ не могъ забыть своего униженія, которое онъ перенесъ въ то время, когда допустилъ руководить и собою и всѣми дѣлами государства Сильвестру, Адашеву и ихъ благопріятелямъ. «Вы — пишетъ онъ — хотѣли съ попомъ Сильвестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими видѣть

Русь; вы не только не хотѣли мнѣ быть послушны, но всю ость съ меня сняли, сами государили какъ хотѣли, я только вомъ былъ государь, а на дѣлѣ ничѣмъ не владѣлъ». Курб- і не отрицаетъ справедливости смысла этихъ словъ! «Ласкатели і — пишетъ онъ — клеветали на онаго пресвитера, что онъ рашалъ тебя не истинными, но льстивыми видѣніями. Воис- ну, скажу я, былъ онъ льстецъ, коварный, но благокозненный; тебя исторгнулъ отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей ленняго льва, и привелъ-было тебя къ Христу Богу нашему. ые врачи поступаютъ подобно ему, когда вырѣзываютъ твами дикое мясо и неудобоисцѣлимыя гангрены, а потомъ тановляютъ и исцѣляютъ недужныхъ; такъ и онъ творилъ — звитеръ блаженный Сильвестръ, видя твои душевные недуги, арѣлые и неудобные къ исцѣленію!»

Подъ какимъ угломъ зрѣнія ни смотрѣли бы на эту пере- су, для насъ второе письмо царя Ивана къ Курбскому слу- ь подтвержденіемъ того убѣжденія, что царь этотъ обладалъ льнимъ умомъ, или по крайней мѣрѣ умственныя способности были подавлены черезъ-чуръ воображеніемъ и необузданными івами истерическаго самолюбія. Царь, у котораго неограни- юсть власти была пунктомъ мышленнаго вращенія, самъ не чаетъ и не понимаетъ, какъ онъ своими письмами унижалъ , какъ становился и страшенъ и жалокъ, и мерзокъ и понъ. Въ отвѣтъ на второе письмо Курбскій заявилъ ему ое презрѣніе. «Что ты—пишетъ царю изгнанникъ—испо- ешь предо мною грѣхи свои, какъ передъ священникомъ; юстой человѣкъ, воинъ. Оно было бы чему порадоваться, только мнѣ, бывшему твоему рабу, но всѣмъ царямъ и дамъ христіанскимъ, еслибы твое покаяніе было истинное; ъ твоей эпистоліи выказывается несовмѣстимая съ этимъ агочинная походка внутренняго человѣка, хромающаго на бедра, изумительно и странно, особенно въ земляхъ твоихъ статовъ, потому что здѣсь много людей, свѣдущихъ не только нѣшней философіи, но и въ священномъ писаніи, а ты — эрезъ чуръ уничижаешься, то выше всякой мѣры превозно- ся»! Намекая на разореніе Москвы татарами, Курбскій жается въ такомъ презрительномъ тонѣ: «Собравшись со ь твоимъ воинствомъ, какъ хороняка и бѣгунъ, ты тре- іпь и исчезаешь, когда тебя никто не гонитъ. Только совѣсть кричитъ внутри тебя, обличая тебя за твои дѣла и без- нныя убійства». Въ довершеніе презрѣнія, Курбскій запре- ъ Ивану писать къ себѣ: «Не пиши, прошу тебя къ чужимъ мъ, гдѣ умѣютъ тебѣ отвѣчать такъ, что сбудется на тебѣ

страшнымъ разгромомъ Новгорода и послѣ разоренія Московскаго государства Девлетъ-Гиреемъ. На существованіе сыскного измѣннаго дѣла указываетъ одна опись дѣлъ 1626-го года. Самое дѣло потеряно. Потеря чрезвычайно важная; но изъ того, что мы знаемъ объ ужасныхъ событіяхъ, относящихся къ утраченному дѣлу, уже можно заключить, что дѣло это было плодомъ необузданной чудовищной фантазіи кровожаднаго тирана. Въ вышеупомянутой описи дѣлъ 1626-го года указывается, что въ этомъ дѣлѣ разсматривался заговоръ лишить Ивана Васильевича престола и жизни и возвести на его мѣсто его двоюроднаго брата Владимира Андреевича, а Новгородъ и Псковъ отдать великому князю литовскому. Но какое неестественное сочетаніе! Тѣмъ, которые хотѣли возводить на престолъ Владимира Андреевича, зачѣмъ было отдавать Новгородъ и Псковъ? Съ другой стороны, если-бы существовали въ Новгородѣ и Псковѣ такіе, которые желали бы лучше поступить подъ власть Литвы, чѣмъ оставаться подъ властію Москвы, то для нихъ не все ли равно кто бы послѣ Ивана ни царствовалъ? Характеръ расправы царя Ивана по этому дѣлу никакъ не вяжется съ измѣною. Такимъ образомъ, если цѣлью ея было наказать и уничтожить измѣну въ Новгородѣ и Псковѣ, то зачѣмъ онъ сначала производилъ убійства въ Твери? Зачѣмъ началъ съ плѣнниковъ? Зачѣмъ, послѣ бойни въ Новгородѣ, не произвелъ такой же въ Псковѣ: онъ пріѣхалъ въ Псковъ съ цѣлію дѣлать тоже, что дѣлалъ въ Новгородѣ, но какъ говорятъ, былъ потрясенъ выходкою юродиваго Николая, предложившаго ему кусокъ сырого мяса въ постъ, въ знаменіе того, что онъ пожираетъ людей. Понятно, что царемъ не руководило правосудіе, онъ дѣйствовалъ только по внушенію страстей; иначе, никакіе юродивые не могли бы спасти виновныхъ отъ суда и расправы. Весь характеръ расправы царя Ивана по этому дѣлу носитъ на себѣ такіе признаки, которые несовмѣстны съ производствомъ суда надъ измѣнниками, напротивъ, представляютъ видъ всеобщаго разграбленія съ корыстною цѣлію. Прежде всего собрали со всѣхъ новгородскихъ церквей поповъ, діаконовъ и другихъ лицъ и поставили на правежъ: съ каждаго правили по 20-ти новгородскихъ рублей. За что могли они быть подвергнуты варварскому взысканію по дѣлу объ измѣнѣ? По пріѣздѣ царя,—игуменовъ, поповъ черныхъ и діаконовъ, и соборныхъ старцевъ, которыхъ прежде мучили на правежѣ, избили палицами до смерти. Другихъ держали на правежѣ долѣе, а въ заключеніе отправили въ Москву. Какъ согласить такіе поступки: сначала поставить на правежъ, взыскивать деньги, а потомъ побить! Послѣ варварскихъ мученій и утопленій, царь ѣздилъ

монастырямъ, грабилъ монастырскую казну, приказывалъ со-
гать разныя хозяйственныя заведенія, истреблять скотъ; то-
, по его приказанію, дѣлалось съ торговыми людьми въ Нов-
одѣ. Гдѣ же тутъ судъ и кара за измѣну?

Главнымъ поводомъ ко всѣмъ ужасамъ новгородской бойни
дставляется алчность. Иванъ былъ эгоистъ и потому уже ал-
ъ. Онъ любилъ тѣшиться богатствами и украшеніями. Онъ
шалъ, что въ Новгородѣ какъ въ монастыряхъ, такъ и у част-
хъ лицъ, было много драгоцѣннаго, и ему хотѣлось захватить
это себѣ. Алчность была не только однимъ изъ качествъ
личности, но перешла къ нему и по наслѣдству и по пре-
ію. Всѣ его предки, московскіе государи, отличались скопи-
ствомъ и рѣдко стѣснялись въ выборѣ мѣръ пріобрѣтенія,
да представлялись удобные случаи. Вотъ и Ивану такой слу-
і представился. Какой-то Петръ волынецъ подалъ доносъ,
то новгородскій владыка съ нѣкоторыми новгородцами хо-
ъ измѣнить царю. Письмо такого содержанія, за подписью
ныхъ лицъ, было найдено за иконою въ церкви св. Софіи.
письмо, какъ говорятъ, было подложное; самъ доносчикъ,
бясь на Новгородъ, гдѣ онъ потерпѣлъ наказаніе, составилъ
, искусно поддѣлавшись подъ руки другихъ и положилъ за
ну, гдѣ оно по его указанію было потомъ отыскано. Са-
й способъ отысканія, если не прямо свидѣтельствуетъ о его
ложности, то, при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, пред-
вляетъ возможность подлога. Мы не станемъ уже вдаваться
то, что въ условіяхъ тогдашняго положенія Новгорода не
имъ никакихъ данныхъ, вызывавшихъ подобный замыселъ
аденія Новгорода и Пскова отъ Московскаго государства и
соединенія ихъ къ Литвѣ. Предположимъ, что Пимену и дру-
ъ взошло въ голову предлагать Сигизмунду-Августу сѣвер-
я русскія области во владѣніе. Но какъ же могъ узнать о
ержаніи и мѣстѣ храненія такого важнаго документа не при-
ный новгородецъ, а чужеземецъ, бродяга? Кромѣ того, мы
аемъ, что этотъ доносъ сдѣланъ послѣ того, какъ уже царь
анъ положилъ свою немилость на Новгородъ и перевелъ от-
а сто пятьдесятъ семей. Очень подручно было доносчику уст-
ить свои козни: Иванъ, во всякое время склонный вѣрить
ѣнамъ, теперь былъ особенно довѣрчивъ; такимъ образомъ,
аніе грабежа само собою покрывалось благовиднымъ предло-
ъ кары за измѣну. Но вмѣсто суда и казни тѣхъ, которые
суду оказались бы виновными, тиранъ повальнымъ избіеніемъ
праваго и виноватаго, правежами и свирѣпствами въ тѣхъ
стностяхъ, которыя не могли быть включены въ предполага-

емый замыселъ, касавшій двухъ древнихъ народоправныхъ земель, слишкомъ обличаетъ несостоятельность обвиненій, которымъ онъ хотѣлъ заклеймить свой народъ.

Къ памятникамъ литературной дѣятельности Ивана Васильевича можно отнести его рѣчи, которыя онъ говорилъ передъ иноземными послами, блистая своимъ краснорѣчіемъ, особенно передъ польскими, которыя, къ сожалѣнію, еще не изданы полнымъ собраніемъ. Изъ нихъ мы преимущественно укажемъ на тѣ, которыя произносились по поводу предположенія избрать королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ принца изъ московскаго дома. По смерти Сигизмунда-Августа собственно хотѣли избрать сына Иванова, Ѳеодора, Ивану же хотѣлось царствовать самому; и вотъ онъ истощалъ свое краснорѣчіе передъ литовскими послами очень оригинальнымъ образомъ. Когда пріѣхалъ въ Москву первый посланникъ по этому поводу, Воропай, царь Иванъ счелъ долгомъ оклеветать ему своихъ. Онъ объявлялъ, что еслибы его, царя, выбрали королемъ, то онъ былъ бы для избравшихъ его удивительнымъ защитникомъ. Но онъ тогда же сообразилъ, что, конечно, поляки и литовцы знаютъ о его злодѣяніяхъ, и потому надобно было ему оправдать себя передъ ними, а чтобы оправдать себя, неизбѣжно было очернить другихъ. Царь замѣчалъ, что объ немъ разсказывали, будто онъ вспыльчивъ и золъ; онъ сознавался, что точно онъ вспыльчивъ и золъ, только противъ тѣхъ, которые противъ него злы, «а кто противъ меня добръ—говорилъ онъ—тому я не пожалѣю отдать съ себя цѣпь и одежду! Не диво, что у васъ паны любятъ своихъ людей, когда и люди любятъ своихъ пановъ, а мои люди подвели меня крымскому царю». Грозный разсказывалъ иноземцу небылицы про посѣщеніе Девлетъ-Гирея. Воеводы его сносились-молъ съ ханомъ, подвели его, оставили царя съ малымъ числомъ войска, только съ шестью тысячами, и онъ, царь, долженъ былъ немного отойти въ сторону! Тогда татары вторгнулись въ Москву. «Если бы въ Москвѣ—говорилъ царь—было не болѣе тысячи людей для обороны, и тогда бы она могла оборониться. Но если большіе люди не хотѣли обороняться, то какъ могли меньшіе. Москву сожгли, а мнѣ знать не дали. Посуди же какова измѣна моихъ людей и потому, если кто и былъ казненъ, то за свою вину».

Здѣсь ложь. Виноваты ли были воеводы, которыхъ выставили впередъ противъ хана съ войскомъ, или нѣтъ—рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ, если они были виноваты, то развѣ въ

пособности и неискусствѣ, а ужъ никакъ не въ измѣнѣ. Изъ ъ онаго времени, а равно изъ описаній событій не видно, гдѣ нно ханъ, котораго не слѣдовало пропускать черезъ Оку, пе- іелъ черезъ эту рѣку и насколько воеводы дѣйствовали по эму усмотрѣнію и насколько по приказанію царя. Царь інъ Васильевичъ говоритъ, что съ нимъ было всего на всего ько шесть тысячъ. По всѣмъ вѣроятіямъ — здѣсь значитель- уменьшеніе того количества, какое на самомъ дѣлѣ было. ависимо отъ войска, выставленнаго въ числѣ пятидесяти ячъ противъ хана, — другое войско находилось близъ са- о царя съ передовымъ и сторожевымъ полками. Невозможно, бъ все это войско ограничивалось количествомъ шести тысячъ; ь слишкомъ заботился о сохраненіи своей особы, чтобъ аждать себя такимъ незначительнымъ отрядомъ. Въ тоже вре- царь, уменьшая передъ литовскимъ посланникомъ число соб- зннаго войска, уменьшалъ и силу крымскаго полчища до со- а тысячъ, тогда какъ, по другимъ извѣстіямъ, его было до),000; послѣднее число вѣроятнѣе, потому что татарскій ханъ пустился бы въ такую даль иначе, какъ съ огромною ордою. бы оправдать себя и обвинить своихъ воеводъ—царю нужно о сдѣлать такое уменьшеніе; разсчетъ понятенъ: когда бы о было татаръ,—воеводамъ, стало быть, можно было съ ни- помѣряться; а когда мало было войска съ царемъ, стало быть, ь не отъ трусости, а отъ крайней необходимости удалился ного въ сторону [1]). Царь Иванъ Васильевичъ лжетъ, увѣряя, то Москва оставалась безъ обороны, и что еслибъ тамъ бы- хоть тысяча человѣкъ, то столицу можно было бы охранить. азывается, что тѣ воеводы, которыхъ царь чернилъ измѣнни- и и предателями, поспѣшили оборонять Москву, тогда какъ ь бѣжалъ въ Ярославль. Девлетъ-Гирей не взялъ Москвы; сгорѣла во время его приближенія къ ея стѣнамъ, сгорѣла смятенія и безпорядка, возникшаго именно вслѣдствіе того, царь оставилъ ее въ такое страшное время непріятельскаго іествія. Ханъ все-таки отступилъ отъ нея, потому что рус- е войско готово было сразиться съ нимъ. Понятно, что царю обно было себя какъ-нибудь выгородить, а воеводъ обвинить; ибы изъ своихъ никто не осмѣлился упрекнуть его въ глаза, всеже самолюбіе его сильно страдало, когда онъ вообра-

---

[1]) Воропай передаетъ слова царя Ивана Васильевича слѣдующимъ образомъ въ скомъ переводѣ: Lecz i na ten czas mocy tatarskiey ni kąska się nie bałem, jedno widział zmienność i zdradę ludzi moich, tedy od ludzi tatarskich mało na stronę ściłem się.

жалъ, что другіе считаютъ его трусомъ, да и передъ самимъ собою ему дѣлалось стыдно. Одно ему было спасеніе — измѣна другихъ. Измѣна дѣйствительно была. Но какая? Нѣкто Кудеяръ съ пятью дѣтьми боярскими, да послѣ него двое новокрещеныхъ татаръ прибѣжали къ хану, извѣщали его о бѣдствіяхъ въ Московскомъ государствѣ, о томъ, что тамъ уже два-года сряду была меженина (голодъ) и моръ, что царь многихъ побилъ въ опалѣ, что большая часть войска въ Ливоніи, а близъ Москвы его не много, что теперь-то наступило самое удобное время напасть на русскую землю. Этотъ Кудеяръ былъ, во-первыхъ, самъ татаринъ, а во-вторыхъ — разбойникъ: такимъ называетъ его въ своемъ письмѣ къ хану самъ царь; и въ народной памяти сохранилось это имя въ званіи разбойника. Достойно замѣчанія, что во многихъ мѣстахъ Великой Руси осталось преданіе о татаринѣ-разбойникѣ Кудеярѣ; тамъ и сямъ указываютъ даже на слѣды пещеръ, гдѣ жилъ или проживалъ Кудеяръ, на курганъ, гдѣ онъ погребенъ. Народная фантазія представляетъ его необыкновеннымъ силачемъ и волшебникомъ; говорятъ, что много бѣдъ приняли отъ него русскіе, пока побѣдили. Кудеяръ Тишенковъ, называемый въ письмѣ царя къ хану разбойникомъ, вѣроятно, одно и тоже лицо съ татариномъ-разбойникомъ народныхъ преданій подъ именемъ Кудеяра. Изъ этого оказывается, что хану Девлетъ-Гирею, во время похода его къ Москвѣ, въ качествѣ измѣнниковъ, помогала разбойничья шайка подъ начальствомъ татарина, а можетъ быть и вообще составленная изъ татаръ, хотя бы и крещеныхъ: нерѣдко крещеный татаринъ долго оставался съ татарскими симпатіями и, при случаѣ, готовъ былъ выказать себя враждебно по отношенію къ Руси. Такимъ образомъ о двухъ измѣнникахъ, въ тоже время подговаривавшихъ хана и служившихъ ему проводниками, Иванѣ Урмановѣ и Степанкѣ, мы положительно знаемъ, что они были новокрещеные татары. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что главный коноводъ этой измѣны, Кудеяръ, былъ татаринъ и помогалъ татарамъ по симпатіи, какую питалъ къ нимъ, какъ къ своимъ землякамъ, да притомъ онъ, какъ разбойникъ, болѣе чѣмъ всякій другой, былъ способенъ на дѣло, вредное тому краю, гдѣ жилъ. Такого рода измѣна была вполнѣ естественна; но царю Ивану она не годилась: ему нужно было измѣны не какого-нибудь разбойника, а людей знатныхъ и начальствующихъ, измѣны боярской и воеводской. И вотъ онъ выдумалъ такого рода необходимую для себя измѣну: онъ взялъ съ одного изъ воеводъ, Мстиславскаго, клятвенную запись съ признаніемъ въ измѣнѣ. Мы не знаемъ, одинъ ли только Мстиславскій давалъ тогда та-

запись или, быть можетъ, то же самое взято было и съ другихъ воеводъ; а потому можемъ судить только объ одной и по одной дѣлать заключеніе о всемъ дѣлѣ. Въ своей клятвенной записи князь Мстиславскій говоритъ, что онъ «православному христіанству и всей русской землѣ измѣнилъ, навелъ есъ моими товарищами безбожнаго Девлетъ-Гирея крымскаго взятыя православныя церкви» и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ нѣкоторыхъ бояръ взяли за него, Мстиславскаго, поручную грамоту, чтобъ ему никуда не убѣжать, а за этихъ бояръ взяли поручную грамоту съ другихъ лицъ.

Можетъ ли быть какое-нибудь вѣроятіе въ измѣнѣ Мстиславскаго и оговоренныхъ его товарищей воеводъ, начальствовавшихъ разомъ съ нимъ въ войскѣ, выставленномъ противъ татаръ? Если Мстиславскій былъ дѣйствительно измѣнникъ, то какъ онъ могъ оставаться по прежнему близъ царя цѣлъ и невредимъ? Мы видимъ, что Мстиславскій, сознавшись въ измѣнѣ отечеству, на другой же годъ ѣздилъ съ царемъ въ Новгородъ, а потомъ воевалъ въ Ливоніи. Чѣмъ же представляется самъ царь, допускавшій сидѣть у себя въ совѣтѣ и начальствовать такомъ человѣку, умышленно предававшему отечество врагамъ, виновнику страшнаго московскаго пожара и гибели людей, которыхъ число преувеличивали до 800,000? Неужели есть возможность человѣку, принужденному сознаться въ такомъ ужасномъ преступленіи, гдѣ бы то ни было, въ какой бы то ни было странѣ — не только оставаться безъ казни, но даже пребывать съ высшими почестями? А товарищи, на которыхъ Мстиславскій указываетъ, какъ на соучастниковъ своего преступленія, кто они и что съ ними сталось? Это, безъ сомнѣнія, воеводы, начальствовавшіе въ одномъ и томъ же войскѣ, гдѣ Мстиславскій былъ воеводою правой руки. Ближайшій его товарищъ — второй по немъ воевода правой руки, былъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ меньшой; мы видѣли, что царь обвинялъ его, какъ бы еще живого, уже тогда, когда его не было на свѣтѣ; но такое обвиненіе не имѣетъ основанія. Главнымъ воеводою въ томъ войскѣ, гдѣ былъ Мстиславскій, былъ князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій: по разряднымъ книгамъ онъ значится убитымъ въ приходъ Девлетъ-Гирея къ Москвѣ, а по извѣстію лѣтописи, онъ задохся во время пожара въ погребѣ, въ своемъ домѣ. Еслибъ онъ былъ измѣнникъ, едва ли бы онъ поспѣшилъ защищать отъ крымцевъ покинутую царемъ столицу.

Надѣемся, что никто не станетъ чернить клеветою князя Михаила Воротынскаго, впослѣдствіи одержавшаго побѣду надъ крымцами на берегахъ Лопасни, ни Ивана Петровича Шуйскаго, ге-

ройски защищавшаго Псковъ противъ Баторія. Въ 1570 году, во время нашествія Девлетъ-Гирея, первый начальствовалъ передовымъ, второй—лѣвой руки полкомъ. Нельзя также подозрѣвать въ измѣнѣ воеводу сторожевого полка князя Ивана Андреевича Шуйскаго; онъ оставался въ чести и былъ убитъ въ 1573 въ сраженіи въ Эстоніи. Бывшій товарищемъ князя Воротынскаго въ передовомъ полку, князь Петръ Ивановичъ Татевъ самимъ царемъ Иваномъ впослѣдствіи возведенъ былъ въ санъ окольничаго, а потомъ боярина. Товарищъ князя Ивана Петровича Шуйскаго, Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ пострадалъ отъ царя Ивана Васильевича, но сравнительно уже поздно, вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ въ 1577-мъ году, слѣдовательно никакъ не за измѣну въ 1571-мъ. Такимъ образомъ, всѣ лица, которыхъ огуломъ царь обвинялъ въ измѣнѣ, изъ которыхъ, сколько намъ извѣстно, одинъ князь Мстиславскій сознался въ измѣнѣ и оговорилъ въ томъ же преступленіи своихъ товарищей—всѣ эти лица остались безъ наказанія, участвовали въ государственныхъ дѣлахъ, начальствовали войскомъ, находились въ царскомъ совѣтѣ и получали отъ царя повышенія. Вслѣдъ за нашествіемъ Девлетъ-Гирея казнены были, въ числѣ другихъ лицъ, князь Михаилъ Темрюковичъ Черкасскій, шуринъ царя, и Василій Петровичъ Яковлевъ; люди эти были, во время нашествія крымскаго хана, воеводами въ томъ войскѣ, которое находилось вмѣстѣ съ царемъ. Но по всему видно, что казнь ихъ имѣла другой поводъ и связана была, какъ справедливо полагалъ и Карамзинъ, съ болѣзнію и скорою смертію новой царской жены, Мареы Собакиной, а никакъ не произошла по какимъ-нибудь обвиненіямъ въ предательскихъ сношеніяхъ съ Девлетъ-Гиреемъ во время его нашествія, тѣмъ болѣе, что казнь эта въ тоже время постигла лицъ, неучаствовавшихъ въ отраженіи крымскаго нападенія. Во всякомъ случаѣ, жалуясь литовскому посланнику на измѣну своихъ воеводъ, царь ясно разумѣлъ тѣхъ, которые находились въ выставленномъ впереди войскѣ, гдѣ главнымъ воеводою былъ князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій. Царь говоритъ, что воеводы, которые предъ нимъ *впереди шли*, не дали ему знать о приближеніи крымскаго хана и не хотѣли вступить въ битву, что онъ былъ бы доволенъ, еслибъ они, потерявши нѣсколько тысячъ человѣкъ, прислали ему хоть бы одну татарскую плеть. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что царь Иванъ разумѣлъ здѣсь именно тѣхъ воеводъ, въ числѣ которыхъ былъ признавшійся въ измѣнѣ князь Мстиславскій, а не тѣхъ, которые окружали тогда самого царя. Между тѣмъ, не церемонясь съ другими, царь однако не на-

ивалъ тѣхъ, кого чернилъ предъ иноземцами, какъ государ-
:нныхъ измѣнниковъ. Иванъ лгалъ, говоря, что если послѣ
мскаго прихода кто и былъ казненъ, то за свою вину. Изъ
ъ, кого онъ чернилъ по поводу нашествія Девлетъ-Гирея,
то казненъ не былъ.

Ясно, что тиранъ, для оправданія своей трусости, выдумалъ
ѣну и обвинялъ другихъ. Но въ такомъ случаѣ, отчего же
прямо не казнилъ тѣхъ, которыхъ обвинялъ, и отчего,
ъ съ Мстиславскаго запись съ сознаніемъ измѣны, совершен-
вмѣстѣ съ товарищами, оставлялъ въ прежнемъ санѣ и
гиславскаго и его товарищей? Какъ объяснить такую несо-
азность?

Мы думаемъ, что не ошибемся, если объяснимъ это слѣду-
имъ образомъ:

Царь Иванъ въ это время сильно трусилъ, но онъ трусилъ
только хана и его татаръ; онъ трусилъ и своихъ поддан-
ъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни покорна была погруженная въ
ство масса, но всему есть предѣлъ и она при своей покор-
ти иногда теряла терпѣніе и проявляла свое неудовольствіе
имъ, кровавымъ образомъ. Иванъ помнилъ первый московскій
:аръ, послѣ котораго пострадалъ отъ народа царскій дядя
нскій, и самъ царь подпалъ вліянію ненавистнаго Сильвест-
Онъ могъ опасаться отъ народа волненія, подобнаго преж-
у, и предметомъ народной ненависти естественно долженъ
ъ на этотъ разъ сдѣлаться самъ царь, постыдно оставившій
о столицу въ минуту опасности и думавшій только о себѣ,
е о своихъ подданныхъ. Съ народной толпой уже не можетъ
авиться никакое самовластіе, если только она протретъ себѣ
за и потеряетъ терпѣніе. И вотъ царь Иванъ Васильевичъ
умалъ обезпечить себя съ этой стороны. Онъ обвинилъ сво-
воеводъ, но потребовалъ отъ нихъ сознанія въ ихъ винѣ,
а то обѣщалъ помиловать и простить. Повторяемъ—намъ не-
ѣстно, давалъ ли еще кто-нибудь, кромѣ Мстиславскаго та-
своеобразную запись, какую далъ послѣдній; но еслибы и
ествовала только одна, которая до насъ дошла, все равно
нъ имѣлъ уже, на случай народнаго волненія, вмѣсто себя
іа отпущенія: онъ выдалъ бы его народу для утоленія на-
ной досады, да не пожалѣлъ бы также и другихъ товарищей
иславскаго. Въ такихъ видахъ Ивану Васильевичу гораздо
ручнѣе и выгоднѣе было не казнить обвиненныхъ, а оставить
цѣлыми и невредимыми и беречь ихъ на случай, когда можно
этъ ими замѣстить самого себя. Вотъ, по нашему мнѣнію,
гадка такого страннаго и непонятнаго документа, какъ за-

пись Мстиславскаго, въ которой этотъ князь добровольно сознается въ государственной измѣнѣ, оставаясь послѣ того полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Но царю Ивану Васильевичу пригодился тотъ же способъ взваливанія своихъ царскихъ грѣховъ на воеводскія плечи и для оправданія себя предъ иноземцами. Онъ чувствовалъ за собою безславіе какъ трусости, такъ и жестокости; ему досадно было, что за рубежемъ его государства писали и говорили о его порокахъ,—всего болѣе онъ злился за то на своихъ бѣглецовъ, въ родѣ Курбскаго; ему бы хотѣлось увѣрить всѣхъ, что на него наговариваютъ напраслину, а не представляютъ его поступковъ въ настоящемъ ихъ видѣ. Когда литовскій посланникъ явился къ нему съ предложеніемъ желанія нѣкоторыхъ избрать его королемъ, первымъ дѣломъ царя Ивана было объявить литвину, что московскій царь не трусъ и не мучитель, а человѣкъ очень хорошій, и вмѣстѣ съ тѣмъ очернить своихъ слугъ.

Нельзя приписывать личной мудрости царя Ивана высказанное имъ много разъ сознаніе права на возвращеніе русскихъ земель, какъ древняго достоянія державы, имѣвшей названіе русской и хотѣвшей быть всерусскою предъ цѣлымъ міромъ. Тоже говорилось и предшественниками Ивана; этому надлежало повторяться изъ устъ его преемниковъ: то было прирожденное стремленіе Москвы. Но отношенія царя Ивана къ Польшѣ и Литвѣ были иныя и исключительныя; его предшественники не бывали въ такомъ положеніи, какъ онъ. Прекращеніе Ягеллоновой династіи не только открывало новый путь будущности соединенной державы Польши и Литвы, но должно было отразиться важнымъ вліяніемъ на исторію всего сѣвера Европы. Была извѣстная партія, желавшая избрать въ короли принца изъ московскаго дома, но была партія, искавшая, напротивъ, такихъ связей, которыя бы вели къ враждебнымъ отношеніямъ съ Москвою. Въ чемъ же состояла задача московскаго царя? Воспользоваться обстоятельствами и стараться повернуть ихъ какъ можно лучше для московской державы, и, разумѣется, такъ или иначе, но возможно ближе къ завѣтной цѣли.

Царь Иванъ Васильевичъ показалъ въ этомъ случаѣ неумѣнье и сдѣлалъ такъ, какъ только можно было сдѣлать хуже для Москвы.

Сначала пріѣхалъ посланникомъ въ Москву Воропай и привезъ желаніе многихъ избрать на престолъ Рѣчи Посполитой царскаго сына Ѳеодора. Царь Иванъ Васильевичъ не желалъ

ить въ короли Польшѣ и Литвѣ сына, а предлагалъ самого . Несомнѣнно, что ему очень хотѣлось получить корону, избраніе Θеодора, во многихъ отношеніяхъ, могло бы совер-ься гораздо легче, чѣмъ избраніе самого царя. Но какъ же тупалъ въ этомъ случаѣ царь Иванъ? Получивъ согласіе и выслу-ъ отъ царя апологію своихъ поступковъ, Воропай уѣхалъ. шло потомъ полгода. Иванъ не старался подвигать этого роса къ разрѣшенію въ пользу своей державы никоимъ обра-ь. У него не было ни искусныхъ пословъ на сеймѣ, не язалъ онъ своей скупой московской калиты на подарки; а ду тѣмъ ловкій французъ Монтлюкъ расположилъ своимъ норѣчіемъ и обѣщаніями поляковъ въ пользу дома Валуа. второе посольство къ царю, которое возложено было на каила Гарабурду, царь явно гнѣвался за медленность поля-ь и литовцевъ, и на этотъ разъ уже не торопился съ преж-ь жаромъ сдѣлаться польскимъ королемъ, говорилъ ни то, се: то соглашался отдать полякамъ въ короли сына, но не че, какъ наслѣдственно [1]), то самъ себя предлагалъ въ короли акже наслѣдственно, то заявлялъ желаніе быть выбраннымъ литовскій престолъ безъ польской короны, то, наконецъ, во-не желалъ, чтобъ у поляковъ и литовцевъ былъ королемъ , московскій царь, или его сынъ, а рекомендовалъ принца австрійскаго дома. Понятно, что дѣло обратилось совсѣмъ противную сторону и на польскій престолъ избранъ былъ нцузскій принцъ; совершилось такое избраніе, насчетъ ко-аго царь Иванъ Васильевичъ предупреждалъ литовскаго посла, если оно состоится, то ему, царю, надъ Литвою промышлять. избранный на польскій престолъ Генрихъ д'Анжу, какъ из-гно, скоро убѣжалъ изъ Польши; тогда хотѣли снова избрать оля изъ московскаго дома и притомъ уже прямо самого царя на, слѣдовательно сдѣлать то, чего желалъ Иванъ въ самомъ алѣ и о чемъ заявлялъ Воропаю; партія за него была не-оважная, особенно въ Литвѣ, Волыни и другихъ русскихъ яхъ; примасъ королевства Яковъ Уханскій былъ его горя-ъ сторонникомъ и подавалъ царю совѣты, какъ склонить на о сторону тѣхъ и другихъ вліятельныхъ пановъ. Иванъ Ва-ьевичъ не воспользовался этими совѣтами; ему хотѣлось по-

---

[1]) Требованіе это, по духу поляковъ, было неумѣстно въ то время. Притомъ же , изъ прежнихъ примѣровъ съ Ягеллонами, могъ имѣть въ виду, что, послѣ избра-московскаго принца на польскій престолъ, въ Польшѣ и Литвѣ будетъ всегда ствовать сильная партія, желающая, чтобъ послѣдующіе короли были избираемы одного и того же дома.

лучить польскую корону, но жаль было издержекъ для этой цѣли; онъ не рѣшался поступить ни тѣмъ, ни другимъ образомъ, онъ болѣе всего боялся, чтобъ ему какъ-нибудь не унизиться и не сдѣлать какого-нибудь шага, недостойнаго того сана, которымъ онъ величался, хотя постоянно, во всю свою жизнь, дѣлалъ это. Теперь онъ опять и еще сильнѣе благоволилъ къ избранію на польскій престолъ принца изъ австрійскаго дома. Дѣло въ Польшѣ окончилось тѣмъ, что, при нерѣшительности и бездѣйствіи московскаго царя, партія, ему враждебная, взяла перевѣсъ и былъ избранъ королемъ Стефанъ Баторій. Тогда, пропустивъ удобное время, московскій государь началъ заявлять свое неудовольствіе, не хотѣлъ называть новоизбраннаго короля братомъ, а называлъ только сосѣдомъ, требовалъ, какъ уже вошло въ Москвѣ въ обычай, Кіева, Витебска, Канева, то-есть русскихъ земель, присоединенныхъ къ польско-литовской державѣ и даже изъявлялъ притязаніе, что со смертью Ягеллоновъ вся польская корона и великое княжество литовское по праву дѣлаются вотчиною московскихъ государей. Что же было послѣдствіемъ такихъ несвоевременныхъ заявленій? Иванъ Васильевичъ навлекъ на себя несчастную войну, потерялъ всѣ, сдѣланныя имъ прежде пріобрѣтенія на западѣ и перенесъ великое нравственное униженіе.

Избраніе на польскій престолъ либо самого Ивана, либо его сына непремѣнно совершилось бы, еслибъ самъ Иванъ не помѣшалъ этому своимъ колебаніемъ, скупостью, пустымъ высокомѣріемъ и вообще неумѣньемъ вести дѣло. Мы не будемъ сожалѣть, что не случилось именно того, что могло случиться уже потому, что не рѣшимся положительно утверждать, чтобъ это послужило къ пользѣ русской земли въ будущемъ [1]). Но несомнѣнно, что Иванъ не руководился какими-либо глубокими соображеніями о послѣдствіяхъ въ будущемъ, и не показалъ ни малѣйшихъ слѣдовъ той мудрой политики, которая бы клонилась къ тому, чтобъ тѣмъ или другимъ способомъ дѣло въ Польшѣ окончилось къ пользѣ московской державы. Всѣ его рѣчи и поступки показываютъ, что онъ дѣйствовалъ по впечатлѣніямъ, по тѣмъ или другимъ страстнымъ движеніямъ, а никакъ не по разумному плану. Его благоволеніе къ избранію на польскій пре-

---

[1]) Безспорно, что сближеніе съ Польшею послужило бы ко введенію признаковъ европейскаго просвѣщенія въ Московскомъ государствѣ. Поляки, превосходившіе московскихъ людей образованностью, возъимѣли бы на послѣднихъ нравственное вліяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, на московскомъ обществѣ отразились бы и всѣ недостатки, которые глубоко укоренились въ польскомъ; просвѣщеніе и свобода могла бы сдѣлаться удѣломъ немногихъ къ большему порабощенію и погруженію въ невѣжество массы народа.

столъ принца изъ австрійскаго дома не показываетъ въ немъ прозорливости. Допущеніе въ Польшу этой династіи было бы вовсе невыгодно для Московскаго государства, и, вѣроятно, еслибъ оно совершилось, то повело бы къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, которыя произошли тогда въ разрѣзъ съ желаніями царя Ивана [1]).

Обозрѣвая кругъ литературной и умственной дѣятельности царя Ивана Васильевича, мы считаемъ неизлишнимъ коснуться и его препирательства съ Антоніемъ Поссевиномъ, тѣмъ болѣе, что многіе по этому поводу готовы изумляться уму, остроумію и свѣдѣніямъ московскаго государя.

Хитрый іезуитъ, преслѣдуя давнюю цѣль римскаго первосвященническаго престола, пріискивалъ средства подвинуть вопросъ о соединеніи церквей или о подчиненіи русской церкви папѣ, и для этого хотѣлъ вызвать московскаго государя на споръ о вѣрѣ. Онъ, очевидно, надѣялся, съ одной стороны, на свою ученость и ловкость, съ другой на невѣжество своего противника и на его неумѣнье вести подобныя состязанія. Сначала царь уклонялся отъ такого вызова. «Если намъ съ тобою говорить о вѣрѣ— сказалъ онъ—то тебѣ будетъ нелюбо. Намъ безъ митрополита и освященнаго собора о вѣрѣ говорить не пригоже. Ты попъ и отъ папы присланъ; ты поэтому и говорить дерзаешь, а мы не умѣемъ объ этомъ говорить безъ митрополита и освященнаго собора».

Нельзя не сознаться, что такая рѣчь была благоразумна.

Но были ли эти слова произнесены по собственному побужденію? Не были ли они, скорѣе, выраженіемъ взгляда, такъ сказать, общаго Москвѣ и подсказаннаго царю боярами?

Полагаемъ послѣднее. Это видно изъ того, что, послѣ произнесенія этихъ словъ, Иванъ, въ противность ихъ смыслу, вступилъ въ состязаніе съ іезуитомъ.

Очевидно, сказавши то, что слышалъ отъ другихъ и что ему понравилось съ одной стороны, Иванъ не могъ утерпѣть и преодолѣть свою склонность къ разумничанью и богословствованію; онъ выступилъ на состязаніе противъ ученаго іезуита съ запа-

---

[1]) Недавно одинъ молодой трудолюбивый и даровитый дѣятель по русской исторіи г. Штендманнъ показывалъ намъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія почерпнутыя имъ изъ Вѣнскаго архива; изъ нихъ оказывается, что Иванъ Васильевичъ духовнымъ завѣщаніемъ передавалъ послѣ себя все свое государство въ руки Габсбургскаго дома въ лицѣ того самаго Эрнеста, котораго поддерживалъ въ Польшѣ. Желательно, чтобы г. Штендманнъ скорѣе издалъ въ свѣтъ свои свѣдѣнія, извлеченныя изъ разныхъ европейскихъ архивовъ: они вообще очень важны для русской исторіи.

сомъ своихъ знаній и съ силами своего ума. И здѣсь-то онъ показалъ, какова у него была «огромная начитанность и логичность изложенія».

«Ты говоришь, Антоній,—сказалъ іезуиту московскій царь-богословъ — что ваша вѣра римская съ греческою одна вѣра: и мы вѣру держимъ истинную христіанскую, а не греческую; греческая словетъ потому, что еще пророкъ Давидъ пророчествовалъ до Христова Рождества за много лѣтъ: отъ Ефіопіи предварить рука ея къ Богу, а Ефіопія то мѣсто, что Византія, что первое государство греческое въ Византіи».

Такимъ образомъ, царь Иванъ, читая священное писаніе, получилъ такія представленія, что Ееіопія стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ была Византія, и относилъ къ послѣдней то, что сказано было о первой!

Далѣе — царь Иванъ показалъ, чтó онъ знаетъ о важномъ вопросѣ разъединенія церквей и какъ понимаетъ его.

Конечно, отъ человѣка съ большою начитанностью и съ свѣтлымъ умомъ, человѣка, какимъ хотятъ намъ представить царя Ивана его апологисты, можно и должно было ожидать, что, рѣшившись вступить въ споръ о различіи вѣръ восточной и западной, онъ прежде всего укажетъ на тѣ главныя черты, которыя составляютъ существенную сторону этого различія. Вышло противное. Царь Иванъ не вступаетъ съ Поссевиномъ въ преніе о главенствѣ папы, не доказываетъ, ни смысломъ св. Писанія, ни церковною исторіею, несправедливости притязаній римскихъ первосвященниковъ на абсолютную власть въ дѣлахъ вѣры, не касается прибавленія къ символу вѣры словъ *и отъ Сына*, составляющаго догматическое различіе церквей, не говоритъ о противномъ буквальному смыслу словъ Христа Спасителя причащеніи св. Таинъ подъ однимъ видомъ, не знаетъ или знать не хочетъ ни чистилища, ни обязательнаго безженства священниковъ: обо всемъ этомъ царь Иванъ непроизнесъ ни одного намека. Онъ знаетъ, что «римская церковь съ нашею вѣрою христіанскою во многомъ не сойдется». Но въ чемъ же она не сходится, по его понятіямъ? «Видимъ — московскій государь говоритъ іезуиту—у тебя бороду подсѣчену, а бороды подсѣкать и подбривать не велѣно, и не попу, и мірскимъ людемъ, а ты, римской вѣры попъ, а бороду сѣчешь?»

Такъ вотъ въ чемъ, по взгляду московскаго государя, различіе вѣры? Вотъ чтó отдѣляетъ римскую вѣру отъ «истинной христіанской!» Не напоминаетъ ли это упорнаго простолюдина-раскольника послѣдующихъ временъ, нерѣшающагося ѣсть и пить вмѣстѣ съ «скоблёнымъ рыломъ» и поставляющаго сущность христіанскаго благочестія въ соблюденіи старинныхъ обычаевъ?

Но Иванъ,—возразятъ намъ,—бесѣдуя съ іезуитомъ, оговорился, заявивъ ему, прежде замѣчанія о бородѣ, что ему извѣстны различія вѣръ, гораздо важнѣйшія: «мы большихъ дѣлъ говорить съ тобою о вѣрѣ не хотимъ, чтобъ тебѣ не въ досаду было». Слѣдовательно Ивана нельзя подозрѣвать въ кругломъ невѣжествѣ относительно различія восточной и западной церквей. Не слѣдуетъ ли, скорѣе, заключить, что царь Иванъ, сознавая заранѣе безполезность толковъ о вѣрѣ, хотѣлъ отстраниться отъ нихъ, а сдѣлалъ вскользь замѣчаніе, которое имѣло видъ нѣкоторой ироніи? Правда, изъ словъ Ивана мы видимъ, что у него было какое-то смутное понятіе о существованіи болѣе важныхъ различій въ вѣрѣ, чѣмъ «подсѣченіе» бороды; но отчего онъ не коснулся ихъ? Онъ говоритъ Антонію: «чтобъ тебѣ въ досаду не было». Но отчего Антонію могло быть досаднѣе, еслибъ царь заговорилъ съ нимъ о принятіи св. Даровъ подъ однимъ видомъ, а не было досадно, когда онъ съ нимъ толковалъ о бородѣ? Если царь Иванъ видѣлъ безполезность всякихъ споровъ о вѣрѣ и хотѣлъ рѣшительно отъ нихъ уклониться, то ему не слѣдовало уже касаться ровно ничего; его замѣчаніе насчетъ бороды ровно ни къ чему не могло повести и вызвало только у Антонія отвѣтъ, который пресѣкалъ всякіе дальнѣйшіе толки о бородѣ. «И Антоній передъ государемъ говорилъ, что онъ бороды ни сѣчетъ, ни брѣетъ». Этимъ отвѣтомъ, устраняя самый предметъ разговора изъ области религіозныхъ вопросовъ, куда хотѣлъ ввести его московскій государь, іезуитъ, такъ сказать, одурачилъ послѣдняго, указавъ ему, съ одной стороны, что предметъ этотъ можетъ касаться только личныхъ свойствъ человѣка и никакъ не относится къ области вѣры, а съ другой, что царь настолько глуповатъ, что не можетъ распознать подстриженной или выбритой бороды отъ небритой и неподстриженной. Не проще ли объяснить замѣчаніе, сдѣланное Иваномъ насчетъ бороды, тѣмъ, что царь, зная плохо сущность предмета той бесѣды, на которую вызывалъ его іезуитъ, не рѣшался вдаваться въ эту бесѣду, чтобы, по причинѣ собственнаго невѣдѣнія, не стать въ тупикъ и не придти въ такое состояніе, когда поневолѣ придется согласиться съ противникомъ, не въ силахъ будучи опровергать его доводами. Плохо же онъ былъ подготовленъ къ возможности вести споръ съ духовнымъ западной вѣры о религіозныхъ недоразумѣніяхъ, потому что онъ, какъ вообще большинство русскихъ и того времени и другихъ временъ, мало интересовался высшею стороною религіи, а прилѣплялся только къ внѣшнимъ ея признакамъ. Кто знакомъ съ историческимъ развитіемъ русскаго благочестія, кто наблюдалъ надъ его настоящимъ проявле-

ніемъ, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что русскій благочестивый человѣкъ очень часто не только не знаетъ церковной исторіи и св. Писанія, но совершенно равнодушенъ къ желанію узнать ихъ; даже чтеніе и слушаніе св. Евангелія (во время богослуженія оно важно для него только какъ часть обряда) не составляетъ любимаго занятія благочестиваго человѣка; за то онъ углубляется въ мельчайшія подробности богослуженія, въ правила, касающіяся разныхъ внѣшнихъ проявленій благочестія, читаетъ или слушаетъ съ удовольствіемъ повѣствованія о подвигахъ святыхъ, о ихъ борьбѣ съ бѣсами, поученія, относящіяся преимущественно къ монашескому житію или къ соблюденію разныхъ пріемовъ, приближающихъ человѣка, хотя бы внѣшнимъ только образомъ, къ монашескому идеалу. Таковъ былъ и царь Иванъ, и въ этомъ отношеніи онъ былъ сынъ своей страны и своего народа. Онъ, какъ показываютъ его посланія въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, читалъ аскетическія поученія Иларіона и другихъ отцовъ; монашеское званіе было для него идеаломъ христіанскаго благочестія; онъ мечталъ самъ нѣкогда отрещись отъ міра и постричься: онъ даже выговаривалъ себѣ это право на будущее время у поляковъ, когда ему представлялась возможность быть польскимъ королемъ; онъ зналъ и любилъ богослуженіе до того, что самъ основалъ у себя подобіе монастыря; онъ исполнялъ положенныя церковью правила, строго соблюдалъ посты и пришелъ въ ужасъ, когда псковскій юродивый предложилъ ему кусокъ мяса въ великій постъ; совершая ужаснѣйшія злодѣянія, Иванъ Васильевичъ каялся, называлъ себя, ради смиренія и сердечнаго сокрушенія о содѣянныхъ грѣхахъ, псомъ и другими унизительными названіями; онъ заботился о спасеніи душъ тѣхъ, которыхъ самъ лишалъ жизни преждевременно, посылая за упокой ихъ милостыню по монастырямъ и вписывая ихъ имена въ сvнодики. Однимъ словомъ, Иванъ былъ очень благочестивый человѣкъ своего вѣка; но его благочестіе было, если можно такъ выразиться, дюжинное; Иванъ ни на волосъ не былъ выше рядовыхъ благочестивцевъ своего времени. Онъ мало занимался такими вопросами, какъ сущность различія церквей, для чего требовались знанія — историческія и догматическія; онъ обращалъ свое благочестивое настроеніе совсѣмъ къ другой сторонѣ религіи. Его взглядъ былъ ничуть не шире взгляда тѣхъ, которые считали важнѣйшимъ вопросомъ вѣры вопросъ о рощеніи или постриженіи бороды; надъ такими вопросами онъ задумывался: они его интересовали болѣе другихъ; въ той сферѣ, которой касались подобные вопросы, онъ былъ знатокъ, а потому-то съ ними онъ смѣло выступалъ противъ іезуита. То же сдѣлалъ бы на его мѣстѣ всякій другой

русскій дюжинный благочестивый человѣкъ. Ясно, что въ бесѣдѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ царь Иванъ Васильевичъ не показалъ себя человѣкомъ съ особенно свѣтлымъ умомъ, широтою взгляда и умственнымъ превосходствомъ предъ своими современниками. Мы думаемъ, что еслибъ царь Иванъ Васильевичъ былъ замѣчательно умнымъ человѣкомъ, то, находясь въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ поставленъ относительно іезуита, онъ бы совершенно устранился отъ всякихъ препирательствъ и разъ объявивши ему, что не станетъ толковать съ нимъ о вѣрѣ, твердо стоялъ бы на этомъ, не поддаваясь искушенію показать передъ чужеземцемъ свое разумничанье.

Второе замѣчаніе, сдѣланное московскимъ царемъ папскому послу, было болѣе кстати, чѣмъ первое. Царь Иванъ Васильевичъ говорилъ: «Сказалъ намъ нашъ паробокъ Истома Шевригинъ, что папа Григорій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, и цѣлуютъ его въ ногу въ сапогъ, а на сапогѣ у папы крестъ, а на крестѣ распятіе Господа Бога нашего; и только такъ, ино пригоже-ль дѣло? И въ томъ первомъ, вѣрѣ нашей христіанской съ римскою будетъ рознь. Въ нашей христіанской вѣрѣ крестъ Христовъ на враги побѣда, и покланяемся древу честнаго креста, и чтимъ и почитаемъ, по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ вселенскихъ соборовъ; у насъ того не ведется, чтобы крестъ ниже пояса носить, также и образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ богоугодившихъ ставить такъ, чтобъ на образъ зрѣти душевными очима, возвышающе на первообразное, а въ ногахъ ставити не пригоже. Также и престолы дѣлаютъ по церквамъ въ груди человѣку, что ниже пояса всякой святыни быть не пригоже. А то у папы Григорія дѣлается черезъ уставъ святыхъ апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ вселенскихъ седьми соборовъ, и то отъ гордыни такой чинъ уставленъ».

Здѣсь, хотя также идетъ дѣло не о сущности религіи, а только объ обычаяхъ, по крайней мѣрѣ объ обычаяхъ дѣйствительно религіозныхъ, исключительно относящихся къ внѣшнему благочестію. Обычай, на который нападалъ московскій государь, явно указывалъ на такое высокомѣріе, которое трудно согласить съ духомъ христіанскаго смиренія. Но хитрый іезуитъ старался предмету спора дать такой оборотъ, что самъ царь Иванъ оказывался, въ отношенія своей особы, до нѣкоторой степени съ такими же требованіями уваженія, какія западная церковь предъявляла для своего видимаго главы. Сказавши, что папа есть всѣмъ государямъ отецъ и учитель, сопрестольникъ св. Петру и пользуется честію отъ нѣмецкаго императора, испанскаго короля и другихъ европейскихъ монарховъ, Антоній поставилъ въ параллель съ уваженіемъ, подобающимъ папѣ, уваженіе, подобающее москов-

скому царю. «Ты, государь великій въ своемъ государствѣ и прародитель твой въ Кіевѣ былъ великій князь Владиміръ, и васъ государей какъ намъ не величать и не славить и въ ноги не припадать!»

Такъ говорилъ іезуитъ, и съ этими словами поклонился низко московскому государю.

Этими знаками раболѣпства не удалось іезуиту убѣдить московскаго государя признать справедливость цѣлованія ногъ папѣ, но онъ заставилъ его высказать на этотъ разъ свою задушевную догматику о безмѣрной власти самодержавнаго государя.

«Въ нашей царской державѣ — сказалъ царь — и всѣхъ великихъ государей братіи нашей насъ пригоже почитати по царскому величеству, а святителемъ всѣмъ апостольскимъ ученикамъ должно смиреніе показывать, а не возноситься и превыше царей гордостью не обноситись»?

Вотъ гдѣ главная причина, почему спорить о вѣрѣ было безполезно! Иванъ договорился до нея! Если мы оспориваемъ мнѣніе о его начитанности, широтѣ взгляда, умственномъ превосходствѣ надъ современниками, то никакъ не отрицаемъ въ московскомъ государѣ твердости принципа самодержавной власти. Объ этотъ принципъ разбивались всякія попытки римскаго двора, всякія козни Іисусова ордена! Какъ могъ согласиться на какое бы то ни было соединеніе съ римскою церковью, а слѣдовательно на какое бы то ни было подчиненіе папѣ государь, котораго воля была превыше всего, который, по своему желанію, возводилъ и низводилъ архіереевъ, ругался надъ ними, травилъ собаками, который заставилъ освященный соборъ нарушать въ отношеніи царской особы каноническія правила, обязательныя для всякаго православнаго? То, что онъ слышалъ отъ Шевригина, коробило его: церковная власть присвоивала себѣ знаки величія, подобныя тѣмъ, которые онъ могъ признавать только за царскою! Церковная власть хочетъ быть выше царской! Этого Иванъ Васильевичъ никакъ не могъ переварить!

Намъ могутъ сдѣлать такого рода замѣчаніе; Иванъ Васильевичъ много сдѣлалъ для утвержденія самодержавія на Руси; онъ довелъ его до высшей степени: развѣ тутъ не нужно было особыхъ способностей и большого ума?

Мы предвидимъ такое замѣчаніе и потому заранѣе отвѣчаемъ на него. Иванъ Васильевичъ находился въ такой обстановкѣ, что, для усиленія самодержавной власти и доведенія ея до высшей степени въ томъ видѣ, какъ онъ понималъ ее, не нужно было государю ни особыхъ способностей, ни большого ума, напротивъ (какъ это съ перваго взгляда ни покажется страннымъ) недостатокъ того и другого только помогалъ до-

стиженію цѣли. Вообще преслѣдовать одну цѣль и наклонять къ ней всѣ поступки и стремленія не есть еще признакъ большого ума, такъ какъ упрямство не есть признакъ силы воли и характера. Тамъ, гдѣ должна происходить борьба, гдѣ нужно изыскивать мѣры къ одолѣнію противныхъ стихій, тамъ необходимы и сильный умъ и крѣпкая воля. Но какого рода борьба предстояла царю Ивану? Мы видѣли тѣхъ, которые могли казаться въ качествѣ его противниковъ? Какой принципъ проводили они, когда захватили временно власть въ свои руки? Они считали царя своего глупымъ, неспособнымъ къ управленію, находили, что онъ, поэтому, долженъ слушаться умныхъ совѣтниковъ. Но эти люди не думали такого временного положенія дѣлъ превращать въ постоянное на будущія времена, не пытались обезпечить его никакимъ законнымъ учрежденіемъ, не стремились устроить такъ, чтобъ верховный глава Московскаго государства всегда находился въ необходимости совѣтоваться съ другими и подчинять свой произволъ голосу своихъ совѣтниковъ. Кружокъ, сложившійся около Сильвестра и овладѣвшій правленіемъ государства, вовсе не имѣлъ признаковъ того кружка, который, при вступленіи на престолъ императрицы Анны Ивановны, хотѣлъ ограничить самодержавную власть. Правда, эти люди помнили по преданію, что прежніе московскіе государи слушались во всемъ совѣта своихъ бояръ и такое же положеніе, какое имѣли нѣкогда ихъ предки, хотѣлось и имъ пріобрѣсть для себя при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и они пріобрѣли его, не вслѣдствіе какихъ-нибудь дружныхъ стремленій, а случайно, по стеченію обстоятельствъ, но они не думали и не пріискивали средствъ упрочить его, и потому легко потеряли; они не противодѣйствовали царскому гнѣву и только Курбскій бѣжалъ и изливалъ свою досаду въ письмахъ къ царю. Всѣ прочіе покорно подчинились тяжелой судьбѣ своей. Время, въ которое они жили, было уже не то, что время ихъ предковъ. Когда-то московскіе государи нуждались въ боярахъ, опирались на нихъ, и бояре нуждались въ великихъ князьяхъ: между ними борьбы не могло быть; поддерживалось взаимное расположеніе; если когда великій князь и положитъ опалу на какого-нибудь боярина, — то было дѣло, касавшееся одного послѣдняго, а не другихъ; поступивъ круто съ тою или другою личностію, государь все-таки держался бояръ, какъ сословія, и сообразовался съ ихъ совѣтомъ — безъ бояръ онъ былъ слабъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ стали совсѣмъ иныя условія. Верховная власть уже слишкомъ окрѣпла и не нуждалась въ боярахъ настолько, чтобы угождать имъ. За самодержавіе была масса народа, а противъ этой силы что могли сдѣлать попытки

какихъ-нибудь десятковъ личностей, хотя бы и знатныхъ и вліятельныхъ?

Царь Иванъ рубилъ головы, топилъ, жегъ огнемъ своихъ ближнихъ слугъ: народъ не роптал, не заявлялъ ужаса и неудовольствія при видѣ множества казней, совершаемыхъ часто всенародно. По этимъ признакамъ нельзя ли заключить, что царь Иванъ дѣлалъ народу угодное, поражая аристократовъ, которыхъ народная громада не любила? Это предположеніе тѣмъ легче допустить по аналогіи, когда исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что тиранскіе поступки государей надъ знатными особами принимались съ одобреніями народомъ, но это было бы самообольщеніемъ съ нашей стороны. При Иванѣ Васильевичѣ было совсѣмъ не то. Народъ безмолвно и безропотно сносилъ злодѣянія въ Новгородѣ, гдѣ гибли не одни знатные люди. Опричнина свирѣпствовала надъ всѣми. Послѣ паденія Сильвестра и его друзей, мы не видимъ, чтобъ царь Иванъ, преслѣдуя знатные роды, дѣлалъ какія-нибудь благодѣянія народной массѣ; напротивъ, состояніе народа было очень тяжело уже по причинѣ жестокихъ войнъ, за которыя ученые историки восхваляютъ царя Ивана. Причину безучастія народа скорѣе слѣдуетъ искать въ общемъ качествѣ массъ, привыкшихъ къ повиновенію. Вообще казни и всевозможныя злодѣянія, совершаемыя верховною властію надъ отдѣльными личностями или даже фамиліями, очень рѣдко возбуждаютъ негодованіе народной громады и еще рѣже могутъ довести ее до какихъ-либо дѣйствій, имѣющихъ смыслъ угрозы и опасности для верховной власти. Всякій членъ этой громады, видя то, что совершается надъ его собратомъ (если этотъ собратъ въ частности не близокъ ему), не чувствуетъ на себѣ чужой бѣды, а скорѣе боится, чтобъ съ нимъ не случилось того же, и потому съёживается и хочетъ казаться какъ можно покорнѣе и смиреннѣе. Поэтому совершеніе казней можетъ часто имѣть только полезное дѣйствіе для самовластія: народъ пріучается къ большему повиновенію и безгласности; толпа уважаетъ грозную и страшную власть, благоговѣетъ предъ нею, — отъ этого царь Иванъ не получилъ въ народѣ названія мучителя; народъ нарекъ его только грознымъ царемъ.

Совсѣмъ иною заявляетъ себя та же видимо-безгласная громада, если ее постигнетъ такая бѣда, которая въ равной степени будетъ поражать каждаго, принадлежащаго къ ней. Тогда негодованіе народа, при первомъ удобномъ случаѣ, можетъ разразиться бунтомъ. Понятно, что тогда каждый, обращаясь съ своимъ горемъ къ своему собрату, встрѣчаетъ и у послѣдняго такое же горе: эта взаимность, это единство горя соединяетъ, спло-

частъ разрозненныхъ членовъ народной громады, и громада поднимается, руководимая одними для всѣхъ побужденіями и стремленіями, тогда какъ, напротивъ, если бѣда постигаетъ только нѣкоторыя личности, то тѣ, которыхъ эта бѣда не коснулась, прежде всего отвѣтятъ на жалобы своихъ собратій: а намъ что за дѣло? Вотъ почему московскій народъ, безгласно и безропотно смотрѣвшій на варварскія казни, совершаемыя царемъ, взбунтовался во время московскаго пожара, поразившаго слишкомъ многихъ одинакимъ для всѣхъ бѣдствіемъ, посягнулъ на царскаго дядю, да и самому царю угрожала тогда опасность. Подобное могло случиться и послѣ нашествія Девлетъ-Гирея, и не даромъ боялся этого царь Иванъ Васильевичъ. На счастье ему, этого не случилось, быть можетъ оттого, что недавнія казни и избіенія нагнали на всѣхъ такой ужасъ, что недоставало смѣльчаковъ заговорить къ народу.

Какъ бы то ни было—народъ смотрѣлъ безропотно на все-чтó дѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ; жертвы не сопротивлялись; ему собственно не съ кѣмъ было вести борьбу. Царь дѣлалъ все, что хотѣлъ, не стѣснялся ничѣмъ, ни нравственными убѣжденіями народа, ни вѣрою, ни человѣческими чувствами — власть самодержца въ лицѣ его была превыше всего, но она въ сущности и безъ того была уже сильна..... царь, можно сказать, только сдѣлалъ пробу, точно ли она такъ сильна—и проба вышла удачною. Все, что, какъ казалось царю Ивану, могло хотѣть поставить предѣлъ произволу—было уничтожено, безъ борьбы, безъ противодѣйствія. Но для этого не нужно было царю Ивану большого ума; достаточно было самодурства—цѣль достигалась лучше, чѣмъ могла быть достигнута умомъ.

Этимъ и закончимъ нашу характеристику личности царя Ивана Васильевича. Нашъ взглядъ, какъ могутъ видѣть читатели, въ своемъ основаніи не заключаетъ ничего новаго. Мы старались только развить и защитить сложившееся подъ перомъ Карамзина и господствовавшее у насъ мнѣніе о сумазбродномъ тиранѣ, котораго новѣйшіе историки, постепенно поднимая, дотянули уже до того, что указываютъ въ немъ идеалъ не только для Руси, но для цѣлаго славянскаго племени.

Н. Костомаровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ
ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

I.

На замужество сестры моей Паолины.

Миръ безмятежный отческаго дома
И юности плѣнительныя грёзы,
Которыми ты радуешь семью,
Ты, милая сестра, покинуть хочешь.
Такъ знай, что въ свѣтѣ суетномъ и шумномъ,
Куда тебя судьба твоя зоветъ,
Обречена ты скорбь и слезы встрѣтить,
И если дашь сыновъ отчизнѣ новыхъ,
Страдальцевъ лишь толпу умножишь ты...
Но все же ты должна ихъ духъ питать
Разсказами о подвигахъ героевъ.
Въ печальныя живешь ты времена:
И добродѣтель ждутъ судьбы гоненья!..
Лишь мужеству побѣда суждена,
А слабыхъ душъ — одинъ удѣлъ: паденье!

* * *

Тѣ существа, которымъ жизнь ты дашь,
Должны несчастны быть, иль малодушны;
Такъ пусть они несчастны лучше будутъ.
Межъ доблестью и счастьемъ на землѣ

Глубокая лежитъ давно ужъ бездна.
Увы! явились поздно въ этотъ міръ
Тѣ, чья душа стремится жадно къ свѣту;
И юность человѣчества прошла!
Но предоставь все это небу. Свято
Въ груди своей храни одну заботу,
Чтобы за счастьемъ рабски не гонялись
Сыны твои; чтобъ не были они
Пустыхъ надеждъ игрушкой, или страха;
И оцѣнятъ потомки доблесть ихъ.
Въ нашъ жалкій вѣкъ, насмѣшкѣ иль презрѣнью
Обречены великія сердца;
Героевъ — поглотить должна могила,
Чтобъ имя ихъ толпа благословила!

* * *

Отчизна взоръ свой полный ожиданья
Къ вамъ устремляетъ, женщины. Когда
Лучъ вашихъ глазъ намъ въ сердце проникаетъ,
Не страшны мечъ и пламя намъ. Герои
Склоняются предъ вами добровольно,
И приговоръ вашъ дорогъ мудрецу.
Подъ солнцемъ всюду ваша власть всесильна;
И потому я требую у васъ
Отчета въ ней. Уже-ль природу нашу
Изнѣжили и исказили — вы?
Ужели *васъ* должны мы упрекнуть
За нашъ позоръ, за эту слабость воли,
За то, что умъ бездѣйствіемъ объятъ,
Что мужество гражданское погибло,
И царствуютъ лишь пошлость и развратъ?

* * *

Стремленье въ насъ будить къ дѣламъ великимъ
Любовь должна. При видѣ красоты
Родятся въ насъ возвышенныя чувства,
И мужество намъ наполняетъ грудь.
Тотъ не любилъ, чье сердце не дрожало,
Объятое восторгомъ въ грозный мигъ,
Когда предъ нимъ боролися стихіи,
Когда неслись, гонимы вихремъ тучи

И на морѣ вздымалися валы,
На высяхъ горъ качался лѣсъ дремучій
И разщеляла молнія скалы!
Къ тѣмъ, кто служитъ отчизнѣ не достоинъ,
Кто низкихъ цѣлей сдѣлался рабомъ,
И кто бѣжитъ опасности, — презрѣнье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнѣженности вы предпочитать.
И женщину любить не можетъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ трусость рабская живетъ.

* * *

Стыдитесь называться матерями
Лишеннаго отваги поколѣнья.
Дѣтей своихъ къ тернистому пути,
Къ невзгодамъ и трудамъ, что̀ добродѣтель
Сопровождаютъ здѣсь — приготовляйте.
А къ благамъ тѣмъ, которыхъ въ наши дни
Такъ жаждутъ всѣ, въ нихъ ненависть посѣйте.
Для дорогой отчизны выростая,
Пускай они узнаютъ, чѣмъ она
Одолжена дѣламъ ихъ предковъ славныхъ.
Такъ юноши спартанскіе росли,
Хранители эллинской древней славы
Подъ вѣяньемъ преданій о герояхъ,
Покамѣстъ битвы часъ не наступалъ.
Невѣста мечъ тогда вручала другу,
И если съ поля битвы на щитѣ,
Онъ возвращался блѣденъ, недвижимъ,
Она безъ словъ склонялася надъ нимъ,
Своей косой лишь темной прикрывая,
Въ знакъ скорби, ликъ того, кто палъ въ бою,
За родину свободную свою!

* * *

Виргинія! божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелинъ
Къ тебѣ пылалъ напрасно грубой страстью.
Ты, гордаго полна негодованья,
Отвергла нечестивый этотъ пылъ.

Ты безмятежно, пышно расцвѣтала;
И въ дни, когда мечтанья золотыя
Ласкаютъ насъ, въ дни радужной весны,
Тебѣ свой мечъ отецъ неумолимый
Въ грудь чистую, какъ лилія, вонзилъ,
И ты во мракъ безропотно сошла.
Ты говорила: пусть скорѣй поблекнетъ
Краса моя, пусть ночь меня объемлетъ,
Не раздѣлю съ тираномъ ложа я.
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть могъ онъ къ жизни новой,
Рази отецъ! я умереть готова!

* * *

О героиня! Въ дни твои яснѣй
Сіяло солнце, чѣмъ сіяетъ нынѣ.
Но все-жъ твой прахъ несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряетъ.
Крикъ мести надъ гробницею твоей
Звучалъ изъ устъ сыновъ возставшихъ Рима,
И децемвиръ палъ подъ мечами ихъ.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлянъ Марсъ къ побѣдамъ вновь повелъ,
И за страной страна имъ покорялась
Отъ юга до полярныхъ, вѣчныхъ льдовъ.
О! еслибъ женщинъ мужество опять
Могла твой духъ — Италія — поднять!

II.

Сонъ.

То было раннимъ утромъ. Первый лучъ
Разсвѣта, сквозь затворенныя ставни,
Пробился въ спальню темную мою.
И въ часъ, когда уже слабѣй и слаще
Смыкаетъ сонъ рѣсницы намъ, предсталъ
Передо мной, въ лицо смотря мнѣ кротко,
Знакомый образъ той, что̀ научила
Меня любить впервые, и потомъ,
Покинула, измученнаго горемъ.
Не мертвою она явилась мнѣ,
Но видъ ея былъ грустенъ, какъ у тѣхъ,
Которые несчастны... Тихо руку
Свою она ко лбу мнѣ приложила,
И молвила со вздохомъ: «живъ ли ты?
Хранишь ли обо мнѣ воспоминанье
Въ душѣ своей»? — Откуда, я отвѣтилъ,
И какъ пришла ко мнѣ ты, дорогая?
Какъ о тебѣ я плакалъ, и какъ плачу!
Я думалъ, что не можешь ты узнать
О томъ, и скорбь моя при этой мысли,
Еще сильнѣй и жгучѣй становилась.
Ужель меня опять покинешь ты?
Я этого страшусь. Но что же было
Съ тобой, скажи. Все та ли ты, что прежде?
И что̀ тебѣ такъ удручаетъ сердце?
— «Ты сномъ объятъ — произнесла она,
И мысль твоя помрачена забвеньемъ.
Я умерла. И годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,
Какъ ты меня въ послѣдній разъ увидѣлъ».
Мучительной, безмѣрною тоскою,
Ея слова наполнили мнѣ грудь.
— «Я умерла — она сказала дальше, —
На утрѣ дней, въ расцвѣтѣ полномъ силъ,
Когда такъ жаждешь жить, — и не успѣла
Еще душа утратить вѣры въ счастье.
Лѣтами удрученный иль недугомъ

Взываетъ часто къ смерти, чтобъ она
Пришла его избавить отъ страданья.
Но юности такъ страшно умирать,
Такъ жаль надеждъ — могилѣ обреченныхъ!
Зачѣмъ тому, кто жизни не извѣдалъ,
Сокрытое отъ насъ природой знать?
И лучше преждевременнаго знанья,
Слѣпая скорбь». — Умолкни, дорогая!
Я возразилъ, умолкни. Сердце мнѣ
Терзаешь ты печальной этой рѣчью.
Такъ ты мертва, — а я еще живу!
Такъ этой чистой, нѣжной красоты,
Не пощадила смерть; — и не коснулась
Моей презрѣнной, грубой оболочки!
Какъ часто я ни думалъ, что лежишь
Въ могилѣ ты, что въ жизни не встрѣчаться
Ужъ больше намъ; но все не вѣрилъ я.
Что-жъ это — смерть? На опытѣ извѣдать
Я могъ бы нынче, чтó зовемъ мы смертью,
И избѣжать преслѣдованій рока.
Я юнъ еще, но молодость моя
Проходитъ грустно, старости подобна,
Которой такъ боюсь я, хоть она
И не близка; и утро дней моихъ,
Не многимъ отличается отъ ночи!
Она опять: «Для горя и невзгодъ
Родились мы. Бѣжало счастье насъ,
И небеса надъ нами издѣвались».
Я продолжалъ: «Теперь, когда мой взоръ
Слезами застилается, и блѣдно
Лицо мое; когда тоской тяжелой
Я удрученъ, при мысли, что навѣкъ
Покинула меня ты, дорогая,
Скажи, молю, — покамѣстъ ты жила,
Являлась ли въ душѣ твоей порою,
Хоть тѣнь любви, хоть искра состраданья
Къ несчастному, что такъ тебя любилъ!
То горемъ, то надеждою томимый,
Тогда я дни и ночи проводилъ.
Сомнѣнья тѣ гнетутъ меня понынѣ.
О! если жизнь печальную мою
Хотя единый разъ ты пожалѣла,
Не скрой, молю. Пускай воспоминанье

О прошлыхъ дняхъ мнѣ утѣшеньемъ служитъ,
Коль будущее отнято у насъ»!
Она въ отвѣтъ мнѣ: «Успокойся, бѣдный,
И вѣрь, что никогда къ твоей судьбѣ,
При жизни не была я безучастна,
Какъ и теперь не безучастна къ ней.
Ахъ! и сама вѣдь я страдала тоже!
Не упрекай несчастную меня».
— Страданьемъ нашимъ, юностью погибшей,
Воскликнулъ я, — и муками любви,
Которыя испытываю я,
Утраченной надеждой, заклинаю,
Дай прикоснуться мнѣ къ рукѣ твоей!..
И подала она мнѣ тихо руку.
Пока ее я крѣпко, крѣпко жалъ,
И цѣловалъ, и обливалъ слезами,
А сердце билось, полное восторга,
И замирало слово на устахъ,
Очамъ моимъ внезапно день блеснулъ....
Она въ лицо мнѣ ласково взглянула
И молвила: — «Забылъ ты милый мой,
Что я ужъ красоты своей лишилась
Давно.... и тщетно ты, объятый страстью,
Несчастный другъ, трепещешь и горишь.
Въ послѣдній разъ прощай. Разлучены
Съ тобою мы навѣкъ душой и тѣломъ.
Ты для меня ужъ не живешь, и больше
Не будешь жить. Обѣтъ, произнесенный
Тобой, — судьба разорвала̀. Прощай!»
Отчаянья исполненный хотѣлъ
Я вскрикнуть; слезы подступали
Къ глазамъ моимъ, и судорожно я
Вскочилъ.... но тутъ мои раскрылись вѣки,
И сонъ исчезъ; — но предо мной она
Стояла всё, и мнѣ казалось, видѣлъ
Я въ солнечныхъ лучахъ ея черты....

III.

Одинокая жизнь.

Стуча въ мое окошко, лѣтній дождь
Подъ утро сонъ мой легкій прерываетъ.
Я слышу куръ кудахтанье. Онѣ
Бьютъ крыльями въ курятникъ запертые.
Вотъ поселянинъ вышелъ за ворота,
И смотритъ, не блеснетъ ли солнца лучъ,
Сквозь облака́, плывущія по небу.
Съ постели вставъ, благословляю я
И свѣжесть утра ранняго, и птичекъ,
Проснувшихся, на вѣтвяхъ щебетанье,
И поля зеленѣющаго даль.
Я видѣлъ васъ, я съ давнихъ поръ васъ знаю,
Ограды тѣсныхъ, душныхъ городовъ.
Гдѣ ненависть гнѣздится и несчастье,
Гдѣ я томлюсь и долженъ умереть!
Вдали отъ васъ, хоть скудное участье,
Хоть каплю состраданья нахожу
Въ природѣ я, которая когда-то—
Давно! — была ко мнѣ еще добрѣй.
Да! И она отъ удрученныхъ горемъ,
Отъ страждущихъ свой отвращаетъ взоръ.
И полная презрѣнья къ мукамъ нашимъ,
Богинѣ счастья служитъ какъ раба!
Ни на землѣ, ни въ небѣ утѣсненнымъ
Защиты нѣтъ. Ихъ другъ одинъ — желѣзо!—

* * *

Какъ часто я, на берегѣ высокомъ,
Надъ озеромъ, мѣстечко отыскавъ,
Поросшее тѣнистыми кустами,
Сижу одинъ, любуясь какъ блеститъ
Въ полдневный часъ въ водахъ недвижныхъ солнце.
Вокругъ меня ни шелеста, ни звука,
Не колыхнетъ былинки вѣтерокъ,
Не прокричитъ въ густой травѣ кузнечикъ,

какихъ-нибудь десятковъ личностей, хотя бы и знатныхъ и вліятельныхъ?

Царь Иванъ рубилъ головы, топилъ, жегъ огнемъ своихъ ближнихъ слугъ: народъ не роптал, не заявлялъ ужаса и неудовольствія при видѣ множества казней, совершаемыхъ часто всенародно. По этимъ признакамъ нельзя ли заключить, что царь Иванъ дѣлалъ народу угодное, поражая аристократовъ, которыхъ народная громада не любила? Это предположеніе тѣмъ легче допустить по аналогіи, когда исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что тиранскіе поступки государей надъ знатными особами принимались съ одобреніями народомъ, но это было бы самообольщеніемъ съ нашей стороны. При Иванѣ Васильевичѣ было совсѣмъ не то. Народъ безмолвно и безропотно сносилъ злодѣянія въ Новгородѣ, гдѣ гибли не одни знатные люди. Опричнина свирѣпствовала надъ всѣми. Послѣ паденія Сильвестра и его друзей, мы не видимъ, чтобъ царь Иванъ, преслѣдуя знатные роды, дѣлалъ какія-нибудь благодѣянія народной массѣ; напротивъ, состояніе народа было очень тяжело уже по причинѣ жестокихъ войнъ, за которыя ученые историки восхваляютъ царя Ивана. Причину безучастія народа скорѣе слѣдуетъ искать въ общемъ качествѣ массъ, привыкшихъ къ повиновенію. Вообще казни и всевозможныя злодѣянія, совершаемыя верховною властію надъ отдѣльными личностями или даже фамиліями, очень рѣдко возбуждаютъ негодованіе народной громады и еще рѣже могутъ довести ее до какихъ-либо дѣйствій, имѣющихъ смыслъ угрозы и опасности для верховной власти. Всякій членъ этой громады, видя то, что совершается надъ его собратомъ (если этотъ собратъ въ частности не близокъ ему), не чувствуетъ на себѣ чужой бѣды, а скорѣе боится, чтобъ съ нимъ не случилось того же, и потому съёживается и хочетъ казаться какъ можно покорнѣе и смиреннѣе. Поэтому совершеніе казней можетъ часто имѣть только полезное дѣйствіе для самовластія: народъ пріучается къ большему повиновенію и безгласности; толпа уважаетъ грозную и страшную власть, благоговѣетъ предъ нею, — отъ этого царь Иванъ не получилъ въ народѣ названія мучителя; народъ нарекъ его только грознымъ царемъ.

Совсѣмъ иною заявляетъ себя та же видимо-безгласная громада, если ее постигнетъ такая бѣда, которая въ равной степени будетъ поражать каждаго, принадлежащаго къ ней. Тогда негодованіе народа, при первомъ удобномъ случаѣ, можетъ разразиться бунтомъ. Понятно, что тогда каждый, обращаясь съ своимъ горемъ къ своему собрату, встрѣчаетъ и у послѣдняго такое же горе: эта взаимность, это единство горя соединяетъ, спло-

чаетъ разрозненныхъ членовъ народной громады, и громада поднимается, руководимая одними для всѣхъ побужденіями и стремленіями, тогда какъ, напротивъ, если бѣда постигаетъ только нѣкоторыя личности, то тѣ, которыхъ эта бѣда не коснулась, прежде всего отвѣтятъ на жалобы своихъ собратій: а намъ что за дѣло? Вотъ почему московскій народъ, безгласно и безропотно смотрѣвшій на варварскія казни, совершаемыя царемъ, взбунтовался во время московскаго пожара, поразившаго слишкомъ многихъ одинакимъ для всѣхъ бѣдствіемъ, посягнулъ на царскаго дядю, да и самому царю угрожала тогда опасность. Подобное могло случиться и послѣ нашествія Девлетъ-Гирея, и не даромъ боялся этого царь Иванъ Васильевичъ. На счастье ему, этого не случилось, быть можетъ оттого, что недавнія казни и избіенія нагнали на всѣхъ такой ужасъ, что недоставало смѣльчаковъ заговорить къ народу.

Какъ бы то ни было—народъ смотрѣлъ безропотно на все-что̀ дѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ; жертвы не сопротивлялись; ему собственно не съ кѣмъ было вести борьбу. Царь дѣлалъ все, что хотѣлъ, не стѣснялся ничѣмъ, ни нравственными убѣжденіями народа, ни вѣрою, ни человѣческими чувствами — власть самодержца въ лицѣ его была превыше всего, но она въ сущности и безъ того была уже сильна..... царь, можно сказать, только сдѣлалъ пробу, точно ли она такъ сильна—и проба вышла удачною. Все, что, какъ казалось царю Ивану, могло хотѣть поставить предѣлъ произволу—было уничтожено, безъ борьбы, безъ противодѣйствія. Но для этого не нужно было царю Ивану большого ума; достаточно было самодурства—цѣль достигалась лучше, чѣмъ могла быть достигнута умомъ.

Этимъ и закончимъ нашу характеристику личности царя Ивана Васильевича. Нашъ взглядъ, какъ могутъ видѣть читатели, въ своемъ основаніи не заключаетъ ничего новаго. Мы старались только развить и защитить сложившееся подъ перомъ Карамзина и господствовавшее у насъ мнѣніе о сумазбродномъ тиранѣ, котораго новѣйшіе историки, постепенно поднимая, дотянули уже до того, что указываютъ въ немъ идеалъ не только для Руси, но для цѣлаго славянскаго племени.

Н. Костомаровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ
ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

I.

На замужество сестры моей Паолины.

Миръ безмятежный отческаго дома
И юности плѣнительныя грёзы,
Которыми ты радуешь семью,
Ты, милая сестра, покинуть хочешь.
Такъ знай, что въ свѣтѣ суетномъ и шумномъ,
Куда тебя судьба твоя зоветъ,
Обречена ты скорбь и слезы встрѣтить,
И если дашь сыновъ отчизнѣ новыхъ,
Страдальцевъ лишь толпу умножишь ты...
Но все же ты должна ихъ духъ питать
Разсказами о подвигахъ героевъ.
Въ печальныя живешь ты времена:
И добродѣтель ждутъ судьбы гоненья!..
Лишь мужеству побѣда суждена,
А слабыхъ душъ — одинъ удѣлъ: паденье!

* * *

Тѣ существа, которымъ жизнь ты дашь,
Должны несчастны быть, иль малодушны;
Такъ пусть они несчастны лучше будутъ.
Межъ доблестью и счастьемъ на землѣ

Глубокая лежитъ давно ужъ бездна.
Увы! явились поздно въ этотъ міръ
Тѣ, чья душа стремится жадно къ свѣту;
И юность человѣчества прошла!
Но предоставь все это небу. Свято
Въ груди своей храни одну заботу,
Чтобы за счастьемъ рабски не гонялись
Сыны твои; чтобъ не были они
Пустыхъ надеждъ игрушкой, или страха;
И оцѣнятъ потомки доблесть ихъ.
Въ нашъ жалкій вѣкъ, насмѣшкѣ иль презрѣнью
Обречены великія сердца;
Героевъ — поглотить должна могила,
Чтобъ имя ихъ толпа благословила!

* * *

Отчизна взоръ свой полный ожиданья
Къ вамъ устремляетъ, женщины. Когда
Лучъ вашихъ глазъ намъ въ сердце проникаетъ,
Не страшны мечъ и пламя намъ. Герои
Склоняются предъ вами добровольно,
И приговоръ вашъ дорогъ мудрецу.
Подъ солнцемъ всюду ваша власть всесильна;
И потому я требую у васъ
Отчета въ ней. Уже-ль природу нашу
Изнѣжили и исказили — вы?
Ужели *васъ* должны мы упрекнуть
За нашъ позоръ, за эту слабость воли,
За то, что умъ бездѣйствіемъ объятъ,
Что мужество гражданское погибло,
И царствуютъ лишь пошлость и развратъ?

* * *

Стремленье въ насъ будить къ дѣламъ великимъ
Любовь должна. При видѣ красоты
Родятся въ насъ возвышенныя чувства,
И мужество намъ наполняетъ грудь.
Тотъ не любилъ, чье сердце не дрожало,
Объятое восторгомъ въ грозный мигъ,
Когда предъ нимъ боролися стихіи,
Когда неслись, гонимы вихремъ тучи

И на морѣ вздымалися валы,
На высяхъ горъ качался лѣсъ дремучій
И разщеляла молнія скалы!
Къ тѣмъ, кто служить отчизнѣ не достоинъ,
Кто низкихъ цѣлей сдѣлался рабомъ,
И кто бѣжитъ опасности, — презрѣнье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнѣженности вы предпочитать.
И женщину любить не можетъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ трусость рабская живетъ.

* * *

Стыдитесь называться матерями
Лишеннаго отваги поколѣнья.
Дѣтей своихъ къ тернистому пути,
Къ невзгодамъ и трудамъ, что̀ добродѣтель
Сопровождаютъ здѣсь — приготовляйте.
А къ благамъ тѣмъ, которыхъ въ наши дни
Такъ жаждутъ всѣ, въ нихъ ненависть посѣйте.
Для дорогой отчизны выростая,
Пускай они узнаютъ, чѣмъ она
Одолжена дѣламъ ихъ предковъ славныхъ.
Такъ юноши спартанскіе росли,
Хранители эллинской древней славы
Подъ вѣяньемъ преданій о герояхъ,
Покамѣстъ битвы часъ не наступалъ.
Невѣста мечъ тогда вручала другу,
И если съ поля битвы на щитѣ,
Онъ возвращался блѣденъ, недвижимъ,
Она безъ словъ склонялася надъ нимъ,
Своей косой лишь темной прикрывая,
Въ знакъ скорби, ликъ того, кто палъ въ бою,
За родину свободную свою!

* * *

Виргинія! божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелинъ
Къ тебѣ пылалъ напрасно грубой страстью.
Ты, гордаго полна негодованья,
Отвергла нечестивый этотъ пылъ.

Ты безмятежно, пышно расцвѣтала;
И въ дни, когда мечтанья золотыя
Ласкаютъ насъ, въ дни радужной весны,
Тебѣ свой мечъ отецъ неумолимый
Въ грудь чистую, какъ лилія, вонзилъ,
И ты во мракъ безропотно сошла.
Ты говорила: пусть скорѣй поблекнетъ
Краса моя, пусть ночь меня объемлетъ,
Не раздѣлю съ тираномъ ложа я.
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть могъ онъ къ жизни новой,
Рази отецъ! я умереть готова!

* * *

О героиня! Въ дни твои яснѣй
Сіяло солнце, чѣмъ сіяетъ нынѣ.
Но все-жъ твой прахъ несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряетъ.
Крикъ мести надъ гробницею твоей
Звучалъ изъ устъ сыновъ возставшихъ Рима,
И децемвиръ палъ подъ мечами ихъ.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлянъ Марсъ къ побѣдамъ вновь повелъ,
И за страной страна имъ покорялась
Отъ юга до полярныхъ, вѣчныхъ льдовъ.
О! еслибъ женщинъ мужество опять
Могла твой духъ — Италія — поднять!

II.

Сонъ.

То было раннимъ утромъ. Первый лучъ
Разсвѣта, сквозь затворенныя ставни,
Пробился въ спальню темную мою.
И въ часъ, когда уже слабѣй и слаще
Смыкаетъ сонъ рѣсницы намъ, предсталъ
Передо мной, въ лицо смотря мнѣ кротко,
Знакомый образъ той, что̀ научила
Меня любить впервые, и потомъ,
Покинула, измученнаго горемъ.
Не мертвою она явилась мнѣ,
Но видъ ея былъ грустенъ, какъ у тѣхъ,
Которые несчастны... Тихо руку
Свою она ко лбу мнѣ приложила,
И молвила со вздохомъ: «живъ ли ты?
Хранишь ли обо мнѣ воспоминанье
Въ душѣ своей»? — Откуда, я отвѣтилъ,
И какъ пришла ко мнѣ ты, дорогая?
Какъ о тебѣ я плакалъ, и какъ плачу!
Я думалъ, что не можешь ты узнать
О томъ, и скорбь моя при этой мысли,
Еще сильнѣй и жгучѣй становилась.
Ужель меня опять покинешь ты?
Я этого страшусь. Но что же было
Съ тобой, скажи. Все та ли ты, что прежде?
И что̀ тебѣ такъ удручаетъ сердце?
— «Ты сномъ объятъ — произнесла она,
И мысль твоя помрачена забвеньемъ.
Я умерла. И годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,
Какъ ты меня въ послѣдній разъ увидѣлъ».
Мучительной, безмѣрною тоскою,
Ея слова наполнили мнѣ грудь.
— «Я умерла — она сказала дальше, —
На утрѣ дней, въ расцвѣтѣ полномъ силъ,
Когда такъ жаждешь жить, — и не успѣла
Еще душа утратить вѣры въ счастье.
Лѣтами удрученный иль недугомъ

Взываетъ часто къ смерти, чтобъ она
Пришла его избавить отъ страданья.
Но юности такъ страшно умирать,
Такъ жаль надеждъ — могилѣ обреченныхъ!
Зачѣмъ тому, кто жизни не извѣдалъ,
Сокрытое отъ насъ природой знать?
И лучше преждевременнаго знанья,
Слѣпая скорбь». — Умолкни, дорогая!
Я возразилъ, умолкни. Сердце мнѣ
Терзаешь ты печальной этой рѣчью.
Такъ ты мертва, — а я еще живу!
Такъ этой чистой, нѣжной красоты,
Не пощадила смерть; — и не коснулась
Моей презрѣнной, грубой оболочки!
Какъ часто я ни думалъ, что лежишь
Въ могилѣ ты, что въ жизни не встрѣчаться
Ужъ больше намъ; но все не вѣрилъ я.
Что-жъ это — смерть? На опытѣ извѣдать
Я могъ бы нынче, чтó зовемъ мы смертью,
И избѣжать преслѣдованій рока.
Я юнъ еще, но молодость моя
Проходитъ грустно, старости подобна,
Которой такъ боюсь я, хоть она
И не близка; и утро дней моихъ,
Не многимъ отличается отъ ночи!
Она опять: «Для горя и невзгодъ
Родились мы. Бѣжало счастье насъ,
И небеса надъ нами издѣвались».
Я продолжалъ: «Теперь, когда мой взоръ
Слезами застилается, и блѣдно
Лицо мое; когда тоской тяжелой
Я удрученъ, при мысли, что навѣкъ
Покинула меня ты, дорогая,
Скажи, молю, — покамѣстъ ты жила,
Являлась ли въ душѣ твоей порою,
Хоть тѣнь любви, хоть искра состраданья
Къ несчастному, что такъ тебя любилъ!
То горемъ, то надеждою томимый,
Тогда я дни и ночи проводилъ.
Сомнѣнья тѣ гнетутъ меня понынѣ.
О! если жизнь печальную мою
Хотя единый разъ ты пожалѣла,
Не скрой, молю. Пускай воспоминанье

О прошлыхъ дняхъ мнѣ утѣшеньемъ служитъ,
Коль будущее отнято у насъ»!
Она въ отвѣтъ мнѣ: «Успокойся, бѣдный,
И вѣрь, что никогда къ твоей судьбѣ,
При жизни не была я безучастна,
Какъ и теперь не безучастна къ ней.
Ахъ! и сама вѣдь я страдала тоже!
Не упрекай несчастную меня».
— Страданьемъ нашимъ, юностью погибшей,
Воскликнулъ я, — и муками любви,
Которыя испытываю я,
Утраченной надеждой, заклинаю,
Дай прикоснуться мнѣ къ рукѣ твоей!..
И подала она мнѣ тихо руку.
Пока ее я крѣпко, крѣпко жалъ,
И цѣловалъ, и обливалъ слезами,
А сердце билось, полное восторга,
И замирало слово на устахъ,
Очамъ моимъ внезапно день блеснулъ....
Она въ лицо мнѣ ласково взглянула
И молвила: — «Забылъ ты милый мой,
Что я ужъ красоты своей лишилась
Давно.... и тщетно ты, объятый страстью,
Несчастный другъ, трепещешь и горишь.
Въ послѣдній разъ прощай. Разлучены
Съ тобою мы навѣкъ душой и тѣломъ.
Ты для меня ужъ не живешь, и больше
Не будешь жить. Обѣтъ, произнесенный
Тобой, — судьба разорвалà. Прощай!»
Отчаянья исполненный хотѣлъ
Я вскрикнуть; слезы подступали
Къ глазамъ моимъ, и судорожно я
Вскочилъ.... но тутъ мои раскрылись вѣки,
И сонъ исчезъ; — но предо мной она
Стояла всё, и мнѣ казалось, видѣлъ
Я въ солнечныхъ лучахъ ея черты....

III.

Одинокая жизнь.

Стуча въ моё окошко, лѣтній дождь
Подъ утро сонъ мой легкій прерываетъ.
Я слышу куръ кудахтанье. Онѣ
Бьютъ крыльями въ курятникъ запертые.
Вотъ поселянинъ вышелъ за ворота,
И смотритъ, не блеснетъ ли солнца лучъ,
Сквозь облака́, плывущія по небу.
Съ постели вставъ, благословляю я
И свѣжесть утра ранняго, и птичекъ,
Проснувшихся, на вѣтвяхъ щебетанье,
И поля зеленѣющаго даль.
Я видѣлъ васъ, я съ давнихъ поръ васъ знаю,
Ограды тѣсныхъ, душныхъ городовъ.
Гдѣ ненависть гнѣздится и несчастье,
Гдѣ я томлюсь и долженъ умереть!
Вдали отъ васъ, хоть скудное участье,
Хоть каплю состраданья нахожу
Въ природѣ я, которая когда-то—
Давно! — была ко мнѣ еще добрѣй.
Да! И она отъ удрученныхъ горемъ,
Отъ страждущихъ свой отвращаетъ взоръ.
И полная презрѣнья къ мукамъ нашимъ,
Богинѣ счастья служитъ какъ раба!
Ни на землѣ, ни въ небѣ утѣсненнымъ
Защиты нѣтъ. Ихъ другъ одинъ — желѣзо!—

* * *

Какъ часто я, на берегѣ высокомъ,
Надъ озеромъ, мѣстечко отыскавъ,
Поросшее тѣнистыми кустами,
Сижу одинъ, любуясь какъ блеститъ
Въ полдневный часъ въ водахъ недвижныхъ солнце.
Вокругъ меня ни шелеста, ни звука,
Не колыхнетъ былинки вѣтерокъ,
Не прокричитъ въ густой травѣ кузнечикъ,

Не шевельнетъ въ вѣтвяхъ крылами птичка,
И надъ цвѣткомъ не прожужжитъ пчела...
Молчаніе объемлетъ этотъ берегъ.
Забывши міръ и самого себя,
Сижу я долго, долго, недвижимый;
И кажется тогда мнѣ, что ужъ жизни
Нѣтъ въ членахъ успокоенныхъ моихъ,
Что возвратить ужъ имъ нельзя движенья,
Что ихъ покой и эта тишь — одно.

* * *

Любовь! Любовь! Далёко отлетѣла
Отъ сердца ты, гдѣ нѣкогда жила,
Которое тобой согрѣто было.
Житейскихъ бурь холодная рука
Его коснулась раннею весною
И превратила въ ледъ. Я помню время,
Какъ въ душу мнѣ впервые ты сошла!
Святые дни! (Имъ нѣтъ уже возврата)!
Какъ юношу тогда плѣняетъ жизнь,
Онъ видитъ рай въ печальномъ этомъ мірѣ;
И дѣвственныхъ исполненный надеждъ
На дѣло жизни трудное спѣшитъ,
Какъ-бы на праздникъ шумный и веселый.
Едва лишь я успѣлъ тебя узнать,
Любовь! какъ жизнь моя была разбита,
И выпала на долю мнѣ печаль!
Но всё-жъ порой, когда я на разсвѣтѣ,
Иль въ часъ какъ полдень кровли золотитъ,
Стыдливый образъ дѣвушки встрѣчаю;
Или когда, блуждая ночью лѣтней
По опустѣвшей улицѣ, одинъ,
Я голосокъ услышу поселянки,
Что распѣваетъ въ комнаткѣ своей,
И ночь, какъ день, работѣ отдавая;
И это сердце каменное вдругъ
Забьется... но затѣмъ лишь, чтобы снова
Сейчасъ-же въ сонъ обычный погрузиться,
Такъ сталъ мой духъ движеній нѣжныхъ чуждъ!

* * *

О мѣсяцъ! чье отрадное сіянье
Защитой служитъ зайчику въ кустахъ,
Его кружиться рѣзво заставляя,
Такъ, что обманутъ ложными слѣдами,
Охотникъ не найдетъ его жилища.
О краткій царь ночей! привѣтъ тебѣ!
Лучи твои враждебно проникаютъ,
Въ дремучій лѣсъ, въ руины старыхъ башень,
И въ дикое ущеліе скалы,
Гдѣ, притаясь, разбойникъ выжидаетъ,
Чтобъ стукъ колёсъ, иль хлопанье бича
Послышалось вдали; иль показался
Бредущій по тропинкѣ пѣшеходъ,
Къ которому, оружіемъ звуча,
И ярымъ крикомъ воздухъ оглашая,
Онъ бросится, — и ножъ въ него вонзивъ,
Въ пустынѣ трупъ его нагой оставитъ.
Враждебно ты ночному волокитѣ,—
Надъ улицей сіяешь городской,
Когда, вдоль стѣнъ, онъ крадется, и робко
Выискиваетъ мѣста потемнѣй,
Дрожа предъ каждымъ стукнувшимъ окошкомъ,
И фонаря зажженнаго пугаясь.
Твои лучи враждебны только злу.
Но мнѣ, въ моемъ уединеньи, другомъ
Ты будешь, озаряя предо мной
Лишь даль полей, да цѣпь холмовъ цвѣтущихъ.
Я также проклиналъ тебя когда-то,
Хотя и чуждый помысловъ преступныхъ
За то, что ты порою открывалъ
Присутствіе мое людскому взору,
И мнѣ черты людскія освѣщалъ.
Отнынѣ же любить тебя я стану.
Увижу ли тебя межъ тучъ плывущимъ,
Иль ясно ты, эфира властелинъ,
Смотрѣть на міръ, обильный скорбью, будешь.
Меня еще не разъ здѣсь встрѣтишь ты,
Когда брожу я по лугамъ и рощамъ,
Или травой высокою закрытъ,
Лежу, довольный тѣмъ уже, что сила
Въ груди моей осталась хоть для вздоховъ!

IV.

Къ самому себѣ.

И вотъ — ты можешь навсегда почить,
Усталое, измученное сердце.
Послѣднее исчезло обольщенье,
Которое казалось вѣчнымъ мнѣ!..
Исчезло! И въ груди моей не только
Надежды — но желанья даже нѣтъ!
Усни теперь. Довольно билось ты.
Нѣтъ ничего, чтó было бы достойно
Здѣсь на землѣ біенья твоего.
Не стóитъ даже вздоха — эта жизнь.
Она горька и грязенъ міръ. Усни же,
Отчаявшись въ послѣдній разъ. Судьбой
Дано въ удѣлъ намъ умирать — и только.
Презрѣнія исполненъ я къ тебѣ,
Природа, — зла сила, чтó во мракѣ
Таясь, царитъ на гибель человѣка, —
И къ безпредѣльной міра суетѣ!

А. Плещеевъ.

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНАЯ ШКОЛА

ВЪ

ГЕРМАНІИ*).

«Die Realschulen sind keine Fachschulen, sondern haben es, wie das Gymnasium, mit allgemeinen Bildungsmitteln und grundlegenden Kenntnisse zu thun; zwischen Gymnasium und Realschule findet daher kein principieller Gegensatz, sondern ein Verhältniss gegenseitiger Ergänzung Statt... Die Theilung ist durch die Entwickelung der Wissenschaften und der öffentlichen Lebens-Verhältnisse nothwendig geworden, und die Realschulen haben dabei allmählich eine coordinirte Stellung zu den Gymnasien eingenommen».

Unterrichts-Ordnung, v. 6 Oct. 1859.

Въ пятидесятыхъ годахъ, въ самомъ началѣ второй половины реживаемаго нами столѣтія, обнаружилось въ западной Европѣ льное стремленіе къ полной и коренной реформѣ школьнаго разованія и преимущественно образованія, получаемаго въ эднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сущность этого стремленія соняла въ томъ, чтобы поставить школу снова въ болѣе тѣсныя юшенія къ жизни, однимъ словомъ, «реализировать» школу;

*) Источники и литература:
Das höhere Schulwesen in Preussen. Historisch-Statistische Darstellung, herausg. von *L. Wiese*. Berlin. I. 1864. II 1869 (оффиц. изд.).
Unterrichts- und Prüfungs-Ordnung der Realschulen und der höheren Bürgerschulen. in, 1859 (оффиц. изд.).

И на морѣ вздымалися валы,
На высяхъ горъ качался лѣсъ дремучій
И разщеляла молнія скалы!
Къ тѣмъ, кто служить отчизнѣ не достоинъ,
Кто низкихъ цѣлей сдѣлался рабомъ,
И кто бѣжитъ опасности, — презрѣнье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнѣженности вы предпочитать.
И женщину любить не можетъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ трусость рабская живетъ.

* * *

Стыдитесь называться матерями
Лишеннаго отваги поколѣнья.
Дѣтей своихъ къ тернистому пути,
Къ невзгодамъ и трудамъ, что̀ добродѣтель
Сопровождаютъ здѣсь — приготовляйте.
А къ благамъ тѣмъ, которыхъ въ наши дни
Такъ жаждутъ всѣ, въ нихъ ненависть посѣйте.
Для дорогой отчизны выростая,
Пускай они узнаютъ, чѣмъ она
Одолжена дѣламъ ихъ предковъ славныхъ.
Такъ юноши спартанскіе росли,
Хранители эллинской древней славы
Подъ вѣяньемъ преданій о герояхъ,
Покамѣстъ битвы часъ не наступалъ.
Невѣста мечъ тогда вручала другу,
И если съ поля битвы на щитѣ,
Онъ возвращался блѣденъ, недвижимъ,
Она безъ словъ склонялася надъ нимъ,
Своей косой лишь темной прикрывая,
Въ знакъ скорби, ликъ того, кто палъ въ бою,
За родину свободную свою!

* * *

Виргинія! божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелинъ
Къ тебѣ пылалъ напрасно грубой страстью.
Ты, гордаго полна негодованья,
Отвергла нечестивый этотъ пылъ.

Ты безмятежно, пышно расцвѣтала;
И въ дни, когда мечтанья золотыя
Ласкаютъ насъ, въ дни радужной весны,
Тебѣ свой мечъ отецъ неумолимый
Въ грудь чистую, какъ лилія, вонзилъ,
И ты во мракъ безропотно сошла.
Ты говорила: пусть скорѣй поблекнетъ
Краса моя, пусть ночь меня объемлетъ,
Не раздѣлю съ тираномъ ложа я.
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть могъ онъ къ жизни новой,
Рази отецъ! я умереть готова!

* * *

О героиня! Въ дни твои яснѣй
Сіяло солнце, чѣмъ сіяетъ нынѣ.
Но все-жъ твой прахъ несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряетъ.
Крикъ мести надъ гробницею твоей
Звучалъ изъ устъ сыновъ возставшихъ Рима,
И децемвиръ палъ подъ мечами ихъ.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлянъ Марсъ къ побѣдамъ вновь повелъ,
И за страной страна имъ покорялась
Отъ юга до полярныхъ, вѣчныхъ льдовъ.
О! еслибъ женщинъ мужество опять
Могла твой духъ — Италія — поднять!

И на морѣ вздымалися валы,
На высяхъ горъ качался лѣсъ дремучій
И разщеляла молнія скалы!
Къ тѣмъ, кто служить отчизнѣ не достоинъ,
Кто низкихъ цѣлей сдѣлался рабомъ,
И кто бѣжитъ опасности, — презрѣнье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнѣженности вы предпочитать.
И женщину любить не можетъ тотъ,
Въ чьемъ сердцѣ трусость рабская живетъ.

* * *

Стыдитесь называться матерями
Лишеннаго отваги поколѣнья.
Дѣтей своихъ къ тернистому пути,
Къ невзгодамъ и трудамъ, чтó добродѣтель
Сопровождаютъ здѣсь — приготовляйте.
А къ благамъ тѣмъ, которыхъ въ наши дни
Такъ жаждутъ всѣ, въ нихъ ненависть посѣйте.
Для дорогой отчизны выростая,
Пускай они узнаютъ, чѣмъ она
Одолжена дѣламъ ихъ предковъ славныхъ.
Такъ юноши спартанскіе росли,
Хранители эллинской древней славы
Подъ вѣяньемъ преданій о герояхъ,
Покамѣстъ битвы часъ не наступалъ.
Невѣста мечъ тогда вручала другу,
И если съ поля битвы на щитѣ,
Онъ возвращался блѣденъ, недвижимъ,
Она безъ словъ склонялася надъ нимъ,
Своей косой лишь темной прикрывая,
Въ знакъ скорби, ликъ того, кто палъ въ бою,
За родину свободную свою!

* * *

Виргинія! божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелинъ
Къ тебѣ пылалъ напрасно грубой страстью.
Ты, гордаго полна негодованья,
Отвергла нечестивый этотъ пылъ.

Ты безмятежно, пышно расцвѣтала;
И въ дни, когда мечтанья золотыя
Ласкаютъ насъ, въ дни радужной весны,
Тебѣ свой мечъ отецъ неумолимый
Въ грудь чистую, какъ лилія, вонзилъ,
И ты во мракъ безропотно сошла.
Ты говорила: пусть скорѣй поблекнетъ
Краса моя, пусть ночь меня объемлетъ,
Не раздѣлю съ тираномъ ложа я.
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть могъ онъ къ жизни новой,
Рази отецъ! я умереть готова!

* * *

О героиня! Въ дни твои яснѣй
Сіяло солнце, чѣмъ сіяетъ нынѣ.
Но все-жъ твой прахъ несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряетъ.
Крикъ мести надъ гробницею твоей
Звучалъ изъ устъ сыновъ возставшихъ Рима,
И децемвиръ палъ подъ мечами ихъ.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлянъ Марсъ къ побѣдамъ вновь повелъ,
И за страной страна имъ покорялась
Отъ юга до полярныхъ, вѣчныхъ льдовъ.
О! еслибъ женщинъ мужество опять
Могла твой духъ — Италія — поднять!

II.

Сонъ.

То было раннимъ утромъ. Первый лучъ
Разсвѣта, сквозь затворенныя ставни,
Пробился въ спальню темную мою.
И въ часъ, когда уже слабѣй и слаще
Смыкаетъ сонъ рѣсницы намъ, предсталъ
Передо мной, въ лицо смотря мнѣ кротко,
Знакомый образъ той, чтó научила
Меня любить впервые, и потомъ,
Покинула, измученнаго горемъ.
Не мертвою она явилась мнѣ,
Но видъ ея былъ грустенъ, какъ у тѣхъ,
Которые несчастны... Тихо руку
Свою она ко лбу мнѣ приложила,
И молвила со вздохомъ: «живъ ли ты?
Хранишь ли обо мнѣ воспоминанье
Въ душѣ своей»? — Откуда, я отвѣтилъ,
И какъ пришла ко мнѣ ты, дорогая?
Какъ о тебѣ я плакалъ, и какъ плачу!
Я думалъ, что не можешь ты узнать
О томъ, и скорбь моя при этой мысли,
Еще сильнѣй и жгучѣй становилась.
Ужель меня опять покинешь ты?
Я этого страшусь. Но что же было
Съ тобой, скажи. Все та ли ты, что прежде?
И чтó тебѣ такъ удручаетъ сердце?
— «Ты сномъ объятъ — произнесла она,
И мысль твоя помрачена забвеньемъ.
Я умерла. И годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,
Какъ ты меня въ послѣдній разъ увидѣлъ».
Мучительной, безмѣрною тоскою,
Ея слова наполнили мнѣ грудь.
— «Я умерла — она сказала дальше, —
На утрѣ дней, въ расцвѣтѣ полномъ силъ,
Когда такъ жаждешь жить, — и не успѣла
Еще душа утратить вѣры въ счастье.
Лѣтами удрученный иль недугомъ

Взываетъ часто къ смерти, чтобъ она
Пришла его избавить отъ страданья.
Но юности такъ страшно умирать,
Такъ жаль надеждъ — могилѣ обреченныхъ!
Зачѣмъ тому, кто жизни не извѣдалъ,
Сокрытое отъ насъ природой знать?
И лучше преждевременнаго знанья,
Слѣпая скорбь». — Умолкни, дорогая!
Я возразилъ, умолкни. Сердце мнѣ
Терзаешь ты печальной этой рѣчью.
Такъ ты мертва, — а я еще живу!
Такъ этой чистой, нѣжной красоты,
Не пощадила смерть; — и не коснулась
Моей презрѣнной, грубой оболочки!
Какъ часто я ни думалъ, что лежишь
Въ могилѣ ты, что въ жизни не встрѣчаться
Ужъ больше намъ; но все не вѣрилъ я.
Что-жъ это — смерть? На опытѣ извѣдать
Я могъ бы нынче, что̀ зовемъ мы смертью,
И избѣжать преслѣдованій рока.
Я юнъ еще, но молодость моя
Проходитъ грустно, старости подобна,
Которой такъ боюсь я, хоть она
И не близка; и утро дней моихъ,
Не многимъ отличается отъ ночи!
Она опять: «Для горя и невзгодъ
Родились мы. Бѣжало счастье насъ,
И небеса надъ нами издѣвались».
Я продолжалъ: «Теперь, когда мой взоръ
Слезами застилается, и блѣдно
Лицо мое; когда тоской тяжелой
Я удрученъ, при мысли, что навѣкъ
Покинула меня ты, дорогая,
Скажи, молю, — покамѣстъ ты жила,
Являлась ли въ душѣ твоей порою,
Хоть тѣнь любви, хоть искра состраданья
Къ несчастному, что такъ тебя любилъ!
То горемъ, то надеждою томимый,
Тогда я дни и ночи проводилъ.
Сомнѣнья тѣ гнетутъ меня понынѣ.
О! если жизнь печальную мою
Хотя единый разъ ты пожалѣла,
Не скрой, молю. Пускай воспоминанье

О прошлыхъ дняхъ мнѣ утѣшеньемъ служитъ,
Коль будущее отнято у насъ»!
Она въ отвѣтъ мнѣ: «Успокойся, бѣдный,
И вѣрь, что никогда къ твоей судьбѣ,
При жизни не была я безучастна,
Какъ и теперь не безучастна къ ней.
Ахъ! и сама вѣдь я страдала тоже!
Не упрекай несчастную меня».
— Страданьемъ нашимъ, юностью погибшей,
Воскликнулъ я, — и муками любви,
Которыя испытываю я,
Утраченной надеждой, заклинаю,
Дай прикоснуться мнѣ къ рукѣ твоей!..
И подала она мнѣ тихо руку.
Пока ее я крѣпко, крѣпко жалъ,
И цѣловалъ, и обливалъ слезами,
А сердце билось, полное восторга,
И замирало слово на устахъ,
Очамъ моимъ внезапно день блеснулъ....
Она въ лицо мнѣ ласково взглянула
И молвила: — «Забылъ ты милый мой,
Что я ужъ красоты своей лишилась
Давно.... и тщетно ты, объятый страстью,
Несчастный другъ, трепещешь и горишь.
Въ послѣдній разъ прощай. Разлучены
Съ тобою мы навѣкъ душой и тѣломъ.
Ты для меня ужъ не живешь, и больше
Не будешь жить. Обѣтъ, произнесенный
Тобой, — судьба разорвала̀. Прощай!»
Отчаянья исполненный хотѣлъ
Я вскрикнуть; слезы подступали
Къ глазамъ моимъ, и судорожно я
Вскочилъ.... но тутъ мои раскрылись вѣки,
И сонъ исчезъ; — но предо мной она
Стояла всё, и мнѣ казалось, видѣлъ
Я въ солнечныхъ лучахъ ея черты....

III.

Одинокая жизнь.

Стуча въ мое окошко, лѣтній дождь
Подъ утро сонъ мой легкій прерываетъ.
Я слышу куръ кудахтанье. Онѣ
Бьютъ крыльями въ курятникъ запертые.
Вотъ поселянинъ вышелъ за ворота,
И смотритъ, не блеснетъ ли солнца лучъ,
Сквозь облака́, плывущія по небу.
Съ постели вставъ, благословляю я
И свѣжесть утра ранняго, и птичекъ,
Проснувшихся, на вѣтвяхъ щебетанье,
И поля зеленѣющаго даль.
Я видѣлъ васъ, я съ давнихъ поръ васъ знаю,
Ограды тѣсныхъ, душныхъ городовъ.
Гдѣ ненависть гнѣздится и несчастье,
Гдѣ я томлюсь и долженъ умереть!
Вдали отъ васъ, хоть скудное участье,
Хоть каплю состраданья нахожу
Въ природѣ я, которая когда-то—
Давно! — была ко мнѣ еще добрѣй.
Да! И она отъ удрученныхъ горемъ,
Отъ страждущихъ свой отвращаетъ взоръ.
И полная презрѣнья къ мукамъ нашимъ,
Богинѣ счастья служитъ какъ раба!
Ни на землѣ, ни въ небѣ утѣсненнымъ
Защиты нѣтъ. Ихъ другъ одинъ — желѣзо!—

* * *

Какъ часто я, на берегѣ высокомъ,
Надъ озеромъ, мѣстечко отыскавъ,
Поросшее тѣнистыми кустами,
Сижу одинъ, любуясь какъ блеститъ
Въ полдневный часъ въ водахъ недвижныхъ солнце.
Вокругъ меня ни шелеста, ни звука,
Не колыхнетъ былинки вѣтерокъ,
Не прокричитъ въ густой травѣ кузнечикъ,

Не шевельнетъ въ вѣтвяхъ крылами птичка,
И надъ цвѣткомъ не прожужжитъ пчела...
Молчаніе объемлетъ этотъ берегъ.
Забывши міръ и самого себя,
Сижу я долго, долго, недвижимый;
И кажется тогда мнѣ, что ужъ жизни
Нѣтъ въ членахъ успокоенныхъ моихъ,
Что возвратить ужъ имъ нельзя движенья,
Что ихъ покой и эта тишь — одно.

* * *

Любовь! Любовь! Далёко отлетѣла
Отъ сердца ты, гдѣ нѣкогда жила,
Которое тобой согрѣто было.
Житейскихъ бурь холодная рука
Его коснулась раннею весною
И превратила въ ледъ. Я помню время,
Какъ въ душу мнѣ впервые ты сошла!
Святые дни! (Имъ нѣтъ уже возврата)!
Какъ юношу тогда плѣняетъ жизнь,
Онъ видитъ рай въ печальномъ этомъ мірѣ;
И дѣвственныхъ исполненный надеждъ
На дѣло жизни трудное спѣшитъ,
Какъ-бы на праздникъ шумный и веселый.
Едва лишь я успѣлъ тебя узнать,
Любовь! какъ жизнь моя была разбита,
И выпала на долю мнѣ печаль!
Но всё-жъ порой, когда я на разсвѣтѣ,
Иль въ часъ какъ полдень кровли золотитъ,
Стыдливый образъ дѣвушки встрѣчаю;
Или когда, блуждая ночью лѣтней
По опустѣвшей улицѣ, одинъ,
Я голосокъ услышу поселянки,
Что распѣваетъ въ комнаткѣ своей,
И ночь, какъ день, работѣ отдавая;
И это сердце каменное вдругъ
Забьется... но затѣмъ лишь, чтобы снова
Сейчасъ-же въ сонъ обычный погрузиться,
Такъ сталъ мой духъ движеній нѣжныхъ чуждъ!

* * *

О мѣсяцъ! чье отрадное сіянье
Защитой служитъ зайчику въ кустахъ,
Его кружиться рѣзво заставляя,
Такъ, что обманутъ ложными слѣдами,
Охотникъ не найдетъ его жилища.
О краткій царь ночей! привѣтъ тебѣ!
Лучи твои враждебно проникаютъ,
Въ дремучій лѣсъ, въ руины старыхъ башень,
И въ дикое ущеліе скалы,
Гдѣ, притаясь, разбойникъ выжидаетъ,
Чтобъ стукъ колёсъ, иль хлопанье бича
Послышалось вдали; иль показался
Бредущій по тропинкѣ пѣшеходъ,
Къ которому, оружіемъ звуча,
И ярымъ крикомъ воздухъ оглашая,
Онъ бросится, — и ножъ въ него вонзивъ,
Въ пустынѣ трупъ его нагой оставитъ.
Враждебно ты ночному волокитѣ,—
Надъ улицей сіяешь городской,
Когда, вдоль стѣнъ, онъ крадется, и робко
Выискиваетъ мѣста потемнѣй,
Дрожа предъ каждымъ стукнувшимъ окошкомъ,
И фонаря зажженнаго пугаясь.
Твои лучи враждебны только злу.
Но мнѣ, въ моемъ уединеньи, другомъ
Ты будешь, озаряя предо мной
Лишь даль полей, да цѣпь холмовъ цвѣтущихъ.
Я также проклиналъ тебя когда-то,
Хотя и чуждый помысловъ преступныхъ
За то, что ты порою открывалъ
Присутствіе мое людскому взору,
И мнѣ черты людскія освѣщалъ.
Отнынѣ же любить тебя я стану.
Увижу ли тебя межъ тучъ плывущимъ,
Иль ясно ты, эфира властелинъ,
Смотрѣть на міръ, обильный скорбью, будешь.
Меня еще не разъ здѣсь встрѣтишь ты,
Когда брожу я по лугамъ и рощамъ,
Или травой высокою закрытъ,
Лежу, довольный тѣмъ уже, что сила
Въ груди моей осталась хоть для вздоховъ!

IV.

Къ самому себѣ.

И вотъ — ты можешь навсегда почить,
Усталое, измученное сердце.
Послѣднее исчезло обольщенье,
Которое казалось вѣчнымъ мнѣ!..
Исчезло! И въ груди моей не только
Надежды — но желанья даже нѣтъ!
Усни теперь. Довольно билось ты.
Нѣтъ ничего, что̀ было бы достойно
Здѣсь на землѣ біенья твоего.
Не сто̀итъ даже вздоха — эта жизнь.
Она горька и грязенъ міръ. Усни же,
Отчаявшись въ послѣдній разъ. Судьбой
Дано въ удѣлъ намъ умирать — и только.
Презрѣнія исполненъ я къ тебѣ,
Природа, — зла сила, что̀ во мракѣ
Таясь, царитъ на гибель человѣка, —
И къ безпредѣльной міра суетѣ!

А. Плещеевъ.

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНАЯ ШКОЛА

ВЪ

ГЕРМАНІИ*).

«Die Realschulen sind keine Fachschulen, sondern haben es, wie das Gymnasium, mit allgemeinen Bildungsmitteln und grundlegenden Kenntnisse zu thun; zwischen Gymnasium und Realschule findet daher kein principieller Gegensatz, sondern ein Verhältniss gegenseitiger Ergänzung Statt... Die Theilung ist durch die Entwickelung der Wissenschaften und der öffentlichen Lebens-Verhältnisse nothwendig geworden, und die Realschulen haben dabei allmählich eine coordinirte Stellung zu den Gymnasien eingenommen».

Unterrichts-Ordnung, v. 6 Oct. 1859.

Въ пятидесятыхъ годахъ, въ самомъ началѣ второй половины переживаемаго нами столѣтія, обнаружилось въ западной Европѣ сильное стремленіе къ полной и коренной реформѣ школьнаго образованія и преимущественно образованія, получаемаго въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сущность этого стремленія состояла въ томъ, чтобы поставить школу снова въ болѣе тѣсныя отношенія къ жизни, однимъ словомъ, «реализировать» школу;

---

*) Источники и литература:

Das höhere Schulwesen in Preussen. Historisch-Statistische Darstellung, herausg. von D-r L. Wiese. Berlin. I. 1864. II 1869 (оффиц. изд.).

Unterrichts- und Prüfungs-Ordnung der Realschulen und der höheren Bürgerschulen. Berlin, 1859 (оффиц. изд.).

эта мысль распространилась повсемѣстно; даже консервативная Англія не осталась чуждою общаго движенія и приступила къ реформамъ своихъ вѣковыхъ учрежденій, именно въ этомъ смыслѣ; но центромъ всей этой педагогической работы оставалась, главнымъ образомъ, Германія и въ особенности Пруссія.

Весною 1865-го года, министерство народнаго просвѣщенія второй французской имперіи, вообще старавшейся столько же зорко, сколько неудачно, слѣдить за развитіемъ какъ матеріаль-

---

Akademische Gutachten über die Zulassung von Realschul-Abiturienten zu Facultäts-Studien. Berl. 1871 (оффиц. изд.).

Die Realschul-Frage, von *D-r J. Loth*, Director der Realschule I. Ordnung zu Ruhrort. Leipz. 1870.

Ср. его же рядъ статей, помѣщенныхъ въ Köln. Zeitung: 1870 г. № 183, II Bl.; № 184, I Bl.; № 188 III Bl.; и 1871 г. № 206, I Bl.; № 208, I Bl.; № 211, I Bl.; № 217, I Blatt.

Ueber Wesen und Aufgabe der heutigen Realschule, von D-r *Holzapfel*. Magdeb. 1869.

Gymnasium und Realschule I. Ordnung, v. D-r *Oscar Jäger*. Mainz, 1871.

Ein Beitrag zur Realschulfrage, von *Sommerfeldt* (Die mittlere Bürgerschule zu Anklam, 1871). Anclam, 1871.

Das Real-Schulwesen nach seiner Bedeutung und Entwicklung, von *Fr. Kiss*. Stuttg. 1863.

Кромѣ того, извѣстія о ходѣ реальнаго образованія въ Германіи вообще и о состояніи отдѣльныхъ реальныхъ школъ за послѣдніе годы разсѣяны въ такъ-называемыхъ «Программахъ», которыя соотвѣтствуютъ нашимъ «Актамъ», гдѣ обыкновенно помѣщаются актовыя рѣчи, отчеты и присужденіе наградъ:

Programm der Realschule zu Ruhrort v. 1866, *Kottenhahn*.

Idem, zu Lauenburg in Pommern v. 1867, *D-r Beck*.

Idem, zu Crefeld v. 1869, D-r *Evers*.

Idem, zu Ruhrort v. 1869, D-r *Weiss*.

Progr. der Königstädtisse Realschule zu Berlin, v. 1869, D-r *Wenzlaff*.

Ср. также:

Статьи въ Pädag. Archiv. 1868, стр. 609 и слѣд., и 1869 стр. 81 сл., 223 сл., 709 сл.

Das Schulwesen des preussisch. Staats. Berl. 1866.

Die Stadtschulen, v. *L. Seuffarth*. Berl. 1867.

Die Realschulen, v. D-r *Kramer* (статья помѣщенная въ Schmid's Encyklopedie, VI, стр. 673 сл.).

Историческій очеркъ вообще реальныхъ школъ въ Германіи можно найти въ «Программѣ» Дюссельдорфской реальной школы 1863 г., статья D-r *Heinen'a*.

Мы имѣемъ свою образцовую реальную гимназію въ г. Ригѣ, которая соотвѣтствуетъ вполнѣ высшимъ реальнымъ школамъ въ Пруссіи и была основана одновременно съ ними въ 1859 году. Ея годовыя «Программы» представляютъ также много любопытныхъ данныхъ для исторіи реальнаго образованія вообще. Но особенно замѣчательна «Объяснительная записка» къ проекту новаго устава рижской реальной гимназіи; она уже два года тому назадъ представлена въ министерство и къ сожалѣнію не напечатана до сихъ поръ. Мы имѣли короткое время познакомиться съ нею въ рукописи и нашли въ ней самое полное и обстоятельное объясненіе какъ значенія реальнаго образованія вообще, такъ и самаго плана реальной гимназіи.

ныхъ, такъ и нравственныхъ силъ Германіи, отправило туда своего агента-спеціалиста для изученія на мѣстѣ ея высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Это былъ профессоръ Версальскаго лицея и адъюнктъ Сенъ-Сирской военной школы Ж. Ф. Минссенъ. Результатомъ его путешествія явился подробный отчетъ подъ заглавіемъ: «Etude sur l'instruction secondaire et supérieure en Allemagne» (Par. 1866). Въ концѣ своего предисловія къ этой книгѣ авторъ замѣчаетъ: «Кромѣ такъ-называемыхъ *гимназій*, въ Германіи существуютъ среднеучебныя заведенія, извѣстныя подъ именемъ *Realschulen*; они соотвѣтствуютъ (!) *спеціальному* обученію, недавно учрежденному во французскихъ лицеяхъ нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Я не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, такъ какъ онѣ—не классическія; впрочемъ, ниже я помѣстилъ нѣсколько указаній относительно ихъ программы». Дѣйствительно, изъ полутораста слишкомъ страницъ этого отчета, страницы три посвящены реальнымъ школамъ Германіи.

Г. Минссенъ не могъ лучше ввести въ обманъ и свое правительство, и свое общество, какъ отнесясь равнодушно къ тому, что онъ, очевидно, совсѣмъ не понималъ, такъ какъ сравнивалъ нѣмецкія реальныя школы съ французскимъ *Enseignement spécial*. Ему не пришло даже на мысль запастись оффиціальнымъ изданіемъ регламента нѣмецкихъ реальныхъ школъ, извѣстнаго подъ названіемъ «Unterrichts- und Prüfungs-Ordnung der Realschulen» (Berl. 1859), а оттуда онъ узналъ бы съ первой страницы, что реальныя школы въ Германіи всего менѣе могутъ быть названы *спеціальными училищами*. Отрывокъ изъ этого регламента, поставленный во главѣ нашей статьи, говоритъ именно: «Реальныя школы вовсе *не спеціальныя школы*, и, подобно гимназіи, имѣютъ дѣло съ общеобразовательными средствами и основными познаніями; потому *между гимназіею и реальною школою нѣтъ никакой существенной противоположности:* онѣ служатъ другъ другу взаимнымъ дополненіемъ... Раздѣленіе же (среднихъ учебныхъ заведеній на классическія и реальныя) сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе развитія наукъ и общественныхъ отношеній жизни, и реальныя школы при этомъ заняли, мало по малу, мѣсто — *соотвѣтственное* гимназіямъ»[1]).

---

[1]) Когда у насъ для составленія проекта реальныхъ училищъ, который былъ представленъ въ нынѣшнемъ году на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, отбирались мнѣнія лицъ, стоящихъ во главѣ учебныхъ округовъ, то вотъ какіе взгляды были высказаны ими на реальное образованіе. «Пусть будутъ спеціальныя реальныя школы — говоритъ попечитель Казанскаго учебнаго округа — но общеобразовательное заведеніе, служащее для развитія способностей ребенка, по моему убѣжденію,

Все это было высказано не какъ мнѣніе какой-нибудь партіи или педагогической школы, но въ формѣ оффиціальнаго толкованія закона о реальныхъ школахъ, еще за шесть лѣтъ до поѣздки г. Минссена въ Германію, и ничего этого онъ не замѣтилъ, и даже успокоивалъ свое правительство, увѣряя его, что французскія спеціальныя школы именно и суть тоже самое, что реальныя школы въ Германіи. Не замѣтилъ г. Минссенъ также и другого обстоятельства, не менѣе краснорѣчиваго.

Въ 1832-мъ году, въ Пруссіи считалось: гимназій 111, а реальныхъ школъ всего 9; между тѣмъ, въ 1864-мъ году, наканунѣ путешествія г. Минссена, гимназій было 145, а реальныхъ школъ 79! Итакъ, число гимназій въ 32 года возрасло менѣе чѣмъ на половину, а въ тотъ же періодъ времени число реальныхъ школъ увеличилось почти въ девять разъ[1]).

Наше министерство народнаго просвѣщенія предупредило французское въ изученіи новаго типа нѣмецкой школы и еще въ 1862-мъ году обратило серьезное вниманіе на то, что происходило въ дѣлѣ устройства нѣмецкихъ среднеучебныхъ заведеній. Старый уставъ нашихъ гимназій былъ тогда пересмотрѣнъ и видоизмѣненъ подъ вліяніемъ идей новаго времени, и результатомъ того явился новый уставъ 1864-го года, по которому наши среднія общеобразовательныя заведенія, также какъ и въ Германіи, были подраздѣлены, а именно на три рода. Въ Германіи всѣ среднія учебныя заведенія называются *die höhere Schulen* и подраздѣляются собственно на четыре рода: Gymnasien, Progymnasien, Realschulen, höhere Bürgerschulen[2]). У насъ были допущены только первые три рода: 1) классическія гимназіи (Gymnasien); 2) реальныя гимназіи (Realschulen), и 3) прогимназіи (Progymnasien). Всѣ вышеупомянутыя нѣмецкія среднеучебныя заведенія (die höhere Schulen) имѣютъ одну общеобразовательную цѣль безъ малѣйшей примѣси какой-нибудь спеціальности или профессіи, а именно «дать учащемуся юно-

---

должно быть не инымъ, какъ классическимъ въ полномъ смыслѣ этого слова». Одесскій попечитель заявилъ, что «слѣдуетъ учредить не гимназіи реальныя, кои ни къ чему надлежащимъ образомъ не приготовляютъ, но такъ-называемыя профессіональныя школы». Вотъ идеи, которыя были положены въ основу послѣдняго проекта реальныхъ училищъ у насъ. Эти идеи, какъ то видитъ теперь каждый, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ опытомъ образованныхъ европейскихъ обществъ. Въ то время, когда въ Германіи говорятъ, что «реальныя школы вовсе не спеціальныя школы», у насъ утверждаютъ: «пусть будутъ спеціальныя реальныя школы».

[1]) Въ настоящую минуту число реальныхъ школъ въ Пруссіи достигаетъ 90.

[2]) *D-r L. Wiese*, Das höhere Schulwesen in Preussen, стр. 20: Die verschiedenen Arten der höheren Schulen — Gymnasien, Progymnasien, Realschulen, höhere Bürgerschulen, u. s. w.

шеству религіозное и нравственное воспитаніе и сообщить основы научнаго образованія» [1]). Этому же важному и вѣрному принципу послѣдовали и мы, когда, въ 1864-мъ году, рядомъ съ классическими гимназіями открыли такія же общеобразовательныя заведенія подъ названіемъ реальныхъ гимназій, которыя должны были соотвѣтствовать нѣмецкимъ Realschulen. Назвавъ ихъ реальными гимназіями, мы выразили даже въ самомъ ихъ наименованіи то, что въ Пруссіи выражено, какъ мы видѣли, только въ принципѣ, а именно, что «гимназіи и реальныя школы имѣютъ *общую* задачу». Потому онѣ и получили у насъ общее наименованіе. Впрочемъ, и въ Пруссіи нѣкоторыя изъ реальныхъ школъ еще недавно, въ 1868-мъ году, назывались реальными гимназіями, Realgymnasium, а въ обществѣ и до этой минуты такъ называется старѣйшая гимназія въ Берлинѣ — das cöllnische Realgymnasium [2]). Точно также въ Висбаденѣ, до настоящей минуты, высшая реальная школа называется Realgymnasium [3]). Несправедливо потому у насъ утверждали, что въ Германіи недопускается даже самое выраженіе — реальная гимназія. У насъ самихъ, въ Остзейскомъ краѣ, существуютъ реальныя гимназіи и притомъ съ правомъ для ихъ воспитанниковъ поступать на физико-математическій факультетъ университета.

Итакъ, наше министерство народнаго просвѣщенія, въ 1864-мъ году, поступило несравненно лучше, нежели современное ему такое же министерство второй французской имперіи. Оно не игнорировало прогрессивнаго движенія школы въ Германіи, вѣрно поняло, что Realschulen вовсе не спеціальныя школы, не профессіональныя, и положило начало у насъ тому роду образованія, которое въ Германіи обратило вниманіе и общества и правительства. Но дальнѣйшая судьба нашихъ реальныхъ гимназій и Realschulen въ Пруссіи оказалась не одинаковою; по крайней мѣрѣ, судя по послѣднимъ правительственнымъ распоряженіямъ въ Россіи и въ Пруссіи, надобно заключить, что заботы прусскаго министерства народнаго просвѣщенія о реальныхъ школахъ стояли несравненно выше заботъ нашего министерства о реальныхъ гимназіяхъ. Въ декабрѣ 1870-го года, прусское правительство, въ виду успѣховъ и процвѣтанія реальныхъ школъ,

---

[1]) *Ibidem:* Gemeinsam ist allen diesen Anstalten die Aufgabe, die religiöse und sittliche Erziehung des männlichen Jugend zu unterstützen, und ihr die Grundlagen wissenschaftlicher Bildung mitzutheilen.

[2]) Одна изъ частей стараго Берлина называется Cölln, откуда произошло названіе реальной гимназіи. Въ 1868-мъ году она сдѣлана классическою, но для желающихъ сохранены параллельные реальные классы.

[3]) Объ устройствѣ реальной гимназіи въ Висбаденѣ см. у Визе: т. II, стр. 467.

нашло возможнымъ дать ихъ воспитанникамъ право на поступленіе въ университетъ (кромѣ богословскаго и юридическаго факультета); между тѣмъ, наше правительство отказало нашимъ реальнымъ гимназіямъ въ такомъ правѣ и вмѣстѣ предписало пересмотрѣть уставъ реальныхъ гимназій совокупно съ новымъ проектомъ министерства о реальныхъ училищахъ, — а извѣстно, что этотъ проектъ совершенно отвергаетъ вышеупомянутый принципъ прусскихъ реальныхъ школъ, какъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, наравнѣ съ гимназіями, и приближается, по своимъ идеямъ, къ министерству народнаго просвѣщенія второй французской имперіи съ его спеціальными и профессіональными школами. Въ маѣ текущаго года этотъ проектъ былъ отвергнутъ въ государственномъ совѣтѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ и при утвержденіи проекта классическихъ не удостоился высочайшаго одобренія. Министерству, высказавшему свое убѣжденіе противъ общеобразовательнаго характера реальныхъ училищъ, предстоитъ теперь передѣлать проектъ для новаго его обсужденія въ государственномъ совѣтѣ.

На этомъ пока остановился вопросъ о реальномъ образованіи въ настоящую минуту въ нашей практикѣ. Но въ литературѣ и въ обществѣ онъ продолжаетъ быть предметомъ усиленной полемики. Эта полемика, какъ и всякая полемика, выяснила во многомъ отдѣльныя стороны самаго вопроса, но все же она не всегда касалась самой сущности дѣла и не дала въ руки читателю всѣхъ данныхъ, чтобы судить о предметѣ независимо отъ ходячихъ мнѣній той или другой стороны. Имѣя въ виду именно такую самостоятельность и независимость общественнаго мнѣнія, мы и рѣшились, отложивъ въ сторону всякую полемику, изложить въ настоящей статьѣ прагматическую исторію высшей реальной школы въ Пруссіи отъ самаго ея начала въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, ея длинную борьбу за существованіе, и постепенную организацію ея внутренней жизни до начала нынѣшняго года, когда прусское правительство окончательно признало общественныя заслуги реальной школы и сдѣлало первый шагъ къ сравненію ея съ гимназіями, допустивъ, какъ мы уже замѣтили, воспитанниковъ реальныхъ школъ къ поступленію въ университетъ.

Сдѣлаются ли будущія наши реальныя гимназіи профессіональными школами на французскій манеръ, или и у насъ предпочтутъ давать въ нихъ общее образованіе, какъ то дѣлается въ Германіи,—нашъ очеркъ во всякомъ случаѣ не будетъ лишнимъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, частной дѣятельности и частнымъ пожертвованіямъ не будетъ воспрещено устроивать у насъ

реальныя школы съ общеобразовательнымъ характеромъ; а въ такомъ случаѣ, нашъ очеркъ можетъ быть принятъ къ свѣдѣнію тѣми, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ пройденною судьбою реальныхъ школъ въ Пруссіи и ихъ современною организацiею, не давая себѣ труда изучать вопросъ въ его довольно обширной литературѣ, главнѣйшіе факты которой мы привели въ самомъ началѣ статьи.

I.

Въ нашемъ обществѣ существуетъ одинъ предразсудокъ, образовавшійся быть можетъ вслѣдствіе полемики нашихъ «классиковъ» съ «реалистами», и который, повидимому, раздѣляется обѣими сторонами, какъ классиками, такъ и реалистами. Полагаютъ, что существующія нынѣ классическія гимназіи въ Германіи и въ Россіи дѣйствительно классическія и что въ теченіи вѣковъ онѣ остаются при однѣхъ и тѣхъ же основахъ, между тѣмъ какъ реальныя школы изобрѣтены чуть не вчера и не имѣютъ за собою вѣкового опыта. Это совершенно невѣрно, и еслибы педагогъ прошедшаго столѣтія взглянулъ на программы и методы нынѣшнихъ классическихъ гимназій, то онъ никогда не призналъ бы ихъ классическими: онъ даже назвалъ бы ихъ реальными школами, и былъ бы съ точки зрѣнія прошедшаго столѣтія совершенно правъ. Но чтó это доказываетъ? Это доказываетъ именно то, что такъ-называемыя классическія гимназіи нашего времени вовсе не имѣютъ за собою опыта вѣковъ, какъ то любятъ повторять у насъ болѣе или менѣе безсознательно напротивъ, эти гимназіи понесли на себѣ всѣ слѣды вліянія новаго времени и значительно отступили отъ своего прототипа настоящей классической гимназіи; это отступленіе состояло именно въ томъ, что гимназіи, начиная съ половины прошедшаго столѣтія, стали принимать въ соображеніе требованія новой жизни и такимъ образомъ начали уступать реализму и вводить реализмъ въ свои программы, такъ что въ настоящую минуту ихъ скорѣе можно назвать полу-реальными, и самая борьба между классицизмомъ и реализмомъ въ наше время есть собственно борьба полу-реальнаго образованія съ чисто-реальнымъ.

Чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ классическая гимназія въ Германіи лѣтъ сто тому назадъ? Главными и даже исключительными предметами обученія были *три* древніе языка: латинскій, греческій и еврейскій; родной языкъ, т.-е. нѣмецкій, былъ въ полномъ пренебреженіи; о немъ говорили, что ему всякій научается самъ

собою, и потому нѣтъ надобности тратить на изученіе его особое время; еще Гёте разсказывалъ, что въ его время студенты Лейпцигскаго университета до того были безграмотны въ родномъ языкѣ, что профессора вынуждались задавать имъ нѣмецкія сочиненія и практически учить родному языку[1]). Объ обученiи въ гимназiи иностраннымъ языкамъ нельзя было и заикнуться въ присутствiи классическаго педагога прошедшаго столѣтія. Несмотря на то, что французская драма вполнѣ господствовала въ нѣмецкомъ театрѣ XVIII-го вѣка, и французскій языкъ и нравы утвердились при дворахъ и въ знатныхъ салонахъ, «ученая школа», какъ тогда называли, между прочимъ, и классическія гимназiи[2]), не только не допускала у себя изученія французскаго языка и литературы, но отвергала даже попытку къ введенію ихъ съ презрѣніемъ, говоря, что такимъ пустякамъ могутъ обучать французскія няни, танцмейстеры и парикмахеры. Обучать же англійскому или итальянскому языку въ «ученой школѣ», —это показалось бы, въ прошедшемъ столѣтіи, такою же нелѣпостью, какъ еслибы кто теперь захотѣлъ ввести въ нашихъ школахъ турецкій языкъ. Положеніе наукъ въ гимназіяхъ XVIII-го вѣка было еще хуже, чѣмъ положеніе новѣйшихъ языковъ. Исторія ограничивалась разсказами, большею частью анекдотическаго свойства, но только изъ временъ грековъ и римлянъ; къ этому присоединялось усвоеніе памятью таблицъ съ именами ассирійскихъ и персидскихъ царей, аѳинскихъ архонтовъ, римскихъ консуловъ и императоровъ. Но и это все допускалось въ «ученыя школы» ради пользы такого курса исторіи для изученія древностей греко-римскихъ. Преподаваніе географіи соотвѣтствовало тому историческому курсу и главнымъ образомъ было направлено опять для облегченія чтенія классиковъ. Математическія науки ограничивались самымъ необходимымъ и не далеко уходили за курсъ ариѳметики. Относительно же естественныхъ наукъ не было и помину, тѣмъ болѣе, что ихъ изученіе не могло быть полезнымъ для чтенія классиковъ даже и въ томъ смыслѣ, въ какомъ признавалась польза исторіи и географіи.

Чтобы не ограничиваться однако общею картиною классическихъ гимназій прошедшаго столѣтія, возьмемъ отдѣльный

---

[1]) Нашъ корреспондентъ изъ Флоренціи (см. Вѣстн. Евр. авг. 895 стр.) пишетъ намъ, что, благодаря искусственнымъ поддержкамъ классицизму, въ Италіи теперь совершается то, что было въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ: «иные иностранцы лучше пишутъ и говорятъ по-итальянски, чѣмъ многіе итальянцы изъ нѣкоторыхъ провинцій, въ особенности южныхъ».

[2]) Названіе *гимназія* въ XVIII-мъ стол. не было общепринятымъ и этого рода заведенія назывались весьма разнообразно.

ѣръ. Въ 20-хъ годахъ XVI-го вѣка, въ самый разгаръ реаціоннаго движенія въ Германіи, и въ самомъ его центрѣ, йслебенѣ и въ Виттенбергѣ были основаны двѣ латинскія ы, при помощи Лутера и Меланхтона. До половины XVIII-го въ этихъ школахъ, получившихъ во второй половинѣ XVII-го наименованіе гимназій, программа оставалась безъ всякаго іенія. Эйслебенская гимназія[1]) состояла изъ 6-ти классовъ ·хъ аудиторіяхъ. На первомъ планѣ для учениковъ стояли вныя упражненія, включительно до сопровожденія покойнина кладбище. По четвергамъ, пятницамъ и воскресеньямъ ценія церковной службы. Одинъ день ежемѣсячно посвяі весь на чтеніе и повтореніе латинскаго календаря. За программа обученія вся сводилась къ самому мелочному ію трехъ древнихъ языковъ (лат., греч. и еврейск.), съ единеніемъ къ нимъ Библіи и музыки; въ двухъ послѣдклассахъ проходилась логика, риторика и піитика. Ровно ловинѣ прошедшаго столѣтія, и то подъ давленіемъ новаго ии, была введена исторія и географія, а въ 1771 году рѣь дополнить программу Эйслебенской гимназіи математи отечественнымъ языкомъ (нѣмецкимъ).

ъть настоящій и чистый типъ классической гимназіи проіго столѣтія, сложившійся дѣйствительно вѣками; такою ыла до начала борьбы классицизма съ реальными школами. ите же теперь программу современной гимназіи въ Пруссіи імъ прототипомъ не болѣе какъ за сто лѣтъ, и вы увидите, ервая отступила отъ него безконечно далеко, такъ что тельно можетъ быть даже названа реальною гимназіею, азывается и обученіе новѣйшимъ языкамъ, и исторіи, и фіи новаго времени, и физикѣ, и высшей математикѣ и ідъ даже естествознанію.

о обстоятельство значительно измѣняетъ всю постановку а относительно классицизма и реализма и междоусобной і ихъ приверженцевъ. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ ческія гимназіи, оказывается, тронулись съ того мѣста, на мъ онѣ сидѣли неподвижно, начиная со времени рефор- А слѣдовательно, дѣло настоящей минуты собственно тъ въ томъ, чтобъ классическія гимназіи продолжали наими прогрессивное движеніе: сравнительно съ тѣмъ, что іли сто лѣтъ тому назадъ, онѣ сдѣлали значительный шагъ иженію съ новою жизнью и съ новыми потребностями, переди осталось не мало для дальнѣйшаго ихъ усовер-

---

[1]) ·chichte des Gymnasiums zu Eisleben, v. Ellendt. 1846.

IV.

Къ самому себѣ.

И вотъ — ты можешь навсегда почить,
Усталое, измученное сердце.
Послѣднее исчезло обольщенье,
Которое казалось вѣчнымъ мнѣ!..
Исчезло! И въ груди моей не только
Надежды — но желанья даже нѣтъ!
Усни теперь. Довольно билось ты.
Нѣтъ ничего, что́ было бы достойно
Здѣсь на землѣ біенья твоего.
Не сто́итъ даже вздоха — эта жизнь.
Она горька и грязенъ міръ. Усни же,
Отчаявшись въ послѣдній разъ. Судьбой
Дано въ удѣлъ намъ умирать — и только.
Презрѣнія исполненъ я къ тебѣ,
Природа, — зла сила, что́ во mракѣ
Таясь, царитъ па гибель человѣка, —
И къ безпредѣльной міра суетѣ!

А. Плещеевъ.

О мѣсяцъ! чье отрадное сіянье
Защитой служитъ зайчику въ кустахъ,
Его кружиться рѣзво заставляя,
Такъ, что обманутъ ложными слѣдами,
Охотникъ не найдетъ его жилища.
О краткій царь ночей! привѣтъ тебѣ!
Лучи твои враждебно проникаютъ,
Въ дремучій лѣсъ, въ руины старыхъ башень,
И въ дикое ущеліе скалы,
Гдѣ, притаясь, разбойникъ выжидаетъ,
Чтобъ стукъ колёсъ, иль хлопанье бича
Послышалось вдали; иль показался
Бредущій по тропинкѣ пѣшеходъ,
Къ которому, оружіемъ звуча,
И ярымъ крикомъ воздухъ оглашая,
Онъ бросится, — и ножъ въ него вонзивъ,
Въ пустынѣ трупъ его нагой оставитъ.
Враждебно ты ночному волокитѣ,—
Надъ улицей сіяешь городской,
Когда, вдоль стѣнъ, онъ крадется, и робко
Выискиваетъ мѣста потемнѣй,
Дрожа предъ каждымъ стукнувшимъ окошкомъ,
И фонаря зажженнаго пугаясь.
Твои лучи враждебны только злу.
Но мнѣ, въ моемъ уединеньи, другомъ
Ты будешь, озаряя предо мной
Лишь даль полей, да цѣпь холмовъ цвѣтущихъ.
Я также проклиналъ тебя когда-то,
Хотя и чуждый помысловъ преступныхъ
За то, что ты порою открывалъ
Присутствіе мое людскому взору,
И мнѣ черты людскія освѣщалъ.
Отнынѣ же любить тебя я стану.
Увижу ли тебя межъ тучъ плывущимъ,
Иль ясно ты, эфира властелинъ,
Смотрѣть на міръ, обильный скорбью, будешь.
Меня еще не разъ здѣсь встрѣтишь ты,
Когда брожу я по лугамъ и рощамъ,
Или травой высокою закрытъ,
Лежу, довольный тѣмъ уже, что сила
Въ груди моей осталась хоть для вздоховъ!

товъ дѣлается очевиднымъ, что борьба реализма съ классицизмомъ есть вѣковой процессъ, въ которомъ совершается медленная реформа основъ среднеучебныхъ заведеній, и въ этомъ процессѣ, какъ мы видѣли, классическія гимназіи во многомъ являются сами переработанными въ духѣ новаго времени, и такъ-называемыя *Realien* уже входятъ въ планы гимназическаго преподаванія.

Какую же роль въ этомъ историческомъ процессѣ занимала и занимаетъ до настоящей минуты реальная школа?

Роль реальной школы въ постепенномъ преобразованіи классическихъ гимназій, въ смыслѣ сближенія ихъ съ новою жизнью и ея потребностями, была двоякая: сначала пассивная, когда реализмъ явился, какъ голый протестъ противъ неестественнаго и вреднаго уединенія классической школы въ прошедшемъ столѣтіи. Это, такъ сказать, древняя исторія реальной школы, которую можно начать съ половины прошедшаго столѣтія, съ 1738 года, когда была основана въ Галле первая школа, носившая имя *реальной*, и заключить 8-мъ марта 1832—днемъ перваго оффиціальнаго признанія реальныхъ школъ государственнымъ учрежденіемъ. Съ 1832 и по 1859 годъ роль реальной школы становится активною; это—новая ея исторія, когда дѣло идетъ не объ одномъ протестѣ, но и о собственномъ устройствѣ реальной школы. Наконецъ, съ 1859 года и до конца 1870 года предъ нами совершается современная исторія реальной школы, когда она начинаетъ занимать «coordinirte Stellung» въ отношеніи къ классическимъ гимназіямъ и въ заключеніе получаетъ право для своихъ питомцевъ поступать въ извѣстные факультеты университетовъ. На этомъ остановилась пока исторія реальной школы въ Германіи, наканунѣ новаго закона о школахъ, который изготовляется тамъ въ эту минуту для представленія палатѣ депутатовъ, и котораго съ нетерпѣніемъ ожидаютъ въ Германіи; но эта исторія далеко еще не окончилась.

II.

Теоретическая оппозиція противъ односторонности «латинской школы»—такъ называли въ XVII и XVIII-мъ вѣкѣ классическія училища—противъ ея монастырскаго удаленія отъ жизни, началась почти одновременно съ ея началомъ въ эпоху реформаціи. Въ XVII-мъ вѣкѣ латинской школѣ былъ нанесенъ первый ударъ въ педагогическихъ сочиненіяхъ Коменіуса, который впервые сказалъ обучающимъ: «Ни одного слова — безъ вещи!»

Успѣхи общественной жизни еще болѣе протестовали въ виду безплодности обученія въ латинскихъ школахъ, которыя до начала нынѣшняго столѣтія, какъ мы видѣли, не считали важнымъ научное знаніе родного языка, родной литературы, ни подъ какимъ видомъ не допускали обученія живымъ языкамъ современныхъ народовъ, стоящимъ во главѣ новѣйшей цивилизаціи; исторію и географію ограничивали древнимъ міромъ и считали ихъ вспомогательнымъ знаніемъ, необходимымъ для уразумѣнія однихъ древнихъ авторовъ; математикѣ отводили самое скромное мѣсто, немного переступавшее за таблицу умноженія. Ко всему этому надобно присоединить полное отсутствіе въ латинской школѣ какой-нибудь общей опредѣленной программы; онѣ даже носили до самаго 1812-го года разнообразнѣйшія названія: хотя и въ прошедшемъ столѣтіи было въ употребленіи названіе *Gymnasium*, но большая часть среднеучебныхъ заведеній назывались Lyceum, Paedagogium, Collegium, или просто «Латинская школа»; многія изъ нынѣшнихъ гимназій назывались также «Партикулярами» (Particulare, т.-е. Studium, въ противоположность Universale Studium, какъ назывались обыкновенно университеты). Только 12 ноября 1812-го года предписано было въ Пруссіи всѣ эти разноименныя заведенія называть однообразно *гимназіями*, и вмѣстѣ съ тѣмъ была составлена для нихъ общая норма преподаванія. Изъ этого факта видно, что исторія нынѣшнихъ гимназій измѣряется вовсе не столѣтіями, какъ то думаютъ многіе, и относительно реальныхъ школъ, организированныхъ въ 1832-мъ году, гимназіи старше всего на 20 лѣтъ. Къ закону о гимназіяхъ 1812-го года прусское правительство было вынуждено крайнимъ вредомъ, который наносили латинскія школы университетамъ, поставляя туда людей, хотя говорившихъ хорошо по-латыни, но неумѣвшихъ правильно писать на родномъ языкѣ. Такое положеніе «ученыхъ школъ» наносило вредъ университетамъ и тѣмъ, что самое поступленіе въ университетъ не было опредѣлено никакою нормою: въ университетъ принимали обыкновенно по простому письму директора латинской школы къ декану; иногда дѣло ограничивалось запискою учителя къ знакомому ему декану или профессору, и ученикъ поступалъ въ студенты.

Но если прусское правительство вспомнило только въ 1812-мъ году о необходимости положить предѣлъ вопіющему злу въ дѣлѣ народнаго образованія, и то подъ вліяніемъ тяжелаго урока, даннаго ему нашествіемъ французовъ въ 1806 и 1807-мъ годахъ,— то въ обществѣ неудовольствіе на латинскія школы не ждало такъ долго, и уже съ половины XVIII-го вѣка оно выразилось.

фактически. Латинскимъ школамъ была противопоставлена новая школа, и дьяконъ въ Галле, Христофъ Землеръ, пустилъ въ ходъ и новое для нея имя, заимствованное, быть можетъ, изъ памятной борьбы философскихъ школъ временъ Абелляра, XI-го вѣка, номиналистовъ и реалистовъ. Школа, основанная Земле-ромъ въ Галле, въ 1738-мъ году, носила слѣдующее наименованіе: «*Реальная школа* (Realschule), хозяйственная, механическая и математическая, одобренная прусскимъ королевскимъ правительствомъ герцогства магдебургскаго и берлинскимъ королевскимъ обществомъ наукъ». Названіе, данное Землеромъ новой анти-латинской школѣ сохранилось и впослѣдствіи, а указъ 1859-го года, установившій послѣднюю общую норму для всѣхъ нѣмецкихъ реальныхъ школъ, утвердилъ навсегда это названіе за новымъ типомъ среднеучебныхъ заведеній, сдѣлавъ однако при этомъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Традиціонное наименованіе: *Реальная школа*, утверждается для оффиціальнаго употребленія, какъ отличительный признакъ, что́, впрочемъ, не воспрещаетъ мѣстныя и уже принятыя наименованія такихъ заведеній (дѣйствительно, во Франкфуртѣ н/М., напримѣръ, реальная школа и до сихъ поръ продолжаетъ называться Musterschule, какъ она называлась до этого указа); это названіе указываетъ только на происхожденіе этихъ школъ, *но изъ названія вовсе не слѣдуетъ, что устройство этихъ учрежденій соотвѣтствуетъ первоначальному понятію о нихъ* (т.-е. временъ Землера), *такъ какъ съ теченіемъ времени ихъ назначеніе и устройство существенно измѣнились* [1]).

Но это обстоятельство осталось совершенно незамѣченнымъ у насъ во время полемики классиковъ съ реалистами. Обыкновенно противники реальныхъ школъ приводятъ факты изъ прежней ихъ исторіи, и нападая на реальное образованіе, ссылаются на тѣ цѣли, которыя дѣйствительно ошибочно ставила реальная школа въ прошедшемъ столѣтіи. Въ этомъ отношеніи противники реальныхъ школъ напоминаютъ собою гимназистовъ младшихъ классовъ, которые обзываютъ шустеромъ своего новаго товарища за то, что его отецъ или дѣдъ были сапожниками, или стараются въ случайной его фамиліи найти поводъ къ насмѣшкамъ. Названіе нынѣшнихъ реальныхъ школъ, какъ

---

[1]) Der Name erinnert an die Enstehung dieser Schulen (Realschulen) ohne dass sie jedoch, bei ihrer im Laufe der Zeit wesentlich geänderten Bestimmung und Einrichtung dem ursprünglichen Begriff, desselben noch völlig entsprächen. Unterrichts-Ordn. d. Realschulen, v. 6 Oct. 1859, стр. 44.

мы видѣли, сохранено только «по преданію» и онѣ нисколько не отвѣтственны за ошибки и увлеченія своего прародителя [1]).

Да и какъ было не ошибаться и не увлекаться въ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда процвѣтали и поглощали всѣ общественныя деньги тѣ латинскія школы, о программѣ которыхъ мы говорили выше?! Изъ той крайности, въ которой находились латинскія школы прошедшаго столѣтія, реальныя школы ударились въ другую; латинскія школы, ограничиваясь изученіемъ въ мелочныхъ подробностяхъ трехъ мертвыхъ языковъ, совершенно игнорировали новую жизнь и новыя ея потребности; реальныя школы задались мыслью служить жизни,—но какъ этого достигнуть? Рѣшить этого вопроса онѣ не умѣли и за то понесли упрекъ въ утилитаризмѣ и матеріализмѣ своего школьнаго направленія. Потому нисколько неудивительно, что, борясь съ латинскими школами, первыя реальныя школы достигли ничтожнаго результата: онѣ сдѣлались только ихъ антиподами; ихъ питомцы въ массѣ оказывались точно также неразвитыми личностями и точно также плохо приготовленными къ дѣйствительной жизни, какъ и питомцы латинскихъ школъ. Самый титулъ первой реальной школы ясно показываетъ, что ея основатель Землеръ имѣлъ въ виду только одно, — какъ можно дальше отступить отъ плана современныхъ ему классическихъ гимназій, и потому задался мыслью устроить школу «математическую, механическую и хозяйственную».

Школа Землера не долго и существовала; но его примѣръ вызвалъ многочисленныя подражанія, а жители городовъ охотно дѣлали пожертвованія на основаніе новыхъ школъ. Даже многія изъ латинскихъ школъ прошедшаго столѣтія бросили свои древнія программы и поспѣшили превратиться въ реальныя школы, сохранивъ, впрочемъ, названіе гимназіи. Образцовою реальною школою въ прошедшемъ вѣкѣ считалась та, которая была основана въ Берлинѣ, въ 1747-мъ году, Іоах. Геккеромъ. Ея устройство служило нормою для другихъ, и по ней же преобразовывались латинскія школы въ реальныя гимназіи. Такъ, въ 1766-мъ году такое превращеніе испытала весьма древняя, извѣстная въ свое время гимназія Св. Маріи Магдалины (Magdaleneum), въ Бре-

[1]) Не имѣя такого преданія отъ Землера, мы поступили несравненно лучше и правильнѣе, назвавъ у себя высшія реальныя школы — *реальными гимназіями:* реальная школа достигаетъ только другими средствами той же цѣли, какую преслѣдуютъ классическія гимназіи; реальная школа стремится также прежде всего къ развитію духовныхъ силъ человѣка и къ укрѣпленію ихъ посредствомъ научныхъ упражненій, какъ и гимназія—откуда послѣдняя и получила свое греческое наименованіе.

славлѣ, основанная еще въ 1266-мъ году. Въ 1766-мъ году она преобразовалась въ реальную по программѣ Геккера. Но при этомъ дѣлается очевиднымъ, какъ тогда еще мало понимали существенное значеніе реальнаго образованія: въ старшемъ классѣ этой гимназіи, между прочимъ, предназначалось обучать: 1) гражданскому и военному строительному искусству; 2) хозяйству; 3) камеральнымъ наукамъ; 4) анатоміи; 5) нумизматикѣ; 6) полировкѣ стекла; 7) полемикѣ; 8) нравственной философіи и т. д.

Это смѣшеніе понятія реальнаго и профессіональнаго, утилитарнаго, вредило какъ нельзя болѣе новымъ школамъ, которыя были правы, дѣлая оппозицію одностороннему классицизму, и въ тоже время глубоко ошибались, преслѣдуя невозможную задачу—приготовлять съ дѣтства къ какой-нибудь профессіи. За гимназіями, при всей недостаточности ихъ программы временъ Лутера и Меланхтона, оставалось все-таки одно преимущество: онѣ не преслѣдовали утилитарныхъ цѣлей и ставили на первое мѣсто общее развитіе способностей человѣка. Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія ошибка реальныхъ школъ была замѣчена, и съ 20-хъ годовъ реальныя школы начали выступать, мало по малу, на новую дорогу. До сихъ поръ въ новыхъ школахъ, какъ мы видѣли, заботились исключительно о принципѣ «полезности» обученія, о возможности примѣнить къ жизни познанія, пріобрѣтенныя въ школахъ. Съ 20-хъ годовъ задались другою мыслью, а именно, дать общее человѣческое образованіе, развить способности учащагося при помощи точныхъ наукъ. Вопросъ былъ поставленъ правильно, но полное разрѣшеніе его представило не мало затрудненій и ожидать его въ скорости было невозможно.

Но, тѣмъ не менѣе, заслуга Августа Шпиллеке, измѣнившаго въ 1822-мъ году, планъ реальной школы Геккера въ смыслѣ общеобразовательномъ, была весьма важна и составила эпоху въ исторіи реальной школы вообще. Потому его считаютъ справедливо отцемъ новѣйшей реальной школы, и его трактатъ: «Ueber das Wesen der Bürgerschule», до сихъ поръ представляетъ большой интересъ, какъ попытка провести новый взглядъ на значеніе и силу реальнаго образованія. До сихъ поръ реальная школа старалась научить но возможности всему, что требуется для жизни; Шпиллеке имѣетъ въ виду, съ одной стороны, ограничить кругъ преподаванія въ реальной школѣ, а съ другой—и что самое главное — указать на необходимость другого метода въ обученіи. Онъ составилъ, между прочимъ, превосходный идеалъ учителя реальной школы. «Для реальной школы—говорилъ Шпиллеке—только тотъ учитель хорошъ, который рядомъ съ научными познаніями,

весьма естественно необходимыми для него (чего онъ не знаетъ, тому, конечно, онъ не можетъ и учить), обладаетъ яснымъ взглядомъ на внѣшнія житейскія отношенія, отличается вѣрнымъ тактомъ, чтобы умѣть схватить тотчасъ въ каждомъ явленіи его существенныя черты, владѣетъ искусствомъ объяснять отвлеченныя положенія науки примѣромъ изъ міра непосредственно окружающаго, старается ежеминутно увеличить сокровищницу своей опытности и тѣмъ самымъ возбуждаетъ учащихся къ меткому наблюденію надъ тѣмъ, что̀ совершается предъ его глазами, который, наконецъ, умѣетъ связывать отдаленное съ близкимъ и такимъ образомъ старается вызвать разумное и толковое сужденіе обо всемъ, совершающемся въ кругу жизни и опыта учащихся. Напротивъ, тотъ учитель, который не въ состояніи проложить дороги отъ теоріи къ практикѣ, который упражняетъ въ ученикѣ одинъ его умъ или даже одну память, а не даръ видѣть, наблюдать и разумѣть формы, виды, отношенія, — такой учитель, пусть онъ обладаетъ громадными познаніями, все же онъ никуда не годится для реальной школы».

Такая перемѣна въ направленіи реальной школы въ 20-хъ годахъ и ея новое стремленіе отложить въ сторону утилитаризмъ и придать себѣ общеобразовательный характеръ, обратило вниманіе на нее прусскаго правительства. «Правительство — говоритъ Визе — предоставило и теперь полную свободу новому направленію, но съ своей стороны твердо стояло на томъ, чтобы ненаучный принципъ полезности не лишалъ реальныя школы характера общеобразовательныхъ заведеній». Изъ этихъ словъ видно, что въ Германіи еще 50 лѣтъ тому назадъ хорошо поняли, что реальныя школы не должны быть профессіональными заведеніями, и прусское правительство соглашалось принять ихъ въ общую систему среднихъ учебныхъ заведеній только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ отказались отъ «unwissenschaftliche Praxis des Nützlichkeitsprincips», отъ ненаучнаго утилитаризма.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, министерство народнаго просвѣщенія въ Пруссіи рѣшилось, наконецъ, сдѣлать тоже самое для реальныхъ школъ, что было сдѣлано имъ для гимназій въ 1812-мъ году, а именно положить предѣлъ ихъ неопредѣленности и регулировать внутреннее устройство съ тѣмъ, чтобы поднять реальную школу до общественнаго и государственнаго значенія. 8-го марта 1832-го года былъ обнародованъ первый оффиціальный актъ о реальныхъ школахъ, подъ заглавіемъ: «Vorläufige Instruction über die an den höheren Bürger- und Realschulen anzuordnenden Entlassungsprüfungen».

Съ этой «Предварительной Инструкціи» можно начать новую

исторію реальной школы въ Германіи, которая наконецъ завершилась полною ея организацією въ уставѣ реальныхъ школъ 1859-го года.

Въ Пруссіи смотрѣли уже въ то время такъ на необходимость принять подъ покровительство реальную школу и поставить ее рядомъ съ гимназіями:

«Не только въ интересѣ реальныхъ школъ, но и въ интересѣ самихъ гимназій, было необходимо дать реальнымъ школамъ дальнѣйшее развитіе рядомъ съ гимназіями. Упростить и сосредоточить программу обученія въ гимназіяхъ, сообразно ихъ первоначальной идеѣ, было возможно только подъ условіемъ, *если одновременно будутъ приняты во вниманіе требованія болѣе реалистическаго образованія и потребности юношества, неидущаго въ университетъ;* сверхъ того, успѣхъ естественныхъ наукъ, а равно, развитіе общественной жизни и промышленности требовали неопровержимо того же»[1]).

Мы обращаемъ особенное вниманіе на эти слова, вполнѣ авторитетныя и которыя нельзя ни на минуту заподозрить въ какомъ-нибудь пристрастіи къ реальнымъ школамъ или вообще въ наклонности къ нововведеніямъ. Эти слова имѣютъ особенную важность у насъ въ настоящую минуту, когда высочайше опредѣлено, чтобы однѣ гимназіи (т.-е. классическія заведенія) открывали дорогу въ университетъ, какъ то было въ Пруссіи въ 1832-мъ году, когда воспитанники реальныхъ школъ были отнесены къ «nicht studirende Jugend», т.-е. къ непоступающимъ въ университетъ. А слова эти произнесены г. Визе, историкомъ среднеучебныхъ заведеній въ Пруссіи, который въ тоже время занимаетъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія первое мѣсто, послѣ самого министра фонъ-Мюлера, какъ Geheim Ober-Regierungs und vortragender Rath министерства народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ; въ Берлинѣ его считаютъ настоящимъ министромъ народнаго просвѣщенія, и во всякомъ случаѣ его правою рукою. Что г. фонъ-Мюлеръ, а слѣдовательно и г. Визе не чувствуютъ большого пристрастія къ

[1]) Es lag ebenso im Interesse der Gymnasien wie der Realschulen selbst, der Selbständigkeit der letzteren neben den Gymnasien noch weitere Anerkennung zu Theil werden zu lassen. Den Gymnasiallehrplan seiner ursprünglichen Idee gemäss zu vereinfachen und in sich zu concentriren, war nur möglich, wenn man gleichzeitig den Ansprüchen einer mehr realistischen Bildung und dem Bedürfniss der nicht studirenden Jugend gerecht werden konnte. Ausserdem lagen in den Fortschritten der Naturwissenschaft, so wie inder Entwickelung des öffentlichen Lebens und der Industrie, unabweisliche Aufforderungen dazu. Dr. *Wiese*, I, 27 стр.

реальнымъ школамъ, — это довольно извѣстно; но тѣмъ важнѣе для насъ вышеприведенныя слова г. Визе.

Въ нынѣшнемъ году у насъ, какъ въ 1832-мъ году, планъ классическихъ школъ, т.-е. гимназій «упрощенъ и сосредоточенъ», а именно почти половина учебнаго времени отдана древнимъ языкамъ. Но, въ такомъ случаѣ, мы повторимъ слова г. Визе, что тѣмъ необходимѣе теперь у насъ поставить реальныя гимназіи рядомъ съ классическими и придать имъ общеобразовательный характеръ, тѣмъ необходимѣе «принять въ соображеніе потребность общаго образованія для юношества, которому закрытъ доступъ въ университетъ», какъ то сдѣлало прусское правительство еще въ 1832-мъ году, «въ виду успѣховъ естественныхъ наукъ, а равно, развитія общественной жизни и промышленности», которыя послѣ 1832-го года сдѣлали новые успѣхи и получили новое развитіе.

Въ чемъ же состояла та «Предварительная Инструкція 1832 года», первая попытка къ регулированію реальной школы въ смыслѣ новыхъ ея стремленій стать рядомъ съ гимназіей, и сдѣлаться, такимъ образомъ, общеобразовательнымъ заведеніемъ?

III.

Главная цѣль «Предварительной Инструкціи» состояла въ томъ, чтобы положить предѣлъ неопредѣленности программъ реальной школы, опредѣлить точнѣе выборъ предметовъ преподаванія и ихъ объемъ, и замѣнить принципъ «полезности», утилитаризмъ,—принципомъ общеобразовательности наравнѣ съ гимназіями. Прусское правительство, видя, съ какою охотою граждане дѣлаютъ пожертвованія на основаніе реальныхъ школъ и какую пользу само государство можетъ извлечь изъ того для себя, рѣшилось потому заявить, съ своей стороны, мѣру требованій, которыя оно намѣрено предъявить относительно окончившихъ курсъ. Вотъ почему «Предварительная Инструкція», не вмѣшиваясь въ самое преподаваніе, ограничилась опредѣленіемъ выпускныхъ экзаменовъ — Entlassungsprüfungen, и тѣхъ служебныхъ правъ, которыми могутъ воспользоваться представившіе отъ реальной школы свидѣтельство о «зрѣлости», т.-е. объ удовлетворительномъ испытаніи.

Вотъ содержаніе перваго параграфа «Инструкціи», гдѣ подробно объясняется цѣль испытаній:

«а) Обезпечить молодымъ людямъ, которые прошли курсъ ученія въ полной высшей городской школѣ или въ реальной

школѣ и выпущены съ удовлетворительными познаніями, поступленіе охотниками (freiwillig) въ военную службу на одинъ годъ, и занятіе мѣстъ въ почтовомъ, лѣсномъ и строительномъ вѣдомствахъ и въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

«b) Дать родителямъ и опекунамъ достовѣрное свидѣтельство о степени образованія выпущеннаго воспитанника, съ тѣмъ, чтобы они могли судить, имѣетъ ли онъ надлежащія средства для поступленія на мѣсто, ему предназначаемое.

«c) Предоставить школамъ случай обнаружить предъ своимъ начальствомъ результаты своей дѣятельности, укрѣпить въ публикѣ довѣріе къ себѣ, а въ учителяхъ и въ ученикахъ поддержать благородное соревнованіе къ достиженію указанной цѣли».

Допущеніе къ испытанію было обусловлено посѣщеніемъ высшаго класса (prima) реальной школы, по крайней мѣрѣ въ теченіе одного года.

Программа испытаній была слѣдующая: 1) Письменная работа: a) одно нѣмецкое и одно французское сочиненіе (также англійское и итальянское, гдѣ обучаютъ этимъ языкамъ); b) переводъ на латинскій языкъ; c) рѣшеніе двухъ ариѳметическихъ и двухъ геометрическихъ задачъ; d) обработка одной темы изъ физики и одной—изъ химіи. 2) Устное испытаніе изъ a) религіи, b) исторіи, c) географіи, d) математики, и e) естествознанія: описаніе природы, физика и химія.

Для такихъ испытаній назначалась въ каждой мѣстности особая экзаменаціонная коммиссія, состоявшая изъ правительственнаго коммиссара, одного лица изъ мѣстныхъ школьныхъ властей, директора и одного изъ учителей школы, преподающаго какую-нибудь науку.

Относительно латинскаго языка въ «Инструкціи» находилась оговорка: «Отсутствіе познаній въ этомъ языкѣ заграждаетъ ученику дорогу туда, гдѣ такое знаніе необходимо; но нельзя по одному тому отказать въ свидѣтельствѣ о зрѣлости, если ученикъ хорошо аттестованъ въ другихъ предметахъ».

На основаніи этой «Инструкціи», въ 1832-мъ году, право допущенія къ экзамену (Entlassungsprüfung) и полученія свидѣтельства зрѣлости (Maturitäts-Zeugniss), дававшее права на службу въ извѣстныхъ вѣдомствахъ и на привилегію въ исполненіи воинской повинности, получили 9 реальныхъ школъ.

Послѣ 1832-го года, прусское правительство, при всякое реформѣ учебнаго дѣла, всегда обращало одинаковое вниманіе какъ на гимназіи, такъ и на реальныя училища, преслѣдуя при этомъ постоянно одну и туже цѣль—сообщать реальному образованію общечеловѣческій характеръ взамѣнъ утилитарности,

причемъ однако заботливо сохраняло ихъ главный типъ, совершенно отличный отъ гимназій. Изъ такихъ дальнѣйшихъ дѣйствій прусскаго правительства особенно замѣчательны опредѣленія земской конференціи о дѣлахъ школы (Landesschulconferenz), занимавшейся отъ 16-го апрѣля до 14-го мая 1849 года преобразованіемъ среднихъ учебныхъ заведеній. Первый параграфъ этихъ опредѣленій въ первый разъ высказался положительно о воспитательныхъ цѣляхъ реальной школы:

«Реальная гимназія принимаетъ преимущественно такихъ воспитанниковъ, которые должны въ ней получить *общее научное образованіе* (въ противоположность утилитарному), основанное, главнымъ образомъ, на *новыхъ образовательныхъ элементахъ* (въ противоположность старымъ образовательнымъ элементамъ классическихъ гимназій), для служенія ихъ различнымъ направленіямъ гражданской жизни, или для приготовленія ихъ какъ къ высшимъ спеціальнымъ школамъ, такъ и къ философскому факультету университета [1]). — Предметы преподаванія суть: нѣмецкій, французскій и англійскій языки и литература, религія, математика, естествовѣдѣніе, исторія, географія, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Латинскій языкъ, судя по мѣстнымъ отношеніямъ, можетъ быть вводимъ какъ предметъ преподаванія для тѣхъ учениковъ, которые пожелаютъ продолжать его. Ученики, которые не продолжаютъ латинскаго языка, лишаются права на поступленіе въ университетъ» (verzichten auf die Immatriculation bei der Universität).

Итакъ, важное слово было произнесено: желаніе прусскаго правительства уничтожить утилитаризмъ реальныхъ школъ или реальныхъ гимназій и сдѣлать ихъ общеобразовательными заведеніями, привело неизбѣжно къ мысли о продолженіи воспитанниками реальныхъ школъ своего научнаго образованія въ университетѣ, и въ 1849-мъ году, какъ мы видѣли, сами министерскіе коммиссары, на Landesschulconferenz выразили свое мнѣніе въ этомъ смыслѣ. Необыкновенное развитіе и успѣхи реальныхъ школъ съ 1832 года вполнѣ оправдывали такое мнѣніе; а ка-

---

[1]) Das *Real-Gymnasium* nimmt vorzugsweise diejenigen Zöglinge auf, welche sich in demselben hauptsächlich auf der Grundlage moderner Bildungs-Elemente für die verschiedenen Richtungen des burgerlichen Lebens eine allgemeine wissenschaftliche Bildung erwerben, oder sich für höhere Fachschulen und für Studien innerhalb der philosophischen Facultät auf der Universität vorbereiten wollen. Изъ этого опредѣленія опять видно, что терминъ: *реальная гимназія*, давно уже употребляютъ въ Германіи, и онъ вовсе не былъ изобрѣтенъ составителями устава нашихъ гимназій 1864-го года, какъ то нѣкоторые увѣряли.

ково именно было это развитіе, о томъ можно судить по слѣдующему фактическому примѣру:

Въ 1832-мъ году, когда было положено начало правильному устройству реальныхъ школъ, въ провинціи Пруссіи, напримѣръ, было 4 реальныя школы и 12 гимназій; въ 1849-мъ году, въ той же провинціи было 12 реальныхъ школъ и только 14 гимназій. Около этого же времени въ 14-ти гимназіяхъ воспитывалось около $4^1/_2$ т., и въ реальныхъ школахъ слишкомъ $3^1/_2$ тысячи [1])!

Изъ этихъ цифръ видны и тѣ пожертвованія, которыя дѣлало общество для устройства реальныхъ школъ, и тѣ выгоды, которыя извлекало общество и правительство, получая, кромѣ $4^1/_2$ тыс. гимназистовъ, $3^1/_2$ т. молодыхъ людей, которые безъ реальныхъ школъ остались бы, быть можетъ, при утилитарномъ образованіи. Но правительство должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ, понять и вредъ, если оно осудитъ реальныя школы на прозябаніе и лишитъ ихъ воспитанниковъ возможности довершать начатое ими научное образованіе. Въ тоже время и общество могло бы охладѣть въ своихъ пожертвованіяхъ, еслибы оно замѣтило со стороны правительства искусственную поддержку однихъ гимназій.

Но эпоха 1849-го года была не такова, чтобы заботы прусскаго правительства могли сосредоточиться на учебныхъ заведеніяхъ; это была эпоха реакціи, послѣдовавшей за революціею, а потому только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ прусское правительство вернулось на прежнюю дорогу, побуждаемое къ тому, впрочемъ, заявленіями со стороны самого общества.

Въ 1858-мъ году многіе города и учительскіе съѣзды обратились въ палату депутатовъ съ петиціями о дарованіи выпускнымъ воспитанникамъ реальныхъ школъ (Realschul-Abiturienten) одинаковыхъ правъ съ выпускными гимназистами (Gymnasial-Abiturienten). Содержаніе петицій составляла просьба о поддержаніи реальныхъ школъ, о раздѣленіи ихъ на высшія и низшія и о допущеніи воспитанниковъ высшихъ реальныхъ школъ въ университетъ. Вотъ какимъ образомъ отвѣчалъ по поводу этихъ петицій тогдашній министръ народнаго просвѣщенія ф.-Бетманнъ-Гольвегъ: «Я считаю важною задачею моего министерства поощрять реальныя школы въ усвоенномъ имъ значеніи; я считаю, во-вторыхъ, неудобнымъ классифицировать реальныя школы по роду ихъ дѣятельности и раздѣлять на низшія и высшія; въ-третьихъ, надлежитъ предоставить дальнѣйшему тща-

---

[1]) Всѣ эти цифры заимствованы нами у *Визе*, въ таблицахъ къ т. I, стр. 420, 421, 425 и 428.

тельнѣйшему обслѣдованію вопросъ, не можетъ ли эта цѣль быть достигнута вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, касающихся этого дѣла, и въ-четвертыхъ, что относится къ вопросу о связи реальной школы съ университетомъ, то этотъ вопросъ представляетъ задачу, разрѣшенія которой нужно ждать въ далекой будущности [1]). При этомъ предстоитъ избѣгнуть двухъ опасностей: или реальнымъ школамъ будутъ предъявлены такія требованія, которыхъ онѣ не въ состояніи выполнить, или университеты будутъ стѣснены въ выполненіи своей задачи [2]). Насколько будетъ возможно предоставить ученикамъ реальныхъ школъ право вступленія въ университетъ — относительно того необходимо выжидать указаній опыта и взвѣсить это дѣло; но я долженъ при этомъ высказать еще слѣдующее, а именно, что и университеты не будутъ навсегда закрыты для реальныхъ школъ, въ виду ихъ поступательнаго движенія на поприщѣ образованія. Если этому движенію удастся подойти близко къ цѣли, то я убѣжденъ, что ни одинъ министръ народнаго просвѣщенія не рѣшится отказаться отъ той силы, которую ему представятъ реальныя школы» [3]).

Ф.-Бетманнъ, говоря такъ, былъ въ извѣстномъ отношеніи правъ: въ 1858-мъ году, когда явились тѣ петиціи, реальныя школы хотя и сдѣлали успѣхъ послѣ 1832-го года, но «Предварительная Инструкція» опредѣлила норму реальной школы только въ самыхъ общихъ чертахъ и типъ ея оставался мало опредѣленнымъ. Одни названія предметовъ испытанія не давали еще понятія о самомъ характерѣ реальнаго образованія; цѣль его также не была высказана съ надлежащею ясностью. Надобно было обо всемъ этомъ обстоятельно подумать, а потому петиціи 1858-го года хотя и остались неудовлетворенными, но за то, благодаря имъ, прусское правительство сдѣлало новый и важный шагъ, издавъ 6-го октября 1859 года прочный уставъ реальныхъ школъ, извѣстный подъ именемъ

---

[1]) Впрочемъ, эта будущность оказалась не столь отдаленною, а именно 12 лѣтъ спустя послѣ словъ ф.-Бетманна, въ концѣ 1870-го года реальныя школы получили въ Пруссіи право на поступленіе воспитанниковъ въ университетъ.

[2]) Это сомнѣніе ф.-Бетманна, какъ мы увидимъ ниже, и послужило главною темою политики между классиками и реалистами въ Германіи и всего нагляднѣе отразилось въ «Мнѣніяхъ» нѣмецкихъ университетовъ, о которыхъ мы будемъ впослѣдствіи говорить подробно. Теперь замѣтимъ пока одно, что большинство нѣмецкихъ университетовъ, а именно 6, противъ 3, высказалось въ пользу допущенія воспитанниковъ реальныхъ школъ къ слушанію университетскихъ лекцій.

[3]) Послѣдняя надежда ф.-Бетманна оправдалась теперь вполнѣ по крайней мѣрѣ въ отношеніи Пруссіи: даже ф.-Мюлеръ не рѣшился лишить Пруссію тѣхъ услугъ, какія можетъ ей оказать реальная школа, и допустилъ ея воспитанниковъ въ университеты.

«Unterrichts- und Prüfungs-Ordnung der Realschulen und der höheren Bürgerschulen» — Уставъ преподаванія и испытанія въ реальныхъ и въ высшихъ гражданскихъ школахъ. Этотъ послѣдній законъ составилъ эпоху въ исторіи реальнаго образованія: реальныя школы были окончательно признаны общеобразовательными учебными заведеніями и имъ было указано мѣсто на ряду съ гимназіями. Съ этого Устава начинается современная исторія реальной школы, заключившаяся на нашихъ глазахъ допущеніемъ ихъ воспитанниковъ въ университетъ, послѣ продолжительныхъ преній, въ которыхъ принимало участіе и общество, и печать, и правительство и народное представительство — палата депутатовъ. При всей своей важности, этотъ законъ немногосложенъ, и весь Уставъ высшихъ реальныхъ школъ состоитъ изъ 25-ти параграфовъ въ трехъ отдѣлахъ.

IV.

Вотъ небольшое предисловіе, которымъ начинается этотъ первый полный, но необъемистый, Уставъ реальныхъ школъ въ Пруссіи — 6-го октября 1859-го года:

«Среднія учебныя заведенія (die höheren Lehranstalten), въ которыхъ порядокъ преподаванія и окончательнаго экзамена утверждается въ нижеслѣдующемъ текстѣ, имѣютъ общую цѣль — доставить *общее научное* предварительное образованіе для тѣхъ призваній, для которыхъ *не требуется университетскій курсъ* (für welche Universitätsstudien nicht erförderlich sind). Къ этой категоріи принадлежатъ:

«*А.* Реальныя школы (Realsschulen), которыя имѣютъ систему шести восходящихъ классовъ [1]);

«*B.* Высшія гражданскія школы (Höhere Bürgerschulen) — той же цѣли и устройства, но восходятъ до меньшаго числа классовъ [2]).

«Реальныя школы, пользующіяся правомъ выпускныхъ экза-

---

[1]) Въ Германіи, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ слѣдуютъ обратному порядку въ исчисленіи классовъ: нашъ самый младшій — у нихъ шестой (Sexta); за нимъ нашъ второй—пятый (Quinta); нашъ третій—четвертый (Quarta); нашъ четвертый—третій (Tertia); нашъ пятый—второй (Secunda); нашъ шестой—первый (Prima). Три младшихъ класса (Sexta, Quinta и Quarta) продолжаются по одному году; старшіе три (Tertia, Secunda и Prima) по два года; всѣ шесть классовъ обнимаютъ курсъ девяти лѣтъ.

[2]) Онѣ имѣютъ только первые 5 классовъ реальной школы, безъ ея *примы*, т.-е. безъ самаго старшаго класса.

меновъ, будутъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, подраздѣляться на реальныя школы перваго разряда и второго разряда» [1]).

Итакъ, ф.-Бетманнъ-Гольвегъ остался вѣренъ въ изданномъ имъ уставѣ реальныхъ школъ въ 1859-мъ году тѣмъ словамъ, которыя имъ были произнесены въ 1858-мъ году въ отвѣтъ на петиціи. Характеръ общеобразовательнаго заведенія былъ торжественно признанъ за реальною школою, наравнѣ съ гимназіею, но въ тоже время уставъ 1859-го года отодвинулъ связь реальной школы съ университетомъ въ «далекое будущее». Вотъ почему и явилось дополнительное опредѣленіе реальной школы въ самой отрицательной формѣ, а именно, что она доставляетъ такое научное образованіе, которое *не требуетъ* университетскаго курса. Но законодатель и въ 1859-мъ году вовсе не думалъ закрыть для желающихъ изъ воспитанниковъ реальныхъ школъ доступъ въ университетъ и пользованіе благами высшаго преподаванія, или иначе онъ впалъ бы въ противорѣчіе самъ съ собою и утверждалъ бы вещь, лишенную смысла, а именно, что есть такое научное образованіе, которое можетъ остановиться на полдорогѣ. Дѣйствительно, во время послѣдней полемики, у насъ совершенно ошибочно думали, что въ прошедшемъ году реальныя школы въ Германіи добивались права слушать лекціи въ университетѣ и, наконецъ, получили его. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, право слушать университетскія лекціи воспитанники реальныхъ школъ имѣли и прежде. Въ объясненіи къ § 7-му (Отд. III) Устава реальныхъ школъ 1859-го года сказано весьма опредѣлительно:

«Хотя допущеніе на факультеты собственныхъ (т.-е. прусскихъ) университетовъ остается въ зависимости отъ представленія гимназическаго свидѣтельства о зрѣлости (по нашему: гимназическій аттестатъ); но это вовсе не служитъ препятствіемъ для окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ посѣщать университетскія лекціи. Къ имѣющимъ такое намѣреніе примѣняется § 36 Правилъ о выпускныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ, отъ 4-го іюня 1834-го года, съ его позднѣйшими видоизмѣненіями: «Дабы тѣхъ [2]), которые не представили никакого свидѣтельства

---

[1]) Мы будемъ называть реальную школу перваго разряда — высшею, а второго разряда — низшею.

[2]) Damit denen, welche keine Maturitätsprüfung (auf einem Gymnasium) bestanden, und beim Besuch einer inländischen Universität nur die Absicht haben, sich eine allgemeine Bildung für die höherer Lebenskreise, oder eine besonderes für ein gewisses Berufsfach, zu geben, ohne dass sie sich für den gelehsten Staats- oder Kirchendienst bestimmen, nicht die Gelegenheit vorenthalten werde, welche die Universität für ihren

о зрѣлости (изъ гимназіи), и которые при посѣщеніи университета имѣютъ одно намѣреніе дать себѣ общее образованіе для высшихъ сферъ жизни или для какой-нибудь особой профессіи, *не назначая себя ни для какой ученой службы государственной или церковной*, не лишить удобствъ, какія для достиженія ихъ цѣли представляетъ университетъ, разрѣшается таковымъ, на основаніи представляемаго ими свидѣтельства о нравственномъ поведеніи и пріобрѣтенномъ научномъ образованіи, имматрикулироваться въ свои университеты, а равно записываться на факультетъ». Надлежащія прошенія подавать письменно въ королевскія университетскія кураторіи. Имматрикуляція дается только на три ближайшія полугодія. Продолженіе такого срока въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть разрѣшаемо однимъ министромъ народнаго просвѣщенія»[1]).

Такимъ образомъ, въ Пруссіи реальныя школы весьма давно сообщали своимъ питомцамъ тѣ права, которыми у насъ пользуются вольнослушатели университета, т.-е. они не могли держать окончательнаго испытанія, не выдержавъ предварительно вступительнаго экзамена изъ курса гимназіи. Такъ какъ у насъ реальное образованіе подвергнется новому обсужденію, то было бы весьма желательно принять и у насъ во вниманіе, если не современный порядокъ въ Пруссіи, то по крайней мѣрѣ распоряженіе ея правительства отъ 1834-го года, которымъ воспитанники реальныхъ школъ получали право, на основаніи своего аттестата, слушать университетскія лекціи съ тою же цѣлью, какая предполагалась въ Пруссіи, а именно, чтобы «дать себѣ общее образованіе для высшихъ сферъ жизни или для какой-нибудь особой профессіи». Ф.-Бетманнъ сомнѣвался, чтобы могъ найтись такой министръ народнаго просвѣщенія, который рѣшился бы лишить государство тѣхъ силъ, какія ему могутъ представить въ лицѣ своихъ питомцевъ реальныя школы, и нельзя пожелать, чтобы его сомнѣніе могло найти себѣ оправданіе гдѣ бы то ни было.

Установляя такимъ образомъ окончательно принципъ общеобразовательности реальныхъ школъ и не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ

Zweck darbietet, so können solche, auf Grund eines von ihnen bei zubringenden Zeugnisses über ihre sittliche Führung und über die erworbene wissenschaftliche. Ausbildung, zur Immatriculation bei den inländischen Universitäten, so wie zur Inscription bei den philosophischen Facultäten, zugelassen werden». Unter.-Ordn. стр. 70. — Къ сожалѣнію, составители нашего гимназическаго устава 1864-го года не обратили, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на этотъ параграфъ, при устройствѣ у насъ реальныхъ гимназій.

[1]) Unter.-Ordn. III, § 7 und zu § 7.

права лучшихъ изъ ихъ воспитанниковъ усовершенствовать себя университетскою наукою, хотя и безъ правъ на государственную и церковную службу, Уставъ прусскихъ реальныхъ школъ 1859-го года вывелъ ихъ на настоящую дорогу, предоставляя дальнѣйшему опыту ихъ будущее развитіе. Объяснительная записка къ вышеприведенному предисловію выясняетъ до конца мысль законодателя, выраженную въ текстѣ весьма кратко. Эта мысль такъ важна сама по себѣ, что мы считаемъ необходимымъ п вести ее цѣликомъ. Тѣ, которые считаютъ реальное образова годнымъ исключительно для профессіональныхъ цѣлей, и полагаютъ, что одинъ классицизмъ обладаетъ общеобразовательною и научною силою, могутъ въ этой объяснительной запискѣ найти много поучительнаго для себя. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что слова этой записки произносились въ эпоху, когда не хотѣли допускать и мысли о сравненіи реальныхъ школъ съ гимназіями относительно притязаній на равное положеніе въ университетѣ и равныя права въ государственной и церковной службѣ.

«Между средними учебными заведеніями (höheren Lehranstalten) — говоритъ объяснительная записка — цѣль которыхъ составляетъ общее духовное образованіе, гимназіи пользуются твердымъ устройствомъ, выдержавшимъ пробу значительнаго времени (съ 1812-го года) и въ существенныхъ чертахъ гармоническимъ. Рядомъ съ ними (neben ihnen) пріобрѣли въ новѣйшее время значеніе для общественной жизни и народнаго образованія реальныя и высшія гражданскія школы; такое ихъ значеніе должно было побудить министерство просвѣщенія обратить вниманіе на соотвѣтственное и опредѣленное ихъ устройство. По истребованіи мнѣній отъ провинціальныхъ управленій и по полученіи необходимыхъ отношеній, сегодняшняго числа (6-го октября 1859-го года) обнародывается настоящій уставъ преподаванія и испытаній въ реальныхъ и высшихъ гражданскихъ школахъ.

«При свободномъ развитіи, которому эти заведенія были предоставлены до сихъ поръ, онѣ обнаружили и свои особыя потребности и свою способность къ дѣйствію. Настоящія нормальныя опредѣленія порядка преподаванія и испытаній приняли и то, и другое въ соображеніе, и, положивъ въ основу одни общіе и твердые принципы, предоставили всей этой области обученія ту свободу движенія, которая необходима имъ по ихъ исторіи и по ихъ разнообразнымъ отношеніямъ къ общественной жизни къ дальнѣйшему широкому развитію.

«Реальныя и высшія гражданскія школы имѣютъ своею задачею давать предварительное *научное* образованіе для высшихъ

родовъ призванія, которые не требуютъ для себя факультетскаго развитія. Но не должно думать, что потому самому ихъ устройство опредѣляется ближайшими потребностями практической жизни; напротивъ того, цѣль этихъ школъ состоитъ въ томъ, чтобы довести духовныя способности ввѣреннаго имъ юношества до такого развитія, которое съ необходимостью предполагало бы въ молодыхъ людяхъ свободное и самостоятельное отношеніе къ позднѣйшему призванію жизни. Реальныя школы вовсе не спеціальныя школы и, подобно гимназіи, имѣютъ дѣло съ общеобразовательными средствами и основными познаніями; потому между гимназіею и реальною школою нѣтъ никакой существенной противоположности: онѣ служатъ другъ другу взаимнымъ дополненіемъ. Онѣ раздѣляются въ общей задачѣ—положить основы всему среднему образованію во всѣхъ главныхъ направленіяхъ различныхъ родовъ призванія. Такое раздѣленіе сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе развитія наукъ и общественныхъ отношеній жизни, и реальныя школы при этомъ заняли мало по малу мѣсто соотвѣтственное гимназіямъ».

Вотъ истинно государственная точка зрѣнія на значеніе реальнаго образованія. Между тѣмъ у насъ, при составленіи проекта реальныхъ училищъ была высказана мысль, что реальное образованіе есть продуктъ и источникъ всякаго матеріализма и легкомысленныхъ воззрѣній на жизнь и общественныя отношенія [1]); а въ литературѣ высказывалось даже мнѣніе, что защита реальнаго образованія есть дѣло «заговора», что даже члены государственнаго совѣта, которые въ значительномъ большинствѣ возражали противъ профессіонализма реальныхъ школъ, не чужды опасныхъ заблужденій. Изъ вышесказаннаго оказывается теперь, что защитники реальнаго образованія у насъ не чужды только тѣхъ результатовъ, которые добыты и торжественно признаны

---

[1]) «Вопросъ между древними языками, какъ основою всего дальнѣйшаго научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія (т.-е. реальнымъ) есть вопросъ не только между серьезнымъ и поверхностнымъ ученіемъ, но и вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества... При обученіи древнимъ языкамъ, также какъ отчасти и математикѣ, вся совокупность познаній учениковъ по этимъ предметамъ подлежитъ непрерывной и почти безошибочной провѣркѣ, препятствующей развитію въ ученикахъ самомнѣнія, тогда какъ надлежащее пониманіе учениками преподаннаго имъ изъ всѣхъ другихъ наукъ, особенно же изъ естествовѣдѣнія, почти уходитъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно, съ одной стороны, развитіе крайняго самомнѣнія, а съ другой — образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній». Объяснит. Записка къ проекту гимн. 1871 г. стр. 8.

Читатель увидитъ ниже, что въ Германіи были бы весьма удивлены такими воззрѣніями на реальное образованіе.

относительно значенія реальнаго образованія, какъ равносильнаго классическому, государственною мудростью другихъ странъ, идущихъ далеко впереди насъ по своей цивилизаціи.

Касательно другого предразсудка, господствующаго у насъ, а именно, что одинъ классицизмъ можетъ служить основою развитія духовныхъ способностей, и что реальное образованіе въ этомъ отношеніи безсильно, мы находимъ въ той же объяснительной запискѣ слѣдующее воззрѣніе:

«Между тѣмъ какъ гимназіямъ для достиженія упомянутой цѣли (общаго духовнаго образованія) служатъ преимущественно (überwiegend; итакъ, только преимущественно, а не исключительно, какъ то было въ гимназіяхъ прошедшаго столѣтія) языки, и главнымъ образомъ два классическихъ языка древности, и затѣмъ математика, — реальныя школы, по ихъ направленію, обращенному болѣе къ современности, придаютъ бóльшій вѣсъ научному познанію объективныхъ и реальныхъ явленій міра и занятію роднымъ языкомъ, а равно языками двухъ главнѣйшихъ новыхъ европейскихъ цивилизованныхъ народовъ (французовъ и англичанъ). Но такъ какъ настоящее можетъ быть понято только въ своемъ предшествующемъ развитіи, относительно котораго оно является послѣднимъ результатомъ, то обученіе въ реальной школѣ должно быть повсюду проникнуто историческимъ элементомъ; и такъ какъ познанія и духовное развитіе могутъ достигнуть своего полнаго осуществленія только на основаніи религіозныхъ и народныхъ жизненныхъ идей, то и реальныя школы, равно какъ и высшія гражданскія школы должны въ сущности носить характеръ религіозности и народности. Онѣ, также какъ и гимназіи, прежде всего нѣмецкія и христіанскія школы».

Такое заключеніе нашимъ классикамъ и ихъ публицистамъ покажется почти богохульствомъ; но едва ли въ чемъ подобномъ можно заподозрить министерство ф.-Бетманна, произнесшаго такое заключеніе, и нынѣшнее министерство въ Пруссіи ф.-Мюлера, которое продолжаетъ раздѣлять такое воззрѣніе на реальное образованіе; если ф.-Мюлеръ не совсѣмъ охотно покровительствуетъ реальнымъ школамъ, то только потому, что онъ, можетъ быть, хотѣлъ бы, чтобъ реальныя школы, также какъ и гимназіи, прежде всего были клерикальныя школы.

Но послѣдуемъ далѣе за объяснительною запискою.

«Только по мѣрѣ того—продолжаетъ записка—какъ такая задача общаго и нравственнаго образованія будетъ признаваема и разрѣшаема реальными и высшими гражданскими школами, — только по мѣрѣ того можетъ уничтожаться заблужденіе, что

онѣ въ состояніи скорѣе и легче, нежели гимназія, приготовлять къ практической жизни и сообщать непосредственныя для того свѣдѣнія; и только тогда перейдутъ къ другой мысли, а именно, что учить для жизни, а не для школы, и доставить учащемуся высшую степень практической пригодности—это значитъ выработать въ немъ тѣ силы, которыя по своему существу и назначенію необходимы для цѣлей жизни. Что реальная школа служитъ жизни и уважаетъ ея требованія, тому служитъ доказательствомъ самое ея существованіе и устройство плана ея обученія: но она имѣетъ дѣло съ юностью, и потому при ея образованіи, какого требуютъ отдѣльныя призванія, должно класть въ основу его только общія и болѣе прочныя начала. *Всякое спеціальное образованіе должно основываться на свободномъ человѣческомъ образованіи духа и характера* (Alle Berufsbildung muss sich auf freie menschliche Bildung des Geistes und des Gemüths gründen).

«Къ особенностямъ понятія реальнаго образованія принадлежитъ то, что оно направлено преимущественно къ объективному и положительному и требуетъ его усвоенія. А потому, въ интересахъ распространенія реальныхъ школъ лежитъ, прежде всего, то, чтобы онѣ правильно поняли вышесказанное и избѣгли опасности, какая можетъ заключаться при занятіи богатствами реальной жизни и при пріобрѣтеніи эмпирическихъ познаній, если при этомъ не будетъ сознаваемо, что глубокія основы всего реальнаго лежатъ въ духовномъ содержаніи и достоинствѣ вещей, и что видимый и осязаемый міръ покоится на невидимомъ и духовномъ порядкѣ. Усвоять себѣ власть надъ землею и подчинять силы природы составляетъ божественное назначеніе и славу человѣка. Образованіе въ реальной школѣ должно принять участіе въ томъ, чтобы въ возрастающихъ поколѣніяхъ выработалась способность къ достиженію такого назначенія; но въ тоже время оно обязано возбудить въ нихъ сознаніе, что вся задача жизни этимъ однимъ не исчерпывается, и свободная сила истиннаго образованія должна дать учащемуся средства противъ духовнаго рабства, къ которому приводитъ ложное пониманіе той высокой задачи».

Мы соглашаемся, что классическое образованіе не приводитъ именно къ такой опасности (оно имѣетъ за то свои); но гдѣ есть опасности, тамъ есть и выгода, а потому и объяснительная записка, указавъ на то, въ чемъ можетъ заблуждаться реальное образованіе, задавшись исключительно утилитарными цѣлями, въ тоже время указываетъ и на преимущества реальнаго образованія, которыя принадлежатъ ему исключительно, разумѣется,

подъ условіемъ правильнаго пониманія своей задачи. Это условіе впрочемъ обязательно для всякаго учебнаго заведенія, будетъ ли оно реальное, или классическое.

«Особое преимущество, котораго достигаетъ реальная школа, состоитъ въ томъ, что она въ своихъ воспитанникахъ образуетъ и изощряетъ чувства къ правильному наблюденію и воспріятію вещественнаго міра и къ признанію въ его разнообразіи общихъ законовъ, и что она, потому, въ математическихъ и естественныхъ наукахъ и въ рисованіи достигаетъ высшихъ результатовъ, нежели какіе предполагаются въ гимназіи, а также сообщаетъ болѣе близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ культуры. Но все это будетъ истиннымъ преимуществомъ реальной школы, если она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудитъ въ своихъ питомцахъ научный смыслъ, и если пріобрѣтеніе ими высшихъ познаній будетъ сопровождаться уваженіемъ къ наукѣ и признаніемъ того, что носитъ и содержитъ въ себѣ всю жизнь.

«Учебный курсъ реальныхъ школъ, для большей части учениковъ, которые его проходятъ, замыкаетъ собою все научное образованіе: гимназія указываетъ далѣе на университетъ, гдѣ большое число вышедшихъ изъ гимназіи продолжаютъ свое научное приготовленіе къ будущему призванію. Но изъ этого вытекаетъ еще бо́льшая необходимость для воспитанниковъ реальныхъ школъ, такъ какъ они впереди не имѣютъ университета, получить въ школѣ интересъ и способность къ *самостоятельному* (курсивъ въ подлин.) научному продолженію образованія, напр., для будущаго архитектора важны древности, для горнаго — геогнозія и т. д. Эту же задачу реальная школа выполнитъ только въ той мѣрѣ, въ какой она будетъ сообщать не только познанія, примѣнимыя къ практикѣ, но и чисто научное образованіе, и только это одно обезпечитъ высшее положеніе въ будущемъ жизненномъ призваніи».

Этого у насъ рѣшительно не понимаютъ, и именно тѣ, которымъ такія истины было бы всего необходимѣе понимать. У насъ многіе полагаютъ, что реальная школа должна быть не только отдѣльна отъ университета, но и сама она никакъ не можетъ сообщать научнаго образованія, наравнѣ съ классическими заведеніями, и вся ея цѣль — приготовить профессію въ человѣкѣ, а не человѣка для профессіи.

«По той же причинѣ—такъ заключаетъ объяснительная записка—реальная школа, чѣмъ раньше ея питомцы должны быть предаваемы требованіямъ и треволненіямъ общественной жизни, тѣмъ серьезнѣе должна она выполнить свою обязанность познакомить ихъ и сблизить съ тѣмъ, что, при всей подвижности

внѣшнихъ явленій, остается неизмѣннымъ и непреходящимъ, а именно съ истиною, которая стоитъ надъ дѣйствительностью. Если реальныя школы упустятъ изъ виду эту реальность жизни, то отъ нихъ для жизни народовъ не будетъ никакой выгоды: онѣ не дадутъ научнаго и нравственнаго образованія духа, а только послужатъ матеріальнымъ стремленіямъ минуты, что совершенно противно ихъ назначенію».

Читая эту объяснительную записку къ Уставу реальныхъ школъ въ Пруссіи, 6-го октября 1859 года, всякій, надѣемся, согласится съ нами, что есть на свѣтѣ очень много простыхъ вещей и понятій, которыя и не снились нашимъ «мудрецамъ», и всякому будетъ понятно, почему мы рѣшились въ настоящемъ изложеніи устранить всякую полемику съ противниками реальнаго образованія.

V.

Самымъ выдающимся фактомъ въ новомъ уставѣ реальныхъ школъ 1859 года, который является огромнымъ шагомъ впередъ, мы считаемъ раздѣленіе ихъ на высшія (erster Ordnung) и низшіе (zweiter Ordnung), съ отдѣленіемъ отъ нихъ высшихъ гражданскихъ школъ (höhere Bürgerschulen), которыя, какъ мы видѣли, не имѣютъ выпускного класса (прима) высшихъ реальныхъ школъ [1]). До 1859 года реальныя школы представляли собою, если можно такъ выразиться, цѣлую кучу заведеній съ неустановленными программами, съ неясными цѣлями обученія, безъ различія между тѣми, которыя успѣли развиться до самостоятельности, и тѣми, которыя только что начинали пробивать себѣ дорогу.

Съ 1859 года высшая реальная школа выдѣляется изъ общей

---

[1]) Позволимъ себѣ сдѣлать при этомъ небольшое замѣчаніе относительно того, что у насъ въ послѣднее время очень часто злоупотребляютъ названіемъ *реальныхъ школъ*; многія изъ нихъ украшаютъ себя даже названіемъ *перворазрядныхъ*, какъ бы намекая на свое родство съ нѣмецкими высшими реальными школами, или школами перваго разряда. Въ программахъ этихъ quasi-реальныхъ школъ всегда оказывается слѣдующее примѣчаніе, въ которомъ и заключается вся суть ихъ реализма: «приготовляетъ во всѣ военныя и гражданскія учебныя заведенія». Всѣ такія наши «реальныя школы» суть не что иное, какъ блаженной памяти пансіоны при казенныхъ заведеніяхъ, откуда было *легче* поступать потомъ въ самое заведеніе. Нѣмецкая высшая реальная школа — совершенно самостоятельное заведеніе, которое, какъ мы видѣли, имѣетъ задачею приготовить способности человѣка къ дѣйствительной жизни, а не только къ поступленію «въ военныя и гражданскія учебныя заведенія». Очень жаль, что эти «реальныя школы» отказались отъ своего прежняго наименованія «пансіоновъ», съ реальностью которыхъ публика была уже такъ хорошо знакома.

массы и, какъ выразился самъ законодатель, становится рядомъ съ гимназіями. Изъ смѣшанно существовавшихъ до 1859 года пятидесяти-шести реальныхъ училищъ въ Пруссіи, въ день изданія новаго устава были признаны:

26—высшими реальными школами.
30—низшими » »

На слѣдующій годъ къ нимъ присоединились три вновь открытыя высшія гражданскія школы. Всего въ 1860 году было 59 реальныхъ школъ всѣхъ трехъ разрядовъ. Затѣмъ, цѣлая масса частныхъ заведеній осталась внѣ этого числа, какъ неудовлетворявшая новому уставу; она образовала изъ себя разсадникъ для будущихъ реальныхъ школъ.

Чтó же составило сущность новорожденной высшей реальной школы, которой исторія такимъ образомъ собственно начинается въ 1859-мъ году?

На это отвѣчаетъ первый отдѣлъ Устава, состоящій весь изъ 6-ти параграфовъ, и въ этихъ-то шести параграфахъ указаны вполнѣ и планъ обученія въ высшихъ реальныхъ и все внутреннее ихъ устройство.

Первый параграфъ, это—таблица предметовъ и числа еженедѣльныхъ часовъ. Поставимъ эту таблицу предъ глазами читателя:

ПРЕДМЕТЫ.	Низшіе классы.				Высшіе классы.		всего.
	Sexta. 1 годъ. I.	Quinta. 1 годъ. II.	Quarta. 1 годъ. III.	Tertia. 1 и 2 года. IV.	Secunda. 2 года. V.	Prima. 2 года. VI и VII.	
1. Религія	3	3	2	2	2	2	14
2. Нѣмецкій языкъ	4	4	3	3	3	3	20
3. Латинскій	8	6	6	5	4	3	32
4. Французскій	—	5	5	4	4	4	22
5. Англійскій	—	—	—	4	3	3	10
6. Географія и Истор.	3	3	4	4	3	3	20
7. Естествовѣдѣніе	2	2	2	2	6	6	20
8. Математика	5	4	6	6	5	5	31
9. Чистописаніе	3	2	2	—	—	—	7
10. Рисованіе	2	2	2	2	2	3	13
Всего недѣльн. час.	30	31	32	32	32	32	189

Въ этой таблицѣ не помѣщены еще два предмета обученія: 11) пѣніе, 12) гимнастика; но для нихъ избирается время внѣ классныхъ часовъ и потому они не указаны въ росписаніи.

Какъ ни мертвы бываютъ таблицы преподаванія сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе, въ планѣ обученія нѣмецкихъ реальныхъ школъ весьма замѣтно усиліе достигнуть двухъ цѣлей. Во-первыхъ, предметы преподаванія сгруппированы и сконцентрированы, такъ что, за исключеніемъ религіи, всѣ остальные предметы составляютъ три группы: 1) языки и исторія; 2) математика и естествовѣдѣніе, и 3) техническое развитіе въ письмѣ, рисованіи, пѣніи и гимнастикѣ. Во-вторыхъ, новые предметы преподаванія являются на сцену постепенно; французскій языкъ, напримѣръ, со второго года; англійскій—съ третьяго. Наконецъ, для всякаго новаго предмета при началѣ преподаванія назначается возможно большее число часовъ. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что въ низшихъ классахъ преобладаетъ изученіе языковъ, которое въ высшихъ классахъ уступаетъ свое мѣсто естествовѣдѣнію. По этому поводу объяснительная записка говоритъ, что «ученики, приготовляясь въ низшихъ классахъ къ тому, чтобы потомъ легко понимать вещи, должны заранѣе пріучиться владѣть словомъ, какъ средствомъ къ обозначенію вещей и кромѣ того изученіе языковъ служитъ къ формальному и общему образованію способностей».

Вопросъ объ обученіи латинскому языку въ реальныхъ школахъ, хотя, какъ мы видимъ, и рѣшенъ на практикѣ, но онъ до сихъ поръ составляетъ предметъ полемики между нѣмецкими педагогами. Уставъ реальныхъ школъ мотивируетъ введеніе латинскаго языка въ эти школы, стараясь доказать, что латинскій языкъ можетъ быть разсматриваемъ также, какъ реальный предметъ: познаніе его, говоритъ онъ, имѣетъ реальный интересъ, такъ какъ этотъ языкъ въ дѣйствительности служитъ связью между новѣйшею и древнею цивилизаціями, и кромѣ того облегчаетъ знакомство съ романскими языками—дѣтьми латинскаго языка. Но все же главный доводъ къ обязательному введенію латинскаго языка состоитъ въ томъ, что называютъ кругъ въ доказательствѣ: «при дарованіи правъ воспитанникамъ реальныхъ школъ на занятіе извѣстныхъ мѣстъ поставлено условіемъ знаніе латинскаго языка»,—слѣдовательно латинскій языкъ необходимъ для реальныхъ школъ. Послѣдній доводъ излишенъ и притомъ страдаетъ, какъ мы упомянули, логикою. Но гораздо важнѣе вышеуказанное реальное значеніе латинскаго языка, и мы думаемъ, что нельзя не согласиться съ нимъ въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, въ *данную* минуту. Тутъ можетъ возникнуть другое возраженіе противъ Устава нѣмецкихъ реальныхъ школъ: не употребляется ли слишкомъ много времени для достиженія, главнымъ образомъ, реальной цѣли преподаванія, съ которою, конечно, связана и

формальная, т.-е. развитіе способностей? Мы увидимъ ниже, что окончившіе курсъ въ реальной гимназіи должны имѣть слѣдующія познанія въ латинскомъ языкѣ: «переводить съ грамматическою точностью на хорошій нѣмецкій языкъ изъ Цезаря, Саллустія и Ливія не читанныя въ классѣ мѣста, но и не представляющія особыхъ трудностей въ отношеніи языка и формъ, и также изъ Овидія и Виргилія такія мѣста, которыя не были читаны по крайней мѣрѣ въ послѣдній семестръ (шесть мѣсяцевъ); эпическій и элегическій размѣръ долженъ быть также извѣстенъ». Вотъ высшій результатъ, къ которому, по опредѣленію самого Устава, приводятъ реальныя школы въ латинскомъ языкѣ послѣ *девяти* лѣтъ обученія. Нужно ли для такой цѣли 32 годовыхъ урока? На такой вопросъ можетъ отвѣтить каждый по собственному опыту, и намъ кажется, что нуженъ особенно дурной учитель, чтобы въ девять лѣтъ, при такомъ числѣ уроковъ, дойти до такого скромнаго результата, хотя и болѣе чѣмъ достаточнаго для значенія латинскаго языка въ реальной школѣ. Въ прежнее время, посвящая на латинскій языкъ въ гимназіи 5 лѣтъ, и не по 6-ти недѣльныхъ часовъ, мы достигали, во всякомъ случаѣ, бóльшихъ результатовъ и никакъ не ограничивались тѣми тремя авторами; наши гимназіи временъ гр. Уварова не только удовлетворяли по латинскому языку вообще университетъ, но и даже историко-филологическій факультетъ, гдѣ въ 40-хъ годахъ преподаваніе древнихъ языковъ велось на латинскомъ языкѣ, и это нисколько не затрудняло поступавшихъ изъ гимназій. Но ограничимся теперь однимъ указаніемъ на этотъ фактъ: къ значенію же латинскаго языка въ реальныхъ гимназіяхъ мы будемъ еще имѣть случай возвратиться при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи высшей реальной школы послѣ 1859 года.

У насъ принято подозрѣвать нѣмцевъ въ страсти къ регламентированію; но надобно отдать имъ справедливость, что эта страсть не заглушаетъ въ нихъ здраваго смысла до того, чтобы вредить дѣлу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ свобода составляетъ условіе успѣха. Издавъ нормальный планъ обученія въ реальныхъ школахъ, законодатель спѣшитъ потому оговориться:

«Впрочемъ, этотъ планъ своею нормою вовсе не связываетъ до того, чтобы мѣстныя обстоятельства и особенныя отношенія коллегіи учителей не имѣли права требовать для себя нѣкоторыхъ отступленій.... Относительно пути къ достиженію учебной цѣли, предоставляется мѣстнымъ заведеніямъ всякая свобода, какая только будетъ потребована внутреннею необходимостью дѣла, исторіею и индивидуальными качествами наличныхъ учеб-

ныхъ силъ». При этомъ указаны нѣкоторыя видоизмѣненія, которыя должны быть допускаемы безусловно: 1) увеличеніе числа часовъ для родного языка въ низшихъ и среднихъ классахъ, гдѣ того потребуютъ провинціальныя отношенія; 2) гдѣ нужно, допустить обученіе польскому языку и учащихся освободить отъ англійскаго въ высшихъ классахъ; 3) характеръ промышленности, качество почвы и природы дозволяютъ увеличивать обученіе отдѣльнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія; напр., минералогія въ горныхъ мѣстностяхъ можетъ быть увеличена на счетъ какого-нибудь другого предмета; 4) дозволяется увеличивать часы преподаванія съ цѣлью уменьшить домашнія занятія ученика, и. т. д.

Второй параграфъ опредѣляетъ условія поступленія въ реальную школу: поступающій въ сексту (I кл.) долженъ быть 9-ти лѣтъ и имѣть элементарныя свѣдѣнія и извѣстную технику (Fertigkeit) а именно, бѣгло читать старонѣмецкую и латинскую печать; разборчиво и чисто писать; писать подъ диктовку безъ грубыхъ орѳографическихъ ошибокъ; быть твердымъ въ четырехъ правилахъ ариѳметики и именованныхъ числахъ; въ религіи нѣкоторое знакомство съ исторіею ветхаго и новаго завѣтовъ и съ библейскими изреченіями и церковными пѣснями (послѣднее для учениковъ евангелическаго исповѣданія).

Такое довольно значительное требованіе отъ поступающихъ въ реальную школу вызвало въ уставѣ указаніе на необходимость при реальныхъ школахъ имѣть приготовительную школу съ двумя годовыми классами для такихъ, которые были бы затруднены полученіемъ на дому необходимыхъ свѣдѣній для поступленія въ низшій классъ реальной школы.

Третій параграфъ говоритъ объ извѣстномъ уже намъ распредѣленіи 8-ми или 9-ти лѣтъ ученія въ реальныхъ школахъ между 6-ю классами, и потому мы не будемъ повторять уже сказаннаго и перейдемъ прямо къ четвертому параграфу, указаніе котораго, по нашему мнѣнію, весьма важно какъ для реальныхъ школъ, такъ и для классическихъ гимназій.

Четвертый параграфъ указываетъ на существенное значеніе высшей реальной школы и говоритъ, что «ея отличительный признакъ состоитъ въ томъ, что она, начиная съ самаго низшаго класса, есть самостоятельное средне-учебное (höhere) заведеніе; но при этомъ указываетъ, что на практикѣ нужда родителей, разсчетъ и т. п., заставляютъ многихъ довольствоваться первыми четырьмя классами, т.-е. до терціи включительно. На основаніи того планъ первыхъ четырехъ классовъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы, безъ вреда для общей цѣли реальной школы, преподаваніе въ первыхъ четырехъ классахъ было устроено такъ,

чтобы оно представляло нѣкоторую законченность и слѣдовательно возможность перейти со школьной скамьи прямо къ практической дѣятельности не съ обрывочными свѣдѣніями.

Вотъ почему уставъ точно опредѣляетъ объемъ преподаванія въ четырехъ низшихъ классахъ реальной школы:

«Въ нѣмецкомъ: грамматическая твердость въ употребленіи родного языка, при умѣньи правильно выражаться на немъ письменно и устно, какъ того требуютъ отношенія общежитія.

«Въ латинскомъ: твердость въ элементарной грамматикѣ и достаточное познаніе словъ, такъ, чтобы при помощи того и другого понимать и переводить Корнелія Непота и легкія мѣста изъ Ю. Цезаря, или изъ соотвѣтственной тому хрестоматіи.

«Во французскомъ: знаніе формъ и достаточный запасъ словъ, чтобы переводить историческіе разсказы на нѣмецкій и простыя нѣмецкія предложенія на французскій.

«Въ англійскомъ: имѣть грамматическія основы и знаніе необходимыхъ словъ, а также знакомство съ важнѣйшими правилами выговора и нѣкоторое упражненіе въ чтеніи съ пониманіемъ легкихъ предложеній.

«Въ математикѣ: твердость въ ариѳметикѣ и планиметріи и соотвѣтственную тому способность понимать и толково рѣшать математическія задачи, встрѣчающіяся въ мелкой промышленности.

«Въ естествовѣдѣніи: знаніе важнѣйшихъ произведеній природы, встрѣчающихся на мѣстѣ и въ окрестностяхъ, а равно физическихъ явленій, могущихъ совершаться предъ глазами учащагося, и ихъ причинъ; все это должно сопровождаться развитіемъ наблюдательности и какъ словеснымъ, такъ и письменнымъ изложеніемъ предмета наблюденія.

«Въ географіи: элементы математической географіи, насколько они могли быть объяснены въ низшихъ и среднихъ классахъ; знакомство съ общими отношеніями земной поверхности и частей земного шара, въ особенности же Европы; спеціальное познаніе топической и политической географіи Германіи.

«Въ исторіи: общее знакомство съ главнѣйшими всемірными событіями и точныя свѣдѣнія въ отечественной исторіи, т.-е. бранденбургско-прусской въ ея связи съ нѣмецкою.

«Въ религіи: приготовить къ конфирмаціи не однимъ утвержденіемъ и распространеніемъ библейскихъ свѣдѣній, но также и возбужденіемъ сознанія принадлежности къ церкви.

«Въ рисованіи: надлежитъ имѣть практику рисовать свободной рукой и знакомство съ перспективою».

Послѣдніе два параграфа устава пятый и шестой,—вмѣстѣ съ

тѣмъ и самые важные: въ нихъ объясняется значеніе и дѣятельность двухъ высшихъ классовъ реальной школы, секунды и примы, которые доводятъ своихъ воспитанниковъ до послѣдней цѣли реальнаго образованія, послѣ четырехъ лѣтъ обученія [1]).

Относительно религіи въ высшихъ двухъ классахъ уставъ, между прочимъ, указываетъ какъ на главную задачу, чтобы «вмѣсто религіи не обучать теологіи».

На первомъ мѣстѣ въ программѣ двухъ высшихъ классовъ поставлено преподаваніе нѣмецкаго языка:

«Преподаваніе нѣмецкаго языка имѣетъ для реальной школы особенную важность, какъ со стороны формальнаго развитія духа [2]) и близкихъ отношеній знанія своего языка ко всѣмъ прочимъ предметамъ преподаванія, такъ и со стороны нравственной, которая усиливается въ реальныхъ школахъ занятіемъ англійскимъ и французскимъ языками и литературою».

Программа преподаванія родного языка въ высшихъ классахъ реальной школы должна быть направлена на то, чтобы уяснить учащемуся ученіе о понятіи, сужденіи и умозаключеніи, о доказательствѣ и противоположности, чтó и должно замѣнить формальное преподаваніе логики.

Преподавателямъ предоставляется знакомить учащихся съ исторіею языка, не прибѣгая къ спеціальному изученію древняго и средне-нѣмецкаго языка (соотвѣтствующихъ нашему церковно-славянскому языку лѣтописей). Въ число классныхъ чтеній предназначаются образцовые переводы греческихъ и римскихъ классиковъ, особенно Гомера, Софокла, біографій Плутарха, діалоговъ Платона, Тацита и др.

Что знакомство въ переводахъ съ классиками можетъ имѣть огромное вліяніе на способности человѣка и воспріятіе имъ древней цивилизаціи, — живымъ доказательствомъ того служитъ Шиллеръ, который совсѣмъ не зналъ греческаго языка, но нельзя сказать, чтобы онъ не понималъ красотъ греческаго міра.

Исторія литературы, какъ формальный курсъ, не входитъ въ программу реальныхъ школъ; но за то чтеніе памятниковъ различныхъ эпохъ сопровождается историческими и біографическими замѣчаніями и толкованіями. «Курсъ исторіи литературы въ школѣ—замѣчаетъ объяснительная записка — часто приводитъ къ тому, что ученикамъ сообщаютъ не самую вещь, а готовыя

---

[1]) Вслѣдствіе того два послѣдніе класса подраздѣляются на Ober- и Unter-Secunda, и на Ober- и Unter-Prima.

[2]) А у насъ все полагаютъ, что секретъ формальнаго развитія духа въ учащемся принадлежитъ однимъ древнимъ языкамъ.

сужденія о вещи, что имѣетъ большую невыгоду для нравственнаго и умственнаго развитія учащихся, такъ какъ они при этомъ не могутъ пріучаться получать непосредственныя впечатлѣнія отъ самой вещи и быть подъ ея вліяніемъ; а такимъ образомъ способность наблюденія останется подавленною, самостоятельность сужденія остановится, и подастся поводъ къ поверхностной, самодовольной болтовнѣ».

Относительно письменныхъ упражненій предписывается въ реальныхъ школахъ строго не допускать того, что такъ легко и обыкновенно развиваютъ въ учащихся классическія школы, а именно, «съ особенною строгостью бороться съ тщеславною наклонностью учащихся прикрывать свою духовную бѣдность заимствованными у другихъ фразистыми выраженіями, или выдавать за свое убѣжденіе выученное резонерство изъ чужой морали и критики.... Нравственный стыдъ долженъ удерживать учениковъ отъ того, и заставлять ихъ писать только то, что они сами дѣйствительно знаютъ, думаютъ и чувствуютъ».

Что касается до естествовѣдѣнія въ реальныхъ школахъ, то уставъ относитъ естественныя науки къ числу тѣхъ, которыя «формально образуютъ, развиваютъ способность наблюденія и изощряютъ умственныя силы; къ этому присоединяется ихъ нравственное вліяніе, какое онѣ оказываютъ уже на самыхъ малолѣтныхъ, объясняя имъ, въ какое положеніе къ природѣ сталъ человѣкъ, благодаря силѣ своего духа» [1]).

Ходячее у насъ мнѣніе о томъ, что естествовѣдѣніе не имѣетъ вліянія на формальное образованіе и ведетъ къ легкомыслію въ нравственности, какъ видно изъ вышеприведеннаго, не раздѣляется серьезными людьми въ Германіи.

Точно также и въ отношеніи остальныхъ предметовъ преподаванія въ реальныхъ школахъ дается подобная же инструкція. Но законодатель вездѣ ограничивается указаніемъ однѣхъ общихъ началъ: это обстоятельство имѣетъ весьма выгодное вліяніе на свободу самаго преподаванія. Учебному заведенію поставляются цѣли, которыхъ оно должно достигать, но самый способъ достиженія ея возлагается на отвѣтственность персонала школы.

Исчерпавъ въ шести параграфахъ опредѣленіе и устройство высшей реальной школы, уставъ во второмъ своемъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 10 §§, обращается къ весьма важному предмету, который придаетъ реальному образованію общественное и

[1]) Сравн. выше, на стр. 610, господствующіе у насъ взгляды на значеніе естествовѣдѣнія, какъ предмета обученія.

государственное значенiе. Правительство, принимая высшую реальную школу въ среду своихъ учебныхъ заведенiй высшаго порядка, должно было опредѣлить условiя, при которыхъ оно соглашается дозволить ея воспитанникамъ пользоваться опредѣленными правами. Эти условiя и выражены въ дозволенiи высшимъ реальнымъ школамъ представлять своихъ питомцевъ, окончившихъ курсъ, въ правительственную экзаминацiонную коммиссiю для полученiя свидѣтельства о «зрѣлости», какъ то выдается и воспитанникамъ гимназiй. «А потому—говорится въ первомъ параграфѣ—предметъ испытанiя составляетъ не одинъ курсъ наукъ (das Pensum) примы, но все, что имѣетъ въ планѣ преподаванiя реальной школы фундаментальное значенiе, однако такимъ образомъ, что выпускной экзаменъ (Abiturientenprüfung) обращаетъ вниманiе болѣе на общую выработку научныхъ прiобрѣтенiй до яснаго пониманiя и сознательнаго распоряженiя ими, болѣе на самостоятельную переработку матерiала, нежели на механическое усвоенiе его памятью, и не столько на знанiе правила, сколько на умѣнье примѣнить его къ дѣлу».

Свидѣтельство о зрѣлости (аттестатъ) окончившаго курсъ въ высшей реальной школѣ даетъ ему, съ особаго высочайшаго соизволенiя, кромѣ правъ общихъ всѣмъ реальнымъ школамъ вообще [1]), еще особенныя права, «ставящiя—какъ сказано въ законѣ—во многихъ отношенiяхъ высшую реальную школу наравнѣ съ гимназiями:

1) Поступать въ высшiе курсы для государственной строительной и горной службы.

2) Освобождаться отъ экзамена на первый военный чинъ.

3) Поступать на годовую вольную службу.

4) Не только не воспрещается посѣщать университетскiя лекцiй, но и подтверждается относительно кончившихъ курсъ въ высшихъ реальныхъ школахъ § 36 правилъ испытательныхъ въ гимназiяхъ, отъ 4-го iюня 1834, о чемъ мы имѣли уже случай говорить выше.

Уставъ заключается многозначительными словами, доказывающими, что законодатель въ 1859-мъ году имѣлъ въ виду положить только начало устройству реальныхъ школъ, и для расширенiя ихъ правъ ожидалъ дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ, какъ

---

[1]) Вотъ эти права, общiя всѣмъ реальнымъ школамъ всѣхъ разрядовъ: 1) допущенiе къ экзамену на техническiя мѣста по горному и соляному управленiю; 2) на мѣста землемѣровъ; 3) принятiе въ почтовую службу съ правомъ на высшiя мѣста; 4) допущенiе въ лѣсной и въ промышленный институтъ; 5) допущенiе сверхштатными въ управленiе косвенными налогами и на мѣста гражданской службы въ провинцiи; 6) въ военное и морское интендантство и т. д.

общеобразовательныхъ заведеній: «Настоящія опредѣленія порядка обученія и испытаній въ реальныхъ школахъ подраздѣлили ихъ на разряды, устроили ихъ внутреннее положеніе и указали имъ мѣсто въ цѣломъ организмѣ общественныхъ школъ, соотвѣтственное ихъ значенію; *но тѣмъ самымъ не поставлено никакихъ преградъ къ дальнѣйшему свободному ихъ развитію въ ту или въ другую сторону*».

Десять лѣтъ спустя, въ 1869-мъ году, г. Визе, несмотря на всю свою предилекцію къ классическимъ гимназіямъ, въ качествѣ первостепеннаго члена нынѣшняго клерикальнаго министерства народнаго просвѣщенія ф.-Мюлера, вынужденъ былъ однако слѣдующимъ образомъ отозваться о первомъ десятилѣтіи реальныхъ школъ въ Пруссіи:

«Въ теченіе десяти лѣтъ, которыя протекли со времени изданія правилъ обученія и испытаній, отъ 6 окт. 1859-го года, реальныя школы заняли во внѣшнемъ отношеніи гораздо болѣе важное положеніе; это можетъ замѣтить всякій, кто захочетъ сравнить во всѣхъ отношеніяхъ нынѣшнія и тогдашнія условія ихъ существованія по помѣщенію, жалованью учителей и т. д. Число ихъ, и особенно высшихъ гражданскихъ школъ (которыя, замѣтимъ, однѣ имѣютъ счастье пользоваться покровительствомъ министерства) увеличилось, а во многихъ случаяхъ и число учениковъ».

Какъ ни старается г. Визе ослабить силу и значеніе своего хорошаго отзыва, оговариваясь, что успѣхи реальныхъ школъ—внѣшнія, но кто же не знаетъ, что внѣшнее процвѣтаніе всякаго дѣла и въ особенности учебнаго, тамъ, гдѣ оно содержится и ведется главнымъ образомъ на средства самого общества, есть уже результатъ довѣрія публики къ школѣ, которое опять, въ свою очередь, можетъ быть основано только на наглядныхъ успѣхахъ ея дѣятельности въ лицѣ своихъ питомцевъ?

Впрочемъ, помимо отзывовъ того или другого лица, мы имѣемъ другое вѣрное средство заключить и объ успѣхахъ реальныхъ школъ, и объ отношеніяхъ ихъ къ правительству. Это—стоимость школъ. У насъ многіе утверждаютъ, что въ Германіи правительство содержитъ однѣ гимназіи, а реальныя школы существуютъ на счетъ частныхъ средствъ. Это не совсѣмъ вѣрно: въ Германіи ни реальныя школы, ни гимназіи собственно не содержатся на счетъ правительства; правительство только оказываетъ субсидію и не особенно значительную, сравнительно съ общею суммою стоимости среднеучебныхъ заведеній вообще. Всѣ среднеучебныя заведенія въ Пруссіи обходятся въ

4,200,000 талеровъ; въ этой суммѣ государство участвуетъ непосредственно изъ бюджета всего на сумму 500,000 талеровъ.

Изъ общей суммы на всѣ среднеучебныя заведенія, 3 милліона талер. обходятся гимназіи; но правительство издерживаетъ 470,000 т.; реальныя школы стоютъ 1 милліонъ 200 тыс. тал., а правительство издерживаетъ при этомъ 30,000 талер. Итакъ, вся затрата правительства на среднеучебныя заведенія (гимн. 470 т. и реальн. шк. 30 тыс.) доходитъ только до 500 т. тал. Главная же цифра ихъ стоимости, а именно 3 мил. 700 т. падаетъ преимущественно на ту часть самого общества, которая заинтересована въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, или получается изъ особыхъ фондовъ. Правительство, какъ видно изъ вышесказаннаго, весьма неравномѣрно участвуетъ въ субсидіи гимназіямъ и въ субсидіи реальнымъ школамъ. Но это происходитъ оттого, что гимназіи не находятъ себѣ такой поддержки и такого сочувствія въ обществѣ, а также и оттого, что въ 1832-мъ году, когда для правительства не существовало ни одной реальной школы, уже 111 гимназій пользовались субсидіями отъ правительства. Во всякомъ случаѣ, общество затратило въ 1869-мъ году на реальныя школы слишкомъ $1^1/_2$ милл. талер., и эта цифра весьма краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ оно къ нимъ отнеслось послѣ перваго десятилѣтія ихъ существованія.

Но уставъ реальныхъ школъ 1859-го года былъ только новымъ шагомъ со стороны правительства, съ цѣлью пойти впередъ вслѣдъ за новыми успѣхами реальныхъ школъ; и уже въ первое десятилѣтіе оказалось, что этотъ шагъ не удовлетворяетъ вполнѣ тѣхъ, которые приносятъ огромныя жертвы въ пользу реальныхъ школъ, а ихъ «coordinirte Stellung» въ отношеніи гимназіи остается только хорошо сказаннымъ словомъ, но въ сущности положеніе реальныхъ школъ—подчиненное. Было время, когда прусское правительство не соглашалось дать реальнымъ школамъ ничтожнаго права, наравнѣ съ гимназіями, подвергать всѣхъ воспитанниковъ «выпускному экзамену»; но въ 1832-мъ году, правительство убѣдилась само, что такой отказъ вредитъ и ему и реальнымъ школамъ. Общество ожидало и на этотъ разъ, что прусское правительство кончитъ опять тѣмъ, что уступитъ и его настоянію и голосу собственныхъ выгодъ, — и общество, какъ мы увидимъ, не ошиблось.

Разъ поставленный вѣрно вопросъ о новомъ типѣ среднеучебнаго заведенія не могъ дѣйствительно остановиться на полдорогѣ. Реальныя школы имѣли теперь стройный планъ курса; существенная ихъ задача — приготовить юношу къ тому, что завѣщалъ Шиллеръ:

Lebe im Ganzen,
Immer strebe zum Ganzen,
Schliess an ein Ganzes dich an!

—эта существенная задача была ясно указана; опасность впасть въ утилитарный профессіонализмъ вполнѣ сознана, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ на половину устранена;—но и при всемъ этомъ дѣло не обошлось безъ упорной борьбы мнѣній, и эта-то борьба составляетъ самую интересную сторону современной намъ исторіи реальной школы за послѣднія десять лѣтъ ея существованія.

VI.

Но прежде, нежели мы перейдемъ къ исторіи этой педагогической борьбы, намъ необходимо остановиться на предметѣ, который въ настоящую минуту долженъ насъ интересовать въ высшей степени. Прусская реформа реальнаго образованія не совсѣмъ осталась безъ вліянія на ходъ средняго образованія у насъ, по крайней мѣрѣ, въ Остзейскомъ краѣ, который, какъ видно, внимательно слѣдитъ за успѣхами школы въ Германіи и поспѣшно вводитъ у себя все, что касается ея улучшеній и преобразованія. Мы видѣли, что въ Пруссіи 6-го октября 1859-го года былъ изданъ новый «Unterrichts-Ordnung», положившій основаніе высшей реальной школы; не позже, какъ 19-го декабря того же года, у насъ въ Ригѣ былъ высочайше утвержденъ Статутъ *реальной гимназіи* въ Ригѣ, основанной и содержимой на счетъ городскихъ суммъ; въ настоящее время рижская реальная гимназія развилась въ обширное заведеніе, которое, можно смѣло сказать, не имѣетъ себѣ ничего подобнаго между всѣми нашими средними учебными заведеніями.

Еще въ 1859-мъ году этому учебному заведенію было высочайше даровано право: 1) называться *реальною гимназіею*, и 2) пользоваться всѣми преимуществами наравнѣ съ классическими гимназіями, а въ томъ числѣ и правомъ для ея воспитанниковъ поступать безъ экзамена въ физико-математическій факультетъ дерптскаго университета. Такимъ образомъ, наше правительство еще въ 1859-мъ году сдѣлало то, къ чему Пруссія приступила только въ 1870 году, и рижская реальная гимназія вполнѣ оправдала надежды, возложенныя на нее.

Программа рижской реальной гимназіи ничѣмъ не отличается отъ извѣстной намъ программы высшей реальной школы въ Пруссіи; въ ней также преподается латинскій языкъ, какъ и въ

прусскихъ высшихъ реальныхъ школахъ, но въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ недѣльныхъ часовъ, что и совершенно правильно; а общеобразовательное и нравственное вліяніе школы построено на преподаваніи новыхъ языковъ и опытныхъ наукъ. Рижская реальная гимназія существуетъ, какъ мы замѣтили, исключительно на счетъ своего города, безъ всякой помощи отъ государства, и въ числѣ реальныхъ предметовъ этой гимназіи на первомъ планѣ поставленъ русскій языкъ: для обученія ему назначается три преподавателя съ высшими сравнительно окладами, и вслѣдствіе того, для русскаго языка введены параллельные классы, съ тѣмъ чтобы при меньшемъ количествѣ учениковъ самое преподаваніе шло успѣшнѣе.

Между тѣмъ, какъ наши реальныя гимназіи, открытыя въ 1864-мъ году внутри имперіи, приходили все болѣе и болѣе въ упадокъ, реальная гимназія, основанная городомъ Ригою, дѣлала съ каждымъ годомъ новые успѣхи, и въ настоящее время, благодаря просвѣщенной дѣятельности своего директора г-на Гаффнера [1]), можетъ соперничать съ любою высшею реальною школою въ Германіи. Какъ ни мало знакомо наше общество съ рижскою реальною гимназіею, но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ реальныхъ гимназій внутри имперіи, многія русскія семейства обязаны ей превосходнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей [2]). Около $^2/_3$ окончившихъ курсъ поступаютъ обыкновенно въ университетъ на физико-математическій факультетъ; остальные идутъ въ рижскій политехникумъ, въ медицинскую академію, лѣсной институтъ, морской корпусъ и т. п. Весьма небольшой процентъ приступаетъ прямо къ общественной дѣятельности; но, и въ этомъ случаѣ, реальная гимназія оказываетъ такимъ лицамъ ту услугу, что она отпускаетъ ихъ не съ какимъ-нибудь профессіональнымъ, но съ общимъ и научнымъ образованіемъ, какое можетъ дать вообще гимназія, а не школа, и какое необходимо лицу, стоящему во главѣ торговой фирмы, не менѣе, какъ и столоначальнику или начальнику отдѣленія въ департаментѣ.

Въ эту минуту мы обращаемъ вниманіе на рижскую реальную гимназію только мимоходомъ; но она заслуживаетъ вполнѣ самаго внимательнаго изученія и близкаго знакомства, такъ какъ

---

[1]) Бывшаго семь лѣтъ ректоромъ дерптскаго университета и управлявшаго, одно время, дерптскимъ округомъ.

[2]) Между отличившимися воспитанниками послѣднихъ лѣтъ мы встрѣчаемъ слѣдующія имена: Константинъ *Кашкадановъ*, Николай *Полозухинъ*, Алексѣй *Молчановъ*, Егоръ *Мартыновъ* и мн. др.

у насъ идетъ дѣло о *быть или не быть* реальнымъ гимназіямъ. По прямому смыслу послѣдняго высочайшаго повелѣнія, это замѣчательное и превосходное среднее учебное заведеніе должно: 1) отказаться отъ своего названія реальной *гимназіи*, такъ какъ такое названіе присвоено впредь однѣмъ прежнимъ классическимъ гимназіямъ, и 2) лишиться права, что несравненно важнѣе, для своихъ воспитанниковъ, поступать безъ экзамена въ физико-математическій факультетъ. Все это, конечно, равнялось бы закрытію рижской реальной гимназіи, и потому мы убѣждены, что при новомъ пересмотрѣ устава реальныхъ гимназій, скорѣе рѣшатся дать всѣмъ русскимъ городамъ право города Риги основать у себя реальныя гимназіи на равныхъ съ нею правахъ, нежели лишить Ригу, а вмѣстѣ съ нею и всю Россію, такого образцоваго заведенія, которое выдержало пробу времени и доказало несомнѣнно свою пользу и свое громадное значеніе для дѣла высшаго образованія. Во всякомъ случаѣ, мы увѣрены, что блестящій десятилѣтній опытъ, сдѣланный рижскою реальною гимназіею, не пропадетъ для насъ даромъ, и у насъ воспользуются имъ наравнѣ съ тѣмъ опытомъ, который выдержало столь успѣшно реальное образованіе въ Германіи.

Въ Германіи никто уже болѣе не сомнѣвается, что реальное образованіе преслѣдуетъ совершенно одинаковыя цѣли съ классическимъ; и то, и другое имѣетъ въ виду одну цѣль—развитіе духовныхъ силъ человѣка. Все различіе ихъ въ средствахъ: классическое образованіе ставитъ въ своей основѣ почти исключительно одни древніе языки; реальное стремится достигнуть одинаковыхъ цѣлей при помощи новыхъ языковъ и наукъ опытныхъ и стремится весьма основательно, такъ какъ въ наше время положеніе литературы новѣйшихъ языковъ и наукъ опытныхъ, совсѣмъ не то, какимъ оно было сто лѣтъ тому назадъ. Притомъ реальное образованіе, именно въ силу своего реальнаго характера, не отвергаетъ знакомства съ древнимъ міромъ и его литературою, на столько, на сколько оно, можно сказать, представляетъ и въ наше время современный интересъ. Латинскій языкъ, какъ мы видѣли, занимаетъ даже слишкомъ широкое мѣсто въ высшихъ реальныхъ школахъ Пруссіи; рижская реальная гимназія имѣетъ также въ своей программѣ латинскій языкъ, но съ меньшимъ количествомъ часовъ. Такимъ образомъ, реальное образованіе соединяетъ въ себѣ всѣ формальныя выгоды исключительнаго классицизма съ выгодами, какія представляетъ введеніе въ школу элементовъ новѣйшей культуры. Много говорятъ объ опасности послѣдняго пріема, и мало обра-

щаютъ вниманіе на вредъ, который можетъ возникнуть отъ совершеннаго удаленія изъ школы элементовъ новѣйшей культуры—

Naturam expelles furca, tamen usque recurret!

въ настоящемъ случаѣ это можно перевести такъ: запирать двери реальному образованію значило бы предлагать ему войти въ окошко.

Между тѣмъ у насъ до послѣднихъ дней какъ будто все еще продолжаютъ смотрѣть иначе на то, что дѣлается въ Германіи по вопросу о реальномъ образованіи; такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ прусскаго министра, отъ 7 декабря (25 ноября) 1870 г., которымъ дано теперь право воспитанникамъ высшихъ реальныхъ школъ поступать на извѣстные факультеты университета, сказано ясно: «Вслѣдствіе желаній, высказываемыхъ со всѣхъ сторонъ, а также принимая въ соображеніе одобрительные отзывы по тому же дѣлу университетскихъ факультетовъ, желаю уничтожить прежнія ограниченія (правъ реальныхъ гимназій), и отнынѣ реальныя школы перваго разряда пользуются правомъ выпуска въ университетъ тѣхъ своихъ воспитанниковъ» и т. д. А въ публикованномъ у насъ мнѣніи государственнаго совѣта, отъ 15 мая 1871 г. высказывается, будто большинство университетовъ въ Пруссіи было противъ такого допущенія, и что «тѣмъ не менѣе, желая хоть сколько-нибудь облегчить городскимъ обществамъ содержаніе реальныхъ училищъ привлеченіемъ къ высшимъ ихъ классамъ большаго числа учениковъ, министръ народнаго просвѣщенія циркуляромъ отъ 7 декабря 1870 года разрѣшилъ допускать окончившихъ курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ къ слушанію лекціи въ университетѣ» и т. д. Различіе въ мотивахъ очевидно, и изъ мотивированія дѣла у насъ нельзя получить настоящаго понятія о взглядахъ на значеніе реальнаго образованія въ Германіи.

М. Стасюлевичъ.

Франкфуртъ-на-Майнѣ.
1871, іюль.

ДОРЕФОРМЕННАЯ
ГУБЕРНІЯ

По поводу сенаторской ревизіи Пермской губерніи.

Ревизія присутственныхъ мѣстъ и учрежденій въ Пермской губерніи, исполненная сенаторомъ Клушинымъ, составляла одно изъ наиболѣе крупныхъ событій во внутренней нашей политикѣ за послѣднее время. Судя по фактамъ, сообщеннымъ въ многочисленныхъ корреспонденціяхъ журналовъ и газетъ, а также по свѣдѣніямъ, нами собраннымъ, нельзя не придти къ заключенію, что въ Пермской губерніи, слѣдуя прадѣдовскимъ обычаямъ, въ полной силѣ процвѣтали произволъ полиціи, безсудность суда и экономическое самоубійство производительныхъ силъ. Послѣ десяти лѣтъ реформъ, послѣ обновленія всѣхъ формъ и условій общественной жизни въ большей части Россіи, ревизіей была открыта, такъ сказать, «дореформенная губернія», которая стояла въ сторонѣ отъ новаго движенія народной и государственной жизни, всецѣло жила традиціями недавняго прошлаго и сохранилась какъ будто нарочно для того, чтобы нагляднѣе судить о различіи прежнихъ и новыхъ порядковъ. Мы постараемся въ настоящей статьѣ изложить главнѣйшіе факты, намъ извѣстные, и отнесемся къ столь прискорбному явленію съ полнымъ безпристрастіемъ.

I.

Ключемъ для уразумѣнія характера управленія Пермскою губерніей служитъ убѣжденіе, явившееся у высшей губернской администраціи, будто бы Пермская губернія представляетъ почву, исключительно воспріимчивую для всѣхъ попытокъ къ возбужденію внутреннихъ безпорядковъ. Миражъ Пугачевскаго бунта отпечатался прочно въ воображеніи тамошней администраціи, и она не могла избавиться отъ постояннаго страха за спокойствіе въ губерніи. Въ силу этого предвзятаго убѣжденія организовалась особенная система административной опеки, въ видахъ предупрежденія безпорядковъ, могущихъ возникнуть отъ ложныхъ толкованій законовъ и правительственныхъ распоряженій. Основная мысль системы заключалась въ томъ, что было признано карать строгими мѣрами всѣ личности, подозрѣваемыя въ подстрекательствѣ народа къ безпорядкамъ, не ограничиваясь при этомъ существомъ судебныхъ постановленій, но стараясь рѣшительными, строгими административными мѣрами искоренять зло въ источникѣ, лишая мѣстное населеніе самой силы возбужденія, пока масса не проникнется самосознаніемъ своихъ законныхъ обязанностей. Мѣры, предпринимаемыя администраціей для приведенія въ исполненіе полицейско-карательной системы, заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) Каждое лицо, подозрѣваемое въ подстрекательствѣ народа къ безпорядкамъ или неповиновенію властямъ, подвергалось тюремному заключенію и судебному преслѣдованію, причемъ со стороны административной власти употреблялись все нравственное вліяніе и всѣ доступныя ей средства, чтобы направить исходъ процесса къ осужденію обвиняемаго. 2) Полиція, постоянными настояніями передъ сельскими обществами, старалась удалить въ Сибирь, подъ видомъ порочныхъ, тѣхъ членовъ общества, которыхъ она, по своимъ соображеніямъ, признавала за вредныхъ для общественнаго спокойствія. 3) Наконецъ лица, или оправданныя въ своихъ дѣйствіяхъ судомъ, или непризнанныя обществами за порочныхъ членовъ, подвергались различнымъ наказаніямъ административнымъ порядкомъ.

Характеръ приведенія въ исполненіе сказанной системы наглядно обнаруживается въ слѣдующихъ, наиболѣе крупныхъ примѣрахъ.

Въ Сергинскомъ горнозаводскомъ округѣ, населенномъ 9,000 людей мужского пола, возникли недоразумѣнія при самомъ первоначальномъ примѣненіи Положеній 19-го февраля 1861 года.

Крестьяне не поняли различія, положеннаго закономъ, между правами горнозаводскихъ людей казенныхъ горныхъ заводовъ, и правами людей, поселенныхъ на земляхъ частныхъ и поссессіонныхъ заводовъ, и находя, что по новому закону имущественныя ихъ права обезпечиваются въ меньшей степени, нежели какъ они были опредѣлены по горному уставу, отказались входить въ какія-либо соглашенія съ владѣльцами относительно составленія уставныхъ грамотъ. Такимъ образомъ, уставныя грамоты въ Сергинскомъ округѣ были введены обязательно. Рядъ законодательныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ съ 1863 года съ цѣлію улучшить матеріальный бытъ горнозаводскаго населенія различными временными льготами, подѣйствовалъ на убѣжденіе Сергинскихъ людей въ томъ смыслѣ, что они будто бы отстояли нѣкоторыя свои права, какъ населенія равноправнаго съ населеніемъ казенныхъ горныхъ заводовъ, но что управители заводовъ и подлежащія власти стараются, будто бы, противузаконными способами закрѣпостить ихъ за бывшими помѣщиками. Убѣжденіе это прежде всего выразилось въ неповиновеніи крестьянъ платить мірскія подати. Власть и все общественное управленіе они считали признаками ихъ закрѣпощенія, тѣмъ болѣе, что волостное правленіе помѣщалось въ заводскомъ домѣ и всѣ первоначально выбранные волостные и сельскіе начальники были въ близкихъ отношеніяхъ съ служащими при заводѣ. Такимъ образомъ, составилось особенное общество, получившее впослѣдствіи названіе *неплательщиковъ.* Это общество отказъ свой въ платежѣ мірского сбора обставило тѣми оправданіями, что этотъ сборъ идетъ въ пользу помѣщиковъ, что права ихъ должны быть опредѣлены горнымъ уставомъ, и что уставныхъ грамотъ они не признаютъ. Сначала появленіе неплательщиковъ было весьма незначительное, но подъ вліяніемъ раскола, крайне бѣдственнаго матеріальнаго положенія народа и бездѣйствія мировыхъ посредниковъ и полицейскихъ чиновниковъ, число неплательщиковъ въ 1868-мъ году возрасло до 400 семействъ. Вліяніе раскола обнаружилось въ нѣкоторыхъ фанатическихъ обрядахъ, которыми неплательщики старались обставить свои убѣжденія. Такъ, напримѣръ, церковь, какъ содержащаяся иждивеніемъ заводоуправленія, не могла считаться мѣстомъ богослуженія; дѣти, рожденныя до изданія Положенія 19-го февраля могли и неуклоняться отъ платежа податей; но дѣти, рожденныя послѣ Положенія присоединялись вполнѣ въ ихъ общество, такъ что женщины являлись въ волостныя правленія, прося новорожденныхъ записать въ неплательщики. Бѣдственное же положеніе крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи произошло, глав-

нымъ образомъ, отъ сокращенія заводскихъ работъ, такъ что только половина населенія могла принять въ нихъ участіе, и отъ крайне недобросовѣстнаго веденія заводскихъ дѣлъ опекунскими управленіями, которыя разоряли имѣнія и не разсчитывались съ крестьянами заработанною платою.

Губернское начальство, вмѣсто того, чтобы основательно изучить экономическое положеніе сергинскихъ заводовъ и своевременными энергичными мѣрами остановить злоупотребленія опекунскихъ управленій, а также чрезъ мировыхъ посредниковъ разъяснить толково народу ихъ права и обязанности по Положенію 19-го февраля, предпочло, до 1868 года, ровно ничего не дѣлать. Въ декабрѣ же 1868 года была назначена слѣдственная коммиссія; она, то-есть коммиссія, обнаружила вполнѣ организованную секту неплательщиковъ и 119 человѣкъ изъ нихъ привлекла обвиненными, засадивъ ихъ всѣхъ въ тюрьму. Неожиданно и сразу принятыя рѣшительныя мѣры повторили тотъ извѣстный фактъ, что гоненіе возбуждаетъ фанатизмъ. И дѣйствительно, слѣдственная коммиссія увеличила число неплательщиковъ: цѣлыя толпы женщинъ съ грудными дѣтьми являлись въ коммиссію, прося ихъ младенцевъ внести въ число обвиняемыхъ. Несмотря на все это, судебная власть только 18 человѣкъ признала виновными, а остальныхъ 101 человѣкъ отъ суда освободила. Тогда сельскія общества, понукаемыя полицейскими чиновниками, составили мірской приговоръ о высылкѣ въ Сибирь, въ качествѣ порочныхъ членовъ, ни болѣе ни менѣе, какъ 1,000 человѣкъ неплательщиковъ, и въ томъ числѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей, однимъ словомъ—цѣлыми семействами, гуртомъ. Этотъ чудовищный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, только благодаря энергичному вмѣшательству министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, несмотря на упорное стремленіе губернскаго начальства оправдать необходимость и цѣлесообразность подобной дикой мѣры, настояло на томъ, что дѣлу былъ данъ правильный и законный ходъ.

Вотъ и другой фактъ. При исполненіи закона объ обязательномъ страхованіи крестьянскихъ строеній, населеніе Туринскихъ рудниковъ слово *страхованіе* поняло въ смыслѣ какъ *штрафованіе* и полагало здѣсь интригу волостного старшины, оказавшагося въ то время, по учету волостного схода, виновнымъ въ растратѣ общественныхъ суммъ. Мѣстный мировой посредникъ велъ нетрезвую жизнь и ничего не могъ разъяснить крестьянамъ. Нежеланіе народа подчиниться новому правительственному распоряженію было признано за бунтъ, и безъ малѣйшихъ предварительныхъ увѣщаній, въ селеніе была введена

военная команда, сельскій сходъ оцѣпленъ ружьями, и отъ него исправникъ потребовалъ мірской приговоръ о томъ, *что крестьяне признаютъ себя бунтовщиками и раскаиваются въ своихъ заблужденіяхъ.* Крестьяне пытались разбѣжаться по домамъ, но были остановлены угрозами военной силы. Послѣ того они подписали требуемый отъ нихъ приговоръ, и выдали начальству, такъ-называемыхъ, зачинщиковъ въ числѣ 16-ти человѣкъ. Зачинщики жестоко были наказаны.

Въ этомъ траги-комичномъ эпизодѣ замѣчателенъ тотъ фактъ, что два посторонних дѣлу лица—купеческій сынъ Шадринъ и крестьянинъ Пепеляевъ, были сосланы, административнымъ порядкомъ, съ мѣста родины въ отдаленный уѣздъ губерніи. Мнимая вина Шадрина заключалась въ томъ, что онъ написалъ крестьянамъ прошеніе на имя губернатора, самое почтительное по формѣ и вполнѣ основательное по содержанію, а Пепеляевъ провинился тѣмъ, что, по приказанію волостного схода, учитывалъ старшину. Оба они горемыками скитались въ чужомъ краю и, вдали отъ родины и своихъ обычныхъ дѣлъ, разорились. По ходатайству сенатора, Шадринъ и Пепеляевъ возвращены обратно на родину. Наивный и безхитростный характеръ Шадрина дѣйствительно представляетъ типъ яраго пермскаго «бунтовщика»!

Бѣдствія же, испытанныя волостнымъ старшиною Каслинской волости Ксенофонтовымъ и повѣреннымъ крестьянъ той же волости Блиновскимъ, по своимъ подробностямъ, представляютъ рѣдкій и вопіющій фактъ безпощаднаго самоуправства и безпомощности жизни въ нашихъ темныхъ закоулкахъ. Оба, Ксенофонтовъ и Блиновскій — люди умные, развитые и пользуются довѣріемъ своего общества. Блиновскій, на основаніи довѣрительнаго приговора, подалъ по начальству жалобу на неисполненіе заводовладѣльцами принятыхъ на себя, по уставнымъ грамотамъ, обязательствъ, и на угнетенія крестьянъ мѣстными мировыми и полицейскими учрежденіями. Предметомъ спора послужило право крестьянъ ловить рыбу въ прилегающихъ къ землямъ Кислинской волости озерахъ; споръ чисто гражданскій и подлежалъ разрѣшенію установленнымъ порядкомъ. По дознанію же члена отъ правительства мировыхъ съѣздовъ было обнаружено, что нѣкоторые крестьяне, за самовольное будто бы рыболовство, были наказаны розгами, по распоряженію исправника.

Между тѣмъ повѣренный Блиновой и волостной старшина Ксенофонтовъ (послѣдній за то, что предложилъ обществу начать искъ) были признаны за подстрекателей, посажены въ тюрьму и отданы подъ судъ. Все это было сдѣлано въ прямое

нарушеніе правилъ, установленныхъ въ Положеніи 19-го февраля 1861 года. Надъ обвиняемыми производились сначала дознаніе, потомъ слѣдствіе двумя судебными слѣдователями (потому, что одинъ изъ слѣдователей, къ сожалѣнію, оказался безпристрастнымъ) и наконецъ, въ заключеніе, была наряжена особая слѣдственная коммиссія, которая открыла свои дѣйствія тѣмъ, что арестовала 12 человѣкъ свидѣтелей, *для устраненія возможности стачекъ между ними.* Ничего однако не помогло, судебная палата оправдала обвиненныхъ, и они были освобождены изъ тюрьмы 21-го мая 1869 года. На другой день послѣ освобожденія, Ксенофонтовъ и Блиновскій вторично были посажены въ тюрьму по личному распоряженію губернской власти, и надъ ними начато было новое судебное преслѣдованіе. Такъ какъ никакихъ уликъ къ обвиненію не было, да и не могло быть, то одинъ изъ наиболѣе усердныхъ и знаменитыхъ полицейскихъ дѣятелей Г. вошелъ въ сношеніе съ арестантомъ Микуцкимъ, продувнымъ плутомъ, и тотъ, то-есть Микуцкій, въ ложныхъ извѣтахъ оклеветалъ Ксенофонтова и Блиновскаго въ нѣкоторыхъ поступкахъ, имѣющихъ политическій характеръ. Вся эта темная интрига и гнусная басня Микуцкаго были обнаружены слѣдствіемъ; Ксенофонтовъ и Блиновскій, послѣ двухгодичнаго заключенія и разныхъ мытарствъ, въ настоящее время, освобождены на свободу.

Статистическія данныя о числѣ подстрекателей, подвергнутыхъ взысканіямъ, прямо указываютъ на существованіе организованной административной системы. За послѣдніе три года сослано въ Сибирь порочныхъ членовъ обществъ 2,340 душъ обоего пола, въ томъ числѣ добровольно послѣдовавшихъ женщинъ и дѣтей 874 души. Прямыми проводниками распоряженій губернской власти были полицейскіе чиновники. Ко всѣмъ распоряженіямъ и донесеніямъ исправниковъ губернское начальство относилось съ полнымъ довѣріемъ. Щедро надѣляя ихъ наградами за непонятныя, въ большей части случаевъ, заслуги и отличія, не подвергая ихъ дѣйствія установленному закономъ контролю и ревниво ограждая ихъ отъ всякой гласной, возникающей въ законномъ порядкѣ, отвѣтственности, губернское начальство дало полицейскимъ чиновникамъ, въ общемъ строѣ народной и государственной жизни, преобладающее значеніе. Такому порядку вещей способствовали, въ нѣкоторомъ отношеніи, и мѣстныя условія. Пермская губернія, по условіямъ и особенностямъ своего этнографическаго склада, болѣе другихъ частей государства нуждается въ содѣйствіи полезной и толковой полиціи. Огромныя пространства губерніи, съ лѣсистою и пересѣченною

мѣстностью, близость Сибири, бродяжничество и скопленіе населенія массами на заводахъ, даютъ всѣ благопріятныя условія порочнымъ людямъ въ укрывательствѣ преступленій. Большинство уѣздныхъ городовъ находятся въ значительномъ разстояніи отъ губернскаго города, отчего не можетъ существовать тѣсная связь между центральнымъ и исполнительными учрежденіями, а это обстоятельство даетъ возможность полиціи дѣйствовать самостоятельно и безконтрольно въ предѣлахъ, далеко превышающихъ законную власть. Насколько полиціей удовлетворительно исполнялась одна изъ самоважнѣйшихъ ея обязанностей: предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ: 1) въ Осинскомъ и Оханскомъ уѣздахъ организовалась система лѣсокрадства казенныхъ и частныхъ лѣсовъ и преступная торговля лѣсомъ; не только при поблажкѣ полиціи, но даже при непосредственномъ ея участіи въ качествѣ сообщника; 2) во многихъ уѣздахъ также образовалась правильная система конокрадства, и хотя полиція наружно дѣйствовала во вредъ конокрадамъ, но de facto не препятствовала развитію этого гибельнаго для народа преступнаго промысла; 3) большая часть горныхъ частныхъ заводовъ въ Пермской губерніи находится въ опекунскомъ или казенномъ управленіи, а при содѣйствіи полиціи, заводы разорены и въ настоящее время бездоходны; 4) въ 1869-мъ году число преступленій по службѣ государственной и общественной и противъ порядка управленія возрасло въ 4 раза противъ 1867-го года; 5) тюрьмы и вообще всѣ мѣста заключенія переполнены черезъ край, такъ что пришлось, для этой цѣли, нанять частные дома, а между тѣмъ, изъ числа привлеченныхъ къ отвѣтственности только 10% были наказаны судомъ, а остальные 90% или оправданы, или оставлены въ подозрѣніи; число же тяжкихъ уголовныхъ преступленій за послѣднее время выдвинули Пермскую губернію на первый планъ передъ остальными частями государства.

Опираясь на розги и тюрьму, полиція съумѣла свое первенствующее и преобладающее значеніе обратить въ силу подавляющую и гнетущую. «Уйму и упеку!» былъ ея лозунгъ. Виновные дѣлились на подстрекателей и раскольниковъ. Сѣкли нещадно, не отличая стариковъ и дѣтей отъ взрослыхъ, въ одиночку и цѣлыми группами. Получая отъ казны весьма ограниченное содержаніе, полицейскіе чиновники жили въ уѣздахъ на широкую ногу, нѣкоторые имѣли нѣсколько резиденцій въ уѣздѣ, разъѣзжали съ конвоемъ казаковъ и вообще являлись народу со всѣми аттрибутами власти и могущества. Между ними много замѣчательныхъ типовъ. Укажемъ, напримѣръ, на верхотурскаго

исправника М., получившаго по ревизіи громкую извѣстность; всю свою службу онъ провелъ въ сибирскихъ губерніяхъ и получилъ тамъ особенный закалъ. Обладая характеромъ энергичнымъ и рѣшительнымъ, въ извѣстной степени способностями полицейскаго чиновника, онъ управлялъ уѣздомъ съ самостоятельностію независимой власти, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ произволомъ и сопровождалъ самоуправство нерѣдко поразительною жестокостью. Къ высшимъ органамъ губернскаго начальства онъ относился, хотя въ почтительномъ тонѣ, но не считалъ себя обязаннымъ давать объясненія въ своихъ произвольныхъ поступкахъ; на учрежденія же, равныя себѣ по власти, онъ смотрѣлъ свысока. Всѣхъ обывателей уѣзда, безъ разбора сословій, онъ считалъ за своихъ подчиненныхъ, обязанныхъ ему безпрекословнымъ повиновеніемъ, и кто рѣшался возвысить противъ него голосъ, того онъ преслѣдовалъ жестоко, со злобой и постоянствомъ рѣдкаго характера. Въ его дѣйствіяхъ была мѣткость, послѣдовательность, цѣль. Напримѣръ, онъ поссорился съ однимъ богатымъ и вліятельнымъ купцомъ К., и разумѣется, упекъ его; потомъ онъ принялся за прикащика К., купца В., и также упекъ его; далѣе онъ перешелъ къ любовницѣ В., и таскалъ ее по острогамъ и кутузкамъ; наконецъ, онъ обратился къ матери этой несчастной женщины и своею властію водворилъ пятидесятилѣтнюю старуху административнымъ порядкомъ изъ Верхотурья въ Московскую губернію, заставивъ старуху прогуляться по этапу слишкомъ двѣ тысячи верстъ!

Три жилки особенно были симпатичны полиціи, а именно: 1) частные заводы, 2) дорожная повинность и 3) кабаки.

Подъ предлогомъ охраненія правъ собственности, полиція явно потворствовала незаконнымъ дѣйствіямъ опекунскихъ управленій въ частныхъ заводахъ, и заботливо оберегала эти заводы отъ присутствія, такъ-называемыхъ, вредныхъ личностей, строго держась одного правила, что кто нелюбъ заводу, тотъ значитъ вреденъ, или какъ подстрекатель, или какъ раскольникъ, или даже какъ возмутитель. Въ примѣръ безхозяйственнаго управленія заводами укажемъ на сергинско-уфалійскіе заводы наслѣдниковъ Губина и на ревдинскіе заводы полковника Демидова; въ этихъ же заводахъ сосредоточено наибольшее число дѣлъ о подстрекателяхъ. Въ Сергинскомъ округѣ, къ числу лучшихъ, принадлежатъ верхне-сергинскій и качинскій заводы, въ отношеніи устройства современныхъ механизмовъ; при нихъ находится лѣсная дача, много рудниковъ съ доброкачественными рудами, въ числѣ которыхъ Шунуйскій пользуется извѣстностью на Уралѣ. Между тѣмъ, опекунское управленіе, находя эти за-

воды безполезными, постепенно сокращало въ нихъ заводское дѣйствіе и наконецъ, въ мартѣ 1869-го года, совершенно закрыло оба завода, не предупредивъ за годъ впередъ, согласно закону, губернское начальство и не разсчитавъ крестьянъ заработанными платами. Тогда крестьяне предложили, въ установленномъ порядкѣ, отдать закрытые заводы въ ихъ хозяйственное управленіе, но ходатайство ихъ не было уважено. Опекунское управленіе само рѣшилось пустить въ дѣйствіе часть верхнесергинскихъ заводовъ; но не имѣя никакихъ запасовъ и не пользуясь кредитомъ, управленіе распорядилось обратить въ руду на переплавку годныя чугунныя строительныя вещи изъ кричныхъ фабрикъ и многія другія инструментальныя вещи; весь этотъ непроизводительный расходъ опека, въ своемъ отчетѣ, показала въ оригинальной рубрикѣ *неоказавшагося капитала*. Рядомъ подобныхъ безхозяйственныхъ распоряженій, весьма естественно, заводы пришли къ печальному результату: руда истощилась, лѣса вырубились, и отношенія, при недобросовѣстныхъ разсчетахъ между заводоуправленіемъ и крестьянами, сдѣлались крайне натянутыми. Если крестьянину причиталось, по заводской конторѣ, получить отъ 10-ти до 50-ти рублей, то чрезъ громадныя хлопоты онъ едва могъ добыть отъ 1-го до 5-ти рублей, а такъ какъ подобной суммы недостаточно для прокормленія семейства, то контора отпускала крестьянамъ припасы отъ мѣстныхъ торговцевъ по возвышеннымъ цѣнамъ. Когда же торговцы отказывали крестьянамъ въ отпускѣ припасовъ на счетъ конторы, тогда отпускалось крестьянамъ по пуду и болѣе желѣза въ счетъ заработанной платы. Крестьянинъ, получивъ пудъ желѣза, не зналъ, куда ему съ нимъ дѣваться, и обращался къ мѣстному прасолу, а тотъ, само собою разумѣется, назначалъ цѣну на двадцать копѣекъ дешевле противъ дѣйствительной стоимости. Слѣдовательно, за всѣми подобными изворотами, крестьянину приходилось за свой трудъ получить копѣекъ 70 вмѣсто рубля. Крестьянинъ былъ безпомощенъ въ своихъ жалобахъ и шелъ въ неплательщики. Что же касается до ревдинскихъ заводовъ, находящихся въ казенномъ управленіи, то достаточно сказать, что то управленіе умудрилось, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, уменьшить стоимость заводскаго инветаря на 40%, увеличить долгъ завода на 10%, и не дать ни копѣйки дохода. По мнѣнію полиціи, во всемъ виноваты — бунтовщики!

Въ Пермской губерніи дорогъ много, ѣзды по нимъ вдоволь, а народу для исправленія дорогъ, въ сравненіи съ пространствами губерніи, весьма немного. Извѣстно, что распредѣленіе натуральныхъ повинностей между податными сословіями, то-есть:

исправленіе полотна дорогъ и ямской почтовой гоньбы, лежало на обязанностяхъ полиціи, до введенія новыхъ земскихъ учрежденій. Въ Пермской губерніи полиція выдумала мудреный порядокъ. Дорожные участки распредѣлялись между тѣми селеніями, которыя прилегали не къ этимъ участкамъ, а къ болѣе отдаленнымъ волостямъ, такъ что каждая волость приписывалась къ участку, отстоящему верстъ на 200-ти и болѣе отъ ея деревень и селеній. При такомъ порядкѣ существовала ли какая-нибудь возможность мастеровымъ, напримѣръ, ачитской волости, не прерывая заводскихъ работъ, исправлять дорожный участокъ и содержать ямскую гоньбу на Златоустовской станціи, которая отстоитъ отъ ачитскаго завода на 219 верстъ? Понятно, при такихъ условіяхъ не было физической возможности податнымъ сословіямъ отправлять повинности натурою, и они были поставлены въ необходимость обращаться къ посредству частныхъ подрядчиковъ. Слѣдовательно, въ дѣлѣ отбыванія натуральныхъ повинностей участвовали три фактора: полиція, податныя сословія и подрядчики. Взаимное отношеніе этихъ элементовъ связывалось общностію правъ и обязанностей. Такъ какъ дѣйствія полиціи не контролировались губернскимъ начальствомъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ были совершенно произвольны; а съ другой стороны, податныя сословія поставлены въ необходимость исполнить налогъ безпрекословно, подрядчики же находились въ рукахъ полиціи и были заинтересованы стать къ дѣлу какъ можно выгоднѣе, то, разумѣется, самая сущность вещей давала полиціи просторъ и возможность руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ личными побужденіями, не боясь отвѣтственности передъ начальствомъ и не заботясь объ участи народа. Ревизія открыла въ этомъ дѣлѣ много курьезовъ. Напримѣръ, одинъ исправникъ предложилъ почтосодержателю на выборъ, или быть высѣченнымъ, или заплатить 300 рублей штрафу, а почтосодержатель, въ свою очередь, торговался откупиться штрафомъ въ 10-ть рублей, и былъ высѣченъ.

Обыкновенно, когда дѣло касается кабаковъ, полиція обнаруживаетъ нѣжную заботливость о нравственности народа. Кабачный промыселъ получилъ въ губерніи широкое развитіе: одинъ кабакъ приходится на 288 душъ мужескаго пола, изъ податныхъ сословій. Причины непомѣрнаго развитія пьянства заключаются, по всей вѣроятности: внутреннія,—въ низкомъ уровнѣ умственнаго, нравственнаго и хозяйственнаго состоянія народа; а внѣшнія, — въ образѣ дѣйствій мировыхъ посредниковъ и полицейскихъ чиновниковъ. Между губернскимъ начальствомъ и акцизнымъ управленіемъ идетъ нескончаемый споръ о правѣ вмѣша-

тельства полиціи и мировыхъ посредниковъ въ дѣла, касающіяся правъ сельскихъ обществъ на продажу питей въ чертѣ крестьянскихъ надѣловъ. Губернское начальство, находя, что волостныя правленія и сельскіе сходы весьма часто злоупотребляютъ своимъ правомъ и выдаютъ приговоры частнымъ лицамъ на право продажи питей или подложные, или составленные безъ соблюденія установленныхъ правилъ, поручило, какъ полицейскимъ чиновникамъ, такъ и мировымъ посредникамъ наблюдать за дѣйствіями, въ этихъ случаяхъ, сельскихъ сходовъ и волостныхъ правленій. Акцизное же управленіе, съ своей стороны, находило, что всѣми подобными дѣйствіями стѣсняется торговля въ ущербъ интересамъ казны. Подъ шумокъ этого спора, мировые и полицейскіе чиновники, пользуясь покровительствомъ губернскаго начальства и прикрываясь усердіемъ къ службѣ, самымъ незаконнымъ образомъ вмѣшиваются въ домашнія дѣла сельскихъ обществъ. Дѣйствуя какъ власть, они направляли волю обществъ въ пользу тѣхъ виноторговцевъ, съ которыми имѣли свои, неоправдываемыя закономъ, сдѣлки; а нерѣдко и сами являлись, подъ фирмою приставныхъ подрядчиковъ, участниками торговли.

Обращаясь затѣмъ къ характеристикѣ судебной власти въ Пермской губерніи, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что положеніе ея въ губерніи не многимъ отличается отъ администраціи. Въ основѣ этой власти, кромѣ упущеній и недостатковъ, свойственныхъ каждому судебному мѣсту стараго порядка, встрѣчаются и другія общія причины, которыя отрицаютъ не только правосудіе, но даже существованіе самаго права. Укажемъ на болѣе крупныя явленія: 1) Опредѣленная закономъ разграниченность подсудности не установилась ни въ судебныхъ мѣстахъ, ни въ отношеніяхъ судебной власти къ административной; отъ этого населеніе не знаетъ, куда ему слѣдуетъ обращаться за удовлетвореніемъ своихъ обидъ, и весьма часто въ немъ является убѣжденіе въ отсутствіи для него всякаго суда и расправы. 2) Мѣстная администрація своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ существо судебныхъ дѣлъ, и по преимуществу уголовныхъ особой важности, совершенно поколебала вѣру въ самостоятельность суда. 3) Незаконныя дѣйствія полиціи и отсутствіе въ ней самомалѣйшаго сознанія въ необходимости содѣйствовать суду, породили пагубную зависимость суда отъ полиціи. 4) Несостоятельность прокуратуры отозвалось отсутствіемъ надзора надъ дѣйствіями низшихъ судебныхъ инстанцій и слѣдователей. 5) Личный составъ въ судебныхъ установленіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, не соединяетъ въ себѣ ни способности, ни юридическихъ знаній,

ни тѣхъ необходимыхъ качествъ совѣсти и разума, которыя должны быть присущи отправленію правосудія.

Въ дѣлахъ гражданскихъ сила судебной власти не простирается далѣе присутствія суда; всѣ же остальныя распорядительныя дѣйствія въ гражданскомъ процессѣ, какъ относительно собранія матеріаловъ, вызова въ судъ тяжущихся сторонъ, такъ и по приведенію въ исполненіе судебныхъ рѣшеній находятся въ рукахъ полиціи, которая, какъ привилегированная въ губерніи власть, совершенно не заботится объ исполненіи своихъ обязанностей. Отъ этого въ населеніи явилось полное равнодушіе къ дѣйствіямъ правосудія, основанное на опытѣ, что судъ не имѣетъ ни средствъ, ни самостоятельности заставить свои рѣшенія привести въ исполненіе.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, начиная отъ того момента, когда огласилось преступленіе и слѣдя за нимъ до окончательнаго приговора, нельзя не остановиться на трехъ главныхъ, существенныхъ ступеняхъ процесса: дознаніе, слѣдствіе и судъ. Главная цѣль дознанія заключается въ томъ, чтобы съ возможною быстротою и соблюдая тайну опредѣлить точно и правильно всѣ обстоятельства, которыми обусловливается историческая сторона содѣяннаго дѣянія. Существо слѣдствія заключается въ опредѣленіи тѣхъ данныхъ, которыя могутъ служить какъ законными признаками раскрываемаго преступленія, такъ и къ увеличенію или облегченію вины обвиняемаго. Наконецъ, судъ изъ матеріала, представляемаго слѣдствіемъ, обязанъ вывести строгое заключеніе, на точномъ основаніи закона и убѣжденія судейской совѣсти.

Подобной разграниченности, которая, при строгихъ формахъ судопроизводства, даетъ обвиняемому защиту отъ превышенія власти и предубѣжденія лица или общества, въ Пермской губерніи совершенно не существуетъ. Дознанія производятся полицейскими чиновниками по прадѣдовскимъ обычаямъ, въ формѣ слѣдственнаго производства, иногда съ очнымъ сводомъ обвиняемыхъ между собою и со свидѣтелями. Отъ крайней медленности въ производствѣ дознаній, отъ полнаго отсутствія документальныхъ доказательствъ въ судебно-медицинскихъ актахъ, въ большинствѣ случаевъ или теряются для правосудія слѣды преступленія, или самое простое дѣло такъ усложняется и запутывается въ началѣ, что впослѣдствіи невозможно опредѣлить существо вины и участія въ ней обвиняемыхъ. Практика слѣдователей далеко не выработала той законности въ формахъ ихъ производства, которая могла бы служить вѣрнымъ залогомъ для успѣха слѣдственнаго дѣла. Вмѣсто строго юридической оцѣнки фактовъ, слѣдствія наполняются обстоятельствами неидущими къ дѣлу и затемняющими составъ самаго преступленія. По тѣмъ дознаніямъ, по которымъ

обнаружены обвиняемые и преступленіе, слѣдователи ограничиваютъ свои дѣйствія повтореніемъ дѣйствій полицейскаго чиновника и не стараются входить въ болѣе вѣрную оцѣнку фактовъ, которыми характеризуется преступленіе, но даже упускаютъ изъ виду тѣ изъ нихъ, которые, служа главнымъ признакомъ преступленія, наиболѣе вліяютъ на ходъ и мѣру опредѣляемаго за него наказанія. Иногда даже отъ невѣрной сопостановки обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступное дѣяніе, самое дѣло запутывается до того, что, повидимому, и явныя улики противъ обвиняемыхъ становятся призрачными и неимѣющими вовсе доказательной силы. По тѣмъ же дознаніямъ, по которымъ необнаружены виновные, слѣдствія иногда продолжаются нѣсколько лѣтъ съ изумительною медленностію, и состоятъ или изъ безсодержательной переписки, или изъ допросовъ, ничего необъясняющихъ. Наконецъ, всѣ подсудимые, заподозрѣнные даже въ самомъ легкомъ нарушеніи закона, подвергаются обыкновенно аресту, который, по причинѣ продолжительности дознанія и слѣдствія, становится часто бо́льшимъ наказаніемъ, чѣмъ наказаніе слѣдуемое за это нарушеніе по суду. Подобное неудовлетворительное состояніе слѣдственной части въ губерніи вліяетъ неотразимо на достоинство и цѣлесообразность суда. Это вліяніе обнаруживается въ стѣснительной зависимости суда отъ ложной работы слѣдствія и отъ бездѣятельности полиціи. Въ низшихъ же инстанціяхъ кромѣ того существуетъ полное невѣжество, равнодушіе къ дѣлу и апатія, такъ что тамъ можно найти груду списанныхъ бумагъ и ни малѣйшаго признака отправленія правосудія.

Самоуправство полиціи и безсудность суда легли тяжелымъ гнетомъ на обычную жизнь населенія, которая въ правительственномъ смыслѣ выражается множествомъ дѣлъ, двигающихся по инстанціямъ. Обыкновенный порядокъ исполненія этихъ дѣлъ въ Пермской губерніи заключается въ механическомъ ихъ перекидываніи по нисходящей лѣстницѣ, изъ одной инстанціи въ другую, вплоть до полицейскихъ или волостныхъ правленій, гдѣ они и залеживаются по нѣсколько лѣтъ, въ ожиданіи своей участи. Понятно, что здѣсь повторяется тоже явленіе, какъ и съ комомъ снѣга, падающимъ съ горы. Высшія инстанціи понуждаютъ и подтверждаютъ, низшія—отписываются и отмалчиваются; въ результатѣ—застой и неподвижность. По году и болѣе настаивалось объ исполненіи такихъ пустяковъ, на что достаточно только нѣсколько дней. Напримѣръ, акцизное управленіе 1,181 разъ просило пермское полицейское городское управленіе объ окончаніи 93 нерѣшенныхъ и 103 рѣшенныхъ, но неисполненныхъ

дѣлъ по нарушеніямъ постановленій о продажѣ питей. Въ судебныхъ мѣстахъ скопилось до 3000 неисполненныхъ полиціей рѣшеній. Въ полицейскихъ же управленіяхъ царствуетъ хаосъ неизобразимый—масса написанныхъ бумагъ, и ни одной живой мысли, руководящаго направленія или толковаго рѣшенія. Докладъ ревизіи пермскаго городского полицейскаго управленія представляетъ замѣчательный документъ, въ доказательство несостоятельности вообще канцелярскаго дѣлопроизводства въ низшихъ инстанціяхъ. Для приведенія въ порядокъ дѣлопроизводства управленія потребовалось учредить особую при губернскомъ правленіи коммиссію. Взысканіе по векселямъ въ Пермской губерніи дѣло немыслимое, между тѣмъ для повѣрки одних денежныхъ документовъ въ управленіи понадобилось до пяти дней. Перечислять всѣхъ несообразностей нѣтъ никакой возможности; напримѣръ, между разнымъ хламомъ въ кладовой управленія нашлось нѣсколько дѣлъ саратовской палаты государственныхъ имуществъ, которыя нѣсколько лѣтъ хранились какъ имущество, оставшееся послѣ смерти одного чиновника; по книгѣ кладовой значился въ ней также гнѣдой жеребецъ, но онъ оказался въ конюшнѣ полиціймейстера.

Вся эта паутина исписанныхъ бумагъ ложилась на обычную жизнь населенія, которое въ нихъ барахталось, какъ рыба пойманная въ сѣть. Но при этомъ совершенно не было слышно о томъ вниманіи, о томъ попеченіи, о той заботливости о частныхъ лицахъ, которыя должны составлять главную принадлежность каждаго полицейскаго чиновника въ его служебныхъ отношеніяхъ къ частнымъ лицамъ. Напротивъ, частые случаи произвола и безправія вели населеніе къ убѣжденію, что полиція ко всякому ходатайству, ко всякому требованію, ко всякой жалобѣ отнесется враждебно. Отсюда всеобщее недовѣріе къ власти и понятный ропотъ жителей.

Однимъ словомъ, въ административномъ управленіи Пермской губерніи не было замѣтно присутствія разумной воли, которая бы старалась несложныя и простыя отношенія, существующія между правительствомъ и народомъ, утвердить на прочной опорѣ порядка, закона и справедливости.

II.

Представленный нами очеркъ характера управленія Пермскою губерніею ясно доказываетъ, что это управленіе не могло не отразиться гибельно на хозяйственныхъ условіяхъ губерніи. Обширная и разнообразная естественными произведеніями Перм-

кая губернія должна бы, казалось, отличаться отъ другихъ уберній особеннымъ развитіемъ промышленной дѣятельности, о къ сожалѣнію, эта послѣдняя далеко не соотвѣтствуетъ приоднымъ богатствамъ края. Въ области мѣстной промышленности сюду виденъ застой. Многіе горные заводы, будучи въ неоплатыхъ долгахъ, или сокращаютъ свою дѣятельность, или одинъ за ругимъ совершенно закрываются; земледѣліе въ самыхъ благодатыхъ мѣстностяхъ края падаетъ; ежегодные падежи, уничтожающіе ассами скотъ, окончательно подрываютъ крестьянское хозяйство. ѣсные пожары, принимающіе въ лѣтнее время ужасающіе разѣры, истребляютъ огромныя лѣсныя пространства, сотнями ысячъ десятинъ, что особенно тяжело отзывается на нѣкоторыхъ рнозаводскихъ округахъ и на зауральскихъ черноземныхъ епяхъ, гдѣ въ лѣсахъ и безъ того ощущается большой недоатокъ. Возникающее развитіе въ области той или другой проышленности сопровождается дѣлами о незаконномъ пользованіи гественными богатствами края. Заводское и сельское населеніе къ-бы растерялось, не зная къ чему приложить руки, и отставъ ь обязательнаго труда, оно грубѣетъ въ праздности и другихъ роках. Кабачный промыслъ широко развивается, сельскія щества составляютъ приговоры о необходимости принять мѣры отивъ воровства, а тутъ организуются шайки для системативаго конокрадства. Надъ всею этой неурядицей широкой ной разливается произволъ полиціи и мировыхъ посредниковъ.

Причины несоотвѣтственнаго положенія производительныхъ ъ края, независимо отъ неудовлетворительнаго состоянія суда олиціи, весьма разнообразны. Они заключаются, сколько въ ъ условіяхъ, которыми обставлены производительныя силы я, столько же въ отдаленности его отъ центра государственной инистраціи, и въ малоизвѣстности его въ промышленныхъ рахъ внутренней Россіи, гдѣ сосредоточены предпріимчивость апиталы.

Чтобы выяснить нужды Пермской губерніи относительно номическаго ея благосостоянія, мы остановимся на двухъ ныхъ и наиболѣе существенныхъ вопросахъ: 1) крестьянское и 2) горная промышленность.

Крестьянское дѣло въ Пермской губерніи имѣетъ своеобразхарактеръ.

По своему этнографическому характеру, губернія представъ огромную площадь въ тридцать милліоновъ десятинъ земизъ которыхъ болѣе двухъ третей покрыты лѣсомъ. Уральхребетъ, составляя центръ средоточія горной промышлени, раздѣляетъ губернію на двѣ части, расположенныя по

покатостямъ его къ востоку и къ западу. На восточномъ склонѣ хребта стоятъ заводы близко одинъ возлѣ другого, иногда на разстояніи пространства, потребнаго только для запруды, такъ что при этихъ заводахъ нѣтъ свободныхъ земель для хлѣбопашества; на западномъ же склонѣ Урала болѣе простора. Хлѣбопашество въ Пермской губерніи преимущественно доступно въ южныхъ оконечностяхъ склона горъ, по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ, около Ирбита и Шадринска, словомъ, къ границамъ Вятской и Тобольской губерніи. Къ сѣверу сплошная рамина указываетъ на болотистость почвы и суровость климата. Восточная часть подъ Уральскимъ хребтомъ камениста и покрыта горами; мѣстности, доступныя хлѣбопашеству, плодородны, но они состоятъ изъ небольшихъ раминъ, площадей. Въ самыхъ же горахъ, по свойству почвы, рѣдко гдѣ попадаются удобныя пространства для земледѣлія.

Населеніе Пермской губерніи, кромѣ зырянъ, вогулъ, татаръ и другихъ инородцевъ, мало къ земледѣлію склонныхъ, составилось изъ выходцевъ съ разныхъ сторонъ Россіи, потомковъ ссыльныхъ, разной вольницы и крѣпостныхъ переселенцевъ. Одна часть населенія сгруппировалась большими селами вокругъ заводовъ, а другая разбрелась въ лѣсахъ маленькими поселками и починками, даже одиночными займищами, по возможности и удобству. Та часть населенія, которая сидитъ вокругъ заводовъ и ими питается, предалась исключительно горнозаводскому дѣлу; она пользуется отъ земельныхъ угодій только огородами и сѣнокосными лугами; многіе же изъ мастеровыхъ совсѣмъ никакой земли не держатъ. Другая же часть населенія, доставляя заводамъ только вспомогательныя работы, раздробилась на мелкія части въ лѣсахъ и обратилась преимущественно къ земледѣльческому труду; каждое семейство огораживаетъ себѣ участокъ земли, распахиваетъ и расчищаетъ его собственными силами; земли вдоволь и запрета въ ней не было.

Бывшее крѣпостное населеніе Пермской губерніи состояло: 1) изъ крестьянъ вотчинныхъ имѣній, отличіе которыхъ отъ прочихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ остальныхъ губерніяхъ Россіи состояло въ томъ, что они барщину отбывали работами на господскихъ заводахъ; 2) изъ людей вѣдомства министерства финансовъ, поселенныхъ на казенныхъ заводахъ; 3) изъ тѣхъ же людей вѣдомства министерства финансовъ, поселенныхъ на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, и 4) изъ бывшихъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ, отданныхъ казною въ поссессіонное владѣніе фабрикъ и заводовъ.

Административною и хозяйственною единицею въ вотчин-

ныхъ имѣніяхъ была, такъ-называемая, *земская*, которая представляла собою совокупность селеній и деревень, обязанныхъ отбывать работы на заводахъ, а также оброкъ и другія повинности въ пользу помѣщика за круговою порукой всей земской. Составъ этихъ земскихъ, сообразно самымъ потребностямъ подзаводскихъ работъ, которыя отбывали крестьяне, былъ довольно значительнымъ—отъ трехъ до пяти тысячъ душъ. Каждая земская дѣлилась на сотни, а сотни на десятки. Первоначально, земская имѣла территоріальное значеніе, то-есть она охватывала весь районъ земли, расположенный вокругъ завода и населенный крестьянами, обязанными работою на томъ заводѣ. Впослѣдствіи, чрезъ продажу части имѣній или путемъ наслѣдства, раздѣловъ и проч., крестьяне не только одной и той же земской, но даже одной и той же сотни перешли въ собственность къ разнымъ помѣщикамъ, такъ что теперь можно встрѣтить деревню о пяти дворахъ, которая принадлежитъ пяти разнымъ владѣльцамъ. Крестьяне въ крѣпостное время относились къ такому дробленію совершенно равнодушно, потому что между жителями одной и той же деревни не было никакихъ общихъ, связывающихъ хозяйственныхъ интересовъ; каждый владѣлъ участкомъ, расчищеннымъ своимъ иждивеніемъ и считалъ принадлежащій ему клочекъ земли своею неотъемлемою собственностью. Но въ общемъ порядкѣ землевладѣнія отъ дробленія крѣпостныхъ душъ между владѣльцами наугадъ, безъ всякаго соображенія съ мѣстными условіями, произошла не только крайняя чрезполосица владѣній, но даже, если можно такъ выразиться, и *чрезлюдица*. Въ одномъ и томъ же, напримѣръ, дворѣ, кузнецъ Петръ принадлежалъ, положимъ, графу Строганову, а его братъ, кочегаръ Ефимъ—другому помѣщику, напримѣръ, графу Шувалову. Колонизація губерніи не убродилась, прочныя основы гражданственности проникли только въ нѣкоторыя закамскія волости имѣній графовъ Строгановыхъ.

Вещественныя выгоды горнозаводскаго населенія были обезпечены горнымъ законодательствомъ, которое положило рѣзкую черту различія въ правахъ и обязанностяхъ между мастеровыми, какъ исполнителями техническихъ работъ, и сельскими работниками, какъ исполнителями грубыхъ подзаводскихъ работъ. Мастеровые пользовались огородами и сѣнокосными мѣстами, и кромѣ того особыми правами и привилегіями по службѣ, а сельскіе работники были надѣлены всѣми земельными угодьями и состояли на правахъ, сходныхъ съ правами свободныхъ землепашцевъ.

Въ этотъ особенный и характерный строй народной жизни

внесены были правила (Положеніями 19-го февраля), изданныя для великороссійскихъ губерній, гдѣ предполагаются сплошныя поля и населеніе съ равноправнымъ поземельнымъ владѣніемъ. На практикѣ примѣненіе этихъ правилъ встрѣтило затрудненія, какъ въ самой природѣ вещей, потому что въ Пермской губерніи не было тѣхъ элементовъ, которые послужили матеріалами для проектированія основныхъ правилъ Положеній 19-го февраля, такъ и въ пассивномъ равнодушіи крестьянъ къ дѣлу, при нарушеніи ихъ вѣковыхъ привычекъ и обычаевъ. Поэтому послѣдовалъ рядъ спеціальныхъ узаконеній для Пермской губерніи, которыми даны были населенію временныя льготы въ отбываніи ихъ податей и повинностей, и указанъ порядокъ организаціи сельскихъ обществъ на началахъ, сообразныхъ съ желаніями населенія и условіями ихъ хозяйственнаго быта. Законъ 15-го іюня 1865 года, объ организаціи сельскихъ обществъ и волостей въ вотчинныхъ имѣніяхъ Пермской губерніи, составляетъ, въ ряду правительственныхъ разспоряженій, краеугольный камень. Главная руководящая мысль закона заключается въ томъ, чтобы при организаціи сельскихъ обществъ не допускать одновременной ломки всего того, что было сдѣлано по крестьянскому дѣлу въ теченіи 4-хъ лѣтъ и утверждено правительственными учрежденіями; а напротивъ, какъ можно менѣе колебать установившіяся поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, предоставивъ при этомъ дѣло естественному и постепенному ходу въ каждомъ случаѣ отдѣльно; а именно: измѣненія въ распредѣленіи сельскихъ обществъ—желанію самихъ крестьянъ и утвержденію правительственной мѣстной инстанціи, по соображенію съ отзывомъ владѣльца, а исправленіе неправильностей въ уставныхъ грамотахъ, въ случаѣ, если крестьяне обжаловали ихъ установленнымъ порядкомъ — обыкновенному разбору мировыхъ учрежденій. Кромѣ того, въ видахъ содѣйствія выкупной операціи, закономъ предоставлены были владѣльцамъ облегчительныя мѣры въ исполненіи разнаго рода формальностей безъ риска для казны и безъ нарушенія правъ крестьянъ. Наконецъ, большая часть владѣльцевъ, добровольнымъ пониженіемъ размѣра повинностей и безплатною уступкою крестьянамъ излишнихъ сверхъ надѣла земель значительно облегчили трудъ составленія уставныхъ грамотъ.

Исполненіе закона 15-го іюля 1865 года составляетъ камень преткновенія въ Пермской губерніи. По крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, на которое закономъ возложено главное наблюденіе за правильнымъ устройствомъ сельскихъ обществъ, въ теченіи шести лѣтъ упорнаго и усидчиваго труда, дало въ ре-

зультатѣ только обширную переписку, которою или возбуждались вопросы и дѣло останавливалось въ ожиданіи ихъ разрѣшенія, или предавался мировой посредникъ отвѣтственности передъ правительствующимъ сенатомъ за бездѣятельность, безъ принятія, въ то же время, какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ къ безостановочному разрѣшенію дѣлъ. Однимъ словомъ, по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе имѣло въ виду только канцелярскую исправность, а не принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ правильному окончанію поземельнаго устройства быта крестьянъ. Съ другой стороны, мировые посредники или совершенно бездѣйствовали, или прикрывались заботой о постороннихъ дѣлахъ, до быта крестьянъ мало относящихся. Въ виду подобной неподвижности, учреждена нынѣ особая коммисія, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, которой поручено, на основаніи данной ей въ руководство инструкціи, согласовать на мѣстахъ дѣйствія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и мировыхъ посредниковъ относительно организаціи сельскихъ обществъ, сообразно требованіямъ закона и мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Насколько коммисія подвинула дѣло впередъ—неизвѣстно.

Вникая въ вопросъ, почему крестьянское дѣло въ Пермской губерніи получило такое исключительно невыгодное направленіе, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что постоянное стремленіе самыя простыя вещи ставить на ходули служитъ у насъ вообще большой помѣхой при разрѣшеніи практическихъ задачъ. Самое главное затрудненіе въ разрѣшенія крестьянскаго дѣла—отводъ надѣловъ и опредѣленіе за нихъ повинностей въ Пермской губерніи—устранено добровольною уступчивостію помѣщиковъ, которые на это дѣло взглянули широко и ради того, чтобы какъ-нибудь поладить и развязаться съ воспалительнымъ дѣломъ, не поскупились въ вещественныхъ уступкахъ. Слѣдовательно, крестьянскій вопросъ въ Пермской губерніи сведенъ исключительно на административную почву: организовать сельскія общества и волости. Такъ какъ въ Пермской губерніи не оказалось тѣхъ элементовъ, на которые опираются статьи въ Положеніи 19-го февраля, относительно образованія общественныхъ управленій, то, казалось бы, необходимо было предоставить дѣло исключительно добровольному соглашенію крестьянъ и владѣльцевъ и вообще дать населенію возможность самому устроиться такъ, какъ оно того пожелаетъ. Невозможно составить сельское общество при непремѣнномъ условіи, чтобы члены его были связаны между собою общностію хозяйственныхъ интересовъ, когда этой общности въ природѣ вещей не существуетъ, а каждый дворъ

живетъ по-своему,—по пословицѣ: всякъ молодецъ на свой образецъ. Между тѣмъ, по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе занималось только сочиненіемъ обширныхъ журналовъ, въ которыхъ давались мировымъ посредникамъ безчисленныя наставленія съ приличною дозою либерализма, высшихъ взглядовъ и съ указкой, какъ имъ слѣдуетъ, въ каждомъ частномъ случаѣ, дѣйствовать и поступать. Но во всѣхъ журналахъ присутствія не было ни руководящаго направленія, ни практическихъ указаній, ни разумной терпимости къ простымъ ошибкамъ и нарушеніямъ формальностей. Съ другой стороны, мировые посредники, будучи связаны по рукамъ и ногамъ въ каждомъ своемъ шагѣ многословными и крайне неудобными въ практическомъ смыслѣ журналами присутствія и, кромѣ того, обязанные по нѣсколько тысячъ верстъ разъѣзжать въ суровомъ климатѣ въ предѣлахъ своихъ громадныхъ участковъ, предпочли, въ большинствѣ, на все махнуть рукой и ждать у моря погоды: авось само собою какъ-нибудь сладится. И возникла громадная, неисчерпаемая переписка между присутствіемъ и посредниками, безъ всякой пользы для дѣла и безъ всякой надежды привести это дѣло когда-нибудь къ концу.

Таже неурядица происходитъ и при устройствѣ поземельнаго быта горнозаводскихъ людей. По уставнымъ грамотамъ въ селеніяхъ частныхъ горныхъ заводовъ 85% всего населенія показаны мастеровыми, а 15% сельскими работниками, между тѣмъ, по самой сущности заводскаго производства, вспомогательныя работы составляютъ не менѣе двухъ третей общаго количества производительныхъ силъ завода. Обязательныя отношенія къ владѣльцамъ прекратили около 80% всего населенія, и они получили въ надѣлъ не болѣе 8% изъ того количества земельныхъ угодій, какимъ владѣли до составленія уставныхъ грамотъ. Наконецъ, отъ упадка горнаго дѣла около трети всѣхъ горнозаводскихъ людей остались безъ работъ и безъ земель. Это грустное явленіе обезземеленія массы народа произошло, во-первыхъ, потому, что право раздѣленія людей на мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ предоставлено было исключительно усмотрѣнію владѣльцевъ, тогда какъ, казалось бы, такое раздѣленіе должно опираться на самую сущность работъ, производимыхъ на заводахъ, и только тѣ изъ работниковъ, которые исполняли техническія работы, должны были считаться мастеровыми, а остальные люди—сельскими работниками; и во-вторыхъ, мастеровые воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ отказа отъ полевыхъ угодій, такъ какъ въ виду избытка рабочихъ силъ они не находили выгоднымъ поставить себя въ обязательныя

отношенія къ заводамъ, ради ничтожнаго количества надѣла. Въ казенныхъ же горныхъ заводахъ до сего времени еще не составлены уставныя грамоты, хотя со стороны министерства финансовъ выражена безусловно добрая воля на всѣ земельныя уступки въ пользу крестьянъ, какія только по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажутся возможными безъ вреда для заводскаго дѣйствія. Помѣха тутъ заключается въ томъ, что по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе добивается непремѣнно всѣ крестьянскіе надѣлы привести въ точную извѣстность посредствомъ инструментальной съемки и сдѣлать самое строгое разграниченіе въ раздѣленіи людей на мастеровыхъ и рабочихъ. Но если принять въ соображеніе состояніе межевыхъ средствъ въ губерніи, разбросанность и дробную чрезполосность крестьянскихъ надѣловъ, и что въ одномъ и томъ же дворѣ одинъ братъ можетъ быть мастеровымъ, а другой рабочимъ; то выполненіе задачи, поставленной по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, окажется, по сущности вещей, не только затруднительнымъ, но едва ли и возможнымъ.

Въ приведенномъ бѣгломъ очеркѣ схвачены только наиболѣе крупныя черты крестьянскаго дѣла, слишкомъ спеціальнаго для того, чтобы можно было войти въ критическую оцѣнку всѣхъ данныхъ, собранныхъ ревизіей. Но и по этимъ фактамъ не трудно придти къ убѣжденію, что ненормальное состояніе крестьянскаго дѣла отразилось гибельно на экономическомъ бытѣ губерніи. Главные признаки этой неурядицы выразились въ слѣдующихъ явленіяхъ: 1) такъ какъ сельскія общества въ вотчинныхъ имѣніяхъ до сего времени не образовались, то, слѣдовательно, мѣстныя крестьянскія учрежденія, за отсутствіемъ почвы для соотвѣтственнаго по указаніямъ закона примѣненія, не могли правильно водвориться въ быту народа, и, слѣдовательно, права, дарованныя крестьянамъ по Общему Положенію 19-го февраля, не могли прочно установиться въ корнѣ народной жизни. Отсюда происходятъ: а) безпрерывныя вмѣшательства мировыхъ и полицейскихъ чиновниковъ въ дѣла крестьянскихъ управленій; б) произвольная смѣна администраціей волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ; в) безпрерывныя ошибки и уклоненія отъ существенныхъ правилъ въ дѣлахъ, относительно удаленія порочныхъ членовъ изъ состава обществъ въ распоряженіе правительства; г) употребленіе мировыми посредниками и волостными судами тѣлеснаго наказанія внѣ предѣловъ, указанныхъ въ законѣ. Однимъ словомъ, крестьянскія учрежденія въ Пермской губерніи являются не самостоятельными органами общественнаго самоуправленія, а какими-то подвластными канцеляріями низ-

шихъ инстанцій мировыхъ и полицейскихъ учрежденій. 2) Выкупное дѣло въ Пермской губерніи не могло получить никакого исполнительнаго движенія, потому что помѣщикамъ не съ кѣмъ было входить въ соглашеніе, такъ какъ самыхъ обществъ до сего времени не образовалось. Между тѣмъ крутой поворотъ въ условіяхъ горной промышленности, происшедшій отъ уничтоженія обязательнаго труда, могъ бы обойтись безъ существенныхъ потрясеній только въ такомъ случаѣ, еслибы владѣльцы обширныхъ имѣній и заводовъ могли бы своевременно воспользоваться кредитомъ, предоставляемымъ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ. 3) Обезземеленіе значительнаго числа горнозаводскихъ людей возбудило въ народѣ стремленіе къ переселеніямъ, и такимъ образомъ во всякое время край можетъ лишиться значительной рабочей силы, привычной къ трудамъ и условіямъ горнаго дѣла.

Отъ исхода крестьянскаго дѣла зависитъ поворотъ въ направленіи горнозаводской промышленности; въ настоящее же время эта промышленность находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Производительность казенныхъ заводовъ обусловливается нарядами артиллерійскаго и другихъ вѣдомствъ, которыя ограничиваются большею частью самыми ничтожными заказами, а между тѣмъ сложный механизмъ казенной администраціи, большіе штаты заводоуправленій и невозможность учета ихъ дѣйствій поглощаютъ ежегодно огромныя суммы отъ министерства финансовъ на содержаніе заводовъ. Развитіе механической промышленности на Уралѣ, гдѣ долженъ быть ея центръ, весьма слабо и даже въ настоящемъ своемъ положеніи поддерживается ненормальными путями. Всякаго долженъ поразить ея застой, а между тѣмъ онъ объясняется весьма понятными причинами. Владѣлецъ механическаго завода прежде всего нуждается въ чугунѣ, котораго у казенныхъ заводовъ купить нельзя, а всѣ частные заводы при доменномъ производствѣ имѣютъ и передѣлочные заводы, а потому и продавать чугунъ имъ нѣтъ никакого разсчета. Существованіе же настоящихъ механическихъ заведеній въ Перми, Кунгурѣ и Екатеринбургѣ объясняется только тѣмъ, что эти заведенія пріобрѣтаютъ потребный для нихъ чугунъ незаконнымъ путемъ на тѣхъ казенныхъ заводахъ, которымъ воспрещено отпускать его въ частныя руки, и на частныхъ заводахъ, находящихся въ откупномъ или казенномъ управленіяхъ, которымъ невыгодна открытая его продажа въ частныя руки.

Огромныя дачи частныхъ заводовъ, занимающія пространства сотни тысячъ десятинъ, сосредоточиваютъ горное дѣло въ рукахъ нѣсколькихъ владѣльцевъ, задерживая правильное развитіе

промышленности, устраняя всякую возможность конкурренціи и преграждая пути новымъ дѣятелямъ въ то время, какъ огромныя части тѣхъ дачъ лежатъ нетронутыми, а собственное хозяйство многихъ заводчиковъ, обремененное неоплатными долгами, находится въ совершенномъ разстройствѣ, и техническая сторона дѣла страдаетъ неизвинительною отсталостью. Въ настоящее время имѣнія, предназначенныя къ публичной продажѣ, заключаютъ въ себѣ болѣе двухъ милліоновъ десятинъ земли съ населеніемъ въ 50 тысячъ душъ, и на нихъ взыскивается казенныхъ и частныхъ долговъ свыше 105 милліоновъ рублей. Главная причина разстройства частныхъ заводовъ на Уралѣ заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что большинство этихъ заводовъ находилось въ неумѣлыхъ рукахъ, которыя не только къ горнозаводской, но ни къ какой работѣ не привыкли. Заглазное управленіе заводами и безпрерывное требованіе денегъ изъ заводскихъ кассъ, безъ соображенія съ заводскими нуждами, не могли не привести имѣнія къ тяжелому обремененію долгами. Уничтоженіе крѣпостного, почти дарового труда окончательно потрясло заводское дѣло въ большей части имѣній, неимѣвшихъ правильно организованнаго хозяйства и запасныхъ капиталовъ. Долги по имѣніямъ возрасли нынѣ до такой цифры, что на уплату однихъ процентовъ по нимъ было бы недостаточно настоящихъ доходовъ отъ заводскаго дѣйствія, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы эти заводы управлялись добросовѣстными и свѣдущими людьми. Но находясь въ опекунскомъ или казенномъ управленіи, заводы быстро идутъ къ окончательному упадку. Опекуны, нерѣдко совершенно незнакомые съ горнымъ дѣломъ, имѣютъ въ виду только собственныя личныя выгоды и потому эксплуатируютъ безъ всякаго хозяйственнаго разсчета горныя и лѣсныя богатства заводовъ, въ ущербъ ихъ будущей производительности. Такому порядку вещей способствуетъ отсутствіе всякаго контроля надъ управленіемъ опекуновъ. Находясь подъ надзоромъ состоящихъ при уѣздныхъ судахъ дворянскихъ опекъ, заводскіе опекуны дѣлаютъ дѣло, какъ хотятъ, потому что въ составѣ опекъ нѣтъ спеціалистовъ по горной части, которые бы могли судить объ удовлетворительности хозяйственныхъ распоряженій заводоуправленій. Отвлекаясь, кромѣ того, множествомъ другихъ занятій, лежащихъ на ихъ обязанностяхъ, опеки положительно не въ состояніи слѣдить за организаціею технической стороны дѣла, за возможно дешевымъ и своевременнымъ заготовленіемъ заводскихъ матеріаловъ, за продажею по выгоднымъ цѣнамъ выработанныхъ металловъ, за правильнымъ пользованіемъ лѣсами и за другими наиболѣе доходными статьями заводскаго

хозяйства. Ограничиваясь поэтому канцелярскими формальностями, дворянскія опеки наблюдаютъ только за внѣшнею стороною отчетности опекуновъ, то-есть, чтобы контракты были ими заключены съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, при покупкахъ и продажахъ представлялись бы удостовѣрительные акты и тому под.

Заводы, состоящіе въ казенномъ управленіи за долги, находятся относительно контроля немногимъ въ лучшихъ условіяхъ. Хотя ими управляютъ горные инженеры, назначаемые отъ горнаго начальства и дающіе отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ горному правленію, но слабость надзора со стороны послѣднихъ приводитъ къ тому же неудовлетворительному результату. И горное правленіе обращаетъ исключительно вниманіе на формальности, а не на сущность дѣла, такъ какъ несоблюденіе установленныхъ формальностей легко можетъ быть замѣчено и оставленіе безъ вниманія подобныхъ упущеній можетъ подвергнуть чиновниковъ, контролирующихъ дѣйствія управителей, отвѣтственности, а убытокъ производства заводовъ весьма удобно приписать независящимъ отъ распорядителей неблагопріятнымъ обстоятельствамъ.

Будущность горныхъ заводовъ находится въ тѣсной зависимости отъ состоянія лѣсного хозяйства, потому что лѣсъ въ экономическомъ смыслѣ составляетъ банкъ запасной механической силы. Между тѣмъ лѣсное хозяйство въ Пермской губерніи находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Географическое обозрѣніе лѣсовъ въ губерніи показываетъ, что въ мѣстахъ малонаселенныхъ существуетъ изобиліе и даже излишекъ въ лѣсѣ, а въ болѣе населенныхъ, въ особенности около заводовъ, крайній въ немъ недостатокъ, и даже въ нѣкоторыхъ горныхъ округахъ потребность превосходитъ приростъ въ лѣсѣ такъ, что началось уже ихъ окончательное разстройство. Нетронутыя рощи носятъ печать устарѣлости со всѣми недостатками первобытныхъ лѣсовъ, а находящіяся въ пользованіи испорчены безпорядочною выборочною вырубкой. Деревья цѣнныхъ породъ и крупныхъ размѣровъ начали совершенно исчезать, будучи употребляемы на дрова и менѣе важныя надобности. Крестьяне жгутъ и рубятъ лѣса безъ всякаго ограниченія,—всякъ гдѣ хочетъ. Таксація лѣсовъ и правильное лѣсохозяйство введены только въ имѣніяхъ графовъ Строгановыхъ на пространствѣ 960 тысячъ десятинъ, и надо отдать справедливость, что это многотрудное дѣло исполнено съ умомъ, характеромъ и знаніемъ. Чрезмѣрное истребленіе лѣсныхъ насажденій въ Пермской губерніи происходитъ: 1) отъ неэкономическаго расходыванія лѣсовъ на горныхъ заводахъ, 2) отъ самовольныхъ порубокъ и вообще отъ противузаконнаго хищничества лѣса и 3) отъ частыхъ лѣсныхъ пожаровъ.

Коренной законъ, опредѣляющій вырубку лѣсовъ въ трехъ

разстояніяхъ отъ заводовъ — ближнемъ, среднемъ и дальнемъ, вовсе не исполняется. Въ дальнемъ разстояніи лѣса почти не рубятся, а ближайшіе давно истреблены почти повсюду. Важный ущербъ горнозаводскіе лѣса терпятъ отъ непомѣрнаго употребленія ихъ на заводское дѣйствіе, употребленіе, далеко превышающее лѣсные запасы въ заводскихъ дачахъ. По установленному порядку, заводоуправленія должны ежегодно доставлять горному правленію смѣты о потребности лѣса на предстоящій годъ, какъ на углежженіе, такъ и на другія заводскія надобности. Горное правленіе должно ихъ утверждать не иначе, какъ по соображеніи съ тѣми нормальными количествами, какія опредѣлены для каждаго завода, согласно съ общимъ количествомъ лѣсовъ, оказавшихся въ дачахъ, по сдѣланному, на основаніи инструкціи министерства финансовъ, описанію ихъ горными инженерами. Возведеніе новыхъ устройствъ, требующихъ горючаго матеріала, какъ-то: доменныхъ печей, кричныхъ горновъ и тому под., — горное правленіе обязано также разрѣшать не иначе, какъ по соображеніи съ запасами въ дачѣ лѣсовъ. По истеченіи года заводоуправленія обязаны доставлять въ горное правленіе подробныя вѣдомости о вырубленномъ лѣсѣ, прилагая при этомъ и самые планы. Всѣ эти правила, на практикѣ, большею частью не исполняются, и заводы истребляютъ лѣсъ въ огромномъ количествѣ сверхъ смѣтъ.

Обычный взглядъ крестьянъ на лѣсъ, какъ на общественную собственность и недостаточность мѣръ къ охраненію лѣсовъ и къ преслѣдованію порубщиковъ, приводитъ къ общему результату, что истребленіе лѣсовъ порубками съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе возрастаетъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ, напримѣръ, Осинскомъ и Кунгурскомъ, обычай торговли краденымъ лѣсомъ получилъ даже чуть не права гражданственности, благодаря не только терпимости, но даже поблажкѣ полиціи. Крестьяне, за исключеніемъ мастеровыхъ, заготовляютъ лѣсъ для своихъ потребностей сами, всякъ для себя. Этотъ обычай, при многочисленныхъ нуждахъ крестьянъ въ лѣсныхъ матеріалахъ, въ особенности вслѣдствіе принятаго ими порядка огораживанія полей лѣсными изгородями, причиняетъ лѣснымъ должностнымъ лицамъ напрасный трудъ по охраненію лѣса и по присмотру за его порубками. Съ другой стороны, одна изъ главныхъ причинъ порубокъ заключается въ тѣхъ формальностяхъ, которыми обставлена выдача лѣсничими билетовъ на вырубку лѣса. На поѣздку за полученіемъ билета крестьянинъ долженъ употребить нѣсколько дней, потому что рѣдко когда онъ получитъ его немедленно по пріѣздѣ, а между тѣмъ вся его надобность заключается въ какомъ-нибудь десяткѣ бревенъ или сотнѣ жердей. Притомъ назначенный къ отпуску

лѣсъ не всегда отводится въ ближайшемъ разстояніи къ мѣсту жительства просителя; а обязательный подборъ по вырубкѣ фашинника и сучьевъ окончательно стѣсняетъ крестьянина, находящагося, въ этомъ случаѣ, въ полной зависимости отъ полѣсовщика, могущаго допустить послабленіе за извѣстное вознагражденіе, или потребовать, въ противномъ случаѣ, строгаго исполненія предписанныхъ правилъ. Наконецъ, всѣ требованія объ отпускѣ лѣса должны быть предъявлены заблаговременно, за нѣсколько мѣсяцевъ; а всегда ли возможно въ крестьянскомъ хозяйствѣ предвидѣть будущія надобности, въ особенности если они ограничиваются незначительнымъ количествомъ лѣса? Пропустивъ установленный срокъ, крестьянинъ долженъ ожидать почти годъ, чтобы получить право на новое требованіе. Не имѣя возможности подчиниться всѣмъ этимъ формальностямъ, крестьянинъ естественно обходитъ ихъ: рубитъ лѣсъ самовольно, и кстати, не только для своихъ собственныхъ потребностей, но и на продажу въ постороннія руки.

Пожары, въ особенности въ казенныхъ и горнозаводскихъ лѣсахъ, представляютъ явленіе ужасающее. Большая часть пожаровъ происходитъ отъ неосторожности при разведеніи костровъ въ лѣсахъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ горнозаводскихъ дачахъ, и отъ злонамѣренности крестьянъ. Горѣлый лѣсъ обыкновенно становится негоднымъ для заводскаго дѣйствія и почва подъ нимъ теряетъ способность для лѣсонасажденія; потому заводоуправленія охотно продаютъ горѣлые участки крестьянамъ за умѣренную цѣну, а крестьяне въ свою очередь намѣренно поджигаютъ лѣса, чтобы воспользоваться выгодною спекуляціей. Скорое и своевременное тушеніе пожаровъ зависитъ, разумѣется, отъ степени усердія въ содѣйствіи окрестнаго населенія, но такое содѣйствіе является весьма рѣдко. Населеніе относится къ лѣснымъ пожарамъ равнодушно, не видя для себя никакой пользы въ охраненіи лѣса, пользованіе которымъ сопряжено для него съ большими затрудненіями. Съ уничтоженіемъ существующихъ затрудненій крестьяне скорѣе поймутъ, что съ сохраненіемъ лѣсовъ связанъ ихъ собственный интересъ и современемъ, безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, сами будутъ заботиться о своевременномъ тушеніи пожаровъ.

Вышеприведенныя данныя невольно приводятъ къ необходимости слѣдующихъ мѣропріятій:

1) Казенные заводы, казалось бы, должны выплавлять чугунъ въ такомъ количествѣ, какое можетъ, хотя отчасти, покрыть непроизводительные расходы на содержаніе заводовъ, предоставивъ свободное пріобрѣтеніе его всѣмъ желающимъ отъ мѣстнаго горнаго начальства. Эта мѣра однакоже не должна

отдалять продажу казенныхъ заводовъ въ частныя руки. Продажа эта необходима, но при непремѣнномъ условіи раздробленія огромныхъ горнозаводскихъ дачъ на участки, какіе, по соображенію съ ихъ естественными средствами и цѣнностью, окажутся удобнѣе для наибольшаго числа соискателей. Если же продажа казенныхъ заводовъ окажется или мѣрою несвоевременною, или совершенно неудобною, то въ такомъ случаѣ не мѣшало бы предоставить всѣмъ желающимъ отыскивать руды въ казенныхъ горнозаводскихъ дачахъ, ставить доменныя, мѣдноплавильныя печи и горны, разработывать каменноугольныя залежи и вообще свободно пользоваться всѣми горными богатствами на мѣстахъ, никѣмъ не занятыхъ, съ платою за нихъ необременительной пошлины горнымъ заводамъ.

2) Заводскіе округа частныхъ владѣльцевъ, находящіеся въ опекунскомъ или казенномъ управленіи и обремененные огромными долгами, также необходимо продать. Всякія дальнѣйшія пособія и льготы, на которыя было столь щедро правительство въ заботливости своей о благосостояніи горнаго промысла, не послужатъ на пользу дѣла, а только будутъ способствовать увеличенію лежащихъ на заводахъ долговъ, безъ всякой надежды на ихъ возмѣщеніе. Но обычная система продажи за долги частныхъ имуществъ съ публичнаго торга въ настоящемъ случаѣ оказывается непримѣнимою; это подтверждается тѣмъ, что объявленные торги на заводы въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ несостоялись. Неудача здѣсь произошла потому, что заводы были назначены въ продажу въ нераздѣльномъ составѣ округовъ, а цѣны были объявлены такія, которыми предполагалось покрыть сполна всѣ долги, превышающіе дѣйствительную стоимость заводовъ въ ихъ настоящемъ положеніи. Для успѣха дѣла необходимо допустить изъ общей массы горнозаводскихъ имѣній выдѣленіе тѣхъ заводовъ, которые имѣютъ всѣ средства и условія горнозаводской будущности и принять мѣры къ продажѣ, сообразныя съ естественными условіями и экономическимъ положеніемъ каждаго изъ заводскихъ округовъ. Мѣры эти выяснятся сами собою при подробномъ изученіи условій существованія заводовъ въ каждомъ округѣ, въ зависимости отъ инвентаря заводовъ, степени развитія техническаго производства и природныхъ богатствъ мѣстности. Такимъ образомъ, всѣ дачи, по свойству ихъ естественныхъ условій, раздѣлятся на горнозаводскія и земледѣльческія. Послѣднія слѣдуетъ раздробить на большее число участковъ, доступныхъ наибольшему числу соискателей.

3) Охраненіе лѣсовъ зависитъ не столько отъ примѣненія карательныхъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія зловредныхъ порубокъ, сколько отъ установленія нормальныхъ и естествен-

ныхъ отношеній населенія къ правамъ его на лѣсъ, и отъ развитія въ краѣ раціональнаго лѣсного хозяйства. Починъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи графовъ Строгановыхъ заслуживаетъ подражанія, и было бы желательно, еслибы развитію подобныхъ примѣровъ было оказано содѣйствіе и покровительство. Замѣчательно, что крестьяне въ имѣніяхъ графовъ Строгановыхъ пріобрѣли навыкъ обращаться съ лѣсомъ благоразумно и осторожно, даже ввели экономію въ своихъ хозяйствахъ, относительно пользованія лѣснымъ матеріаломъ. Кромѣ того, правильная и усиленная разработка каменноугольныхъ залежей необходима въ видахъ сохраненія лѣсовъ отъ истребленія въ огромномъ количествѣ заводами, соляными варницами и пароходами. Громадныя массы каменнаго угля, залегающія по рѣкѣ Луньвѣ, несомнѣнны. Разработка этихъ природныхъ богатствъ составляетъ государственный интересъ и вызываетъ покровительство и поощреніе для поддержанія частной въ этомъ дѣлѣ предпріимчивости.

Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что въ четырехъ уѣздахъ Пермской губерніи: Чердынскомъ, Верхотурскомъ, Соликамскомъ и Екатеринбургскомъ,—существуютъ по большей части огромныя пустыни, въ которыя не проникла промышленная предпріимчивость, но богатства которыхъ подтверждаются опытомъ и наукой. Въ этихъ же уѣздахъ болѣе столѣтія дѣйствуютъ лучшіе горные заводы на Уралѣ. Съ измѣненіемъ характера промышленной обстановки, съ распространеніемъ свѣдѣній о богатствахъ означенныхъ мѣстностей, съ улучшеніемъ путей сообщеній съ внутренней Россіей, горнозаводская полоса Пермской губерніи навѣрное пріобрѣтетъ то значеніе, которое принадлежитъ ей въ силу ея естественныхъ богатствъ: явятся предпріимчивые люди, которые, безъ опасенія стѣсненій и неудачъ, приложатъ къ дѣлу свой трудъ и капиталы, и внесутъ жизнь въ бездѣйственныя, но богатыя отъ природы пустыни.

III.

Если судить по тому отрезвляющему впечатлѣнію на губернію, какое произвела на нее ревизія, и по оживленному къ ней сочувствію общества, то нельзя не признать, что сенаторская ревизія была исполнена скоро и строго. Карательный характеръ ею былъ выдержанъ до конца, но общіе вопросы, касающіеся коренныхъ мѣропріятій о преобразованіи негодныхъ формъ или исправленіи существующихъ недостатковъ, ревизіей были оставлены открытыми. Въ этомъ мы видимъ не слабую сторону ревизіи, а напротивъ ея заслугу. Намъ кажется, что задача ревизіи пре-

имущественно должна заключаться въ томъ, чтобы показать суть вещей, и держаться въ сторонѣ отъ кабинетныхъ проектовъ, которые легко пишутся, но невсегда удобно исполняются, въ особенности когда они составляются на лету.

Вникая въ вопросъ: какія общія и присущія губерніи причины вызвали такую неурядицу въ администраціи и застой, даже неподвижность, во всѣхъ дѣлахъ, намъ думается, что главная причина тутъ кроется въ отсутствіи въ губерніи цивилизующихъ началъ. Населеніе губерніи состоитъ изъ начальствующихъ чиновниковъ и подчиненныхъ работниковъ и крестьянъ, скученныхъ массами около заводовъ. Между этими двумя сословіями нѣтъ ни дворянства, ни прочнаго городского сословія, ни, наконецъ, природной, въ условіяхъ края выработанной, интеллигенціи. Все богатство губерніи принадлежитъ или казнѣ, или небольшому числу владѣльцевъ, которые сами въ губерніи не живутъ и управляютъ своими обширными имѣніями чрезъ повѣренныхъ и прикащиковъ. Торговля губерніи сосредоточена или въ рукахъ нѣсколькихъ милліонеровъ-монополистовъ, болѣе заботящихся о своихъ личныхъ выгодахъ, нежели о преуспѣяніи края; или же въ рукахъ мелкихъ прасоловъ-торгашей, тѣхъ же крестьянъ, но только способныхъ сосать кровь своего ближняго и пользоваться его бѣдствіями въ свою выгоду. Неудивительно, что при подобномъ безлюдьи мѣстное чиновничество пріобрѣло преобладающее въ жизни значеніе. Изъ общаго числа служащихъ въ губерніи лицъ (за исключеніемъ горнаго вѣдомства) только 10% получили образованіе въ высшихъ учебныхъ, около 20%—въ среднихъ, а остальные 70%—въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и только нѣкоторые изъ послѣднихъ получили будто бы домашнее воспитаніе. Чиновники съ высшимъ образованіемъ принадлежатъ къ составу губернскихъ управленій. Приведенныя данныя наглядно доказываютъ, что власть, обязанная управлять, судить и охранять общественный порядокъ, не имѣетъ въ себѣ ни свѣта, ни силы развитія, чтобы являться народу представительницею порядка и благоустройства, и напротивъ, она вліяла на народъ, какъ сила ей враждебная и даже гнетущая. Кромѣ того, отъ искусственнаго возвышенія авторитета полицейской власти въ подрывъ и въ обезсиленіе другихъ правительственныхъ органовъ, нарушилась та дисциплина, которая установлена закономъ въ порядкѣ постепенности инстанцій, и являлась возможность для многихъ изъ должностныхъ лицъ свое самоуправство выражать въ дикихъ и необузданныхъ поступкахъ. Народъ же въ массѣ представляетъ грубую, рабочую силу, онъ лишенъ всякаго просвѣщенія и развитія. Нѣкоторыя отдѣльныя личности выдѣлялись порою какъ самородки, но они не оказывали ника-

кого вліянія на сельскую жизнь и сами достигали развитія ощупью, какъ самоучки. Тюрьмы постоянно переполнены, въ горахъ и лѣсахъ развито бродяжничество, грубыя раскольническія сектаторскія ученія встрѣчаютъ въ народѣ воспріимчивую почву для развитія. Правда, при настоящей терпимости распространеніе раскола идетъ медленно, онъ сосредоточился въ самомъ себѣ, замкнулся и молчитъ. Недостатокъ реальныхъ познаній въ народѣ мѣшаетъ развитію мѣстной горной промышленности. Въ Екатеринбургѣ, въ самомъ центрѣ и средоточіи техническаго производства, существуетъ классическая гимназія, а потому наиболѣе способное юношество, вмѣсто того, чтобы посвятить свои силы и труды на развитіе мѣстныхъ богатствъ, удаляется въ университетъ въ Казань или другіе города, и безслѣдно теряется для своего края. Уралъ, — лучшая жила въ экономическомъ организмѣ государства, гдѣ каждый клочекъ земли ждетъ техника и работника, — на самомъ дѣлѣ обратился въ pont de soupirs, въ перевалочный пунктъ между Европой и Азіей для бродягъ и ссыльно-каторжныхъ.

При такомъ прискорбномъ отсутствіи просвѣтительныхъ началъ неудивительно, что каждое дѣло встрѣчаетъ въ исполнителяхъ неумѣлость, апатію и равнодушіе. Болѣе наглядно это явленіе обнаружилось въ крестьянскомъ дѣлѣ. Исполнители крестьянскаго дѣла въ Пермской губерніи—мировые посредники, избраны не изъ дворянства, а изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Сегодня — исправникъ, завтра—мировой посредникъ, послѣзавтра—чиновникъ въ какой-нибудь канцеляріи, потомъ опять мировой посредникъ и т. д., эта универсальность во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ повторяется въ губерніи сплошь и рядомъ, какъ мѣстный обычай, глубоко вкоренившійся въ нравы чиновничества. Судя по многочисленнымъ журналамъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, гдѣ часто повѣствуется о бездѣятельности и разныхъ противозаконныхъ поступкахъ мировыхъ посредниковъ, нельзя не придти къ заключенію, что мировыя учрежденія въ Пермской губерніи далеко не стоятъ на той высотѣ, на которую они подняты закономъ, довѣріемъ правительства и общества. Поэтому, на первыхъ же порахъ возникновенія, крестьянское дѣло въ Пермской губерніи лишено было опоры и помощи въ томъ нравственномъ и патріотическомъ одушевленіи, которое было вызвано во всей Россіи изданіемъ Положеній 19-го февраля 1861-го года. Обратившись въ дѣло чисто канцелярское, оно представляетъ въ настоящую пору простое переливаніе изъ пустого въ порожнее или толченіе воды въ ступѣ.

Наконецъ, горное дѣло—главный рычагъ въ экономической будущности края, нуждается въ коренномъ преобразованіи. Про-

мышленность эта возникла разомъ, по волѣ Петра Великаго, и въ полуторавѣковой періодъ своего существованія развилась при постоянной и щедрой заботливости правительства. Опираясь на даровой трудъ и на богатыя средства страны, горное дѣло въ первую четверть настоящаго столѣтія было на высотѣ успѣшнаго соперничества съ тою же промышленностью въ другихъ государствахъ Европы. Но когда, съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ, потребность въ желѣзѣ вызвала въ наиболѣе богатыхъ государствахъ усиленную механическую дѣятельность, толкнула впередъ технику и распространила примѣненіе пара къ горному промыслу, тогда у насъ обнаружились всѣ признаки технической отсталости и крайнее истощеніе лѣсовъ въ горнозаводскихъ дачахъ. Въ настоящее же время, послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, послѣ обновленія всѣхъ формъ общественнаго благоустройства, горное дѣло также нуждается въ обновленіи, чтобы примѣниться къ новымъ условіямъ жизни и содѣйствовать развитію производительныхъ силъ края. Духъ монополіи, который былъ внесенъ въ это дѣло въ то время, когда промышленная предпріимчивость могла проявляться только въ отдѣльныхъ личностяхъ и притомъ при вещественномъ содѣйствіи правительства, въ настоящее время долженъ уступить мѣсто свободной конкурренціи всѣмъ, желающимъ примѣнить къ дѣлу свой трудъ и капиталы, тѣмъ болѣе, что созданное полутора вѣкомъ дѣятельное и смѣтливое горнозаводское населеніе представляетъ богатую почву труда для развитія горнаго промысла. Эта серьезная и важная для государства задача можетъ быть исполнена только въ такомъ случаѣ, если Пермская губернія въ данное время сдѣлается предметомъ общаго государственнаго вопроса, какъ это было при Петрѣ Великомъ, и если въ разработкѣ этого вопроса примутъ участіе какъ тѣ лица, которыя вѣдаютъ дѣлами государства, такъ и мѣстные труженики, которымъ приходится вести борьбу съ упорными силами природы.

Ч.

СЕМЕЙСТВО СНѢЖИНЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*).

ГЛАВА I.

Жизнь Снѣжиныхъ потекла своей обычной чередой: прошла зима, наступила весна, приблизились первые дни святой недѣли... Въ это время, сообщеніе съ сосѣдями было прервано по случаю разлива,—всѣ сидѣли по домамъ, и ничто не нарушало томительнаго однообразія медленно протекавшихъ праздничныхъ дней. Безотрадная картина представлялась взорамъ, рискующимъ выглянуть въ тусклыя окна на свѣтъ Божій! Улицы запружены снѣгомъ и грязью; дуетъ холодный, сырой вѣтеръ, предвѣстникъ лихорадокъ, насморковъ и тифовъ; овраги полны мутной воды; на узкихъ улицахъ не видно слѣда саней или телѣги; не видно ни сборищъ, не слышно праздничныхъ пѣсенъ; единственная, оживленная дорога, по которой еще встрѣчаются человѣческія лица, — дорога въ кабакъ.

Уныло въ домѣ у Снѣжиныхъ; сквозь двойныя рамы долетаютъ до ихъ слуха однообразные звуки колоколовъ, и одни нарушаютъ безмолвіе, царствующее въ комнатахъ. На стѣнныхъ часахъ бьетъ четыре часа пополудни. Марья Петровна одна въ гостинной; она переходитъ отъ окна къ окну, поправляя разсѣянной рукой то гардину, то цвѣтокъ въ горшкѣ, то задвижку на форточкѣ. Щеки ея покрыты нервнымъ румянцемъ, въ гла-

---

*) См. выше: сент. 167 стр.

захъ слегка мелькаетъ какой-то странный огонёкъ. Ей какъ нарочно лѣзутъ въ голову самыя непріятныя мысли; въ уединеніи и безмолвіи, воображеніе свободно рисуетъ ей зловѣщія картины будущаго: разореніе имѣнія, неудачную карьеру Гриши, бремя двухъ незамужнихъ дочерей на плечахъ, долги и нищету. Всѣми этими обстоятельствами, взятыми вмѣстѣ, старается она объяснить то тоскливое состояніе своего духа, которое есть результатъ долгихъ дней, проведенныхъ въ бездѣйствіи, уединеніи, отсутствіи всѣхъ живыхъ интересовъ, человѣческихъ лицъ и человѣческихъ голосовъ.

Въ скукѣ и однообразіи деревенской жизни, если мозгъ не перестаетъ работать, если нервы требуютъ дѣятельности, человѣкъ неминуемо дѣлается артистомъ въ искусствѣ мучить своихъ ближнихъ; но Марья Петровна, какъ женщина страстная и нервная, притомъ избалованная нѣгой крѣпостного права и не могшая помириться съ лишеніемъ комфорта, вдвойнѣ страдала отъ недостатка внѣшнихъ впечатлѣній, интересовъ и разнообразія. Очевидно, ей нужна была жертва. Судьба поставила ей, въ этомъ случаѣ, роскошный, трепещущій жизнью и силой субъектъ, въ лицѣ ея дочери. Она чувствовала въ ней силы, равныя своимъ силамъ, — и сгибать, ломать эти силы было для нея болѣзненнымъ и мучительнымъ наслажденіемъ, которое, подъ конецъ, она это знала, ее самое разстроивало, раздражало, укладывало въ постель. Она знала, какія струны больнѣе звучатъ въ сердцѣ Зины, она подмѣтила и изучила слова, вызывавшія краску и блѣдность на ея лицо; одною изъ этихъ струнъ было имя Невѣрова, сопровождаемое насмѣшками и рѣжущими намеками, и она бросала ей это имя въ лицо при каждой стычкѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ! Иногда травля продолжалась часъ, два.... Марья Петровна не стѣснялась: ея нервамъ требовалось доводить Зину до изступленія, ей нужно было чувствовать кровавый трепетъ живого сердца подъ своей рукой, хотя бы для этого предстояло рисковать собственнымъ покоемъ и получить въ замѣнъ тысячу ударовъ отъ истязуемой жертвы! И точно: Зина, раздраженная, взбѣшенная, ослѣпленная искусными нападеніями матери, чувствовала къ ней въ эти минуты порывы такой пылкой ненависти и гнѣва, что они стучали въ ея сердцѣ какъ тысячи молотковъ, и она, внѣ себя, восклицала, что такъ жить ей нельзя!

Марья Петровна тогда накидывала на себя личину хладнокровія, и говорила съ усмѣшкой:

— Боже мой! Да изъ-за чего все это? Изъ-за чего эти возгласы, слезы, театральные жесты? Я не понимаю, чего тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно, чтобъ со мной обращались по-человѣчески!...

Но это заявленіе было острымъ ножемъ для Марьи Петровны. Это значило: противъ нее возмущались, надъ нею держали контроль. Ея деспотической душѣ трудно дышалось въ сознаніи, что тутъ же, около нея, въ одномъ домѣ съ нею, есть существо, нравственно свободное отъ ея власти! Думая объ этомъ, она томилась безсонницей, проводила ночи, припоминая каждое слово, сказанное ей дочерью, каждый ея взглядъ — и съ ужасомъ видѣла, что въ этой послѣдней жилъ духъ, недоступный ея усиліямъ, духъ, который давалъ самой Зинѣ возможность жить, думать, желать, надѣяться и цвѣсти помимо воли матери! Чтобъ сокрушить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить этотъ духъ, она не пренебрегала никакими средствами; она стала запоминать каждую свою сцену съ Зиной, каждый ея поступокъ, каждое побужденіе души, и съ своими комментаріями и объясненіями отсылала все это на судъ Невѣрову и женѣ его, зная навѣрное, что Зинѣ извѣстно содержаніе ея писемъ.

Всѣ эти преслѣдованія носили особый характеръ, отличавшійся тѣмъ, что они никогда не ослабѣвали, но постоянно шли crescendo по той роковой причинѣ, что Марья Петровна чувствовала себя въ своемъ правѣ, узаконенномъ людьми и Богомъ и освященномъ словомъ: мать. За этимъ словомъ кончались всѣ права и отрѣзывались всѣ пути къ законному освобожденію отъ пытки. Совсѣмъ тѣмъ, она, по-своему, любила дочь и, по-своему, желала ей добра. Она преслѣдовала въ ней только духъ непокорности и строптивости и жаждала только одного: заставить Зину признать свой материнскій авторитетъ и, хоть разъ въ жизни, поклониться ему. Тогда она была бы счастлива, она привлекла бы ее къ своему сердцу и дала бы ей всевозможныя права и льготы. Но этого не было и по мѣрѣ того, какъ шло время, характеръ Зины становился все неуступчивѣе, угрюмѣе и раздражительнѣе.... Она уже болѣе не надѣялась на Невѣровыхъ: ни разу втеченіе года они не вспомнили о ней, ни разу не справились, какъ она живетъ, не обратились съ ней ни съ однимъ вопросомъ дружбы или участія и, мало-по-малу, любовь, которая все еще влекла ее воспоминаніями къ Невѣрову, замѣнилась горькимъ чувствомъ обманутаго довѣрія и полнѣйшаго разочарованія въ человѣкѣ, къ которому чувствовала она когда-то такую горячую симпатію.... Будто океанъ протекъ между нимъ и ею, и одинокая, равнодушная скука, безъ прежнихъ горячихъ думъ и заботъ о хорошемъ мнѣніи и сочувствіи ближнихъ, начала опутывать ея однообразные дни и ночи.

А Надѣ минуло восемьнадцать лѣтъ. Добросовѣстно готовила

она себя по-своему въ будущія жены и матери, отпаивая и откармливая свое пышное тѣло, до котораго никогда не касались ни загаръ, ни утомленіе, ни трудъ физическій. Поощряемая въ своихъ привычкахъ лѣни и роскоши матерью, которая положила себѣ цѣлью скорѣе выдать ее замужъ, выставивъ приманкою для жениховъ свою аппетитную наружность, Надя совершенно посвятила себя этой цѣли, и цѣлый день занималась чисткою ногтей, расчесываньемъ волосъ и напудриваніемъ лица. Понятно, что она должна была отдѣлиться отъ Зины, для которой подобное провожденіе времени было нестерпимо: сестры рѣзко расходились во всемъ, и Надя находила совершенно неприличнымъ для взрослыхъ невѣстъ и благородныхъ барышень долгія вечернія прогулки, работы въ саду, на сѣнокосѣ, въ поляхъ, все, что такъ любила и цѣнила Зина, что давало ей возможность избѣгать тѣсноты домашняго кружка и неизбѣжныхъ домашнихъ дрязгъ. Строго осуждая подобныя вульгарныя привычки въ сестрѣ, Надя, разумѣется, передалась на сторону матери относительно ея непріязни къ Зинѣ и стала неизмѣнной доносчицей и наблюдательницей всѣхъ поступковъ, мыслей и побужденій своей сестры.... Тѣснота ихъ нравственной жизни была такъ велика, что онѣ видѣли насквозь всѣ мысли, побужденія, ощущенія одна другой,—знали наизусть всѣ свои слабыя стороны, всѣ мелкія черты характера и не пропускали ни одного удобнаго случая, чтобъ не кольнуть ими другъ друга. Но наступало лѣто съ длинными днями, съ широкимъ просторомъ въ садахъ, поляхъ и рощахъ; каждый былъ свободенъ выбирать себѣ занятія по вкусу, и всѣ невольно оживали душой. Оживала и Зина; могучій источникъ наслажденій, засоренный и задавленный всевозможнымъ хламомъ и дрязгами, снова пробивалъ себѣ мѣсто въ ея душѣ и обдавалъ ее животворной струей.... Она старалась искать себѣ дѣло и находила его. Въ ней еще была та особенность, что, занимаясь какимъ-нибудь дѣломъ, она вкладывала въ это дѣло всю свою душу, всю себя.... Такая горячность въ чувствахъ и поступкахъ не нравилась никому изъ окружающихъ ее: всѣ видѣли въ этомъ какое-то порочное отступленіе отъ мѣрки,—задатки какого-то чудачества, которое всѣми силами надобно было не направлять, а искоренять въ самомъ началѣ. Разъ, Марья Петровна вздумала-было испытать ея способности по части хозяйства и передала ей всѣ ключи, расходныя книги и все, что было на рукахъ у Саши до замужества.... Что же? вмѣсто того, чтобъ степенно и акуратно заняться возложеннымъ на нее дѣломъ, быть только безпрекословной исполнительницей приказаній и воли матери и замѣнить вполнѣ покорную и пассивную Сашу,—Зина

вздумала внести интересъ и самостоятельный трудъ въ свое занятіе, вздумала мечтать о разныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ по хозяйству; это кончилось тѣмъ, что она была отстранена отъ всякаго вмѣшательства по домашнимъ дѣламъ, а въ видахъ того, чтобъ доказать ей ея безполезность и негодность, была приглашена экономка, Варвара Ивановна Мантова, женщина громаднаго роста и самой внушающей наружности.

ГЛАВА II.

Прошло еще нѣсколько времени; незамѣтно наступила осень; дни стали короче: въ садахъ снимали яблоки—и по утрамъ уже начинались морозы. Экономка давно пріѣхала и поступленіе въ домъ новаго лица внесло маленькое разнообразіе въ скучную жизнь семейства. Гриша Снѣжинъ совсѣмъ не пріѣзжалъ домой; онъ служилъ гдѣ-то въ гарнизонѣ въ какомъ-то губернскомъ городѣ, и давалъ о себѣ знать лишь рѣдкими письмами съ неизбѣжною просьбою объ уплатѣ долговъ. Съ Марьей Петровной каждый разъ послѣ такихъ писемъ дѣлались нервные припадки, и весь домъ на недѣлю лишался покою. Экономка въ этомъ случаѣ была незамѣнимымъ человѣкомъ, потому что она всегда умѣла пособить горю и разсѣять накопившіяся тучи, обладая даромъ уничтожать совершенно трагическую сторону сцены и придавать всему до глупости смѣшной оборотъ. Варвара Ивановна Мантова отличалась тѣмъ, что никакъ не могла отдѣлаться отъ вѣчной улыбки, сіяющей неизмѣнно на ея кругломъ, самодовольномъ лицѣ. Какія бы горестныя обстоятельства ни случались съ ней и кругомъ нея, улыбка не сходила съ ея губъ. Ее все забавляло, все ей казалось смѣшно. Въ особенности же смѣшили ее сцены съ самой хозяйкой дома, Марьей Петровной. Та, по обыкновенію, думала найти въ ней обычную жертву своего деспотизма и капризовъ,—но, къ удивленію всѣхъ, ничто не дѣйствовало на воловьи нервы экономки, и при всѣхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, наносимыхъ ей Марьей Петровной,—ее разбиралъ только сильнѣйшій и неудержимѣйшій припадокъ смѣха... Она смотрѣла тогда на свою хозяйку съ снисходительной усмѣшкой, какъ можетъ смотрѣть только бульдогъ на расходившуюся передъ нимъ шавку. Въ самомъ дѣлѣ, наружность ихъ такъ разнилась одна отъ другой, что сравненіе это невольно приходило въ голову при взглядѣ на нихъ обѣихъ... Экономка никогда не сердилась на свою хозяйку: стрѣлы Марьи Петровны были для нея слишкомъ утонченны; она не понимала ихъ: въ

ея дубовомъ и крѣпкомъ тѣлѣ жила безъискусственная, грубая и простая душа, которой не требовалось ничего, кромѣ теплаго угла да вѣрнаго куска хлѣба.

Рѣшено было, что черезъ мѣсяцъ послѣ ея вступленія въ домъ, къ ней пріѣдетъ на время гостить ея племянница, сирота, жившая у отца, провизора въ одной уѣздной аптекѣ. Ему надобно было уѣхать по дѣламъ мѣсяца на три изъ города, и онъ просилъ сестру взять къ себѣ на время племянницу. Маленькой Дуняшѣ было одиннадцать лѣтъ. Исторія ея дѣтства была довольно странная: мать ея была бѣлица, которая, увлекшись страстью, оставила монастырь, вышла замужъ и умерла, черезъ восемь лѣтъ послѣ брака, въ припадкахъ религіознаго помѣшательства. Мужъ этой женщины былъ мученикомъ во время своего супружества съ нею, потому что, вышедши за него замужъ, она начала цѣлые дни проводить въ церквахъ, въ чтеніи духовныхъ книгъ, въ хожденіи по монастырямъ и совершенно бросила домъ, хозяйство и мужа. На собственную свою дочь она не могла смотрѣть безъ фанатическихъ угрызеній совѣсти и старалась избѣгать ея присутствія. Дѣвочка была развита не по лѣтамъ, понимала все, что̀ около нея творилось и что̀ чувствовала къ ней мать. Она сдѣлалась сосредоточенна, угрюма, на нее будто легло что-то роковое. Въ ихъ домѣ царствовала нездоровая, мрачная атмосфера, состоящая изъ заунывнаго чтенія псалтыря, посѣщенія странницъ и странниковъ и суроваго молчанія отца, который, приходя въ домъ, почти ни съ кѣмъ никогда не молвилъ ни слова. Говорили, что прежде, во время о̀но, характеръ его былъ горячъ и жестокъ, но какъ только онъ женился на бѣлицѣ, и она, при первой его вспышкѣ, перекрестилась обѣими руками отъ радости, что онъ можетъ быть дастъ ей пріять мученическій вѣнецъ своимъ мучительствомъ,—такъ онъ тутъ же сомкнулъ свои уста и сталъ словно желѣзный. Дуняшу, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, предоставили самой себѣ, и она взросла въ дикомъ одиночествѣ, учась и развиваясь какъ умѣла. Она ни къ кому не обращалась за совѣтомъ или помощью, и всю свою гордость поставляла въ томъ, чтобъ самой все знать и все умѣть сдѣлать. Достигнувъ одиннадцатилѣтняго возраста, она сама выучилась читать, писать, шить, вязать,—и гордости ея не было предѣловъ. Съ этихъ поръ она получила очень высокое мнѣніе о своемъ умѣ и думала, что со временемъ можетъ даже достигнуть искусства составлять лекарства и быть провизоромъ, какъ ея отецъ,—что̀ представляло для нея уже вершину славы и мудрости. По цѣлымъ часамъ слѣдила она за каждымъ движеніемъ своего отца, когда тотъ былъ за своимъ дѣломъ,

украдкой заглядывала въ ступки, воронки и баночки, приходила въ аптеку первая и уходила послѣдняя. Отецъ удивлялся такой настойчивости, хотѣлъ спросить, что именно ее такъ занимаетъ, но Дуняша была сама такъ молчалива и старалась такъ видимо скрыться и притаиться отъ наблюденій своего отца, что онъ ни о чемъ уже не сталъ ее спрашивать, а только посылалъ то за тѣмъ, то за другимъ лекарствомъ. Она перепробовала на языкѣ чуть не всю его аптеку, и подъ конецъ стала для чего-то таскать въ уголъ его воронки и ступки и что-то такое тамъ дѣлать сама. Онъ, все также молча, сталъ запирать отъ нея опасныя лекарства и носить ключъ при себѣ. Варвара Ивановна знала свою племянницу очень мало: надняхъ эта дѣвочка должна была къ ней пріѣхать. На дворѣ шумѣла послѣдняя, осенняя гроза, дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ и молнія чередовались другъ съ другомъ, — окна въ домѣ всѣ были закрыты, занавѣсы спущены; Снѣжины сидѣли за ужиномъ и говорили о грозѣ. Вдругъ въ передней хлопнула дверь, послышался топотъ грязныхъ ногъ и хриплый кашель, обличающій присутствіе мужика.

Варвара Ивановна поспѣшила выдти въ переднюю. Тамъ стоялъ, весь покрытый, съ головы до ногъ, липкой грязью и облитый дождемъ, высокій, коренастый мужикъ и держалъ въ рукахъ что-то до того закутанное и заверченное въ кучу разныхъ мокрыхъ одеждъ, что невозможно было угадать, что это было такое. Мужикъ неторопливо поставилъ свою ношу на столъ и началъ ее распутывать.

— Ну! насквозь промокла! проговорилъ онъ усмѣхаясь. Ужъ и дождя Богъ послалъ!... Всю дорогу поролъ!... А накрыть нечѣмъ! Порожнякомъ ѣдемъ...

— Развѣ ты съ обозомъ?... спросила Варвара Ивановна.

— Съ обозомъ! Со мной еще пять товарищей тутъ.... Мы ѣдемъ-это по городу, остановились поить около аптеки, а аптекарь и выбѣгаетъ... спрашиваетъ... Узналъ куда ѣдемъ, отколева?.. «Довези, говоритъ, дочку въ Марьино»!... Итакъ-то мы живо съ нимъ сладились; тутъ же онъ мнѣ ее вынесъ, посадилъ, окуталъ, и съ Богомъ! А ужъ дождичекъ накрапывалъ...

Во время этого разсказа, небольшая, смуглая и худая дѣвочка освободилась изъ мокраго хлама своихъ одеждъ, и отряхая измятое платьице, слѣзла со стола на полъ.

Варвара Ивановна, узнавъ что за проѣздъ дѣвочки уже заплачено ея отцомъ, вынесла извощику рюмку водки и кусокъ пирога и отпустила его съ Богомъ, а дѣвочку, долго не думая, подняла на свои гигантскія руки и внесла въ залу. Всѣ ее обступили и уставились на Дуняшу, какъ на диковиннаго звѣрка:

ъ самомъ дѣлѣ она была также молчалива, дика, сурова, какъ ойманный въ клѣтку звѣрокъ. Ее накормили тутъ же за стоомъ, потомъ тетка отнесла ее наверхъ въ свою комнату и крылась тамъ съ нею...

— Какая дурнушка и замарашка! сказала съ гримасою Марья Іетровна; какъ бы экономка не вздумала ввести ее въ нашу омпанію: я ей это, однако, замѣчу!

Надя ничего не сказала, потому что ей было рѣшительно е равно, что бы кругомъ нея ни дѣлалось.

— Она очень миленькая, только ужъ такъ дурно одѣта, мѣтила Зина; у меня есть старая блуза, — вотъ отлично бы иить ей платьице!

— Ну, ужъ позвольте *мнѣ* распоряжаться вашими платьями, рячо возразила Марья Петровна; — когда вы наживете свое стояніе, тогда и можете располагать имъ какъ угодно!

«А ты нажила себѣ состояніе? подумала Зина, и почему о твое? какими трудами досталось»? но ничего не сказала іухъ, чувствуя, что эти вопросы повели бы не къ добру.

Но мать не скоро могла успокоиться; щеки ея покрылись овнымъ румянцемъ.

— Вѣдь это, конечно, говорится изъ противорѣчія мнѣ! язельно замѣчала она; вотъ мнѣ не нравится дѣвочка, такъ о увѣрять, что она мила и хороша!

— Виновата ли я, что у насъ разные вкусы! насмѣшливо разила Зина.

— Но я не допущу, чтобъ дѣвчонка смѣла приходить въ мою гинную!... Можешь быть увѣрена, что этому не бывать!

Между тѣмъ, предметъ этихъ интересныхъ преній, маленькая яша, встала на другое утро на зарѣ, одѣлась въ другое платье, авшее у нее въ узелкѣ, и какъ домовитый звѣрокъ начала аивать себѣ нору въ углу кровати между ширмами и больъ комодомъ. Пять мѣшечковъ различной величины появи- тамъ въ симметрическомъ порядкѣ: два мѣшка съ куклами оскутками, еще два съ какими-то травами, лекарствами, стаи рецептами, порошками и курительными свѣчками, и нацъ, мѣшокъ съ пустыми стклянками, начиная отъ самой іечной до значительной величины. Осмотрѣвъ всѣ свои соища, она принялась за мѣшокъ съ пузырками, которымъ, тся, дорожила болѣе всѣхъ. Тутъ она не могла удержаться слезъ, замѣтивъ, что одна изъ стклянокъ разбилась во время возки. Тщательно завернувъ ея обломки въ бумажку, она рыла толстымъ платкомъ всѣ свои драгоцѣнности и хотѣла выдти въ дверь, но въ эту минуту вошла ея тетка.

— А, Дуняша! Ты ужъ встала и одѣлась... Ну-ка, дай я на тебя посмотрю!

Она подняла ее и поставила на окно прямо къ свѣту. Дѣвочка была очень мала и худа: по росту ей нельзя было дать болѣе восьми или девяти лѣтъ, но совершенно недѣтскій умъ свѣтился въ ея впалыхъ, черныхъ глазахъ. Черные, какъ смоль, курчавые волосы стояли скобкой вокругъ блѣднаго лица.

— Э! да ты должно быть упрямая! шутя замѣтила тетка, приглаживая рукой ея жесткія волосы;—ты у меня, смотри, не шали; отецъ велѣлъ тебя строже держать!

Дуняша недовѣрчиво улыбнулась; она подумала, что отецъ ей этого не говорилъ.

— Какъ мнѣ надо васъ звать? спросила она помолчавъ.

— Извѣстно какъ: тетушкой.

— Ну, тетушка, рѣшительно сказала Дуняша, соскочивъ съ окна и подводя ее къ своей постелѣ; теперь я вамъ укажу, гдѣ я все свое уложила, и сами ничего у меня не трогайте, и другимъ не велите!... Вотъ у меня все тутъ!

Варвара Ивановна помирала со смѣху.

— Ахъ, проказница! Да что у тебя, кладъ тутъ, что ли? Ну хорошо, хорошо; не трону!... Пойдемъ чай пить!

— Я чай не пью, тетушка, говорила Дуняша, доставая изъ узла платокъ и бурнусъ и начиная одѣваться.

— Не пьешь... Да ты что, Дуняша, куда собираешься?... съ изумленіемъ спрашивала тетка.

— Вы въ которомъ часу обѣдаете? во второмъ?... Такъ я къ обѣду приду! А мнѣ вотъ только кусочекъ хлѣба, да соли въ бумажку...

— Да ты скажи, куда собралась?..

— Я въ рощу... я вчера видѣла проѣздомъ; тутъ недалеко... торопилась Дуняша и увидавъ на комодѣ кусокъ хлѣба, спросила, можно ли его взять.

Варвара Ивановна слова не могла выговорить отъ сильнѣйшаго смѣха. Въ эту минуту ее позвали къ прикащику. Возвратившись назадъ, она уже не застала Дуняшу въ комнатѣ и пошла сообщать всѣмъ въ домѣ о забавномъ происшествіи.

Съ этихъ поръ Дуняша стала рѣдкой гостьей въ домѣ.

Предупрежденная Марьей Петровной, чтобъ она не обѣдала за общимъ столомъ, тетка носила ей обѣдъ въ свою комнату, и всегда къ этому часу находила ее дома. Потомъ племянница опять исчезала до позднихъ сумерекъ. Только дождливая погода удерживала ее дома; тогда она садилась въ свой уголъ и безпрестанно тамъ что-то дѣлала: клеила, наливала, сыпала, толкла,

сшивала и читала шопотомъ что-то про себя. Сначала она дичилась тетки, но потомъ привыкла и даже приняла съ нею тонъ снисходительнаго превосходства, который чрезвычайно забавлялъ Варвару Ивановну. Въ дождливые дни часто приходила къ нимъ Зина въ комнату и смотрѣла, какъ занималась Дуняша. Варвара Ивановна просила ее иногда почитать съ дѣвочкой и поучить священной исторіи; застѣнчивая дикарка насилу могла читать по складамъ при посторонних, и Зина думала уже было начать съ нею съ азбуки, но, черезъ нѣсколько дней, оказалось, что Дуняша читала очень порядочно и понимала все, что̀ читала. Ничто не могло сравниться съ торжествомъ ея улыбки, когда она увидѣла при этомъ изумленіе Зины! Она старалась скрыть отъ всѣхъ свои глаза, въ которыхъ горѣли гордость и самодовольство... Заинтересованная Зина начала-было заниматься ею не шутя, вспомнила свою школьную науку и стала ей разсказывать, какіе есть на свѣтѣ города, моря, горы, что такое небо, звѣзды; какъ устроена земля. Улыбка недовѣрія не сходила съ губъ Дуняши во время объясненій Зины и вообще она имѣла видъ «себѣ на умѣ». Мало-по-малу она разговорилась и оказалось, что она обо всемъ этомъ уже кое-что слыхала и даже въ книжкахъ читала, — но какъ-то не вѣрилось ей во все это. У нея на все были свои понятія: напримѣръ, она не вѣрила, чтобъ были и звѣзды, и солнце, и небо, и думала, что это все только въ глазахъ представляется, потому что никто еще звѣзду не щупалъ, какая она; въ существованіе большихъ рѣкъ и морей она тоже не вѣрила;—не вѣрила, чтобъ было такъ легко утонуть, сгорѣть, отравиться, задохнуться, какъ разсказывали и старались ее въ этомъ увѣрить всѣ ее окружающіе, вообще не довѣряла ничему, чего не испытала или не видала сама. Упрямство ея въ этомъ отношеніи доходило до нелѣпости; она была чрезвычайно смѣла и предпріимчива, перебиралась черезъ глубокіе овраги, падала иногда съ высоты, попадала и въ рѣку, терзаема была и собаками, — и все ей проходило даромъ. Поэтому-то она и слушала съ улыбкой недовѣрчивости увѣщанія старшихъ: «не ходи туда-то; упадешь, ногу сломишь;—не подходи къ огню,—сгоришь; не ѣшь того-то,—умрешь»! Только свой собственный опытъ считала она непогрѣшимымъ судьей во всякомъ дѣлѣ, и ничто въ мірѣ не могло заставить ее измѣнить свои убѣжденія такъ просто, на вѣру, на слово.

Пребываніе у Снѣжиныхъ ей нравилось: никогда она не видала такого большого дома, сада и лѣса; гуляя съ Зиной и Варварой Ивановной, къ которымъ она болѣе всѣхъ привыкла, она часто забавляла ихъ своими рѣзвыми выходками, пѣснями и не-

притворною дѣтскою радостью. Она была похожа на дикаго звѣрка, чувствующаго себя на волѣ только въ лѣсу, на просторѣ, среди солнца, вѣтру и воздуха. Дома она пряталась въ свою нору и никому не мѣшала.

Марья Петровна удивлялась, почти не видя дѣвочки: ей было неловко чувствовать свое самовластіе ненужнымъ и непримѣнимымъ хотя къ одному изъ членовъ дома. Готовая съ горячностью защищать свой комфортъ и свои права, въ случаѣ возможнаго на нихъ нападенія, Снѣжина, не дождавшись этого нападенія, почувствовала себя сначала какъ-бы сбитою съ толку; потомъ она порадовалась принужденно подобному исходу дѣла; потомъ начала заговаривать, что Дуняша сирота, что ей можно многое простить, и наконецъ кончила тѣмъ, что объявила свое намѣреніе учить ее рукодѣлью.

Дуняша безпрекословно покорилась желанію хозяйки. Но могли ли такіе два противоположные элемента сойтись вмѣстѣ? Дѣвочка была понятлива и терпѣливо высиживала урокъ, но ничто въ мірѣ не могло ее заставить отказаться отъ гулянья по волѣ Марьи Петровны или разговориться съ ней о чемъ-нибудь, кромѣ работы, или отвѣчать утвердительно на какіе-нибудь ея совѣты или увѣщанія или приказанія, если она имъ не сочувствовала.

— Вотъ, Дуняша, поняла ли ты наконецъ пользу всего, что̀ я тебѣ говорила? Проникласъ ли ты, что только тому человѣку хорошо на свѣтѣ жить, кто слушается старшихъ, молится Богу, дѣлаетъ то, что̀ ему приказываютъ и никогда никому не идетъ наперекоръ. Вѣришь ли ты, что это хорошо? допрашивала и поучала Марья Петровна.

Сначала Дуняша всегда отвѣчала: — нѣтъ! и даже разсказала одинъ случай про нищую, жившую въ ихъ городѣ и которая поступала именно такъ, какъ велитъ Марья Петровна,— и однакожъ ей было очень плохо; но потомъ, увидавъ ужасающее дѣйствіе своихъ словъ, услыхавъ ахи и всплескиванья руками своей хозяйки, она рѣшилась молчать и упорно молчала, доводя Марью Петровну чуть не до бѣшенства.

— Матушка, да не разстроивайте вы себя, вступалась экономка: — бросьте дѣвчонку; ну, на что она намъ? — Не наша дочь; какъ батюшка хочетъ, такъ съ ней и возится!

Но Марья Петровна, не внимая ничему, съ тайнымъ наслажденіемъ продолжала мучить и себя и дѣвочку.

Разъ, въ одинъ ясный осенній вечеръ, Зина, Надя и Дуняша съ Варварой Ивановной пошли, по обыкновенію, въ рощу. Дуняша тотчасъ же вынула изъ кармана мѣшокъ и начала со-

бирать травы, камушки, жуковъ, цвѣты и т. п. Сестры прошли далѣе и отдѣлились отъ нихъ. Онѣ обѣ молчали и шаги ихъ чутко отдавались въ звонкомъ лѣсу. Зина несла книгу и корзинку для грибовъ; Надя заботливо окутывала лицо отъ комаровъ и пыли, которую воображала на дорогѣ; за то взорамъ являлась какая-то укутанная масса съ двумя щелочками для глазъ; тогда какъ лицо Зины, милое и молодое лицо, безъ покрова выставлялось на божій день. Полтора года прошло съ той поры, когда прихотливой и веселой дѣвочкой являлась она на страницахъ этого разсказа. Теперь ей уже шелъ восемнадцатый годъ. Она очень выросла за это время и вся сдѣлалась какъ-то красивѣе, пропорціональнѣе; цвѣтъ лица ея пріобрѣлъ ровную и гладкую бѣлизну; выраженіе его стало полнѣе, разнообразнѣе, будто обогатилось новыми чувствами, новымъ опытомъ, и взглядъ темно-сѣрыхъ глазъ принялъ незнакомую глубину и пытливость, немыслимую тогда въ ея пятнадцать лѣтъ. Она вся будто выросла и душею и тѣломъ и ея радость и смѣхъ, слезы и горе, стали будто крупнѣе, отчетливѣе, глубже. Но смѣхъ все рѣже и рѣже срывался съ ея молодыхъ губъ и какой-то оттѣнокъ постоянной печали сталъ привычнымъ выраженіемъ ея физіономіи. Чего же, кажется, недоставало ей? Ее кормили, одѣвали, обували, не утомляли тяжелымъ трудомъ; она жила на всемъ готовомъ, ѣздила въ гости къ сосѣдямъ, гуляла, наряжалась, читала книги. Вездѣ онѣ съ сестрой видѣли себѣ и почетъ и уваженіе. Ссоры, которыя бывали въ семействѣ, происходили большею частью отъ ея же вины, отъ ея излишней впечатлительности, отъ неумѣнья владѣть собой, своими чувствами и поступками. А между тѣмъ, съ каждымъ днемъ время жизни становилось для нее невыносимѣе и тяжелѣе, и она упорно жаждала перемѣны. Она чувствовала себя въ положеніи оперившагося и выроставшаго крылья птенца, принужденнаго оставаться въ душномъ и тѣсномъ гнѣздѣ и питаться младенческой пищей изъ материнскаго клюва... Чтожъ изъ того, что его постель мягка и пушиста и не допускаетъ ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, что его куски отборны и падаютъ ему прямо въ ротъ?.. Но его крылья сростаются, глаза слѣпнутъ въ полутьмѣ домашняго крова, и изъ вольной и сильной птицы, могущей взлетѣть подъ небеса, онъ становится негоднымъ калѣкой, съ уродливо безсильными членами. Крылья ея ума также оперились и выросли, но они лежали неподвижной, нетронутой массой среди атмосферы застоя, мелкихъ дрязгъ, ежедневныхъ ссоръ, сплетень, чтенія пустыхъ книжонокъ и всей, тому подобной, обстановки ея вседневной жизни.

Она рвалась и туда, и сюда, и вездѣ, во всѣхъ своихъ попыткахъ встрѣчала ворота крѣпко запертыя замками приличій, страха общественнаго мнѣнія, страха семейнаго суда и семейной расправы.

Итакъ, обѣ сестры въ молчаніи шли по опушкѣ лѣса. Вдругъ онѣ услыхали за деревьями крупный разговоръ Дуняши съ теткой.

— Брось, тебѣ говорятъ, скверная дѣвчонка; не смѣй ѣсть этой гадости! слышался строгій голосъ Варвары Ивановны.— Умрешь отъ этого.... Брось!..

— Это не гадость! ее и папаша собиралъ! послышался упрямый отвѣтъ,—и отъ этого ничего не сдѣлается... я уже проб...

Пронзительный крикъ прервалъ ея рѣчь. Тетка, вышедши изъ терпѣнія, вышибла у нее изъ рукъ стклянку и дала ей порядочнаго тумака. Дуняша не ожидала этого и вскрикнула.

— Видали вы такую упрямицу?.. обратилась къ Зинѣ экономка, вся красная: — бѣлену ѣстъ!

— Увѣряю васъ, Зинаида Павловна, говорила Дуняша въ слезахъ: — это мнѣ не въ первый разъ.... вотъ я при васъ съѣмъ!...

Она разжала горсть и вылизала языкомъ нѣсколько крупинокъ бѣлены.

Тутъ Варвара Ивановна окончательно вышла изъ себя.

— Такъ погоди же, я съ тобой справлюсь! сказала она, и повлекла дѣвочку за собой.

Когда сестры воротились домой къ чаю, Варвара Ивановна, помирая со смѣху, разсказывала, какъ она высѣкла Дуняшу, и какъ та стала, послѣ того, тише воды, ниже травы!

Часу въ десятомъ, Дуняша, все время скрывавшаяся на террасѣ, старалась незамѣтно прокрасться къ себѣ наверхъ, но Марья Петровна подкараулила ее и сказала съ ироніей:

— Теперь ты не скажешь, Дуняша, что хорошо на свѣтѣ жить упрямымъ и непокорнымъ?

Дуняша ничего не отвѣчала и вообще съ этого дня онѣмѣла какъ рыба. Она по прежнему исчезала въ садъ, въ лѣсъ, что-то готовила у себя въ углу, и была вообще какъ обыкновенно; только въ нѣкоторые дни казалась будто блѣдна и нездорова.

ГЛАВА III.

Было воскресенье. Марья Петровна только-что воротилась съ Надей отъ обѣдни; Зина же, выздоравливавшая отъ легкой простудной лихорадки, оставалась дома съ Дуняшей и Варварой Ивановной.

— Варвара Ивановна, давайте намъ скорѣе чаю! говорила Марья Петровна, усаживаясь въ большія кресла у стола и замѣтно оживленная путешествіемъ и пребываніемъ въ церкви:— мы такъ устали; отецъ Филиппъ сегодня что-то слишкомъ долго служилъ. Надя, ты замѣтила шляпку на его женѣ?.. Вотъ умора! Зина, а ты уже встала и не надѣла ничего теплаго? Какъ же тебя лечить послѣ этого? Ступай, надѣнь что-нибудь!

Послѣ чаю, Марья Петровна занялась писаніемъ писемъ къ Невѣровымъ. Она оживилась, занятіе это ей нравилось, слогъ ея изощрялся, она знала, что письмо интересно, наполнено множествомъ любопытныхъ подробностей и отлично характеризуетъ предметъ ея наблюденій — Зину. Глаза ея блестѣли, когда она, запечатавъ увѣсистый конвертъ, позвонила въ колокольчикъ и велѣла позвать къ себѣ дочерей.

— Ну, дѣти, весело сказала она, потирая руки; я отпущу васъ сегодня къ Ждановымъ; вы давно у нихъ не были, собирайтесь! Ты, Надя, не будешь переодѣваться; ты всегда прилично одѣта; но Зинѣ я совѣтую снять кисейное и надѣть потеплѣе, шерстяное... Да что это ты, Зина, такая кислая? Болитъ, что ли, у тебя что? Глаза какіе-то желтые!.. И сама ты ужасно пожелтѣла! Все тоскуешь? прибавила она, придавъ своему тону оттѣнокъ презрительнаго сожалѣнія: — тайная болѣзнь какая-нибудь! Ей очевидно хотѣлось вызвать Зину на возраженіе, на споръ, — но Зина крѣпилась, и чувствуя, что глаза ея полны слезъ, молчаливо и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Рѣшительно, я начинаю жалѣть Зину! громко замѣтила Марья Петровна, надѣясь, что та еще услышитъ и по корридору. — Жалкая дѣвушка! Замужъ бы ужъ ее поскорѣе.

Потомъ мать, съ властительнымъ видомъ, вступила въ комнату сестеръ и начала присутствовать при ихъ одѣваніи. Она была увѣрена въ своихъ правахъ на души, тѣла, платья своихъ дочерей... Она царила надъ всѣмъ этимъ со всей безпощадностью полнаго произвола. Процессъ одѣванья передъ глазами матери, особенно для живой и впечатлительной Зины, на которую обрушивались всѣ придирки и капризы нервной женщины, былъ тяжкимъ испытаніемъ. Кое-какъ, наконецъ, сестры одѣлись, сѣли

въ экипажъ и вдохнувъ всю прелесть свободы и чистаго воздуха, помчались въ гости за четыре версты, къ Ждановымъ.

Семейство Ждановыхъ было совершеннымъ повторенiемъ семейства Снѣжиныхъ, только съ прибавленiемъ отца и при этомъ кучи маленькихъ дѣтей. Три взрослыхъ дочери вели точно такую же жизнь, какъ Зина и Надя, также рѣдко покидали свое гнѣздо, также покорно склоняли свои выи подъ родительское ярмо; — но тутъ роль ярма исполнялъ отецъ, сумасшедшiй старикашка, вздорный и придирчивый; мать же была безобидное существо, котораго никто въ грошъ не ставилъ. Послѣ обѣда, сервированнаго съ нѣкоторою торжественностью по случаю гостей, дѣвицы Ждановы предложили общее гулянье въ заброшенный паркъ, принадлежавшiй какому-то отсутствующему графскому семейству. Паркъ этотъ находился всего въ верстѣ разстоянiя отъ ихъ дома. Но лишь только общество изъявило свое согласiе, лишь только Зина и Надя надѣли шляпки и бурнусы, а дѣти начали испускать вопли радости и тормошить своихъ нянекъ сборами, какъ изъ дома Снѣжиныхъ явился кучеръ верхомъ на лошади, съ приказанiемъ какъ можно скорѣе вернуться домой.

Подъѣзжая къ своему двору, при свѣтѣ начинавшихся сумерекъ, онѣ увидали тучную фигуру Варвары Ивановны, поджидавшую ихъ у воротъ.

— Загостились же вы, мои красавицы, сказала она, торопливо слѣдуя за ними по двору; мамаша у насъ сдѣлалась нездорова; упала, моя голубушка, совсѣмъ безъ памяти; я ее на рукахъ вынесла и прямо на постельку положила! Лежитъ, бредитъ, корчитъ ее!

Перепуганныя дѣвушки выскочили изъ экипажа.

— Да отчего, отчего же это съ ней сдѣлалось?

— Не знаю; ума не приложу!.. Пообѣдали мы поздно; я сидѣла въ залѣ, а мамаша въ гостинной на своемъ мѣстѣ у балкона; я нитки разматываю, вдругъ слышу стонъ... потомъ опять и опять!.. Я прибѣжала, а у нея ужъ глаза выкатились... и бредитъ...

Въ спальнѣ больной свѣтился огонь. Горничная торопливо подогрѣвала на огнѣ горчичникъ: на столикѣ уже успѣли появиться гофманскiя и мятныя капли, спирты и соли.

— Все тошнило, а рвать не рветъ! шопотомъ объявила горничная подошедшимъ дѣвушкамъ: — сначала все пить просили; жаловались что голова кружится, — а теперь будто забылись.... извольте сами взглянуть!

Она отодвинулась отъ кровати, и молодыя дѣвушки съ ужасомъ вперили глаза на мать.

Лицо Марьи Петровны было синевато блѣднаго цвѣта; губы были сжаты; дыханіе выходило съ трудомъ изъ стѣсненнаго горла; зрачки, широко открытые, остановились... Зина взяла ея руку съ синими ногтями и стала искать пульсъ; но больная сдѣлала движеніе, чтобъ отнять руку и простонала съ трудомъ: «доктора, доктора поскорѣе!»

Страшная перемѣна, случившаяся въ такое короткое время во всей наружности Марьи Петровны, глубоко потрясла Зину: она видѣла мать еще за часъ передъ тѣмъ совершенно здоровою и полною жизни; теперь, въ этой безсильно протянутой на постели женщинѣ, едва можно было угадать живое существо...

Сестры вышли для переговоровъ въ другую комнату.

— Я думаю послать за Ахматовымъ въ городъ! сказала Надя.

— Ахъ! Ахматовъ теперь вѣдь на слѣдствіи въ Угрюмовѣ, всего въ десяти верстахъ отъ насъ! радостно вспомнила Зина:— пошлемъ за нимъ туда!

— А если онъ уже уѣхалъ?

— Такъ одну тройку пошлемъ въ Угрюмово, а другую въ городъ къ Надеждину или Моллеру, кого скорѣе застанутъ! Черезъ десять минутъ были разосланы посланные въ разныя мѣста, и сестры снова возвратились въ комнату больной.

Тамъ уже собралась вся прислуга и множество любопытныхъ лицъ перешептывалось между собой. Обѣ дочери Снѣжиной стояли около ея постели, не бывъ въ состояніи дать себѣ отчета въ томъ, что происходило кругомъ. А происходило очевидно что-то очень странное. Одна Варвара Ивановна съ затаенной улыбкой входила и выходила изъ комнаты и вообще имѣла физіономію «себѣ на умѣ». Дуняши не было ни видно, ни слышно нигдѣ.

Марьѣ Петровнѣ давали нюхать спиртъ, мочили голову о-деколономъ, но она продолжала лежать холодная, неподвижная, съ уставившимися глазами; по временамъ конвульсіи пробѣгали по ея тѣлу, грудь вздымалась тяжело; слышался позывъ на рвоту, но безплодный, и тогда она, съ глухимъ стономъ, поднималась съ подушекъ и рвала на себѣ платье какъ бы отъ нестерпимой, невыносимой боли... Ее раздѣли и, чтобъ согрѣть онѣмѣвшіе члены, начали растирать тѣло суконками и щетками. Она бредила по временамъ, но безсознательно, не чувствуя, что слова срываются съ ея губъ; взглядъ же ея, суровый и раздраженный, съ какой-то упорной настойчивостью постоянно устремлялся на Зину. Въ этомъ неподвижномъ взглядѣ сосредоточивалось столько угрозы и подозрѣнія, что той стало страшно, и она опрометью выбѣжала изъ комнаты.

Въ залѣ одиноко сидѣла у окна Варвара Ивановна съ неизмѣнною улыбкой на устахъ.

Зина бросилась къ ней вся блѣдная, ломая руки.—Варвара Ивановна, что дѣлать? Научите! Какъ вы думаете, что это, что это такое съ ней?

У каждаго человѣка есть почти всегда какое-нибудь свое мнѣніе въ отношеніи всѣхъ человѣческихъ болѣзней или, лучше сказать, одна какая-нибудь любимая болѣзнь, которой они приписываютъ всякое человѣческое разстройство. У Варвары Ивановны была тоже подобнаго рода слабость. Она всякое нездоровье приписывала самой прозаической болѣзни:—глистамъ.

— Это глисты, глисты, матушка! заговорила она смѣясь:— это все они, поганые, бунтуютъ. Вѣдь они взвиваются къ самому сердцу и такъ и гложутъ его, проклятые! Меня только слушать не хотятъ, а я говорю: масла постнаго съ виномъ дать,—и все бы какъ рукой сняло!

Вбѣжала горничная.

— Варвара Ивановна, васъ Марья Петровна спрашиваютъ!..

Въ спальной больной слышался прерывистый шопотъ. Надя стояла у постели и молча выслушивала, что̀ говорила ей мать.

Марья Петровна была страшна; блѣдное, помертвѣлое лицо ея совсѣмъ осунулось въ эти два часа; синія губы судорожно искривились; страхъ смерти искажалъ недобрымъ выраженіемъ все ея лицо. Но забытье и бредъ покинули ее, можетъ быть, на время и она напрягла всѣ силы, чтобъ говорить:

— Я, послѣ обѣда, выпила стаканъ квасу, говорила больная, уставившись прямо въ глаза Варварѣ Ивановнѣ: — кто поставилъ полный стаканъ квасу на мой маленькій столикъ у окна?

Варвару Ивановну разбиралъ сильный смѣхъ.

— Отъ квасу, матушка, ничего быть не можетъ, успокоительно заговорила она; хоть бы вы и два стаканчика выпили!

— Я спрашиваю толкомъ, кто налилъ и поставилъ стаканъ квасу около меня? нетерпѣливо допрашивала больная.

Всѣ молчали. Горничныя, Надя и Варвара Ивановна переглядывались въ изумленіи.

Въ глазахъ Марьи Петровны все больше и больше разросталси ужасъ, доходящій до безумія.

— Гдѣ Зинаида Павловна? глухо спросила она.

Послали за Зинаидой Павловной.

Мать притянула ее къ себѣ за руку и вперила въ нее страшный, испытующій, полный непріязни взглядъ. Магнетизмъ

этого непріязненнаго взгляда отозвался нервной дрожью на всемъ существѣ Зины.

— Какого яду подсыпала ты мнѣ въ стаканъ съ квасомъ? отчетливо проговорила мать, видимо стараясь этой формой вопроса застать виновную врасплохъ.

Зина отклонилась отъ нея блѣдная и холодная.

— Я не знаю о чемъ вы говорите; сказала она, освобождая свою руку презрительнымъ жестомъ.

Марья Петровна хотѣла еще что-то сказать, но вдругъ голова ея закачалась и она упала на подушку... Тутъ же она начала безпокойно метаться и просить пить. Надя поспѣшно подошла къ ней съ стаканомъ лимонаду; та поднесла стаканъ къ губамъ, хотѣла отвѣдать питья, но проглоченный-было глотокъ вылился снова назадъ; глаза закатились; она схватилась за горло, горло не пропускало дыханія; оно было сдавлено какъ желѣзными клещами...

Тогда она обвела всѣхъ до безумія испуганнымъ взглядомъ.

— Я отравлена, отравлена! прохрипѣла она коснѣющимъ языкомъ; доктора, доктора!

Женщины быстро столпились и начали перешептываться между собою; Варвара Ивановна тихонько мигала имъ на больную и посмѣивалась.

— Глисты, глисты! вишь они, поганые, расходились!

— Какіе ужъ тутъ глисты! угрюмо произнесла одна женщина съ сердитымъ лицомъ и, косо поглядѣвъ на Зину, значительно прибавила: — барынѣ-то вѣдь лучше знать, коли сами ужъ про то говорятъ, не таятся!

Настало зловѣщее молчаніе, потомъ вдругъ головы снова сдвинулись и зашептали, и ихъ жесты и шопотъ были такъ грозны, такъ страшно понятны!

Стоявшая тутъ невдалекѣ Зина тихими шагами подошла къ двери, неторопливо отворила ее и вышла. Но вышедши за дверь, она схватила себя за волосы и бросилась по коридору, въ залу, въ гостинную, въ садъ, на большую дорогу...

Она бѣжала въ бурномъ порывѣ негодованія. Отчаяніе и ужасъ душили ее. Оставаться долѣе въ домѣ, гдѣ подозрѣвали ее въ отравленіи—она не могла!.. Она жаждала вырваться куда-нибудь изъ этихъ убійственныхъ стѣнъ...

Страшный взглядъ помѣшанной матери, ея обвинительныя слова преслѣдовали, пугали ее до дрожи, до головокруженія.

«А что, если *она* умретъ? пробѣжало внезапно въ ея мозгу. Что же тогда?.. Какъ ей жить?.. Что ей тогда дѣлать»?

Какая-то тьма мучительно подернула ея сердце, умъ, разсудокъ, словно тяжелая туча надвинулась на нее, давила какъ свинцомъ, мѣшала дышать, жить...

Она упала на землю и заломивъ руки, вскричала, съ укоромъ обращаясь къ небу:

— Я не хочу жить! Зачѣмъ дали вы мнѣ жизнь?.. Я ее не просила, не хотѣла!.. Что вы со мной сдѣлали?

Въ эту минуту по большой дорогѣ послышался звонъ колокольчика. Это былъ докторъ, летѣвшій во весь опоръ изъ Угрюмова. Надежда охватила сердце Зины:—«Онъ докторъ; онъ можетъ ее спасти; еще не поздно!»

Она вскочила, стала среди дороги и громко закричала ямщику, чтобы остановился. Была уже ночь.

— Кто это? окликнулъ докторъ, высовываясь изъ тарантаса.

— Иванъ Николаевичъ, это я! отвѣтилъ знакомый ему голосъ Зины, и она сама появилась у подножки.

— Вы, Зинаида Павловна? Садитесь поскорѣе сюда! Да что это съ вами такое? говорилъ онъ, усаживая дѣвушку въ тарантасъ и всматриваясь въ ея блѣдное, разстроенное лицо. Скажите, что же такое случилось? Давно она заболѣла? Пожалуйста не тревожьтесь такъ!.. все пройдетъ! Вотъ мы сейчасъ пріѣдемъ и посмотримъ!

— Иванъ Николаевичъ!.. Вы должны ее спасти; проговорила Зина, съ страннымъ выраженіемъ въ голосѣ и вся дрожа;—слышите, докторъ? Вы ее спасти должны, а иначе...

Она не договорила; слезы пресѣкли ея голосъ.

— Зинаида Павловна, я васъ прошу, успокойтесь, говорилъ Ахматовъ, самъ начиная приходить въ волненіе:—ручаюсь вамъ, что я все сдѣлаю что могу!.. Не отчаявайтесь; перестаньте плакать: мнѣ больно видѣть ваши слезы!..

— Я не могу не плакать; возразила Зина: — еслибъ вы знали, что онѣ дѣлаютъ со мной! Тутъ она заговорила, уставившись ему прямо въ глаза большими, грустными, полными слезъ глазами:—Знаете ли вы, можете ли вы себѣ представить, что она, моя мать и всѣ люди, вся наша прислуга, подозрѣваютъ меня въ отравленіи? Но я невиновата, клянусь вамъ, докторъ!.. Понимаете ли вы теперь, что если, если она умретъ, — съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ прибавила она:—то я тоже болѣе не могу жить!.. Надобно сдѣлать, чтобъ она жила,—необходимо, чтобъ вы спасли ее, Иванъ Николаевичъ! Ужасно жить подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ! Спасайте же, спасайте меня!..

Въ отчаяніи она опустилась къ ногамъ доктора и съ рыданіемъ припала къ нимъ.

Онъ приподнялъ ее и посадилъ около себя. Ему было искренно жаль молодую, такъ внезапно огорченную дѣвушку, и онъ всѣми силами старался ее утѣшить и ободрить.

— Пустяки, вздоръ! горячо заговорилъ онъ: — развѣ мы не докажемъ истины? Развѣ я допущу, чтобъ васъ несправедливо обвиняли? Развѣ у насъ нѣтъ науки, доказательствъ, суда, наконецъ? Помилуйте! Вотъ вамъ моя рука, что какъ только я пріѣду, никто слова не посмѣетъ пикнуть противъ васъ!

Онъ горячо и съ участіемъ сжалъ ея холодную какъ ледъ руку.

— Однакожъ вы слишкомъ легко одѣты; заботливо продолжалъ онъ:—я вижу, что вы сами не совсѣмъ здоровы;—а ночь такая холодная!

— Я все время была больна,—только сегодня встала съ постели;—но это ничего; вѣдь мы сейчасъ доѣдемъ!

— Но все-таки вы можете простудиться; позвольте вамъ предложить этотъ плэдъ!

Зина такъ дрожала и была въ такомъ изнеможеніи, что покорно позволила доктору закутать себя всю въ большую, мягкую шаль.

— Вы защитите меня? неправда ли? спрашивала она, довѣрчиво принимая его дружескія услуги и хлопоты.

— Непремѣнно, ручаюсь вамъ! И взглядъ его былъ такъ полонъ состраданія и невольной нѣжности, что радостный вздохъ облегчилъ стѣсненную грудь Зины. «Онъ мнѣ вѣритъ! Онъ защититъ меня!»—думалось ей съ невыразимымъ чувствомъ отрады и утѣшенія. За минуту передъ тѣмъ она видѣла себя совершенно оставленной, безпомощной и одинокой; — теперь она снова сильна и крѣпка подъ защитой и покровительствомъ этого человѣка. Взглядъ ея, обращенный на Ахматова, невольно выразилъ всю глубину ея благодарности и благоговѣнія къ нему. Онъ выросъ передъ нею въ какое-то благодѣтельное божество.

— Какой же вы ребенокъ, Зинаида Павловна! произнесъ онъ улыбаясь; неправда ли, что вамъ самимъ теперь смѣшны ваши страхи?

ГЛАВА IV.

Въ залѣ и гостинной уже были зажжены огни, когда они пріѣхали. Надя, несмотря на тревогу въ домѣ, уже успѣла перемѣнить платье, причесать волосы и озаботиться приготовленіемъ для доктора ужина и постели. Она очень благоволила къ Ахматову и роль хозяйки дома чрезвычайно прельщала ее. Тутъ же прибылъ и фельдшеръ съ аптечкой и инструментами.

Надя не видала, какъ пріѣхали докторъ съ Зиной. Было не принято выходить встрѣчать холостого мужчину: благородная, хорошо воспитанная барышня должна ожидать гостя въ залѣ. Ахматовъ вошелъ, поздоровался, бросилъ перчатки и шарфъ на рояль и ожидалъ, что его сейчасъ же поведутъ къ больной, — но Надя пригласила его на диванъ, освѣдомилась, не озябъ ли онъ, не хочетъ ли чаю или закуски, спросила когда и гдѣ онъ пообѣдалъ и въ которомъ часу выѣхалъ?..

Говоря все это, она очень картинно разсаживалась на диванѣ, расправляя платье, пуговки и бантики и безпрестанно вставляя въ свою рѣчь мѣстоимѣніе: *я*. Вдругъ вбѣжала Зина.

— Иванъ Николаевичъ, что же? Вы еще не видали ма́му? вскричала она. Надя, какъ тебѣ не стыдно напрасно терять время! Я васъ тамъ уже давно жду... Пойдемте скорѣе!

Докторъ поспѣшилъ за ней, а Надя, бормоча, что Зина все дѣлаетъ не по-людски, пріостановилась у зеркала, чтобъ еще разъ взглянуть на себя.

Больная лежала въ сильномъ припадкѣ бреда; зрачки ея были страшно расширены и глядѣли не моргая на пламя свѣчи; странныя тѣлодвиженія, жесты и несвязныя слова чередовались съ удивительною быстротой. Ахматовъ сталъ у постели, Зина, съ жаднымъ любопытствомъ, напротивъ него, Надя у ногъ матери; фельдшеръ заглядывалъ съ боку, а вдали стояла молчаливая группа прислуги.

Лицо доктора во время осмотра покрывалось все болѣе и болѣе темнымъ облакомъ.

— Что ѣла больная? обратился онъ къ женщинамъ.

— За обѣдомъ ботвинью съ рыбой кушали... соусъ, отвѣтила подходя Варвара Ивановна.

— Что она пила?

— Они говорятъ, стаканъ квасу выпили послѣ обѣда, вступилась одна женщина изъ прислуги;—съ этого, говорятъ, и подѣялось...

— Нельзя ли видѣть этотъ стаканъ?

— Иванъ Николаевичъ, послышался какой-то потерянный голосъ Зины:—неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что тутъ отрава?

Докторъ молчалъ. Онъ вышелъ за горничной, отправившейся на поиски за стаканомъ. Стаканъ все еще стоялъ на столикѣ у окна и на днѣ его былъ еще недопитый квасъ...

Когда Ахматовъ поднесъ его къ губамъ, всѣ взоры устремились на него: онъ увидалъ себя въ центрѣ многочисленной группы.

— Дурманъ! сказалъ онъ, качая головой; я такъ и думалъ.

По счастію, доза невелика. Петръ Васильевичъ, надо рвотнаго, обратился онъ къ фельдшеру.—Самоваръ! отрывисто приказалъ онъ прислугѣ: ванна есть? спросилъ онъ у Нади?

— Есть! отвѣтила та.

— Надобно ванну часа черезъ два; а теперь я попрошу васъ удалиться! сказалъ онъ, входя въ комнату больной: — къ чему здѣсь столько народу? Это только безпокоитъ больную! Двухъ горничныхъ и фельдшера будетъ довольно... Приготовьте тазъ!

Ахматовъ говорилъ отрывисто и былъ блѣденъ. Напрасно Зина настойчиво ловила его взгляды; онъ тщательно избѣгалъ встрѣчи съ ея взоромъ.

Но прислуга и не думала выходить: грозный говоръ слышался все сильнѣе и сильнѣе, — и наконецъ одна женщина съ дерзкимъ лицомъ подступила къ доктору и громко сказала:

— Вы, можетъ быть, батюшка, кого изъ насъ подозрѣвать станете и допросъ намъ дѣлать,—такъ барыня сами изволили сказать на кого онѣ подозрѣніе имѣютъ: чтобъ на насъ ужъ сумлѣнія не было!

— Ступайте вонъ! отвѣтилъ докторъ.

— Мнѣ что? Я хоть сейчасъ подъ присягу пойду, что слышала, на кого онѣ показывали!.. На насъ онѣ и подозрѣнія никакого не имѣютъ... Помилуйте, намъ на что же? Барыня добрая... И всѣ это скажутъ!

— Ступайте, ступайте всѣ! сказалъ фельдшеръ, выталкивая ихъ за дверь:—послѣ разберутъ!

— Тутъ что разбирать? слышались громкіе голоса за дверью... Мы подъ присягу пойдемъ!.. На что намъ чужую вину покрывать?.. Что изъ господскаго рода, такъ думаютъ, и суда на нихъ не будетъ? Погодите, будетъ!

Зина, слыша эти рѣчи, дрожала вся съ головы до ногъ. Смертельная блѣдность покрывала ея лицо.

— Иванъ Николаевичъ, что же вы?.. наконецъ произнесла она, тронувши его за руку... Въ этомъ невольномъ возгласѣ жарко и томительно зазвучала мольба о защитѣ, о помощи, о спасеніи...

Но докторъ весь былъ погруженъ въ наблюденіе за пульсомъ и дыханіемъ больной... Замѣтилъ ли онъ всю агонію этой трепетной мольбы, видѣлъ ли онъ блѣдное лице Зины съ большими тоскливыми глазами прямо противъ его лица? О, еслибъ онъ все это видѣлъ, навѣрное не сказалъ бы такъ холодно:

— Извините меня, Зинаида Павловна; жизнь вашей матери въ опасности и времени терять нельзя!

Быть можетъ, онъ говорилъ съ ней такъ рѣзко совершенно безъ умысла, озабоченный критическимъ положеніемъ больной; быть можетъ, онъ и тѣни подозрѣнія не имѣлъ на нее, — но этотъ тонъ, эти неожиданныя слова какъ ножомъ полоснули сердце Зины; болѣзненная истома овладѣла всѣми ея членами; въ глазахъ стало мутно; губы совсѣмъ побѣлѣли и въ нѣмомъ страданіи этой минуты, она ясно увидѣла взгляды фельдшера и Нади, съ укоризною устремленные на нее. Обезсиленная этимъ послѣднимъ ударомъ, лишенная всякой опоры, она въ самомъ дѣлѣ имѣла видъ преступницы, терзаемой угрызеніями совѣсти. Стоя у двери и едва держась на ногахъ, она напрасно силилась отомкнуть дверную ручку; наконецъ фельдшеръ подошелъ, отворилъ ей дверь и она вышла изъ комнаты.

По счастію, организмъ ея, ослабленный недавней болѣзнью, не выдержалъ столькихъ потрясеній и дошедши до темной диванной, она упала на диванъ, безъ мысли, безъ сознанія, съ лихорадочной дрожью во всѣхъ членахъ и сильнымъ головокруженіемъ.

ГЛАВА V.

Много ли, мало ли прошло времени, никто не сказалъ объ этомъ, но когда Зина открыла глаза, ей показалось, что давно уже настала длинная и темная осенняя ночь; всѣ члены ея были разбиты, голова горѣла; въ ушахъ немолчно клокоталъ какой-то шумъ, словно ревущій прибой моря.

Вдругъ ей показалось, что сосѣдняя комната ярко освѣтилась. Она встала, подошла къ дверямъ и хотѣла заглянуть въ замочную скважину, но тихо раздвинулись передъ нею, сами собою, замкнутыя двери гостинной, и она увидала, что комната совсѣмъ пуста и освѣщается какимъ-то зловѣщимъ, красноватымъ свѣтомъ. Въ то же время ей почудилось, что пустое про-

странство было полно какими-то звуками, наводившими на нее трепетъ. Отовсюду, сбоку, сзади, сверху и снизу, какъ будто ревѣла толпа, еще отдаленная, но все приближающаяся... Зина, въ трепетѣ, закрыла глаза. Когда она открыла ихъ, то ясно увидала посреди комнаты Ахматова, окруженнаго всѣми домашними, всею прислугою, всѣми людьми бывшими во дворѣ.

Слышенъ былъ громкій говоръ между этими людьми и на лицахъ этихъ людей Зина читала угрозу и ужасъ. Но она не слыхала ничего, что они говорили. Какъ она ни напрягала свой слухъ и разсудокъ, чтобъ понять эти грозные крики,—смыслъ улетучивался, ускользалъ отъ нея. Въ мучительной скорби она устремила глаза на Ахматова и старалась уловить одинъ его голосъ, его слова. И вдругъ, какъ громовая труба архангела, прозвучалъ надъ ней этотъ голосъ:

Призовите священника совершить причастіе и присягу!

Тотчасъ послѣ этихъ словъ настала беззвучная, мрачная тишина, словно въ ожиданіи взрыва.. И точно послѣдовалъ взрывъ. Во всей этой толпѣ заходилъ гулъ, словно глухіе раскаты грома; — всѣ произносили ея имя, всѣ указывали съ угрозой на двери, которыя были за ней заперты... Раздался снова голосъ Ахматова, и на этотъ разъ слова его прозвучали ей какъ смертный приговоръ:—«Къ присягѣ Зинаиду Павловну»!

— «Какъ? Ее къ присягѣ, ее?.. Такъ ли она слышала и точно ли онъ сказалъ это»? Волосы у нее встали дыбомъ, она не вспомнила себя отъ ужаса... Съ рѣшимостью отчаянія, холодная и блѣдная, она вдругъ распахнула двери и бросилась среди этого народа, и голосъ ея раздался какъ надорванная струна:

— Дайте доказательства, что это сдѣлала я? Я этого не дѣлала, не дѣлала, не дѣлала! Я не хочу, чтобъ меня подозрѣвали!.. Я убью всякаго, кто будетъ меня подозрѣвать! Это низко, подло, безчестно, обвинять невиннаго человѣка!

И когда толпа отступила, убѣжденная или устрашенная ея горячимъ протестомъ, одинъ человѣкъ остался посреди комнаты и насмѣшливо улыбался. Это былъ Ахматовъ.

— Пойдемте отсюда! невинно сказала ему Надя, взявъ его подъ руку.

Но тутъ Зина снова бросилась къ нему, рыдая, обнимая его колѣна, съ мольбою не обвинять ее заранѣе.

— Я ненавидѣла свою мать, говорила она трепеща всѣмъ тѣломъ: — но неужели вы считаете меня способною на такой ужасъ, на такое преступленіе? Иванъ Николаевичъ, сжальтесь, скажите хоть слово въ мою защиту!.. Вѣдь вы знаете, что я не-

винна! Вы вѣдь вѣрите мнѣ! И вдругъ, Зинѣ почудилось такъ мучительно ясно, такъ неотразимо, что будто Ахматовъ выхватилъ у нее изъ кармана пакетъ, изъ котораго посыпались сѣмяна дурмана, — и потрясая этимъ пакетомъ по воздуху,—захохоталъ. И какъ вслѣдъ за нимъ захохотала вся прислуга, горничныя, кучера, фельдшеръ, сама Надя,—и какъ потомъ потушили всѣ свѣчи,—стало темно и страшно, — и Зина, охваченная темнотою, снова осталась одна, дрожа отъ ужаса, смятенія и испуга...

ГЛАВА VI.

Пока все это совершалось въ разстроенномъ воображеніи Зины, мирная сцена происходила въ комнатѣ больной.

Прошло два часа по пріѣздѣ доктора, и Марья Петровна была уже внѣ опасности. По правдѣ сказать, къ пагубному вліянію дурмана присоединился нервный припадокъ и придалъ такое страшное значеніе болѣзни. Но во время принятая ванна успокоила раздраженные нервы больной и она теперь лежала въ чистой и мягкой постели, въ бѣлоснѣжномъ чепцѣ и кофтѣ, съ яснымъ взглядомъ, съ слегка трепещущими губами и съ слабымъ румянцемъ на щекахъ.

Счастливый докторъ съ улыбкой сидѣлъ около нея, весело потирая руки и собираясь пить чай послѣ трудовъ. Надя хлопотала около шипящаго самовара, фельдшеръ укладывалъ инструменты въ футляръ, а горничныя убирали бѣлье и выливали воду изъ ванны. Докторъ велѣлъ соблюдать величайшее спокойствіе около больной и строго наказывалъ Варварѣ Ивановнѣ и всей прислугѣ, чтобъ никто не напоминалъ Марьѣ Петровнѣ ни о ядѣ, ни о ея болѣзни, ни о чемъ могущемъ привести ее въ волненіе. Поэтому всѣ ходили на цыпочкахъ и шептались.

— Докторъ, вы у насъ останьтесь сегодня ночевать! слабо проговорила больная; я, право, не знаю, какъ благодарить васъ; дайте мнѣ вашу руку!

Ахматовъ протянулъ ей руку съ ласковой улыбкой.

— Вы спасли мнѣ жизнь, продолжала Марья Петровна со слезами на глазахъ; — какъ мнѣ васъ благодарить?

— А вотъ, если вы будете такъ волноваться, шутливо перебилъ докторъ: — то я уѣду отъ васъ.

— Нѣтъ, не уѣзжайте; съ испугомъ произнесла больная: — я такъ боюсь возобновленія припадка.

Ахматовъ улыбнулся.

— Нѣтъ, теперь уже бояться нечего; вы завтра будете совсѣмъ здоровы!

Марья Петровна пристально на него смотрѣла.

— Ядъ выгнанъ совсѣмъ? подозрительно спросила она.

— То-есть, какой же ядъ? въ смущеніи возразилъ докторъ.

— Ахъ, Иванъ Николаевичъ, неужели вы думаете, что я была безъ памяти? проговорила Марья Петровна, приходя въ волненіе:—Варвара Ивановна, Надя! подите сюда! не при васъ ли спрашивалъ докторъ, что я ѣла и пила сегодня?

— Да, пробормотали тѣ въ смущеніи.

— И когда онъ принесъ стаканъ съ квасомъ, которымъ я отравилась,—онъ началъ лечить меня отъ яду?

— Матушка моя, съ улыбкой протянула Варвара Ивановна; лучше бы вамъ теперь помолчать...

Но Марья Петровна не унималась, и нервный румянецъ сильнѣе и сильнѣе покрывалъ ея щеки.

— Что это такое было? настойчиво обратилась она къ доктору.

Ахматовъ, видя, что отступить отъ объясненія опасно, отвѣтилъ очень спокойно:

— Вы хотите знать, что было въ стаканѣ:—это былъ дурманъ. Пожалуй, его тоже можно назвать ядомъ, но доза его была недостаточна, чтобъ причинить вредъ... страданія же ваши, собственно говоря, усилились отъ нервнаго припадка, которой я едва ли видалъ сильнѣе...

— То-то я почувствовала такой острый и непріятный вкусъ, когда пила! перебила, не слушая его, Марья Петровна:—но мнѣ такъ хотѣлось пить тогда... Ну, а еслибъ вы долго не пріѣхали, докторъ? Что тогда?

— Не думаю, чтобъ могло случиться несчастіе, отвѣтилъ докторъ, котораго разговоръ этотъ начиналъ тяготить и онъ желалъ его кончить миролюбиво: — вообще дурманъ, stramonium, какъ мы его называемъ, не считается смертельнымъ ядомъ, по крайности, съ которой....

Въ эту минуту, между шифоньеркой и кроватью, изъ-подъ кучи одеждъ послышался шорохъ.

Всѣ оглянулись въ ту сторону. Докторъ не договорилъ начатую рѣчь и съ любопытствомъ прислушивался къ возраставшему шороху.

Тогда, удивленнымъ взорамъ всѣхъ присутствующихъ, въ пуху, растрепанная, блѣдная и дрожащая явилась Дуня. Всѣ были поражены молчаніемъ.

— Я такъ и думала, сказала она, обращаясь къ доктору:— я всегда такъ говорила и папаша говорилъ, что отъ дурману нельзя умереть; и я сама его столько же пила, а тетушка меня высѣкла; не хотѣла мнѣ повѣрить, а вотъ теперь выходитъ же....

Она была прервана глухимъ крикомъ Варвары Ивановны, готовившимся сорваться съ ея губъ, но докторъ повелительно махнулъ ей рукой, приказывая молчать и обвелъ всѣхъ присутствующихъ настойчивымъ взоромъ. Всѣ поняли приказаніе и затихли.

Марья Петровна изумленная, взволнованная, безмолвная, не сводила глазъ съ Дуняши, которая продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, упорно и наивно смотря въ глаза доктору, являя на своемъ лицѣ спокойное и увѣренное выраженіе торжества.

— Правда, правда твоя, милочка! сказалъ наконецъ докторъ, спокойно и ласково придвигая къ себѣ за плечи странную дѣвочку.... Я вполнѣ съ тобою согласенъ, что дурманъ—совершенно безвредное вещество...

Онъ былъ блѣденъ отъ волненія и напряженія.... Отравительница нашлась: но этого было мало; это могло быть только предположеніе: надобно было употребить все искусство и осторожность, чтобъ узнать истину; надобно было сдѣлать такъ, чтобъ въ истинѣ не осталось ни для кого никакого сомнѣнія и чтобъ ни одной темной тѣни подозрѣнія не падало болѣе на невинное, напрасно оскорбленное существо.

Онъ пристально взглянулъ въ глаза дѣвочки и опытный глазъ его подмѣтилъ нѣкоторыя странности въ ея наружности. Она вся дрожала, мѣнялась въ лицѣ и взглядъ ея былъ безпокоенъ и обличалъ какое-то внутреннее страданіе. Но докторъ, стараясь ободрить и успокоить ее, заговорилъ съ ней дружескимъ тономъ:

— Такъ ты согласна со мной, что дурманъ безвредное вещество?

— Не совсѣмъ; отвѣтила Дуняша озабоченно: — отъ него тошнитъ и голова кружится.... Но если его понемножку пить каждый день, по глоточку, — тогда ничего; не очень страшно....

— Развѣ ты испытала это?

Дѣвочка взглянула на тетку быстрымъ взглядомъ, и потомъ помолчавъ сказала: «да!»

— Какже ты его употребляла?

— Постойте, постойте! вдругъ перебила она, покрываясь яркой краской.... Я все вамъ разскажу.... Тетушка меня высѣкла за то, что я ѣла дурманъ, говоря, что я отъ него умру; но я ей не повѣрила и на другой же день набрала его полный стаканъ

и налила горячей водой, и потомъ три дня подливала его себѣ въ молоко, и меня только рвало, — а все же я не умерла, жива осталась! Тогда я хотѣла попробовать на другихъ и сказать теткѣ, что напрасно она меня высѣкла—что всѣ дурманъ пили, и никто не умеръ. И я влила его Марьѣ Петровнѣ въ квасъ, и я все видѣла, при всемъ была.... прибавила она съ дрожью....

Докторъ съ облегченіемъ взглянулъ на всѣхъ: истина была открыта; сомнѣваться болѣе невозможно. Счастливое волненіе придало одушевленіе его голосу.

— Такъ ты была здѣсь все время? Ты все видѣла? сказалъ нъ. Какъ у тебя достало духу дать яду женщинѣ, которая тебѣ ичего не сдѣлала, и котораго вредъ ты на себѣ испытала.... е говори, что тебѣ будто и не больно, и не страшно было; вѣдь докторъ.... я все вижу и знаю....

Дѣвочка смотрѣла на него какъ истуканъ, съ страшно выращенными глазами, — потомъ вдругъ рванувшись отъ него, збѣжала къ теткѣ и рухнулась ей въ ноги съ глухимъ крикъ: — Я виновата! виновата! простите!

Варвара Ивановна подняла ее на руки, и вынесла рыдающую ъ изъ комнаты....

По лицу Снѣжиной лились горячія слезы.—Зину! Зину! твер- она слабымъ и разнѣженнымъ голосомъ: — позовите сюда у! Что же Зина? Отчего она не идетъ?

Ахматовъ уже давно отправился на поиски за молодой дѣвуш- онъ жаждалъ первый сообщить ей радостную вѣсть; онъ былъ неспокоенъ и чувствовалъ, какъ билось его собствен- сердце....

ошедши въ диванную, онъ былъ пораженъ чьимъ-то тяже- дыханіемъ. Въ двухъ шагахъ отъ него, на широкомъ ди- свѣсившись внизъ головой, лежала Зина. Неясные лучи а освѣщали ее всю.... Безпорядокъ ея одежды, разметанные , пурпуровая краска лица,—достаточно сказали Ахматову. ъ подошелъ, поднялъ ея обезсиленную голову, пощупалъ , прислонилъ къ дивану; Зина раскрыла мутные глаза и авая доктора, въ упоръ уставилась ему въ лицо....

Священникъ! проговорила она въ неописанномъ ужасѣ, ь за его одежду.... Пришелъ? Что? Присягу! О, спрячьте, е меня!... вдругъ вымолвила она съ раздирающей душу , и съ сложенными руками упала въ ноги доктору.

стало грустно и больно.... Но напрасно онъ поднялъ апрасно называлъ ее ласковыми именами, напрасно мо- росилъ опомниться, Зина продолжала бредить и быть въ

Склонившись на его плечо, почти въ его объятіяхъ, — она безпрестанно переходила отъ самой ужасающей тоски къ величайшему, упоительному блаженству.... Съ губъ ея срывались безсвязныя рѣчи, улыбки, непонятныя слова.... Онъ разслушалъ разъ и свое имя. Въ полномъ безпамятствѣ, она трепетно, горячо жалась къ нему: лицо ея льнуло къ его лицу, она будто хотѣла спрятаться, укрыться въ его объятіяхъ отъ чьихъ-то преслѣдованій и взоровъ... Ахматовъ, нѣмой свидѣтель этого бреда, не зналъ, что ему дѣлать: волненіе его возрастало и пульсъ бился почти также быстро, какъ у больной.

Вошла Надя со свѣчею въ рукѣ.

— Гдѣ же это Зина? сказала она озираясь.

— У Зинаиды Павловны горячка! сказалъ докторъ, вставая.... Взгляните!

Онъ подвелъ ее къ дивану.

— Какъ же быть? Что сказать мамѣ? Она велѣла ее привести!

Докторъ посмотрѣлъ на нее холоднымъ взглядомъ.

— Позовите людей, надобно перенести ее и уложить въ постель! сказалъ онъ отрывисто.

Надя въ недоумѣніи вышла, оставивъ свѣчу.

Пришли двѣ женщины; но онѣ такъ неловко принялись тащить Зину съ дивана и вести къ дверямъ, что Ахматовъ не вытерпѣлъ, подошелъ и самъ отнесъ больную на постель въ ея комнату. Надя, спавшая вмѣстѣ съ ней, въ эту же ночь была переведена въ комнату экономки, а Марью Петровну увѣрили, «что у Зинаиды Павловны заболѣла головка, что онѣ ужъ легли почивать и потому не могутъ придти къ нимъ».

Мать отнюдь не велѣла ее будить, и успокоившись въ своихъ чувствахъ и еще разъ умилившись душой надъ испытанными ею страданіями, изволила аппетитно скушать чашку куринаго бульона и мирно и крѣпко заснула.

ГЛАВА VII.

Мало-по-малу все пошло своимъ обычнымъ порядкомъ въ домѣ Снѣжиныхъ. Ахматовъ лечилъ очень усердно и мать и дочь, и вскорѣ нервные припадки Марьи Петровны, возобновившіеся было по случаю опасной болѣзни Зины, утихли, и сама Зина, опомнившись послѣ трехнедѣльнаго бреда, узнала наконецъ всѣхъ и привела въ неописанный восторгъ Ахматова, который, каждый разъ, съ замираніемъ сердца переступалъ порогъ ихъ дома.

Боже мой! но какъ же она была блѣдна, худа и слаба! Жизнь, какъ трепетный огонекъ лампады, едва свѣтилась въ этомъ молодомъ тѣлѣ и давала себя знать лишь слабымъ сознаніемъ окружающаго.... Но ни удивленіе, ни ужасъ, ни тревога, казалось, уже не имѣли болѣе доступа къ ея истомленному сердцу. Она спокойно глядѣла на живую мать, равнодушно выслушивала новое для нее открытіе отравленія, хладнокровно обсуждала поступки Дуняши и не выказывала ни удовольствія, ни непріязни при услугахъ матери, ея разспросахъ о здоровьи, заботахъ о ея снѣ, пищѣ и питьѣ....

Марья Петровна, почувствовавъ сильную, нервную радость при минованіи опасной болѣзни дочери, втайнѣ надѣялась на много пріятныхъ и умиляющихъ душу сценъ со стороны этой послѣдней, при видѣ материнскаго раскаянія и самоуниженія.... Но полнѣйшая апатія и хладнокровіе Зины при всѣхъ демонстраціяхъ и изліяніяхъ, начинали ее тайно колоть и подымать въ ея материнскомъ сердцѣ всѣ заснувшіе-было червячки. По счастью, для ея развлеченія, пришли письма отъ Невѣровыхъ съ настоятельнымъ приглашеніемъ на святки. Это приходилось тѣмъ болѣе кстати, что Марья Петровна, во время болѣзни Зины, надавала обѣтовъ съѣздить въ разные монастыри, изъ которыхъ нѣкоторые находились по дорогѣ къ Невѣровымъ. Между тѣмъ наступилъ рождественскій постъ, и Марья Петровна, уѣзжая съ Надей, дала приказъ Варварѣ Ивановнѣ заставить Зину говѣть, а чтобы она не простудилась, устроить службу на дому. Это было тоже въ числѣ обѣтовъ, данныхъ ею въ то злополучное время. Итакъ, Зина съ Варварой Ивановной остались вдвоемъ, потому что Дуняшу удалили на время въ сторожку при богадѣльнѣ, гдѣ жилъ старикъ караульщикъ и просвирня, и тамъ, по просьбѣ Варвары Ивановны, ее ежедневно навѣщалъ священникъ, стараясь обратить ее на путь истинный.

ГЛАВА VIII.

Теплый зимній день клонился къ вечеру. Мирные деревенскіе жители, опочивъ отъ дневныхъ трудовъ и заботъ, набивались въ свои логовища, и мертвая безмолвная тишина начинала плять по опустѣвшимъ улицамъ. Нигдѣ не стало видно ни души; между тѣмъ въ узкихъ окошечкахъ засвѣтились огни и началась обычная вечерняя дѣятельность....

Въ небольшомъ домѣ священника то же свѣтился огонь. Тамъ пили чай. На широкомъ дубовомъ столѣ кипѣлъ самоваръ, горѣла

свѣча и стоялъ подносъ съ чашками. Жена священника приготовляла чай; онъ самъ ходилъ по комнатѣ въ молчаніи. Комната была плохо меблирована и убрана безъ вкуса, хотя съ претензіями на роскошь и моду. Были тутъ и филейныя салфеточки, и занавѣски, и разныя бездѣлушки на туалетномъ столикѣ, — но все это было покрыто такимъ слоемъ пыли, что не только не служило украшеніемъ комнаты, а напротивъ—торжественной выставкой всей ея дряни. Окошки были мокры и на нихъ стояли лужи воды, но между рамами красовались деревянныя куколки и шерстяные цвѣты, намокшіе и потускнѣвшіе отъ сырости и плѣсени. Сама хозяйка дома вполнѣ соотвѣтствовала этой обстановкѣ. Она была молода и недурна собой, но непричесанные волосы, неумытыя руки и безпорядочно распущенное платье придавали ей видъ такого же запустѣнія и грязи, какъ и всѣ ея вещи. Она сидѣла, закутавшись съ головой въ большой платокъ, и въ тупой апатіи слѣдила за настаиваніемъ чая. Она не глядѣла на мужа; она не обращала на него никакого вниманія; въ ея лицѣ, позѣ, въ углахъ опущеннаго рта, въ злыхъ, но спокойныхъ глазахъ, просвѣчивало ясно то безопасное чувство женщины, имѣющей законнаго супруга, — т.-е. вѣчнаго и неизмѣннаго спутника, кормильца, поильца и обладателя, съ которымъ, благодаря этой вѣчности и неизмѣнности, можно быть безъ всякихъ церемоній и предстаивать, въ каждую минуту дня и ночи, въ полной распущенности, душевной и тѣлесной....

Супругъ былъ молчаливъ и ходилъ по комнатѣ. Онъ только-что воротился отъ больного, котораго соборовалъ передъ смертью. Хотя онъ и привыкъ, въ теченіе года, исполнять различныя обязанности своего званія и быть свидѣтелемъ печальныхъ сценъ и картинъ, но нѣкоторыя изъ нихъ еще не утратили вліянія надъ его душою, и зрѣлище одинокой, безвременной и безпомощной смерти производило на него свое обычное, тяжелое впечатлѣніе. Вообще, отецъ Филиппъ, попавъ священникомъ въ это село, въ среду ниже себя по понятіямъ и образованію, и не нашедши себѣ нигдѣ и ни въ комъ точки опоры или сочувствія, часто ощущалъ недовольство жизнію и мучился различными обстоятельствами и условіями этой жизни, складывавшимися совсѣмъ не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Его, какъ новичка и молодого впечатлительнаго человѣка, занимала дѣятельность по приходу; онъ искренно желалъ сойтись съ прихожанами, дѣйствовать на ихъ нравы, искоренять суевѣріе и предразсудки и вообще имѣть на людей благотворное вліяніе. Онъ старался подмѣтить главные недостатки въ народѣ и усердно обдумывалъ свои проповѣди. Успѣвалъ ли онъ въ своихъ намѣреніяхъ и пред-

пріятіяхъ? Положительно можно сказать, что нѣтъ, и,—незамѣтно пока для него самого,—рутина и обычай, вмѣстѣ съ ежедневными наставленіями практической жены, начинали его затягивать въ спокойное болото и одерживать верхъ надъ молодыми стремленіями и поползновеніями къ добру.

— Чай готовъ! сказала наконецъ жена, наливая чай въ стаканъ мужа.

Отецъ Филиппъ подошелъ и сѣлъ къ столу. Пламя свѣчи освѣтило его лицо. Наружность его была не изъ дюжинныхъ. Онъ былъ очень молодъ, хорошо сложенъ и замѣчательно красивъ собою, но не той свѣжей, ослѣпляющей красотой, которая поражаетъ взоры яркостью красокъ; напротивъ, онъ былъ блѣденъ, худъ, серьезенъ: губы его улыбались рѣдко; большіе глаза подъ темными бровями были мрачны и глубоки; но самая эта строгость, мракъ и глубина придавали его наружности какой-то возвышенный, духовный характеръ, напоминающій древнія изображенія монаховъ и святыхъ.... Онъ, кажется, зналъ выгоды своей физіономіи и пріятное впечатлѣніе, производимое ею, и старался всѣми силами поддерживать это впечатлѣніе въ умахъ своихъ прихожанъ. Въ церкви, въ величественномъ духовномъ облаченіи, онъ старался олицетворять мистическій идеалъ красоты и быть какъ будто созданнымъ для храма, молитвъ и пѣснопѣній....

Бесѣда за чаемъ была некраснорѣчива: супруги молчали и другъ на друга не глядѣли. Жена иногда вставала, покачиваясь тучнымъ тѣломъ, и выходила въ другую комнату за полотенцемъ или водою.

— Что это, Анюта, полотенце у тебя какое грязное! сказалъ отецъ Филиппъ, указывая на грязную тряпицу въ рукахъ жены; ты бы отдала Марѳѣ вымыть....

— Полотенецъ-то у меня много, да все лѣнь достать, отвѣтила та, усмѣхаясь;—вотъ этотъ грузъ мѣшаетъ!...

Она безопасно распахнула платокъ и выказала почтительныхъ размѣровъ талью,—отецъ Филиппъ недовольно отвернулся. Жена ему показалась неряшлива, нахальна, некрасива.

— Ты все сидишь, Анюта, замѣтилъ онъ; а тебѣ полезно было бы прогуливаться въ твоемъ положеніи....

— Сонъ одолѣваетъ! Сама не знаю отчего, хочется спать да и только!

— И вотъ это все пора бы въ стирку давно! прибавилъ священникъ, оглядывая занавѣсы и салфетки на столахъ.

— Все, все отдамъ;—вотъ дай собраться,—все не соберусь; хочешь сдѣлать, что-нибудь да помѣшаетъ.... И такъ побудемъ;—слава Богу! не гостей ждать...

— Иванъ Николаевичъ, что же вы?.. наконецъ произнесла она, тронувши его за руку... Въ этомъ невольномъ возгласѣ жарко и томительно зазвучала мольба о защитѣ, о помощи, о спасеніи...

Но докторъ весь былъ погруженъ въ наблюденіе за пульсомъ и дыханіемъ больной... Замѣтилъ ли онъ всю агонію этой трепетной мольбы, видѣлъ ли онъ блѣдное лице Зины съ большими тоскливыми глазами прямо противъ его лица? О, еслибъ онъ все это видѣлъ, навѣрное не сказалъ бы такъ холодно:

— Извините меня, Зинаида Павловна; жизнь вашей матери въ опасности и времени терять нельзя!

Быть можетъ, онъ говорилъ съ ней такъ рѣзко совершенно безъ умысла, озабоченный критическимъ положеніемъ больной; быть можетъ, онъ и тѣни подозрѣнія не имѣлъ на нее, — но этотъ тонъ, эти неожиданныя слова какъ ножомъ полоснули сердце Зины; болѣзненная истома овладѣла всѣми ея членами; въ глазахъ стало мутно; губы совсѣмъ побѣлѣли и въ нѣмомъ страданіи этой минуты, она ясно увидѣла взгляды фельдшера и Нади, съ укоризною устремленные на нее. Обезсиленная этимъ послѣднимъ ударомъ, лишенная всякой опоры, она въ самомъ дѣлѣ имѣла видъ преступницы, терзаемой угрызеніями совѣсти. Стоя у двери и едва держась на ногахъ, она напрасно силилась отомкнуть дверную ручку; наконецъ фельдшеръ подошелъ, отворилъ ей дверь и она вышла изъ комнаты.

По счастію, организмъ ея, ослабленный недавней болѣзнью, не выдержалъ стольких потрясеній и дошедши до темной диванной, она упала на диванъ, безъ мысли, безъ сознанія, съ лихорадочной дрожью во всѣхъ членахъ и сильнымъ головокруженіемъ.

ГЛАВА V.

Много ли, мало ли прошло времени, никто не сказалъ объ этомъ, но когда Зина открыла глаза, ей показалось, что давно уже настала длинная и темная осенняя ночь; всѣ члены ея были разбиты, голова горѣла; въ ушахъ немолчно клокоталъ какой-то шумъ, словно ревущій прибой моря.

Вдругъ ей показалось, что сосѣдняя комната ярко освѣтилась. Она встала, подошла къ дверямъ и хотѣла заглянуть въ замочную скважину, но тихо раздвинулись передъ нею, сами собою, замкнутыя двери гостинной, и она увидала, что комната совсѣмъ пуста и освѣщается какимъ-то зловѣщимъ, красноватымъ свѣтомъ. Въ то же время ей почудилось, что пустое про-

странство было полно какими-то звуками, наводившими на нее трепетъ. Отовсюду, сбоку, сзади, сверху и снизу, какъ будто ревѣла толпа, еще отдаленная, но все приближающаяся... Зина, въ трепетѣ, закрыла глаза. Когда она открыла ихъ, то ясно увидала посреди комнаты Ахматова, окруженнаго всѣми домашними, всею прислугою, всѣми людьми бывшими во дворѣ.

Слышенъ былъ громкій говоръ между этими людьми и на лицахъ этихъ людей Зина читала угрозу и ужасъ. Но она не слыхала ничего, что они говорили. Какъ она ни напрягала свой слухъ и разсудокъ, чтобъ понять эти грозные крики,—смыслъ улетучивался, ускользалъ отъ нея. Въ мучительной скорби она устремила глаза на Ахматова и старалась уловить одинъ его голосъ, его слова. И вдругъ, какъ громовая труба архангела, прозвучалъ надъ ней этотъ голосъ:

Призовите священника совершить причастіе и присягу!

Тотчасъ послѣ этихъ словъ настала беззвучная, мрачная тишина, словно въ ожиданіи взрыва.. И точно послѣдовалъ взрывъ. Во всей этой толпѣ заходилъ гулъ, словно глухіе раскаты грома; — всѣ произносили ея имя, всѣ указывали съ угрозой на двери, которыя были за ней заперты... Раздался снова голосъ Ахматова, и на этотъ разъ слова его прозвучали ей какъ смертный приговоръ:—«Къ присягѣ Зинаиду Павловну»!

— «Какъ? Ее къ присягѣ, ее?.. Такъ ли она слышала и точно ли онъ сказалъ это»? Волосы у нее встали дыбомъ, она не вспомнила себя отъ ужаса... Съ рѣшимостью отчаянія, холодная и блѣдная, она вдругъ распахнула двери и бросилась среди этого народа, и голосъ ея раздался какъ надорванная струна:

— Дайте доказательства, что это сдѣлала я? Я этого не дѣлала, не дѣлала, не дѣлала! Я не хочу, чтобъ меня подозрѣвали!.. Я убью всякаго, кто будетъ меня подозрѣвать! Это низко, подло, безчестно, обвинять невиннаго человѣка!

И когда толпа отступила, убѣжденная или устрашенная ея горячимъ протестомъ, одинъ человѣкъ остался посреди комнаты и насмѣшливо улыбался. Это былъ Ахматовъ.

— Пойдемте отсюда! невинно сказала ему Надя, взявъ его подъ руку.

Но тутъ Зина снова бросилась къ нему, рыдая, обнимая его колѣна, съ мольбою не обвинять ее заранѣе.

— Я ненавидѣла свою мать, говорила она трепеща всѣмъ тѣломъ: — но неужели вы считаете меня способною на такой ужасъ, на такое преступленіе? Иванъ Николаевичъ, сжальтесь, скажите хоть слово въ мою защиту!.. Вѣдь вы знаете, что я не-

раздёвкой и ходила... А глаза, Мареа, у меня черные, посмотри, вѣдь черные?

— Черные, черные!

— Вѣдь это хорошо, когда глаза черные, а сама бѣлая,—а?

— Хорошо!

— И ростомъ я взяла! Вѣдь я выше нашей дьяконицы?

— Выше, не въ примѣръ выше! отвѣтила та, уже отворяя дверь.

— А носъ, Мареа, посмотри-ка, нехорошъ? кричала попадья ей вслѣдъ.

— Да, да! раздалось уже на дворѣ.

ГЛАВА IX.

Отецъ Филиппъ, вошедши въ богадѣльню, безъ шуму раздѣлся и вошелъ въ чистую горницу. Караульный Василій Лаврентьевъ, онъ же и свѣчной староста, растоплялъ желѣзную печку. Веселый трескъ сухихъ дровъ и разгорѣвшееся ихъ пламя наполняли пріятнымъ гуломъ и свѣтомъ просторную избу. Старуха мыла деревянную посуду за перегородкой; Дуняша сучила нитки на самопрялкѣ, вся поглощенная этой работой. При входѣ священника всѣ тотчасъ же оставили свои занятія и подошли подъ благословеніе. Дуняша проскользнула также между стариками и, отдавъ украдкой свой поцѣлуй, забилась по обыкновенію въ уголъ, но безъ всякой робости, въ видимомъ волненіи и тревогѣ. Но эта тревога и волненіе внушены были очевидно не ужасомъ и не страхомъ...

Василій Лаврентьевъ засуетился зажечь скорѣе огонь, и дрожащими отъ старости руками вставилъ длинную лучину въ свѣтецъ. Отецъ Филиппъ сѣлъ на лавку, на свое обычное мѣсто, и расправилъ рукою свои, еще не успѣвшіе отрости, волосы, живописными прядями набѣгавшіе ему на глаза.

— Завтра обѣдня начнется раньше обыкновеннаго, обратился онъ къ караульному:—будетъ проповѣдь и молебенъ! Что, ты получилъ свѣчи, привезенныя намедни изъ города?

— Какже, батюшка, получилъ! Вздорожали-то какъ, слышали? Я ихъ и здѣсь хочу подороже пустить, постомъ-то! а то ужъ оченно малъ сборъ, такъ малъ, такъ малъ, что ужъ надо меньше, да некуда!

Наступило молчаніе. Караульный сѣлъ свѣтить лучину; отецъ Филиппъ всталъ и началъ ходить по избѣ въ задумчивости. Въ

углу, на столикѣ, съ потушенной восковой свѣчкой, стоялъ образъ, лежалъ крестъ, евангеліе и еще церковныя книги, большія, старыя, съ мѣдными застежками. Тутъ отецъ Филиппъ совершалъ свои молитвы, экзаменовалъ Дуняшу и исповѣдывалъ народъ.

Онъ сѣлъ на стулъ у столика и осмотрѣлся кругомъ, ища кого-то глазами.

— Дуня, поди сюда! позвалъ онъ.

Дѣвочка неслышно и робко явилась на призывъ.

— Читала ли ты нынче молитвы, какія я тебѣ совѣтовалъ читать по утрамъ?

Дуняша молчала. Большіе глаза ея пристально и неуклонно смотрѣли на священника; выраженіе ихъ было безпокойно, озабоченно, но рѣшительно.

— Говори правду, дочь моя; ничто такъ не оскверняетъ и не губитъ нашу душу, какъ ложь и лицемѣріе. Вспомни притчу о фарисеѣ и мытарѣ... Ну, что же ты не отвѣчаешь мнѣ?

— Нѣтъ, внятно проговорила Дуняша.

— Ты не читала молитвъ? Отчего же? Ты была занята чѣмъ-нибудь? доспрашивался отецъ Филиппъ, стараясь смягчить строгость своей рѣчи и голоса:—ты вѣрно заработалась или пробѣгала гдѣ-нибудь или не хотѣла молиться?

Дуняша молчала. Священникъ молча приблизилъ ее къ себѣ и устремилъ большіе глаза свои на ея взволнованное и испуганное лицо.

— Открой мнѣ твою душу, проговорилъ онъ съ отеческимъ участіемъ.. Ты что-то скрываешь отъ меня... Что съ тобой?

Невыразимая тревога отразилась на опущенномъ лицѣ Дуняши. Со дна души ея поднялись слезы и приступили къ глазамъ.

— Я боюсь... молиться! выговорила она наконецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Боишься? чего же?

— Когда я стану съ зажженной свѣчкой... у образа, начала Дуняша, устремивъ глаза въ пространство и съ тоскливымъ трепетомъ въ голосѣ:—я вижу... вижу... Она никакъ не могла выговорить: я все вижу гр...гробъ, и въ гробу—Марью Петровну... Она говорила такъ тихо, что отецъ Филиппъ, жадно наклонившись къ ней, едва могъ уловить звукъ ея словъ. Онъ молча приподнялъ ея блѣдное лицо и заставилъ взглянуть себѣ прямо въ глаза. Спокойствіе и доброта его взгляда ободрили ее.

— Глупая дѣвочка! Вѣдь я уже тебѣ сказалъ, чтобъ ты объ этомъ больше не думала..! Я знаю твою душу: ты раскаялась

передъ Богомъ, была на исповѣди и у св. причастія, и я, какъ священникъ и твой духовникъ, разрѣшилъ тебя отъ твоего грѣха... Что же ты продолжаешь отчаяваться?.. Помни, что я, какъ твой духовный отецъ, обязанъ молиться и молюсь за тебя, а молитва священника много значитъ...

Онъ остановился невольно, встрѣтивъ ея взглядъ при этихъ словахъ. Большіе глаза Дуняши, устремленные на него съ выраженіемъ неописаннаго восторга, лучились, искрились свѣтомъ.

— Я знаю, знаю! выговорила она, съ совершенно свѣтлымъ лицомъ; и хотѣла еще что-то прибавить, но замолкла.

Отецъ Филиппъ съ невольнымъ любопытствомъ наклонился къ ней:

— Говори; что ты хотѣла еще сказать? Не бойся, продолжай!

Она подняла на него глаза.

— Какъ вы входите въ комнату, заговорила она серьезно и тихо,—такъ мнѣ сейчасъ же дѣлается легче, и если мнѣ чуть что-нибудь покажется въ глазахъ, — то я только дотронусь до вашей рясы и все пройдетъ!

Онъ видѣлъ, что ея мистически-направленное воображеніе усматриваетъ въ его особѣ, рясѣ, во всемъ что до него касалось, какую-то особенную духовность и святость.

Онъ долго и задумчиво молчалъ.

— Не надо думать о простыхъ людяхъ, что они святые! назидательно сказалъ онъ наконецъ.

— И теперь есть они! загадочно вымолвила Дуняша; такіе точно, какіе описываются въ четьи-минеи... и чудеса могутъ творить, и исцѣлять... все могутъ!..

Въ эту минуту маленькое окно избушки дрогнуло подъ натискомъ чьей-то неосторожной руки. Это была Мареа, съ любопытствомъ заглядывавшая со двора и зоркимъ глазомъ старавшаяся проникнуть во всѣ закоулки.

— Кто тамъ стучитъ? окликнула Ивановна.

— Это тебѣ видно пригрезилось, замѣтилъ караульный, глухой на оба уха.

Отецъ Филиппъ подошелъ къ окну, прислушался, но ни одинъ звукъ не нарушилъ тишины.

Испуганная Мареа покатилась съ завалины отъ окна и встала на ноги шагахъ въ десяти. Огонь кумовой избы свѣтилъ такъ привѣтно на другомъ концѣ улицы, что Мареа, вмѣсто дома, украдкой завернула туда. Въ эту минуту, по хрупкому снѣгу завизжали полозья и сани остановились у богадѣльни. Это были Зина и Варвара Ивановна, пріѣхавшія навѣстить Дуняшу. Лу-

чина совсѣмъ погасала, когда онѣ вошли въ избу. Отецъ Филиппъ, среди господствующаго мрака, старался разглядѣть пріѣхавшихъ. Наконецъ онъ узналъ ихъ. Лицо молодого священника сдѣлалось еще серьезнѣе и горделивѣе прежняго: онъ былъ одѣтъ въ будничное полукафтанье и никакъ не хотѣлъ показать виду, что этимъ смущенъ.

Пока Варвара Ивановна раздѣвалась и здоровалась съ Дуняшей, Зина сѣла на скамьѣ у самой лучины. Отецъ Филиппъ украдкой наблюдалъ за нею. Онъ съ женою уже, разумѣется, слышалъ всю исторію отравленія Марьи Петровны и ея подозрѣній на дочь. Священникъ видалъ ихъ только въ церкви и теперь положительно не узнавалъ Зины. Она сидѣла неподвижно, вперивъ печальные глаза на яркое пламя лучины, передъ ней горѣвшей. Черное шерстяное платье съ высокимъ бѣлымъ воротникомъ, широкими недвижными складками лежало вокругъ нея; руки были сложены на колѣняхъ; волосы спускались на глаза. Нельзя было смотрѣть равнодушно на это молодое, исхудалое, покорное судьбѣ лицо, отъ котораго, казалось, отлетѣли всѣ радости, вся полнота жизни.

— А я все стараюсь развлекать мою Зинаиду Павловну, говорила Варвара Ивановна, подходя къ нимъ, насилу вытащила! А то все сидитъ, забьется въ уголъ и сидитъ!

Она совершенно завладѣла разговоромъ и тутъ же объявила о желаніи ихъ говѣть на будущей недѣлѣ; условились о времени службы, о присылкѣ лошадей за священникомъ.

Но вотъ у дверей послышался шумъ и всѣ повернули голову въ ту сторону. Вошелъ дьячекъ и отозвалъ священника:

— Пришла исповѣдаться... дѣвушка, знаете, Наташка, шепталъ онъ громкимъ шопотомъ и ухмыляясь. Проситъ исповѣдывать одну; при народѣ не хочетъ, стыдно!

— Мы сейчасъ, сейчасъ батюшка, уѣдемъ! вступилась подходя Варвара Ивановна—мнѣ за Зинаиду Павловну достанется, коли мамаша узнаютъ, что Наташка при ней пришла?

Отецъ Филиппъ стоялъ и явно показывалъ видъ, что не хочетъ говорить объ этихъ дѣлахъ въ присутствіи молодой дѣвушки.

Наташа, молодая, исхудавшая дѣвушка, съ печальнымъ и убитымъ видомъ стояла у двери, не поднимая глазъ. Подошла тетка и толкнула ее подъ бокъ.

— Кланяйся, свинья, въ ноги! Что стоишь?

Наташа рванулась съ мѣста и почти буквально исполнила приказаніе.

— Прощайте, Зинаида Павловна, заговорилъ отецъ Филиппъ,

стыдливо-сурово оглядѣвшій Наташу и съ умиленіемъ, нѣжностью и почтеніемъ перенесшій глаза свои на Зину, олицетворявшую для нихъ всѣхъ въ эту минуту идеалъ добродѣтели.

— Зинаида Павловна, скорѣе отсюда, матушка! озабоченно торопила ее и Варвара Ивановна.

Приготовленія къ исповѣди начинались. Зажгли свѣчку передъ образомъ; дьячокъ принесъ требникъ.

— Хорошенько, батюшка, ее паскудную! слышался голосъ Наташиной матери:—эпитимью на нее наложите! Молись, скверная, кайся!

— Удалитесь вы всѣ отсюда! сказалъ священникъ, кончивъ приготовленія.

«Бѣдняжка!» подумала Зина садясь въ сани и вспомнивъ до малѣйшихъ подробностей фигуру Наташи — ея согбенную спину, впалыя щеки, понуренную голову, некрасивыя, темныя пятна на лицѣ...

ГЛАВА X.

Мареа, возвращаясь отъ кума, разумѣется, увидала ихъ отъѣздъ и бросилась бѣгомъ домой, чтобъ все пересказать попадьѣ. Та, испуганная съ просонковъ вѣстями, что къ батюшкѣ ѣздятъ снѣжинскіе господа, начала плакать и причитать какъ по мертвомъ.

Отецъ Филиппъ, возвратившись домой, такъ и попятился назадъ отъ ужаса. Онъ думалъ, что вѣроятно, или получены какія-нибудь дурныя вѣсти отъ отца, или жена выкидываетъ! Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ настоящую причину. Онъ просто не вѣрилъ своимъ ушамъ. Ему болѣе ничего не оставалось, какъ плюнуть и лечь спать въ молчаніи. Былъ канунъ воскресенья. Жена лежала одна на своей кровати. Отецъ Филиппъ зналъ, что она не спала. Среди ночи онъ всталъ, зажегъ свѣчу передъ образомъ и началъ молиться.

Онъ зналъ суевѣріе своей жены и важность, какую она приписывала его священническому сану. Молитвы его всѣ были выбраны на тему власти, данной ему свыше разрѣшать и связывать грѣхи. Аннѣ Васильевнѣ показалось, хотя онъ не произносилъ ничьего имени, что онъ молится о томъ,—чтобы Господь не простилъ ей грѣха ея, ни въ этомъ, ни въ будущемъ мірѣ. Она пришла въ такой страхъ, что тутъ же бросилась съ постели и начала просить у него прощенья. Онъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, что и не думалъ на нее сердиться,

а проситъ оставить его въ покоѣ совершать предписанныя ему религіей молитвы. Онъ имѣлъ при этомъ видъ такого святого мученика и жертвы, что Анна Васильевна прониклась до глубины души своей виной и постаралась выставить вмѣсто себя, на жертву его заклятій, Мароу.

— Это все она, она мнѣ шушукаетъ, а я и не думаю тебя ревновать! ей-богу, я даже и въ мысляхъ никогда не имѣла, а это все она!

— Богу открыты сердца и тайныя помышленія человѣческія; былъ отвѣтъ: не мнѣ грѣшному судить или карать васъ!

Попадья при этихъ словахъ залилась слезами.

— Филиппъ Сергѣичъ, я образъ сниму, что я невиновата.

— Это твое дѣло; не мѣшай мнѣ молиться!

Онъ всталъ со стула и началъ снова читать и класть земные поклоны передъ образомъ.

Она въ недоумѣніи легла на постель, стараясь прислушаться къ его молитвамъ и истолковать ихъ въ свою пользу. Результатомъ этой ночи было однако то, что Анна Васильевна въ другой разъ рѣшилась быть осторожнѣе съ мужемъ...

Между тѣмъ, говѣнье началось своимъ чередомъ. Священникъ съ причтомъ аккуратно пріѣзжалъ два раза въ день къ Снѣжинымъ, каждый разъ напутствуемый наставленіями жены, чтобъ онъ не очень-то потакивалъ господамъ, а бралъ бы съ нихъ за службу, что слѣдуетъ. Но вопроса о деньгахъ какъ-то не поднималось въ домѣ у Снѣжиныхъ. Приходили говѣльщики и съ шумомъ разстанавливались въ просторной передней и залѣ. Варвара Ивановна сидѣла съ священникомъ въ гостинной, занимая его разговоромъ, правда, очень короткимъ, потому что онъ всегда спѣшилъ начать службу, чтобъ поскорѣе отдѣлаться. Зажигались свѣчи; устанавливались дьячки у стола съ толстыми книгами, священникъ надѣвалъ ризу и служба начиналась. Слышалась безмолвная толкотня устанавливавшагося народа, шуршанье ногъ, полушубковъ, земные поклоны, монотонное чтеніе дьячка. При первыхъ звукахъ, неслышно выдвигалась впередъ и Зина, въ своемъ черномъ, шерстяномъ платьѣ, въ бѣломъ пуховомъ платкѣ, скрещенномъ на груди, и безразлично устремивъ взоры въ пространство, серьезная и печальная, какъ монахиня, стояла слегка прислоняясь къ стѣнѣ. Возлѣ нея помѣщалась Дуняша съ своимъ недѣтскимъ лицомъ и съ загадочнымъ выраженіемъ радости на этомъ лицѣ. Обернувшись къ образу, отдѣленный отъ всѣхъ остальныхъ, и погруженный, повидимому, въ чтеніе молитвъ, стоялъ отецъ Филиппъ, въ длинной, черной рясѣ, стройно его облекавшей, и съ благоговѣйно наклоненной

головой, увѣнчанной волнами темныхъ волосъ. Потомъ начиналось пѣніе, земные поклоны, шумные вздохи и кресты. Когда отецъ Филиппъ оборачивался къ народу, онъ всегда имѣлъ привычку обводить собраніе медленнымъ взоромъ, — и при этомъ, неподвижность Зины удивляла его. Онъ не видѣлъ ни разу, чтобъ она молилась, клала земные поклоны и т. п.; какая-то дума, унылая и печальная, мрачила постоянно ея лицо, будто окутанное холоднымъ осеннимъ туманомъ... Иногда глаза ея нежданно наполнялись слезами, и тогда она опускала свою неподвижную голову, или медленно и неслышно выходила въ другую комнату и прислонившись къ замерзшему окну, оставалась такой же одинокой, печальной и унылой, какъ и среди толпы.

Кончалась служба; подавали чай; въ дѣвичьей происходила веселая суета, прислуга была внѣ себя отъ радости, что дождалась наконецъ такого разнообразія въ своей заключенной жизни. Сосѣдніе дворовые обыкновенно приглашались на чай, потомъ множество ребятишекъ удивительно оживляли общество своимъ страхомъ исповѣди, священника, эпитимьи и т. п. Въ гостинной тоже происходило чаепитіе и бесѣда за самоваромъ, за которымъ предсѣдательствовала Варвара Ивановна, а Зина сидѣла, слушая разговоръ и изрѣдка отвѣчая на вопросы. Но проходили дни, и съ каждымъ днемъ отвѣты ея все становились рѣже и рѣже, лицо все блѣднѣе и блѣднѣе.

Отецъ Филиппъ, наблюдательный отъ природы, не могъ не замѣтить того, что съ ней происходило. Онъ часто думалъ о причинѣ. Онъ мало-по-малу пришелъ къ заключенію, что, вѣроятно, какой-нибудь тяжкій грѣхъ лежитъ на ея совѣсти; быть можетъ, исторія отравленія была приписана Дуняшѣ только для отвода; быть можетъ, и даже несомнѣнно, что Зинаида Павловна играла тутъ какую-нибудь роль. Какъ новичекъ въ своемъ званіи, онъ многое еще считалъ своей обязанностью, — и входилъ душою въ эти обязанности: руководить, наставлять своихъ прихожанъ, облегчать по возможности ихъ горести, грѣхи и заблужденія, — казалось ему непремѣннымъ долгомъ священника и христіанина.

Но въ данномъ случаѣ, интересъ былъ возбужденъ даже помимо всѣхъ этихъ соображеній: субъектъ былъ молодая дѣвушка, барышня, образованная, привлекательная, красивая, и къ усердію молодого священника естественно примѣшивалось чувство человѣка, никогда еще не бывшаго въ подобномъ исключительномъ положеніи.

Онъ еще болѣе сталъ заниматься своей наружностью, приданіемъ своей особѣ той святой недоступности и строгости, ка-

кою онъ производилъ впечатлѣніе на многихъ... Онъ совсѣмъ измѣнился въ своемъ домашнемъ быту; сталъ всѣмъ доволенъ, съ женою ласковъ; скучающее выраженіе съ его лица исчезло: на немъ появился живой румянецъ, давно уже было его оставившій; большіе глаза лучились подъ рѣсницами и выраженіе ихъ было не задумчиво, не туманно, — но ясно, сосредоточено и напряженно-обдуманно.

— О чемъ это ты все думаешь? спрашивала его подозрительно жена.

Священникъ, застигнутый врасплохъ, не вдругъ отвѣчалъ, а только хмурилъ брови, представляясь сильно озабоченнымъ.

Она думала, что его вѣроятно тревожатъ неудачи по хозяйству, которое, какъ всегда на первыхъ порахъ, шло какъ немазанное колесо. Но разъ, когда она ему сообщила несчастье, случившееся съ коровой, выкинувшей по случаю паденія въ недоконченный погребъ, онъ, въ это время, собирался къ Снѣжинымъ и мылъ руки у таза—она съ негодованіемъ увидѣла, что онъ смѣется.

— Филиппъ Сергѣичъ, аль не слышишь, какое у насъ несчастье? крикнула она.

— Слышу, слышу! Да что же дѣлать? Объ нажитомъ грѣхъ тужить; — Богъ далъ, Богъ и взялъ!

Услышавъ такую сентенцію, Анна Васильевна не знала какъ на него смотрѣть и за кого его счесть: за святого ли или за полоумнаго?

ГЛАВА XI.

Какъ мрачно-томительно и однообразно шло, между тѣмъ, время въ домѣ у Снѣжиныхъ!.. Зина, вставши по утру, ходила по всѣмъ комнатамъ, безъ занятія, безъ интереса, какъ автоматъ. Варвара Ивановна уходила по хозяйству съ ранняго утра; дѣвушки исчезали вслѣдъ за нею; слѣдовательно, тишина въ домѣ была мертвая. Только стукъ маятника въ гостинной да монотонное скребленіе мышей подъ полами нарушали безмолвіе. Въ глухой часъ сумерекъ, Зина поднималась наверхъ: распростертая на полу Дуняша у образа поражала ея взоры... Она медленно затворяла дверь, становилась къ окну и все думала, думала, думала...

Религіозные обряды ее не трогали; въ церкви она стояла какъ статуя, несмотря ни на кого и увѣренная въ своемъ ослѣпленіи, что она никому не нужна, никто ее не любитъ, не видитъ и не замѣчаетъ.

Была пятница. Народъ только-что вывалилъ изъ церкви и спѣшилъ по домамъ, пообѣдать, сходить въ баню, приготовить деньги. Сегодня должна была быть исповѣдь; говѣнье приходило къ концу.

Въ домѣ у Снѣжиныхъ тоже происходила суета: съ утра топилась баня; двери сѣней безпрестанно хлопали, впуская говѣльщиковъ; въ сѣняхъ кипѣли два самовара; пріѣхалъ наконецъ и священникъ. Онъ пріѣхалъ совсѣмъ одинъ, безъ дьякона и безъ дьячковъ, сказавъ, что самъ станетъ читать правила и всѣ молитвы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ тотчасъ же началъ служить вечерню, очень короткую въ этотъ день, и всѣ клали вдвое болѣе земныхъ поклоновъ и крестовъ, при мысли о предстоящей исповѣди и подъ вліяніемъ службы священника, который съ намѣреніемъ придавалъ своему голосу выразительность и паѳосъ, производившіе впечатлѣніе на народъ. Наконецъ, склонивъ свою юную голову въ благоговѣйномъ молчаніи и пробывъ такъ нѣсколько времени у образа,—онъ обернулся къ народу и скрестивъ руки на груди, съ опущенными глазами, сдѣлалъ всѣмъ низкій поклонъ. Вечерня кончилась; онъ снималъ ризу.

— Исповѣдь начнется черезъ два часа! сказалъ онъ, и народъ, проникнутый благоговѣніемъ, повалилъ изъ залы.

Совсѣмъ стемнѣло; Зина, въ бѣломъ платкѣ, съ распущенными, еще влажными волосами, рисовалась какимъ-то видѣньемъ на тускломъ фонѣ комнаты, намѣреваясь зажечь свѣчу и заговорить съ священникомъ. Варвара Ивановна хлопотала въ гостинной и дѣвичьей около самоваровъ, которые еще не успѣли вскипѣть. Вдругъ отецъ Филиппъ самъ подошелъ къ Зинѣ. Она увидѣла, что онъ былъ блѣденъ, но лицо его было не строго; какое-то святое чувство состраданія и сочувствія будто вырѣзалось на немъ.

— Зинаида Павловна, сказалъ онъ; мы приготовляемся къ великому таинству.

Она отшатнулась отъ него; подняла на него глаза. Его взоръ, серьезный, глубокій какъ у миссіонера, покоился на ней безъ страха и колебанья.

— Ваша душа страдаетъ,—я вижу и знаю давно. Неужели вы считаете молитву безсильнымъ средствомъ въ человѣческихъ горестяхъ и печаляхъ?

Она не сводила съ него глазъ; ей казалось, что она видитъ его въ первый разъ.

— Вы не молились, Зинаида Павловна; вы стояли молча и неподвижно все время.... Неужели вы думаете, что я не скорбѣлъ

душою, видя какъ вы страдали, плакали, тщетно ища облегченія и не находя его...

— Вы видѣли? спросила Зина, съ усиліемъ удерживаясь отъ слезъ;—такъ, стало быть, вы думали, вы жалѣли обо мнѣ?...

— Да! отвѣтилъ онъ съ добротою. Зинаида Павловна, прибавилъ онъ какимъ-то страннымъ, проникающимъ тономъ:—вы думаете, что священнику только и нужно совершить надъ вами обряды исповѣди и причастія, — а остальное не касается до него;—но я считаю иначе: я считаю своимъ долгомъ отыскивать больныхъ и несчастныхъ, и, по возможности, помогать имъ; вотъ почему я не могъ оставить васъ въ покоѣ... и рѣшился придти къ вамъ первый... договорилъ онъ съ возрастающимъ волненіемъ, которое онъ напрасно старался преодолѣть...

Она стояла съ глазами полными слезъ, застигнутая въ расплохъ, растроганная, потерянная, въ трепетѣ и недоумѣніи...

— Я ни о чемъ не думала, ни о чемъ не молилась, и ничего не искала... вы правы! вымолвила она.

Онъ поглядѣлъ на нее снова съ невыразимымъ состраданіемъ и добротою, которыя, словно лучи, выливались изъ его глазъ въ ея измученное, тоскующее сердце.

— А я за васъ искалъ, молился и просилъ!.. тихимъ голосомъ отвѣтилъ онъ ей. Зинаида Павловна, поищите утѣшенія въ исповѣди;—приготовьтесь облегчить вашу душу передо мной, — вашимъ духовнымъ отцомъ...

— Не теперь, не теперь!.. вдругъ вскричала Зина въ волненіи... Я не готова, я не могу!.. Но я этого хочу;—я благодарю васъ... Я знаю, вы можете... вы можете!.. Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами... завтра, завтра!..

Слова срывались безъ связи съ ея трепещущихъ губъ; грудь поднималась; въ большихъ глазахъ сіяли слезы; щеки горѣли. Сочувствіе, искреннее, нежданное сочувствіе,—это такая рѣдкая и всемогущая вещь, передъ которой едва ли устоитъ самое горькое человѣческое отчаянье! Мракъ передъ нею исчезъ,—словно огниво извлекло, изъ кремня, миріаду божественныхъ искръ, которыя освѣтили, согрѣли, зажгли погасшій свѣточъ ея существованья. Взволнованная, она не спала всю ночь, изслѣдуя свою совѣсть, твердо рѣшившись открыть ему всю свою душу и къ утру встала блѣдная и возбужденная въ высшей степени.

Началась служба. Священникъ зажигаетъ свѣчу передъ образомъ, надѣваетъ ризу и осѣняетъ крестомъ грудь, таившую столько человѣческихъ страстей, земныхъ волненій, сомнѣній. Всѣ молятся. Кончилась служба.

Зала пустѣетъ; народъ выходитъ, затворяются двери. Варвара

Ивановна первая идетъ исповѣдываться въ своемъ новомъ платьѣ, съ озабоченной физіономіей, гремя деньгами въ карманѣ. Неизвѣстно, что думаетъ Дуняша, уткнувшись головою въ уголъ, а сердце у Зины трепещетъ такъ стремительно, и такъ больно, больно...

Является назадъ Варвара Ивановна, красная, сіяющая, самодовольная.

— Сказали, что строгъ,—совсѣмъ не строгъ! говоритъ она впопыхахъ, оставивъ дверь полуотворенною...

Священникъ находится въ ожиданіи въ углу залы; ему все слышно и видно: и прерывистый шопотъ, и борьба, и всеобщее смятеніе... Онъ самъ начинаетъ становиться неспокойнымъ.

Но вотъ дверь отворяется, старательно затворяется снова, и быстрыми, неслышными шагами подходитъ и становится рядомъ съ нимъ граціозная и нѣсколько трепещущая дѣвушка, въ черномъ платьѣ, во всемъ блескѣ молодости, красоты и невинности. Съ минуту онъ потерялъ свое самообладаніе: она тоже смутилась, ставъ рядомъ съ нимъ.

Но это смущеніе промелькнуло какъ молнія: она тотчасъ же почувствовала его власть и превосходство надъ собою, когда услышала его строгій голосъ:

— Сдѣлайте поклонъ въ землю.

Потомъ онъ остановился съ опущенной головой, перебирая листы требника и исповѣдь началась....

— Не имѣете ли еще грѣховъ на совѣсти, спросилъ отецъ Филиппъ, кончая исповѣдь.

Она покачала головой. Грудь ея тяжело подымалась.

— Исповѣдь кончена. Молитесь Богу.

Онъ поднялъ къ верху свои прекрасныя глаза.

— Помолимся. Становитесь на колѣни.

Черезъ минуту, Зина, не помня себя, вышла въ другую комнату. Она была счастлива, счастлива какимъ-то особеннымъ, свѣтлымъ счастьемъ, а онъ былъ потрясенъ, до основанія, глубокимъ, незнакомымъ ему доселѣ чувствомъ,—чувствомъ оказаннаго добра нуждавшемуся въ немъ ближнему... Это чувство исторгало его совершенно изъ узкихъ предѣловъ его обыденныхъ мыслей и будничныхъ интересовъ, оно его возвышало, укрѣпляло, заставляло испытывать цѣлый рядъ сильныхъ, освѣжающихъ впечатлѣній...

ГЛАВА XI.

Отецъ Филиппъ, въ отличномъ расположеніи духа, возвращался изъ церкви домой. Въ церкви было очень холодно; онъ озябъ, усталъ и былъ бы чрезвычайно радъ выпить теперь стаканъ горячаго чаю. Но разочарованіе его было полное: на столѣ даже не было признака самовара и изъ кухни долетала только ругань его жены съ Мароой.

— Лежебочка!... Дармоѣдка! Руки что ли у тебя отсохли? Не могла ты до сихъ поръ свиней напоить? кричала Анна Васильевна.

— Мнѣ не растянуться на всѣхъ! Ты видѣла, я что̀ дѣлала-то?

— Ничего ты не дѣлала, свинья этакая!

— А ты кто?

— Ахъ, ты грубіянка, невѣжа! Ты какъ смѣешь мнѣ этакія слова говорить?... Да я тебѣ рожу разобью!..

— Попробуй, подойди! Про тебя что́ говорятъ-то?

— Что́ про меня говорятъ? Что́?

— А про меня никто слова не скажетъ! Изойди весь бѣлый свѣтъ!

Тутъ священникъ появился въ дверяхъ и точно обдалъ ихъ холодной водой.

— Долго ли я буду ждать? нетерпѣливо сказалъ онъ. Мароа! самоваръ готовъ?

— Филиппъ Сергѣевичъ, перебила жена, вся красная и изступленная подступая къ нему: нѣтъ больше моей мочи! чтобъ этой твари духу же нынче не было!

— Скорѣе, Мароа, скорѣе ты съ самоваромъ! говорилъ отецъ Филиппъ, не слушая жены.

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка, сію минуту!

— А ты, Анюта, пойдемъ-ка, пойдемъ! продолжалъ онъ тихонько проталкивая ее въ дверь.

Они вошли въ комнату.

— Нѣтъ больше моей мочи! причитывала жена, падая на постель; — я и самоваръ поставь, я и за скотиной присмотри, я и куръ накорми, я и бѣлье почини, я и кушанье изготовь!

— Что ты, что ты? говорилъ мужъ въ изумленіи, зная, что жена большею частью спала и ни къ чему не притрогивалась.

— Ну да! все я... А то у тебя было бы что-нибудь безъ меня. Безъ хлѣба бы насидѣлся! Ну, до сихъ поръ я все терпѣла, все дѣлала, — теперь же, воля твоя, не могу! Я лучше

къ папашѣ уѣду! Мнѣ нуженъ покой! Я за одно безпокойство съ тебя, Богъ знаетъ, чего не возьму! Что-нибудь одно: или выгони Мареу, или отпусти меня къ папашѣ!

— Да не ты ли же мнѣ говорила, что Мареа — просто золото? Не ты ли съ ней шушукала по цѣлымъ днямъ? съ ироніей возразилъ мужъ.

Анна Васильевна побагровѣла отъ злости.

— А! такъ вотъ куда дѣло пошло? Ты меня упрекать? Такъ слушай же: ты самъ-то кто? Развѣ я не вижу, не знаю?.. слѣпая что ли я?.. Несчастная моя головушка! вдругъ вскричала она, катаясь по постели: за кого я вышла? за нищаго, за злодѣя, измѣнщика! А сама я и богата, и собой хороша, и поведенія я какого скромнаго!...

Отецъ Филиппъ не дослушалъ; онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Анна Васильевна тотчасъ же прекратила свои жалобы, шмыгнула съ постели и отправилась подслушивать у дверей кухни. Но за толстой дверью ничего не было слышно. Она отворила ее и томно остановилась, прислонясь къ притолкѣ.

Мареа, въ порывѣ усердія, голыми руками накладывала горячія уголья въ самоваръ и заискивающимъ голосомъ передавала свои жалобы на попадью:

— Батюшка; я всей душой! Да ужъ очненно онѣ обидчицы! Не стерпишь, право слово, не стерпишь....

— О-о охъ, охъ, охъ! стонала, между тѣмъ, у двери, попадья.

— А ты ужъ неси, неси! строгимъ голосомъ прервалъ отецъ Филиппъ болтовню Мареы, и выпроводилъ ее вонъ съ самоваромъ.

— Охъ, какъ мнѣ что-то дурно! остановила мужа Анна Васильевна: — какъ бы случая какого не вышло! Отъ разстройства, отъ одного, отъ этого.... околѣешь, ей Богу, околѣешь!

— Пойдемъ пить чай! спокойно отвѣтилъ ей на это мужъ.

Черезъ полчаса, миръ и тишина водворились за чайнымъ столомъ. Анна Васильевна, подъ шумокъ самовара, распивая чай въ прикуску, забыла обо всѣхъ своихъ горестяхъ. По временамъ, она складывала руки и въ апатическомъ покоѣ устремляла взоры въ пространство. Она и не помышляла о мужѣ, сидящемъ напротивъ нея; хорошо ли, весело ли ему было въ ея обществѣ, и совершенно имѣла такой видъ, какъ будто была одна. Она такъ привыкла къ нему, что его присутствіе не прибавляло уже болѣе никакого новаго элемента къ суммѣ ея ощущеній. Въ его особѣ она уже начинала видѣть только лицо законнаго мужа, — т.-е., нѣчто въ родѣ машины,

отъ которой получается извѣстная доля матеріальныхъ средствъ и удовлетвореній, необходимыхъ для благосостоянія и комфорта существа, носящаго названіе супруги и матери. Она безъ устали хотѣла пускать въ ходъ только эти машинныя свойства мужа, забывая, что онъ человѣкъ, и можетъ быть, во время этихъ машинныхъ дѣйствій, томимъ нравственнымъ голодомъ и жаждой. Малѣйшее проявленіе человѣческихъ свойствъ въ этой импровизированной машинѣ уже возмущало и выводило ее изъ себя. Она была похожа на то животное, которое подрывало корни дуба, ища желудей. Онѣ обѣ, т.-е. и животное басни, и супруга, были бы равно изумлены, — первая, еслибъ на нее свалился дубъ и раздавилъ бы ее своимъ паденіемъ, — вторая, — еслибъ мужъ ея спился, зарѣзался или сошелъ съума.

Отецъ Филиппъ смотрѣлъ на нее недремлющимъ, наблюдательнымъ окомъ. Его чрезвычайно занимали открытыя и ясныя для него чувства его жены. Его теорія брака была совсѣмъ иного свойства. Для него, напротивъ, жена была женщина, съ которой онъ жилъ, для которой трудился, съ которой совѣтовался, пріобрѣталъ. Только съ этой приправой супружескія отношенія имѣли для него цѣну и вѣсъ. Онъ желалъ бы видѣть въ женѣ добрую, честную женщину, которая бы всегда довѣрчиво и дружески къ нему относилась и обращала бы хоть какое-нибудь вниманіе на его собственныя, личныя желанія и интересы. И точно, давно ли его Анюта держала себя такъ, именно такъ? Полгода тому назадъ, переѣзжая сюда, могъ ли онъ сказать, чтобъ она была такъ эгоистична, холодна, равнодушно-спокойна? Видѣлъ ли онъ прежде такой вялый взглядъ въ своемъ присутствіи? Замѣчалъ ли онъ это холодное безучастіе къ его скукѣ, къ его расположенію духа? Конечно, страсть могла остыть, — но какъ же измѣниться до такой степени? Или она не знаетъ, что она страшно проигрываетъ отъ этой небрежности и распущенности душевной и тѣлесной? Вѣдь она была недурна, находчива, по-своему весела прежде? Что же съ нею теперь сдѣлалось? Ее узнать нельзя! Можетъ быть это отъ беременности? Но беременность ее мало измѣнила: ея черты, ея обликъ остались все тѣ же? Что же, что же это такое? Отчего она такъ внезапно перемѣнилась на его глаза?

Вдругъ румянецъ покрылъ его молодыя щеки, и онъ наклонилъ голову, чертя пальцемъ по столу какіе-то узоры...

— Свинья сегодня опоросилась, прервала наконецъ молчаніе жена:—одного подъ себя подмяла, а девять живы!

— Живы? повторилъ священникъ, съ неестественнымъ интересомъ, замѣтно думая о другомъ.

Новое молчаніе.

Наконецъ, отецъ Филиппъ не вытерпѣлъ и порывисто началъ ходить по комнатѣ.

— Анюта, послушай! обратился онъ къ женѣ, и шаря въ карманахъ, гдѣ у него лежали деньги, повелъ къ ней такую рѣчь: — Не можешь ли ты ходить поопрятнѣе? Вѣдь мы, слава Богу, не нищіе!... Вотъ пріѣдетъ разнощикъ, и ты сдѣлай одолженіе, купи у него себѣ верхнее платье, ну кофту, кацавейку, тамъ что-ли?... Возьми деньги.... Вотъ! Только не носи ты больше этого грязнаго платка. Ну право, Анюта, ты не знаешь, какъ онъ мнѣ противенъ!

Жена надула губы.

— Для кого же это я стану рядиться? вдругъ спросила она. Еслибъ у насъ чужіе люди бывали, — ну такъ! Для тебя что-ли?... Я тебѣ, кажется, жена, не чужая!

Онъ вздохнулъ, чувствуя совершенную невозможность передать ей свой взглядъ на этотъ предметъ.

— А я лучше деньги эти припрячу, да крестъ золотой ребенку куплю! или одѣяльце ему шелковое, въ церковь его носить причащать, — вотъ это дѣло! съ торжествомъ закончила попадья.

— Это все лишнее, на показъ! замѣтилъ отецъ Филиппъ; а я тебя прошу, дома-то быть поаккуратнѣе....

— Было время, наряжалась и для тебя, какъ свободна была, да заботы никакой въ головѣ не было.... А теперь, какъ одна обо всемъ подумай, да присмотри, да сдѣлай, — такъ не до нарядовъ?

— А если я тебя разлюблю за это? неосторожно сказалъ отецъ Филиппъ.

Она вся вспыхнула, обидѣлась, глаза начали мигать, собираясь пролить слезы.

— Законную-то жену? вымолвила она:—гдѣ же будетъ твой Богъ, Филиппъ Сергѣевичъ?

Потомъ она продолжала, всхлипывая и подымая глаза къ потолку:—Господи! я ли была къ нему нехороша? Сколько я болѣзней, слезъ, горя съ нимъ перенесла! Черезъ меня онъ и на ноги сталъ; папаша и приходъ ему доставилъ!... Я ужъ и не знаю, чѣмъ, чѣмъ только мы не угождали, и все наше добро не въ прокъ пошло!...

Онъ уже раскаявался, что огорчилъ и довелъ до слезъ жену, хотя не находилъ ни слова справедливаго въ ея жалобахъ. Чтобъ прекратить жалобную сцену, онъ подошелъ и попробовалъ приласкать ее съ цѣлью утѣшить и заявить о своемъ раскаяніи...

Она съ досадой и непріязнью оттолкнула его. Его это почти не удивило: онъ зналъ въ характерѣ жены эту черту, что кроткія мѣры дѣйствуютъ на нее чрезвычайно плохо; зналъ также по опыту, что ссоры и непріязненныя отношенія между ними не помѣшаютъ ей требовать отъ него во всякое время услугъ и вниманій, какъ бы отъ самаго лучшаго, задушевнаго друга..

Вотъ и сумерки короткаго зимняго дня.... Жена его лежитъ въ постели, погруженная въ сладкую дремоту; онъ самъ давно всталъ, и у окна перелистывалъ тетради съ проповѣдями. Вдругъ раздался обычный скрипъ саней у ихъ крыльца.

— За мной прислали! сказалъ священникъ вставая и подходя къ женѣ: — я ѣду къ Снѣжинымъ; слышишь, Анюта?

— Поѣзжай, только не долго тамъ оставайся, а то я все одна, все одна! бормотала жена соннымъ голосомъ.

— Хорошо; ну прощай! Ты не встанешь меня проводить?

— Нѣтъ, прощай!

Онъ колебался нѣсколько минутъ, потомъ нагнулся и припалъ къ ея губамъ.

Въ этомъ поцѣлуѣ сказалось и раскаяніе, и опасеніе, и сознаніе долга, и смутный страхъ сердца, и неясное сознаніе перемѣны въ немъ.

ГЛАВА XII.

Въ деревнѣ свирѣпствовала корь. То и дѣло относили на кладбище маленькіе гробы, сопутствуемые плачущими матерями. Фельдшеръ, назначенный отъ земства, чрезвычайно небрежно исполнялъ свою должность и по цѣлымъ недѣлямъ не заглядывалъ въ Марьино. Зина старалась по возможности помогать крестьянамъ и съ утра до ночи носила имъ чай, сахаръ, пищу и кое-какія лекарства. Еслибъ кто-нибудь увидалъ теперь эту Зину, кроткую, услужливую, готовую бѣжать на первый призывъ,—узналъ ли бы онъ въ ней ту холодную, мрачную, полную раздраженья и горечи Зину, которая сидѣла неподвижно въ своемъ домѣ и считала его тюрьмой. Теперь дни ея были полны: въ дымныхъ, промерзшихъ избахъ она испытывала минуты высокаго наслажденія, когда, подъ ея благодѣтельной рукой, вставали тяжело больные и облегчалась участь цѣлыхъ семействъ. Но не всегда отрадныя картины встрѣчали ее на пути ея дѣятельности.

На краю села, въ самой бѣдной избушкѣ, сидитъ, теперь

Зина у одра умирающаго. Ребенокъ, мальчикъ тринадцати лѣтъ, кончался. Мать, рыдая, валялась у кровати въ ногахъ сына, который еще дышалъ и смотрѣлъ на нее тѣмъ страннымъ, полу-безсмысленнымъ, полу-страдальческимъ взглядомъ, который бываетъ только въ агоніи....

Зина, отвернувшись отъ всѣхъ, плакала. Она знала, отчего умиралъ ребенокъ. Отъ недостатка тепла, свѣжаго воздуха, хорошаго ухода; она видѣла, что народъ мретъ какъ муха, и не знала чѣмъ помочь злу. Собственное невѣжество и незнаніе стояло передъ ней какъ упрекъ, и въ головѣ бродила неотступная мысль, что оставлять идти такой порядокъ дѣлъ нельзя. Но какъ поступать? Кто научитъ? Кто скажетъ что́ надо дѣлать? Она вдругъ встрепенулась, обрадовалась. Она знала кто́. Тотъ, кто разъ уже проявилъ свое безкорыстное братское участіе къ человѣческимъ страданіямъ, — тотъ съумѣетъ помочь и въ этой бѣдѣ.... Она стала ждать его прихода съ лихорадочнымъ чувствомъ надежды и нетерпѣнія.

Священникъ пріѣхалъ и причастилъ умирающаго. Зина, чтобъ не мѣшать ему, оставалась позади народа, безпрестанно приходившаго новыми толпами въ избу.

— Еще есть дѣти? спросилъ священникъ, окончивъ свое дѣло, и остановился съ задумчивымъ видомъ надъ умирающимъ мальчикомъ.

— Только одинъ и былъ!... отвѣчалъ отецъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ, и слезы градомъ закапали на его сѣдую бороду. Вдругъ съ двора послышался бабій крикъ и ругательства, дверь распахнулась и въ избу влетѣла баба съ палкой въ рукѣ.

— Поди-ка-сь! Поди-ка-сь! Что твоя свинья-то надѣлала?... кричала она хозяину, — мѣру ржи у меня въ ригѣ слопала! Я ее сушить поставила; я не про твою свинью ее готовила.

Ея глаза пылали яростью; голова тряслась; дѣло шло о кускѣ насущнаго хлѣба.

Старикъ торопливо надѣлъ шапку и выбѣжалъ вслѣдъ за бабой.... Необходимость гнала его. Присутствіе свиньи въ чужой ригѣ, — было въ жизни крестьянъ важнѣе, чѣмъ послѣднее прощаніе съ любимымъ, умирающимъ сыномъ.

— Батюшка! сказала Зина подходя къ священнику и глядя на него какимъ-то страннымъ, неотступнымъ взглядомъ, — намъ по одной дорогѣ: пойдемте сейчасъ вмѣстѣ съ вами, только скорѣе.... скорѣе....

Онъ подумалъ что ей тяжело оставаться тамъ, гдѣ была смерть, — и поспѣшилъ отворить дверь и выбраться вмѣстѣ съ нею на улицу.

Было шесть часовъ вечера; на дворѣ стояла свѣтлая, лунная ночь, слегка морозило, но было такъ тихо, что далеко разносился по окрестности звонъ церковнаго колокола, по временамъ производимаго рукою караульнаго. До дому Снѣжиныхъ было недалеко: они оба направлялись туда.

Отецъ Филиппъ шелъ съ видомъ человѣка, видящаго сонъ. «Возможно ли, чтобъ онъ точно шелъ съ Зинаидой Павловной Снѣжиной, шелъ одинъ, при блескѣ луннаго свѣта, шелъ не по обязанности церковной службы, шелъ не какъ священникъ,— а какъ человѣкъ, какъ простой знакомый, какъ родственникъ....»

Онъ смотрѣлъ украдкой на Зинаиду Павловну, на ея быструю, рѣшительную походку, на очертаніе ея профиля.

«Что еслибъ жена увидѣла насъ теперь?» вдругъ промелькнуло въ его взволнованной головѣ.

Но всѣ постороннія чувства мигомъ отлетѣли отъ него, когда онъ еще разъ вглядѣлся въ выраженіе ея лица.... Зина молчала, вся погруженная во внутренній міръ своихъ мыслей; губы ея были сжаты; глаза влажны отъ пролитыхъ слезъ; на лицѣ ярко были написаны разстройство, грусть, печаль, забота....

Онъ снова почувствовалъ къ ней знакомое чувство покровительства и состраданія, снова увидѣлъ въ ней одну изъ страдающихъ единицъ человѣчества,—и поспѣшилъ со всею готовностью молодого участія на помощь къ ея горю.

— Что съ вами, Зинаида Павловна?... серьезно спросилъ онъ молодую дѣвушку.

Слова эти произвели будто взрывъ.

— Батюшка! заговорила Зина, выливая передъ нимъ всю горечь накипѣвшаго чувства:—знаете ли вы, что этотъ мальчикъ могъ бы быть живъ?... Знаете ли вы, что всѣ тѣ младенцы, которыхъ хороните вы на кладбищѣ, — могли бы быть живы!... Но и сегодня, и завтра, и послѣ завтра, будутъ они валиться какъ мухи и кучами умирать, — если никто не вступится за нихъ!... Батюшка! Я васъ съ нетерпѣніемъ ждала, я на васъ какъ на Бога надѣялась; — прибавила Зина съ прорывающей дрожью въ голосѣ:—найдите средство прекратить или облегчить эпидемію!... Нельзя, совѣстно, сидѣть сложа руки! Средство должно быть; должно!... оно мелькаетъ тутъ передъ нами, только я его не знаю назвать.... Еслибъ я была умнѣе, опытнѣе, еслибъ я была одушевлена такимъ же горячимъ стремленіемъ къ добру и совершенству, какъ вы, — я бы конечно видѣла его!... Скажите, батюшка, вѣдь вы знаете, знаете это средство? Вѣдь вы его нашли? Неправда ли?... Оно передъ вами?

Она глядѣла на него блистающими, полными надежды и вѣры, глазами.... Для нея онъ былъ совсѣмъ не простой человѣкъ; отъ него она ожидала всего: — чуда, обновленія, переворота....

— Средство есть.... есть!... Найдено!...

— Какое же, о какое?... спрашивала она, пожирая его глазами.

— Больница!

Зина коснулась въ немъ струны совсѣмъ не новой: мысли, высказанныя ею, бродили всегда въ головѣ молодого священника; только теперь, подъ вліяніемъ благороднаго порыва, они оплодотворялись, сіяли, развертывались...

— Да, продолжалъ онъ, подавивъ свое волненіе; надобно устроить въ нашемъ селѣ больницу на извѣстное число кроватей, и какъ можно скорѣе.... За больными будетъ тогда уходъ, пища и лекарства.... Фельдшеръ будетъ тогда усерднѣе.... Я потороплю этимъ дѣломъ въ земствѣ: былъ уже запросъ отъ предсѣдателя о введеніи по волостямъ больницъ. — Надо ковать желѣзо пока горячо!

— О! выговорила Зина съ энтузіазмомъ: — я не даромъ вѣрила и надѣялась на васъ!... Еслибъ вы знали, о, еслибъ вы знали!... Она не въ силахъ была кончить отъ волненія.

Они незамѣтно приблизились къ дому.

— Я зайду къ вамъ, Зинаида Павловна, сказалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія; — надобно намъ вмѣстѣ съ Варварой Ивановной поговорить о нашемъ проектѣ, обсудить разные пункты; взвѣсить всѣ обстоятельства; вы правы: чѣмъ скорѣе пойдетъ дѣло, тѣмъ лучше.

И они оба скрылись за дверью.

ГЛАВА XIII.

Недѣлю спустя, послѣ обѣда, когда морозъ и солнце рисовали на окнахъ самые причудливые узоры, у дома священника остановилась повозка, тройка лошадей, кучеръ, и самъ отецъ Филиппъ, бывшій въ отсутствіи цѣлую недѣлю, вылѣзъ весь морозный изъ своего дорожнаго экипажа и вошелъ въ сѣни.

— Пріѣхалъ! раздался голосъ Анны Васильевны за дверью, и она сама поспѣшила на встрѣчу мужу.

— Все ли благополучно? здорова ли? спросилъ онъ послѣ обычнаго троекратнаго поцѣлуя въ уста и щеки.

— Слава Богу! совсѣмъ тебя заждалась, отвѣтила друже-

любпо жена. — Папаша присылалъ, приказывалъ пріѣхать, — а тебя нѣтъ! какъ домъ оставить? на кого? Отчего ты такъ долго?

— Совсѣмъ замаяли меня дѣлами! И выборы-то, и отчеты, и насчетъ рекрутовъ! Просто не зналъ какъ вырваться, говорилъ священникъ, снимая шарфъ, шубу, расправляя волосы и потирая руки.... Поднеси, Анюта, стаканчикъ водки моему извощику, да накорми его въ избѣ; а мнѣ самоварчикъ поставь!

— Сейчасъ!... Маѳа, Маѳа! кликала попадья, выбѣгая вонъ изъ комнаты.

— Здравствуйте, батюшка; пожалуйте ручку! подступила Маѳа къ отцу Филиппу.

Онъ былъ очень доволенъ, что всѣ въ домѣ были дружны, веселы, услуживали ему и вообще встрѣтили такъ, какъ давно не встрѣчали. Правда, что онъ и не отлучался никогда изъ дому такъ надолго.

— А мое сердце чувствовало, что ты нынче пріѣдешь, говорила Анна Васильевна, накрывая на столъ. Маѳа, еще сонъ-то я тебѣ разсказывала....

— Какой? поинтересовался отецъ Филиппъ, улыбаясь.

— Что будто я тебѣ постелю стелю, и тебѣ будто и хочется и нѣтъ на нее лечь, да увидалъ, что я надъ тобою смѣюсь, и легъ....

— Матушка каждую ночь постель видѣла безъ васъ; съ лукавой улыбкой замѣтила Маѳа; ночью проснутся, дрожатъ, боятся, стали меня около себя на полу класть!

— Ну что, дура, врешь; въ жеманномъ конфузѣ говорила попадья: — стану я бояться....

— А сами въ лицѣ сгорѣли, ей-Богу, сгорѣли! фамильярно дразнила Маѳа.

— Ступай ужъ, ступай за самоваромъ, перебивала Анна Васильевна съ притворной суровостью. На дѣлѣ ей чрезвычайно нравились подобныя шутки.

— Внеси-ка сюда чемоданъ, крикнулъ священникъ. Я тебѣ гостинецъ привезъ, Анюта, не знаю, понравится ли?

Работникъ кряхтя, охая и снимая шапку, внесъ чемоданъ.

Анна Васильевна гремѣла чашками и устанавливала подносъ на столъ. Довольная улыбка слегка кривила ея тонкія, сухія губы.

— А безъ тебя тутъ отецъ Андрей справлялъ требы, сказала она: — доходъ изъ кармана, все вонъ да вонъ.

— Я говорилъ благочинному; онъ обѣщалъ половину дохода мнѣ возвратить, потому я не по своимъ дѣламъ отлучался, а

меня начальство требовало, успокоительно объяснялъ отецъ Филиппъ, взваливая тяжелый чемоданъ на сундукъ и развязывая пряжка.

— Это что у тебя тутъ? Батюшки! холста-то сколько! На что это? куда?

— Это нужно! Это не наше, отвѣчалъ мужъ, откладывая разные толстые свертки въ сторону.

— Да чье же это? кому?

— Я тебѣ послѣ разскажу! А вотъ посмотри, вотъ это тебѣ на кацавейку, говорилъ онъ, развертывая передъ женой кусокъ синяго кашемира:—вотъ тутъ и подкладка, и шелкъ, и вата. Къ празднику сошьешь.

— Доброта хороша! замѣтила жена, поднося покупку къ свѣту.—Небось дорого; ты вѣдь не умѣешь торговаться.

— Я просилъ хозяйку постоялаго двора; такая добрая женщина попалась; она мнѣ все покупала; а вотъ этотъ ситецъ на занавѣску нашему маленькому....

Анна Васильевна съ жадностью ухватилась за ситецъ.

— Какой славный, добротный, и не полиняетъ, съ похвалой говорила она: — вотъ это ты умно догадался; а я-было уже хотѣла платье свое изрѣзать, да оно такое линючее; это не въ примѣръ лучше будетъ.

— Какже можно старое! Первому-то ребенку; у насъ кумомъ самъ благочинный будетъ.

— Что ты? Развѣ ты его просилъ?

— Какже!

— Ну оставь теперь раскладываться; садись пить чай; самоваръ вскипѣлъ.

— Дѣлай поскорѣе; я ужасно голоденъ. Вонъ калачи всѣ замерзли; разогрѣй ихъ на самоварѣ.

— Обновками своими я довольна, выговорила жена, выразительно сжавъ губы и съ заигрывающимъ выраженіемъ поглядывая на мужа.

— Что же не благодаришь? сказалъ онъ, съ улыбкой подходя къ ней и зная къ чему она ведетъ дѣло.

Анна Васильевна нагнула голову къ сундуку, ухмыляясь.

— Какъ же еще?... проговорила она, такъ что-ли? и жеманясь протянула ему сухую и грубую руку.

— Вижу вѣдь чего хочется! шутя вымолвилъ отецъ Филиппъ; недѣлю цѣлую не цѣловались! Ну давай, давай!

Она повернулась и впилась въ него сухими губами.

— Ну теперь давай чай пить, разсказывай, что тутъ у васъ безъ меня было? какъ поживали?

— Работникъ, Филиппъ Сергѣичъ, совсѣмъ отъ рукъ отбился; соломы цѣлыхъ два раза не приносилъ, скотину ужъ мы коекакъ съ Мареой сами кормили....

— Ну какая вамъ будетъ солома?... вдругъ вылетѣлъ изъ-за двери угрюмый мужикъ; мятель цѣлыхъ три дня была, у риги всѣ ворота забило, — а я давай соломы? ну?... мятель, а я виноватъ!

— Вотъ видишь—самъ свидѣтель, какъ грубитъ!

— Хорошо, хорошо! Я это дѣло разберу! Какъ бы тебѣ безъ жалованья не остаться! замѣтилъ отецъ Филиппъ, прихлебывая горячій чай.

— Нѣтъ, батюшка, я вамъ доложу, это все Мареа! таинственно понизивъ голосъ, возразилъ работникъ.... Она все на меня, поганая, матушкѣ наушничаетъ! Намеднись, кто свинью супоросную полѣномъ ударилъ? Это она, небось, стаила?... А свинья день цѣлый безъ заднихъ ногъ провалялась! То-то!

— Господи! вдругъ взвизгнула Мареа, являясь на порогѣ:— подлая твоя рожа! откуда у тебя, у подлаго, этакія слова берутся! Чтобъ я стала супоросную свинью бить?... Да за это бы тебя стоило, подлеца, самого по щекамъ отдуть!...

— Попробуй-ка, подойди, ну-ка! вызывалъ мужикъ.

— Зачѣмъ, Анюта, ты ихъ сюда пріучила шляться? замѣтилъ женѣ отецъ Филиппъ.

— Развѣ это я? вся вспыхнула негодованіемъ Анна Васильевна. Вонъ отсюда! съ крикомъ подступила она къ двумъ бойцамъ: — чтобъ духу вашего здѣсь не было!...

Они всѣ трое вылетѣли за дверь, и долго раздавалась перепалка въ кухнѣ. Пронзительный голосъ Анны Васильевны покрывалъ всѣ голоса.

— Сволочь этакая! изступленная возвратилась она въ комнату....

— Отъ всѣхъ, отъ всѣхъ я обиды терплю!... вдругъ всхлипнула она и залившись слезами, повалилась на постель, неизмѣнное и всегдашнее прибѣжище во всѣхъ ея горестяхъ.

Дѣло въ томъ, что работникъ сказалъ ей, что она вовсе на попадью и не похожа, а на самую послѣднюю, черную, злую бабу.

— Анюта, посмотри, кто это къ намъ? сказалъ священникъ нагибаясь къ окну. — Подвода; вылѣзаетъ!... А, да это нашъ подлекарь Өедоръ Ивановичъ; ты ужъ приберись, встрѣть, нехорошо какъ такъ застанетъ!

— Охъ, нелегкая ихъ носитъ! проворчала попадья, шмыгая съ постели въ другую комнату.

Вошелъ подлекарь, среднихъ лѣтъ человѣкъ, румяный, худощавый, съ улыбкою на лицѣ. Выраженіе пошлаго и беззаботнаго покоя, ограниченнаго самодовольства и тупоумнаго добродушія такъ и отпечатывалось на его правильныхъ и красивыхъ чертахъ.

— Здравствуйте, батюшка, какъ поживаете? Давно изъ города? обратился онъ къ священнику.

— Только сейчасъ. И разложиться еще не успѣлъ.... Садитесь, Өедоръ Ивановичъ! Анюта, подай еще стаканъ.

Тотъ въ молчаніи усѣлся около хозяина.

— Морозъ какой! Я ѣхалъ чуть не замерзъ!... А вы все по больнымъ?

— Да, все ѣзжу! Ничего не подѣлаешь.... Студятся, другъ отъ друга заражаются! Толкую, толкую этимъ бабамъ; отдѣляйте вы больныхъ особенно; ничего не исполняютъ! Хоть рукой махнуть въ пору.

— Вотъ теперь больница будетъ; вы вѣдь слышали? выговорилъ значительно отецъ Филиппъ.

— Какже! вѣдь я вмѣстѣ съ вами былъ въ земскомъ собраніи. Да что, батюшка, тамъ-то вы горячо принялись, — а здѣсь на дѣлѣ-то, я думаю, и къ веснѣ не устроится!

— Какъ къ веснѣ? возразилъ тотъ вставая и выпрямляясь во весь ростъ: — да я это дѣло скоро поверну; — помѣщеніе уже у насъ назначено; это бывшая изба волостного правленія; издержки на дрова, постели, пищу, уже у меня въ рукахъ; высчитывалъ онъ по пальцамъ: — караульнаго я уже имѣю въ виду, — теперь вотъ еще стряпуху, — да я поденно обязую подпиской изъ каждаго семейства чтобъ приходила!...

— Хорошо. Ну, надо надъ ними попечительницу какую потолковѣе, какъ лекарство давать, когда ихъ кормить, когда что дѣлать.... Развѣ на этотъ народъ можно положиться?

Щеки отца Филиппа покрылись густымъ румянцемъ. Онъ зналъ, кто будетъ попечительницей этой больницы, кто будетъ ея душою, жизнью и свѣтомъ....

— Опять лекарства? спросилъ въ раздумьи Өедоръ Ивановичъ.

— Лекарства уже ваши, отъ земства! отвѣтилъ священникъ. Вѣдь вамъ и самимъ, Өедоръ Ивановичъ, во сто разъ легче тогда будетъ! Чѣмъ по дворамъ-то ходить, вамъ только въ больницу прямо, — и больше никуда!

— Да оно такъ-то такъ! Затрудненій-то очень много насчетъ самаго устройства этой больницы...

— Безъ труда ничего не бываетъ, Өедоръ Ивановичъ....

Вошла Анна Васильевна. Она только смѣнила платокъ и вмѣсто грязнаго и линючаго, надѣла пестрый, шелковый, съ длинною, рѣдкою бахрамой. Платье ея было все также измято, волосы непричесаны: она прикрыла этимъ платкомъ и голову, заколовъ его булавкой у подбородка.

Ѳедоръ Ивановичъ, завидѣвъ ее, еще благодушнѣе и пошлѣе заулыбался. Онъ имѣлъ привычку со всѣми женщинами обращаться съ шуточками. каламбурами и остротами, бывающими въ ходу въ лакейскихъ и кухняхъ.

— Мое почтеніе Аннѣ Васильевнѣ! протянулъ онъ, подавая ей руку. Какъ вы себя чувствуете? не надо ли васъ полечить? А вы-таки перемѣнились съ прошлаго раза....

— Чѣмъ же я перемѣнилась, Ѳедоръ Ивановичъ? отвѣчала попадья, краснѣя и явно выказывая на своемъ лицѣ пошлыя и стыдливыя двусмысленности, постоянно приходившія ей на умъ.

— Такъ! прибавленіе вижу! усмѣхаясь говорилъ Ѳедоръ Ивановичъ, пристально и безцеремонно ее оглядывая, — чтожъ, давай Богъ!

Анна Васильевна взглянула на мужа, какъ бы приглашая его принять участіе въ этомъ разговорѣ.

Священника покоробило отъ этого безцеремоннаго взгляда.

Онъ не понималъ, почему понятіе о беременности возбуждало въ этихъ людяхъ только одни стыдливые и пошлые инстинкты.

— Извольте кушать чай, довольная и слишкомъ замѣтно заминая разговоръ, перебила все еще пылающая попадья:.. — Филиппъ Сергѣичъ, я твой стаканъ перенесу на окно.

— А вы спрашивали отчетъ у вашего супруга, отчего онъ такъ долго въ городѣ пробылъ? все также шутливо обращался къ ней Ѳедоръ Ивановичъ.

— Послушайте, спросилъ у него отецъ Филиппъ, желавшій повернуть разговоръ на болѣе удобную колею: когда докторъ сюда будетъ?

— Завтра его ждутъ. Я его видѣлъ дня три тому назадъ въ Степановскомъ волостномъ правленіи; онъ про васъ мнѣ все разсказывалъ, и про подписку и про все.

— Про что это? съ любопытствомъ вмѣшалась Анна Васильевна.

— Какъ! супругъ еще вамъ не разсказывалъ, какъ онъ тамъ дѣйствовалъ?

— Когда еще было! вымолвилъ отецъ Филиппъ.

— Въ земскомъ собраніи предводитель предложилъ проектъ

о введеніи по селамъ больницъ; такъ сначала всѣ молчали, не соглашались, а потомъ нѣкоторые стали говорить... Ну, и тутъ вашъ супругъ тоже говорилъ, расписалъ, какъ много больныхъ, какъ трудно одному фельдшеру ихъ лечить; что на домахъ ихъ лечить труднѣе, и смертность отъ этого увеличивается; что больницъ нѣтъ. Предводитель одобрилъ, самъ съ нимъ началъ толковать, его совѣта спрашивать; ну, тутъ многіе на ихъ сторону перешли... Тутъ же вашего супруга и назначили попечителемъ будущей больницы, — а онъ предложилъ составить подписку на первыя нужды, — и именно вотъ на здѣшнее село, потому что здѣсь эпидемія,—и точно, никто не отказался!

— Да какже и отказаться! смѣясь замѣтилъ отецъ Филиппъ, когда предводитель первый подписалъ двадцать пять рублей.

— Ну и всѣ отдали что подписались?

— Почти всѣ; я изъ двора во дворъ ходилъ; предводителя стыдно было, его предложеніе-то было!

— И попы отдали?

— Отдали! Они мнѣ-было начали говорить, что я ничего не жертвую, а я сказалъ, что жертвую болѣе ихъ всѣхъ, соглашаясь служить попечителемъ безъ жалованья и принимая на себя всѣ хлопоты.

Анна Васильевна слушала эти рѣчи съ полнѣйшимъ удивленіемъ: углы рта ея начинали все болѣе и болѣе опускаться къ низу.

— Ну, однако мнѣ пора, сказалъ подлекарь вставая. Еще къ больнымъ надо завернуть.

— Куда же вы теперь? спросилъ священникъ, провожая его въ сѣни.

— Къ Снѣжинымъ. Лечу Варвары Ивановны племянницу.

— Что, какъ онѣ? не утерпѣлъ спросить отецъ Филиппъ.

— Ничего! Зинаида Павловна все разспрашивала объ дорогѣ, точно куда-то собирается. Про васъ спрашивала, воротились ли изъ города; я имъ все про васъ разсказалъ, батюшка, какъ вы въ городѣ были, всѣ ваши дѣйствія! Чтожъ, честь и слава! Всѣ это говорятъ... Прощайте! закричалъ онъ изъ саней,—больницу-то, больницу-то, поскорѣй устройте, чтобъ мнѣ вотъ этакъ не шляться!

Отецъ Филиппъ захлопнулъ дверь и вошелъ въ комнату.

Глаза его странно горѣли подъ длинными рѣсницами; тысячи разнородныхъ мыслей пробѣгали по его лицу и обдавали его румянымъ, горячимъ блескомъ...

Солнце сѣло. Зимній, короткій день клонился къ вечеру. Анна Васильевна молча и въ раздумьи сидѣла за самоваромъ,

который потухалъ. Чай былъ отпитъ; сахаръ и калачи разбросаны по подносу, простывшій стаканъ чаю еще стоялъ на окнѣ.

Онъ вошелъ и сѣлъ на сундукъ у печки; тутъ же лежалъ его чемоданъ, но онъ не дотрогивался до него, а сидѣлъ и предавался своимъ думамъ... Оба молчали.

— Нехорошее ты дѣло затѣялъ, Филиппъ Сергѣичъ, вдругъ прервала молчаніе жена; совсѣмъ неподходящее!

— А что? встрепенулся тотъ, весь вздрогнувъ и не зная про что она говоритъ.

— Насчетъ этой больницы! Вѣдь я вижу, къ чему это дѣло клонится: для похвальбы для одной, на показъ! Ни жалованья не выхлопоталъ ты себѣ, ни другого чего! Хлопотъ только да непріятностей на шею себѣ накачалъ, больше ничего! Попробуй-ка, повозись съ начальствомъ-то, я вѣдь это все знаю, хоть и женщина.

— Надобно же чѣмъ-нибудь пожертвовать для блага общественнаго, сказалъ съ усмѣшкой отецъ Филиппъ: кто деньгами жертвуетъ, а я свободнымъ временемъ, трудами...

— И совсѣмъ это не священническое дѣло! качая головой прервала жена; вонъ папаша мой,—до какихъ лѣтъ дожилъ, ни въ какія эти дѣла не вступался, ни, ни! А еще протопопъ! не то что ты...

— Чтожъ надо дѣлать? Блины собирать, да кутью съ медомъ, восковыми свѣчами ѣсть?

— Эхъ ты! качала на него головой жена, бросая взгляды негодованія и упрека. Зачѣмъ ты въ этакой санъ только шелъ!.. Опредѣлился бы себѣ въ писцы, въ приказныя крысы!... Папаша поумнѣе да постарше тебя, и то надъ своимъ саномъ не смѣется...

Онъ пожалъ плечами и съ досадой замолчалъ. Онъ зналъ, что ей нельзя будетъ ничего растолковать, а растолковать хотѣлось, потому всегда молчать было очень тяжело.

— Жилъ бы ты мирно, тихо, зналъ бы ты свою божественную службу да храмъ Божій, и лучше бы это всего; а то что̀ теперь будетъ? Ты и такъ-то дома не сидѣлъ, а теперь тебя и съ собаками не сыщешь... Была я одна и теперь все буду одна и одна; уныло заключила жена слезливымъ голосомъ...

Въ это время послышался топотъ въ сѣняхъ, и кто-то ввалился въ переднюю.

— Кто еще тамъ? капризно окликнула попадья.

Вошла Мареа и таинственно приблизилась къ супругамъ.

— Отъ Снѣжиныхъ человѣкъ съ запиской! шепнула она.

Анна Васильевна вскочила. Священникъ вышелъ къ посланному.

— Зинаида Павловна приказали кланяться и просятъ отвѣта, проговорилъ кучеръ, подавая священнику какую-то книгу и записку.

— Хорошо, сейчасъ.

Онъ вошелъ въ комнату и торопливо сталъ искать сѣрныхъ спичекъ. Анна Васильевна увлекла его за перегородку.

— Два раза посылали безъ тебя узнавать, пріѣхалъ ли ты? зашептала она ему:—И зачѣмъ только имъ тебя нужно.

— Вѣрно какое-нибудь дѣло! въ смущеніи проговорилъ отецъ Филиппъ.

Онъ зажегъ свѣчу, распечаталъ и сталъ читать. Жена стала напротивъ, жадно слѣдя за выраженіемъ его лица.

Мужъ наскоро пробѣжалъ первую страницу и вдругъ взглянулъ на жену съ такимъ видомъ, что она отвернулась и стала что-то прибирать въ комнатѣ. Любопытство и страхъ снѣдали ее.

Письмо заключалось словами:

«...Наша больница!.. о, какое счастіе!.. я все знаю! Подлекарь только-что былъ у насъ: онъ мнѣ все разсказывалъ, что сдѣлали вы. Мнѣ нужно васъ видѣть непремѣнно... Я счастлива! Я благодарю Бога и васъ!»

Не замѣчая злобныхъ, подозрительныхъ взглядовъ Анны Васильевны, онъ скомкалъ письмо Зины, положилъ въ карманъ и сѣлъ къ столу писать отвѣтъ.

Жена кружилась около него какъ коршунъ; онъ ничего не замѣчалъ.

«Многоуважаемая Зинаида Павловна,—писалъ онъ,—не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше ко мнѣ расположеніе, которое я очень цѣню. Я вижу, что вы, въ вашемъ младенческомъ энтузіазмѣ, составили обо мнѣ не совсѣмъ вѣрное понятіе;—я далеко не такое совершенство, какъ вы думаете. Въ одномъ вы только не ошибаетесь,—что я искренно желаю быть вамъ полезнымъ и служить, чѣмъ только могу. Нашъ проектъ о больницѣ принятъ; остается только привести его въ исполненіе. Постараюсь завтра быть у васъ, переговорить о многомъ... Дай Богъ намъ обоимъ достигнуть того нравственнаго совершенства, о которомъ мечтаете вы!... Но и грѣшные люди могутъ быть также другъ другу полезны и помогать чѣмъ только въ силахъ... Простите... Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе...»

Письмо было смиренно и просто, но въ глубинѣ души онъ вовсе не хотѣлъ разочаровывать ее въ себѣ; онъ всѣми силами

старался держаться на томъ высокомъ уровнѣ, на который она поставила его въ своемъ мнѣніи.

Онъ вышелъ, отдалъ посланному отвѣтъ и отослалъ его.

— Филиппъ Сергѣевичъ, что онѣ къ тебѣ пишутъ? встрѣтила его жена: — по какому дѣлу?

— Я не знаю, просятъ пріѣхать, вѣрно что-нибудь нужно! небрежно отвѣтилъ тотъ.

Она молчала стоя передъ нимъ.

— Совсѣмъ тебя хотятъ отбить у меня, проговорила она слезливо: — не знаю отчего, какъ у меня сердце что-то щемитъ!

— Ты объ этомъ и не думай, проговорилъ онъ, рѣшаясь ее приласкать: — вѣдь ты женщина умная; — можешь сама разсудить...

Онъ увлекъ ее на сундукъ, прижалъ къ печкѣ и сѣлъ самъ возлѣ, обнявъ ея понуренную голову.

— Не бойся, никто не можетъ насъ съ тобой разлучить! увѣщевалъ онъ ее, — я всегда буду съ тобой и ты со мной, — и ты меня только огорчаешь твоими намеками и подозрѣніями...

Онъ былъ серьезно искрененъ въ своихъ словахъ. Онъ видѣлъ такую разницу въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ, съ тѣмъ, что заставляла его испытывать жизнь, такъ широко отдѣлялъ эти двѣ вещи одну отъ другой, что отъ полноты сердца выговорилъ эти слова.

— Хорошо кабы такъ! вымолвила она, вздыхая; да пожалуй повѣришь тебѣ, да и останешься въ дурахъ! Кто васъ тамъ знаетъ!... Я сама въ дѣвкахъ была; — бывало, только и на умѣ что объ эфтомъ...

Отецъ Филиппъ ужаснулся циническому признанію жены... Онъ понималъ совсѣмъ другія чувства, отношенія и побужденія, — онъ могъ мыслить свято и благоговѣйно о женщинѣ, — и потому это его сильно покоробило...

— Не всѣ бываютъ такія, какъ ты! сказалъ онъ съ осужденіемъ.

Анна Васильевна нисколько не обидѣлась, потому что втайнѣ она гордилась обладаніемъ подобныхъ свойствъ.

— Ну, послушай; начала она ласкаясь къ нему: — дай мнѣ прочесть ея письмо!..

— Не дамъ я тебѣ этого письма! отвѣтилъ онъ, отстраняя ее съ грубою досадой.

— Отчего? вся вспыхнула и выпрямилась Анна Васильевна.

— Оттого, что ты вездѣ отыщешь одну только грязь и гадость?

— Чего же тебѣ бояться, если дѣло чисто? ядовито возражала жена.—Къ чистому поганое не пристанетъ!

— Ужъ навѣрное пристанетъ, коли побываетъ только въ твоихъ рукахъ! съ горечью замѣтилъ мужъ, и живо всталъ, сжалъ письмо Зины въ комочекъ и бросилъ его въ широкое жерло полузаглохшаго самовара.

Бумага, прикоснувшись къ угольямъ, медленно затлѣлась, вспыхнула; повалилъ синеватый дымокъ. Анна Васильевна, въ безмолвіи поруганной жертвы, отворила дверь въ сѣни и вышла.

Священникъ остался одинъ. На душѣ его было неловко и смутно... Онъ сидѣлъ ошеломленный собственными сомнѣніями, противорѣчіями, колебаніями... Но вдругъ онъ всталъ и улыбнулся...

ГЛАВА XIV.

Быстро пролетѣла хлопотливая, горячая недѣля. Десять кроватей были уже готовы, снабжены соломенными тюфяками, подушками, грубыми, но чистыми и теплыми одѣялами. Изба топилась; въ горшкахъ кипѣло мясо, молоко; на шесткѣ стояли глиняные кувшины съ настоями разныхъ травъ, липовымъ цвѣтомъ, анисомъ, мятой... Въ первый же день, какъ открылась больница, — семь кроватей были замѣщены, больные уложены, напоены, накормлены въ мѣру легкою, питательною пищей. Денная и ночная сидѣлка отыскана, — и что всего лучше, добровольно, по своей охотѣ. Дѣвушка Наталья, оправившись отъ болѣзни, сама вызвалась на эту должность. Желаніе замолить грѣхъ, а главное, гоненіе въ семейной жизни, побудили ее на непривычный трудъ. Ея помощницей была старуха, у которой въ больницѣ лежало четверо внучатъ.

Варвара Ивановна числилась попечительницею больницы, но разумѣется, всѣ дѣла и хлопоты лежали на Зинаидѣ Павловнѣ. Она натерла мозоли, день и ночь сидя за кройкой и шитьемъ тюфяковъ, подушекъ и одѣялъ; кромѣ того, на ней лежала обязанность посылать мясо, крупу, муку для больныхъ. Медицинскія познанія Дуняши тоже пригодились какъ нельзя больше; никто лучше ее не умѣлъ приготовить настоя какой-нибудь травы, или горчишника и шпанской мушки; кромѣ того, всѣ ея запасы съ травами пошли въ дѣло, къ величайшему ея удовольствію,— и теперь она, какъ настоящій аптекарь, взяла на себя должность хранить и отпускать лекарства, оставляемыя на ея попеченіе Ѳедоромъ Ивановичемъ, наѣзжавшимъ въ больницу разъ

или два въ недѣлю. Гордости ея по этому случаю не было предѣловъ. Шкафъ, отданный въ ея распоряженіе и наполненный всѣми сокровищами въ видѣ стклянокъ, пакетовъ и ярлыковъ, а также и лекарствъ, выданныхъ для больныхъ отъ земства, поглощалъ все ея вниманіе и составилъ для нея предметъ самыхъ усердныхъ заботъ. Подлекарь былъ въ восторгѣ отъ такого порядка дѣлъ, который оставлялъ ему столько свободнаго времени, сколько ему было нужно для карточной игры и донъ-жуанства, которые возрасли за это время до почтительныхъ размѣровъ,— что не мѣшало его больницѣ процвѣтать, а ему самому получать отъ начальства самыя лестныя похвалы.

Но посмотримъ, какъ это все устроилось съ самаго начала. Отецъ Филиппъ самъ съѣздилъ на базаръ и на деньги, собранныя имъ въ городѣ, закупилъ запасовъ, которые всѣ отдалъ въ распоряженіе Снѣжиныхъ. Онъ намекнулъ, что въ его собственномъ домѣ не можетъ отвѣчать за кухарку, а тутъ сама Зинаида Павловна будетъ за всѣмъ смотрѣть и онъ вполнѣ на нее полагается. Послѣ этихъ словъ, Зина, разумѣется, готова была на все, чтобъ оправдать его довѣріе.

Она, раза три въ день, сама ходила въ больницу, чтобы наблюдать за кушаньемъ и лекарствами и не разставалась съ ключами отъ кладовой ни на минуту. При ней отсѣкали и вывѣшивали мясо, муку, крупу и другіе продукты. Она такъ свыклась и сроднилась съ этими хлопотами и безпрерывною дѣятельностью, такъ полюбила своихъ больныхъ, для которыхъ была радостью и утѣшеніемъ,—что ее насилу могли заманить домой пить чай и обѣдать. Два раза въ день, рано утромъ и въ началѣ вечера, священникъ непремѣнно навѣщалъ больницу. Тамъ было двѣ комнаты: въ одной лежали больные, въ другой готовилось кушанье, обѣдали, спали и ужинали караульный и сидѣлки. По вечерамъ топилась желѣзная печка. Въ извѣстный часъ приходила Зина или съ Дуняшей, или съ своей горничной. Священникъ выучился угадывать ея шаги... Она вносила съ собой атмосферу счастья, доброты, довольства, упоенія... Она цвѣла, сіяла, улыбалась, ея сердце было полно жара, который отбрасывалъ вокругъ нея какъ будто лучи...

ГЛАВА XV.

— Ларивонъ! Куда ты, куда? говорилъ отецъ Филиппъ, проѣзжая по улицѣ съ своимъ работникомъ, и съ изумленіемъ замѣтивъ, что они застряли въ оврагѣ.

Было еще не поздно, но мятель крутилась съ возрастающей силой и обдавала и сани, и сѣдоковъ, и лошадь холодною снѣжною пылью.

— Вишь, проклятая! Угораздилъ-те лѣшій, говорилъ Ларивонъ, выскакивая изъ саней и дергая лошадь, которая преспокойно лежала въ рыхломъ снѣгу и только потряхивала ушами.

— Никогда дороги не знаетъ; что хошь съ ней дѣлай! ворчалъ работникъ. Ну лѣзь что ли! Супротивная какая! Прямая кобыла.

— Да ты ее поверни правѣе, сани-то и вылѣзутъ! говорилъ священникъ, кутая лицо отъ бурнаго вѣтра.

— Вишь, дорогу-то совсѣмъ заноситъ!—Зги не видно!.. Такъ цѣликомъ и ѣдемъ, ворчалъ Ларивонъ, кое-какъ вытащивъ лошаденку, которая вдругъ понесла молодецки въ галопъ, такъ что онъ принужденъ былъ броситься въ сани и на лету уже поймать возжи, совершенно смявъ священника своею тяжестью.

Вотъ наконецъ и больница... священникъ вышелъ, велѣлъ поставить лошадь подъ навѣсъ, и отряхая съ себя хлопья снѣга, отворилъ дверь въ избу и вошелъ.

Его встрѣтила Наталья со свѣчей въ рукѣ. Другая сидѣлка ставила самоваръ, собираясь поить больныхъ чаемъ и травами. Караульный, дряхлый старикъ, курилъ махорку у окна. Отецъ Филиппъ сдѣлалъ ему выговоръ за куренье табаку около больныхъ, велѣлъ отворить форточки и пошелъ осматривать больныхъ, лежащихъ въ другой комнатѣ. Только три кровати были занятыя, и съ одной изъ нихъ раздавались тихіе жалобные стоны женщины съ груднымъ ребенкомъ, у которой была вывихнута нога.

Воздухъ въ комнатѣ былъ слишкомъ жарокъ, и больные попросили отца Филиппа отворить форточку, но онъ не рѣшился, сказавъ имъ, что на дворѣ такая мятель, какой ужъ давно не запомнятъ.

Вдругъ больная дѣвочка при этомъ извѣстіи залилась слезами.

— Барышня не придетъ! хныкала она, а она мнѣ клюквы обѣщалась принесть.

Отецъ Филиппъ вышелъ въ другую комнату.

— Видно и Ѳедоръ Ивановичъ сегодня не будетъ! проговорилъ онъ, садясь на лавку и въ непонятномъ, тоскливомъ расположеніи духа оглядывая всѣ знакомые предметы, которые

вдругъ показались ему мрачны, душны, печальны... Первый разъ, впродолженіи двухъ недѣль онъ былъ одинъ въ этотъ часъ, и самъ не могъ повѣрить, чтобъ это на него могло такъ дурно дѣйствовать. Онъ вспомнилъ, что дома его ожидаетъ ужинъ, общество жены, молитва и сонъ... въ первый разъ, на досугѣ, ему бросилась въ глаза вся безсодержательность его обыденной жизни... Онъ былъ священникомъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ селъ, среди бѣднаго и невѣжественнаго народа, былъ женатъ на женщинѣ, которая стояла гораздо ниже его по развитію и образованію — слѣдовательно, подъ вліяніемъ этихъ двухъ условій, долженъ былъ, неминуемо, въ концѣ концовъ, уйти по уши въ міръ самыхъ узкихъ, насущныхъ интересовъ, ѣсть и пить, наживать деньги и копить ихъ безъ цѣли, про черный день... Ему нѣтъ выбора, всѣ живутъ такъ...

Блѣдность покрыла щеки отца Филиппа—«Я не священникомъ рожденъ! думалось ему:—а между тѣмъ карьера священника начертана съ перваго шага вступленія его въ жизнь, — точно также онъ вдругъ очутился женатымъ, отпѣтымъ для всякой другой жизни! А человѣку нуженъ, выборъ, выборъ, выборъ!..

Его вдругъ бросило въ жаръ. Онъ всталъ, чтобъ избавиться отъ странныхъ мыслей, осаждавшихъ его...

— Поздно, поздно, прошепталъ онъ съ ироніей надъ самимъ собой, взглядывая на свою рясу и длинные рукава.

Было точно поздно во всѣхъ отношеніяхъ... Часы показывали половину седьмого, — поздній часъ зимою для сельскихъ жителей; утихала дневная суматоха, подъ печкой визжалъ сверчокъ, а снаружи бушевала мятель.

Отецъ Филиппъ еще разъ посмотрѣлъ въ окно и всталъ, чтобъ ѣхать домой...

Но въ эту самую минуту, въ сѣнцахъ послышалась суматоха, отворилась дверь и среди шума и свиста мятели и воя вѣтра, въ бѣлыхъ отъ снѣга шубахъ, въ бѣлыхъ сапогахъ, съ бѣлыми платками, бровями и волосами, — явились Зина и ея спутница Настя.

— Раздѣвайте барышню-то! слышался голосъ Насти: — Онѣ чай совсѣмъ замерзли!.. Ужъ и холодъ!

Наталья, помощница ея, караульный, бросились къ Зинѣ.

— Ну зачѣмъ вы шли въ такую мятель? обратился къ ней священникъ, напрасно сдерживая свою радость: — вотъ уже не ожидалъ васъ сегодня, признаюсь, не ожидалъ! Какъ это вздумали?

Зина молчала. Она была печальна, серьезна и робка. Она освобождалась отъ своихъ одеждъ съ потупленнымъ взоромъ,

въ то время какъ священникъ пожималъ и согрѣвалъ въ своихъ горячихъ рукахъ ея холодныя, полузамерзшія руки.

— Я вѣдь думала, что совсѣмъ ужъ не дойду до больницы, до васъ, думала, не буду имѣть силы..., выговорила она, стараясь преодолѣть какое-то странное волненіе;—у меня ботинки полны снѣгу... мы шли цѣликомъ!..

— Вамъ надобно перемѣнить чулки, непремѣнно! говорилъ съ живостью отецъ Филиппъ, выпуская ея руки и смотря на мокрое и обледѣнѣвшее платье... Наталья! затопи поскорѣе желѣзную печку! распорядился онъ.

Вскорѣ всѣ принялись отогрѣвать и обсушивать Зину. Стряпуха предложила ей свои чулки, — караульный съ усердіемъ подбрасывалъ дровъ въ печку, а Наталья хлопотала уже о самоварѣ.

— Какъ это васъ пустила Варвара Ивановна? обратился онъ къ ней:—и такъ поздно!.. Вы бы просто могли сбиться съ дороги и замерзнуть!

— Когда что-нибудь нужно, тутъ и мятель не должна задерживать... сказала Зина.

— А вамъ нужно было идти сюда? съ мягкой усмѣшкой спрашивалъ онъ.

— Да! отвѣтила она, взглянувъ на него рѣшительнымъ и серьезнымъ взглядомъ.

Наступило молчаніе.

Зина встала и начала перебирать въ сумкѣ, переброшенной у нея черезъ плечо.

— Вотъ обѣщанная клюква Домашѣ!.. Я думаю, она заждалась ее... Пойти скорѣе отдать ей... А вотъ ваши проповѣди! прибавила она, подавая священнику его тетрадь; я списала послѣднюю!..

Священникъ смутился. Она опустила глаза невольно... Съ этой послѣдней проповѣдью соединялось столько воспоминаній! Она была сказана на тему о милосердомъ самарянинѣ. Тема была плодотворная, богато подобранная къ обстоятельствамъ и лицамъ. Онъ широко набрасывалъ въ своей проповѣди картину человѣческихъ страданій, сравнивалъ міръ съ огромною больницею и приглашалъ все страждущее человѣчество къ единственному цѣлебному источнику: милосердію и взаимной, всепрощающей любви...

Они вошли вмѣстѣ въ комнату больныхъ... Для него все снова возъимѣло значеніе, и польза больницы, и попеченіе о ней и ея улучшеніе... Нашлись и теплыя слова участія, зароились и благотворные планы на будущее.

Зина сидѣла на постели у Домаши, озаренная тихимъ свѣтомъ ночника. Никогда еще она не была такъ хороша: глубокій, серьезный взглядъ ея глазъ какъ будто былъ погруженъ въ какую-то таинственную думу; она была хороша, какъ мадонна, какъ кающаяся Магдалина! По временамъ легкая дрожь пробѣгала по ея тѣлу, и затѣмъ, выраженіе лица ея становилось еще рѣшительнѣе, еще сосредоточеннѣе!

Онъ ходилъ по комнатѣ въ своей черной рясѣ, полный какого-то тревожнаго, непонятнаго ему самому ожиданія...

Вдругъ Зина встала и подошла къ окну босыми ногами... Глаза ея съ серьезнымъ и печальнымъ призывомъ обратились къ нему...

— Зинаида Павловна, вы простудитесь, вымолвилъ онъ наконецъ, и взявъ большой платокъ съ кровати, подошелъ и подкинулъ ей подъ ноги.

— Не надо! отвѣтила она съ дрожащими губами: — я хочу каяться передъ вами съ босыми ногами, какъ настоящая грѣшница...

— Въ чемъ же вамъ каяться? спросилъ онъ чуть слышно, и опустивъ глаза, сталъ передъ нею, снисходительный, серьезный и достойный какъ всегда...

— Не будьте добры ко мнѣ... Я не заслуживаю этого, не стою!.. сурово вымолвила Зина, закрывъ лицо руками: — душа моя полна суетныхъ мыслей...

— *Ваша* душа? переспросилъ онъ, какъ-бы не вѣря своимъ ушамъ.

Не слушая его, устремивши глаза вдаль, вся сосредоточившись на одной мысли, она продолжала:

— Напрасно я молилась, пламенно, усердно молилась!.. Богъ не услышалъ моей мольбы: — и мнѣ остается теперь карать себя передъ вами!..

Она перевела духъ, замѣтно собираясь съ силами высказать ему свою душу... Ей было непривычно, тяжело, несносно въ эту минуту, но все умолкало передъ какимъ-то дикимъ, жаднымъ желаніемъ увидѣть, что онъ скажетъ ей, какъ взглянетъ, какъ отвѣтитъ на эту исповѣдь сердца. Передъ нею будто висѣла какая-то непроницаемая завѣса, которую она хотѣла сорвать во что бы то ни стало, хотя бы за нею была для нея смерть. Священникъ сдѣлалъ движеніе, будто хотѣлъ остановить ее, сказать ей что-то...

— О! выслушайте! перебила его Зина, съ тяжелымъ вздохомъ: — я въ самомъ дѣлѣ виновата... въ самомъ дѣлѣ преступна...

Она вдругъ устремила на него глаза: голосъ ея утратилъ и

колебаніе и слабость: — Я не боюсь и не благоговѣю уже передъ вами, сказала она, отчетливо произнося каждое слово.

Губы священника сдѣлались бѣлы, какъ снѣгъ. Она съ ужасомъ увидѣла, что онъ былъ поразительно, страшно блѣденъ...

— Да! это преступленіе... вымолвилъ онъ наконецъ совершенно неузнаваемымъ голосомъ: — но...

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— А! вотъ вы гдѣ? началъ онъ, здороваясь съ ними и добродушно улыбаясь, будто и вида не показывая, какъ онъ былъ удивленъ, заставъ ихъ обоихъ въ больницѣ въ такую мятель и непогоду.

— Здравствуйте, Ѳедоръ Ивановичъ, какъ вы доѣхали? Не сбились съ дороги, не плутали ни разу? говорилъ отецъ Филиппъ, отходя отъ Зины и живо вступая въ разговоръ съ подлекаремъ: — вѣдь вы вѣрно здѣсь ночуете?.. Или поѣдемте со мной; я сейчасъ домой поѣду!

— Нѣтъ, слуга покорный! смѣясь возразилъ тотъ; я радъ, что сюда-то ужъ добрался; меня теперь и не вытащите до утра, — я часа два въ Полянскомъ оврагѣ сидѣлъ! думалъ тамъ и душу положить...

— А вы, Зинаида Павловна, давно здѣсь? спросилъ Ѳедоръ Ивановичъ у Зины.

— Еще засвѣтло, отвѣтила она, принуждая себя опомниться и слѣдить за окружающимъ: — я все пережидала мятель; тутъ впрочемъ недалеко...

— Ну, я думаю, вы и десяти шаговъ не сдѣлаете! Я вамъ говорю! Вамъ придется здѣсь заночевать.

— Да неужели Варвара Ивановна за вами не пришлетъ? сказалъ отецъ Филиппъ, въ глубокомъ раздумьи слѣдя за какою-то неотступною мыслью; не можетъ быть, чтобъ она за вами не прислала...

Въ эту минуту подошелъ Ларивонъ.

— Батюшка, заговорилъ онъ мрачно: — вы скоро, что ли? Кобыла-то вѣдь безъ корму стоитъ...

— Ступай, отвязывай, я сейчасъ одѣнусь! заспѣшилъ священникъ какъ-то нервно, и началъ отыскивать свою шапку и шарфъ. Зина вышла въ другую комнату и застала Настю чуть не въ слезахъ.

— Безъ проводника идти нельзя, — объявила горничная: — такіе сугробы нанесло, что ногъ не вытащишь; я сейчасъ выходила...

— За нами пришлютъ; подождемъ! отвѣтила Зина.

— Эхъ, барышня! Кого прислать-то? Всѣ работники въ лѣсъ уѣхали за дровами,—остался одинъ Петровичъ,—такъ его теперь и съ печи не стащишь...

Дверь съ надворья распахнулась и, весь бѣлый, вошелъ Ларивонъ.

— Готова лошадь-то!.. А его все нѣтъ?.. Эхъ-ма! заговорилъ онъ съ укоромъ, разводя руками и высматривая по угламъ.

Вышелъ священникъ уже въ шубѣ и въ шапкѣ.

— Батюшка, вдругъ подлетѣла къ нему Настя: — довезите насъ до двора.

Зина молчала; она тихо одѣвалась съ помощію Натальи.

— Что это? вмѣшался подошедшій Ѳедоръ Ивановичъ: — довезти до двора ихъ?.. Это и лучше всего будетъ!..

— Ларивонъ, ступай, держи лошадь... заторопился священникъ и не глядя ни на кого, вышелъ изъ избы.

Настя увлекла въ ту же минуту Зинаиду Павловну, а Ѳедоръ Ивановичъ, оставшись одинъ посреди комнаты, значительно покачалъ головою, поднялъ брови и свистнулъ. Настя сѣла съ Ларивономъ; отецъ Филиппъ и Зина тоже рядомъ въ глубинѣ саней.

Снѣгъ крутилъ, вылъ, слѣпилъ глаза, обдавалъ одежды густой бѣлой пеленою. Мятель, словно пьяная, изступленная женщина плясала среди дороги, загораживала имъ путь, метала въ глаза снѣгомъ, бѣшенымъ холодомъ пыталась заморозить все горячее, все молодое...

— Зинаида Павловна! вдругъ послышался ей тихій, чуть внятный голосъ отца Филиппа.

Но въ это время, почти въ упоръ нашимъ путникамъ, стукнулась лошадиная голова... Кто-то невидимый ѣхалъ на встрѣчу.

— Стой! окликнули потьмахъ.

— Кто тамъ еще? крикнулъ Ларивонъ.

— Я! За барышней пріѣхалъ!.. Вы ее везете, что-ль?

— Веземъ! Мы тутъ въ оврагѣ застряли... Помоги, братъ!

— Петровичъ! это ты? вскрикнула Настя:—ну, достанется же тебѣ отъ барышни!.. Она замерзла, окоченѣла совсѣмъ, тебя ждамши!

— Пожалуйте барышня! Извольте садиться... вотъ въ одѣяльце!.. струсивъ, заговорилъ Петровичъ, молодецки соскакивая съ облучка и подсаживая въ сани барышню и горничную...

ГЛАВА XVI.

Отецъ Филиппъ жестоко простудился и слегъ въ постель; жена его, наслушавшись за это время сплетень отъ кухарки и старой попадьи Александры Ивановны, укатила къ отцу съ жалобой на мужа.

Снѣжный комъ чудовищныхъ размѣровъ докатился и бомбою упалъ на неосторожныхъ и слѣпыхъ.

Черезъ два дня послѣ этого, у священника были гости: сидѣлъ его тесть, благообразный сѣдой старикъ съ кроткимъ и веселымъ лицомъ и сестра его, старая дѣва, худая, злая, больная, какъ всѣ старыя дѣвы.

Весь семейный синклитъ былъ въ сборѣ. Отецъ Филиппъ сидѣлъ блѣдный и неподвижный, какъ каменное изваяніе, глаза его послѣ болѣзни сдѣлались еще огромнѣе, глубокія тѣни отъ черныхъ рѣсницъ и бровей покоились на его чистыхъ, похудѣвшихъ щекахъ. Онъ былъ похожъ на монаха, на отшельника, на труженика первыхъ христіанскихъ временъ. Анна Васильевна, немного красная и смущенная, стояла поодаль въ большомъ шелковомъ платкѣ, въ кринолинѣ и воротничкѣ, вышитомъ въ тамбуръ.

— Я испугался, разсказывалъ разводя руками отецъ Василій:— пріѣзжаетъ, Анна, — бухъ прямо въ ноги! плачетъ, кричитъ, голоситъ!.. Я въ толкъ ничего не возьму... проситъ: переведите насъ!.. Мужа нельзя оставить въ этомъ приходѣ, такъ и такъ!.. Я вижу, баба на сносяхъ, огорчена, долго-ли до бѣды?.. Надо по ея сдѣлать!.. Филиппъ Сергѣичъ, ты что скажешь?

Тотъ молчалъ.

— Чѣмъ такъ-то мучаться, братецъ, вступилась тетка, вы ужъ сдѣлайте для вашего дѣтища, чтó она желаетъ, одна вѣдь только у васъ?..

— Я готовъ! добродушно отвѣчалъ тотъ:—да вотъ Филиппъ Сергѣичъ ничего не говоритъ,—я его сначала послушаю!.. можетъ это все бабьи сплетки...

— Какія бабьи сплетки! вспыхнула Анна Васильевна: — я вамъ уже сказала, если онъ здѣсь останется, я уѣду, я съ нимъ жить не стану...

— Этого нельзя сдѣлать, наставительно замѣтилъ отецъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. Послушай, разскажи мнѣ толкомъ все дѣло,—обратился онъ къ отцу Филиппу:— Съ чего началось-то, ты говори?..

— Да чего говорить,—извѣстно это какая? удалая, бойкая! замѣтила тетка.

— Батюшка, вдругъ сказалъ отецъ Филиппъ вставая, и быстро прерывая его рѣчь:—я уже говорилъ вамъ, что это все сплетни, и вы, какъ умный человѣкъ, имъ не повѣрите...

— Да, да! отозвался польщенный папаша.

— А для спокойствія вашей дочери, а моей жены, я готовъ все сдѣлать... Если ее сплетни смущаютъ, ну перейдемъ въ другой приходъ, а мнѣ все равно, гдѣ ни служить.

— Это такъ, такъ! Умныя рѣчи ты говоришь! Но зачѣмъ же она сплетни слушаетъ?

— Нѣтъ, ужъ я выведу тебя на свѣжую воду! вскрикнула Анна Васильевна, вылетая на средину комнаты.

— Это все тебѣ Александра Ивановна сплетничаетъ, отозвался мужъ,—ты зачѣмъ къ ней ходишь?

— Батюшки мои! Ей ужъ никуда и не ходить! крикнула тетка.

— А мнѣ? вспылилъ, не вытерпѣвъ молодой священникъ.

Тутъ произошла сцена, которая кончилась истерикой со стороны Анны Васильевны и причитаньями надъ ней со стороны тетки.

— Ахъ, дѣти, дѣти! добродушно вздыхая, вымолвилъ отецъ Василій; видно мнѣ придется вамъ другое мѣсто искать!.. Вѣдь она одна у меня! Будутъ у тебя, Филиппъ Сергѣичъ, свои дѣтки, ты тоже скажешь! Я вѣдь ее за тебя выдалъ, думалъ она счастливица будетъ,—ты не мотъ, не гуляка, не пьяница! Анъ вонъ дѣло-то какое!..

— Какъ для васъ будетъ лучше, такъ вы и дѣлайте! съ покорной рѣшимостью отвѣчалъ зять,—отъ меня задержекъ не будетъ.

Черезъ недѣлю вѣсть о переходѣ священника въ другое село облетѣла уже всѣ закоулки деревни. Дошла она и до Зины, со всѣми безцеремонными комментаріями кумушекъ и злыхъ языковъ.

Өедоръ Ивановичъ и Александра Ивановна торжествовали; начальство осадили просьбами на вновь открывшееся мѣсто, а волостной писарь со старшиной уже подали заявленіе мѣстному начальству объ учрежденіи въ зданіи бывшей временной больницы питейнаго дома.

Ближневъ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ

и

ЭКСПЕДИЦІЯ 1852 ГОДА.

Вопросъ о раціональномъ устройствѣ у насъ каторжныхъ работъ обратилъ, въ послѣднее время, особенное вниманіе на островъ Сахалинъ, который по отдаленности своего положенія, среди негостепріимныхъ Охотскаго и Японскаго морей, представляетъ всѣ условія мѣста, назначаемаго для отдаленной ссылки, а съ другой стороны — его естественныя богатства, въ особенности обильныя залежи каменнаго угля, даютъ всѣ средства для организація тамъ производительныхъ работъ. Вотъ почему всѣ свѣдѣнія объ этомъ островѣ, отдаленномъ и малоизвѣстномъ читающей публикѣ, могутъ возбудить интересъ. Эти соображенія побудили наслѣдниковъ покойнаго генералъ-маіора Н. В. Буссе издать замѣтки его, относящіяся ко времени присоединенія о-ва Сахалина къ имперіи, въ 1852 году. Записки эти велись Николаемъ Васильевичемъ въ формѣ дневника, во время экспедиціи на островѣ подъ его ближайшимъ начальствомъ, поэтому замѣтки эти представляютъ интересъ какъ для исторіи первыхъ нашихъ правильныхъ сношеній съ японцами, такъ и для описанія острова, и наконецъ, обрисовываютъ тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, при занятіи его русскими.

Н. В. Буссе получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, и поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Ограниченность круга дѣятельности строевой службы не могла удовлетворить энергичнаго характера и побудила автора замѣтокъ искать для себя болѣе обширнаго поприща, болѣе соотвѣтствовавшей его предпріимчивости и жаждѣ серьезной дѣятельности. Случай не замедлилъ представиться. Во

время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ, бывшій тогда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, обратилъ вниманіе на Николая Васильевича и, принявъ его на службу въ Сибирь чиновникомъ особыхъ порученій, немедленно отправилъ, весною 1852 года, въ портъ Аянъ для снаряженія экспедиціи съ цѣлью занятія острова Сахалина, въ связи съ присоединеніемъ къ имперіи Амурскаго края, которое было высочайше повелѣно въ томъ же году. Изъ записокъ читатели увидятъ, какимъ образомъ, не только снаряженіе, но и самое начальство надъ отрядомъ, занявшимъ южную часть острова, выпало на долю покойнаго и побудило его прозимовать на островѣ, основать тамъ военный постъ и вновь снять его, вслѣдствіе политическихъ событій 1853-го года. По возвращеніи въ Иркутскъ, Николай Васильевичъ принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ для присоединенія Амурскаго края, затѣмъ нѣсколько лѣтъ управлялъ штабомъ войскъ Восточной Сибири, въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ дѣла по Амурскому краю и наконецъ, съ 1858 по 1866 годъ, въ качествѣ военнаго губернатора управлялъ Амурскою областью. Въ 1866 году, послѣдовала преждевременная смерть этого энергическаго дѣятеля, въ которомъ даже люди лично имъ недовольные не могутъ отрицать способнаго, исполненнаго доброй воли администратора, оставившаго послѣ себя памятные слѣды въ правильной организаціи области, въ матеріальномъ довольствѣ русскихъ переселенцевъ и установленіи торговыхъ сношеній съ сосѣднею Манжуріею.

Всѣ свѣдѣнія, изложенныя въ дневникѣ, были писаны авторомъ единственно для себя, а потому не имѣютъ и тѣни оффиціальнаго характера: въ точности и вѣрности ихъ сомнѣваться нельзя; авторъ вездѣ говоритъ откровенно, описываетъ, какъ видитъ, и заботится только объ одномъ, — получить точное и вѣрное понятіе о главномъ предметѣ своей экспедиціи, не принимая въ соображеніе никакихъ постороннихъ интересовъ или идей, что̀ именно такъ рѣдко встрѣчается въ оффиціальныхъ отчетахъ.

Е. Б.

I.

25-го августа 1852-го года. — Корабль «Николай» бросилъ якорь на рейдѣ Петровскаго зимовья. Привезя на немъ дессантъ, числомъ въ 70-ть чел., для занятія острова Сахалина, я тѣмъ оканчивалъ возложенное на меня губернаторомъ порученіе по сахалинской экспедиціи. Въ силу данной мнѣ инструкціи, мнѣ слѣдовало собственно возвратиться въ Аянъ, чтобы ѣхать на р. ...о осматривать новыя поселенія, а оттуда въ Якутскъ, гдѣ

мнѣ поручено было осмотрѣть казачій полкъ, и потомъ съ первымъ зимнимъ путемъ явиться въ Иркутскъ для личнаго доклада губернатору обо всемъ видѣнномъ мною. Но весь этотъ порядокъ дѣйствій былъ измѣненъ, и вмѣсто возвращенія въ Иркутскъ, я принялъ участіе въ занятіи Сахалина, въ качествѣ будущаго временного правителя острова. Вотъ какъ это случилось.

Какъ я сказалъ, въ 12-мъ часу утра, мы подошли на «Николаѣ» на видъ Петровскаго зимовья. Погода была облачная, дулъ довольно тихій вѣтеръ. Отдавъ якорь на семи саженяхъ глубины, мы стали поджидать гребныя суда изъ зимовья. На нашъ салютъ отвѣчали изъ селенія, которое находилось въ миляхъ трехъ отъ насъ. Характеръ природы Петровскаго рейда суровый и не живописный. Въ морскомъ отношеніи рейдъ этотъ считается не безопаснымъ, потому что открытъ всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ южнаго. Разгрузка судовъ производится медленно, потому что сильное теченіе и бурунъ затрудняютъ ходъ гребныхъ судовъ. Часто сообщеніе съ берегомъ прекращается; съ моря селеніе худо видно; оно расположено по другую сторону кошки, ограничивающей съ сѣвера гавань Счастья. Входъ въ эту гавань между мысомъ кошки и банками рифа, идущаго отъ острова Сахалина, почти всегда покрытъ бурунами.

Когда мы бросили якорь, было весьма небольшое волненіе, но мы все-таки не надѣялись, чтобы гребныя суда выгребли къ намъ противъ теченія. Рѣчной пароходъ, присланный въ Петровскъ вокругъ свѣта, много давалъ мнѣ надежды на скорую разгрузку судна, если хоть немного уляжется волна. Во второмъ часу мы сѣли обѣдать, но узнавъ, что съ берега идетъ трехлючная байдарка, взошли на палубу. Скоро подъѣхалъ къ судну кап.-лейт. Бачмановъ. Отъ него я узналъ, что пароходъ испорченъ — въ немъ лопнули 12-ть огнепроводныхъ трубъ. Это извѣстіе очень опечалило меня. Пароходъ этотъ, несмотря на то, что онъ слишкомъ малъ для плаванія въ Амурскомъ лиманѣ, могъ бы много пользы принести въ самомъ Петровскомъ и навѣрно произвелъ бы большое вліяніе на жителей при-амурскаго края. Бачмановъ мнѣ передалъ, что г. Невельской, управляющій амурскою экспедиціею, желаетъ меня тотчасъ же видѣть. Мнѣ самому уже не хотѣлось оставаться еще на суднѣ, и только увѣреніе капитана, что шлюпка не выгребетъ къ берегу, останавливало меня. Теперь, когда въ моемъ распоряженіи находилась байдарка, я тотчасъ же и поѣхалъ на берегъ.

Я такъ много слышалъ прежде и хорошаго и худого о г. Невельскомъ, что меня очень интересовало познакомиться съ этимъ человѣкомъ. По моему мнѣнію, если про человѣка говорятъ много, одни

орошо, другіе дурно, то это показываетъ, что дѣло идетъ о дѣятель-
омъ и энергическомъ характерѣ. Сѣвъ въ первый разъ въ жизни
ь байдарку, я ожидалъ, что мнѣ будетъ страшно ѣхать въ этой
ертлявой кожаной лодочкѣ. Но проѣхавъ нѣсколько саженей,
уже убѣдился, что дѣйствительно байдарка принадлежитъ къ
мымъ безопаснымъ гребнымъ судамъ. Быстрота хода ея уди-
тельная. Волненіе было довольно велико, когда я ѣхалъ. Сидя
днѣ байдарки, я чувствовалъ, какъ она сгибалась подо мной,
гда волна, подымая ее на свой гребень, оставляла носъ и корму
воздухѣ. Завернувъ за оконечность кошки, я въѣхалъ въ га-
нь Счастья. Она ограничивается, какъ я сказалъ, съ сѣвера
шкою, т.-е. песчаною косою въ версту ширины; противъ нея,
югу, лежатъ низменные острова, а за ними матерой гористый
регъ, такъ что гавань эта имѣетъ совершенный видъ озера и
ла бы очень хороша для малыхъ судовъ, если бы входъ въ
не былъ заносимъ бурунами. Петровское зимовье распо-
кено на кошкѣ въ верстахъ трехъ отъ ея оконечности. Нѣ-
лько деревянныхъ домовъ, окруженныхъ мелкимъ кустарни-
іъ, вяло-растущимъ на каменистой почвѣ, по сторонамъ нѣ-
лько разбросанныхъ юртъ гиляковъ—вотъ видъ этого печаль-
о селенія. Подъѣзжая къ селенію, я увидѣлъ на берегу не
еко отъ него нѣсколько гиляковъ, одѣтыхъ въ собачьи шкуры
омъ вверхъ. Когда я вышелъ на берегъ противъ дома ниж-
ъ чиновъ петровской команды, я увидѣлъ подходящаго ко
маленькаго роста худощаваго господина, въ старомъ сюртукѣ
штабъ-офицерскими эполетами. Онъ велъ подъ руку моло-
женщину. Приблизясь ко мнѣ, она оставила его, повернувъ
крыльцу ближняго дома; послѣ я узналъ, что это была
а штурманскаго офицера Орлова. Маленькой, худощавый
бъ-офицеръ и былъ тотъ самый г. Невельской, начальникъ
рской экспедиціи и мой новый сослуживецъ, какъ состоящій
особыхъ порученій при губернаторѣ Муравьевѣ, и котораго
такъ хотѣлось видѣть. Представившись ему, я былъ пригла-
ъ войти къ нему въ домъ. Домъ этотъ одноэтажный деревян-
, какъ и всѣ строенія селенія, очень не великъ. Когда мы
ошли къ крыльцу, къ намъ вышла на встрѣчу г-жа Невель-
, молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина. Мы
ли черезъ кухню въ маленькую комнатку, въ которой на-
го было два прибора. Усѣвшись у стола, я, наконецъ, могъ
дочно разсмотрѣть человѣка, съ которымъ обстоятельства
акомили меня очень коротко вскорѣ послѣ перваго свиданія.
Г. Невельской имѣетъ не совсѣмъ красивую наружность.
енькій ростъ, худощавое, морщинистое лицо, покрытое ря-

бинками, большая лысина съ всклоковенными вокругъ съ просѣдью волосами и небольшіе сѣрые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ, даютъ ему пожилой и дряхлый видъ. Но широкій лобъ и живость глазъ выказываютъ въ немъ энергію и горячность характера. Разспросивъ меня о припасахъ, привезенныхъ изъ Камчатки съ дессантомъ и оставшись совершенно довольнымъ количествомъ ихъ, онъ горячо выразилъ свою досаду, что товары, назначенные для сахалинской экспедиціи, оставлены были въ Аянѣ компанейскою конторою для расцѣнки. По его мнѣнію, нельзя было начинать экспедицію безъ товаровъ, и потому онъ рѣшилъ ожидать ихъ присылки изъ Аяна, разсчитывая, что какое-нибудь судно—«Иртышъ» или «Константинъ», привезетъ ихъ. Рѣшившись на это, онъ приказалъ оставить на «Николаѣ» дессантъ съ грузомъ, съ тѣмъ, что когда привезутъ товары, то наложить ихъ на «Николая» и на немъ идти на Сахалинъ [1]). Вскорѣ пріѣхали съ судна Бачмановъ, командиръ судна Клинкофстремъ, М. Бачмановъ и жена священника Веньяминова. Всѣ они были приняты очень радушно. Бѣдный капитанъ «Николая» Клинкофстремъ съ горестью выслушалъ непріятное для него назначеніе участвовать въ экспедиціи. Онъ разсчитывалъ идти на зимовку въ Ситху, съ тѣмъ, чтобы оттуда уѣхать къ своему семейству въ Либаву—свою родину, желая оставить совершенно службу въ компаніи.

Время до чаю прошло въ горячихъ разсказахъ Невельского про дѣйствія амурской экспедиціи. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія эти замѣчательны по дѣятельности, трудности и смѣлости. Я былъ пораженъ, что Невельской могъ рѣшиться, не имѣя ни полномочія, ни средствъ (весь отрядъ его состоитъ изъ 70 чел.) предпринимать подобныя дѣла. Онъ занялъ, ни болѣе ни менѣе, какъ пространство земли протяженіемъ на югъ отъ 53 до 48° гр. с. ш., т.-е. 500 верстъ земли, считавшейся принадлежностью Китая. Открытіе Л. Бошнякомъ прекрасной гавани въ Татарскомъ проливѣ на азіатскомъ берегу, между 48 и 49 градусами, повидимому было причиною горячности, съ которою Невельской сталъ занимать все пространство къ сѣверу отъ нея, долженствующее принадлежать Россіи, для того, чтобы владѣть гаванью.

---

[1]) Тутъ же Невельской объявилъ мнѣ, что онъ поручаетъ мнѣ управленіе сахалинскою экспедиціею, и что, поэтому, я останусь зимовать на Сахалинѣ. На объясненіе мое, что по предписанію губернатора я долженъ возвратиться въ Иркутскъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ никому болѣе поручить этого дѣла и что если не назначатъ меня, то не можетъ отвѣчать за успѣхъ исполненія высочайшей воли, о чемъ и рапортуетъ губернатору. Я, конечно, долженъ былъ подчиниться такому объявленію и съ охотою принялъ на себя управленіе экспедиціею.

Занятіе это состоитъ въ томъ, что разбросали въ нѣсколькихъ пунктахъ по 5 и 10 человѣкъ съ запасомъ продовольствія и товаровъ, и выкинули флаги на этихъ пунктахъ. По словамъ Невельского, самый трактатъ, заключенный между Россіей и Китаемъ, оправдываетъ это занятіе. Онъ говоритъ, что въ трактатѣ опредѣлены границы съ Китаемъ слѣдующимъ образомъ: отъ соединенія р. Шилки и Аргуни по горному хребту вплоть до Охотскаго моря, такъ что всѣ рѣки, текущія съ юга на сѣверъ, должны принадлежать Россіи, и всѣ рѣки, текущія съ сѣвера на югъ — Китаю. Г. Невельской говоритъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ черезъ посылаемыхъ на съемку офицеровъ, ему достовѣрно извѣстно, что этотъ горный хребетъ отъ соединенія Шилки и Аргуни раздѣляется на три вѣтви: одна идетъ по направленію теченія р. Лены, другая къ сѣверной части береговъ Охотскаго моря, и третья, на югъ, переваливаетъ черезъ Амуръ и тянется поперегъ Манжуріи. Поэтому граница, положенная на картахъ отъ верховьевъ Амура въ перпендикулярномъ направленіи къ Охотскому морю не вѣрна, ибо по этому направленію нѣтъ никакого хребта. По смыслу трактата слѣдовало бы Россіи или отдать Китаю бо́льшую половину Якутской области, или все прибрежье Охотскаго моря съ портомъ Аяномъ; или, наконецъ, взять себѣ бо́льшую часть Манжуріи. Значительная часть рѣкъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Амуръ, имѣютъ теченіе къ с.-в., слѣд. и рѣки тоже обозначаютъ другое направленіе нашей границѣ и, какъ предполагаетъ г. Невельской, она должна идти по Амуру до впаденія въ него съ юга р. Усури, оттуда по рѣкѣ Усури, по правому ея берегу до перевала на р. Самальгу и далѣе по лѣвому берегу Самальги, до ея впаденія въ Татарскій проливъ около 47° гр. с. ш. Этою границею мы отмежевываемъ себѣ все пространство земли къ с. отъ Амура и Татарскій берегъ до 47 градус. с. ш. Дай Богъ, чтобы предположенія эти исполнились, мы пріобрѣли бы себѣ прекрасную землю и отличную гавань, открытую для навигаціи въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ и тѣмъ упрочили бы наше вліяніе на Китай и Японію, да и вобще въ Тихомъ океанѣ. Гавань «Императора Николая» могла бы быть станціею эскадрѣ балтійскаго флота и тѣмъ много бы послужила къ улучшенію его. Вся окрестность ея и берега Амура изобилуютъ корабельнымъ лѣсомъ. Однако оставимъ эти предположенія и обратимся къ разсказу.

Въ девятомъ часу подали чай. Я очень былъ радъ выпить стаканъ горячаго чаю. Во время переѣзда моего на байдаркѣ, волны нѣсколько разъ заплескивали во внутрь ея и порядкомъ вымочили меня; не имѣя во что переодѣться, я остался

цѣлый день въ мокромъ платьѣ. Во время чаю разговоръ шелъ такъ же горячо, какъ и въ началѣ пріѣзда моего, потому что держался постоянно на политическихъ проектахъ и обсужденіи дѣйствій Россійско-Американской компаніи,—темъ самыхъ возбудительныхъ для горячихъ споровъ въ здѣшнемъ краѣ. Ненависть Невельского ко всему, что касается компаніи, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Достаточно произнести слово «Компанія», чтобы выслушать наборъ самыхъ сильныхъ проклятій, а иногда и ругательствъ. Повидимому, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія компаніи въ принадлежащихъ ей колоніяхъ и въ при-амурской странѣ бываютъ часто слишкомъ корыстолюбивы, съ разсчетомъ дневного барыша безъ видовъ на будущее. Она дѣйствуетъ, какъ арендаторъ. Впрочемъ, не имѣя еще случая хорошо разобрать и обсудить дѣйствій и положенія компаніи, я оставляю этотъ предметъ до бо́льшаго и подробнѣйшаго знакомства моего съ нею. Передъ ужиномъ общество раздѣлилось на двѣ части. Дамы— m-me Невельская, Бачманова и жена священника прогуливались по комнатѣ, болтая между собою. При этомъ мнѣ было очень досадно слушать, какъ Невельская и Бачманова разговаривали по-французски, не обращая вниманія на то, что добрая и молоденькая жена священника, ничего не понимая, ходила подлѣ нихъ. Общество мужчинъ состояло изъ Невельского, Клинкофстрема, Бачманова, Рудановскаго и меня. Священникъ остался на суднѣ, потому что сообщеніе съ берегомъ по случаю свѣжаго вѣтра прекратилось, а на катерѣ, посланномъ утромъ за пассажирами, онъ не поѣхалъ, съ цѣлью приготовлять къ выгрузкѣ свои вещи. Проговоривъ до 12-ти ч. ночи, мы разошлись спать. Бачмановы получили для себя отдѣльную комнату, жена священника—въ комнатѣ Невельской; Невельской, Клинкофстремъ и я, расположились вмѣстѣ въ пріемной залѣ.

26-го августа.—Утромъ 26-го, когда всѣ поднялись уже, я пошелъ осматривать селеніе. Погода стояла пасмурная и вѣтреная. Подойдя къ берегу рейда, я былъ пораженъ силою прибоя. Волна съ шумомъ и пѣною накатывалась на кошку. Подъѣхать къ берегу на шлюпкѣ рѣшительно невозможно, ее разобьетъ въ одно мгновенье. Петровское зимовье состоитъ изъ 6-ти или 7-ми деревянныхъ строеній, служащихъ жилищемъ 40 или 50 обитателей его. Въ числѣ ихъ находится — начальникъ экспедиціи, 4 или 5 оберъ-офицеровъ камчатской флотиліи, докторъ и прикащикъ компаніи. Товары компаніи хранятся въ небольшомъ деревянномъ пакгаузѣ. По условію съ правительствомъ, компанія обязалась доставлять въ экспедицію товары, необходимые для заведенія сношеній съ гиляками и манжурами. Неисполненіе требованій г. Невельского

въ этомъ отношеніи и неисправность во времени доставки товаровъ, есть главная причина его ожесточенной войны противъ главнаго правленія ея. Къ этому еще присоединилось несчастное разбитіе въ Петровскомъ компанейскаго брига «Шелихова», посланнаго туда по требованію Невельского. Такъ какъ въ условіи сказано, что всѣ потери компаніи по дѣйствіямъ ея въ Амурской экспедиціи правительство принимаетъ на себя, на что и ассигновано изъ сибирскихъ суммъ 150 т. р., то компанія, не получивъ еще донесенія отъ Невельского о причинѣ гибели ея судна и о количествѣ погибшихъ товаровъ, взяла отъ правительства 36 т. р. с. Такъ какъ Невельской былъ главнымъ распорядителемъ плаванья «Шелихова», то, разумѣется, гибель брига и потеря казны очень трогаютъ его самолюбіе.

Въ продолженіи дня, незанятый ничѣмъ, я прогуливался по еленію, прерывая по временамъ это скучное занятіе разговоомъ съ хозяйкой дома или выслушиваньемъ горячихъ разсуженій Невельского. Вечеромъ, когда уже всѣ легли спать, я сѣлся съ нимъ разсчитывать, какъ лучше сдѣлать, чтобы неустить и безъ того много потеряннаго времени. При разсчетѣ роятнаго прихода судовъ, отчаянье бѣднаго Невельского додило иногда до того, что онъ рвалъ волосы на головѣ. Ожидать жно было три судна, которые могли бы привезти товары: компайскій бригъ «Константинъ», транспорты «Иртышъ» и «Байкалъ». рвый, по извѣстіямъ, привезеннымъ изъ Ситхи, могъ быть авленъ тамъ для посылки на Сандвичевы о-ва за мукой. ртышъ», вышедшій изъ Камчатки раньше насъ, неизвѣстно по ой причинѣ, не приходилъ въ Петровское. «Байкалъ», участвоаній въ лѣтней экспедиціи у береговъ Сахалина и Татарскаго ива и долженствовавшій придти въ Петровское къ 1-му ябрю, могъ тоже опоздать. Видя отчаянье Невельского, я ложилъ ему послать меня въ Аянъ на «Николаѣ», съ тѣмъ, ы взявъ тамъ на него товары обѣихъ экспедицій (сахалинской урской) придти обратно въ Петровское. Такъ какъ «Николай» іный ходокъ, то я надѣялся скоро сходить въ Аянъ и об-. Предложеніе это очень понравилось Невельскому и онъ о вскрикнулъ: «я иду самъ въ Аянъ на «Николаѣ» завтра». вшись на это, мы легли спать.

-го *августа*.—Съ ранняго утра начали готовиться къ отъвъ Аянъ. Невельскому надо было приготовить нѣсколько хъ бумагъ. Я присутствовалъ при составленіи рапорта къ атору по дѣлу сахалинской экспедиціи. Невельской дикего доктору. Найдя нѣсколько выраженій относительно іи, болѣе нежели жосткими, я предложилъ измѣнить ихъ,

на что Невельской тотчасъ согласился. Вообще мнѣ показалось, что обращеніе Невельского съ подчиненными и духъ бумагъ его недовольно серьезны; это и есть причина, почему донесенія и разсказы его не внушаютъ къ себѣ полнаго довѣрія, хотя дѣйствительно ему есть чѣмъ похвастаться. По моему мнѣнію, этотъ предпріимчивый человѣкъ очень способенъ къ исполненію возложеннаго на него порученія—распространить наше вліяніе въ Приамурскомъ краѣ; но необходимо поставить подлѣ него человѣка благоразумнаго, хладнокровнаго и благонамѣреннаго. Такой товарищъ взялъ бы непремѣнно верхъ надъ слишкомъ запальчивымъ характеромъ Невельского.

Къ обѣду собрались всѣ пассажиры. Когда начало смеркаться, мы простились съ остающимися въ Петровскомъ и отправились на шлюпкѣ къ «Николаю». Во время переѣзда этого мы видѣли нѣсколько огромныхъ бѣлугъ, которыя выказывались изъ воды на подобіе китовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ на судно, послѣ непродолжительнаго штиля, мы снялись съ якоря при слабомъ попутномъ вѣтрѣ.

II.

Маловѣтрія продержали насъ въ пути до вечера 31-го августа, хотя весь переходъ отъ Петровскаго до Аяна не болѣе 200 миль. Когда мы подходили къ Аянскимъ берегамъ, погода стояла прекрасная. Берегъ Охотскаго моря чрезвычайно скалистъ и суровъ. Природа его мертва; на его каменистыхъ горахъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного кусточка. Заштилѣвъ передъ самымъ входомъ въ бухту, мы бросили верпъ, и я поѣхалъ, по просьбѣ Невельского, къ г. Кошеварову, начальнику Аянскаго порта, просить его пріѣхать на судно. Мнѣ была извѣстна вражда ихъ между собою, и я придумывалъ, какъ бы устроить такъ, чтобы они мирно повели переговоры. Необходимо было грузить какъ можно скорѣе товары на «Николая» и идти на немъ на мѣсто высадки. Компанія обязалась перевезти дессанты на своемъ суднѣ и оставить это судно въ распоряженіи экспедиціи. Бригъ «Константинъ» былъ назначенъ для этого—но такъ какъ его не было, то Невельской имѣлъ полное право требовать, чтобы «Николай» былъ назначенъ вмѣсто его. Компанія, дорожа прекраснымъ и дорогимъ этимъ кораблемъ, разрѣшила Кошеварову послать его въ Петровское, если онъ найдетъ безопаснымъ это плаваніе. Теперь же приходилось заставить Кошеварова нагрузить товары на «Николая» и послать ихъ въ Петровское, а оттуда на Сахалинъ, гдѣ судну приходилось зимовать. Трудно было

Кошеварову рѣшиться дать свое согласіе на это, если бы ь даже былъ человѣкъ доброжелательный и готовый помочь и ѣйствовать полезному дѣлу. Зная же хорошо г. Кошеварова,ıредвидѣлъ затрудненія и столкновенія, которыя могли бы худо ıчиться, при горячемъ характерѣ Невельского. Итакъ, я пился взять на себя роль примирителя, намѣреваясь всѣми собами стараться кончить дѣло тихо и мирно, и слѣд. скоро и ядочно. Съ этими мыслями я вошелъ въ домъ г. Кошеварова. ı принялъ меня съ своею обыкновенною натянутою и не- (сною сладко-важною вѣжливостью, поздравивъ меня съ благо- учнымъ пріѣздомъ. Я засталъ его разговаривающимъ въ залѣ '. Фрейгангомъ, исправлявшимъ должность капитана Петро- ıовскаго порта и возвращавшагося по болѣзни въ Петербургъ. Г. йгангъ, какъ кажется, мягкосердный и чувствительный нѣмецъ. нимъ и съ его семействомъ мы познакомимся послѣ. Желая говорить съ Кошеваровымъ наединѣ, я предложилъ ему выдти столовую, гдѣ мы имѣли съ нимъ слѣдующій разговоръ. Я спросилъ, приходилъ ли въ Аянъ «Константинъ»?

— Не приходилъ, да я увѣренъ, что и не придетъ, его за- али; отвѣчалъ онъ съ комическою важностью.

— На чемъ же вы полагаете отправить товары въ Петровское Сахалинъ и на какомъ суднѣ занимать островъ.

- Не знаю,—часть товаровъ можетъ отвезти въ Петровское ышъ»; «Байкалъ» находится въ распоряженіи Невельского.

- Но «Байкалъ» течетъ, да притомъ это военное судно, а ком- обязалась дать свое судно для экспедиціи.

- Не знаю.

- Геннадій Ивановичъ Невельской пришелъ на «Николаѣ» и тъ васъ пріѣхать къ нему на судно, чтобы поговорить, какъ устроить дѣло. Онъ полагаетъ единственнымъ средствомъ но исполнить высочайшую волю — нагрузить товары какъ скорѣе на «Николай» и идти на Сахалинъ, и по сдѣланіи си слѣдовать на зимовку въ Татарскій проливъ, гдѣ есть сная гавань.

Это нельзя. «Николай» завтра не пойдетъ въ Ситху, если же пришлось самого Невельского отвезти туда.

Я попрошу васъ это же сказать лично г. Невельскому. ъ же плаванія «Николая» я полагаю, что ему слѣдуетъ ıть «Константина», потому что высочайшую волю, т.-е. за- Сахалинъ нынѣшній же годъ, исполнить надо на какомъ бы было суднѣ, и поэтому, такъ какъ нѣтъ другого судна ком- то «Николай» долженъ идти—вотъ мнѣніе г. Невельского. Я протестую противъ васъ!

— Въ чемъ, позвольте спросить?

— Вы уговорили меня послать «Николая» изъ Камчатки въ Петровскъ вопреки желанію Главнаго Правленія, съ тѣмъ, чтобы прислать его въ Аянъ, снявши дессантъ, а теперь привезли на немъ людей и грузъ.

— Ну позвольте вамъ сказать, отвѣтилъ я, что вашъ протестъ лишенъ всякаго основанія. Я уговорилъ васъ послать «Николая» въ Петровское потому, что это было желаніе г. губернатора, вы послали его, потому что Главное Правленіе разрѣшило вамъ это сдѣлать. Дессантъ же привезъ изъ Петровскаго въ Аянъ не я, а г. Невельской, который старше насъ обоихъ и у котораго я нахожусь подъ начальствомъ, слѣд. уже не управляю дѣйствіями экспедиціи. Но оставимте это. Позвольте же васъ попросить потрудиться ѣхать на судно.

— Я не могу ѣхать, потому что помощникъ мой уже посланъ.

— Когда онъ возвратится, вы пріѣдете?

— Я не поѣду!

— Въ такомъ случаѣ прощайте.

Зайдя на минутку въ гостинную, чтобы поздороваться съ хозяйкою дома, я былъ представленъ г-жѣ Фрейгангъ. Извинившись, что дѣла меня призываютъ на судно, я поспѣшно пошелъ на берегъ, гдѣ ожидала меня байдарка.

Переѣзжая съ судна на берегъ, я примѣтилъ въ темнотѣ три судна, стоявшія на якорѣ въ бухтѣ; отъ встрѣтившихся со мною двухъ алеутовъ, посланныхъ изъ порта узнать, какой корабль пришелъ въ бухту, я узналъ, что три судна эти были — китобой Р-ф. ком. «Суоміо», китобой С.-А. Штатовъ и транспортъ «Иртышъ», пришедшій въ Аянъ прямо изъ Камчатки безъ захода въ Петровское, какъ ему было предписано, потому что у него сломался на пути руль. Пріѣхавъ на «Николай», я передалъ Невельскому мой разговоръ съ Кошеваровымъ. По условію было рѣшено нами ѣхать къ Кошеварову, пригласить его и г. Фрейганга на совѣщаніе, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ рѣшить четырьмя голосами, какъ надо дѣйствовать. Невельской обѣщалъ удерживать себя отъ горячности, стараться дружески кончить дѣло съ Кошеваровымъ и, какъ мы увидимъ, онъ вполнѣ исполнилъ свое обѣщаніе. Я поѣхалъ впередъ на байдаркѣ для того, чтобы предупредить Кошеварова и уговорить его жертвовать пользѣ и успѣху дѣла своими личными интересами и отношеніемъ къ Невельскому. Пріѣхавъ къ Кошеварову я сказалъ ему, что Невельской тотчасъ будетъ къ нему, и снова просилъ его, чтобы онъ хладнокровно обсудилъ съ нимъ дѣло.

— Я никогда не горячусь, былъ его короткій отвѣтъ.

— Однако ваши слова, что вы протестуете противъ меня, показываютъ, что вы не всегда бываете въ спокойномъ расположеніи духа, замѣтилъ я ему.

— Я протестовалъ противъ угрожающаго тона, съ которымъ вы говорили со мною.

Услышавъ такого рода возраженіе, я увидѣлъ ясно, съ какимъ человѣкомъ мы будемъ имѣть дѣло. При первомъ свиданіи моемъ съ нимъ я говорилъ съ нимъ какъ нельзя болѣе спокойно. Угрожающій тонъ, — была неблаговидная увертка отъ безсмысленнаго протеста, высказаннаго прежде имъ. Скоро пріѣхалъ Невельской. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ бѣлой жилеткѣ и съ орденомъ Св. Анны на шеѣ. Кошеваровъ остался въ своемъ сѣромъ камзолѣ. Они церемонно поздоровались, и послѣ пустыхъ вводныхъ фразъ началось объясненіе въ столовой, куда мы вышли. Фрейгангъ остался въ гостинной. Передаю слово въ слово это объясненіе, оно ярко очерчиваетъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Вставъ съ г. Кошеваровымъ у обѣденнаго стола, Невельской, дружескимъ и ласковымъ тономъ, началъ разговоръ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, чтобы просить васъ, какъ товарища, содѣйствовать мнѣ въ дѣлѣ, которое требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; просить васъ, чтобы вы забыли, если вы что-нибудь имѣли противъ меня.

— Къ чему это предисловіе, — все что вы можете требовать отъ начальника Аянскаго порта я исполню, если это въ моей власти.

— Я повторяю вамъ, что я не требую, а прошу васъ помочь успѣху дѣла, возложеннаго на меня государемъ, т.-е. ускорить сколь возможно нагрузку на «Николая» товаровъ. Осень уже наступаетъ, потеря одного дня можетъ повредить экспедиціи.

— «Николай» не можетъ идти на Сахалинъ, онъ пойдетъ въ Ситху. Вы знаете, что у меня есть то же начальство; я отвѣчаю, честь моя отвѣчаетъ за интересъ компаніи. Я не могу послать «Николая» на Сахалинъ.

— Но какое же судно пойдетъ вмѣсто «Николая». Компанія обязалась передъ правительствомъ перевезть дессантъ на своемъ суднѣ.

— Бригъ «Константинъ» назначенъ.

— Но его нѣтъ.

— Онъ придетъ еще.

— Однако вы сами сказали мнѣ, что вы увѣрены, что «Константинъ» не придетъ, замѣтилъ я.

— У васъ «Байкалъ» находится въ распоряженіи; на «Ир-

тышъ» можно будетъ отправить товары и людей, продолжалъ Кошеваровъ.

— «Байкалъ» течетъ и потому ненадеженъ. Да и перегружать грузъ съ «Николая» на «Иртышъ» возьметъ столько времени, что начинать экспедиціи не будетъ возможности.

— «Николая» я не могу послать.

— Вы должны послать, потому что компанія обязалась поставить для экспедиціи одно судно; какое — я не знаю. Высочайшая воля должна быть исполнена; вы согласны съ этимъ? По дѣламъ компаніи вы распоряжаетесь здѣсь, слѣд. на васъ лежитъ долгъ выполнить ея обязательство. Дожидать «Константина» нельзя; это значило бы отложить экспедицію, а этого я не могу сдѣлать, сказалъ Невельской спокойнымъ голосомъ.

— Я васъ прошу не оскорблять меня, уважайте честь мою; позвольте васъ просить оставить меня въ покоѣ.

— Чѣмъ же я васъ оскорбляю?

— Вашимъ тономъ!

— Да, Боже мой, я пріѣхалъ къ вамъ и просилъ васъ принять мою просьбу, какъ товарища по службѣ, помочь мнѣ въ дѣлѣ, которое должно быть общимъ для насъ.

— Товарищества между нами нѣтъ уже давно. Вы виноваты передо мной, и я еще буду требовать, чтобы вы извинились.

— Я готовъ, если я виноватъ передъ вами; но я васъ Христомъ Богомъ прошу оставить теперь всѣ личныя отношенія наши и думать только о дѣлѣ. Необходимо ни минуты не теряя начинать экспедицію; вы знаете, что́ значитъ осеннее плаваніе, что́ значитъ высадка на пустомъ мѣстѣ. Ради Бога давайте скорѣе товары.

— Товары готовы, но «Николая» я не пошлю въ экспедицію.

— Но вѣдь это значитъ не занять Сахалина. «Николай» долженъ идти. Послушайте, Александръ Филипповичъ, вѣдь вы видите, что это необходимо, вѣдь надо исполнить высочайшую волю.

— Я не могу исполнить вашего требованія.

Такъ скажите же, что надо дѣлать, я васъ прошу, г. капитанъ-лейтенантъ Кошеваровъ.

— Я не капитанъ-лейтенантъ.

— Какъ, не капитанъ-лейтенантъ!

— Я для васъ начальникъ Аянскаго порта.

— Желаю быть вамъ адмираломъ; я васъ титулую кап.-лейт. потому, что это вашъ чинъ. Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, я предлагаю вамъ, во-первыхъ, одѣться какъ слѣдуетъ, пригласить капит. 2 р. Фрейганга и маіора Буссе, чтобы со-

ставить военный совѣтъ, для разсмотрѣнія и совѣщанія о дѣлѣ, по которому я пріѣхалъ.

— Извините что я васъ принялъ въ этомъ костюмѣ, этому причина вашъ неожиданный пріѣздъ (я пріѣхалъ къ Кошеварову съ извѣстіемъ, что Невельской будетъ къ нему, по крайней мѣрѣ, за полчаса до его пріѣзда), я сейчасъ иду переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ сюртукѣ, въ это время и Невельской застегнулъ свой сюртукъ.

— Позвольте вамъ сказать, началъ Кошеваровъ, что вы напрасно пріѣхали сюда. Если вы затрудняетесь предпринять экспедицію, я ее беру на себя.

— Что это вы, Александръ Филипповичъ, подумайте, что вы говорите, спокойно возразилъ Невельской.

— Я не Александръ Филипповичъ, а начальникъ Аянскаго порта, и прошу васъ съ уваженіемъ говорить со мною, не оскорблять меня.

— Позвольте замѣтить мнѣ, сказалъ я, подойдя къ разговаривающимъ: я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ, господа, произносилъ оскорбительныя слова, и нахожу, что замѣчаніе ваше, кап.-лейт., несправедливо.

— А, вы не замѣтили, мы оба не говорили оскорбительно?

— Да, это я говорю, какъ свидѣтель вашего разговора.

— Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, продолжалъ Невельской: я васъ прошу тотчасъ же составить совѣтъ изъ 4-хъ оберъ-офицеровъ.

— Здѣсь не мѣсто, позвольте вамъ замѣтить, и вообще вы забываете, что это моя квартира, что я здѣсь хозяинъ дома, проговорилъ съ ужимками Кошеваровъ.

— Я васъ просилъ къ себѣ на судно, вы не хотѣли пріѣхать, а это былъ вашъ долгъ. Вамъ неугодно совѣщаться о дѣлѣ въ вашей квартирѣ; въ такомъ случаѣ, состоящій по особымъ порученіямъ при ген.-губ. Вос. Сибири кап. 1 р. Невельской проситъ васъ, начальникъ Аянскаго порта, отвести ему мѣсто въ порту, гдѣ бы онъ могъ потребовать начальника Аянскаго порта къ себѣ по дѣламъ службы.

— Теперь поздно, уже ночь, вы такъ неожиданно пріѣхали, теперь не время совѣщаться.

— Для службы всегда есть время, и я васъ прошу тотчасъ исполнить мое требованіе, или я долженъ буду признать васъ ослушникомъ высочайшихъ повелѣній, и тогда принужденъ дѣйствовать по силѣ закона и данной мнѣ власти.

Въ это время Фрейгангъ подошелъ ко мнѣ и съ безпокой-

нымъ видомъ сказалъ мнѣ: — чѣмъ это кончится, это ужасно, надо, чтобы они уступили другъ-другу.

— Вы видите, что Кошеваровъ нарочно возбуждаетъ Невельского и словами и голосомъ.

— Ихъ надо помирить; я, какъ старый товарищъ обоихъ, считаю это своимъ долгомъ.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ спорящимъ и, взявъ ихъ за руки, началъ просить ихъ помириться и забывъ все прошедшее, дружески обняться. Невельской бросился на шею Кошеварову и началъ цѣловать его; тотъ съ своей стороны обнялъ его. Непріятно было смотрѣть на эти объятія: горячность ихъ была маска, которая въ особенности не шла къ Кошеварову. Невельской, обнимая такого человѣка, какъ Кошеварова, дѣлалъ великую и благородную жертву для пользы дѣла. Послѣ объятій, переговоры пошли смирнѣе и наконецъ согласились окончательно рѣшить дѣло на другое утро въ 8 часовъ. Поужинавъ, мы возвратились съ Невельскимъ на судно въ 3-мъ часу ночи.

На другой день, мы встали въ 6 ч. утра, чтобы приготовлять почту и, между прочимъ, составили бумагу, рѣшительность выраженій которой должна была бы заставить Кошеварова подумать о послѣдствіяхъ, если онъ еще будетъ противиться. Въ 8-мь часовъ мы одѣлись, чтобы отправиться на берегъ, но пришли доложить, что Кошеваровъ ѣдетъ на шлюпкѣ. Мы остались въ каютѣ и приняли его тамъ. Было рѣшено, что «Николай» идетъ на Сахалинъ и оттуда на зимовку въ Татарскій проливъ, если другое компанейское судно не явится смѣнить его. Товары должны были тотчасъ же грузиться. Переговоривъ объ этомъ, Кошеваровъ уѣхалъ; скоро за нимъ и я поѣхалъ на байдаркѣ, чтобы присмотрѣть за поспѣшностью отпуска и нагрузки товаровъ. При этомъ, ясно видно было, что вопреки предписанія главнаго правленія, разборка и сортировка товаровъ для экспедиціи производилась до того непозволительно медленно, что, несмотря на то, что контора имѣла 35 дней времени (отъ 25 іюля по 1 сентября), товары совершенно не были приготовлены для отправки; фактуры даже составляли при насъ. Благодаря этому, нагрузка шла медленно и кончилась только 3-го числа, хотя работали даже ночью. Эта неисправность явно показываетъ, что Аянская контора держится въ безпорядкѣ, что Кошеваровъ, расхаживая по пристани, ничего порядочнаго не дѣлаетъ, хоть и хвастаетъ всякому пріѣзжему своею дѣятельностью. Въ продолженіи 35 д., что «Николай» былъ въ отсутствіи, приходило въ Аянъ только одно компанейское судно «Цесаревичъ», и то безъ груза. Пріемъ въ порту былъ только

пластовому якутскому транспорту, отпускъ солонины для Камчатки; все это не могло помѣшать приготовить товары для такой экстренной и важной экспедиціи, какъ сахалинская. Въ продолженіи трехъ дней проведенныхъ въ Аянѣ, я былъ съ утра до вечера занятъ, то по работамъ нагрузки, гдѣ приходилось почти съ бою брать вещи изъ пакгауза, то въ приведеніи въ порядокъ бумагъ для отсылки по почтѣ. Между прочимъ, я былъ несказанно обрадованъ полученіемъ писемъ отъ родныхъ. Я такъ давно уже не имѣлъ извѣстій изъ родного Петербурга. Съ какимъ-то трепетомъ радости и боязни распечатываешь письма, присланныя изъ-за 10,000 верстъ. Благодаря Бога, всѣ извѣстія были хороши, только смерть друга дяди Ѳедора Ивановича, Пор. Вас. Богословскаго, была печальною вѣстью.

Мы обѣщались съ Невельскимъ пріѣхать съ судна проститься съ семействомъ Фрейганга, но, занявшись бумагами, опоздали, такъ что они уѣхали уже, когда мы вышли изъ шлюпки на берегъ. Взявъ двухъ осѣдланныхъ лошадей, мы догнали ихъ въ ...хъ верстахъ отъ Аяна, гдѣ и простились съ ними. Не могу описать костюма m-me Фрейгангъ. Она надѣла брюки и пальто своего мужа, чепчикъ на голову и женскіе высокіе ботинки и усѣлась амазонкой въ этомъ костюмѣ.

III.

3-го сентября, утромъ въ 5 час., я съѣхалъ еще разъ на берегъ, ...ы взять нѣкоторыя вещи, забытыя при поспѣшной нагрузкѣ. ...а я отчалилъ отъ берега, «Николай» уже поднималъ па... при слабомъ попутномъ вѣтрѣ. Изъ порта салютовали ... выстрѣлами; на салютъ этотъ судно отвѣтило тѣмъ же чис... Скоро догналъ я «Николая» на быстрой байдаркѣ. На обрат... пути въ Петровское вѣтеръ то же мало благопріятствовалъ ... 6-го числа подулъ свѣжій попутный N. Мы вошли въ ...вскій рейдъ. Смеркалось; вѣтеръ свѣжѣлъ, мы неслись подъ ...енными марселями по 10-ти узловъ. Вдругъ засвистѣлъ въ ...хъ сильный штормъ. Нехладнокровный Клинкофстремъ за...ся. На суднѣ начался безпорядокъ — результатъ неопыт... матросовъ дессанта, которые не знали кого слушать, пото... капитанъ судна командовалъ по-шведски своимъ матросамъ, ...жой и Рудановскій по-русски — своимъ. Штурмана суе...бѣгали. Безпорядокъ на суднѣ былъ полный, обстоятель...ли дѣйствительно нехороши, — лавировать было тѣсно, ...у выдти въ море невозможно. Мы находились между

скалистымъ берегомъ мыса Левашова и банками, лежащими въ с.-в. отъ Петровскаго зимовья. Рѣшили бросить якорь на 11 с. глубины и возложить надежду на крѣпость цѣпи. «Если цѣпь не выдержитъ, сказалъ мнѣ капитанъ, то судно погибло, отлавироваться я не надѣюсь». Скоро загремѣла цѣпь. Корабль всталъ. Противное теченіе помогало намъ, не давая волнамъ вытягивать сильно цѣпь. Шумъ на суднѣ прекратился. Какъ зритель, я присутствовалъ все время при работѣ на палубѣ. Картина борьбы стихій производила какое-то особенное впечатлѣніе. Чувство это я впервые испытывалъ. Борьба эта мнѣ нравилась, и я былъ спокоенъ. Во время шторма, волна закатилась въ каюту черезъ вентиляторъ и замочила всѣ бумаги Невельского.

Въ 11-мъ часу я легъ спать. Штормъ усиливался. Задремавъ немного, я очнулся отъ сильнаго толчка. Вставъ, я вышелъ узнать причину. Въ каютѣ мебели были опрокинуты. Толчекъ былъ дѣйствіе дерганья цѣпи отъ натягиванія ее волною. Вѣтеръ дулъ еще сильнѣе. Корабль бросало во всѣ стороны. Былъ 12-й часъ. Штормъ свирѣпствовалъ въ полной силѣ. Спустившись въ свою каюту, я легъ въ постель. Безпрерывные толчки давали засыпать мнѣ только на нѣсколько минутъ. Наскучивъ лежать въ этакой безпокойной люлькѣ, я поднялся на палубу въ 5-мъ часу утра. Вѣтеръ стихалъ. Небольшія сѣрыя облака носились по небу.

6-го сентября къ 8-ми часамъ совершенно стихло, мы подняли якорь и при слабомъ попутномъ вѣтрѣ подошли къ Петровскому въ 12-мъ часу. Невельской тотчасъ же поѣхалъ на берегъ на байдаркѣ. Скоро за нимъ и я съѣхалъ на шлюпкѣ съ Рудановскимъ. При этомъ переѣздѣ я убѣдился въ томъ, что началъ предполагать сначала знакомства моего съ г. Рудановскимъ, т.-е. что онъ тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ. Послѣ я подробнѣе поговорю объ немъ. Когда мы сѣли на шлюпку, то Рудановскій при мнѣ, т.-е. при старшемъ и будущемъ ближайшемъ начальникѣ своемъ, началъ ругать матросовъ и обѣщалъ высѣчь унтеръ-офицера за то, что онъ не назначилъ одного матроса на бакъ. Я, конечно, замѣтилъ ему послѣ грубость этого поступка. Пріѣхавъ въ Петровское, Невельской началъ дѣлать нужныя распоряженія насчетъ снабженія товарами различныхъ портовъ Приамурскаго края. Товары эти должны были быть привезены изъ Аяна на «Иртышѣ».

7-го сентября, на другой день поутру пришли на рейды «Байкалъ» и «Иртышъ». Это удачное собраніе судовъ въ одно время очень облегчило распоряженіе ими. Было рѣшено, что мы вечеромъ снимемся на «Николаѣ» съ якоря и пойдемъ въ

Аниву. «Иртышъ», снявъ съ себя грузъ амурской экспедиціи, пойдетъ за нами въ Аниву, гдѣ, обойдя берегъ остановится у мѣста высадки и пробывъ тамъ нужное время для защиты ея, пройдетъ на зимовку въ гавань «Императора Николая». «Байкалъ» же, принявъ съ «Иртыша» камчатскій грузъ, долженъ былъ тотчасъ слѣдовать въ Аянъ и оттуда въ Камчатку. Насчетъ зимовки «Николая» еще не было рѣшено, потому что обстоятельства могли много измѣнить наши предположенія насчетъ занятія Сахалина. Погода стояла прекрасная, и въ свободное время до обѣда я поѣхалъ, на гиляцкой лодкѣ, съ священникомъ Гавріиломъ, въ ближайшее гиляцкое селеніе. Я сѣлъ на весла, а отецъ Гавріилъ на руль. Гиляцкая лодка сбивается изъ 4-хъ досокъ,—двѣ составляютъ прямое дно безъ киля и двѣ широкія— бока. Гребутъ маленькими веслами по-русски. На этихъ-то лодкахъ были сдѣланы описи береговъ Татарскаго пролива.

Гиляцкое селеніе около Петровскаго зимовья состоитъ изъ трехъ юртъ и нѣсколькихъ рыбныхъ амбаровъ. Познакомившійся со мною гилякъ Паткинъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Его лицо мнѣ напоминало Гусейнхана, черкеса, воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ. Такіе же выпуклые глаза, вдавшійся лобъ, широкія скулы и выдавшіеся зубы. Вообще же гиляки довольно красивый народъ. Кожа ихъ смуглая, черты лица татарскія, глаза большіе; волосы черные густые, заплетеные въ косу, спереди посерединѣ проборъ. Борода довольно густая. Одежда ихъ состоитъ изъ тулуповъ, сдѣланныхъ изъ собачьихъ шкуръ вверхъ шерстью; ноги необутыя. У нѣкоторыхъ я видѣлъ японскія шляпы. Женщины некрасивы, похожи на калмычекъ. Косъ не носятъ, а подстригаютъ сзади волосы. Паткинъ ввелъ насъ въ юрту свою. Юрта эта состояла изъ двухъ отдѣленій, выстроенныхъ изъ мелкаго лѣса. Переднее отдѣленіе устроено навѣсомъ. Къ стѣнамъ пристроены скамьи, на которыхъ держатъ на привязи собакъ. Изъ этихъ открытыхъ сѣней дверь ведетъ въ жилую юрту, т.-е. четырехугольную комнату съ очагомъ посреди и съ отверстіемъ надъ нимъ въ плоской крышѣ. Вокругъ стѣнъ широкія полати. По стѣнамъ развѣшаны стрѣлы, луки, ножи и другіе промышленныя орудія. На очагѣ огонь горитъ постоянно,—около него гилякъ проводитъ большую часть своей жизни, куря изъ маленькой мѣдной трубочки. Надъ очагомъ повѣшены большіе чугунные и мѣдные котлы, вымѣниваемые гиляками у японцевъ, съ которыми они ѣздятъ торговать въ Аниву. Пищею гиляку служитъ всякаго рода рыба, киты и нерпы. Въ юртѣ очень неопрятно. Между сидящими около очага было двѣ женщины — они не прячутся отъ гостей. Просидѣвъ

съ полчаса въ юртѣ, мы пошли съ Паткинымъ смотрѣть его огородъ. Онъ очень гордился имъ. По словамъ Невельского, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ копать землю и полагаютъ, что кто начнетъ рыть землю, тотъ непремѣнно умретъ, и потому съ большимъ трудомъ уговорили нѣкоторыхъ изъ нихъ разводить огородныя овощи. Когда мы воротились въ Петровское, обѣдъ былъ уже готовъ. Послѣ обѣда еще долго сидѣли; видно было, что Невельскому хотѣлось подольше остаться съ женою. Когда начало смеркаться, я рѣшился подать знакъ къ отъѣзду. Общество поднялось и пошло къ шлюпкамъ. Когда мы отвалили, семь выстрѣловъ отсалютовали начальнику зимовья. Мы встали на шлюпкѣ и махая фуражками простились съ остающимися.

Подъѣзжая къ выходу изъ гавани «Счастья», мнѣ послышались крики въ зимовьѣ. Не понимая, что́ бы это было, я ничего не сказалъ, чтобы не обезпокоить напрасно Невельского. Мы уже готовы были спуститься въ море, когда я увидѣлъ бѣгущаго по берегу человѣка. Я передалъ объ этомъ Невельскому. Мы остановили гребцовъ и услышали слова «деньги оставили». Тутъ я вспомнилъ, что я оставилъ у М. Бачмановой на сохраненіе 6,000 руб. сер. сахалинской кассы, прося ее отдать мнѣ ихъ, когда мы поѣдемъ на судно. Мы оба позабыли объ этихъ деньгахъ. Къ счастью подлѣ катера нашего шла байдарка, я пересѣлъ на нее и поѣхалъ въ зимовье, катеръ же продолжалъ свой путь къ судну. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, я пріѣхалъ на судно. Тамъ уже все было готово къ молебну. Гилякъ Паткинъ тоже былъ взятъ по моему приглашенію на «Николай». Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ богатыя каюты корабля. Молебенъ служилъ отецъ Гавріилъ въ каютъ-компаніи. Послѣ молебна онъ сказалъ небольшую проповѣдь, довольно хорошо составленную. Гилякъ Паткинъ все время крестился, онъ даже носитъ крестъ на шеѣ. Невельской окрестилъ четырехъ гиляковъ по ихъ желанію. Правительство, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, запретило крестить гиляковъ, такъ что на представленіе архіепископа послать къ гилякамъ миссіонера было отказано, а повелѣно было назначить священника для исполненія требъ служащихъ въ амурской экспедиціи. Архіепископъ назначилъ своего сына, дозволивъ ему помазать тѣхъ гиляковъ, которыхъ окрестилъ Невельской. Отецъ Гавріилъ собирался серьезно заняться дѣтьми гиляковъ, чтобы исподволь приготовить ихъ къ правиламъ христіанской религіи. Дай Богъ ему успѣха!

Въ 10 час. вечера мы снялись съ якоря, простившись съ священникомъ и Л. Гавриловымъ, которые возвратились на берегъ. Переходъ нашъ изъ Петровскаго до м. Анива былъ очень неудаченъ.

Противные вѣтры дули почти все время перехода. Спустившись нижнѣе мыса Терпѣнія, мы почувствовали большую перемѣну въ температурѣ. Сдѣлалось гораздо теплѣе, туманы прекратились. Мысъ Терпѣнія можетъ, кажется, считаться южною оконечностью суроваго Охотскаго моря. Во все время перехода разговоръ вертѣлся на занятіи Сахалина, на дѣйствіяхъ въ Приамурскомъ краѣ и на разборѣ дѣйствій россійско-американской компаніи. Насчетъ занятія Сахалина Невельской говорилъ въ Петровскомъ и по выходѣ оттуда, что такъ какъ позднее время уже, то онъ полагаетъ оставить въ Анивѣ постъ изъ 10-ти человѣкъ, въ знакъ политическаго занятія острова Сахалина, а остальной десантъ оставить зимовать съ «Николаемъ» въ гавани «Императора Николая», съ тѣмъ чтобы я раннею весною пришелъ въ Аниву и занялъ пунктъ, который найду наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ. Постъ изъ 10-ти чел. долженъ былъ встать на мѣстѣ, удаленномъ отъ японскихъ заселеній. Прекрасная погода, встрѣтившая насъ у мыса Анива, совершенно измѣнила намѣренія Невельского. Онъ началъ поговаривать, что находитъ необходимымъ занять нынѣшнею же осенью Аниву, поставивъ постъ по возможности ближе къ японцамъ и потому этого дѣла не можетъ поручить Рудановскому, а приглашаетъ меня остаться зимовать на Сахалинѣ. Я, конечно, изъявилъ свою готовность; но высказалъ свое мнѣніе, что, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ японцахъ, нельзя рѣшить дѣло окончательно, тѣмъ болѣе, что по распоряженію Невельского поручикъ Орловъ долженъ былъ съ половины августа собирать свѣдѣнія о японцахъ и жителяхъ Сахалина, для чего онъ долженъ былъ отъ мѣста его высадки съ «Байкала», подъ 51°, пройти весь восточный берегъ Сахалина до мыса Крильона, гдѣ назначено было ему дожидать насъ до половины сентября. На случай, если бы мы не пришли къ этому времени, онъ долженъ былъ пробираться на мѣсто назначенное для высадки, т.-е. бухту Томари-Анива (собственно Томари означаетъ — бухту, гавань). Итакъ, странно было рѣшить что-нибудь прежде свиданія съ Орловымъ. Мнѣ жаль было послѣ, что я спорилъ насчетъ этого съ Невельскимъ, но мнѣ досадно было слушать неосновательныя и мало серьезныя разсужденія о дѣлѣ, котораго неудачное исполненіе могло произвести очень дурное вліяніе на наши отношенія къ Японіи и Китаю, да и на самое владѣніе Сахалиномъ и его жителями.

17-го числа, мы обогнули скалистый мысъ Анива, лежащій подъ 45° с. ш. Это была 4-я точка Сахалина, которую я видѣлъ — первая мысъ Елисаветы, вторая мысъ Маріи — оба на сѣверѣ;

третья мысъ Терпѣнія на востокъ и четвертая мысъ Анива на югѣ. Отъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ мы проходили далеко и не видѣли ихъ. Говорятъ, что близъ мыса Елисаветы есть горящій волканъ. Около ю.-в. береговъ мы прошли близко и въ ясную погоду. Берега эти гористы, но высокихъ горъ нѣтъ, конических совсѣмъ не было видно. Растущая на горахъ трава и мелкій лѣсъ дѣлаютъ сахалинскіе берега веселѣе охотскихъ.

Обогнувъ мысъ Анивы, мы направились прямо на мысъ Крильона, гдѣ долженъ былъ ожидать насъ Орловъ. Проходя черезъ заливъ Анива, мы были постоянно окружены китами и цѣлыми стадами разнаго рода рыбъ. Богатство рыбою залива Анива и привлекло къ нему японцевъ, у которыхъ рыба есть главный продуктъ, какъ у насъ говядина, которую японцы совсѣмъ не употребляютъ. Во время плаванія нашего по заливу Анива, погода была прекрасная на морѣ, но берега оставались закрыты туманомъ. Термометръ показывалъ 20° тепла поутру; правда, мы были подъ 45° с. ш. Къ вечеру 18-го ч. мы подплыли къ мысу Крильону. Онъ былъ открытъ отъ тумана отъ оконечности къ с. на 11′ протяженія. Слѣдовательно, если Орловъ былъ бы на немъ, то онъ слышалъ бы условные 9 выстрѣловъ, сдѣланные нами. Но отвѣта не было, и потому утромъ 19-го числа, при тихомъ противномъ вѣтрѣ, мы начали лавировать по направленію къ японскимъ заселеніямъ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, капитанъ судна увидѣлъ близко, передъ самымъ носомъ корабля, что-то черноватое; всѣ вышли на палубу и признали видимый предметъ за землю, вслѣдствіе чего тотчасъ же бросили якорь. Скоро мы убѣдились, что дѣйствительно берегъ близокъ отъ насъ. Шумъ якорной цѣпи, вѣроятно, разбудилъ японцевъ: на берегу въ миляхъ 3-хъ отъ насъ появились огни. Марево, закрывавшее берегъ, разсѣялось, и онъ ясно окраился. По приказанію Невельского былъ выставленъ на суднѣ караулъ изъ 12 матросовъ. Часовымъ приказано наблюдать за берегомъ и если увидятъ какое-нибудь гребное судно, окликать его. Во время ужина много было споровъ и смѣха. Одни полагали одно, другіе другое, и всѣ съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ ожидали свиданія съ японцами. Было рѣшено, что утромъ судно снимается съ якоря, чтобы ближе подойти къ селенію, на тотъ случай, если японцы имѣютъ пушки, и по своему обыкновенію вздумаютъ непріязненно встрѣтить наши шлюпки, на которыхъ я и Невельской предполагали съѣхать на берегъ; тогда судовая баттарея могла своимъ огнемъ прикрыть нашу высадку. Когда разсвѣло, мы снялись съ якоря. Мы стояли прямо противъ селенія Усонной (названіе это я послѣ узналъ).

Правѣе селенія этого было видно еще два селенія; въ одномъ изъ нихъ было видно много строеній, и поэтому мы заключили, что оно должно быть главное японское селеніе. Вставъ на якорь въ миляхъ двухъ отъ берега, мы начали готовиться къ съѣзду на берегъ.

Было 11 часовъ. Погода стояла прекрасная. Спустили двѣ шлюпки и байдарку. На первой шлюпкѣ сѣлъ я съ Невельскимъ, пять гребцовъ и унтеръ-офицеръ Теленевъ на бакѣ. Ружья были спрятаны на днѣ лодки. Съ собой взяли мы различныхъ бездѣлушекъ для подарковъ. На второй шлюпкѣ ѣхалъ Л. Бошнякъ съ 4-мя гребцами. Байдарка шла подлѣ шлюпокъ, на случай если бы нужно было послать за чѣмъ-нибудь на судно. Капитану было приказано, если мы поднимемъ флагъ, тотчасъ спускать на воду барказъ и шлюпку, на которой Л. Рудановскій долженъ былъ слѣдовать на берегъ съ 20-ю вооруженными матросами. Если же будетъ сдѣланъ выстрѣлъ, то корабль долженъ былъ сниматься съ якоря и подойти на три сажени глубины, чтобы открыть огонь съ бортовъ по селенію. На суднѣ былъ выкинутъ военный флагъ. Когда шлюпки отвалили отъ борта, на берегу замѣтно было большое движеніе. Жители собирались къ селенію, въ которое мы ѣхали. Не доѣхавъ до берега саженъ сто, шлюпки наши сѣли на мель. Собравшіеся дикари на берегу бросились и въ воду и съ крикомъ бѣжали къ намъ, махая древесными метелками. Въ одну минуту мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Дикари показывали намъ знаками, что они хотятъ дружески принять насъ. Нѣкоторые изъ нихъ произносили слово «Америка». Мы стали объяснять имъ, что мы русскіе, а не американцы. Невельской показывалъ знаками, что американцы хотятъ придти на Сахалинъ и что, поэтому, мы хотимъ поселиться у нихъ, чтобы защитить ихъ отъ американцевъ. Они, казалось, поняли насъ. Вынувъ вещицы, которыя мы взяли съ собою, мы стали дарить. Бронзовыя и стальныя вещи, какъ-то — ножики, ножницы, пуговки и т. п. очень нравились имъ; простой же табакъ нашъ (махорка) они нехотя брали. Черезъ нѣсколько времени подошли къ намъ нѣсколько японцевъ. Ихъ лица рѣзко отличались отъ аинскихъ.

Японцы немного походятъ на карикатурныя вывѣски чайныхъ магазиновъ, только глаза не такъ вздернуты кверху, и они не носятъ усовъ. На головѣ они брѣютъ волосы, оставляя неширокую полосу длинныхъ волосъ снизу по затылку до висковъ. Волосы эти собираются на темѣ въ косичку, такимъ образомъ перевязанную, что, поднявшись на вершокъ въ вышину, она заворачивается крючкомъ впередъ и ло-

жится впередъ по бритой головѣ. Волосы у всѣхъ видѣнныхъ мною японцевъ — черные. Ростъ ихъ вообще малый. Одежда состоитъ изъ нѣсколькихъ халатовъ, верхній изъ нихъ у всѣхъ синей бумажной матеріи. Рукава широкіе, спускаются немного длиннѣе локтя. Прорѣзъ для руки сдѣланъ вполовину ширины рукава. Нижняя часть, составляя въ родѣ мѣшка, служитъ для согрѣванія рукъ. Японцы почти всегда прячутъ туда свои руки, это даетъ имъ карикатурный видъ. Брюки носятъ они въ обтяжку. Обувь — синіе чулки и въ сухую погоду надѣваютъ соломенныя подстилки подъ подошву ноги; нога продѣвается подъ веревочную петлю; отъ нея еще третья веревочка проходитъ между большимъ и вторымъ пальцами ноги, прикрѣпляясь къ носку подстилки. На головѣ ничего не носятъ. Движенія и манеры смѣшныя, женоподобныя. Аины же народъ красивый вообще. Смуглыя лица ихъ мужественны. Черные густые волосы свои на головѣ они брѣютъ спереди; сзади обстригаютъ въ кружокъ, какъ наши мужики. Бороды густыя и длинныя. Одежда состоитъ изъ халатовъ и шубъ изъ собачьихъ шкуръ, вверхъ шерстью. На ногахъ мѣховые чоботы, тоже вверхъ шерстью. При случаѣ, я подробнѣе опишу ихъ наружность и одежду.

Мы предложили подошедшимъ къ шлюпкамъ японцамъ нѣкоторыя вещи. Они сначала не рѣшались взять, но подъ конецъ соблазнились. На вопросъ нашъ, гдѣ ихъ джанчи (старшина), они на[illegible] на большое селеніе. Снявшись съ мели, мы поѣхали въ это селеніе. Шлюпка подошла вплоть до берега. Во время нашего переѣзда аины успѣли тоже перейти въ томари и снова окружили насъ у мѣста нашего выхода на берегъ. Изъ селенія къ намъ вышелъ японецъ. Невельской объяснилъ, что онъ желаетъ говорить съ джанчиномъ (офицеръ) и приглашаетъ его придти на берегъ. Японецъ, съ своей стороны, показывалъ намъ знаками, чтобы мы шли въ селеніе. Посовѣтовавшись, мы согласились принять его приглашеніе, потому что, повидимому, не было никакихъ укрѣпленій и военной силы у японцевъ, и слѣд. нельзя было ожидать, чтобы съ нами японцы сыграли бы такую же шутку, какую они съиграли съ Головнинымъ. Пройдя по пристани, на которой лежало множество плоскодонныхъ лодокъ, мы повернули отъ берега и поднявшись немного на возвышенность увидѣли нѣсколько строеній японской архитектуры, разбросанныхъ по холмамъ и между ними лежащей неширокой долины. Къ самому большому изъ нихъ велъ насъ японецъ. За нами шла цѣлая толпа аиновъ. Войдя въ строеніе, похожее на звѣринецъ, мы увидѣли семь японскихъ старшинъ острова Сахалина. Они сидѣли, поджавши ноги, на соломенныхъ ма-

тахъ, уложенныхъ по тремъ сторонамъ четырехугольнаго очага, на которомъ разведенъ былъ небольшой огонь. Старшій джанчи, чрезвычайно толстый, занималъ мѣсто президента. Одна сабля была заткнута у него за поясомъ, другая лежала подлѣ него. Остальные шесть японцевъ (его совѣтники) сидѣли по-трое по обѣ его руки. У четвертой стороны противъ старшинъ постланы были для насъ маты. Мы разлеглись на нихъ и начали объясняться насчетъ нашихъ намѣреній остаться жить съ японцами на Сахалинѣ. Весь сарай наполнился аинами. Ближе къ намъ, на возвышенномъ же полу усѣлись безъ особаго порядка остальные японцы, человѣкъ пятнадцать. Смѣшно было смотрѣть, какъ Невельской старался объяснить японцамъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и аинами, что занимаютъ Сахалинъ для защиты его отъ американцевъ. Когда казалось, что джанчи и товарищи поняли въ чемъ дѣло, мы вынули подарки, состоявшіе изъ сукна, шерстяныхъ платковъ, шарфовъ, стальныхъ вещей и пуговицъ. При раздачѣ вещей этихъ старшинамъ, они съ любопытствомъ разсматривали ихъ и укладывали подлѣ джанчи. Между тѣмъ намъ принесли вареную камбалу въ фаянсовыхъ чашкахъ, похожихъ на наши полоскательныя чайныя. Японцы показывали намъ, какъ надо управляться палочками, которыя замѣняютъ у нихъ наши ножи и вилки. Съ нами были взяты бутылка рому, бѣлаго вина и лимонаду. Мы угостили этими напитками японцевъ; видно было, что имъ наши вина нравились. Былъ уже часъ третій, а намъ еще надо было отыскать мѣсто для поселенія. Я предложилъ кончить объясненія съ японцами, чтобы ѣхать осматривать берегъ. Невельской началъ обнимать и цѣловать японцевъ, показывая знаками, что русскіе будутъ вмѣстѣ съ японцами дружно жить; что они американцевъ не пустятъ на Карафту (Сахалинъ по-японски), что пушки для этого привезли съ собою. Они очень холодно принимали эти ласки, ничего не отвѣчая на нихъ. Сѣвъ на шлюпки, мы поѣхали осматривать берегъ къ востоку отъ Томари. Доѣхавъ до первой бухты въ этомъ направленіи, мы попробовали-было подъѣхать къ берегу, но попавъ на мель, по желанію Невельского поѣхали далѣе за слѣдующій мысъ. Послѣ уже я увидѣлъ, какъ худо сдѣлали мы, что не осмотрѣли долины этой бухты; Невельской увидѣлъ бы тогда прекрасное мѣсто для поселенія, съ рѣкою. Послѣ я опишу эту бухту Пуруанъ-Томари. Видя, что Л. Бошнякъ и байдарки совершенно напрасно разъѣзжаютъ за нами, я предложилъ Невельскому отпустить ихъ на корабль съ тѣмъ, чтобы поручить имъ осматривать западный берегъ залива. Вообще

надо правду сказать, что осмотръ мѣстности былъ безпорядочно сдѣланъ. Слѣдовало тотчасъ же, по окончаніи объясненій съ японцами, разослать вездѣ офицеровъ въ шлюпкахъ и байдаркѣ осматривать берегъ, назначивъ каждому участокъ. Въ одни сутки осмотръ былъ бы конченъ, и мы не упустили бы изъ виду славной бухты Пуруанъ-Томари. Поѣхавъ же на двухъ шлюпкахъ и байдаркѣ по одному направленію и оставивъ въ бездѣйствіи на кораблѣ Л. Рудановскаго и штурмановъ, мы напрасно потеряли цѣлый день, и черезъ это Невельской, желая скорѣе кончить высадку, чтобы не опоздать въ Кастри и оттуда идти въ Петровское еще не позамерзшимъ рѣкамъ, навелъ себя на невыгодное и неполитическое, по моему мнѣнію, рѣшеніе, стать въ главномъ японскомъ селеніи.

Отославъ Бошняка и байдарку, мы продолжали съ Невельскимъ ѣхать вдоль берега. Обогнувъ мысъ, мы увидѣли въ миляхъ двухъ другой мысъ, за которымъ слѣдовало предполагать бухту. Гребцы были очень утомлены и потому, приставъ къ берегу, оставили людей со шлюпкой дожидать насъ, пока мы пѣшкомъ осмотримъ бухту. Пробираясь по лайдѣ на мысъ, я съ досадою нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и ждать, пока Невельской закуривалъ свою трубку. Къ несчастью еще спички были сырыя. Невельской, какъ ребенокъ, сердился; я просилъ его потерпѣть и не курить до возвращенія нашего на шлюпку, потому что закуриванье брало такъ много времени, что мы ничего не успѣли осмотрѣть. Не могши убѣдить его, я для ускоренія началъ доставать для него огонь, стрѣляя изъ карманнаго пистолета хлопчатою бумагою. Дойдя наконецъ до мыса, мы увидѣли обширную бухту, омывавшую довольно глубокую долину. «Тутъ нечего и смотрѣть, воскликнулъ съ радостью Невельской, завтра подойдемъ сюда и будемъ выгружаться». Желая разсмотрѣть поподробнѣе мѣсто, я предложилъ пройти далѣе по лайдѣ. Достигнувъ до глубины бухты, я пошелъ во внутрь долины черезъ растущій по лайдѣ тростникъ. Вдругъ саженей пять передо мной открылось небольшое озеро и впадающая въ нее небольшая рѣчка. Зачерпнувъ раковиною воды, я принесъ къ Невельскому; вода была прѣсная. Мы пошли далѣе по берегу, чтобы открыть устье рѣчки. Скоро мы дошли до него. Я попробовалъ перейти въ бродъ устье рѣки, но вода была выше голенищъ, и я вернулся. Въ это время задулъ несильный южный вѣтеръ, именно съ того румба, съ котораго бухта открыта съ моря. Вѣтеръ этотъ развелъ довольно большой бурунъ, вслѣдствіе чего Невельской нашелъ, что нельзя становиться въ бухтѣ, потому что разгрузка будетъ затруднительна. Бухта

эта, какъ я послѣ узналъ, наз. Хукуй-Катанъ. Начало смеркаться, мы пошли назадъ къ шлюпкѣ и въ 11-мъ часу вечера воротились на корабль. У Невельского родилась во время переѣзда нашего мысль встать въ сосѣдней бухтѣ (Пуруанъ-Томари) съ главнымъ ея селеніемъ. Въ ней видѣли мы нѣсколько японскихъ сараевъ, аинскихъ жилищъ и небольшой храмъ. Полагая невыгоднымъ занимать мѣсто, занятое уже японцами, я просилъ Невельского назначить слѣдующій день на осмотръ береговъ, разославъ всѣ гребныя суда, и если ничего хорошаго не найдутъ, тогда занять Пуруанъ-Томари, гдѣ мы были бы все-таки удалены отъ главнаго японскаго селенія хоть на одну милю. Невельской согласился на мое предложеніе и потому, пріѣхавъ на судно, я тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ разсвѣтомъ начать рекогносцировку. Съ разсвѣтомъ 21-го сентября я всталъ съ тѣмъ, чтобы спускать тотчасъ же шлюпки для рекогносцировки. Невельской еще былъ въ постели. Я зашелъ къ нему, чтобы условиться кому куда ѣхать осматривать берегъ, какъ вдругъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и хочетъ теперь высадить насъ въ главномъ японскомъ селеніи. Эта внезапная перемѣна мыслей произошла, какъ я послѣ узналъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ Клинкофстрёма, желавшаго, разумѣется, скорѣе отдѣлаться отъ стоянки въ осеннее время въ незакрытой бухтѣ и поэтому нежелавшаго, чтобы еще употребили цѣлыя сутки для прiисканія мѣста высадки, куда ему пришлось бы еще переходить съ кораблемъ. Я высказалъ рѣшительно свое мнѣніе Невельскому, что селиться въ селеніи японцевъ, между ихъ жилищами, не слѣдуетъ, потому что это есть поступокъ насильственный; что трудно будетъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ предупредить какія-нибудь пустячныя, но въ нашемъ положеніи важныя, столкновенія нашихъ людей съ японцами; что наконецъ, это противно приказаніямъ губернатора, назначившаго селиться въ сторонѣ отъ японскихъ селеній, да и противно самимъ словамъ инструкціи, которую онъ же, Невельской, далъ мнѣ насчетъ обращенія съ японцами и туземцами; въ инструкціи этой сказано, что обращаться съ японцами мирно, внушая имъ, что русскіе пришли на Сахалинъ защищать ихъ отъ иностранцевъ, а отнюдь не тревожить и не стѣснять ихъ. Наконецъ, въ инструкціи этой предписывается мнѣ не нарушать интересовъ японцевъ въ торговлѣ съ туземцами. Представивъ все это Невельскому, я спросилъ его, какъ же сдѣлать, чтобы согласить эти мирныя и осторожныя отношенія съ занятіемъ селенія японцевъ, съ водвореніемъ, такъ сказать, въ домѣ ихъ, и слѣд. стѣснивъ ихъ. Я получилъ на

это въ отвѣтъ, что необходимо стать на указанномъ мѣстѣ, что онъ считаетъ невозможнымъ разгружаться въ другомъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я, конечно, повинуюсь приказанію и буду дѣйствовать такъ, чтобы по возможности удержать мирныя сношенія съ японцами; но тѣмъ не менѣе духъ экспедиціи нашей измѣнился, теперь пушки и ядра будутъ болѣе на виду, чѣмъ товары; какое это будетъ имѣть вліяніе на наши политическія сношенія съ Японіею и на переговоры адмирала Путятина въ Нангасаки, — я не знаю, но не думаю, чтобы выгодное; одно ясно, что на Сахалинѣ у японцевъ военной силы нѣтъ, слѣд. мы можемъ дѣлать пока, чтó хотимъ. Кончивъ этотъ разговоръ, я уже больше не вмѣшивался въ разсужденія, потому что видѣлъ, что главная пружина всему—скорѣе выбросить насъ на берегъ. Надобно было слышать умствованія молодого, впрочемъ прекраснаго юноши Л. Бошняка, досаднѣе еще было видѣть, что Невельской вторилъ имъ, не потому, чтобы онъ обсудилъ предметъ, а потому, что это ускоряло его возвращеніе въ Петровское.

Теперь, когда я пишу эти строки, я вполнѣ убѣдился, что я былъ справедливъ въ своихъ доводахъ, но, конечно, я понялъ, что эгоизмъ Невельского простителенъ; онъ отвѣчалъ, кромѣ себя, и за безопасность судна—однимъ словомъ, онъ человѣкъ благородныхъ чувствъ, слѣд. многое ему простить можно. Бошнякъ—мечтатель и дитя.

IV.

Рѣшившись занять селеніе Томара, нужно было ближе подойти къ нему и потому мы снялись съ якоря и подойдя на глубину $4^1/_2$ с. противъ селенія, бросили снова якорь. Высадка должна была быть сдѣлана на 2-хъ шлюпкахъ и барказѣ. Въ барказъ были положены двѣ пушки, прикрытыя брезентомъ, вмѣстѣ съ ружьями. На носу шлюпокъ были выкинуты бѣлые флаги, на барказѣ и кораблѣ военные. Вся эта процессія двинулась къ берегу въ 11 часовъ утра 21-го сентября. На берегу насъ встрѣтила толпа аиновъ и нѣсколько человѣкъ японцевъ. Невельской началъ снова объяснять имъ наши мирныя намѣренія. Матросы выстроились въ двѣ шеренги; я, поднявъ флагъ, всталъ передъ ними. Скомандовавъ: шапки долой! Невельской приказалъ спѣть молитву. Команда запѣла молитву «Отче нашъ», потомъ спѣли «Боже царя храни», раздалось русское ура, откликнувшееся на кораблѣ, и Сахалинъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ. Собравшіеся японцы и аины съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Къ одному изъ столбовъ пристани прикрѣ-

пили флагъ и поставили къ нему часового, сзади флага раскинули двѣ палатки. Кончивъ все это, Невельской пошелъ съ японцами къ ихъ джанчину, а я съ Рудановскимъ началъ осматривать мѣстность, для выбора пункта къ заселенію.

Взойдя на возвышенность сѣвернаго мыса бухты, мы имѣли селеніе и всю долину на ладони. Но куда мы ни обращали глаза наши, вездѣ, на мѣстахъ удобныхъ и близкихъ къ пристани, видѣли японскія строенія. Рудановскій, поддерживавшій прежде мнѣніе Невельского, первый же сказалъ, что по его мнѣнію, селиться намъ здѣсь нельзя. Я замѣтилъ ему, что онъ теперь самъ видитъ, какъ ему не слѣдовало разсуждать на кораблѣ, не выходя на берегъ, гдѣ лучше селиться. Мысъ, на которомъ мы находились, такъ высокъ и крутъ, что строиться на немъ нельзя было и думать; долина и холмъ, раздѣляющіе на двѣ части, были всплошь застроены.

Сѣверный мысъ казался мнѣ самымъ удобнымъ. Онъ не высокъ, всходъ на него не слишкомъ труденъ, въ военномъ отношеніи положеніе его превосходно; если поставить на немъ баттареи,—селеніе и бухта будутъ находиться подъ продольными выстрѣлами. Но и этотъ мысъ былъ занятъ магазинами японцевъ. Возвратясь къ японскому джанчину, я нашелъ тамъ Невельского. Разсказавъ ему мой осмотръ, я передалъ ему мое мнѣніе, что считаю единственнымъ пунктомъ, возможнымъ для построекъ, сѣверный мысъ; но онъ застроенъ, и поэтому нахожу, что и на немъ становиться дурно, ибо для этого надо будетъ рѣшительно заставить японцевъ предоставить свои магазины намъ, или перенести ихъ въ другое мѣсто — а это есть насиліе. Невельской, мысленно соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, обратился къ японцамъ съ просьбою, чтобы они сами указали мѣсто для русскихъ. Японецъ, занимавшій второе мѣсто послѣ главнаго начальника, но имѣвшій, какъ казалось, большое вліяніе на послѣдняго, всталъ и повелъ насъ по селенію; идя за нимъ, Невельской, я и Рудановскій продолжали спорить насчетъ неудобствъ поселиться вмѣстѣ съ японцами. Между тѣмъ мы спустились къ лайдѣ и обогнувъ сѣверный мысъ, шли далѣе по берегу. Ясно было, что японецъ хотѣлъ предложить намъ стать въ сосѣднемъ селеніи Пуруанъ-Томари. Я радовался уже, что Невельской откажется отъ своего упорнаго желанія занять Томари, потому что здѣсь оказалось еще лучше, и что японцы сами назначатъ намъ, гдѣ поставить намъ наши баттареи, чтобы владѣть Сахалиномъ. Но радость моя была непродолжительная. Невельской, замѣтя, что японецъ отводитъ насъ отъ селенія Томари, остановилъ его и показалъ знаками, что онъ не хочетъ

идти далѣе. Я предложилъ ему подождать окончательно рѣшать мѣсто высадки, и посмотрѣть сперва, куда проведетъ насъ японецъ; если онъ укажетъ неудобное мѣсто, то тогда возвратиться назадъ, объяснивъ ему, что мы хотимъ встать въ Томари. Но никакія убѣжденія не дѣйствовали на Невельского и, что всего досаднѣе, Рудановскій, съ своей стороны, дѣлалъ безтолковыя замѣчанія, которыя еще болѣе поддерживали настойчивость Невельского. Позже Рудановскій раскаивался, когда осмотрѣлъ бухту Пуруанъ-Томари.

Чтобы смягчить немного настойчивое требованіе Невельского отъ японца, чтобы онъ отвелъ мѣсто въ своемъ селеніи, я показалъ ему знаками, что тамъ, куда онъ велъ насъ, должно быть мелко. Не знаю, понялъ ли онъ меня. Воротившись назадъ, мы поднялись на площадь сѣвернаго мыса и объяснили японцу, что это мѣсто мы хотимъ занять. На этой площадкѣ находились два сарая, ниже на скатѣ мыса стояли еще три магазина; далѣе слѣдовала вырытая въ горѣ площадка въ 11 саженей въ квадратѣ, одна сторона котораго была занята еще 6-мъ магазиномъ. Увидѣвъ эту платформу, Невельской съ радостью обратился ко мнѣ съ словами: «Что можетъ быть лучше этого мѣста, посмотрите—отсюда вы командуете селеніемъ и бухтой».—Это справедливо, отвѣчалъ я, если съ вершины мыса никто не будетъ нами командовать, да и потомъ, возможно ли обстроиться командѣ изъ 70 чел. состоящей на квадратѣ въ 11 саж.? Рѣшено было строиться двумя ярусами, поставивъ на оба по баттареѣ. Я уже говорилъ, что въ военномъ отношеніи два пункта эти хороши, но между нашими строеніями будутъ стоять японскіе магазины, слѣд. надо ихъ уничтожить, чтобы имѣть свой дворъ, такъ сказать; а не забудьте, что мы должны обращаться дружно и мирно съ японцами и не тревожить ихъ. Я это замѣтилъ Невельскому и предложилъ ему купить у японцевъ сараи. Торгъ нашъ не долго продолжался,—японцы готовы были, кажется, все отдать, только бы ихъ въ покоѣ оставили. Два магазина были куплены, слѣд. еще три остались на нашемъ дворѣ; этихъ они не хотѣли, или лучше сказать, не могли уступить намъ потому, что они заняты были какими-то нужными вещами. Рѣшивъ начать на другой день съ утра разгрузку, мы, оставивъ на берегу три орудія, 20 ч. людей подъ начальствомъ Рудановскаго, поѣхали дѣлать промѣръ бухты, чтобы выбрать мѣсто пристани нашимъ шлюпкамъ и барказамъ. Возвратясь на судно, мы условились съ Невельскимъ высадить на Сахалинъ 59 ч. матросовъ и 8 наемныхъ работниковъ, остальные 11 ч. матросовъ и одинъ казакъ оставлены были на суднѣ, болѣе для того, что экипажъ «Николая» былъ слишкомъ слабъ для

осенняго плаванія. Люди эти должны были зимовать въ гавани «Императора Николая», гдѣ находилось еще 11 ч. казаковъ сахалинской же экспедиціи: отправленные въ августѣ 5 казаковъ и 1 матросъ на островъ Сахалинъ съ Орловымъ, должны были присоединиться къ дессанту, если они прибудутъ къ мѣсту высадки его, т.-е. въ Томари.

Съ разсвѣтомъ 22-го сентября началась выгрузка; на кораблѣ былъ только одинъ барказъ и то подымавшій не болѣе 150-ти пудовъ. На шлюпкахъ, которыхъ было три, почти ничего нельзя было перевезть. Грузу слѣдовало перевезти около 4000 пудовъ. Корабль стоялъ отъ берега на полчаса ѣзды, такъ что, по разсчету, едва можно было бы въ недѣлю выгрузиться. Мы обратились съ просьбою къ японцамъ, чтобы они дали намъ двѣ большія лодки, называемыя у нихъ соймами. Они обѣщали, когда утихнетъ вѣтеръ, дувшій довольно сильно во весь день. Итакъ, 22-е число прошло почти въ бездѣйствіи. Ночью задулъ сильный ю.-з. вѣтеръ; къ разсвѣту онъ очень усилился. Не надѣясь, что одинъ якорь удержитъ, бросили другой. Волна развелась довольно большая, съѣхать на берегъ было невозможно. Къ вечеру начало стихать. На другой день всѣ поднялись съ разсвѣтомъ. Было довольно тихо и поэтому тотчасъ начали разгрузку. Я поѣхалъ на байдаркѣ на берегъ, собралъ тамъ аиновъ и послалъ ихъ на судно на соймѣ. Сойма — это большая плоскодонная лодка; она подымаетъ до 500 пудовъ и чрезвычайно удобна для перевоза тяжестей въ мелкихъ мѣстахъ. На соймѣ, которую я отправилъ на корабль, насѣло человѣкъ 15 аиновъ. Восемь изъ нихъ гребли короткими веслами, держа ихъ обѣими руками за поперечную палку, придѣланную къ веслу. При этомъ они пѣли, произнося, какъ казалось мнѣ, одни и тѣже слова. Подъѣхавъ къ судну, всѣ аины тотчасъ же бросились по трапу на судно, и съ большимъ любопытствомъ разсматривали его богатую внутренность. Всего болѣе удивляли ихъ стеклянныя окна. Бывшихъ на суднѣ свиней они перепугались. Съ помощью двухъ соймъ разгрузка шла очень скоро. Къ 24-му числу къ вечеру почти уже все было свезено на берегъ. 25-го, Невельской уѣхалъ рано утромъ на берегъ. Скоро за нимъ и я отправился, сдѣлавъ послѣднія распоряженія для отправки нѣкоторыхъ забытыхъ вещей. Пріѣхавъ на берегъ, я къ неудовольствію моему узналъ, что опасенія мои не были напрасны. Японцы, испуганные нашимъ нашествіемъ, ночью ушли всѣ изъ селенія во внутрь острова. Невельской требовалъ отъ аинскаго старосты, чтобы онъ ихъ привелъ назадъ и разгорячась взялъ его за бороду. Я тогда началъ уговаривать его, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ японцевъ и

аиновъ. Дѣло было поправить трудно, и мнѣ казалось, что если употребить силу, то это еще больше испортило бы его. Къ 2-мъ часамъ пополудни разгрузка совершенно окончилась. Во все время ея погода была пасмурная, но большого дождя не было.

Позавтракавъ въ старомъ японскомъ сараѣ, въ которомъ помѣщены были наши люди, Невельской и Рудановскій сѣли на шлюпку, чтобы ѣхать на судно. Команда была выстроена въ двѣ шеренги. Прощаясь съ нею, Невельской передалъ ее подъ мое начальство. Я остался на берегу, и когда Невельской отъѣхалъ саженъ на 50 отъ берега, я велѣлъ салютовать съ двухъ баттарей, стоявшихъ на мысу. Русскіе пушечные выстрѣлы впервые огласили берега Сахалина. Кончивъ салютъ, я сѣлъ въ байдарку и поѣхалъ на судно. Прощальный обѣдъ нашъ прошелъ тихо, взаимныя желанія счастливаго окончанія зимовки были отъ души высказаны другъ другу. Въ 6-мъ часу, я сѣлъ съ Рудановскимъ на шлюпку, которая назначалась остаться съ нами на Сахалинѣ. Недалеко отъѣхавъ отъ судна мы услышали съ корабля выстрѣлы — это былъ отвѣтный прощальный салютъ начальнику Муравьевскаго поста. Поднявъ весла, мы встали, махая фуражками, на кораблѣ раздался крикъ «ура»; матросы наши со шлюпки и съ берега громко отвѣчали на него. Приставъ къ пристани, заваленной бочками, ящиками и другими вещами, я остался до сумерекъ смотрѣть за работою. Нужно было ихъ поднимать въ сарай, уступленный намъ японцами, за товары на 60 руб. сер. Сарай этотъ стоялъ на нижней площадкѣ мыса, подъемъ къ нему довольно крутъ и потому переноска тяжестей затруднительна. «Николай» до 3-го часу ночи не могъ сняться съ якоря по случаю маловѣтрія; но къ разсвѣту его уже не было въ виду нашей бухты. Весь слѣдующій день былъ употребленъ на переноску бочекъ и проч. съ пристани въ пакхаузъ. Я, между тѣмъ, назначилъ мѣсто для строеній, рѣшивъ строить на нижней площадкѣ у баттареи одну казарму для 20 чел., на верху мыса двѣ казармы для 40 чел., офицерскій флигель (онъ былъ привезенъ готовымъ изъ Аяна) и пекарню. Четыре эти строенія должны были составлять четыре угла четыреугольника, имѣющаго двѣ стороны по 16 и двѣ стороны по $14^1/_2$. Соединивъ строенія стѣною съ бойницами и поставивъ на двухъ углахъ по діагонали на башнѣ по два орудія, я предполагалъ устроить на скорую руку нѣчто въ родѣ крѣпости. На нижней баттареѣ тоже должна была быть поставлена стѣна и башня.

На всѣ эти постройки требовалось много лѣсу. Еще Невельской просилъ японцевъ продать множество превосходныхъ бревенъ, лежавшихъ у нихъ на пристани; они на все соглашались, но однако

промѣнъ не состоялся. Теперь японцевъ не было, и потому я обратился къ аинскому старшинѣ, которому японцы поручили присмотръ за ихъ магазинами. Принеся къ нему въ сарай, гдѣ было собравшись много аиновъ, товаровъ на 180 р. сер., я объяснилъ ему, что хочу купить лѣсъ. Онъ тотчасъ согласился на продажу его, и принялъ товары наши. Въ этотъ же день начали собирать срубъ, привезенный изъ Аяна и, на другое утро, заложили казармы на нижней и верхней баттареяхъ и пекарню. Превосходный лѣсъ, болѣе аршина въ діаметрѣ, былъ употребленъ на первый вѣнецъ. Работа закипѣла. Къ счастію нашему, погода стояла прекрасная. Тотчасъ же были устроены временная пекарня и кузница, а черезъ два дня и кирпичная. Люди раздѣлены были мною на три капральства, каждое по 20 чел.: 1-е капральство должно было строить для себя казарму (въ 5 с. дл. и 3 шир.) на верхней баттареѣ; 3-е тамъ же пекарню и срубъ; 2-е казарму на нижней баттареѣ. Послѣднее строеніе я далъ въ распоряженіе Рудановскому, для того именно, чтобы ему имѣть отдѣльное занятіе и тѣмъ удалить столкновенія съ его неуживчивымъ и тяжелымъ характеромъ. Но, къ сожалѣнію моему, что я ни дѣлалъ для того, чтобы не ссориться съ нимъ, но все-таки при самомъ же началѣ мнѣ пришлось нѣсколько разъ напоминать, что двухъ хозяевъ въ домѣ не можетъ быть и что, поэтому, ему не слѣдуетъ распоряжаться ни людьми, ни дѣлами тамъ, гдѣ ему не указано мною. Послѣ еще болѣе выказался несносный характеръ этого человѣка. На бѣду мою и назначенный содержателемъ компанейскаго имущества Самаринъ показалъ въ себѣ порокъ, котораго я никакъ не ожидалъ въ немъ. На второй или третій день по уходѣ «Николая» отъ насъ, я имѣлъ нужду въ Самаринѣ, послалъ за нимъ,—въ пакхгаузѣ его не было; я послалъ искать его, и одинъ изъ посланныхъ пришелъ мнѣ сказать, что нашелъ Самарина пьянымъ въ японскомъ сараѣ и что на зовъ его придти ко мнѣ, онъ не хотѣлъ идти. Тогда я самъ пошелъ за нимъ и нашелъ его дѣйствительно совершенно пьянымъ въ одной изъ комнатъ японскаго дома, гдѣ онъ располагался выспаться, вѣроятно для того, чтобы скрыться отъ меня.

Взявъ его съ собою, я отправилъ его въ пакхаузъ, откуда часовому приказалъ не выпускать его. Съ горестью подумалъ я, что мнѣ придется цѣлую зиму провести съ такими людьми,—одинъ хотя и благородный, но неуживчивый, немножко грубый, другой—пьяница. Между тѣмъ работа шла своимъ чередомъ. Разъ какъ-то аинскій старшина прибѣжалъ ко мнѣ и показывалъ что-то знаками, указывая на селеніе Пуруанъ-Томари. Не понявъ его, я послалъ туда унтеръ-офицера Телепова и моего слугу

узнать, что такое. Онъ долго не возвращался, такъ что я началъ безпокоиться и поѣхалъ самъ на шлюпкѣ, взявъ 4-хъ вооруженныхъ гребцовъ. Доѣхавъ до селенія, я встрѣтилъ посланныхъ. Они разсказали мнѣ, что медвѣдь разорвалъ трехъ аиновъ, и поэтому цѣлая толпа аиновъ и женщинъ ихъ собрались и пошли туда, гдѣ случилось несчастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ отъ нихъ, что въ селеніи этомъ есть рѣчка, по которой можно ѣхать на шлюпкѣ. Я тотчасъ же поѣхалъ осмотрѣть ее, и дѣйствительно, шлюпка хорошо вошла въ устье, недалеко отъ котораго, на берегу, поставлена въ сараѣ японская одномачтовая джонка; далѣе былъ видѣнъ мостъ. Такъ какъ уже стемнѣло, то я, не осмотрѣвъ рѣки, воротился назадъ. 29-го, въ 3-мъ часу пришелъ ко мнѣ аинъ съ извѣстіемъ, что большое трехмачтовое судно пришло къ берегамъ Анивы. Я тотчасъ же послалъ Рудановскаго узнать, какое судно; но не успѣлъ онъ еще заѣхать за лѣсъ, какъ встрѣтилъ второго офицера транспорта «Иртышъ», ѣхавшаго съ проводникомъ аиномъ въ наше селеніе. Офицеръ этотъ, не совсѣмъ трезвый (фамиліи его не помню) передалъ мнѣ, что транспортъ стоитъ на якорѣ за селеніемъ Хукуй-Кипанимъ. Оставивъ его обѣдать, я узналъ отъ него, что «Иртышъ» сдѣлалъ неудачное плаваніе отъ Петровскаго зимовья, имѣя постоянно противные вѣтры. Послѣ обѣда я тотчасъ же приказалъ ему ѣхать на транспортъ передать приказаніе командиру его, Л. Гаврилову, сняться съ якоря и идти на видъ нашего поста, откуда я предполагалъ тотчасъ же отправить его въ гавань «Императора Николая» на зимовку. Рудановскій просилъ меня отпустить его тоже на судно; я охотно отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ ночевать и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ бы Гаврилову якорное мѣсто нашего рейда. Двое сутокъ я ждалъ судно. Противный вѣтеръ и дурныя качества транспорта не позволяли ему подойти къ намъ. Наконецъ 31-го сентября показался парусъ въ миляхъ 10-ти отъ насъ. Съ безпокойствомъ смотрѣлъ я на едва держащагося «Иртыша» короткими галсами. Боясь, чтобы не было поздно ему идти на зимовку, я послалъ шлюпку, съ приказаніемъ Рудановскому возвратиться, а транспорту слѣдовать на зимовку. Надо сказать, что мнѣ дана была власть распоряжаться всѣми судами камчатской флотиліи, приходящими въ Аниву и оставлять ихъ въ порту — если обстоятельства того потребуютъ; у насъ все было спокойно и поэтому я не находилъ нужды держать «Иртышъ».

Въ ожиданіи возврата шлюпки я пошелъ прогуляться на сѣверный мысъ. Взобравшись на самую вершину мыса я невольно остановился и долго любовался прекраснымъ видомъ за-

лива. Прямо передо мною синѣли, по другую сторону залива, освѣщенныя солнцемъ горы; налѣво у ногъ моихъ лежало японское селеніе въ красивой долинѣ, окруженной невысокими холмами. На южномъ мысу видны были наши постройки. Срубъ, привезенный изъ Аяна, уже готовъ, и я перешелъ въ него жить изъ ветхаго японскаго сарая.

2-го октября, когда я пришелъ въ селеніе, мнѣ доложили, что поручикъ Орловъ воротился изъ своей экспедиціи. Онъ былъ посланъ Невельскимъ описать западный берегъ острова отъ 51° с. ш. до южной его оконечности, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать о положеніи владѣній японскихъ въ Анивѣ. Дойдя до селенія Наіоро по 46 гр., онъ возвратился назадъ, услыхавъ, что японцы, живущіе на западномъ берегу, хотятъ дурно встрѣтить его. Перейдя на восточный берегъ, онъ спустился на югъ, гдѣ, не доходя мыса Анивы, перевалился черезъ горы къ нашему посту, о занятіи котораго онъ узналъ отъ аиновъ и встрѣтившихся ему у селенія Найпу японцевъ, бѣжавшихъ отъ насъ. Орловъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, некрасивой наружности; съ нимъ пришли пять якутскихъ казаковъ (выбранныхъ мною въ Якутскѣ) и одинъ матросъ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы Орловъ остался зимовать у меня; между тѣмъ транспортъ повернулъ уже въ море, Рудановскій возвратился. По словамъ ихъ, пушечный выстрѣлъ не могъ быть слышенъ на суднѣ; однако я попробовалъ и сдѣлалъ три выстрѣла, и совершенно удачно: судно поворотило обратно къ порту. Въ ожиданіи его, я разспрашивалъ Орлова про путешествіе его на Сахалинѣ. Изъ отрывочныхъ разсказовъ его я узналъ только, что дойдя до Наіора, онъ возвратился на восточный берегъ Сахалина. Послѣ разсказалъ мнѣ казакъ Березкинъ, что по пріѣздѣ ихъ въ Наіоръ прибылъ туда, бурною ночью, изъ селенія японцевъ старикъ аинъ съ извѣстіемъ, что японцы хотятъ перевязать русскихъ. Этотъ же аинъ передалъ Орлову о нашей высадкѣ и далъ своего сына проводить его туда, совѣтуя скорѣе уходить отъ японцевъ. Орловъ самъ-седьмой и безъ оружія, конечно, принялъ совѣтъ этотъ и пошелъ по р. Кусуной и далѣе по Мануѣ на восточный берегъ. Придя въ Найпу, онъ засталъ 13 японцевъ, бѣжавшихъ изъ Томари. Боясь ихъ, онъ хотѣлъ-было скрыть, что русскіе ѣдутъ и велѣлъ казакамъ гресть по аински (т.-е. одно весло послѣ другого, а не вмѣстѣ), но японцы все-таки узнали ихъ и ушли изъ селенія въ гору. Подымаясь по рѣкѣ, Орловъ встрѣтилъ еще трехъ японцевъ и узнавъ, что они ушли отъ русскихъ изъ Томари, уговаривалъ ихъ возвратиться, на что они отвѣчали, что предложатъ это своему джанчину. Свернувъ съ р. Найпу, Орловъ пошелъ черезъ

хребты въ Томари. Дорога эта, по разсказу его, очень хороша; она идетъ черезъ невысокія горы и долины; много есть березовыхъ рощъ. Казакъ Березкинъ разсказалъ мнѣ послѣ, что въ сторонѣ селеній Наіоръ и Найпу населеніе аиновъ гораздо больше, чѣмъ у береговъ залива Анивы, и что тамошніе аины богаче и очень чистоплотны; что вообще всѣ они не любятъ японцевъ, потому что тѣ съ ними жестоко обращаются. Березкинъ разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ одного аина въ Найпу, которому японцы разрубили плечо и нанесли еще нѣсколько ранъ; въ чемъ именно аинъ провинился—Березкинъ не зналъ. Когда стемнѣло, на «Иртышѣ» сожгли фальшфейръ; я приказалъ отвѣчать ему тѣмъ же знакомъ. Вечеромъ въ часу десятомъ пріѣхалъ Гавриловъ въ мундирѣ съ рапортомъ. Напившись съ нимъ чаю, я проводилъ его и Орлова къ шлюпкѣ, гдѣ мы и простились.

Ночью на 3-е октября «Иртышъ» снялся съ якоря и вышелъ съ попутнымъ вѣтромъ изъ Анивы. Я послалъ съ нимъ рапорты (о благополучіи въ Муравьевскомъ постѣ) къ генералъ-губернатору и Невельскому, и письма къ роднымъ, Корсакову, Невельскому и Политковскому.

Такъ началась наша зимовка на Сахалинѣ.

Н. Буссе.

ТЕРПѢНЬЕ!

Подражаніе Беранже.

Давно ужъ я въ тюрьму попалъ
(По волѣ Неба, безъ сомнѣнья)
И, сидя въ ней, вполнѣ позналъ,
Что въ жизни главное — терпѣнье;
Съ тѣхъ поръ, едва замѣчу гдѣ
Нетерпѣливое волненье, —
Твержу всегда, твержу вездѣ:
— Терпѣнье, господа, — терпѣнье!

* * *

Неблагодарный арестантъ
Все жаждетъ лучшаго удѣла:
Зеленый воротникъ и кантъ
Клянетъ, крича, что «тянутъ дѣло»;
«Ужъ силъ нѣтъ долѣе страдать,
Меня убьетъ сердцебіенье!...»
(Чудакъ! — не хочетъ умирать!) —
— Имѣйте, милый мой, терпѣнье!

* * *

Старуха, арестанта мать,
Все молитъ объ освобожденьи.
— Мой другъ, старайтесь же понять
Всю непристойность нетерпѣнья...

«Стара я», говоритъ она,—
«Не опоздало бы рѣшенье...»
— Ахъ, Боже мой!—не вы одна!...
Имѣйте, мать моя, терпѣнье!

* * *

Болѣзненный отецъ-старикъ
О сынѣ каждый день вздыхаетъ
(Чудакъ, въ два года не привыкъ!)
И на судьбу свою пѣняетъ:
«Работать не могу ужъ я,
Работникъ—сынъ мой, въ заключеньи,
А хлѣба требуетъ семья...»
— Чтожъ дѣлать, сударь мой!—терпѣнье!

* * *

Забившись въ темный уголокъ,
Тоскуетъ дѣвушка: «Мой милый,
Когда жъ мученьямъ нашимъ срокъ?
Когда же срокъ тюрьмѣ постылой?—
Всѣ лучшіе мои года
Въ тоскѣ проходятъ и въ томленьи...»
— Стыдитесь, право, господа!—
Имѣйте жъ крошечку терпѣнья!

Л. М. Н.

12 сентября.

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

РОМАНЪ.

Переводъ съ рукописи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ*).

Бесѣда принца съ оберфорстмейстеромъ скоро окончилась.

— Да, принцъ и другъ, сказалъ оберфорстмейстеръ, послѣ короткаго молчанія, ты благодаришь Бога, что твои лѣта позволяютъ тебѣ держаться вдалекѣ отъ арены политической борьбы, и ты можешь предоставить эту борьбу болѣе юному поколѣнію, а самъ остаешься зрителемъ того, какъ она справляется съ задачами вѣка и принимаетъ ихъ на себя, очертя голову и съ высокомѣріемъ. Все это ты понялъ, Эрихъ, понялъ возможность самоотстраненія въ великихъ вопросахъ жизни, и не хочешь признать того же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что ты называешь личнымъ счастьемъ? Неужели же ты всегда больше любилъ самого себя, чѣмъ другихъ? Въ этомъ я никому не повѣрю, даже и самому тебѣ, если бы ты вздумалъ утверждать подобное. Но ты и не станешь этого утверждать, не правда ли, Эрихъ, мой господинъ, мой другъ, ты этого не скажешь?

Голосъ старика задрожалъ отъ волненія, при послѣднихъ словахъ, и онъ схватилъ трепещущими руками руку принца.

— Благодарю тебя, Герардъ, сказалъ принцъ, благодарю тебя отъ всего сердца, если я... Оставь меня теперь одного, Герардъ, я долженъ побыть наединѣ съ самимъ собою.

---

*) См. выше: іюнь, 648; іюль, 251; авг. 729, и сент. 220 стр.

Принцъ, послѣ легкаго пожатія, освободилъ свою руку. Оберфорстмейстеръ подавилъ вздохъ, готовый вырваться изъ его груди, повернулся и пошелъ.

Принцъ мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

«Слова, слова! шепталъ про себя онъ. Но развѣ и могъ я ожидать чего-нибудь другого отъ этого добряка? Какъ могъ я быть настолько безумнымъ и мечтать, что онъ въ состояніи мнѣ помочь, что кто-либо въ состояніи мнѣ помочь — мало того: захочетъ мнѣ помочь! Всякій думаетъ только о себѣ, и онъ думаетъ только о своемъ покоѣ, а теперь горюетъ, что я нарушилъ его покой. Если бы онъ все зналъ... но я и то слишкомъ много ему наговорилъ. Пожалуй, онъ правъ, считая меня равнымъ себѣ. Я сталъ такимъ же болтуномъ, какъ и онъ.»

Принцъ боязливо оглянулся во всѣ стороны; въ саду не было ни души. Но это уединеніе не удовлетворяло его. Притворенныя ворота выходили прямо въ лѣсъ, на дорогу, которая, образуя дугу, вела лѣсомъ въ гору къ охотничьему зáмку.

Онъ прошелъ черезъ ворота въ лѣсъ ускореннымъ шагомъ, словно спасаясь отъ погони. Затѣмъ внезапно остановился; чего же хотѣлъ онъ? Зачѣмъ искалъ уединенія? Онъ хотѣлъ прочесть письмо маркиза, которое уже читалъ несчетное число разъ и теперь принялся снова читать съ такимъ любопытствомъ, какъ и въ впервые:

«Принцъ! Простите, если мое слишкомъ впечатлительное сердце поставило меня въ положеніе, заставляющее покинуть зáмокъ Рода съ такой неприличной поспѣшностью, въ такой необычный часъ, не простившись съ вами, съ лицомъ, которое навсегда останется для меня свѣтлымъ идеаломъ всякихъ человѣческихъ и царственныхъ добродѣтелей. Ахъ, принцъ, если бы я менѣе вамъ удивлялся, менѣе васъ любилъ, — мое сердце молчало бы; но оно громко возопило о мщеніи, когда я увидѣлъ, что вашему семейному счастью угрожаетъ опасность, опасность со стороны человѣка, который одинаково желалъ бы отнять у васъ власть, жизнь, любовь. Увѣренный въ своей безкорыстной привязанности, поддерживаемый сознаніемъ чистоты своихъ побужденій, я рѣшился пойти на то, что могло бы считаться преступленіемъ, если бы не требовало для своего выполненія всяческой доблести. Я хотѣлъ поразить и увлечь той чарующей силой, для ознакомленія съ которой мы тратимъ нашу молодость, — душу, готовую, какъ я видѣлъ, поддаться приманкамъ любви, и когда она, пораженная и увлеченная, рѣшилась бы послѣдовать за чародѣемъ, я хотѣлъ обратиться къ ней съ предостереженіемъ, какъ другъ, сказать ей: посмотри, вотъ къ чему это приводитъ,

вотъ къ чему привело бы, если бы ты попала не въ чистыя руки друга, а въ руки соблазнителя!

«Принцъ, повторяю: то было смѣлое предпріятіе, безумный планъ, смѣлость и безуміе, всегда присущія всякому геройскому поступку. Позвольте мнѣ быть краткимъ, принцъ. Моя цѣль достигнута; та прекрасная, но черезчуръ страстная душа предупреждена, она испытала очарованіе, испытала головокруженіе на краю пропасти; она дальше не пойдетъ, она вернется назадъ, она теперь будетъ знать, что нельзя жить на днѣ пропасти, что женщина, желающая остаться добродѣтельною, должна бѣгать не любовниковъ, а любви, не соблазнителей—а соблазна.

«Что путь къ такой цѣли былъ усѣянъ опасностями — это было мнѣ извѣстно, принцъ. Но я былъ бы недостойнымъ потомкомъ рода Флорвилей, если бы отступилъ передъ этими опасностями. Я не говорю объ угрожавшей опасности самому поддаться очарованію — я чувствовалъ, что моимъ талисманомъ будетъ дружба; я не говорю объ опасности быть непонятымъ вами — я зналъ, что лучшій изъ людей въ то же время всегда и мудрѣйшій; менѣе всего конечно сталъ бы я говорить о презрѣннѣйшей изъ всѣхъ опасностей: о пистолетномъ дулѣ, направленномъ въ мою грудь, если бы молчаніемъ своимъ не рисковалъ затемнить положеніе, которое желаю выяснить.

«Принцъ! тотъ, отъ кого я хотѣлъ охранить колеблющуюся добродѣтель, противопоставивъ его чарамъ сильнѣйшія чары — этотъ человѣкъ сдѣлался на первый взглядъ защитникомъ невинности. Я протестую противъ такого оборота дѣла, и протестовалъ бы еще громче, если бы все это не было неизбѣжно и если бы такое заблужденіе могло быть продолжительно; но это невозможно. Кто повѣритъ серьезно тому, что человѣкъ, являющійся во всемъ вашимъ врагомъ, въ этомъ священномъ дѣлѣ станетъ вашимъ другомъ; не проще ли предположить, что вы довѣрите и свою любовь защитѣ того, кому вы уже ввѣрили свое общественное положеніе, свою жизнь, свою честь?

«Принцъ! Скоро, скоро яркій свѣтъ озаритъ тьму, въ которую погружена Европа, и изумленный міръ пойметъ наконецъ, что Франція и ея сыны могутъ сражаться только на той сторонѣ, которая служитъ палладіумомъ любви къ ближнему, справедливости и братства, что Франція и ея сыны предоставляютъ всегда врагамъ защиту эгоизма, лжи и тиранства.

«Принцъ! микроскопическій поединокъ между истиной и ложью, между честью и вѣроломствомъ, на который я выступаю теперь, будетъ прологомъ великой борьбы, долженствующей вспыхнуть и окончиться какъ и моя дуэль. Я вынужденъ ли-

шить бѣднаго прусскаго короля одного изъ его самыхъ гордыхъ рыцарей. Мнѣ очень жаль, но гордый рыцарь самъ этого пожелалъ.

«Я кончаю, принцъ, тѣмъ же, чѣмъ и началъ: увѣреніемъ въ высокой любви и глубокомъ уваженіи, которыя не перестанетъ до конца жизни питать къ вамъ, преданный вамъ

«*Викторъ-Анатоль де-Флорвиль.*»

Принцъ спряталъ смятое письмо и шепталъ про себя, идя далѣе:

«Какъ старается онъ, бѣдняга, объяснять мнѣ то, что для меня не требуетъ никакого объясненія... Почему же ему не нести свою молодость и красоту на рынокъ, гдѣ такой спросъ на этотъ товаръ? Но въ самомъ дѣлѣ, я не могу этого понять. Я уважалъ бы чарующую силу красоты и ума; но такого рода положеніе возмутительно, возмутительно! И если ему въ нѣсколько часовъ стало все яснымъ, то пожалуй, вскорѣ воробьи съ крышъ станутъ кричать объ этомъ? Что изгнало отсюда этого бѣднаго, славнаго Горста, какъ не то привидѣніе, которое гуляетъ по моему дому, не тотъ скелетъ, который скалитъ на меня зубы изъ каждаго угла, и который не кто иной, какъ я самъ, да! я самъ — смѣшное пугало, прогоняющее всѣхъ-кто меня знавалъ въ лучшіе дни и теперь не желаетъ видѣть, какъ низко палъ Эрихъ фонъ-Рода.»

Онъ снова остановился и боязливо поглядѣлъ вокругъ себя.

«Хоть бы его убили! хоть бы кто-нибудь мнѣ встрѣтился съ этою вѣстью! Нѣтъ, онъ мнѣ не доставитъ этого удовольствія, не разстанется съ жизнью; онъ хорошо знаетъ, что это было бы единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ можетъ мнѣ доставить. Этотъ нечестивый родъ ничѣмъ не изведешь, какъ и сорную траву, какъ вонъ ту болиголову; съ этимъ я такъ и умру.... И изъ ея рукъ, изъ ея собственныхъ рукъ принять кубокъ съ ядомъ! Да, въ ея рукахъ жизнь и смерть! Не жизнь, но только смерть! Я не хочу и не могу жить безъ нея, а съ ней.... вчера еще я надѣялся, сегодня нѣтъ больше надежды, сегодня это невозможно!»

Несчастный брелъ все дальше по крутой лѣсной дорогѣ и вышелъ наконецъ на тропинку, выбитую въ скалахъ лѣваго берега долины, такъ что справа представлялась глубокая ложбина, на днѣ которой шумѣлъ ручей, впадающій въ Роду. На верху скалы дорожка вела къ охотничьему за́мку, а поднявшись по каменной лѣстницѣ, можно было выйти прямо на трехугольную террассу, которую, благодаря тому, что она лежала въ сто-

ронѣ, посѣтили только немногіе изъ вчерашнихъ гостей, не могшихъ всласть налюбоваться романтичностью мѣста.

Принцъ, изнемогшій отъ усилій при подъемѣ на гору, и еще болѣе отъ кипѣвшей въ немъ страсти, опустился на одну изъ изящныхъ скамеекъ террассы, подперевъ голову рукой, и устремилъ взоръ черезъ перила въ бездну.

«Да, разсуждалъ онъ про себя, сегодня это невозможно, сегодня я могу предстать передъ ней только какъ обвинитель: вотъ, что ты сдѣлала, вотъ какое преступленіе совершила ты надо мной! Ея обвинитель и ея судья! Но эта глубокая, темная бездна недостаточно темна и глубока, чтобы схоронить ее и позоръ, которымъ она меня покрыла, и если бы весь этотъ лѣсъ занялся пламенемъ, то этого пламени было бы мало, чтобы стереть съ лица земли позоръ, наброшенный на мое имя! О стыдъ, о позоръ!» — Гедвига!...

Въ дверяхъ, которыя вели съ террассы въ одну изъ нижнихъ залъ зáмка, стояла она, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ большой соломенной шляпой въ лѣвой рукѣ.

Сквозь густую зелень мощныхъ платановъ, выступавшихъ изъ лѣса возлѣ террассы и бросавшихъ прохладную тѣнь, трепетные лучи свѣта озаряли ея фигуру.

Страшныя мысли, которыя только-что поглощали принца, разсѣялись, какъ легкія утреннія облака передъ восходомъ солнца! Забыта ненависть, наполнявшая его сердце, забыта месть, о которой онъ помышлялъ, забыто все! Его душой всецѣло овладѣлъ этотъ образъ, воплощавшій для него всю земную прелесть и красоту, передъ которой благоговѣть и преклоняться влекла его какая-то сила, войти въ борьбу съ которой для него казалось столь же невозможнымъ, какъ не закрыть глазъ передъ лучами солнца.

И съ опущенными къ землѣ глазами, съ дрожью въ колѣняхъ, весь трепеща, стоялъ онъ передъ ней, прижимая свои судорожно искривленныя губы къ ея рукамъ и лепеча:

— Прости мнѣ, Гедвига, прости мнѣ!

Она довела его, почти безчувственнаго, до скамьи, съ которой онъ всталъ при ея появленіи, и сѣла возлѣ него.

— Мы должны многое другъ другу простить, сказала она.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ принцъ, я виноватъ, одинъ я, я..... прочти это письмо.

Онъ хотѣлъ передать ей письмо маркиза. Гедвига отстранила его руку.

— Извини, оно такъ смято, сказалъ принцъ.

Слабый призракъ его обычной свѣтской улыбки появился на

его блѣдныхъ губахъ и тронулъ Гедвигу противъ ея воли. Она взяла письмо, прочла и сказала, возвращая:

— Что же ты объ этомъ думаешь?

— Что это ложь, безчестная продѣлка! вскричалъ принцъ, разрывая письмо и бросая за перила смятые клочки бумаги.

— И это первая мысль, которая пришла тебѣ въ голову? спросила Гедвига.

Принцъ вперилъ взоръ въ землю, не чувствуя себя въ силахъ дать отвѣтъ.

Гедвига, не спуская глазъ съ блѣднаго лица, продолжала твердымъ голосомъ:

— Нѣтъ, это не такъ, это не могло быть такъ. Вѣдь безчестная продѣлка была разыграна не на твоихъ глазахъ; да и на моихъ глазахъ разыгралась она лишь отчасти. Но прежде всего ты долженъ узнать все, что мнѣ извѣстно.

Гедвига сообщила въ спокойныхъ и ясныхъ выраженіяхъ то, что произошло между ней и маркизомъ при первой встрѣчѣ, три дня тому назадъ, въ Эрихстальскомъ саду. Она повторила, насколько могла припомнить, каждое слово, сказанное между ними, и ея память не измѣнила ей даже относительно незначительныхъ подробностей.

Она описала поведеніе маркиза, свѣтская любезность котораго, приправленная фанфаронствомъ, возбуждала въ ней порою удивленіе, чаще же желаніе подтрунить надъ нимъ, пока безумная сцена, случившаяся вчера вечеромъ въ башнѣ, не доказала ей неслыханной дерзости маркиза, которая осталась бы совершенно непонятной, если бы то, что ей только-что сообщила Мета, не объясняло отчасти его поведенія.

— Вотъ все, что касается этого господина, сказала она; я бы стыдилась останавливаться такъ долго на такомъ глупцѣ, если бы не было необходимо перейти такимъ образомъ отъ забавнаго пролога къ трагедіи, въ которой мы съ тобой изображаемъ достойныхъ сожалѣнія героевъ; но прежде я должна упомянуть еще о третьей личности.

Принцъ сидѣлъ какъ вкопанный.

Смѣлая увѣренность, съ которой Гедвига шла прямо къ цѣли, вокругъ которой онъ самъ такъ боязливо вращался и которую въ настоящую минуту желалъ бы видѣть отодвинутой въ недосягаемую даль, захватила у него дыханіе.

— Перейдемъ къ третьей личности, сказала Гедвига. Ты знаешь, что я хочу говорить о графѣ Гейнрихѣ; мнѣ предстоитъ также передать его повѣсть, правда иного свойства, чѣмъ первая, повѣсть далеко не забавная, стоившая мнѣ много слезъ и

до сихъ поръ тебѣ неизвѣстная, въ чемъ прежде всего и признаю себя передъ тобой виноватой.

— Остановись! вскричалъ принцъ. Я не хочу, не могу слушать дальше.

— Ты долженъ выслушать, сказала Гедвига; я не могу тебя избавить отъ этой пытки, которая въ сущности будетъ для тебя благодѣяніемъ. Истина во всякомъ случаѣ благодѣяніе.... Я тебѣ еще тогда говорила, что моему сердцу нанесенъ былъ смертельный ударъ несчастной любовью; я не назвала тогда человѣка, сдѣлавшаго меня безгранично несчастной—можетъ быть, я дурно поступила, но ты меня не спрашивалъ объ этомъ, и я сочла, что ты раздѣляешь мое мнѣніе и думаешь также какъ и я, что тебѣ достаточно знать, что я была несчастна, что въ тебѣ я искала спасенія отъ свѣта, казавшагося мнѣ могилой, что я хотѣла посвятить незаглохшее во мнѣ безвозвратно участіе къ людямъ, потребность дѣлать добро, страсть помогать, утѣшать,—тебѣ, нѣжному другу, тебѣ и окружающимъ тебя, съ упованіемъ взиравшимъ на своего добраго господина, какъ на свою защиту и опору, и что въ этой прекрасной, высокой задачѣ я надѣялась снова обрѣсти покой для сердца, миръ для души... И я поклялась въ тотъ торжественный часъ, что буду любить тебя чистой любовью дочери. Я тебѣ за многое благодарна: за серьезное намѣреніе оставаться вѣрнымъ клятвѣ, за доброту, съ какой ты относился къ своей дочери, за все прекрасное, которымъ ты украсилъ ея жизнь; но цѣннѣе всего для нея было то довѣріе, которое ты ей оказывалъ, раздѣляя съ ней заботы, никогда непокидавшія тебя, нѣжныя заботы о благѣ подвластныхъ тебѣ... Если я съ первыхъ же дней чувствовала себя несчастной въ обстановкѣ, которая поставила меня на неизмѣримую высоту сравнительно съ жалкой обстановкой моей юности, и чему тысячи людей могли справедливо позавидовать, если я не была для тебя доброй дочерью—то поистинѣ это происходило не отъ неблагодарности. Я всегда была тебѣ отъ всей души благодарна, настолько, насколько способна моя душа ощущать благодарность, и останусь благодарной навѣки....

Причиной тому была также не боль отъ раны, еще незажившей въ моемъ сердцѣ — я поклялась себѣ, что эта рана должна зажить, и знала, что она заживетъ—нѣтъ, это было не то: причина заключалась въ неудовлетворенномъ состояніи моего сердца, въ необузданности моей фантазіи, въ неудержимомъ стремленіи моей души къ дѣятельности, стремленіи, незнавшемъ границъ. Много горя приготовила я тебѣ всѣмъ этимъ, мой бѣдный другъ. Ты стремился къ покою, я внесла въ твою жизнь

безпокойство; ты хотѣлъ отдыха, котораго требовалъ твой неутомимый духъ — я наталкивала тебя то на то, то на другое предпріятіе, и упрекала, если не удавалось то, что, быть можетъ, и не могло удасться. Я возбуждала твой интересъ къ тысячѣ вещамъ, которыя въ короткое время теряли свой интересъ въ моихъ глазахъ....

— Остановись! воскликнулъ принцъ. Я не могу слышать, какъ ты себя обвиняешь. Несчастные, чьи слезы ты осушала, больные, которымъ ты приносила исцѣленіе, бѣдняки, которыхъ ты надѣляла хлѣбомъ и работой — свидѣтельствуютъ противъ тебя...

— Они свидѣтельствуютъ только, что одинъ человѣкъ безсиленъ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Этотъ взглядъ, къ которому я скоро пришла, ослабилъ безпокойную дѣятельность, которой я мучила и тебя, и себя, но усилилъ чувство неудовлетворенности, терзавшее меня, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тебя. Выросши въ рабской зависимости, среди обѣднѣвшей дворянской семьи, казавшейся мнѣ типомъ прусскаго юнкерства по своей чрезмѣрной гордости, по своимъ громаднымъ претензіямъ, превосходно мирившимся съ сердечной сухостью, по своему желанію блеснуть своей знатностью, что не мѣшало ей считать гроши—я всосала ненависть къ этому семейству и его порокамъ и перенесла эту ненависть на все сословіе, на всю Пруссію, и находила въ началѣ прекраснымъ, что здѣсь всѣ, слѣдуя твоему примѣру, не иначе думали о Пруссіи и пруссакахъ, какъ я; да, рѣдкое совпаденіе мнѣній по этому предмету у дѣвушки изъ плебеевъ и у высокорожденнаго принца было, можетъ быть, главною причиною, которая такъ сильно влекла меня къ тебѣ и, я полагаю, также и тебя ко мнѣ. Чѣмъ дальше я изучаю наше положеніе, тѣмъ яснѣе становятся для меня проистекающія изъ него противорѣчія: недостаточность средствъ, которыми мы полагали произвести великія дѣла, невозможность сосредоточить въ своихъ рукахъ народное хозяйство и политику въ такое время, когда все стремится къ объединенію, къ величію...

Этотъ взглядъ, говорю я, былъ также источникомъ огорченій для насъ обоихъ, источникомъ, не терявшимъ своей силы отъ того, что мы на него мало обращали вниманія...

Съ этого времени я начала иначе думать о томъ, кто меня такъ жестоко обманулъ. Можетъ быть, его жестокость не была такъ велика, его обманъ не такъ жестокъ; можетъ быть, онъ только покорился обстоятельствамъ, которымъ въ то время я не придавала большого значенія, и страшную силу которыхъ я начала понимать только теперь; можетъ быть, онъ съ своей точки

зрѣнія—точки зрѣнія бѣднаго, благороднаго, честолюбиваго офицера,—и не могъ иначе поступить, долженъ былъ пожертвовать страстью молодости, дѣлавшей его смѣшнымъ въ глазахъ свѣта, арміи, безвозвратно компрометтировавшей его въ мнѣніи общества, двора; можетъ быть, онъ долженъ былъ вступить въ союзъ, соотвѣтствовавшій внѣшнимъ условіямъ его жизни и, сверхъ того, всѣми ожидаемый. Однимъ словомъ, я начала иначе о немъ думать; вѣрнѣе сказать: я только теперь начала о немъ думать, то-есть я перестала его ненавидѣть, какъ ненавидѣла до той поры, всей силой своего страстнаго семнадцатилѣтняго сердца, я постаралась его понять, уяснить себѣ его поступки...

Результатъ этихъ размышленій былъ во всякомъ случаѣ для него не блестящій, но ненависть не перешла въ презрѣніе; нельзя презирать того, за кѣмъ признаешь, какого бы мнѣнія о немъ ни былъ, что онъ знаетъ, чего хочетъ, и обладаетъ силой достигнуть желаемаго...

Тѣмъ менѣе могла я его презирать, что имѣла передъ глазами примѣръ человѣка, поистинѣ щедро надѣленнаго всѣми дарами ума и души, а также физической красотой и изяществомъ, но лишеннаго твердой, энергической воли, а это умаляло въ моихъ глазахъ всѣ его достоинства. Ты знаешь, что я говорю о докторѣ Горстѣ...

Считаю совершенно излишнимъ разбирать въ настоящую минуту вопросъ о томъ, могла ли бы я полюбить его, если бы встрѣтилась съ нимъ въ то время, когда мое сердце еще не утратило своей свѣжести, благодаря сильной и несчастной страсти. Это могло случиться; вѣдь думала же неразъ я и теперь, что люблю его, хотя постоянно сомнѣвалась въ счастьи, которое могло бы произойти изъ этой любви для насъ обоихъ. Его мягкость довела бы мою жесткость до крайности, его нерѣшительность возбуждала бы мой свободный духъ къ рискованнымъ поступкамъ, несвойственнымъ женщинѣ....

Въ графѣ я признаю типъ честолюбиваго, гибкаго какъ сталь и въ тоже время непреклоннаго прусскаго «юнкерства»; въ Горстѣ—образъ нѣмецкаго бюргерства, преисполненнаго ума и знаній, талантовъ всякаго рода, прилежанія, добросовѣстности —драгоцѣнныхъ качествъ, но которыя не цѣнятся и не будутъ никогда цѣниться по достоинству, потому что врожденный и выработанный воспитаніемъ духъ терпѣнія, доходящаго до самопожертвованія, смиренія, способнаго все перенести, и повиновенія, ожидающаго приказаній, представляетъ элементы, нужные для того, чтобы подготовить и обсѣменить почву, но не заключаетъ такихъ, которые необходимы, чтобы энергически собрать

жатву и убрать ее въ свои житницы; вся эта картина бюргерства привлекаетъ и трогаетъ, но также часто отталкиваетъ и возбуждаетъ гнѣвъ...

Этихъ смѣшанныхъ впечатлѣній относительно Горста у меня прежде не было, и сегодня, послѣ того какъ онъ насъ дѣйствительно покинулъ, я снова негодую на него, и вмѣстѣ готова даже плакать при мысли, чего стоилъ ему отъѣздъ безъ прощанья, чего онъ еще будетъ мнѣ стóить...

Я утомляю тебя, мой другъ, своими признаніями, но не могу ихъ сократить ради тебя, такъ какъ намъ приходится въ теченіи одного часа исправить то, что было упущено въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. И развѣ возможно выяснить для себя настоящее, не подводя итоговъ предшествовавшему; какъ порѣшить иначе, что дѣлать въ будущемъ?...

То, что случилось, я могу разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Когда ты настаивалъ, съ непонятнымъ для меня упорствомъ, на этомъ приглашеніи, мнѣ бы слѣдовало быть можетъ поднять завѣсу, скрывавшую отъ тебя столь важную сторону моего прошедшаго; но это прошедшее представлялось мнѣ могилой, которая не могла открыться сама собой, и которой я сама не открыла бы, въ этомъ я была убѣждена; относительно графа Гейнриха я считала совершенно естественнымъ предполагать, что онъ не будетъ возвращаться къ воспоминаніямъ, которыя и для него не могутъ быть пріятны...

Въ этомъ послѣднемъ я ошиблась. Не берусь рѣшать, чтó его ко мнѣ влекло: желаніе ли исправить то, что неисправимо, стремленіе ли его природы, подобной природѣ хищнаго звѣря, вѣчно преслѣдующаго добычу, было ли то простое преслѣдованіе, быть можетъ тутъ играло роль и то, и другое вмѣстѣ, не знаю; но знаю хорошо, каково было мнѣ, и объ этомъ намѣрена теперь говорить...

Для женщины нѣтъ, быть можетъ, ничего тяжелѣе, какъ видѣть человѣка, покинувшаго ее, сдѣлавшаго ее на многіе годы несчастной, рядомъ съ той, которой она была принесена въ жертву, съ которой онъ связалъ себя на всю жизнь. Для покинутой одинъ видъ предпочтенной уже есть жестокій приговоръ, съ справедливостью котораго не согласится ни одна, даже самая смиренная душа, — раздражающій вызовъ, который невозможно оставлять безъ отвѣта для страстной натуры...

Въ моемъ дѣлѣ мнѣ было вдвойнѣ тяжко исполнить то, что мнѣ выпадало на долю...

Я знала Стефанію такъ хорошо, какъ только, полагаю, одинъ человѣкъ можетъ знать другого; съ ранней молодости

мы были вмѣстѣ, и какъ невыразимо много я страдала по ея милости!

И это существо, граціозное и изящное отъ природы, но зараженное пустымъ тщеславіемъ,—его подруга жизни, подруга человѣка, который въ настоящее время представляется мнѣ гораздо бо̀льшей силой, чѣмъ прежде, силой, способной, если отвести ей соотвѣтствующее поле дѣятельности, на великія дѣла, человѣка, который рука объ руку съ благородно мыслящей женщиной, страстно любящей все страстное, обратилъ бы въ дѣло свое гордое слово: «все впередъ»! не въ томъ узкомъ и эгоистическомъ смыслѣ, какъ его приводятъ въ исполненіе, въ настоящее время, сторонники его партіи, но въ томъ широкомъ, благородномъ смыслѣ, какъ его понимаетъ патріотъ, ставящій отечество выше своей партіи...

Если ты послѣ всего этого меня спросишь о томъ, о чемъ всѣ эти дни вопрошали меня твои мрачные взгляды: не проснулась ли во мнѣ снова прежняя страсть, не люблю ли я снова графа, хоть и не такъ какъ прежде, но все же не люблю ли его?—то все сказанное мною было напрасной тратой словъ. Но ты этого не спросишь; ты скажешь самъ себѣ, что тотъ, кто можетъ такъ спокойно, безстрастно говорить о своихъ впечатлѣніяхъ, не сдѣлается рабомъ этихъ впечатлѣній, и ты знаешь меня достаточно, чтобы не сомнѣваться, что я не потерплю никакого насилія надъ своей личностью...

Нѣтъ, мой другъ, я графа не люблю. Наши пути встрѣтились здѣсь въ послѣдній разъ; въ будущемъ они будутъ все дальше и дальше расходиться.

Но что наши пути здѣсь встрѣтились... въ этомъ—ты долженъ сознаться—я не виновата; не виновата также и во всемъ томъ, что изъ того произошло и произойдетъ. Я графа не приглашала, не навязывала ему общества маркиза, не въ моихъ силахъ было, разъ все это случилось, устранить непріязненное столкновеніе между ними и устранить возможность стать жертвой этого столкновенія...

Нѣтъ, не отворачивайся отъ меня и не закрывай глазъ руками. Вѣдь мы не можемъ постоянно себя обманывать и не видѣть того, что происходитъ въ насъ самихъ и вокругъ насъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, это ясно, какъ Божій день. Я не могу отрицать солнца, сіяющаго надъ нами, не могу уличать во лжи истину, озаряющую мою душу.

Я для тебя не то, чѣмъ бы ты желалъ, чтобы я для тебя была, чѣмъ ты полагалъ, что я могу для тебя быть, и это портитъ наши отношенія, отъ которыхъ остаются однѣ без-

плодныя муки, разстроивающія твою прекрасную натуру, и которыя могутъ въ конецъ ее разрушить, если ихъ не устранить...

Иначе и быть не, можетъ. Твое настоящее злосчастное положеніе есть только слѣдствіе того тяжелаго состоянія духа, которое мало-по-малу развилъ въ тебѣ нашъ несчастный бракъ. Поддавшись этому настроенію, ты созвалъ сюда людей, которыхъ цѣлый годъ избѣгалъ; благодаря ему ты принудилъ себя интересоваться современной политикой, которая прежде была такъ тебѣ чужда, и которая раздула въ тебѣ ненависть къ пруссакамъ, перешедшую всѣ границы, и симпатію къ непримиримому врагу, заставляющую краснѣть патріотическое чувство; благодаря ему, ты могъ настолько забыть внушенія разума и закона патріотизма, что ввѣрилъ свое высокое положеніе въ свѣтѣ, свою честь такому шарлатану, какъ маркизъ, не обращая вниманія ни на предостереженія совѣсти, ни на смѣлые упреки друга, и теперь тебѣ приходится вытерпѣть и пережить то, что человѣкъ, котораго ты ненавидишь, явится передъ тобой и скажетъ: я тебя спасъ отъ столь великой опасности!

Но спасти тебя по настоящему этотъ человѣкъ не можетъ, это могу сдѣлать я одна...

Я могу и намѣрена это сдѣлать. Я могу и хочу избавить тебя отъ злого рока, тяготѣющаго надъ твоей прекрасной жизнью, освободить тебя отъ цѣпей, растирающихъ до крови твои благородныя руки; я хочу, могу и должна избавить и освободить тебя отъ себя самой...

— Да, прежде..., сказалъ принцъ глухимъ голосомъ.

— И прежде, возразила Гедвига, и теперь, и такъ оно будетъ. Наши отношенія съ самаго начала можетъ быть уже были нелѣпостью, теперь это стало только ясно. Обманчивое сокровище, которое мы хотѣли обрѣсти, должно разсыпаться въ прахъ, въ тотъ моментъ, какъ произнесется первое слово. Я произнесла это слово—и кладъ обратился въ прахъ!

— Но если бы даже онъ провалился въ преисподнюю, вскричалъ принцъ, вскакивая съ своего мѣста, то его слѣдуетъ снова добыть! Гедвига, заклинаю тебя всѣмъ, что есть для тебя святого, не отворачивайся отъ меня, не отнимай у меня своей руки; ты утверждаешь, что не даешь мнѣ жизни, и отнимаешь у меня жизнь, предлагая мнѣ смерть!

— Ложь есть смерть, а не истина, возразила Гедвига; ложь сдѣлала насъ больными, смертельно больными; въ истинѣ наше спасеніе!

— Пускай же будетъ истиной передъ нами, передъ людьми,

передъ Богомъ то, что до сихъ поръ было ложью, вскричалъ принцъ. Да, Гедвига, то была ложь, въ чемъ я тебѣ тогда клялся, я полюбилъ тебя, съ той минуты, какъ увидѣлъ, полюбилъ какъ только можно полюбить женщину. Но эта первая ложь, Гедвига, была и послѣдней, потому что все дальнѣйшее было только ея слѣдствіемъ. И развѣ въ самомъ дѣлѣ она непростительна? Подумай, Гедвига, какъ все это сразу опрокинулось на меня, подобно дикому потоку, гонимому бурей съ горъ, съ нежданной, могучей, непреодолимой силой! Гдѣ же у меня было время, чтобы все обдумать, вообще могъ ли я думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, какъ бы тобой овладѣть, бояться чего-либо другого, кромѣ того какъ бы тебя не утратить? Я слышалъ отъ тебя, что твое сердце смертельно ранено несчастной любовью, что ты была близка къ отчаянью. Развѣ возможно было говорить о любви съ несчастной, терзаемой отчаяніемъ? И я все-таки, Гедвига, это сдѣлалъ — ты сама тогда сказала, что не года насъ раздѣляютъ — кто знаетъ, можетъ быть мы были бы избавлены отъ всѣхъ этихъ страданій! Конечно, вслѣдъ за первой ложью послѣдовала вторая и всѣ послѣдующія; конечно, вся наша жизнь должна была превратиться въ ложь. Какъ первая ложь, такъ и всѣ послѣдующія произносились только въ надеждѣ овладѣть тобой, изъ боязни утратить тебя. Разбери всю мою жизнь съ того времени, каждый мой поступокъ, каждое мое слово, вездѣ найдешь одинъ и тотъ же смыслъ...

Ты мнѣ не сказала и я у тебя не спрашивалъ, кто былъ человѣкъ, котораго ты любила; я не подозрѣвалъ, что то былъ графъ; но я зналъ, что ты ненавидѣла, презирала семейство, которое превратило въ пытку твою юную жизнь; я думалъ, что и онъ былъ въ числѣ твоихъ мучителей; не любя никогда этихъ людей, я возненавидѣлъ ихъ только съ этой минуты. Твоя ненависть была моей ненавистью!

Ты знаешь, какъ поступила Пруссія съ принцемъ фонъ-Рода, ты понимаешь, какъ велико должно было быть мое нерасположеніе къ Пруссіи, — вѣдь я былъ сынъ моего отца! Но какъ я ни былъ возстановленъ противъ Пруссіи — все это было слабымъ возбужденіемъ въ сравненіи съ тѣмъ гнѣвомъ, который охватилъ меня въ ту минуту, какъ я увидѣлъ тебя на своей сторонѣ, увидѣлъ, какъ твои темные глаза метали молніи, и услышалъ твои краснорѣчивыя и гнѣвныя жалобы, какъ скоро мы заговаривали о пруссакахъ. Твоя ненависть была моей ненавистью!

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ было вездѣ и во всемъ. Моя

душа была подъ твоимъ вліяніемъ, подобно инструменту въ рукахъ артиста, подобно землѣ, зависящей отъ неба, и радостно привѣтствующей всякій солнечный лучъ, и омрачаемой всякимъ облакомъ, набѣгающимъ на небо. Ахъ, Гедвига, не разъ омрачалась твоя бѣдная земля, и возлюбленное солнце уходило все дальше и дальше. Гедвига! что я при этомъ выстрадалъ — не хочу, не могу тебѣ выразить! Это бы звучало какъ жалоба, а я не хочу жаловаться; это бы звучало какъ крикъ отчаянья, разсчитанный на то, чтобы возбудить твое состраданіе, а я этого не хочу; чувствуя себя несчастнымъ, безконечно несчастнымъ и покинутымъ безъ твоей любви — я не хотѣлъ твоего состраданія.

Я говорилъ тебѣ это безчисленное множество разъ, и когда блуждалъ въ глубокомъ отчаяніи, достаточно было твоего веселаго взгляда, добраго слова, чтобы снова возбудить во мнѣ надежду, что все еще можетъ уладиться, что уже кое-что уладилось — такъ говорилъ я себѣ въ эти веселыя минуты, когда пробуждалась надежда.

Да, Гедвига, та первая ложь должна была найти оправданіе передъ лицомъ Всевышняго; иначе она не могла бы найти оправданія передъ людьми, иначе изъ нашего союза, основаннаго на несчастной, гибельной лжи, развѣ могло бы произойти счастье и отрада для такого множества людей? Гедвига, въ писаніи стоитъ: вы познаете ихъ по ихъ плодамъ! Ты до сихъ поръ на нихъ на обращала вниманія; эти плоды — знакомы лучше нашимъ бѣднымъ и несчастнымъ. Какъ часто случалось мнѣ слышать отъ нихъ: да благословитъ ее Богъ, она для насъ свѣтъ и жизнь, она намъ возвратила жизнь! Гедвига, голосъ этихъ бѣдняковъ заглушитъ твой голосъ передъ небеснымъ судьей, а здѣсь, на землѣ, ты услышишь этотъ голосъ, куда ни обернешься, и онъ тебѣ скажетъ: ты не должна его покидать, потому что не должна насъ покидать!

Гедвига, мой внутренній голосъ говорилъ мнѣ то же самое: не можетъ быть, она тебя не покинетъ, потому что не можетъ ихъ покинуть...

Но развѣ не придется тебѣ ихъ покинуть въ тотъ часъ, когда я закрою глаза? Часъ этотъ можетъ быть далекъ, можетъ быть и близокъ: но когда-нибудь онъ долженъ настать. Но поздно или рано, онъ похититъ у бѣдныхъ ихъ утѣшеніе, ихъ прибѣжище, уничтожитъ прекрасный посѣвъ, тобою посѣянный, подобно тому какъ гибнутъ отъ ледяного дыханія зимы весенніе ростки.

Безконечный страхъ овладѣвалъ мною, Гедвига, когда я объ этомъ думалъ — не относительно себя, клянусь честью, но от-

носительно тебя, потому что только тогда ты познаешь себѣ цѣну...

Ты этого не знала; ты должна была узнать это прежде, чѣмъ будетъ поздно.... Я вижу только одно средство: если ты посмотришь трезвыми глазами на тѣхъ, кто будетъ здѣсь распоряжаться послѣ меня, послѣ тебя, и скажешь: Какъ! этотъ высокомѣрный человѣкъ, нечувствительный ни къ благу, ни къ горю своихъ собратій, никогда не думавшій о томъ, какъ бы увеличить это благо и облегчить горе, едвали считающій ихъ за своихъ братьевъ и уже никакъ не за равныхъ себѣ; который смотритъ на парня, пашущаго землю плугомъ, только съ одною мыслью, выйдетъ ли изъ него хорошій солдатъ или нѣтъ; который, въ молодой дѣвушкѣ, идущей въ гору съ тяжелой ношей на головѣ, видитъ не силу и упорное прилежаніе, а только красивыя формы:—онъ, онъ будетъ здѣсь господиномъ! Какъ? Эта тщеславная Стефанія, никогда не переступавшая порога хижины бѣдняка, никогда не сидѣвшая у кровати больного, никогда не закрывавшая помутившихся очей покойника, считающая бѣдность, болѣзни, смерть за плебейскую выдумку и за оскорбленіе, наносимое ея аристократическимъ нервамъ, готовая жертвовать пòтомъ и кровью голодныхъ ради первой забравшейся ей въ голову причуды, ради первой тщеславной похоти:—она, она будетъ здѣсь госпожей! И дѣти этихъ людей будутъ господами послѣ нихъ, и этотъ проклятый родъ останется господствовать здѣсь навсегда! Гедвига, я думалъ, что ужасъ обниметъ тебя отъ этой картины, когда она предстанетъ передъ тобой въ своей отвратительной наготѣ, и хотѣлъ, когда этотъ ужасъ охватитъ тебя, предстать передъ тобой, хотѣлъ броситься къ твоимъ ногамъ, подобно тому, какъ теперь лежу у твоихъ ногъ, и сказать тебѣ: Гедвига, раздробимъ голову змію лжи, воздадимъ честь истинѣ, будь моей госпожей, моей властительницей, будь моей женой передъ Богомъ и людьми...

— Ради самого Бога, встань! вскричала Гедвига, быстро поднявшись со скамейки, на которой сидѣла, и поднимая стоящаго передъ ней на колѣняхъ принца.

Они стояли другъ противъ друга, дрожащіе, безмолвные. Наконецъ, Гедвига сказала глухимъ голосомъ:

— Эрихъ фонъ-Рода далъ мнѣ свое княжеское слово, что никогда не потребуетъ, чтобы я была его женой. Я хотѣла его избавить отъ стыда нарушить данное слово, возвративъ ему свое и принявъ всю вину на себя. Но это оказалось тщетно.

Она сдѣлала-было нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ, потомъ повернулась и, возвращаясь медленно къ принцу, который стоялъ

какъ вкопанный, на томъ же мѣстѣ, взяла его за руку и сказала:

— Эрихъ, другъ мой, не допускай, чтобы мы такъ разстались; въ такомъ страшномъ возбужденіи, съ такимъ вихремъ бурныхъ мыслей и впечатлѣній, съ непріязнью въ душѣ, съ смутными, холодными словами на языкѣ. Покоримся судьбѣ; вѣдь это неизбѣжно для всякаго, какъ для знатнаго, такъ и для простолюдина; но упорствовать или покориться съ смиреніемъ, — это зависитъ отъ насъ и свидѣтельствуетъ о нашемъ достоинствѣ. Сохранимъ каждый свое достоинство.

Принцъ устремилъ на нее дикій взглядъ.

— Какъ прекрасно все это звучитъ! сказалъ принцъ. Точно небесная музыка, а между тѣмъ все это обманъ и ложь.

— Эрихъ!

— Да, ложь и обманъ! вскричалъ принцъ. Кто же, наконецъ, изъ насъ двухъ отдаетъ честь истинѣ, я или ты! Я открылъ передъ тобой свою душу, почему же ты мнѣ не скажешь, что̀ лежитъ у тебя на душѣ? Отчего ты не говоришь, что счастлива, найдя наконецъ предлогъ, котораго такъ долго искала!

— Эрихъ!

— Да, напрасно прижимаешь ты руки къ груди, тебѣ не утаить отъ меня, того, что̀ въ ней происходитъ. Я знаю теперь его трогательную тайну!

— Эрихъ!

— И вотъ каковъ конецъ! Быть вынужденнымъ слушать, что̀ человѣкъ, лишающій меня свѣта и воздуха, вгоняющій меня шагъ за шагомъ въ могилу, мой злѣйшій врагъ, котораго я ненавижу хуже всего на свѣтѣ, этотъ самый человѣкъ властелинъ ея сердца; былъ имъ, есть и будетъ—что онъ ея герой, ея рыцарь, ея Богъ! И это дерзаетъ она говоритъ мнѣ въ глаза! Неслыханно, безстыдно, возмутительно!

— Это слишкомъ, проговорила Гедвига, это слишкомъ!

Затѣмъ, собравшись съ духомъ, она сказала голосомъ, въ которомъ, помимо ея воли, звучала нѣжность:

— Я бы не хотѣла такъ разстаться.

— Да, разстаться, вскричалъ принцъ: это твоя первая мысль и послѣднее слово.

— Такъ пусть же это и будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, сказала Гедвига.

— Гедвига! воскликнулъ принцъ голосомъ полнымъ страха и почти съ воплемъ.

Невольно повернувъ голову, она увидѣла, какъ онъ, точно бѣшеный, ухватился обѣими руками за верхнюю перекладину

перилъ, поставилъ одну ногу на скамейку и перевѣсилъ свое туловище.

— Если ты такъ отъ меня уйдешь, Гедвига, клянусь Всевышнимъ, черезъ минуту я буду лежать разбитый вонъ тамъ, внизу!

Гедвига знала, что не жидкія перила, но слово, котораго онъ отъ нея ждалъ, отдѣляетъ его отъ пропасти. Прибѣгать къ такому насилію! вынуждать ее сказать: да! тамъ, гдѣ все говоритъ: нѣтъ!—это безчестно; она приняла это съ презрѣніемъ и, устремивъ на него мрачный взглядъ, спросила разгнѣваннымъ голосомъ:

— Чего ты требуешь отъ меня?

— Отсрочки, говорилъ задыхаясь принцъ, на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ; я не могу съ тобой такъ разстаться, не могу.

— Даже и въ томъ случаѣ, если ты получишь отсрочку, между тѣмъ, какъ я не желала бы того.

Онъ услышалъ изъ ея устъ почти тѣже слова, которыя нѣсколько минутъ тому назадъ слышалъ изъ устъ стараго вѣрнаго друга. Еслибъ онъ его послушался! Еслибъ онъ отказался во̀ время, не ставивъ свою княжескую честь на карту, послѣ чего ему оставался только выборъ между смертью и нарушеніемъ слова.

Это быстро промелькнуло въ его головѣ; онъ не могъ найти исхода изъ лабиринта, въ который забрелъ...

Въ это время вернулся слуга, котораго Гедвига передъ тѣмъ послала за принцемъ, съ донесеніемъ, что его свѣтлость ушелъ отъ оберфорстмейстера и неизвѣстно гдѣ находится.

Слуга былъ старый, весьма солидный человѣкъ, считавшій своей обязанностью обстоятельно исполнить порученіе, несмотря на то, что присутствіе того, кого онъ искалъ, дѣлало уже это больше не нужнымъ; кромѣ того, фонъ-Цейзель сообщалъ, что онъ, за отсутствіемъ его свѣтлости и его супруги, думаетъ самъ отправиться на станцію для встрѣчи ея превосходительства, если его свѣтлость!...

— Хорошо, сказалъ принцъ.

— Кромѣ того, вотъ письмо, которое прислалъ, полчаса тому назадъ, графъ съ нарочнымъ и которое господинъ фонъ-Цейзель счелъ нужнымъ тотчасъ же представить, потому что, можетъ быть, будетъ отвѣтъ.

— Ты можешь подождать тамъ, въ залѣ, сказалъ принцъ.

Старикъ низко поклонился и удалился въ залу, гдѣ выбралъ

такое мѣсто, съ котораго могъ бы явиться по первому знаку господина.

— Ты позволишь, сказалъ принцъ.

Онъ открылъ письмо графа и подалъ его, по прочтеніи, Гедвигѣ.

— Прошу тебя прочесть, сказалъ онъ, содержаніе его относится столько же до тебя, сколько и до меня.

Гедвига взяла письмо и прочитала:

«Ваша свѣтлость! Маркизъ де-Флорвиль имѣлъ неосторожность избрать вашу супругу предметомъ своихъ ухаживаній. Я счелъ долгомъ привлечь его къ отвѣтственности, которая въ этомъ случаѣ могла быть только кровавой.

«Дуэль только что — въ девять часовъ утра — произошла, вблизи станціи Кирхенроде, въ присутствіи господъ фонъ-Нейгофа и Розеля, какъ секундантовъ, и доктора Бертгольда изъ Кирхенроде, призваннаго для медицинскаго пособія. Я счелъ нужнымъ, ради вашей свѣтлости, пощадить вашего гостя. Маркизъ лежитъ въ станціонной гостинницѣ, раненый въ правое плечо, что лишаетъ его возможности, въ настоящую минуту, продолжать борьбу и оставитъ можетъ быть въ немъ грустное воспоминаніе на всю жизнь о нѣсколькихъ легкомысленно проведенныхъ часахъ, но не помѣшаетъ ему, по мнѣнію врача, завтра же продолжать свое путешествіе, небольшими переѣздами.

«Ваша свѣтлость, я знаю, что этотъ случай, вызванный не мною,—я желалъ, напротивъ, дать ему только наилучшій оборотъ,— тѣмъ не менѣе весьма печаленъ для вашей свѣтлости. Поэтому, во избѣжаніе непріятныхъ ощущеній, невольно вызванныхъ въ вашей свѣтлости моимъ присутствіемъ, я готовъ былъ бы отказаться отъ дальнѣйшаго гостепріимства, если бы это возможно было сдѣлать удобнымъ образомъ. Но это невозможно. Если бы я теперь же откланялся вашей свѣтлости, то, безъ сомнѣнія, это сочли бы за доказательство, что ваша свѣтлость недовольны исходомъ дуэли, или, во всякомъ случаѣ, неблагосклонно относились ко мнѣ за нее, а я считаю лишнимъ упоминать, какъ тяжко было бы для меня подобное заключеніе. Кромѣ того, любопытство публики, отъ котораго, въ подобныхъ случаяхъ, не укроешься, скоро обнаружитъ, что причина раздора была дама, весьма близкая вашей свѣтлости, и мой внезапный отъѣздъ поведетъ къ соображеніямъ, отъ изложенія которыхъ я избавляю вашу свѣтлость.

«Такимъ образомъ, я позволяю себѣ предположить, что съ личными желаніями вашей свѣтлости будетъ вполнѣ согласоваться, если я уѣду не раньше окончанія своего отпуска, то-

есть не раньше шестнадцатаго, засвидѣтельствовавъ свое глубокое уваженіе предъ вашей свѣтлостью въ день вашего рожденія.

«Я не имѣлъ намѣренія, какъ извѣстно вашей свѣтлости, встрѣчать графиню на станціи. Но такъ какъ обстоятельства привели меня именно сюда, то буду дожидаться пріѣзда генеральши, тѣмъ болѣе, что ей приличнѣе, чѣмъ кому-либо другому, сообщить моей женѣ о случившемся. Я самъ не буду провожать графиню до зáмка Рода, потому что желаю слѣдить за состояніемъ здоровья маркиза, хотя оно и не представляетъ опасности. Поэтому я проведу ночь или здѣсь, или у барона Нейгофа, и не ранѣе, какъ въ теченіи завтрашняго дня, буду имѣть честь представиться вашей свѣтлости и вашей супругѣ, которой прошу передать мой поклонъ.

Вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга

Гейнрихъ Рода-Штейнбургъ.

— Онъ предписываетъ, чтó мы должны дѣлать, даже чтó мы должны думать, сказалъ съ горечью принцъ, принимая письмо изъ рукъ Гедвиги.

Гедвига не отвѣчала. Слова принца совпадали съ ея собственнымъ замѣчаніемъ, высказаннымъ сегодня утромъ: онъ господинъ, потому что умѣетъ создать себѣ то положеніе, какое ему нужно.

Мысли ихъ встрѣтились, и они предались имъ молча, въ то время, какъ подъ ихъ ногами переливались свѣтъ и тьма, а надъ головою, въ густой чащѣ платановъ, щебетали птицы.

— Гедвига! сказалъ принцъ.

Онъ подошелъ къ ней, не касаясь ее.

— Гедвига, прости мнѣ мою жесткость, я былъ внѣ себя. Позволь повторить мнѣ свои отвратительныя угрозы въ формѣ дружеской просьбы: не торопись рѣшеніемъ! Наши интересы, несмотря на все, сходятся на этомъ пунктѣ. Для твоего женскаго достоинства и для моей мужской чести одинаково важно, чтобы послѣдствія этого несчастнаго происшествія не отозвались на насъ слишкомъ тяжко. Это случится, если ты пожелаешь.... Я не въ состояніи произнести то, о чемъ не дерзаю думать. Графъ принудилъ маркиза удалиться отсюда и, впутавъ тебя въ это дѣло, принуждаетъ меня признать его правымъ передъ свѣтомъ. Въ этихъ обоихъ пунктахъ онъ выигралъ игру. Самая же чертовщина заключается въ томъ, что онъ заставилъ насъ провести эти несчастные часы, разлучающіе насъ навсегда, или.... Гедвига, я не хочу этого повторять, я хочу только просить, умолять тебя спокойно подумать, неужели и тутъ онъ

будетъ правъ? не предстоитъ ли ему проиграть игру въ такомъ смыслѣ, въ какомъ его высокомѣріе не допускаетъ его и помыслить? Да, каждый нервъ мой чувствуетъ: вотъ рѣшеніе, которое я хотѣлъ вызвать, приглашая сюда этихъ людей. Оно вышло инымъ, чѣмъ я думалъ, болѣе рѣзкимъ — смертельно рѣзкимъ. Можетъ быть такъ лучше; я буду молить Всевышняго, чтобы онъ обратилъ его къ лучшему. Дай Ему срокъ, Ему также нужно время, чтобы смягчить жестокія сердца людей. Дай намъ срокъ, всего какихъ-нибудь нѣсколько дней, до дня моего рожденія! Вѣдь это такъ ничтожно, чего я прошу, въ сравненіи съ громадной опасностью, которой я подвергаюсь. Хочешь, Гедвига?

— Развѣ ты мнѣ оставилъ выборъ? отвѣчала Гедвига.

— Запрягать! крикнулъ принцъ, обращаясь къ слугѣ.

— Оба экипажа, ваша свѣтлость? спросилъ слуга.

Принцъ посмотрѣлъ на Гедвигу.

— Я поѣду съ его свѣтлостью, сказала Гедвига.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Сколько мнѣ помнится, говорилъ ночной сторожъ Венцель, стоя въ десять часовъ вечера съ магистратскимъ служителемъ Мюллеромъ на ротебюльской рыночной площади, у фонтана,—сколько мнѣ помнится, а вѣдь я ужъ живу на свѣтѣ сорокъ лѣтъ, никогда еще дѣвушки въ эту пору года не приходили такъ поздно за водой.

— Да, отвѣчалъ магистратскій служитель Мюллеръ, а я никогда еще не находилъ такъ часто пустыми ведра, которыя по старому положенію должны стоять съ водой у дверей домовъ отъ 1-го іюля до 31-го августа. Мнѣ пришлось уже оштрафовать человѣкъ двѣнадцать, а у насъ сегодня только еще 13-е іюля; если такъ будетъ продолжаться, то къ 1-му сентября намъ слѣдуетъ ждать революціи.

— Ну, а войны-то ужъ намъ не миновать, замѣтилъ ночной сторожъ Венцель.

— Все же война лучше революціи, возразилъ магистратскій служитель; я узналъ это еще въ сорокъ-восьмомъ году и буду помнить всю жизнь, какъ они всѣ тогда одурѣли и отравляли жизнь нашему принцу и мнѣ.

— Ну, сказалъ ночной сторожъ Венцель, они и теперь не прочь побунтовать, но ужъ этой конфессіи онъ имъ не сдѣлаетъ.

— Концессіи! другъ Венцель, поправилъ магистратскій служитель.

— Концессіи тамъ или конфессіи, сказалъ старый Венцель, это все равно. Онъ женится, если ему это разъ запало въ голову. Я знаю стараго принца; впрочемъ, это не мое дѣло... Создатель, вотъ ужъ пробило четверть, а я еще не протрубилъ десяти.

И почтенный человѣкъ принялся дуть въ рожокъ съ такой силой, что его должны были услышать на фабрикѣ Кёрнике съ одной стороны и въ домѣ совѣтника канцеляріи съ другой, и ужъ навѣрное въ общей залѣ «Золотой Насѣдки», гдѣ возсѣдала мужская компанія за кружками пива, а въ особенности въ бесѣдки аптеки, подъ вывѣской «Лебедь», гдѣ собравшіяся дамы бесѣдовали другъ съ другомъ.

Но громкое предостереженіе сегодня, какъ и въ предыдущіе дни осталось втунѣ, и когда старый Венцель, совершивъ свой обходъ, вернулся снова къ фонтану, то ни въ «Золотой Насѣдкѣ», ни въ аптекѣ, ни въ другихъ домахъ, окружавшихъ площадь, не были потушены огни, и дѣвушки все еще ходили взадъ и впередъ, нося воду; да вотъ и самъ кумъ Мюллеръ стоитъ въ той же самой задумчивой позѣ, опершись рукой на край фонтана, и говоритъ, завидя кума Венцеля, точно будто тѣмъ временемъ и воды нисколько не утекло изъ фонтана:

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, кумъ, что онъ не сдѣлаетъ намъ этой уступки?

Въ общей залѣ «Золотой Насѣдки», окна которой были открыты вслѣдствіе жары, ораторствовалъ Финдельманнъ, излагая результатъ длинныхъ дебатовъ, касательно всего міра вообще и княжества Ротебюль въ особенности.

— Словомъ, на мѣстѣ короля я бы этого не сдѣлалъ; я бы не сдѣлалъ такой уступки Наполеону. Я бы сказалъ принцу фонъ-Гогенцоллернъ: принимай корону, любезный другъ, сказалъ бы я, а если они тебя вздумаютъ безпокоить, то призови меня, ужъ я съ ними расправлюсь.

— И мы нажили бы войну съ Франціей, а быть можетъ и съ полміромъ.

— Во время войны тоже можно зашибить копѣйку, замѣтилъ Целлеръ.

— Война такое несчастье, благодаря которому не одинъ составляетъ свое счастье, сказалъ Гиппе.

— Война всегда несчастье, возразилъ Кёрнике, по крайней мѣрѣ такая, которая не имѣетъ цѣлью удержать врага отъ вторженія; и въ этомъ я согласенъ съ Рошфоромъ.

— Онъ вѣдь тоже красный, замѣтилъ Финдельманнъ.

— Красный или нѣтъ, возразилъ Кёрнике, а онъ правъ. Начало войны, пожалуй, извѣстно всякому, но исходъ ея никому неизвѣстенъ. А поэтому повторяю: король поступилъ какъ честный, разумный человѣкъ, не закусивъ сразу удила, а поговоривъ благоразумно съ Бенедетти. И я полагаю, что теперь французы тоже образумятся.

— Французы и благоразуміе! перебилъ Финдельманнъ; нѣтъ, я согласенъ съ графомъ, вотъ тотъ, такъ знаетъ, какъ надо обращаться съ этими молодчиками; у него расправа коротка.

— Да, да, вмѣшался хозяинъ, заупрямился молодчикъ, такъ въ шею его!

— Да, этотъ баринъ шутить не любитъ, замѣтилъ Целлеръ.

— Еще бы; онъ точно Бисмаркъ, сказалъ Финдельманнъ.

— Ганноверскій докторъ тоже убрался по добру по здорову, вставилъ свое слово хозяинъ.

— Да, да, онъ повымелъ соръ изъ дому, замѣтилъ Целлеръ.

— Все это частныя дѣла, которыя до насъ не касаются, возразилъ Кёрнике, съ смущеніемъ ероша свои густые черные волосы.

— Анъ нѣтъ, касаются, отвѣчалъ Финдельманнъ; намъ, какъ прусакамъ, вовсе не все равно, желаетъ ли нашъ принцъ обратить насъ во французовъ или въ ганноверцевъ.

— Или республиканцевъ, замѣтилъ Целлеръ иронически.

— Чего вы всѣ привязались ко мнѣ, вскричалъ Кёрнике; ступайте и скажите старому господину, чѣмъ вы имъ недовольны.

— Мы такъ и сдѣлаемъ, отвѣчалъ Финдельманнъ.

— Шестнадцатаго числа, сказалъ Целлеръ, тотчасъ послѣ того, какъ ваша жена прочтетъ свое прекрасное стихотвореніе.

— Ну, довольно! вскричалъ Кёрнике, съ силой оттолкнувъ стулъ, съ котораго вскочилъ. Кто же мнѣ напѣвалъ въ уши, что я не могу устранить себя отъ праздника, что я долженъ взять въ руки дѣло и предводительствовать депутаціей бюргеровъ, устроить серенаду и все прочее? Я на все это не навязывался и не безъ неудовольствія далъ позволеніе своей женѣ, только для васъ и для господина фонъ-Цейзеля, потому что онъ славный малый, и для стараго принца, несмотря на то, что до сихъ поръ ни разу съ нимъ не разговаривалъ и что онъ, при встрѣчѣ со мной, отворачивается всегда въ другую сторону. Но, сказалъ я, онъ старикъ, которому предстоитъ не долго жить на свѣтѣ, а тебя отъ этого не убудетъ. Но если вы такъ со мной поступаете, посмотрю, какъ-то вы безъ меня управитесь.

— Посмотримъ, сказалъ Финдельманнъ.

— Управлялись же всегда прежде безъ васъ, замѣтилъ Целлеръ.

— Но, мои дорогіе друзья! вмѣшался Гиппе.

— Сверхъ того, кричалъ Кёрнике, уже въ дверяхъ, я долженъ вамъ сказать: неблагородно и скверно съ вашей стороны дѣйствовать противъ стараго господина, дѣлавшаго вамъ только добро всю жизнь, и которому всѣ вы, сколько васъ ни на есть, всѣ должны быть тысячу разъ благодарны и передъ которымъ всякій изъ васъ тысячу разъ ломалъ шапку и подслуживался то передъ добрымъ принцемъ, то передъ принцессой! Я бы на вашемъ мѣстѣ не выливалъ старую воду, не испробовавъ новой; и думаю, что новой водой такъ намоютъ вамъ головы, что у васъ слезы изъ глазъ выступятъ. Ну, да Богъ съ вами!

Кёрнике выскочилъ изъ комнаты и такъ хлопнулъ дверью, что было слышно на другой сторонѣ рыночной площади въ бесѣдкѣ.

Въ дверяхъ бесѣдки стояла госпожа Кёрнике, завязывая въ торопяхъ ленты подъ круглымъ подбородкомъ и говоря:

— Если вы такъ думаете, вамъ не слѣдуетъ идти на балъ; я, по крайней мѣрѣ, туда не пойду. Но, во-первыхъ, я считаю за пустую болтовню, что онъ хочетъ дѣйствительно на ней жениться, а во-вторыхъ, нахожу вполнѣ справедливымъ, законнымъ и приличнымъ, если онъ это сдѣлаетъ; потому, что этотъ бракъ съ лѣвой руки, какъ они тамъ его называютъ, все-таки безбожная выдумка знатныхъ господъ, и думаю, что каждая честная женщина должна желать, чтобы подобныя вещи не дѣлались въ христіанской странѣ. А все то, что здѣсь про нее разсказываютъ, что она была въ связи съ французомъ, кокетничала съ графомъ, тайно обвѣнчалась съ докторомъ, все это глупая сплетня, которую слѣдуетъ стыдиться повторять, чтобы не быть осмѣянной. Мнѣ этого мало, чтобы повѣрить подобнымъ вещамъ о дамѣ, которую никто не можетъ ни въ чемъ упрекнуть, кромѣ развѣ, что она родомъ изъ бѣднаго семейства; что касается до меня, то я тоже не изъ знати, да полагаю, что и всѣ вы также незнатнаго происхожденія, а потому намъ слѣдуетъ лучше считать ее равной себѣ.

— Таковы ваши убѣжденія, милая Кёрнике, сказала Финдельманнъ.

— Конечно, отвѣтила Кёрнике.

— Какъ можно возмечтать изъ-за ничтожныхъ стиховъ, сказала Целлеръ.

— Полно! вмѣшалась Гиппе.

— Этого только не доставало! вскричала Кёрнике, оправивъ послѣдній разъ свой бантъ отъ шляпки. Мнѣ уже столько пришлось выслушать по поводу этихъ стиховъ, о которыхъ, какъ вамъ извѣстно, вы сами такъ долго меня просили, что баста! пускай дамы обходятся безъ меня. Да вотъ и мой мужъ идетъ за мной, желаю вамъ спокойной ночи!

— Наконецъ! проговорилъ ночной сторожъ Венцель. Авось теперь и другіе разойдутся; но вотъ что, кумъ: сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда 15-го іюля молнія ударила въ башню и полгорода выгорѣло, а 16-го умеръ старый принцъ, было тоже, что и теперь. Совы кричали не переставая всю ночь, какъ теперь, а потому повторяю,—слѣдуетъ ждать бѣды: революціи или войны, потому что я знаю нашего стараго принца; онъ, какъ и блаженной памяти господинъ, никогда не ходилъ въ церковь на конфессію.

— Концессію! поправилъ Мюллеръ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

«Гогенцоллернскій принцъ не будетъ царствовать въ Испаніи. Мы только этого и требовали, и съ гордостью узнаёмъ о мирномъ разрѣшеніи вопроса. Великая побѣда, нестоившая ни одной слезы, ни одной капли крови»!

Тайный совѣтникъ Винклеръ опустилъ на колѣни газету, изъ которой прочелъ громко эти строки, и посмотрѣлъ удивленными глазами на обѣихъ дамъ, черезъ свои очки.

— Ну, милостивыя государыни, человѣкъ, сообщающій такія прекрасныя новости, могъ надѣяться, что вызоветъ пріятное удивленіе и заслужитъ искреннѣйшую благодарность.

— Я такъ мало понимаю въ этихъ дѣлахъ, сказала Стефанія.

— Когда это появилось въ «*Constitutionnel*»? спросила генеральша.

— 12-го, отвѣтилъ тайный совѣтникъ, глядя въ газету.

— А сегодня уже 14-е. Какъ медленно доходятъ сюда извѣстія! Мало ли что могло съ тѣхъ поръ произойти.

— Ваше превосходительство слишкомъ скептичны! воскликнулъ тайный совѣтникъ.

— Можетъ быть, возразила генеральша, съ годами становишься скептикомъ, а на этотъ разъ, какъ вамъ извѣстно, у меня есть свои особенныя основанія: При моемъ дворѣ дѣло счита-

лось несомнѣннымъ. Впрочемъ, все возможно. Мнѣ интересно послушать, что скажетъ на это графъ.

— Вѣдь онъ пріѣдетъ съ Нейгофомъ къ обѣду, сказала Стефанія.

— Въ пять часовъ, сказалъ тайный совѣтникъ, вставая. Теперь два, а я обѣщалъ его свѣтлости сообщить за столомъ о своихъ наблюденіяхъ за эти четыре дня, касательно состоянія здоровья здѣшняго населенія, также касательно климатическихъ, геологическихъ условій и т. д. Но много ли можно сдѣлать наблюденій въ четыре дня, пріѣхавъ сюда съ цѣлью посвятить себя вполнѣ любезнѣйшей изъ женщинъ, находящейся въ интересномъ положеніи, и когда, сверхъ того, приходится тратить остальное время на обѣды, ужины и маленькія прогулки въ этой райской мѣстности? Но его свѣтлость конечно не сочтетъ всего этого за достаточное извиненіе. Для бѣдныхъ людей слѣдуетъ всегда находить время, говоритъ онъ. У доктора Горста всегда было время для нихъ. Я просто ненавижу этого достойнаго собрата, не имѣя счастья быть съ нимъ знакомымъ лично; онъ не сходитъ съ языка его свѣтлости. По той же небрежности, съ которой онъ пользовалъ нашу милую графиню, я долженъ заключить, что онъ весьма легкомысленный человѣкъ, да къ тому же и невѣжда.

— Я вполнѣ съ вами согласна, сказала генеральша; не забудьте же внушить это самымъ серьезнымъ образомъ графу и сказать ему, что наши желанія исполнятся, по всей вѣроятности, гораздо раньше, чѣмъ мы думали,

— Нельзя сказать, чтобы гораздо раньше, ваше превосходительство.

— Скажите: гораздо раньше. У меня на то есть свои основанія.

— Иначе и быть не можетъ у осторожнѣйшей и дальновиднѣйшей изъ всѣхъ женщинъ! сказалъ тайный совѣтникъ, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, цѣлуя руку у генеральши. Имѣю честь проститься до обѣда.

Едва тайный совѣтникъ удалился черезъ открытыя двери въ садъ, какъ Стефанія залилась слезами.

— Ахъ, еслибы ужъ все поскорѣй миновало! На этотъ разъ я умру! хныкала она.

— Милое дитя, сказала генеральша, тебя точно мнѣ подмѣнили. Мнѣ иногда просто не вѣрится, чтобы это была моя веселая, живая Стефанія, которая обыкновенно такъ легко относится ко всему. Я желаю, такъ же какъ и ты, чтобы все миновало, и благополучно миновало; наше положеніе черезъ это из-

мѣнилось бы и измѣнилось бы много къ лучшему. А потому и принца, и твоего мужа, и весь міръ слѣдуетъ держать въ состояніи ожиданія и напряженія. Если то, что много обѣщаетъ, замедляется, то всего лучше въ этомъ случаѣ убѣждать, что оно случится завтра, сегодня, каждую минуту. При этомъ пользуются если не капиталомъ, то по крайней мѣрѣ процентами.

— Этому принципу слѣдовалъ всегда нашъ принцъ. Если мы будемъ завѣрять, говоритъ онъ, что каждый, кто не считаетъ войну съ Франціей неизбѣжной, дуракъ, — то разумѣется у насъ будетъ война. Ну-съ, онъ не всегда правильно судитъ, нашъ милый принцъ, но тутъ онъ правъ, трижды правъ, и мы это еще увидимъ.

— И тогда, значитъ, Гейнрихъ уйдетъ на войну и я, быть можетъ, никогда больше его не увижу, плакалась Стефанія.

Генеральшу разбиралъ смѣхъ; сантиментальная выходка Стефаніи совсѣмъ не пристала къ ней, но приходилось щадить ее, ради ребенка. Поэтому она сморщила бѣлый лобъ и сказала:

— Сколько я знаю, ты первая изъ Турловыхъ, которая не находитъ естественнымъ, чтобы ея мужъ пожертвовалъ жизнью Богу и королю.

— Но Гейнрихъ былъ такъ добръ со мной въ эти послѣдніе дни, сказала Стефанія.

— Согласна, возразила генеральша, хотя мнѣ бы было пріятнѣе, если бы онъ наполовину сократилъ свои визиты къ Нейгофамъ; но неужели ты думаешь, что онъ не станетъ добрѣе, если ему скажутъ: ты каждую минуту можешь сдѣлаться отцемъ? Говорю тебѣ, Стефанія, подари мнѣ сегодня ночью внучка, и я ручаюсь тебѣ за все...

— За все, повторила генеральша, подымаясь со своего мѣста и поправляя сѣдые локоны передъ зеркаломъ. Нужно не знать мужчинъ, чтобы не понимать, какъ это льститъ ихъ честолюбію, пришпориваетъ ихъ энергію, заставляетъ произносить и выполнять рѣшенія, о которыхъ имъ даже не снилось. Не то, чтобы я сомнѣвалась въ энергіи Гейнриха, но при такой крупной игрѣ чѣмъ больше имѣешь козырей, тѣмъ лучше; а это былъ бы самый старшій козырь. И даже нашъ принцъ, добрый, старый, нерѣшительный человѣкъ, и онъ отнесся бы съ почтеніемъ къ *fait accompli* и не рѣшился бы загнуть уголъ...

Генеральша не докончила фразы, и продолжала, поварачиваясь снова къ зеркалу:

— При его склонности къ фантазерству, онъ увидитъ въ этомъ перстъ божій. Вѣдь все это чистое фантазерство. Всѣ мы здѣсь фантазеры; это должно быть здѣсь въ воздухѣ; слава

Богу, что я не поддалась этому вліянію, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ сохранила свое нормальное состояніе духа и надѣюсь всѣхъ васъ вразумить въ короткое время... Мнѣ хочется немного пройтись передъ обѣдомъ; милое дитя, ты очень утомлена, а потому попробуй съ часокъ заснуть. Я велю тебя во время разбудить. Прошу не прекословить. Твоя старая мама приняла на себя команду, и, ты знаешь, она не терпитъ непослушныхъ.

Генеральша поцѣловала Стефанію въ лобъ и нѣсколько минутъ спустя медленно разгуливала, съ распущеннымъ сѣрымъ зонтикомъ, между освѣщенными солнцемъ клумбами, безчисленные цвѣты которыхъ распространяли пріятный ароматъ въ теплом воздухѣ, и наконецъ достигла другой части парка, по ту сторону красной башни, гдѣ густая листва высокихъ деревьевъ давала тѣнь и прохладу и поставленныя на удобныхъ мѣстахъ скамейки приглашали къ отдыху.

Генеральша сѣла на одну изъ скамеекъ. Она пошла не для прогулки. Ей хотѣлось побыть одной, чтобы свободно предаться своимъ мыслямъ.

Здѣсь она была одна; легкій шелестъ высокихъ деревьевъ, голоса птицъ, прерывавшіе по временамъ тишину, и монотонный плескъ фонтана въ цвѣточномъ саду, не мѣшали ей.

Ей было не до шелеста деревьевъ, не до пѣнья птицъ, не до плеска воды. Ей предстояло подумать о трудномъ положеніи, которое она здѣсь застала, взвѣсить шансы и средства для благопріятнаго исхода дѣла. Что исходъ долженъ быть благопріятенъ, въ этомъ она, съ своей стороны, не сомнѣвалась. Всѣ ея надежды, еще семь лѣтъ тому назадъ, — когда графъ вступилъ въ ихъ домъ молодымъ лейтенантомъ, сводились къ тому, что ея Стефанія будетъ когда-нибудь принцессой Рода-Ротебюль; это было пунктомъ, около котораго вращались всѣ ея мысли, соображенія, планы. Эта надежда, въ началѣ слабая, росла все болѣе и болѣе въ ней съ теченіемъ времени; синѣющая даль шла, повидимому, къ ней на встрѣчу—и неужели все это сонъ, изъ котораго она пробудится снова бѣдной вдовой генеральшей, тещей гвардейскаго ротмистра, который весь въ долгу, какъ въ шелку, и на древнее графское имя котораго не дадутъ даже обѣда въ харчевнѣ? И все это изъ-за чего? Изъ-за того, что здѣсь важно разгуливаетъ, какъ барыня, дѣвчонка, которую она только изъ состраданія взяла къ себѣ изъ швейцарской—нѣтъ, не изъ состраданія—а чтобы доставить игрушку Стефаніи, до крайности избалованной,—все равно, изъ-за того, что она здѣсь важно разгуливаетъ съ гордой миной, кружитъ голову мужчинамъ и своимъ

тонкимъ кокетствомъ привела, наконецъ, къ тому, что донъ-Кихотъ готовъ выкинуть свою послѣднюю глупость и серьезно жениться на ней.

— Потѣха! сказала генеральша и засмѣялась, вспомнивъ о старомъ графѣ Зиловѣ, постоянно искавшемъ въ обществѣ свою любезную жену, приставивъ золотой лорнетъ къ слабымъ глазамъ, и котораго она за это прозвала Діогеномъ.

Но этотъ Діогенъ, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, свои мутные глаза, фальшивые волоса, зубы и икры сдѣлался счастливымъ отцемъ и еще недавно увѣрялъ ее, что ребенокъ становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе на него похожимъ; а у этого донъ-Кихота глаза еще ясны, фигура стройна, и онъ можетъ еще Богъ знаетъ сколько прожить и...

Рѣзкія черты лица генеральши приняли весьма серьезное выраженіе при этихъ мысляхъ.

Да, здѣсь былъ узелъ, который слѣдовало разрубить, еслибы не удалось развязать; все же остальное было побочнымъ дѣломъ. Дойдетъ ли дѣло до войны, или нѣтъ, несмотря на извѣстія, полученныя сегодня утромъ, она полагала, что будетъ война;— принцъ въ 1866-мъ году показывалъ кулакъ въ карманѣ и теперь, когда его положеніе гораздо труднѣе, поступитъ не иначе. Напрасно Гейнрихъ далъ дѣлу такой серьезный оборотъ, но онъ бы этого не сдѣлалъ, еслибы не былъ влюбленъ въ Гедвигу.

Гейнрихъ — глупъ! У него былъ выборъ; ужъ если хотѣлось во что бы то ни стало влюбиться, то почему же не влюбиться въ Нейгофъ, которая навѣрно была бы отъ этого не прочь, или въ кого угодно; зачѣмъ именно въ Гедвигу? Скандалъ да и только. Но разъ такой скандалъ уже случился, Стефаніи не слѣдовало придавать ему значенія; ей слѣдовало слегка осмѣять мужа и отнестись къ его поступку, какъ къ мальчишеской выходкѣ.

Что же она вмѣсто того сдѣлала? Сердилась, устраивала ему сантиментальныя сцены, влюбилась слегка въ этого доктора, и увѣнчала все тѣмъ, что возбудила въ принцѣ ревность къ Гейнриху.

Можно ли придумать что-нибудь безумнѣе? Не приходится ли, послѣ подобныхъ поступковъ своей родной дочери, разочароваться въ цѣломъ мірѣ? Возбуждать ревность къ Гейнриху, къ своему собственному мужу, отъ котораго ей слѣдовало устранять всякое подозрѣніе, даже въ десять разъ сильнѣйшее, набросивъ это подозрѣніе на кого бы то ни было другого, сколько-нибудь подходящаго? И программа дѣйствій была такъ проста, такъ легко выполнима; да къ тому же мудрая Нейгофъ разска-

зала ей, не обинуясь, восемь дней тому назадъ то, о чемъ говорятъ у всѣхъ помѣщиковъ кругомъ, что извѣстно каждому уличному мальчишкѣ въ Ротебюлѣ и каждому конюху въ замкѣ, послѣ того, какъ этотъ человѣкъ, не будучи въ состояніи переносить больше своего тяжелаго положенія, улизнулъ отсюда ночью, какъ тать.

— Этотъ человѣкъ, должно быть, былъ не безъ достоинствъ, сказала генеральша про себя, выводя зонтикомъ завитушки на пескѣ. Иначе капризъ Стефаніи былъ бы совершенно необъяснимъ, а также и упорство, съ которымъ Гейнрихъ не переставалъ противорѣчить всѣмъ нашимъ доводамъ, несмотря на то, что добрая Нейгофъ и я сама дѣлали все, что̀ могли, да и факты ясно за себя говорятъ.

Еслибы онъ не сознавался внутренно въ возможности даннаго факта, то не настаивалъ бы такъ упорно на его невозможности. Впрочемъ онъ правъ, утверждая, что рѣшительно все равно, любитъ ли она этого человѣка или нѣтъ, если, въ концѣ концовъ, все-таки выйдетъ окончательно замужъ за принца; но онъ забываетъ при этомъ, что изъ этого обстоятельства можно и должно было бы создать препятствіе, на которомъ бы она сломала себѣ шею.

— Возмутительно-плебейское выраженіе, сказала генеральша, но меня по истинѣ доводятъ до крайности. Никто на свѣтѣ не можетъ меня осудить, если я такъ или иначе покончу съ этой безсмыслицей. Еслибы только найти что-нибудь осязательное, правдоподобное, я не знаю, что̀ бы я за это дала!

Генеральша подняла голову.

Ей послышались чьи-то шаги въ направленіи отъ кавалерскаго флигеля, фронтонъ котораго виднѣлся сквозь деревья, къ площадкѣ.

Она поправила сѣдые локоны, упавшіе на лобъ, пока она сидѣла наклонившись, стерла ногой завитки на пескѣ, спокойно прижалась, помахивая зонтикомъ, въ уголъ скамейки и зорко посмотрѣла въ кусты, изъ-за которыхъ долженъ былъ сейчасъ показаться идущій.

То былъ Глейхъ, старый камердинеръ принца.

Радостный трепетъ овладѣлъ ею. Если кто-нибудь на свѣтѣ могъ помочь ей, то это былъ Глейхъ.

Она это почувствовала съ первой минуты и все подтверждало ей то. Замѣчательно счастливый случай свелъ ее съ этимъ человѣкомъ именно здѣсь, сегодня утромъ.

Это была случайность. Ясно, что старикъ не искалъ ее, какъ подумала она въ первую минуту. Онъ шелъ медленно по

аллеѣ, нагнувъ впередъ свое худое туловище и низко наклонивъ голову, останавливался по временамъ, поднималъ голову и, сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько шаговъ впередъ, снова останавливался, снималъ шляпу съ широкими полями и проводилъ рукой по сѣдымъ волосамъ—словомъ, представлялъ человѣка, который старается и не можетъ себѣ разъяснить важнаго обстоятельства.

Наконецъ онъ замѣтилъ генеральшу. Сразу выпрямившись во весь ростъ, онъ пошелъ ровнымъ, медленнымъ шагомъ, какъ подобаетъ старику, и удивленіе, выразившееся на его лицѣ при видѣ генеральши, когда онъ очутился отъ нея шагахъ въ шести, было такъ прекрасно разъиграно, и осторожность, съ которой онъ, снявъ шапку и потихоньку выступая, чтобы не помѣшать ея милости, хотѣлъ прошмыгнуть мимо нея, такъ естественно выражена, что генеральша не могла удержаться, чтобы не сказать въ полголоса: молодецъ!

— Что прикажете, ваше превосходительство? спросилъ Глейхъ. Старикъ быстро остановился; не было сомнѣнія, что онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ заговорили.

— Найдется ли у васъ свободный часокъ времени? сказала генеральша.

— Къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство, возразилъ Глейхъ, дѣлая полуоборотъ къ генеральшѣ.

— Уѣхалъ его свѣтлость?

— Его свѣтлость уѣхали на совѣщаніе съ господиномъ совѣтникомъ канцеляріи.

— Одинъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство... Не будетъ ли еще приказаній отъ вашего превосходительства?

— Надѣньте шляпу и садитесь здѣсь на скамейку.

— Ваше превосходительство!

— Я этого желаю.

— Какъ прикажете ваше превосходительство, сказалъ Глейхъ, садясь осторожно на другой конецъ скамейки, такъ, что между нимъ и барыней оставалось мѣсто еще по крайней мѣрѣ для трехъ человѣкъ.

Несмотря на то, Глейхъ нимало не былъ смущенъ оказанной ему честью.

Глейху случалось безчисленное множество и по цѣлымъ часамъ сиживать такимъ образомъ съ своимъ господиномъ, въ доброе старое время, когда онъ, такъ сказать, составлялъ единственное общество его свѣтлости. Ея превосходительство генеральша не разъ заставала ихъ на скамейкѣ рядомъ, во время уединенныхъ прогулокъ, въ былое время, въ бытность ихъ въ

Висбаденѣ; но все это, конечно, миновало съ тѣхъ поръ какъ *она* здѣсь поселилась.

— Его свѣтлость часто выѣзжалъ одинъ въ послѣдніе дни, начала генеральша; я полагала, что вы всегда и вездѣ ему сопутствуете.

Глейхъ скорчился, какъ человѣкъ, къ больному мѣсту котораго прикоснулись.

— Его свѣтлость пріучается мало-по-малу обходиться безъ меня, отвѣчалъ онъ съ злой улыбкой, скривившей его беззубый ротъ.

— Развѣ вы хотите удалиться на покой?

— Лечь, ваше превосходительство, лечь, подхватилъ Глейхъ, и указалъ дрожащей отъ волненія рукой на землю.

— Откуда въ васъ такія мрачныя фантазіи, любезный Глейхъ? возразила генеральша. Вы не старѣе принца.

— Я родился въ одномъ году съ нимъ, сказалъ Глейхъ, и въ одномъ мѣсяцѣ, и прослужилъ у него рейткнехтомъ, съ шестнадцати лѣтъ и до двадцати-шести, цѣлыхъ десять лѣтъ. А теперь состою сорокъ лѣтъ его камердинеромъ, съ тридцатаго года, когда онъ оставилъ полкъ, и постоянно отказывался отъ всего, что онъ мнѣ предлагалъ: сегодня мельницу въ Эрихсталѣ, завтра мѣсто надсмотрщика за каменноугольными копями въ Гюнерфельдѣ, потомъ мѣсто кастелляна въ охотничьемъ зáмкѣ и т. д., и все лишь затѣмъ, чтобы не разставаться съ нимъ, чисто изъ страстной привязанности къ моему доброму господину; и теперь, подумаешь, что мнѣ пришлось дожить до этого!

«Страстная любовь къ его доброму господину, конечно, принесла ему болѣе выгодъ, чѣмъ всѣ исчисленныя блага вмѣстѣ взятыя»; подумала про себя генеральша и произнесла вслухъ:

— До чего же вамъ пришлось дожить, любезный Глейхъ?

— Но когда стараго Андрея доведутъ до крайности, то онъ поневолѣ заговоритъ такъ громко, что его принуждены наконецъ будутъ выслушать, не взыщите.

— Что же именно выслушать, любезный Глейхъ? спросила генеральша тономъ дружескаго участія, между тѣмъ какъ сердце ея билось отъ нетерпѣнія.

— Что не все то золото, что блеститъ, отвѣчалъ Глейхъ, и что соловья баснями не кормятъ. А чѣмъ его кормили все это время, какъ не баснями? Ничѣмъ, какъ есть ничѣмъ! Кто ухаживалъ за нимъ, когда онъ страдалъ отъ судорогъ въ сердцѣ или отъ ревматизма? Кто просиживалъ надъ нимъ ночи, даромъ, что у самого, быть можетъ, болѣли старыя кости? Такъ-то, небось другія прочія ни одной ночи не подарили ему, какъ

есть ни одной; онѣ изволили спокойно почивать въ мягкой постелькѣ, ну, и конечно могли похвалиться на другое утро своей свѣжестью, да привлекательностью, словно змій въ раю.

«Неужели она въ самомъ дѣлѣ водила его все это время за носъ?» подумала генеральша про себя.

— А потому, продолжалъ Глейхъ, ни за что, ни про что всѣхъ насъ честятъ дураками, да болванами, и готовы каждую минуту прогнать съ глазъ долой; на нашу долю достаются злые взгляды, да немилостивыя слова, да капризы, когда онъ, какъ безумный, мечется изъ угла въ уголъ, словно, прости Господи, запродалъ бѣдную душу свою сатанѣ!

Старикъ съ каждымъ словомъ раздражался все сильнѣе. Онъ весь дрожалъ и постоянно оттягивалъ бѣлыми, длинными пальцами верхнія пуговицы своего чернаго фрака, точно онъ тѣснилъ его грудь, гдѣ кипѣли такія злыя страсти.

Генеральша сидѣла, кусая свою тонкую нижнюю губу. Очевидно, что старика разбиралъ тотъ же страхъ, что и ее; что для него на картѣ стояла жалкая ставка его жизни, точно такъ, какъ для нея стояла великая ставка ея жизни; что ихъ интересы сходились и что на всякій случай слѣдовало привлечь его на свою сторону.

«Дѣлать нечего, подумала генеральша, приходится сдѣлать первый шагъ».

И прибавила вслухъ:

— Мнѣ васъ жаль отъ всего сердца, любезный Глейхъ, по истинѣ отъ всего сердца. Но согласитесь, что мы, я хочу сказать, графиня, графъ и я сама, мы еще больше страдаемъ отъ этого страннаго союза. Я могу это высказать вамъ, старому слугѣ, и конечно не сказала вамъ ничего новаго, чего бы не прочувствовало ваше вѣрное, доброе сердце. Однако, мы спокойно и терпѣливо переносили все, хотя, Богу одному извѣстно, какъ тяжко приходилось подчасъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство; вы изволите, говорить правду, отвѣчалъ Глейхъ. Я самъ терпѣливо и спокойно выносилъ все до сихъ поръ; но, не взыщите, чего добраго, мы доживемъ и до такого, къ чему ваше превосходительство врядъ ли отнесетесь терпѣливо и спокойно; да, мы можемъ до этого дожить.

— Невозможно, сказала генеральша, невозможно!

Злая улыбка скривила беззубый ротъ Глейха. Его самолюбію льстило, что онъ зналъ больше, чѣмъ генеральша.

— Вовсе не такъ невозможно, ваше превосходительство, замѣтилъ онъ. Онъ не даромъ перерылъ весь архивъ и проси-

живалъ цѣлыя ночи надъ старыми документами, и по цѣлымъ днямъ занимался, запершись съ совѣтникомъ; сегодня онъ опять занимался съ нимъ все утро, и теперь все приведено въ надлежащій порядокъ и, я полагаю, отложено до послѣ завтра, до дня его рожденія.

— Невозможно, вскричала генеральша еще разъ, совершенно невозможно! Мы никогда,—графъ никогда этого не потерпитъ, никогда, никогда!

Всѣ эти дни генеральша старалась изо всѣхъ силъ убѣдить свою дочь и графа въ возможности и даже въ большой вѣроятности «событія»; за минуту передъ тѣмъ, она ожидала, что рѣчи стараго камердинера сведутся къ этому предмету, но теперь такъ испугалась, какъ будто сообщеніе это застало ее врасплохъ.

— Ваше превосходительство не были бы такъ взволнованы, еслибы дѣйствительно думали, что это невозможно, сказалъ Глейхъ; и въ настоящее время, когда мы всѣ равны передъ закономъ, это гораздо возможнѣе, чѣмъ прежде; а въ старинныхъ документахъ можно отыскать многое, на что можно сослаться въ крайнемъ случаѣ: разные прецеденты, или какъ тамъ, это называется, о чемъ его свѣтлость такъ часто толковалъ въ послѣднее время съ совѣтникомъ канцеляріи.

Генеральша снова овладѣла собой. Нельзя было терять времени въ безплодныхъ и къ тому же неприличныхъ жалобахъ. Слѣдовало дѣйствовать.

— Любезный Глейхъ, начала она, я буду говорить съ вами откровенно. Пусть съ точки зрѣнія права дѣло это и возможно, но оно отнюдь не должно совершиться и мы по-царски наградили бы того, кто могъ бы помѣшать ему или даже просто оказать намъ содѣйствіе.

— Ваше превосходительство очень милостивы, отвѣчалъ Глейхъ,—и съ своей стороны я конечно отъ всего сердца готовъ услужить въ этомъ дѣлѣ вашему превосходительству, также какъ молодой графинѣ и господину графу; но ваше превосходительство согласитесь, что нужно же имѣть въ рукахъ что-нибудь осязательное, что можно было бы представить ему.

— У васъ есть нѣчто подобное, сознайтесь, подхватила генеральша съ жаромъ.

— Я боюсь потерять мѣсто, сказалъ Глейхъ.

— Мы васъ за все вознаградимъ, возразила генеральша.

— Я могу нажить большія непріятности.

— Мы васъ не дадимъ въ обиду.

— Я и то молчалъ, когда господинъ графъ захотѣлъ свести съ ней болѣе близкое знакомство...

— Я знаю все, все; требуйте, чего хотите.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Глейхъ, боязливо поглядѣвъ вокругъ себя, вотъ кое-что для начала;—и онъ вынулъ изъ кармана своего фрака небольшую, аккуратно связанную пачку.

— Что это? спросила генеральша.

— Я нашелъ это, часъ тому назадъ, въ его комнатѣ, ключъ отъ которой досталъ у своего зятя, съ цѣлью пошарить, ваше превосходительство, понимаете... и нашелъ тамъ, въ одномъ изъ ящиковъ конторки, эту пачку, конечно забытую имъ при отъѣздѣ.

— Это письма,—сказала генеральша, развязывая ниточку,— отъ нея къ нему—безъ сомнѣнія. Читали вы ихъ?

— Такъ, слегка пробѣжалъ, ваше превосходительство.

— И...

— Ваше превосходительство сами прочтете, сказалъ Глейхъ. Если вашему превосходительству угодно будетъ дать мнѣ какое-нибудь порученіе, то я всегда могу освободиться на минутку, и если въ настоящую минуту вы не имѣете ничего больше приказать...

— Благодарю васъ, любезный Глейхъ, благодарю васъ, сказала генеральша, опуская пачку въ карманъ своего платья.

— Въ такомъ случаѣ не буду долѣе утруждать вашего превосходительства, сказалъ Глейхъ, уже стоя при послѣднихъ словахъ передъ генеральшей, съ шляпой въ рукѣ, и затѣмъ удалился съ низкимъ поклономъ.

Генеральша прослѣдила глазами за тощей, черной фигурой, пока она не исчезла за кустами. Затѣмъ вынула пачку изъ кармана. Она не въ силахъ была настолько обуздать любопытства, чтобы дойти до своей комнаты; впрочемъ здѣсь ей было также покойно, какъ и въ комнатѣ.

Всѣхъ писемъ было двадцать съ небольшимъ, большая часть состояла изъ нѣсколькихъ строкъ; только нѣкоторыя, написанныя съ сосѣднихъ водъ, гдѣ Гедвига провела въ прошломъ году нѣсколько недѣль, были подлиннѣе. Изящный почеркъ облегчалъ чтеніе для генеральши. Нѣкоторыя мѣста, написанныя на иностранномъ языкѣ, на англійскомъ, какъ предполагала генеральша, были ею пропущены. Такимъ образомъ, чтеніе продолжалось недолго.

— Ну, сказала генеральша, я ожидала бóльшаго; но можетъ быть самое-то интересное заключается въ строчкахъ, которыя переведетъ мнѣ Стефанія; весьма платонически или весьма осто-

рожно, но во всякомъ случаѣ пригодится: есть нѣсколько отзывовъ о немъ, которые его не порадуютъ. Пущенное въ ходъ во время, это произведетъ свое дѣйствіе. Но конечно этого мало, слѣдуетъ взяться за разныя пружины.

Генеральша посмотрѣла на часы. Оставалось два часа до обѣда.

— У меня какъ разъ довольно времени, чтобъ съѣздить къ совѣтнику канцеляріи; намъ нужно имѣть вѣрныя свѣдѣнія, вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ важномъ пунктѣ, а совѣтникъ настолько тупъ, что отъ него можно все вывѣдать, что пожелаешь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ то время, какъ генеральша вела свои совѣщанія съ Глейхомъ, фонъ-Цейзель сидѣлъ въ бесѣдкѣ Ифлеровскаго сада, посматривая то на часы, то на дорогу, которая вела къ дверямъ дома, откуда все еще не появлялись ожидаемыя имъ съ нетерпѣніемъ дамы.

У фонъ-Цейзеля рѣшительно не было свободнаго времени. Ему предстояло еще множество дѣлъ въ Ротебюлѣ, по случаю послѣзавтрашняго праздника; да сверхъ того онъ надѣялся выгадать часокъ, чтобы поскорѣе съѣздить въ Бухгольцъ, пожать руку господину фонъ-Фишбаху, доставить рецептъ для пирога изъ гусиной печенки госпожѣ фонъ-Фишбахъ, передать стихотворенія Гебеля Адели, о которыхъ она его просила, и поспѣть галопомъ къ обѣду обратно въ зàмокъ. Но если его вездѣ будутъ такъ задерживать, какъ здѣсь, то ему придется отказаться отъ своихъ сладкихъ надеждъ.

«Это ни съ чѣмъ несообразно, говорилъ фонъ-Цейзель, какая безсмыслица! Репетиція въ костюмѣ днемъ, на солнечномъ припекѣ, потому, видите ли, что она не можетъ должнымъ образомъ вдохновиться, если не будетъ слышать плеска воды! Плескъ воды! Добрые люди съ ума сошли».

Фонъ-Цейзель бросилъ презрительный взглядъ на каменный бассейнъ передъ бесѣдкой, всего шести футовъ въ діаметрѣ, въ которомъ небольшой унылый тритонъ пускалъ изъ раковины едва замѣтную струйку на полдюжину золотыхъ рыбокъ, неподвижно стоявшихъ въ водѣ, глубиной въ дюймъ, и повидимому съ покорностью ожидавшихъ своей неизбѣжной участи: свариться на палящемъ іюльскомъ солнцѣ.

«Это можетъ довести до отчаянія»! говорилъ фонъ-Цейзель.

Тоже самое произносила Элиза; модистка Визебрехтъ посадила крючки къ поясу, украшенному раковинами, которымъ заканчивался ея костюмъ, на цѣлую ладонь шире, чѣмъ нужно, пришивъ ихъ передъ тѣмъ на цѣлую ладонь уже, чѣмъ слѣдовало.

— Наша добрая Визебрехтъ становится съ каждымъ днемъ все разсѣяннѣе, сказала совѣтница, находившаяся въ раздраженномъ состояніи. Моему терпѣнію насталъ конецъ.

— А моему, вы думаете нѣтъ? сказала Визебрехтъ, бросая на столъ ножницы, которыя только-что взяла въ руки, чтобы снова отпарывать несчастные крючки, и вскакивая съ своего стула. Вы думаете, что у старой Визебрехтъ нѣтъ другого дѣла, какъ просиживать у васъ цѣлые дни, въ то время, какъ къ послѣ завтра ей предстоитъ еще сшить шесть платьевъ у Целлеровъ и у Блумовъ, которыя сидятъ теперь какъ на иголкахъ, и у булочника Гейнца, обѣ дочки котораго выплакали себѣ глаза, потому что не могутъ обойтись безъ старой Визебрехтъ; а это по крайности такія платья, что знаешь, съ чѣмъ имѣешь дѣло, а не такія одѣянія, которыхъ не надѣнетъ ни одна христіанская душа; а вы не взыщите, госпожа совѣтница, если я скажу, что старая Визебрехтъ шьетъ только на христіанъ и для христіанъ, и достаточно толкова; а еще, что на будущее время вы сами можете выполнять свои грѣховодныя затѣи и разыгрывать всякихъ нимфъ, какъ тамъ они зовутся; но какъ бы ни звались, а грѣшно и стыдно такъ бѣгать ночью, не говоря уже днемъ, и въ такомъ видѣ показываться передъ мужчинами, и я никогда не дала бы на это позволенія ребенку, даже еслибы его свѣтлость дважды обѣщалъ обвѣнчаться съ ней, что̀, впрочемъ, все пустяки и нелѣпости; я до сихъ поръ молчала и думала: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить; а затѣмъ, когда пѣсенка будетъ вся пропѣта, тогда вы вспомните про старую Визебрехтъ.

Разгнѣванная женщина сложила дрожащими руками свои вещи въ рабочій мѣшокъ и вышла въ дверь, прежде чѣмъ мать и дочь успѣли опомниться отъ испуга, произведеннаго на нихъ этой неожиданной выходкой и открыть ротъ. Вслѣдъ затѣмъ Элиза залилась истерическими слезами, а совѣтница, сдерживая свой гнѣвъ, проговорила:

— Великіе міра сего должны спозаранку привыкать къ людской неблагодарности. Ты должна стать въ уровень съ своимъ положеніемъ. Посмотри на меня, я это сдѣлала.

— Ахъ, мама, хныкала Элиза, вѣдь она теперь обѣжитъ весь городъ и всѣмъ разскажетъ.

— Пускай, сказала совѣтница; вѣдь когда-нибудь, да должны же всѣ узнать объ этомъ, и я бы удивилась, еслибъ это не было уже извѣстно всѣмъ и каждому. А теперь, мое дитя, пойдемъ къ фонъ-Цейзелю, онъ ждетъ насъ, я думаю, уже цѣлыхъ полчаса.

— Я не могу, продолжала хныкать Элиза, смотрясь въ большое зеркало, я, въ самомъ дѣлѣ...

— Элиза, сказала строго совѣтница, дочь ты мнѣ или нѣтъ?

— Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, накинуть регенмантель, проговорила Элиза.

— Чтобы смять весь нарядъ? Элиза, я тебя не узнаю.

— Только до бесѣдки, сказала Элиза:—обѣ служанки стоятъ у окна въ кухнѣ.

— Ну, до бесѣдки пожалуй, согласилась совѣтница, облекая дрожащую дѣвушку въ длинный, коричневый регенмантель, поверхъ котораго падали распущенные, переплетенные водяными растеніями бѣлокурые волосы.

— Наконецъ-то! произнесъ фонъ-Цейзель, завидѣвъ приближавшуюся по озаренной солнцемъ дорожкѣ фигуру въ коричневомъ регенмантелѣ, надъ которой совѣтница держала большой распущенный красный зонтикъ.

— Мы никогда не забудемъ вашей предупредительности, сказала совѣтница, милостиво кивнувъ головой кавалеру.

Фонъ-Цейзель привыкъ за послѣднее время къ странностямъ госпожи Ифлеръ и отвѣчалъ на эти торжественныя слова нѣмымъ поклономъ, устремивъ любопытный взглядъ на фигуру въ регенмантелѣ, изъ-подъ котораго выглядывала пара красныхъ башмаковъ, усѣянныхъ раковинами, и нижнія широкія складки зеленыхъ шелковыхъ турецкихъ шароваръ, появленія которыхъ въ костюмѣ рѣчной нимфы кавалеръ никакъ не могъ себѣ объяснить.

— Я полагаю, мы сейчасъ же приступимъ къ репетиціи, сказалъ онъ, потому что, навѣрное, дамы не нуждаются въ моемъ мнѣніи касательно вполнѣ удавшагося, безъ сомнѣнія, костюма, скрытаго отъ меня коварнымъ регенмантелемъ.

— Мы думаемъ, что въ костюмѣ не ошиблись, сказала совѣтница. — Элиза!

— Я не считаю этого безусловно необходимымъ, сказалъ добродушный кавалеръ, замѣтивъ, что Элиза со страхомъ запахнула регенмантель, въ то время, какъ мама собиралась снять его.

— Элиза! повторила совѣтница, и у входа въ бесѣдку, долженствовавшую изображать лебединый гротъ, предстала нимфа

Роды, этотъ полевой цвѣтокъ Оскара фонъ-Цейзеля, въ невѣроятномъ костюмѣ, который, несмотря на многія фантастическія уклоненія, приходилось признать за турецкій; конечно такимъ бы призналъ его и фонъ-Цейзель, еслибы не былъ вынужденъ припадкомъ судорожнаго кашля отвернуться съ быстротой молніи къ бассейну и смертельно напугать злополучныхъ шесть золотыхъ рыбокъ бѣлымъ носовымъ платкомъ, который онъ вытащилъ изъ кармана и прижалъ къ лицу.

— Прошу извинить, заговорилъ фонъ-Цейзель изъ-подъ платка, это сейчасъ пройдетъ. Боже мой, какой несносный кашель! Прошу извинить.

Фонъ-Цейзель осторожно повернулся, медленно отнялъ платокъ отъ лица, цвѣтъ котораго, благодаря припадку кашля, могъ смѣло соперничать съ цвѣтомъ золотыхъ рыбокъ, а не то, пожалуй, съ сафьянными башмаками Элизы, покрытыми раковинами.

— Прошу дамъ извинить меня, повторилъ фонъ-Цейзель. Очаровательно, великолѣпно, вполнѣ изящно и согласно съ характеромъ роли! Его свѣтлость будетъ восхищенъ;... но, полагаю, намъ пора начать. Я позволю себѣ изобразить свѣтлѣйшую особу нашего принца, который спускается по узкой тропинкѣ близъ Роды, и прошу мадемуазель Элизу выдти ко мнѣ на встрѣчу изъ бесѣдки, я хотѣлъ сказать, изъ грота, когда я приближусь на шесть шаговъ.

Фонъ-Цейзель отошелъ нѣсколько отъ бесѣдки, причемъ съ нимъ, повидимому, сдѣлался новый припадокъ кашля; затѣмъ величественнымъ шагомъ пошелъ къ бесѣдкѣ, изъ которой выступила ему на встрѣчу Элиза.

— Осмѣлюсь попросить васъ прибавить шагу, сказалъ фонъ-Цейзель.

— Я полагаю, что прибавить шагу значило бы нарушить женское достоинство, возразила совѣтница.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ фонъ-Цейзель; итакъ, прошу васъ, начинайте: «Откуда онъ, сей дивный, яркій свѣтъ»...

Элиза приподняла обѣ руки, приняла позу молящагося мальчика и начала:

«Откуда онъ, сей дивный, яркій свѣтъ
«Что мокрый домъ мой чудно озаряетъ»?

— Осмѣлюсь замѣтить «влажный домъ», поправилъ фонъ-Цейзель.

— Вода мокра, а не влажна, вмѣшалась совѣтница.

Фонъ-Цейзель поклонился.

Элиза продолжала:

«Иль золотой луны серебристые
«Лучи предъ нами быстро загорѣлись»?

— Осмѣлюсь замѣтить: «Не кроткой ли луны»... перебилъ фонъ-Цейзель. Золото и серебро, боюсь, не совсѣмъ умѣстно помѣщать въ одномъ и томъ же стихѣ.

— Мы находимъ, что «Иль золотой луны»—поэтичнѣе, замѣтила Элиза.

Фонъ-Цейзель опять поклонился.

Элиза продолжала:

«А въ воздухѣ, откуда этотъ шумъ?
«Не шумъ ли то дубравы отдаленной?
«О нѣтъ! то не лѣсной дубравы шумъ,
«Не мѣсяца то кроткое сіянье
«Меня манятъ изъ грота темноты,—
«Но яркимъ пламенемъ чертогъ горящій
«Веселый кликъ пирующихъ людей».

— Прекрасно! сказалъ фонъ-Цейзель, подразумѣвая при этомъ свои стихи, а вовсе не дикцію Элизы, которая показалась ему страшно театральной и напыщенной.

«Какъ бы звучало это въ устахъ Адели?» подумалъ онъ про себя, въ то время, какъ Элиза декламировала дальше:

«Но мнѣ пришлось остаться въ сторонѣ,
«Хотя ты самъ меня избрать рѣшился»....

— Извините, замѣтилъ фонъ-Цейзель: «Хоть древа стволъ меня избрать рѣшился»...

— Мы находимъ, что «Хотя ты самъ» безконечно остроумнѣе, сказала совѣтница.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ кавалеръ; но слѣдующій стихъ гласитъ:

«Чтобъ корень свой могучій напоять»....

«корень» очевидно относится къ «стволу дерева», который я, такъ сказать, веду изъ водъ Роды; между тѣмъ, какъ въ стихѣ «Хотя ты самъ», слово «ты» очевидно относится къ самому принцу и «корень»... нѣтъ, mesdames, я покорнѣйше прошу оставить: «Хоть древа стволъ»...

— Ахъ, проговорила совѣтница, это такой вопросъ, рѣшить который, полагаю, можетъ только сердце матери.

— Я думаю, возразилъ фонъ-Цейзель, что нелишнее согласоваться также и съ логикой; да и для уха звучитъ какъ-то не

особенно пріятно: «Хотя ты самъ»... по крайней мѣрѣ для моего уха.

— Послушайте, сказала совѣтница, мы благодаримъ васъ за вашу откровенность, которую вообще не забудемъ, но извините за замѣчаніе: вѣдь въ сущности рѣшительно не важно, какъ звучитъ это для вашего уха. Для нашего материнскаго уха фраза: «Хотя ты самъ»... звучитъ какъ настоящая музыка, и я знаю также другое ухо, для котораго эти слова точно также покажутся музыкой. Мы остановились на «Хотя ты самъ»... пусть такъ оно и останется; теперь прошу продолжать.

— А я, mesdames, вскричалъ фонъ-Цейзель, покорнѣйше прошу безъ меня докончить репетицію. Сегодня утромъ у меня особенно мало времени, и я боюсь, что обсужденіе измѣненій, которыми почтили дамы мои скромные стихи, займетъ насъ до самаго вечера. Mesdames, честь имѣю кланяться.

Фонъ-Цейзель сложилъ свою рукопись, низко поклонился и пошелъ прочь, не взглянувъ на покинутыхъ имъ дамъ; старшая изъ нихъ, разставивъ руки, гнѣвными глазами глядѣла вслѣдъ дерзновенному, между тѣмъ какъ младшая, шатаясь, прошла въ бесѣдку и тамъ упала на скамейку.

— Вы раскаетесь въ своемъ поступкѣ! вскричала совѣтница громкимъ голосомъ.

— Ахъ, мама̀, мнѣ кажется этимъ дѣло не кончится, рыдала Элиза.

— Потому, что ты никакъ не можешь стать въ уровень съ своимъ положеніемъ, замѣтила совѣтница.

— Боже мой, папа̀! вскричала Элиза. Видишь, я была права.

— Что съ тобою, отецъ родной? сказала совѣтница.

Совѣтникъ вернулся изъ за̀мка за нѣсколько минутъ, прошелъ черезъ заднюю калитку въ свой садъ и заслышавъ голоса хотѣлъ-было удалиться восвояси, но затѣмъ подкрался къ забору и такимъ образомъ сдѣлался свидѣтелемъ послѣдней сцены между своими барынями и кавалеромъ.

Теперь же, когда послѣдній удалился и совѣтникъ замѣтилъ, въ какомъ волненіи находились его барыни,—онъ счелъ данную минуту особенно благопріятной для того, чтобы передать свою злополучную вѣсть. И вотъ, опустился онъ на скамейку возлѣ своей дочери, обмахивая носовымъ платкомъ свое разгорѣвшееся лицо, которое, повидимому, дѣйствительно въ этомъ нуждалось.

— Что съ тобой, сударь, вскричала совѣтница вторично, очень нецеремонно тряся своего супруга за руку.

— Элиза была права, пробормоталъ онъ. Я только-что отъ

него; свадебный контрактъ готовъ; онъ и не помышляетъ о томъ, чтобы жениться на Элизѣ. Онъ хочетъ на *ней* жениться!

— О Боже праведный! взвизгнула Элиза.

— Нѣтъ праведнаго Бога! патетически завопилъ совѣтникъ.

— Но есть глупые люди! вскричала совѣтница, схвативъ теперь, ради перемѣны, своего супруга за шиворотъ обѣими руками и при каждомъ словѣ тряся его болѣе или менѣе энергично. Есть глупые люди, которые никогда не слушаютъ того, что имъ говорятъ ихъ жены. Ахъ ты шутъ гороховый! благодаря твоей глупости, мы сдѣлаемся посмѣшищемъ для людей! Развѣ я тебя не предупреждала и не заклинала: будь остороженъ, Антонъ, говорила я, это опять одна изъ твоихъ фантазій; смотри, какъ бы тебѣ не опозориться, да и намъ съ тобой! Но ты, шутъ гороховый, хотѣлъ быть умнѣе всѣхъ.

— Наше бѣдное дитя, прошепталъ полузадушенный совѣтникъ. Она умираетъ.

— Дай ей умереть! вскричала совѣтница, она конечно этого не переживетъ.

— Да, дайте мнѣ умереть! возопила Элиза, внезапно вскакивая съ мѣста, я этого не переживу.

— Она утопится! закричалъ совѣтникъ, между тѣмъ какъ Элиза направилась невѣрными шагами къ бассейну. Но въ дверяхъ бесѣдки она повернула назадъ, испустивъ отчаянный вопль, и на этотъ разъ по настоящему упала безъ чувствъ въ объятія поспѣшившей къ ней матери.

— Боже мой, что случилось? спросила генеральша, которая только-что прибыла въ сопровожденіи тайнаго совѣтника и которую злорадная служанка провела прямо въ бесѣдку.

— Бѣдное дитя, сказалъ тайный совѣтникъ, ее кажется очень взволновала репетиція сцены, которую готовятъ ко дню рожденія его свѣтлости, да и жара помогла. Намъ нужно перенести ее въ домъ.

Элизу, которая, мало-по-малу, пришла въ себя, благодаря флакону съ солями генеральши и нѣсколькимъ пригоршнямъ теплой воды, которую имѣли жестокость отнять у шести золотыхъ рыбокъ въ бассейнѣ, довели до дому, гдѣ предоставили попеченіямъ тайнаго совѣтника и ея матери; между тѣмъ, генеральша удалилась съ разогорченнымъ отцомъ въ прохладную веранду и тамъ вступила съ нимъ въ бесѣду, во время которой нашей смышленной барынѣ ничего не стоило вывѣдать отъ разсерженнаго и испуганнаго, совершенно смутившагося и растерявшагося человѣка все, что ей было желательно и необходимо.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ помѣстьи барона Нейгофа, гдѣ уже со вчерашняго вечера пребывалъ графъ, сегодня утромъ также получены были газеты, принесшія мирныя извѣстія: отказъ гогенцоллернскаго принца отъ испанскаго престола, успокоительное заявленіе Олливье, произнесенное имъ въ пріемной французской палаты, повышеніе курсовъ на всѣхъ биржахъ. Оба друга напрасно старались отвести душу, изливая потоки горькихъ жалобъ, носившихъ почти измѣнническій характеръ, пока наконецъ шутки баронессы, увѣрявшей, что въ ближайшемъ будущемъ имъ все-таки предстоитъ война и что она тому, кто доставитъ на ея кухню наибольшее число зайцевъ и куропатокъ, обѣщаетъ свое милостивое расположеніе и другіе знаки отличія, — не разсмѣшили легкомысленнаго барона, между тѣмъ какъ графъ — выразивъ своей пріятельницѣ благодарность за ея доброту — откровенно заявилъ, что не можетъ совладать съ дурнымъ расположеніемъ духа.

— Это гораздо хуже Ольмюца, говорилъ графъ, а и тотъ сдѣлалъ необходимымъ Кёниггрецъ; что придется намъ сдѣлать, чтобы загладить эту ошибку!

— Сознайтесь, любезный другъ, сказала баронесса, когда баронъ вышелъ изъ комнаты, чтобы передъ отъѣздомъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по хозяйству; сознайтесь, что въ васъ говоритъ не только воинъ; вы отнеслись бы гораздо спокойнѣе къ дѣлу, еслибы воображенію вашему не рисовались торжествующія мины, съ которыми васъ сегодня встрѣтятъ въ зáмкѣ.

Проницательная женщина затронула самую больную струну. Графу невыносима была мысль, что въ столкновеніи, возникшемъ между нимъ и принцемъ, факты говорили противъ него, и онъ оказывался кругомъ неправъ. Какою дикою и смѣшною должна была казаться теперь самоувѣренность, съ которой онъ утверждалъ, что война неизбѣжна. Какъ неприлично и безумно враждебное отношеніе, въ какое онъ сталъ съ первой же минуты къ маркизу! Не достойно ли порицанія и укора упорство, съ какимъ онъ поддерживалъ и разжигалъ споръ, пока, наконецъ, легкомысліе противника не доставило ему удобнаго предлога повернуть все дѣло на свой ладъ!

И это самое высказала ему Гедвига въ ясныхъ выраженіяхъ, и съ колкой ироніей поблагодарила его за тактъ, съ какимъ онъ дѣйствовалъ, когда обратилъ въ семейное дѣло важный политическій вопросъ, а затѣмъ, когда семейное обстоятельство грозило принять не совсѣмъ удобный исходъ, раздулъ небольшой разладъ,

такъ легко возникающій между свѣтскимъ кавалеромъ и дамой, поведеніе которыхъ одними истолковывается и можетъ истолковываться такъ, а другими иначе.

— И дѣйствительно,—продолжала баронесса развивать свою мысль,—у нихъ есть кое-какія причины торжествовать, а вы, мой бѣдный другъ, имѣете полное основаніе глядѣть мрачно на свѣтъ божій. Въ настоящую минуту роль ваша не особенно благопріятная, а могла бы быть гораздо благопріятнѣе, еслибы вы послѣдовали моему совѣту, еслибы вы хоть отчасти взглянули на дѣло моими глазами, еслибы вы положились на мою способность наблюдать. Я знаю, какъ страшно тяжела для васъ эта тема, какъ вы сердиты на меня за то, что я съ самаго начала была права; но я бы не была вашимъ другомъ, еслибы молчала тамъ, гдѣ факты поистинѣ громко говорятъ за себя. Какъ ни противно это вашей гордости и—извините за выраженіе—вашему тщеславію, но вы должны теперь признать, что Гедвига васъ не любитъ, или, если это менѣе для васъ непріятно, что Гедвига васъ больше не любитъ; а во-вторыхъ — и это само собою разумѣется, что вы обязаны передъ самимъ собою и передо мною, вашей пріятельницей, не говоря уже о Стефаніи, позабыть о женщинѣ нимало вами не интересующейся; въ-третьихъ, съ чѣмъ вы безъ труда согласитесь послѣ моихъ первыхъ доводовъ—что вы были слишкомъ высокаго мнѣнія объ этой дѣвчонкѣ, что вы не должны приписывать честолюбиваго замысла—сдѣлаться принцессой фонъ-Рода особѣ, которая не поняла, какая для нея честь быть любимой графомъ Штейнбургомъ, но видѣть въ ней одну мѣщанскую сантиментальность, заставившую ее добродѣтельно пылать небесной любовью, не вполнѣ свободной отъ маленькаго земного привкуса къ демократическому фразеру, съ которымъ она цѣлыхъ три года фантазировала насчетъ людского благополучія и Богъ ихъ знаетъ чего тамъ еще. Видите ли, любезный другъ, теперь вы сами станете смѣяться; я всегда вамъ говорила: самое лучшее, мало того, единственное, что вамъ остается—это смѣяться, кромѣ того, чистосердечно сознаться въ сдѣланной вами ошибкѣ, старательно избѣгать на будущее время подобныхъ романтическихъ поползновеній, поцѣловать мою ручку—одного раза достаточно, и подать мнѣ шаль, потому что я слышу, Куртъ идетъ намъ возвѣстить, что экипажъ поданъ.

Невесело было графу ѣхать изъ Нейгофа по долинѣ Роды, даромъ, что солнце проливало золотистые лучи съ высоты голубого неба на темные, увѣнчанные елями, скалы и пестрые луга, а баронесса весело смѣялась и была въ самомъ веселомъ расположеніи духа, хотя, по временамъ, надутыя губки показы-

вали графу, что она сердится на него за то, что онъ не раздѣляетъ ея веселость.

Ей хорошо было смѣяться! Для нея все это казалось просто забавной интригой, въ которой она съ самаго начала играла благодарную роль мудрой безкорыстной пріятельницы и которая теперь, послѣ необходимой путаницы, получала въ пятомъ актѣ ту самую развязку, какой она желала и какую предсказывала. Но онъ! какая роль выпала ему на долю, — нѣтъ, какую онъ самъ пожелалъ, избралъ, навязалъ себѣ: роль высокомѣрнаго шута, который не хочетъ видѣть того, что ясно для всего свѣта, который гонится за призракомъ и удивляется, если ничего не обрѣтаетъ, кромѣ доказательства своей глупости!

Да, онъ былъ шутомъ пьесы, жалкимъ шутомъ! И выслушавъ это теперь отъ баронессы, ему придется выслушивать въ слѣдующіе полчаса отъ генеральши и затѣмъ отъ Стефаніи и отъ всего міра—все ту же скверную мелодію, только всякій разъ въ новомъ тонѣ, сегодня, завтра и во вѣки вѣковъ—какая ужасная мысль! Графа подмывало выскочить изъ экипажа и разбить себѣ голову объ одинъ изъ утесовъ, мимо которыхъ они такъ близко проѣзжали.

Въ такомъ настроеніи пріѣхалъ онъ въ за́мокъ; часы, которые предстояло провести въ ожиданіи обѣда, грозили быть непріятнѣе, чѣмъ какіе бы то ни было изъ проведенныхъ въ эти послѣдніе дни, богатые непріятными часами.

Генеральша дожидалась его пріѣзда съ величайшимъ нетерпѣніемъ и приказала, только-что онъ пріѣдетъ, немедленно доложить ему, что она желаетъ, прежде чѣмъ онъ выйдетъ въ гостинную, переговорить съ нимъ нѣсколько минутъ въ своей комнатѣ.

— Я просила васъ только на одну минуту, заговорила генеральша; но я хочу вамъ сообщить то, что я узнала сегодня утромъ и сообщить вамъ однимъ, такъ, чтобы наша милая Стефанія ничего объ этомъ не знала, потому что въ ея положеніи мы должны разъ навсегда удалить отъ нея всѣ подобныя вещи.

— Вы говорите объ ужасной новости изъ Берлина, отвѣчалъ графъ, какъ скоро генеральша умолкла послѣ первыхъ словъ.

— Вовсе нѣтъ, возразила генеральша. Я совершенно убѣждена, что рѣшительно все равно, что́ бы тамъ ни говорили газеты и Олливье, а война рѣшенная вещь у тѣхъ лицъ, отъ кого она зависитъ, и что, слѣдовательно, война у насъ будетъ. Но есть обстоятельство, которое насъ касается немного поближе и исходъ котораго, по счастью, зависитъ отъ насъ самихъ. Однимъ словомъ: это отношеніе Гедвиги къ принцу.

— Извините, если я васъ перебью, произнесъ графъ; я только-что вдоволь объ этомъ наслушался.

— Вы должны отдать мнѣ справедливость, что я не нахожу особеннаго удовольствія говорить о непріятныхъ вещахъ, возразила генеральша; но мы не всегда властны выбирать предметы для разговора, а этотъ предметъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Прошу васъ, любезный *Henri*, выслушайте меня терпѣливо, и если то, что́ я вамъ сейчасъ сообщу, не заслужитъ вашего вниманія, то сочтите это за скучное введеніе, которое охотно бы хотѣлось пропустить, еслибы оно не было необходимо для пониманія книги. Кромѣ того, Гедвига представляетъ, во всякомъ случаѣ, явленіе, которое заслуживаетъ вниманія,—съ чисто психологической стороны, того, кто изучаетъ родъ человѣческій. Для меня, по крайней мѣрѣ, она всегда останется психологическимъ феноменомъ, какъ женщина, имѣвшая достаточно мужества и мудрости, чтобы достигнуть положенія, какого достигла эта дѣвочка, и затѣмъ всѣмъ пренебречь и сдѣлаться легкой добычей своего плебейскаго инстинкта.

— Такъ это было введеніе, сказалъ графъ спокойнымъ тономъ, съ которымъ очень мало согласовались судорожно искривившіяся губы и мрачное выраженіе его глазъ. Что же должно послѣдовать, если мы приступимъ къ чтенію самой книги, которая, впрочемъ, я полагаю, навѣрно та самая, изъ которой я только-что перелистовалъ нѣсколько главъ съ госпожей фонъ-Нейгофъ.

— Прелестно! вскричала генеральша. Милая Нейгофъ! Да, да, такого рода книги вамъ слѣдуетъ всегда читать съ какой-нибудь женщиной, конечно только не съ женой, — въ послѣднемъ случаѣ можно ни къ чему не придти, или же зайти слишкомъ далеко—а съ умной и, если можно, молодой женщиной, которая однимъ взглядомъ можетъ разъяснить много темныхъ пунктовъ, для разъясненія которыхъ такой старухѣ, какъ я, потребуется цѣлый потокъ словъ...

Послѣ этого генеральша разсказала графу въ пикантныхъ выраженіяхъ, на которыя была мастерица, какъ она, комбинируя свои личныя наблюденія съ свѣдѣніями, доходившими до нея со всѣхъ сторонъ, пришла къ убѣжденію, что между Гедвигой и докторомъ Горстомъ несомнѣнно существовала въ послѣднее время любовная связь, длившаяся по всей вѣроятности уже нѣсколько лѣтъ и принявшая, благодаря энергіи, выказываемой Гедвигой во всемъ, самую опредѣленную форму. Это обстоятельство доказано самымъ положительнымъ образомъ и сомнѣваться въ немъ можетъ только тотъ, кто намѣренно закроетъ уши и глаза, и

не захочетъ, главное, выслушать того, о чемъ шопотомъ толкуетъ вся прислуга въ зáмкѣ, начиная съ умнаго, стараго камердинера принца, и кончая конюхами и поваренками; надъ чѣмъ неприлично подшучиваютъ въ домѣ каждаго ротебюльскаго бюргера, во всѣхъ пивныхъ и даже на улицахъ.

— Я полагаю, заключила генеральша, что такое единодушное показаніе показалось бы достаточнымъ для всякаго судьи въ мірѣ, чтобы произнести приговоръ.

— Сколько мнѣ кажется, замѣтилъ графъ, ни вы, ни я и никто другой, за исключеніемъ принца, не судья въ этомъ дѣлѣ.

— Мы не судьи, положимъ, возразила генеральша, но мы несомнѣнно заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, и я требую отъ васъ только одного: чтобы вы стали на эту точку зрѣнія.

— Я согласенъ, сказалъ графъ, что не совсѣмъ пріятно видѣть старѣйшаго представителя своего рода въ такомъ дурномъ обществѣ, но понятіе о неравномъ бракѣ такъ обширно... быть можетъ, это обстоятельство входитъ также въ сферу этого обширнаго понятія.

— Прекрасно сказано, милый *Henri*, превосходно! возразила генеральша. Я прошу у васъ позволенія пустить въ ходъ при случаѣ это словцо. Но, милый *Henri*, дѣло по истинѣ слишкомъ серьезно, чтобы служить только темой для острыхъ словъ. А если мы находимся наканунѣ не неравнаго брака, а настоящаго, законнаго союза, чтó тогда? Неужели и тогда вы сохраните хладнокровную роль ироническагó зрителя? Неужели и тогда вы откажетесь вмѣшаться въ дѣло? Чтó я говорю: неужели вы не почувствуете себя, въ такомъ случаѣ, призваннымъ къ роли судьи, въ полномъ значеніи этого слова?

Отъ генеральши, несводившей проницательныхъ глазъ съ графа, не могло укрыться, что непринужденность, выказываемая имъ, была не болѣе какъ маска, и что страсти, разжигаемыя ею такъ ловко въ пылкомъ человѣкѣ, разыгрывались все сильнѣе и сильнѣе, и что онъ съ величайшимъ трудомъ сохранялъ хладнокровіе.

— Вы ничего не отвѣчаете мнѣ, продолжала генеральша, но я читаю отвѣтъ на вашемъ лицѣ; притомъ эта тема мнѣ давно хорошо знакома: мы со всѣхъ сторонъ разбирали ее въ теченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ. Но какъ быть, милый другъ, если мы, не скажу, чтобы совершенно упустили изъ виду, а недостаточно обратили вниманія на одну сторону, на самую важную! Занятые болтовней, такъ сказать, мы позабыли, что придетъ пора дѣйствовать, и теперь этотъ моментъ дѣйствовать наступилъ. Если вы — охотно допускаю, что безсознательно и уже, разумѣется,

помимо всякаго желанія,—вслѣдствіе рѣзкости, съ какой вздумали здѣсь разъяснить положеніе дѣлъ, сами вызвали этотъ моментъ, то неужели вы измѣните своему характеру настолько, что допустите этой нелѣпости совершиться? Неужели и тогда вы не дозволите мнѣ представить принцу доказательства, что эта дѣвчонка не можетъ и не должна сдѣлаться принцессой фонъ-Рода?

— А чѣмъ можете вы доказать, что этотъ моментъ теперь наступилъ? спросилъ графъ.

— Свидѣтельствомъ человѣка, которому это дѣло извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо, отвѣчала генеральша; однимъ словомъ свидѣтельствомъ Иффлера, который, по порученію принца и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, обработывалъ условія брачнаго контракта и кончилъ свою работу съ часъ тому назадъ.

— И вы слышали это отъ него самого?

— Отъ него самого.

— Неужели это возможно?

— Развѣ есть что-либо невозможное для стараго болтуна, который къ тому же имѣлъ глупость вообразить, что имя его собственной дочери займетъ пробѣлъ, который первоначально былъ оставленъ въ контрактѣ, чтобъ вставить имя послѣ.

— Обѣщались ли вы этому человѣку — который вообще не заслуживаетъ пощады, но все равно, — обѣщались ли вы ему пощадить его?

— Нѣтъ, отвѣчала генеральша, послѣ краткаго раздумья.

— Хорошо же, вскричалъ графъ, вскакивая со стула.

— Что̀ вы намѣрены дѣлать, Гейнрихъ?!

— Кажется, это легко понять.

— Гейнрихъ, заклинаю васъ, вскричала генеральша, быстрымъ движеніемъ заступая ему дорогу къ двери; неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не въ силахъ сдержать свою гордость, которая погубитъ и васъ, и всѣхъ насъ? Что выйдетъ изъ того, если вы теперь отправитесь, какъ намѣрены, къ принцу и вздумаете потребовать отъ него отчета?—а только то, что вы поставите его въ такое положеніе, изъ котораго ему уже не выбраться, еслибы онъ и самъ страстно того пожелалъ.

— Для чего же, когда такъ, вы сообщили мнѣ обо всемъ этомъ?

— Во-первыхъ, потому, что я считала это своимъ долгомъ, во-вторыхъ, потому, что у меня есть до васъ просьба.

— Въ чемъ же состоитъ эта просьба?

— Въ томъ, чтобы вы мнѣ предоставили дѣйствовать, чтобы вы не раньше вмѣшались въ дѣло, какъ того потребуетъ благо-

разуміе. Подумайте, Гейнрихъ, меня ничто не вынуждало къ этимъ признаніямъ; итакъ, будьте также добросовѣстны относительно меня, какъ и я относительно васъ. Присутствуйте спокойно, хотя и съ ружьемъ къ ногѣ, при сраженіи, которое не вы завязали.

— Какъ долго?

— До послѣ-завтра.

— До дня рожденія принца?

— До дня рожденія принца. Если до этого дня онъ не оставитъ мысли сдѣлать Гедвигу принцессой фонъ-Рода, тогда поступайте какъ вамъ вздумается.

— Хорошо! сказалъ графъ.

— Вашу руку.

— Вотъ она.

Рука, которую онъ протянулъ генеральшѣ, была холодна какъ ледъ.

— А что, еслибы вамъ не являться сегодня къ обѣду? замѣтила генеральша.

— Мнѣ? отвѣчалъ графъ. Я голоденъ, какъ волкъ, и страшно радъ, что черезъ пять минутъ буду сидѣть за обѣдомъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

«Ну, сказала генеральша про себя, побѣда досталась не даромъ. Хорошо, что я ничего не сказала ему про письма! Ему нужна была только тѣнь предлога, чтобы всѣхъ насъ принести въ жертву безъ милосердія. Быть можетъ, лучше бы было послѣдовать совѣту Стефаніи и умолчать обо всемъ. Но тогда онъ такъ или иначе узналъ бы; теперь же сдержитъ слово, а также и языкъ, когда мы съ тайнымъ совѣтникомъ немножко пошпигуемъ, сегодня за обѣдомъ, нашу неоцѣненную принцессу».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Обѣдъ, на которомъ присутствовали также оберфорстмейстеръ фонъ-Кессельбушъ и главный пасторъ изъ Ротебюля, казалось, долженъ былъ окончиться на тѣхъ же темахъ, какими начался: разговоръ вели самый незначительный, никого собственно не интересовавшій, да и тотъ постоянно грозилъ прекратиться и прекратился бы, еслибы не старанія фонъ-Цейзеля, который постоянно имѣлъ въ запасѣ небольшой анекдотъ, всегда приходившійся какъ нельзя болѣе кстати.

Наконецъ, подали дессертъ.

Принцъ поглядывалъ уже нетерпѣливо на фонъ-Цейзеля, который легкимъ движеніемъ плечъ и взглядами на буфетъ приглашалъ его свѣтлость повременить еще нѣсколько минутъ; какъ вдругъ тайный совѣтникъ внезапно обратился къ принцу, отъ котораго сидѣлъ черезъ два мѣста и громче, чѣмъ то, казалось бы, слѣдовало, сказалъ:

— Я еще не имѣлъ чести сообщить вашей свѣтлости о результатѣ наблюденій, которыя я, по желанію вашей свѣтлости, и, смѣю сказать, изъ научнаго интереса производилъ всѣ эти дни надъ санитарными условіями здѣшней мѣстности.

— А я имѣлъ намѣреніе разспросить васъ послѣ обѣда объ этихъ, безъ сомнѣнія, въ высшей степени интересныхъ наблюденіяхъ, отвѣчалъ принцъ.

— Боюсь, что ваша свѣтлость обманется въ своихъ ожиданіяхъ, продолжалъ тайный совѣтникъ; я могу сообщить весьма немногое и тѣмъ охотнѣе умолчалъ бы пока объ этомъ немногомъ, что оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ письменнымъ отчетомъ, составленнымъ весною по этому предмету моимъ юнымъ собратомъ и милостиво сообщеннымъ мнѣ вашей свѣтлостью для скорѣйшаго ознакомленія съ мѣстностью.

— Въ разрѣзъ? повторила генеральша. Право, я начинаю этимъ интересоваться — ради Стефаніи, которую пользовалъ также этотъ молодой человѣкъ. Въ чемъ же состоитъ разница?

— Быть можетъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тайный совѣтникъ улыбаясь, въ томъ, какая вообще существуетъ между старостью и юностью.

— И, безъ сомнѣнія, старость видитъ въ черномъ цвѣтѣ то, что юности представляется въ розовомъ? замѣтила генеральша.

— Наоборотъ, ваше превосходительство, возразилъ тайный совѣтникъ, или лучше сказать совсѣмъ иначе, чѣмъ вы предполагаете. Мое мнѣніе о санитарныхъ условіяхъ здѣшней мѣстности, о положеніи здѣшняго населенія вообще и обо всемъ, что входитъ въ эту область, гораздо благопріятнѣе, чѣмъ мнѣніе моего юнаго собрата, который, конечно, не имѣлъ особенныхъ причинъ поднимать голову послѣ необыкновенно-сильной смертности, царившей въ лѣсныхъ деревняхъ во время послѣдней тифозной эпидеміи.

— Не можетъ быть, чтобы нашъ тайный совѣтникъ хотѣлъ этимъ сказать, что докторъ Горстъ прямо виноватъ въ томъ, что наши потери были такъ велики? вмѣшалась Гедвига, обращаясь къ принцу.

— Прямо виноватъ?! нѣтъ, Боже упаси! вскричалъ тайный совѣтникъ. Кто это говоритъ! Еслибы такъ, то недостатокъ

опытности въ начинающемъ заслуживалъ бы наказаніе, невѣрные шаги новичка вмѣнялись бы ему въ преступленіе.

Гедвига снова поглядѣла на принца, который, повидимому, не желалъ исполнить ея нѣмой просьбы, на этотъ разъ весьма сильно выражавшейся въ ея взорѣ. Такъ прошло нѣсколько секундъ, пока она медленно заговорила:

— Конечно, начинающій можетъ заслуживать наказаніе и новичокъ считаться преступнымъ, если онъ похваляется своимъ искусствомъ, когда знаетъ, а онъ обязанъ это знать, что не обладаетъ такимъ искусствомъ и достичь его можетъ лишь насчетъ своихъ ближнихъ.

— Но въ такомъ положеніи находится болѣе или менѣе всякій молодой врачъ.

— Да и безъ благословенія Божія не можетъ быть удачи! проговорилъ пасторъ, намекая на всѣмъ извѣстный не-церковный образъ мыслей Германа.

— Докторъ Горстъ, до прибытія своего сюда, цѣлыхъ десять лѣтъ занимался практикой, сказала Гедвига, не удостоивая взгляда духовную особу.

— Вы чрезвычайно удивляете меня этимъ сообщеніемъ, отвѣчалъ тайный совѣтникъ; я бы.... однако я къ сожалѣнію вижу, что уже и безъ того зашелъ слишкомъ далеко; прошу извинить, если чисто научный вопросъ, конечно благодаря моей неловкости, принялъ личное направленіе.

— Я тоже полагаю, что лучше оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, замѣтилъ принцъ.

— Невозможно! возразила Гедвига.

Щеки ея горѣли и темные глаза метали искры на все общество; наконецъ, она остановила ихъ на принцѣ. За столомъ воцарилось гробовое молчаніе; даже слуги замерли на своихъ мѣстахъ или же на цыпочкахъ приблизились, словно не желая упустить ни слова изъ того, что должно было послѣдовать далѣе.

— Почему же, милая Гедвига? спросилъ принцъ, послѣ мучительно-длинной паузы.

— Потому что, возразила Гедвига, ты не можешь устранить этого вопроса, не оправдавъ тѣмъ старинной поговорки, что отсутствующій всегда виноватъ, а это не согласовалось бы съ той репутаціей справедливости и безпристрастія, какая за тобой признана всѣми.

— Благодарю тебя за дружескую заботливость о моей репутаціи, проговорилъ принцъ дрожащими губами.

— Я принимаю эту благодарность въ буквальномъ смыслѣ, отвѣчала Гедвига, и принимаю ее во имя моего отсутствующаго

друга, который въ теченіи трехъ лѣтъ посвящалъ каждый часъ своей жизни тебѣ и твоимъ — я хочу сказать бѣднымъ, страждущимъ и больнымъ изъ твоихъ подданныхъ—съ такой преданной и безграничной любовью и вѣрностью, что онѣ должны были бы—еслибы даже его усилія не увѣнчались успѣхомъ, которымъ награждаетъ небо — разъ и навсегда оградить его отъ нападокъ, какимъ онъ только что здѣсь подвергся.

— Будемъ продолжать нашъ разговоръ на террасѣ, сказалъ принцъ; я полагаю, что свѣжій воздухъ будетъ полезенъ для всѣхъ насъ.

Онъ быстро всталъ изъ-за стола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ прежде, чѣмъ спохватился предложить руку генеральшѣ, сидѣвшей рядомъ съ нимъ.

— Прошу извинить, проговорилъ онъ, здѣсь дѣйствительно нестерпимо душно.

— Ради самого неба, что̀ это такое? спросилъ фонъ-Цейзель у оберфорстмейстера, когда общество перешло на террасу и разсыпалось по близлежащимъ аллеямъ сада. Что̀ это значитъ?

— Что въ воздухѣ собирается гроза, возразилъ старикъ съ меланхолическимъ подергиваніемъ длинныхъ, бѣлыхъ усовъ, и что я поспѣшно возвращаюсь въ свой лѣсъ. Прощайте.

Фонъ-Цейзель подошелъ къ Гедвигѣ, которая, отвернувшись отъ общества, стояла одна на краю террасы, созерцая ландшафтъ и обратился къ ней.

Гедвига не слыхала его приближенія, и въ ту минуту, какъ она повернула къ нему лицо, онъ увидѣлъ, что глаза ея были полны слезъ.

— Благодарю васъ, сказалъ фонъ-Цейзель, что вы такъ храбро вступились за нашего добраго доктора; повѣрьте мнѣ, что если я молчалъ, то не изъ трусости.

— Я это знаю, отвѣчала Гедвига.

— Я получилъ сегодня, какъ разъ передъ обѣдомъ, письмо отъ него, продолжалъ фонъ-Цейзель; онъ пишетъ изъ Ганновера, что здоровъ и разсчитываетъ въ случаѣ войны—а онъ совершенно убѣжденъ, что она будетъ — выступить въ качествѣ ганноверскаго военнаго врача и приглашаетъ меня сѣсть на коня въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до катастрофы, что̀ я, разумѣется, и сдѣлаю, хотя бы его свѣтлость и хмурилъ брови... Но я не объ этомъ хотѣлъ поговорить. Горстъ пишетъ мнѣ, что онъ не доискивается пачки писемъ, которую онъ, вѣроятно оставилъ въ ящикѣ своей конторки; я немедленно осмотрѣлъ

конторку, но ничего не нашелъ, и это обстоятельство меня до нѣкоторой степени безпокоитъ.

— Почему?

— Горстъ, кажется, очень дорожитъ этими письмами, отвѣчалъ кавалеръ.

— Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы лучше беречь ихъ, замѣтила Гедвига, давая знать поклономъ кавалеру, что желаетъ остаться одна. Затѣмъ она спустилась по ступенямъ въ нижнюю часть сада.

«Упрямство въ головѣ и слезы на глазахъ!» сказалъ кавалеръ, глядя вслѣдъ стройной фигурѣ; наговорить рѣзкостей принцу, цѣлому обществу изъ-за человѣка, котораго пять минутъ спустя повидимому не удостоиваютъ ни малѣйшаго участія—этого я не понимаю и никогда не пойму; и при этомъ она безъ сомнѣнія также хорошо знаетъ, какъ еслибы сама прочитала, что письма, о которыхъ идетъ рѣчь, ея собственныя. Ну, я желаю только, чтобы въ нихъ ничего не было такого, чему въ нихъ не слѣдуетъ быть».

Кавалеръ озабоченно покачалъ красивой бѣлокурой головой: онъ вторично покачалъ ею, когда замѣтилъ, что общество, которое принцъ обыкновенно удерживалъ послѣ обѣда еще съ часъ за кофе, уже частью распрощалось, какъ оберфорстмейстеръ и пасторъ, частью же, какъ Нейгофы и графъ, всѣ готовились распрощаться.

Это устроила генеральша. Она передъ тѣмъ отвела графа въ сторону и убѣдительнѣйше просила его, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, удалиться съ Нейгофами и безъ малѣйшаго промедленія.

— Надѣюсь, любезный другъ, что благодаря нашему доброму тайному совѣтнику, который мастерски исполнилъ свою задачу, у васъ исчезло послѣднее сомнѣніе. Я не могла избавить васъ отъ этой сцены. Вы сдержали свое обѣщаніе, какъ это ни трудно было для васъ, и не вмѣшались; теперь сдѣлайте мнѣ еще одну милость и предоставьте дѣйствовать дальше одной, совсѣмъ одной. Я просила также и Стефанію удалиться. Отсутствующіе не всегда бываютъ неправы, и на этотъ разъ вы будете должны блистательно восторжествовать.

Но видя, что графъ медлилъ, мрачно глядя впередъ, она прибавила:

— Напоминаю вамъ ваше слово, *Henri*!

— Мнѣ не слѣдовало его давать.

— Но вы его дали, и повѣрьте мнѣ, *Henri*, что такъ лучше. Изобличить обманщицу не дѣло мужчины; на это ваше сердце

слишкомъ гордо, а рука слишкомъ неловка. Прошу васъ, *Henri!* Вѣдь не возможно же, чтобы вы все еще интересовались дѣвчонкой, которая призналась въ своей любви къ этому шарлатану за столомъ принца, при всѣхъ слугахъ.

Графъ горько разсмѣялся.

— Благодарю васъ за этотъ смѣхъ, а впослѣдствіи Стефанія васъ за все вознаградитъ. Теперь же займитесь нашей прекрасной баронессой, которая бросаетъ на васъ умильные взгляды, и уходите, сдѣлайте одолженіе.

Гости разъѣхались; Стефанію уже раньше тайный совѣтникъ проводилъ въ ея комнату; Гедвига уѣхала на фазаній дворъ; съ принцемъ осталась одна только генеральша; она просила позволенія побыть въ его обществѣ, и принцъ отвѣчалъ, что это ему будетъ весьма пріятно.

Сегодня ему еще не случалось оставаться ни одной минуты наединѣ съ генеральшой, да и онъ со страхомъ избѣгалъ этого; онъ слишкомъ хорошо зналъ, что сегодня она ищетъ его общества не изъ состраданія, а изъ безжалостнаго любопытства, но онъ чувствовалъ себя безгранично несчастнымъ — а эта женщина была такъ хладнокровна и благоразумна!

«Еслибъ у меня была хоть небольшая частичка ея хладнокровія и благоразумія!» неоднократно повторялъ онъ про себя, прохаживаясь взадъ и впередъ по террассѣ съ нею рядомъ и выслушивая ея болтовню, при чемъ она весело толковала о тысячи вещахъ. — «Когда же наконецъ она заговоритъ о дѣлѣ?»

Но генеральша, повидимому, не торопилась. Она сообщала интереснѣйшія подробности про свой дворъ, про брачную жизнь высочайшихъ супруговъ, которая была вовсе не такъ дурна, какъ о ней говорили въ публикѣ, хотя само собой разумѣется, что нельзя разсчитывать на Геснеровскую идиллію въ такихъ сферахъ. Да, отношеніе между молодымъ принцемъ и принцессой часто напоминали ей отношеніе графа и Стефаніи; въ особенности графъ, по своимъ солдатски-одностороннимъ тенденціямъ, по упорству, съ какимъ онъ преслѣдуетъ свои цѣли, по пылкой храбрости, съ какой онъ бросается въ опасность, поразительно напоминаетъ молодого принца, съ которымъ онъ вообще очень друженъ.

— Я всячески стараюсь поддержать этотъ *entente cordiale,* продолжала генеральша, не для того, чтобы обезпечить Гейнриху блестящую карьеру, которую онъ и безъ того сдѣлаетъ,— принцъ сказалъ мнѣ не далѣе, какъ въ минуту моего отъѣзда сюда, что какъ скоро война будетъ объявлена, Гейнриха немедленно произведутъ въ майоры — но затѣмъ, чтобы поддерживать его интересъ къ задачамъ высшей политики. Потому что въ сущности

все сводится къ тому, чтобы человѣкъ, разъ онъ родился такъ сказать въ извѣстной сферѣ и былъ для нея воспитанъ, не выходилъ бы изъ этой сферы, и чтобы всѣ, кто желаетъ ему добра, поддерживали въ немъ это законное стремленіе.

— Съ этой теоріей плохо пришлось бы тому, что люди называютъ прогрессомъ, замѣтилъ принцъ; съ этой теоріей человѣчество никогда не разсталось бы съ кастовымъ порядкомъ древняго Египта.

— Я мало понимаю въ исторіи, возразила генеральша; все свое время я посвящала наблюденію за тѣми людьми, съ которыми я жила и по возможности изучала, а поэтому я могу только сказать, что я только тамъ находила нормальное развитіе, разумный образъ дѣйствій, гармонію, довольство, счастье, гдѣ люди вращались въ свойственной имъ сферѣ, и вездѣ находила противоположное, гдѣ только они стремились выйти изъ того состоянія, которое имъ было опредѣлено самимъ небомъ. Всякій, кто глядитъ на вещи трезвыми глазами, долженъ придти къ тому же результату, и каждый день, могу сказать каждый годъ, приноситъ мнѣ новое доказательство его вѣрности.

Принцъ бросилъ бѣглый и робкій взглядъ на рѣзкія черты лица генеральши; онъ зналъ, что теперь наконецъ должно наступить то, чего онъ опасался цѣлыхъ полчаса и вмѣстѣ съ тѣмъ ожидалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— Конечно, въ этомъ отношеніи приходится переживать странныя вещи, пробормоталъ онъ.

— Необыкновенно странныя, подхватила генеральша, такія странныя, что иногда кажется, что грезишь среди бѣлаго дня, пока наконецъ не опомнишься, и тогда увидишь, что хотя самъ несомнѣнно трезвъ и здоровъ, но другіе предаются самымъ необузданнымъ беднямъ. Я намѣрена разсказать вашей свѣтлости удивительнѣйшую вещь, которая по многимъ причинамъ покажется интересной вашей свѣтлости.

И генеральша разсказала, какъ она отправилась передъ обѣдомъ, вмѣстѣ съ тайнымъ совѣтникомъ, съ визитомъ къ Ифлерамъ, какъ она тамъ нашла хорошенькую, хотя въ сущности совершенно ничтожную дѣвочку, не столько въ фантастическомъ, сколь въ безвкусномъ, можно сказать, просто безумномъ нарядѣ, лежавшую безъ чувствъ въ объятіяхъ своихъ родителей; какъ она, послѣ многихъ напрасныхъ вопросовъ, допыталась отъ совѣтника, который тоже былъ внѣ себя, что дѣло шло о репетиціи сцены, приготовлявшейся ко дню рожденія принца, и что при этой оккагіи — совѣтникъ не могъ сказать какъ это случилось, быть можетъ фонъ-Цейзель, руководившій репетиціей, сказалъ

что-нибудь такое — внезапно и безвозвратно разрушена была трогательно безумная мечта, которую бѣдное дитя долгое время лелѣяло: что принцъ въ день своего рожденія возведетъ ее въ званіе своей супруги и принцессы фонъ-Рода.

— Ваша свѣтлость, можете себѣ представить, продолжала генеральша, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на меня эта сцена, впечатлѣніе было тѣмъ тяжеле, что — по наблюденію нашего тайнаго совѣтника — родители дѣвочки были сами болѣе или менѣе преданы этой безумной идеи. Тайный совѣтникъ сказалъ мнѣ, что подобные случаи бываютъ не рѣдко.

— Великій Боже, вскричалъ принцъ, теперь мнѣ многое объясняется: странности отца, замѣченные мною въ послѣднее время, безумное поведеніе дѣвушки, когда мы были недавно въ охотничьемъ замкѣ; но неужели это возможно? Какъ могла зародиться такая нелѣпая мысль у такого разумнаго въ своемъ родѣ и даже ученаго человѣка, да къ тому же одного изъ преданнѣйшихъ моихъ слугъ; какъ могла прилично воспитанная дѣвушка, сама скромность и смиреніе на видъ, задаться такой дерзской мечтой! Совершенно немыслимо, чтобы я подалъ поводъ какимъ-нибудь словомъ, которое могли бы ложно истолковать, какимъ-нибудь поступкомъ, который могъ бы повести къ неправильнымъ заключеніямъ къ этой нелѣпости, смущающей меня и вмѣстѣ съ тѣмъ приводящей въ негодованіе!

— Дозволитъ ли ваша свѣтлость сдѣлать одно замѣчаніе? спросила генеральша.

— Я знаю, что вы хотите сказать, возразилъ принцъ. Вы хотите сказать въ подтвержденіе только-что выраженнаго мнѣнія: ты не захотѣлъ держаться границъ, раздѣляющихъ различныя сферы человѣческаго существованія, чего же ты удивляешься, если эти самыя границы такъ безпутно пренебрегаются и нарушаются людьми тебѣ подчиненными, которые видятъ въ тебѣ примѣръ и образецъ.

— Я хотѣла дѣйствительно высказать это, отвѣчала генеральша; и быть можетъ я, до нѣкоторой степени, въ своемъ правѣ, такъ какъ могу лучше, чѣмъ кто другой, обозрѣть обѣ сферы, которыя въ этомъ случаѣ перепутаны и смѣшаны. Какъ могла я повѣрить чуду, отдѣльныя нити котораго я, такъ сказать, держу въ своихъ рукахъ! Какъ могла я преклониться передъ блестящей дамой, которую маленькой болѣзненной дѣвочкой, въ полинявшемъ платьѣ и, къ сожалѣнію должна сказать, далеко не въ приличномъ видѣ извлекла изъ привратницкой, гдѣ только-что покончилъ свое жалкое существованіе ея отецъ, распутный, обезславленный человѣкъ, подъ конецъ жизни своей безъ мѣры пре-

давшійся пьянству! Праведное небо, такіе моменты не забываются! Нельзя не говорить себѣ: прекрасно, да, такова ты теперь, но вотъ какою ты была нѣкогда; и что бы мы ни дѣлали,—а при всѣхъ возможныхъ случаяхъ прошедшее ясно проглядываетъ сквозь настоящее. Да и можетъ ли быть иначе! Вѣдь мы дѣти нашихъ родителей, то-есть наслѣдуемъ ихъ добродѣтели и слабости, вмѣстѣ съ кровью, какъ наслѣдуемъ ихъ ростъ, манеры, физіономію, голосъ. Сынъ угольщика, взятый съ колѣнъ матери и положенный въ царскую колыбель, былъ бы, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, угольщикомъ на царскомъ престолѣ. Вотъ что я подумала сегодня за обѣдомъ, когда наша Гедвига такъ беззастѣнчиво выказала симпатію, которую всегда испытываютъ низкорожденные люди къ себѣ подобнымъ...

Мнѣ снова представилась шести, восьмилѣтняя дѣвочка, вырывавшаяся у няньки изъ рукъ во время прогулки, чтобы поиграть съ бюргерскими дѣтьми, или скороспѣлая, четырнадцатилѣтняя красавица, вбившая себѣ въ голову, что она должна сдѣлаться художницей для того, чтобы современемъ заработывать трудомъ рукъ своихъ пропитаніе, или, между нами будь сказано, чтобы выдти замужъ за юнаго живописца, который давалъ уроки рисованія обѣимъ дѣвочкамъ...

Великій Боже, не слѣдовало бы смѣяться надъ такими убійственно-серьезными замыслами; но я и теперь еще не могу удержаться отъ смѣха, когда припомню то время и длинную патетическую рѣчь, съ какой обратился ко мнѣ молодой человѣкъ, когда мнѣ наконецъ пришлось отказать ему, и отчаянныя слезы юной, начинающей художницы, когда она въ послѣдній разъ видѣла, какъ спускался съ лѣстницы ея идолъ съ длинными волосами, ея учитель, ея Рафаэль. Все это были такія невѣроятно ребяческія выходки, глупыя и смѣшныя, а между тѣмъ такія характеристичныя, совершенно въ духѣ этой дѣвочки или лучше сказать этого дитяти-пролетарія...

Для насъ, природныхъ аристократовъ, эти люди остаются тѣмъ, чѣмъ они суть: живописцами, докторами, мало ли еще чѣмъ, полезными, быть можетъ весьма почтенными личностями, которыхъ мы даже и тогда, когда имѣемъ несчастіе въ нихъ влюбиться, не считаемъ за равныхъ себѣ. Дѣвушка, какъ Гедвига, чувствуетъ себя до того близкой, равной этимъ людямъ, что можетъ, какъ, напримѣръ, давича, дѣлать для нихъ то, что въ обыкновенной жизни дѣлается лишь для возлюбленнаго.

Но я утомляю вашу свѣтлость своей болтовней, а бѣдная Стефанія вѣроятно давно уже соскучилась по своей мама̀. Доброе дитя! когда-то она освободится отъ своего бремени; она много

страдаетъ, но страдаетъ безропотно. Она вполнѣ сознаетъ важность своего положенія и такъ любитъ и уважаетъ вашу свѣтлость, что еще сегодня говорила мнѣ: мнѣ кажется, что я для него произведу на свѣтъ ребенка!

Генеральша ушла; принцъ пристально глядѣлъ въ открытую стеклянную дверь салона, черезъ которую она вышла, но онъ думалъ не о ней, онъ думалъ о Гедвигѣ, онъ видѣлъ Гедвигу, какъ она стояла въ дверяхъ четыре недѣли тому назадъ въ тотъ вечеръ, когда онъ сказалъ ей, что Горстъ хочетъ уѣхать и въ какое волненіе привело ее это извѣстіе, хотя у нея и хватило самообладанія, чтобы утверждать, что онъ долженъ уѣхать, что она сама убѣдитъ его уѣхать. Можно ли было придавать значеніе ея словамъ, ея поступкамъ, когда все приводило къ одному заключенію: что интрига удалась, интрига, которую вели за спиной старика, обманываемаго въ теченіе трехъ лѣтъ!

Принцъ провелъ рукой по лбу, и дико оглядѣлся вокругъ.

Все это,—мелькнуло опять въ его мысляхъ,—не что иное, какъ хитро придуманная сказка, чтобы навести его на ложный слѣдъ, тонкое измышленіе злобы противъ нея, оскорбившей гордаго графа и теперь обвиняемой въ любви къ скромному доктору.

Но вѣдь въ немъ въ самомъ зародилось тоже подозрѣніе, вѣдь это подозрѣніе жило уже въ немъ четыре дня, съ тѣхъ поръ, какъ она ему совершенно откровенно объявила, что она неоднократно воображала, будто любитъ этого человѣка? Совершенно откровенно! Какъ можно ожидать полной откровенности отъ дѣвушки, происходившей отъ людей, между которыми ложь, какъ и грязь, наслѣдуется изъ поколѣнія въ поколѣніе! Отецъ—пьяница, мать—по всей вѣроятности, развратная женщина: ужасно, ужасно!

Почему бы Элизѣ Ифлеръ и не желать сдѣлаться принцессой фонъ-Рода!

Вѣдь у нея родители приличные люди; слѣдовательно, она очень хорошая, въ сущности, для меня партія, и кромѣ того дѣло лишено всякой привлекательности для принца фонъ-Рода, если ему не приходится конкуррировать съ юными живописцами, поручиками гвардіи, докторами и т. п.!

Принцъ громко захохоталъ, но смѣхъ его внезапно оборвался. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

Причиной этому былъ конечно вечерній воздухъ, вѣявшій прохладой съ луговъ парка. Но въ послѣдніе дни его часто охватывала та же дрожь и яснымъ утромъ, и жаркимъ полднемъ. Онъ уже помышлялъ о томъ, чтобы посовѣтоваться съ тайнымъ совѣтникомъ; пора, наконецъ, обратиться къ его помощи.

Тайный совѣтникъ, котораго Глейхъ ввелъ черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ, замѣтилъ уже за столомъ, что его свѣтлости нездоровится, и теперь вдвойнѣ огорченъ, что своей неосторожностью вызвалъ роковую сцену, несомнѣнно ухудшившую состояніе здоровья его свѣтлости. Не дозволитъ ли его свѣтлость болѣе точно изслѣдовать себя?

Принцъ согласился.

Изслѣдованіе длилось долго. Наконецъ, тайный совѣтникъ выпрямился.

— Ну что? спросилъ принцъ. Вы что-то нахмурились?

— И не думалъ, ваша свѣтлость, возразилъ тайный совѣтникъ, да къ этому право нѣтъ ни малѣйшаго основанія: ни одинъ изъ органовъ не пострадалъ существенно, о близкой опасности не можетъ быть и рѣчи, хотя я вообще и не отрицаю, что нѣжный отъ природы организмъ вашей свѣтлости очень потрясенъ и требуетъ продолжительнаго отдыха. Спокойствіе, ваша свѣтлость, спокойствіе—вотъ что я совѣтую прежде всего; безусловное спокойствіе, какое въ положеніи вашей свѣтлости, къ счастью, легко достижимо, а въ лѣта вашей свѣтлости — я хочу сказать въ наши лѣта, когда юношескія страсти, благодаря Богу, остались позади насъ—и естественно и желательно.

«Спокойствіе, сказалъ самъ себѣ принцъ, проводивъ тайнаго совѣтника до двери, и легко достижимое! да, какъ же! Дадутъ они мнѣ покой!»—Что за свертокъ, Андрей, ты кладешь ко мнѣ на письменный столъ?

— Бумаги, ваша свѣтлость, которые Порстъ нашелъ, убирая комнату доктора; онъ полагаетъ, что доктору непріятно было бы потерять ихъ, а потому передалъ мнѣ, чтобы я спросилъ приказанія вашей свѣтлости.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло? спросилъ принцъ. Пошлите ихъ ему или передайте фонъ-Цейзелю, если не знаете его адресса.

— Это письма, ваша свѣтлость, которымъ бы не слѣдовало, какъ полагаетъ Порстъ, заглянувшій въ нихъ, проходить черезъ чужія руки; быть можетъ, вашей свѣтлости угодно будетъ прямо передать ихъ супругѣ вашей свѣтлости...

— Я посмотрю, сказалъ принцъ, и позвоню, когда захочу лечь въ постель.

Глейхъ вышелъ изъ комнаты, а принцъ упалъ на диванъ совершенно уничтоженный.

Какъ? и это испытаніе предстоитъ ему! и этотъ позоръ долженъ онъ принять на свою голову! Возможно ли было что-нибудь подобное въ былое время! Самая мысль была невозможна, не только что фактъ! Но ужаснѣе всего то, что эта страсть

унижаетъ его душу, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ убиваетъ тѣло! И что, если онъ напрасно осквернитъ свои чистыя руки? Что, если эти письма не сообщатъ ему ничего новаго? Что, если они подделаны съ извѣстной цѣлью и нарочно подсунуты ему?

И въ то время, какъ несчастный человѣкъ изыскивалъ всевозможныя причины не читать ихъ, у него во рту пересохло отъ желанія вкусить запретнаго, горькаго плода, и въ то самое время, какъ онъ поднялся съ тѣмъ, чтобы запечатать письма и отослать ихъ Гедвигѣ, рука его сорвала шнурокъ, связывавшій пачку, а глаза съ жадностью устремились на строчки, набросанныя прекраснымъ почеркомъ и покрывавшія почтовыя листки различнаго формата.

Онъ былъ правъ: письма не сообщили ему ничего новаго; мало того, содержаніе ихъ было большею частью такъ невинно и такъ лестно для него, что онъ могъ бы побожиться, что многія мѣста были нарочно написаны, чтобы быть прочитанными имъ. Но генеральша была также права, когда говорила своей дочери: для человѣка непредубѣжденнаго, это чтеніе совершенно безвредно, въ особенности днемъ; но я надѣюсь устроить такъ, чтобы онъ прочелъ ихъ съ предубѣжденіемъ, да притомъ если мы выкинемъ нѣкоторыя изъ писемъ, которыя черезчуръ идилличны, то остальныя произведутъ сегодня ночью свое дѣйствіе.

Чѣмъ долѣе читалъ эти листки принцъ, сравнивая число и припоминая, при какихъ обстоятельствахъ было написано то или другое и взвѣшивалъ различныя выраженія, вникая въ ихъ смыслъ и разбирая какое многозначительнѣе: «любезный другъ», напримѣръ, или «любезный докторъ»—тѣмъ сильнѣе мутился послѣдній остатокъ здраваго смысла, остававшійся въ немъ послѣ бесѣды съ генеральшей; и не прошло часу времени, какъ уже каждый изъ этихъ листковъ казался ему пропитаннымъ самой черной, самой безсовѣстной измѣной.

Развѣ не было уже само по себѣ измѣной то, что особа, бывшая хотя бы только по имени супругой принца фонъ-Рода, писала письма человѣку, находившемуся въ услуженіи принца? Письма были писаны изъ Висбадена въ прошломъ году, когда Горстъ совершилъ въ каникулярное время путешествіе по Мозелю:

«Въ настоящее время здѣсь находится нѣсколько высокорожденныхъ лицъ, и я никакъ не могу привыкнуть къ тому идолопоклонству, какимъ ихъ окружаютъ. Мнѣ земное величіе никогда не внушало почтенія, и когда я вижу, какъ робко уступаютъ люди дорогу какому-нибудь принцу и какъ охотно снимаютъ передъ нимъ шляпу, не потому, чтобы онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, къ которому они должны были бы чувствовать благо-

дарность, но потому только, что онъ принцъ,—то должно признать, что мой мозгъ и мое сердце отличаются отъ мозга и сердца остальныхъ людей. Ахъ! одно несомнѣнно: великіе міра сего потому только такъ велики, что низкопоставленные люди такъ убійственно низки!»

Далѣе:

«Право, чѣмъ больше я объ этомъ разсуждаю, тѣмъ рѣшительнѣе прихожу къ заключенію, что король или принцъ не можетъ быть такимъ добрымъ или такимъ великимъ человѣкомъ— развѣ при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ,— какимъ бы онъ былъ, еслибы родился въ иной долѣ. Ибо, что же и дѣлаетъ человѣка добрымъ, какъ не то, что онъ признаетъ и чувствуетъ себя равнымъ между равными, чью судьбу онъ раздѣляетъ, чьи радости и горести знакомы ему или могутъ быть знакомы! Что дѣлаетъ его великимъ, какъ не то, что ему приходится напрягать до послѣдней степени и изощрять, благодаря препятствіямъ, которыя встрѣчаются ему на жизненномъ пути, врожденную силу! Но когда же и какой принцъ чувствовалъ себя равнымъ своимъ «подданнымъ», пока оставался принцемъ? Когда пробуждалось въ немъ сознаніе въ своихъ дѣйствительныхъ силахъ, пока ему служили, какъ принцу, льстили, поклонялись? Да и можетъ ли быть иначе, когда ему все и вся гораздо легче дается, чѣмъ всякому другому человѣку! Всякій другой человѣкъ долженъ самъ охотиться за своей дичью, самъ заряжать свою винтовку, самъ выѣздить своего непокорнаго коня, самъ отворить дверь, черезъ которую желаетъ пройти. Для принцевъ же двери всегда открыты! Поразмыслите объ этомъ, любезный другъ, всякій разъ, какъ вспомните про принцевъ!»

Далѣе:

«Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ принцъ лучшій изъ нихъ! но не потому ли онъ лучшій, что самый незначительный!»

Далѣе:

«Принцъ — добрый господинъ, и это ему извѣстно, а между тѣмъ онъ былъ бы еще лучшимъ господиномъ, еслибы ему это не было извѣстно».

Далѣе, изъ самаго послѣдняго письма, писаннаго тогда, когда Горстъ былъ на собраніи естествоиспытателей:

«Благодарю васъ за успокоительныя свѣдѣнія о здоровьи принца, которое въ послѣднее время вашего отсутствія очень безпокоило меня. Я вполнѣ также согласна съ вами: онъ былъ бы здоровѣе, онъ былъ бы совсѣмъ здоровъ, еслибы мы могли увлечь и заманить его «на просторъ, подальше отъ уединенія, гдѣ вянутъ чувства и силы». Ахъ, другъ мой, мы всѣ здѣсь страдаемъ отъ

уединенія, принцъ, вы и я; каждый, на кого я ни погляжу, носитъ отпечатокъ страданія. Ахъ! еслибы подышать на просторѣ, какъ дышете теперь вы! И у васъ хватаетъ мужества вернуться сюда! Это мужество самоубійцы!»

— Ваша свѣтлость изволили звать? спросилъ Глейхъ, появляясь въ дверяхъ.

Онъ очень хорошо зналъ, что принцъ просто затянулъ какую-то пѣсенку, но пѣніе прозвучало такъ страшно въ глубокой, ночной тиши, совѣсть же Глейха была не совсѣмъ спокойна насчетъ того, что онъ совершилъ сегодня вечеромъ.

«Лекарство, чего добраго, подѣйствовало слишкомъ сильно», подумалъ Глейхъ.

— Который часъ? спросилъ принцъ, когда вошелъ Глейхъ.

— Уже три часа, ваша свѣтлость.

— Не можетъ быть!

— Онъ подошелъ къ окну и раздвинулъ гардины; Глейхъ подбѣжалъ.

Принцъ повернулся къ нему:

— Ну что? каково выраженіе моего лица; носитъ ли оно отпечатокъ страданія, какъ по-твоему?

— Ваша свѣтлость кажетесь блѣдны отъ безсонной ночи и отъ сѣраго утренняго свѣта, отвѣчалъ Глейхъ.

Принцъ раскрылъ съ силой окно.

— «Подышать на просторѣ», пробормоталъ онъ; да, вонъ гдѣ просторъ, я хочу туда, въ горы!

— Ваша свѣтлость, еще три часа, замѣтилъ Глейхъ, начинавшій опасаться, что его повелитель сошелъ съума.

— Заложить экипажъ! закричалъ принцъ, рѣзко повернувшись къ нему и топнувъ ногой. Охотничій экипажъ! Зачѣмъ ты еще здѣсь?

Фр. Шпильгагенъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ.

1860—1870 гг.

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ *).

ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

I.

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ, разсматривая различныя законоположенія, мы часто бывали поставлены въ затрудненіе, желая опредѣлить тѣ побудительныя причины, которыя служили основаніемъ того или другого рѣшенія извѣстнаго вопроса; мы часто были въ необходимости дѣлать предположенія и догадки, и вслѣдствіе этого приходили, быть можетъ, не къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ могли бы придти, еслибы у насъ были въ виду тѣ мотивы, которыми обусловливалось извѣстное правило, и конечно аргументація въ пользу мнѣній, нами высказанныхъ, была бы иная. При разсмотрѣніи городового положенія наша задача значительно облегчается, благодаря просвѣщенной заботливости хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, который издалъ это положеніе съ изложеніемъ не только основаній, служившихъ поводомъ къ введенію въ положеніи того или другого правила, но иногда и преній, которыя предшествовали извѣстному рѣшенію вопроса. Такимъ образомъ, мы имѣемъ всѣ данныя для правильной оцѣнки главныхъ статей положенія.

На основаніи 1-й статьи положенія мы въ правѣ заключить,—и въ этомъ, конечно, никто не будетъ съ нами спорить,—что новый законъ имѣетъ въ виду установить самоуправленіе городовъ. Стало быть, этотъ

---

*) См. выше: сент. 352 стр.

законъ есть только часть общаго законодательства о мѣстномъ самоуправленіи. Поэтому, казалось бы, что первый вопросъ, возникающій при установленіи органовъ городского самоуправленія, состоитъ въ томъ, какое мѣсто должны занимать они въ средѣ другихъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія и въ какихъ отношеніяхъ должны находиться къ нимъ? Къ сожалѣнію, въ самомъ положеніи мы не находимъ отвѣта на предложенный вопросъ, какъ будто между подобными учрежденіями нѣтъ ничего общаго и они могутъ стоять совершенно отдѣльно, безъ всякихъ взаимныхъ отношеній. Между тѣмъ, при самомъ поверхностномъ взглядѣ оказывается, что предметы вѣдомства тѣхъ и другихъ во многомъ сходны между собою и что интересы города и уѣзда часто совпадаютъ. Такое отсутствіе отвѣта, на предложенный вопросъ было бы понятно, еслибъ онъ не возникалъ въ средѣ составителей новаго закона, или вслѣдствіе упущенія или вслѣдствіе извѣстнаго взгляда, по которому извѣстныя отношенія могутъ игнорироваться только потому, что они не признаны закономъ. Но ни того, ни другого мы предположить не можемъ на томъ основаніи, что, въ отдѣлѣ III мнѣнія государственнаго совѣта, высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870-го года, вопросъ о лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земскимъ учрежденіямъ поставленъ въ числѣ тѣхъ, о которыхъ поручено министру внутреннихъ дѣлъ войти въ государственный совѣтъ съ особымъ представленіемъ. Въ объясненіяхъ къ этому пункту заключаются весьма любопытныя соображенія, которыя мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть съ должнымъ вниманіемъ.

Всѣ лица, принимавшія участіе въ обсужденіи городового положенія, по словамъ объясненія, находили, что города, въ большинствѣ случаевъ, находятся въ тягостныхъ отношеніяхъ къ земству, такъ какъ они несутъ многіе обязательные расходы, удовлетворяютъ извѣстныя потребности, несуществующія въ селеніяхъ, уплачиваютъ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ, обременены гораздо болѣе постойною повинностью и, сверхъ того, несутъ налогъ въ пользу уѣзднаго земскаго сбора, не имѣя въ земскихъ собраніяхъ такого числа представителей, которое могло бы значительно вліять на постановленія этихъ собраній. На этомъ основаніи всѣ находили необходимымъ принять мѣры противъ такого *ненормальнаго порядка вещей*. Указывая на эту ненормальность, составители положенія не обратили однакожъ вниманія на другую, состоящую въ томъ, что городскія общественныя учрежденія стоятъ въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи въ ряду другихъ органовъ самоуправленія и, при столкновеніи ихъ взаимныхъ интересовъ, разрѣшеніе возникающихъ вопросовъ зависитъ по дѣламъ города отъ губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, а по дѣламъ земства — отъ правительствующаго сената. Такой порядокъ можетъ породить столкновенія между земствомъ и губернскимъ присутствіемъ. При даль-

нѣйшемъ разсмотрѣніи вопроса въ коммиссіи, сказано въ объясненіи, мнѣнія раздѣлились: одни предполагали, что введеніе настоящаго городового положенія представляетъ наиболѣе удобную минуту для выдѣленія, по крайней мѣрѣ, губернскихъ городовъ изъ состава уѣзднаго земства, предоставивъ новымъ учрежденіямъ права уѣздныхъ земскихъ учрежденій, другіе находили такое рѣшеніе преждевременнымъ. Въ основаніе перваго мнѣнія приведено: во-первыхъ, что положеніе о земскихъ учрежденіяхъ выдѣляетъ обѣ столицы и городъ Одессу изъ состава уѣзднаго земства и дѣлаетъ ихъ самостоятельными земскими единицами, и это вслѣдствіе того, что въ этихъ городахъ введено положеніе на новыхъ началахъ;—во-вторыхъ, что у насъ много городовъ имѣютъ рѣзкія особенности по условіямъ ихъ быта и отличаются отъ уѣздовъ какъ средствами, такъ и потребностями; въ-третьихъ, приведены нѣкоторые примѣры, доказывающіе, что земскія собранія часто покрываютъ свои нужды преимущественно доходами, собираемыми съ городовъ; въ-четвертыхъ, что настоящій порядокъ, отвлекая городскія средства въ пользу земства, оставитъ наши губернскіе города на долго въ томъ неустройствѣ, въ которомъ они нынѣ находятся; въ-пятыхъ, что города имѣютъ особые обязательные расходы, прямо на нихъ возлагаемые закономъ, и потому несправедливо привлекать ихъ къ налогу на уѣздныя земскія потребности.

Къ числу этихъ весьма важныхъ причинъ мы, съ своей стороны, могли бы присоединить еще одну: выборъ мировыхъ судей составляетъ для города интересъ весьма серьезный; между тѣмъ, при настоящемъ положеніи, городъ не пользуется этимъ правомъ, хотя въ большинствѣ губернскихъ городовъ число судей, избираемыхъ земскимъ собраніемъ, въ городѣ не менѣе, а иногда и болѣе, чѣмъ въ уѣздѣ. Противники этого мнѣнія возражали, что рѣшеніе подобнаго вопроса при разсмотрѣніи городового положенія невозможно на томъ основаніи, что земскія учрежденія будутъ лишены значительныхъ средствъ и что при этомъ необходимо будетъ перенести и часть расходовъ земства на города; что сдѣлать это, не требуя заключеній земскихъ собраній, будетъ едвали удобнымъ и правильнымъ; что вопросъ объ измѣненіи отношеній между городами и земствомъ потребуетъ коренныхъ измѣненій въ земскомъ положеніи, и что онъ слишкомъ важенъ для того, чтобъ его рѣшить окончательно теперь. Убѣждаясь этими доводами и находя, что вопросъ этотъ требуетъ соображенія многихъ данныхъ и зрѣлаго обсужденія всѣхъ подробностей, лица, защищавшія первое мнѣніе, согласились ограничиться изложеніемъ высказанныхъ мыслей, выразивъ ходатайство о необходимости подробнаго и обстоятельнаго обсужденія нынѣ же вопроса объ отношеніяхъ городовъ къ земству.

Выписывая эти пренія, мы не могли привести всѣхъ соображеній защитниковъ перваго мнѣнія со всѣми подробностями и числовыми

данными; это потребовало бы слишкомъ много выписокъ, мы отсылаемъ къ подлиннику желающихъ познакомиться съ ними. Что же касается до второго мнѣнія, то мы выписали все существенное и рѣшительно не понимаемъ, какъ могло оно одержать верхъ въ коммиссіи и устранить рѣшеніе вопроса такой настоятельной необходимости и при томъ въ виду тѣхъ соображеній, которыя выставлены защитниками противнаго мнѣнія. Намъ кажется, что уклоненіе коммиссіи отъ положительнаго рѣшенія возбужденнаго вопроса не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, и вотъ на какихъ основаніяхъ:

1) Коммиссія приняла такое рѣшеніе вопроса на томъ основаніи, что онъ требуетъ соображенія многихъ данныхъ и зрѣлаго обсужденія всѣхъ подробностей. Но мы спросимъ, что же мѣшало этому, и неужели въ виду коммиссіи не было этихъ данныхъ и этихъ подробностей? Вѣдь проектъ городового положенія составлялся и разсматривался не одинъ годъ и не въ одной коммиссіи, а вопросъ объ отношеніи городовъ къ земству возникъ не въ послѣднее время, онъ былъ въ виду коммиссіи, составлявшей земское положеніе, стало быть, данныя для рѣшенія этого вопроса должны были находиться на лицо, и уклоняться отъ ихъ разсмотрѣнія коммиссіи не слѣдовало; если же ихъ не было, то это еще менѣе понятно, такъ какъ для всякаго рѣшенія нужны были и эти данныя и эти подробности. Кромѣ этого, самостоятельность городовъ, какъ отдѣльныхъ земскихъ единицъ, признана земскимъ положеніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ городовое положеніе введено на новыхъ началахъ, и если коммиссія, составлявшая земское положеніе, имѣла основанія разрѣшить вопросъ въ этомъ смыслѣ, то почему же эти основанія не могли служить и въ настоящемъ случаѣ.

2) Коммиссія пришла къ вышеозначенному заключенію, потому что необходимо предварительно потребовать заключенія земскихъ собраній. Мы, конечно, не имѣемъ ничего противъ подобной мысли, но позволимъ себѣ только удивиться, почему это не сдѣлано было ранѣе, если считалось нужнымъ. Времени, повидимому, было достаточно, такъ какъ проектъ разсматривался съ 1862-го года. Къ тому же, если земству выгодно удерживать въ своемъ составѣ города, то они могли дать только отрицательный отвѣтъ, или представить цифру расходовъ, которую слѣдовало бы перенести въ смѣту городовъ, что могло быть сдѣлано и послѣ по соглашенію, или по особому распоряженію.

3) Третье соображеніе, на которомъ основалась коммиссія, это то, что потребуются коренныя измѣненія въ земскомъ положеніи и что, поэтому, вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы рѣшить его окончательно при разсмотрѣніи городового положенія. Но почему же Петербургъ, Москву и Одессу можно было выдѣлить изъ состава уѣзднаго земства при настоящемъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, а дру-

гіе города невозможно безъ *коренныхъ* въ немъ измѣненій. Ясно, что такое мнѣніе коммиссіи неосновательно. Чтожъ касается до важности этого вопроса, то значеніе его нисколько не уменьшало необходимости рѣшить его безотлагательно, и признаніе своей некомпетентности въ этомъ вопросѣ со стороны коммиссіи совершенно непонятно. Намъ кажется, что гораздо болѣе возникаетъ неудобствъ вслѣдствіе оставленія городскихъ общественныхъ учрежденій въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ земству, чѣмъ отъ признанія городовъ самостоятельными земскими единицами.

Не правы ли мы были, говоря въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ, что при всѣхъ нашихъ законодательныхъ работахъ замѣчается какая-то боязнь обобщить вопросы. Коммиссія, въ настоящемъ случаѣ, спеціализируя предметъ своихъ занятій до крайности, доходитъ до того, что отрицаетъ даже необходимость опредѣлить то мѣсто, которое должны занимать въ средѣ мѣстнаго самоуправленія проектируемыя ею учрежденія.

Чтобъ покончить съ настоящимъ вопросомъ, мы должны сказать, что не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніями тѣхъ членовъ коммиссіи, которые предполагали выдѣлить изъ состава уѣзднаго земства одни губернскіе города. У насъ есть много городовъ уѣздныхъ, которые имѣютъ чуть ли не большее значеніе, чѣмъ губернскіе и еще большее количество такихъ, которые, хотя и уступаютъ губернскимъ по количеству своего населенія, но ничѣмъ отъ нихъ не отличаются по всѣмъ другимъ условіямъ своего быта. Съ проведеніемъ же новыхъ путей сообщенія, значеніе многихъ уѣздныхъ городовъ должно возрасти еще болѣе. Намъ кажется, что исключеніе слѣдовало бы допустить въ отношеніи только тѣхъ городовъ, которые сами не пожелаютъ выдѣлиться изъ состава уѣзднаго земства. Въ такихъ городахъ земское и городское управленіе дѣйствительно могутъ быть слиты. Точно также мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, что обѣ столицы должны быть изъяты изъ состава губернскаго земства. Если петербургское и московское губернскія собранія большею частью извлекаютъ свои средства изъ доходовъ, собираемыхъ въ столицахъ, то обстоятельство это нисколько не оправдываетъ подобной мѣры и не можетъ освобождать этихъ городовъ отъ обязанности удовлетворять общіе губернскіе расходы, на томъ основаніи, что многіе доходы, собираемые въ столицахъ, оплачиваются не одними столичными жителями, но и пріѣзжими, и не только изъ своей, но и изъ другихъ губерній.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы приходимъ къ заключенію, что городское общественное управленіе должно входить въ составъ общаго земскаго управленія губерніи и стоять на ряду съ уѣздными земскими учрежденіями. Коммиссія поступила бы гораздо раціональ-

нѣе, еслибъ, не останавливаясь передъ важностью возбужденнаго вопроса и не отвергая своей компетентности для его рѣшенія, обратила вниманіе на тотъ пробѣлъ, который она оставила въ законодательствѣ, пробѣлъ, который можетъ породить массу затрудненій и столкновеній и вмѣстѣ съ тѣмъ остановить на долгое время много полезныхъ начинаній,—если только министерство внутреннихъ дѣлъ не поспѣшитъ его пополнить.

Пробѣлъ этотъ тѣмъ замѣтнѣе и столкновенія тѣмъ возможнѣе, что предметы вѣдомства городского общественнаго управленія, указанные во 2-й ст. положенія, почти тѣ же самые, какъ и земскихъ учрежденій. Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ мы довольно подробно развили нашъ взглядъ па предметы вѣдомства администраціи вообще и органовъ самоуправленія въ особенности и, смѣемъ думать, доказали, что опредѣлить ихъ въ законѣ съ достаточною точностью невозможно. Между тѣмъ коммиссія, въ объясненіяхъ ко 2-й статьѣ положенія, *считаетъ такое указаніе необходимымъ какъ для того, чтобъ уяснить для самого общественнаго управленія кругъ его дѣйствій, такъ и для того, чтобъ предупредить неудобства, затрудненія и пререканія съ другими общественными и правительственными учрежденіями.* Но достигается ли подобная цѣль перечисленіемъ предметовъ вѣдомства общественнаго управленія, какъ это сдѣлано во 2-й статьѣ положенія и во всѣхъ тѣхъ законахъ, которые въ ней приведены? Мы думаемъ, что нѣтъ, и вотъ на какихъ основаніяхъ: во-первыхъ, всѣ эти общія опредѣленія могутъ быть сдѣланы только въ общихъ выраженіяхъ, и такъ какъ всѣ частные и общественные интересы соприкасаются между собою, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ возникать различное ихъ пониманіе. Такъ, напр., что нужно понимать подъ словами «попеченіе объ огражденіи и развитіи промышленности или ходатайство о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ города»? Развѣ подобныя выраженія могутъ точно опредѣлять кругъ дѣятельности мѣстнаго управленія? Подъ эти слова можно подвести очень многое, и никакой судъ не будетъ имѣть твердыхъ основаній для опредѣленія, что извѣстный случай выходитъ изъ предѣловъ предоставленной закономъ власти. Всякое рѣшеніе подобнаго вопроса будетъ зависѣть отъ *личнаго усмотрѣнія судей.* Съ другой стороны, общія выраженія никогда не исчерпываютъ всѣхъ правъ и обязанностей городского управленія, между тѣмъ, какъ никто и не подумаетъ ихъ оспаривать. Такъ, напримѣръ, имѣетъ ли право городское управленіе производить расходы изъ городской казны на пріемъ знаменитыхъ путешественниковъ? Имѣетъ ли право оно предложить званіе почетнаго гражданина города лицу, оказавшему услуги отечеству въ той или другой дѣятельности? Законъ не даетъ отвѣта на эти вопросы, но, конечно, этого права у представителей города оспаривать никто не будетъ. Затѣмъ,

далѣе, такія общія опредѣленія предметовъ вѣдомства не могутъ устранить и столкновеній съ общественными и правительственными учрежденіями, на томъ основаніи, что въ числѣ обязанностей полиціи и земскихъ учрежденій перечисляются многіе изъ тѣхъ предметовъ, которые отнесены къ вѣдомству городского управленія. Если два или три вѣдомства должны заботиться объ одномъ и томъ же, то нѣтъ возможности, чтобъ между ними не было столкновеній. Для предупрежденія ихъ коммиссія сдѣлала бы гораздо болѣе, еслибъ, вмѣсто перечисленія правъ и обязанностей городского управленія, опредѣлила то мѣсто, которое оно должно занимать въ средѣ органовъ самоуправленія, тогда само собою опредѣлились бы его отношенія къ земскимъ учрежденіямъ и столкновенія съ ними были бы невозможны. Обязанности же и права органовъ самоуправленія, по своей сложности и разнообразію, не поддаются никакому опредѣленію, а зависятъ отъ условій мѣста, времени и случайныхъ интересовъ жителей. Повторимъ еще разъ, что эти права и обязанности очерчиваются точно лишь путемъ отрицательнымъ: законъ можетъ опредѣлить только то, что должно быть изъято изъ вѣдѣнія мѣстнаго управленія и принадлежитъ къ кругу дѣятельности органовъ центральной власти, т.-е. опредѣлить интересы общегосударственные. Только при такихъ условіяхъ понятна цѣль и польза самоуправленія, потому что только при этихъ условіяхъ оно можетъ дѣйствовать сообразно интересамъ мѣстныхъ жителей,—интересамъ измѣняющимся и по мѣсту, и по времени.

II.

Мы высказали наше мнѣніе о мѣстѣ, которое должно занимать городское общественное управленіе среди органовъ самоуправленія и общее понятіе о предметахъ его вѣдомства; теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его состава и круга дѣятельности каждаго органа въ отдѣльности.

Городское управленіе состоитъ изъ городскихъ избирательныхъ съѣздовъ, городской думы и городской управы. Избирательные съѣзды выбираютъ уполномоченныхъ или гласныхъ думы; дума имѣетъ распорядительную власть; управа—исполнительную. Общій надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій этихъ учрежденій, по всѣмъ дѣламъ, неподлежащимъ вѣдѣнію гражданскаго суда, ввѣряется губернатору, но дальнѣйшее направленіе и рѣшеніе сихъ дѣлъ предоставлено особому губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію, состоящему подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя мирового съѣзда и городского головы губернскаго города. Всякое опредѣленіе этого присутствія можетъ быть обжаловано недоволь-

ною стороною въ опредѣленный срокъ правительствующему сенату по 1-му департаменту.

Городскія избирательныя собранія составляются единственно для избранія гласныхъ городской думы (ст. 16) и не могутъ давать избраннымъ лицамъ никакихъ инструкцій (ст. 40). Послѣднее правило весьма понятно: между обществомъ и его повѣреннымъ связь должна основываться на нравственныхъ гарантіяхъ, общности интересовъ, на увѣренности, что довѣренное лицо хорошо понимаетъ эти интересы и способно дѣйствовать въ ихъ пользу. Поэтому мы совершенно понимаемъ, что нельзя связывать совѣсть уполномоченныхъ какими-либо инструкціями, которыя уничтожаютъ всякую возможность свободно обсуждать предлагаемые вопросы. Но для того, чтобъ могли установиться между избирателями и ихъ уполномоченными тѣ нравственныя гарантіи, о которыхъ мы говорили, въ нашей общественной жизни недостаетъ многихъ условій. Недостаетъ развитія журналистики въ провинціи, которая могла бы служить проводникомъ и посредникомъ для обмѣна мыслей; недостаетъ и надлежащей свободы печатнаго слова, такъ какъ въ провинціи существуетъ цензура, и притомъ такая, какой столицы никогда не видали въ самыя тяжелыя для печати времена. Провинціальная цензура, въ своихъ взглядахъ на дозволенное и недозволенное въ печати, руководится не только закономъ, не только мнѣніями высшей въ губерніи администраціи, но даже личными интересами многихъ губернскихъ аристократовъ; недостаетъ избирательныхъ комитетовъ и права сходокъ, по крайней мѣрѣ передъ наступленіемъ выборовъ, тогда какъ во всей Европѣ и тѣ и другія считаются необходимымъ условіемъ выборнаго начала и безъ нихъ избиратели, при значительномъ ихъ числѣ, не могутъ придти къ соглашенію и сдѣлать правильный выборъ. Недостатки эти не были такъ чувствительны въ прежнее время, когда разрѣшеніе главныхъ вопросовъ городского хозяйства зависѣло отъ приговора всего городского общества. Новое же положеніе, — ограничивая права членовъ этого общества однимъ выборомъ гласныхъ, которымъ ввѣряется власть безконтрольная, — выдвигаетъ новую потребность въ общественной жизни, и именно потребность такихъ условій, при которыхъ могло бы образоваться взаимное сближеніе и соглашеніе между избирателями и избираемыми о направленіи городского хозяйства, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. О необходимости такихъ условій составители проекта не подумали, несмотря на ея очевидность. Намъ скажутъ, что при новыхъ выборахъ общество можетъ выбрать другихъ гласныхъ, если избранные дѣйствовали несогласно съ его интересами, но вѣдь эта возможность явится черезъ четыре года, а въ это время много воды утечетъ; кромѣ того и новые люди, при отсутствіи возможности обмѣна мыслей, могутъ также ошибиться въ интересахъ и желаніяхъ своихъ избирателей.

Здѣсь нужна не перемѣна лицъ, а возможность сближенія между вѣрителями и повѣренными. Конечно, люди достаточные и имѣющіе много свободнаго времени не стѣснены этими условіями: они могутъ сходиться для соглашеній между собою и въ клубахъ и въ домахъ частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что въ провинціальныхъ городахъ почти всѣ знакомы между собою. Что же касается людей занятыхъ и небогатыхъ, то они не имѣютъ никакой возможности соглашенія. Такимъ образомъ, на выборахъ одна часть общества является какъ организованная партія, тогда какъ другая дѣйствуетъ въ разбродъ. Такой порядокъ вещей даетъ возможность нѣсколькимъ личностямъ заправлять выборами. На этомъ основаніи и въ виду отсутствія въ нашей общественной жизни тѣхъ условій, которыя такъ необходимы для правильнаго пользованія выборнымъ началомъ, мы считаемъ стѣснительнымъ правило, что избирательныя собранія составляются *только* для выбора гласныхъ. Намъ кажется, что предварительно выбора гласныхъ въ собраніяхъ могли бы происходить нѣкоторыя совѣщанія по общественнымъ дѣламъ, безъ всякаго рѣшающаго значенія. Въ этихъ совѣщаніяхъ могли бы высказываться нужды населенія, а лица, желающія быть избранными, могли бы излагать тѣ взгляды на общественное дѣло, которыми они руководились въ прежней своей дѣятельности и думаютъ руководиться въ будущемъ. При такихъ условіяхъ, выборъ лицъ былъ бы осмотрительнѣе и правильнѣе, а это тѣмъ болѣе необходимо, что коммиссія, въ объясненіи къ 15-й статьѣ положенія, говоритъ, что собранія *выбираютъ уполномоченныхъ, которымъ ввѣряется общественное представительство* въ обширнѣйшемъ значеніи *этого слова.*

Когда мы прочитали подчеркнутыя нами слова, то намъ невольно пришла въ голову мысль, что коммиссія, вѣроятно, излагала слишкомъ поспѣшно мотивировку своихъ рѣшеній и не вполнѣ взвѣсила значеніе употребленныхъ ею словъ. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ разумѣть подъ фразой *«общественное представительство въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова»*? Конечно, никто не будетъ спорить, что представительство такого рода есть власть законодательная и контроль надъ дѣйствіями администраціи. Такъ это понимается на всѣхъ языкахъ. Но всякій согласится, что при существующемъ у насъ порядкѣ государственнаго устройства такое представительство немыслимо, а потому коммиссія выразилась бы гораздо правильнѣе, еслибъ сказала: *представительство въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ.* Если же выраженіе это употреблено въ томъ смыслѣ, что гласные не подлежатъ за свои дѣйствія отвѣтственности передъ обществомъ, то все же такая редакція не можетъ считаться удачною. Мы обратили вниманіе на эту неточность выраженія потому, что объясненія, прилагаемыя къ закону, весьма важны: они указываютъ цѣль закона и направленіе законода-

тельной дѣятельности, а потому здѣсь всякое слово должно быть строго взвѣшено, чтобъ не дать повода къ неправильному толкованію закона.

Право участія въ избирательныхъ собраніяхъ, при другихъ условіяхъ полноправности, новое городское положеніе предоставляетъ лицамъ, владѣющимъ въ городѣ недвижимою собственностью или платящимъ городской налогъ по торговому или промысловому свидѣтельству (ст. 17). Такимъ образомъ, сословное положеніе, которымъ прежде обусловливалось право на участіе въ завѣдываніи общественными дѣлами, въ новомъ положеніи теряетъ свое значеніе и вводится представительство исключительно имущественное. Какъ съ этимъ положеніемъ, такъ и съ приведенными основаніями мы вполнѣ готовы согласиться, потому что имущественное представительство есть именно шагъ впередъ передъ сословнымъ. Но на этомъ и оканчивается наше единомысліе съ составителями новаго положенія. При дальнѣйшемъ же устройствѣ имущественнаго представительства мы совершенно расходимся съ ними въ нашихъ взглядахъ. Въ объясненіяхъ къ ст. 17-й, стр. 24-я, сказано, что въ городовомъ положеніи начало имущественнаго представительства проводится съ бо́льшею послѣдовательностью, нежели въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, такъ какъ въ немъ избиратели раздѣляются на собранія не по сословіямъ, а по размѣру сборовъ, платимыхъ ими съ имущества или промысла въ пользу города. Въ этомъ-то дѣленіи избирателей и заключается, какъ намъ кажется, тотъ ошибочный взглядъ, который уничтожаетъ всю пользу замѣны сословнаго представительства имущественнымъ. Но прежде, нежели излагать основанія нашего мнѣнія, слѣдуетъ упомянуть о томъ способѣ, какъ производится это дѣленіе и разсмотрѣть тѣ поводы, которые привели коммиссію къ такому рѣшенію.

Статья 24-я указываетъ слѣдующій порядокъ составленія избирательныхъ собраній: всѣ лица, имѣющія право участія въ выборахъ, вносятся въ списки въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ по суммѣ причитающихся съ каждаго изъ нихъ въ доходъ города сборовъ; затѣмъ, они дѣлятся на три разряда: къ первому причисляются тѣ изъ показанныхъ въ началѣ списка, которые уплачиваютъ вмѣстѣ одну треть общей суммы сборовъ, слѣдующихъ со всѣхъ избирателей; ко второму слѣдующіе за ними по списку, уплачивающіе также треть сборовъ; къ третьему остальные. — Каждый разрядъ составляетъ особое избирательное собраніе подъ предсѣдательствомъ городского головы и выбираетъ одну треть гласныхъ въ городскую думу.

Въ объясненіяхъ къ этой статьѣ высказаны слѣдующія соображенія, послужившія основаніемъ къ установленію подобнаго порядка: «столѣтній опытъ существованія городского управленія въ настоящемъ его видѣ доказалъ, что дѣйствующею нынѣ системою выборовъ нельзя,

несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся досель, ни ввести порядокъ въ выборы съ внѣшней ихъ стороны, ни организовать правильныхъ собраній съ устраненіемъ въ семъ случаѣ произвола вліятельныхъ лицъ, руководящихъ сходомъ, ни осуществить мысли, къ коей стремилось законодательство, о томъ, чтобы участіе въ завѣдываніи городскими общественными дѣлами не было замкнуто въ тѣсномъ кругѣ лицъ, принадлежащихъ къ промышленнымъ сословіямъ.» Все это совершенно справедливо, за исключеніемъ лишь подчеркнутой нами фразы. Сколько мы можемъ припомнить, то намъ кажется, что для лучшаго порядка въ городскихъ выборахъ никакихъ мѣръ принимаемо не было, если не считать серьезной попыткой къ водворенію порядка присутствіе полиціи въ городскихъ сходахъ. При томъ зависимомъ положеніи, въ какомъ находилось городское управленіе отъ администраціи и полиціи, всякіе безпорядки были въ интересахъ тѣхъ канцелярій, которыя завѣдывали городскими общественными дѣлами. Главная причина и тѣхъ безпорядковъ и того произвола, на которые указываетъ коммиссія, состояла въ отсутствіи развитыхъ и образованныхъ лицъ въ средѣ городского общества и въ приниженномъ положеніи его въ отношеніи администраціи, такъ что въ обществѣ сложилось понятіе, что начальство—все, а общество—ничего и, какъ слѣдствіе такого понятія, совершенное равнодушіе къ дѣлу и лишь формальное исполненіе своихъ обязанностей. Для устраненія этихъ недостатковъ, достаточно было придать бóльшую самостоятельность городскому общественному управленію и ввести въ него образованную часть нашего общества посредствомъ установленія имущественнаго представительства. Люди образованные, присутствуя въ избирательныхъ собраніяхъ, внесли бы въ нихъ тотъ порядокъ, который необходимъ, и парализировали бы тотъ произволъ вліятельнаго и богатаго купечества, о которомъ говорятъ въ своихъ соображеніяхъ составители положенія, а масса мелкихъ городскихъ избирателей, имѣя другую опорную точку, вышла бы отчасти изъ-подъ вліянія богатаго купечества; вмѣстѣ съ тѣмъ она не допустила бы возможности выбора вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ отношеній, какъ это бываетъ при ограниченномъ числѣ избирателей. Само собою разумѣется, что для такихъ послѣдствій необходимы тѣ условія сближенія избирателей, о которыхъ мы говорили выше; остальное довершило бы время и развитіе образованія. Еслибъ для избѣжанія слишкомъ большихъ собраній и потребовалось раздѣлить избирателей на особыя собранія, то такое дѣленіе могло быть достигнуто раздѣленіемъ города на отдѣльные участки. Собранія, составленныя изъ избирателей всѣхъ классовъ общества, могли быть свободны отъ недостатковъ, свойственныхъ каждому классу въ отдѣльности, а избранныя такими собраніями лица были бы дѣйствительными представителями интересовъ общества.

Но не такъ взглянула на это дѣло коммиссія: она дѣлитъ избирателей на классы и тѣмъ даетъ возможность, въ средѣ мелкихъ избирателей, царить тѣмъ же безпорядкамъ, противъ которыхъ она возражала и существованіе которыхъ было одной изъ причинъ реформы; въ средѣ же крупныхъ, оставляетъ то кумовство и вліяніе личныхъ отношеній, которыя составляютъ недостатокъ выборныхъ собраній нашихъ высшихъ сословій. Такой порядокъ установляется на весьма ошибочномъ взглядѣ, который коммиссія, неизвѣстно почему, называетъ *основнымъ положеніемъ* и желаетъ его развить съ надлежащей послѣдовательностью, а именно, что степень участія каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ въ городскомъ общественномъ представительствѣ должна *строго соразмѣряться* съ количествомъ уплачиваемыхъ ими въ городскую кассу сборовъ и налоговъ, и что для этого лица, обложенныя высшими налогами, должны имѣть большее число представителей (тоже объясненіе, стр. 31). Но, во-первыхъ, *строгой соразмѣрности* раздѣленіемъ плательщиковъ на три категоріи достигнуть нельзя, потому что въ каждой будутъ лица, платящія вдвое и болѣе одинъ противъ другого, а слѣдовательно провести выраженное начало съ надлежащей послѣдовательностью рѣшительно невозможно. Во-вторыхъ, мы спросимъ, справедливо ли это *основное положеніе?* Не говоря уже о томъ, что для бѣднаго человѣка рубль можетъ быть важнѣе, нежели для милліонера сто рублей, и что, поэтому, платящій рубль можетъ интересоваться общественнымъ дѣломъ гораздо болѣе платящаго сто рублей; не говоря о томъ, что платящій рубль можетъ имѣть гораздо болѣе и смысла и знанія для распоряженія общественными дѣлами, чѣмъ платящій сто рублей, мы замѣтимъ, что послѣдній, платя болѣе, гораздо болѣе и пользуется удобствами и комфортомъ городской жизни, нежели человѣкъ бѣдный, такъ какъ бо́льшая часть городскихъ суммъ тратится на благоустройство густо населенныхъ частей города, гдѣ помѣщаются люди достаточныхъ классовъ. Еслибы потребовалось, то мы могли бы представить тысячу примѣровъ тому, что городскія средства тратятся преимущественно на удовлетвореніе потребностей богатыхъ или достаточныхъ классовъ и что, вслѣдствіе этого, богатый человѣкъ за свою излишнюю плату вознагражденъ вполнѣ лишними удобствами жизни, которыми бѣдный не пользуется. На этомъ основаніи, предоставлять ему большее вліяніе на распоряженіе городскими средствами вовсе несправедливо и можетъ имѣть то вредное послѣдствіе, что городскія средства будутъ тратиться исключительно въ интересахъ достаточныхъ классовъ, а нужды бѣдныхъ будутъ совершенно забыты. Такъ, наша старушка-Москва посылаетъ колокола въ Прагу, тогда какъ многія отдаленныя мѣста столицы не имѣютъ хорошей воды и должны довольствоваться ею изъ грязной Яузы, а

это было бы невозможно при болѣе правильной системѣ представительства.

Предоставляя достаточнымъ классамъ большее численное вліяніе на дѣла городского общества, положеніе вводитъ неравномѣрное распредѣленіе силъ представительства, такъ какъ оно не принимаетъ въ соображеніе нравственнаго и экономическаго вліянія богатыхъ людей на бѣдныхъ. Сверхъ того оно дѣлитъ избирателей, по ихъ имуществу на классы, интересы которыхъ не только не совпадаютъ, но часто бываютъ совершенно противоположны. На этомъ основаніи представители этихъ классовъ, по необходимости, должны внести борьбу въ среду самой думы, борьбу бѣдныхъ съ богатыми, и если этого не будетъ въ самомъ началѣ, то потому только, что представители низшихъ классовъ будутъ играть пассивную роль въ засѣданіяхъ думы, не заботясь объ интересахъ своихъ избирателей. Такого приниженнаго положенія половины гласныхъ городской думы, конечно, не желали составители положенія, но оно должно явиться въ силу логическихъ послѣдствій того дѣленія избирателей, которое принято положеніемъ.

Наконецъ, мы укажемъ еще на одно обстоятельство: въ силу приведеннаго дѣленія избирателей, въ нашу общественную жизнь вводится совершенно новое начало, незнакомый нашей исторіи прецедентъ, способный выдѣлить изъ массы нашего общества группу людей, которая впослѣдствіи можетъ составить денежную или буржуазную аристократію, худшую изъ всѣхъ аристократій, извѣстныхъ намъ по исторіи. Мы не защитники аристократическихъ принциповъ вообще, но не можемъ не замѣтить, что какъ родовая, такъ и чиновничья аристократія имѣютъ извѣстныя традиціи, которыя связываютъ отчасти эгоистическія тенденціи людей. Они говорятъ: noblesse или position oblige. Самый образъ жизни этихъ классовъ приводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ высшей интеллигенціей; если не дѣйствительное образованіе, то по крайней мѣрѣ чтеніе становится для этихъ людей необходимостью и знакомитъ ихъ съ мыслями, господствующими въ литературѣ отечественной и заграничной. Прогрессивныя идеи, если и не увлекутъ подобнаго человѣка, то, во всякомъ случаѣ, онѣ остановятъ его отъ грубаго проявленія эгоистическихъ стремленій. Никакихъ подобныхъ традицій или обычаевъ нѣтъ у аристократіи денежной. Вступленіе въ эту среду обусловливается успѣхомъ въ дѣлахъ денежныхъ, и деньги здѣсь мѣрило ума, знанія и ловкости; но, что всего хуже—это то, что и степень уваженія, подобающаго человѣку въ этой средѣ, измѣряется также деньгами. Между тѣмъ успѣхъ въ дѣлахъ денежныхъ, въ особенности у насъ, есть результатъ случайности, а часто и весьма непохвальной изворотливости. При такихъ условіяхъ узкое эгоистическое направленіе, самоувѣренность и само-

довольствіе, при полномъ отсутствіи научнаго образованія—вотъ характеристическія черты денежной или буржуазной аристократіи. Мы не говоримъ, чтобъ между людьми этой категоріи не было людей хорошихъ, но они составляютъ исключеніе, въ массѣ же черты эти вѣрны, и дурные инстинкты этого класса людей не связываются никакими традиціями: желательно ли послѣ этого, чтобъ изъ нашего общества выдѣлился подобный классъ людей, образовалъ бы изъ себя привилегированную группу и получилъ бы преимущественное значеніе въ дѣлахъ городского общества. Если, въ настоящее время и при настоящемъ государственномъ устройствѣ, подобное начало, вводимое въ нашу общественную жизнь, не можетъ представлять другой опасности, кромѣ непроизводительной траты городскихъ средствъ, то въ будущемъ, при развитіи нашихъ государственныхъ учрежденій, при расширеніи правъ нашихъ органовъ самоуправленія, такое основное, какъ выразилась коммиссія, положеніе будетъ не только несправедливымъ и вреднымъ, но даже опаснымъ: оно вводитъ въ нашу жизнь начало, изъ котораго можетъ возникнуть борьба труда и капитала.

Если этотъ порядокъ, обособляя людей, имѣющихъ средства, сосредоточиваетъ и усиливаетъ свойственныя этому классу людей недостатки, то, съ другой стороны, отдѣляя въ особое избирательное собраніе весь низшій классъ городского общества, онъ учреждаетъ такое многолюдное собраніе, въ которомъ выборы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть раціональны, въ особенности потому, что въ числѣ избирателей не будетъ вовсе образованныхъ людей. Эта масса избирателей, неимѣющая между собою ничего общаго, собираемая только разъ въ четыре года и лишенная возможности, за отсутствіемъ предварительныхъ сходокъ, ознакомиться какъ между собою, такъ и съ лицами желающими балотироваться въ гласные, — будетъ всегда орудіемъ ловкихъ интригановъ, въ особенности, если они попадутъ въ члены городской управы. Эти люди, негнушающіеся никакими средствами, пользуясь подобнымъ орудіемъ и не находя въ средѣ этой массы никакого отпора, будутъ всегда разстроивать всѣ планы лучшей части общества и заставятъ ее, наконецъ, махнуть на дѣло рукой. Низшій классъ городского общества, по отношенію къ способности его интересоваться общественнымъ дѣломъ, нельзя ставить ни въ какое сравненіе съ нашими крестьянскими обществами. Крестьянинъ знаетъ мірское дѣло, онъ часто присутствуетъ на мірскихъ сходахъ, обсуждаетъ общіе интересы и въ селеніи и въ волости, знаетъ большинство домохозяевъ въ околодкѣ. Но, если и въ крестьянскихъ обществахъ выборы совершаются зачастую не самостоятельно, а подъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ, то что же будетъ въ городахъ и притомъ въ большихъ, гдѣ нѣтъ ни той общности интересовъ, ни того знанія другъ друга, ни той привычки къ общественному дѣлу.

Мы привели выше соображенія коммиссіи о недостаткахъ нынѣ дѣйствующей системы выборовъ въ городское управленіе, но намъ кажется, что отдѣляя образованныхъ и достаточныхъ избирателей отъ необразованныхъ, коммиссія тѣмъ самымъ упрочиваетъ въ средѣ послѣднихъ тѣ безпорядки, на которые она указываетъ. При этихъ условіяхъ люди интриги, люди съ узкими эгоистическими тенденціями скорѣе будутъ въ состояніи проложить себѣ дорогу къ городскому управленію, чѣмъ люди прямые и честные. Стóитъ только одинъ разъ ловкому интригану попасть въ городскіе головы, и онъ будетъ имѣть всѣ средства въ рукахъ, чтобъ подобрать для себя такое большинство въ думѣ, которое изберетъ его вновь и своими приговорами будетъ покрывать всѣ его дѣйствія. Для того, чтобъ противники не могли его обличить, стóитъ только не допускать слишкомъ крупныхъ и явныхъ злоупотребленій, что вовсе не трудно,—и тогда отъ подобнаго человѣка не легко будетъ отдѣлаться обществу. Такія личности всегда находятъ себѣ сторонниковъ даже между людьми достаточными, если же онъ успѣетъ въ третьей категоріи избирателей провести цѣлую треть гласныхъ изъ своихъ приверженцовъ, то выборъ его будетъ непремѣнно обезпеченъ, такъ какъ въ каждомъ собраніи есть люди равнодушные, привыкшіе класть свои шары всѣмъ направо.

Изъ сказаннаго могутъ заключить, что мы не считаемъ возможнымъ предоставлять права выбора гласныхъ той части городского общества, которая по закóну отнесена къ третьей категоріи избирателей, а потому мы спѣшимъ оговориться и скажемъ, что мы никогда не думали ничего подобнаго. Напротивъ, мы думаемъ, что эта часть городского общества можетъ быть весьма полезна при выборахъ, если только она будетъ поставлена въ другія условія. Мы думаемъ, что достигнуть порядка и раціональности выборовъ можно не разъединеніемъ избирателей на три категоріи, а ихъ сліяніемъ. Только тогда получается полезное воздѣйствіе образованныхъ классовъ на необразованные; только тогда можетъ водвориться внѣшній порядокъ выборовъ, необходимый для ихъ раціональности; только тогда можетъ уничтожиться то насилованіе совѣсти избирателей, которое такъ обыкновенно въ избирательныхъ собраніяхъ низшихъ классовъ. Для этого достаточно въ собраніи нѣсколькихъ самостоятельныхъ и честныхъ лицъ. Но разъ это грубое насиліе надъ совѣстью избирателя не существуетъ, — выборы необходимо получатъ другой характеръ. Тогда присутствіе мелкихъ промышленниковъ сдѣлаетъ невозможнымъ кумовство и вліяніе личныхъ отношеній, которыя такъ нечужды нашимъ избирательнымъ собраніямъ высшихъ классовъ. Повторяемъ, только сліяніемъ избирателей могутъ уничтожиться недостатки собраній высшихъ и низшихъ классовъ; дѣленіе же ихъ упрочиваетъ эти недостатки.

Все высказанное нами до того ясно и просто, что остается удивляться, какъ составители положенія не пришли къ тѣмъ же заключеніямъ. Разъ принявши въ основаніе невѣрную мысль, что платящій болѣе долженъ имѣть бóльшее вліяніе на городское хозяйство, они, рядомъ невѣрныхъ выводовъ, пришли къ положительному отрицанію собственныхъ положеній и такимъ образомъ стали въ явное противорѣчіе сами съ собою. Такъ, къ числу причинъ неудовлетворительнаго положенія городскихъ выборовъ составители новаго закона относятъ отсутствіе образованныхъ и развитыхъ людей въ средѣ городскихъ избирателей. Мысль эта выражена въ объясненіи къ ст. 17-й (стр. 22 и 23); но, руководствуясь вышеозначенной невѣрной мыслью, они установляютъ такое дѣленіе избирателей, при которомъ цѣлая масса ихъ, наиболѣе нуждающаяся въ руководствѣ образованныхъ людей, ставится внѣ всякаго вліянія этихъ лицъ. Установляя новый порядокъ, составители положенія желали *оставить какъ можно меньше мѣста произволу и вліятельности отдѣльныхъ лицъ* (Объясненіе къ 24—25 ст., стран. 31); а между тѣмъ, отдѣливъ отъ развитой части населенія цѣлую массу избирателей, отдали ее на произволъ одного городского головы, который, будучи предсѣдателемъ этого собранія, имѣетъ гораздо бóльшую возможность влiять на производимые выборы. Если же вспомнить то равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, которое господствуетъ въ городскихъ низшихъ классахъ, и вслѣдствіе котораго на выборы не является и $^1/_{10}$ части избирателей, то ясно, что выборъ гласныхъ зависитъ совершенно отъ произвола городского головы. Такимъ образомъ, въ результатѣ оказываются такія послѣдствія, которыя составители положенія желали предупредить. Фактъ этотъ не новое явленіе для нашихъ читателей: то же самое мы видѣли въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій по выкупной операціи, гдѣ принятыя мѣры прямо вели къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ желали избѣжать.

Намъ остается пожелать, чтобъ принятое дѣленіе избирателей какъ можно скорѣе выказало тѣ вредныя послѣдствія, которыхъ мы отъ него ожидаемъ и привело бы къ необходимости его отмѣны. Но мы не думаемъ, чтобъ эти неудобства были замѣчены въ городскихъ думахъ, и еще менѣе надѣемся, что послѣднія будутъ ходатайствовать объ этихъ измѣненіяхъ, такъ какъ порядокъ, нынѣ установленный, весьма выгоденъ для городской денежной аристократіи, получившей преобладающее вліяніе. Починъ въ этомъ дѣлѣ мы можемъ ожидать только со стороны правительства. Если начальники губерній пожелаютъ обратить серьезное вниманіе на дѣятельность новыхъ городскихъ учрежденій, то имъ, конечно, не трудно будетъ замѣтить, что новый порядокъ едва ли чѣмъ будетъ отличаться отъ стараго. Подобный вопросъ можетъ возникнуть только этимъ путемъ, еще и по-

тому, что наши городскіе порядки весьма мало доступны для печати, даже менѣе, чѣмъ дѣла земскихъ учрежденій. Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ дѣйствуютъ новыя учрежденія въ городахъ, но о ихъ дѣятельности почти ничего не слышно, между тѣмъ какъ о дѣятельности земскихъ учрежденій печать заговорила немедленно. Само собою разумѣется, что только земскіе дѣятели могли дать печати и средства и возможность говорить о ея дѣятельности. Такъ бы слѣдовало поступать и гласнымъ городскихъ думъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ этого не оказывается, и нежеланіе придавать гласность своимъ дѣйствіямъ указываетъ отчасти на то направленіе, которое начинаетъ господствовать въ этихъ собраніяхъ.

Ко всему этому необходимо прибавить, что при разсмотрѣніи и сравненіи различныхъ законоположеній невольно бросается въ глаза разность принциповъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Даже въ такихъ однородныхъ положеніяхъ, какъ земское и городское, изданныхъ въ періодъ какихъ-нибудь пяти лѣтъ, замѣчается значительная разница въ основныхъ началахъ, несмотря на то, что оба проекта составлялись въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Такъ, земское положеніе ставитъ между избирателями перегородки сословныя, городское же—имущественныя; земское—ставитъ избирателей подъ предсѣдательство различныхъ лицъ, независящихъ отъ предсѣдателя земской управы; городское вручаетъ предсѣдательство во всѣхъ трехъ избирательныхъ съѣздахъ одному городскому головѣ, несмотря на то, что дѣло идетъ о выборѣ такихъ лицъ, которымъ поручается контролировать его дѣйствія и передъ которыми онъ долженъ отвѣчать. Само собою разумѣется, что онъ употребитъ все вліяніе предсѣдателя, чтобъ провести своихъ сторонниковъ. Казалось бы, что, убѣдясь изъ пятилѣтняго опыта земскихъ учрежденій и прежнихъ положеній столицъ о вредѣ сословныхъ перегородокъ между избирателями, весьма естественно было придти къ заключенію о вредѣ всякихъ перегородокъ, о необходимости вліянія одного класса общества на другой; между тѣмъ, составители положенія, признавая вредъ сословныхъ перегородокъ, приходятъ къ заключенію о необходимости имущественныхъ, о которыхъ наша общественная жизнь не имѣла никакого понятія и которыя, слѣдовательно, не имѣютъ никакого оправданія даже въ нашей исторіи. Такое стремленіе къ разъединенію общества просто непонятно. Съ другой стороны, если признано было неудобнымъ поручать предсѣдательство въ избирательныхъ съѣздахъ лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ дѣлу, для котораго собираются избиратели, какъ это сдѣлано въ земскомъ положеніи, то весьма естественно было держаться того же правила въ городовомъ положеніи и предоставить самому собранію выборъ своего предсѣдателя, такъ какъ были же какія-нибудь основанія, по которымъ предсѣдатели земскихъ управъ вовсе устранены отъ этой обязанности. Изъ объясненій къ

30-й ст. мы узнаемъ, что было предположеніе предоставить предсѣдательство въ избирательныхъ съѣздахъ гласнымъ думы, но что это предположеніе найдено неудобнымъ между прочимъ потому, что жалобы на незаконность выборовъ предоставлено разбирать городской думѣ, которая состоитъ изъ гласныхъ. Казалось бы, что на томъ же самомъ основаніи не слѣдовало допускать и предсѣдательство городского головы, тѣмъ болѣе, что онъ не только членъ думы, но и предсѣдатель ея; между тѣмъ, по мнѣнію коммиссіи, чтó служитъ препятствіемъ для предоставленія извѣстнаго права одному лицу, то можетъ служить поводомъ къ предоставленію этого права другому. Такой логической непослѣдовательности въ изложеніи своихъ мотивовъ коммиссія не замѣтила. Предсѣдательствуя во всѣхъ трехъ собраніяхъ послѣдовательно и самъ назначая сроки для этихъ собраній, городской голова можетъ направлять выборы исключительно въ своемъ интересѣ, тѣмъ болѣе, что при равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ въ низшихъ классахъ, онъ можетъ составить избирательное собраніе такъ, какъ ему нужно.

Причину такихъ противорѣчій въ нашихъ законодательныхъ работахъ мы уже указывали: она состоитъ въ порядкѣ составленія отдѣльныхъ положеній для улучшенія различныхъ частей нашего законодательства и въ положительномъ отсутствіи общихъ основныхъ началъ, по которымъ должна совершаться государственная реформа. Не имѣя въ виду общей руководящей идеи, которая бы связывала всѣхъ лицъ, призванныхъ къ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ, каждая отдѣльная коммиссія идетъ своей собственной дорогой и проводитъ въ жизнь свои взгляды и тенденціи, не справляясь о томъ, какія произойдутъ послѣдствія. Если же мы примемъ въ соображеніе, что проектируемыя правила составляются людьми кабинетными, мало или вовсе незнакомыми съ провинціальной жизнью, то причина подобныхъ недостатковъ законодательства сдѣлается какъ нельзя болѣе ясна.

Мы остановились на порядкѣ составленія избирательныхъ собраній такъ долго потому, что считаемъ эти правила самой существенной частью положенія, и думаемъ, что мы привели достаточныя основанія, по которымъ не можемъ этихъ правилъ считать удовлетворительными.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію состава городской думы и ея отношеній къ исполнительной власти.

Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1871.

Ожиданія новаго устава о печати. — Практическая точка зрѣнія на этотъ вопросъ. — Отчетъ о занятіяхъ коммиссій по преобразованію воинской повинности. — Предполагаемые сроки службы. — Система призыва и изъятій. — Циркуляръ о введеніи новаго устава гимназій. — Педагогическія указанія. — Гуманность въ школахъ. — Письмо въ редакцію А. Н. Бекетова.

На разсмотрѣніе государственнаго совѣта имѣетъ поступить, какъ говорятъ, въ непродолжительномъ времени, проектъ новаго устава о печати. Неполнота нынѣ дѣйствующихъ временныхъ постановленій о печати и нецѣлесообразность нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны. Совмѣстное дѣйствіе административныхъ взысканій и преслѣдованія судебнымъ путемъ на практикѣ представляло не мало недоразумѣній. Самое существованіе административныхъ каръ заключаетъ въ себѣ обыкновенно важныя неудобства: во-первыхъ, оно дѣлаетъ администрацію какъ-бы отвѣтственною за все, чтó является въ печати и что не вызываетъ съ ея стороны невозможныхъ ежедневныхъ мѣръ; во-вторыхъ, оно ставитъ одну издательскую собственность въ періодической печати внѣ тѣхъ обезпеченій, какими законъ охраняетъ всякую иную собственность, какъ-бы она ни была ничтожна. Наконецъ, и само судебное преслѣдованіе проступковъ печати доселѣ было обставлено нѣкоторыми пробѣлами, какъ относительно опредѣленія сущности проступковъ, такъ и относительно самаго судопроизводства. Чтобы указать ближе на признаки этой совмѣстной неполноты и неясности нынѣшнихъ постановленій, достаточно напомнить, напримѣръ, что не положено срока дѣйствія для административныхъ предостереженій, не опредѣлено съ точностью, въ чемъ состоитъ правонарушеніе, когда преслѣдуемое сочиненіе было напечатано, но задержано, то-есть когда предполагаемый проступокъ еще не возымѣлъ дѣйствія, не предоставлено на усмотрѣніе обвинительной судебной

власти давать или не давать ходъ преслѣдованію, по жалобамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и учрежденій и т. д.

Впрочемъ, говоря такъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду представлять здѣсь оцѣнку неполноты и неудобствъ нынѣшнихъ временныхъ постановленій о печати. Такая оцѣнка была уже сдѣлана у насъ болѣе компетентнымъ лицомъ, и въ настоящемъ случаѣ намъ достаточно напомнить о ней читателямъ [1]).

Мы не предпримемъ также и предлагать основаній для новыхъ законовъ о печати, такъ какъ, по нашему убѣжденію, придумать *спеціальные* законы для печати—вполнѣ раціональные и дѣйствующіе успѣшно, нѣтъ возможности; и вотъ почему. Дѣятельность печатной гласности сама по себѣ не есть ни государственная регалія, ни особое юридическое отправленіе, а потому и не имѣетъ раціональной потребности въ спеціальныхъ, для нея собственно сочиненныхъ и къ ней одной примѣнимыхъ законоположеніяхъ. Единственнымъ, вполнѣ раціональнымъ закономъ о печати въ наше время считаютъ тотъ, который отмѣнилъ бы всякіе спеціальные о ней законы, предоставивъ правонарушеніе путемъ печатнаго слова дѣйствію общихъ законовъ, наказующихъ правонарушенія.

Хотя такое убѣжденіе и устраняетъ всякія предложенія съ нашей стороны къ такому или иному видоизмѣненію спеціальныхъ законовъ о печати, однако мы очень хорошо понимаемъ, что въ Россіи, въ данную минуту, трудно поставить вопросъ такимъ образомъ, а именно, что спеціальныхъ законоположеній о печати не нужно совсѣмъ. Грани, въ которыхъ вообще ставятся вопросы—въ данную минуту зависятъ не отъ одного умозрѣнія, но, быть можетъ, еще болѣе отъ сравненія съ тѣмъ чтó было доселѣ. Трудно ожидать, чтобы отказались прямо отъ всякихъ спеціальныхъ законоположеній о печати прежде, чѣмъ, путемъ нѣсколькихъ опытовъ и цѣлаго ряда исправленій и дополненій, убѣдились, наконецъ, въ невозможности и безполезности придумать какой-либо такой сосудъ, который могъ бы удержать неуловимѣйшій изъ всѣхъ газовъ—мысль. Стало быть, вопросъ на практикѣ сводится къ тому, до какихъ предѣловъ въ данную минуту предполагается идти. А предѣлы эти будутъ зависѣть отъ соображеній чисто-политическаго свойства, отъ того взгляда, какой будетъ принятъ на взаимныя отношенія между властью и обществомъ.

Вотъ съ этой-то чисто практической точки мы и должны коснуться настоящаго вопроса, оставляя въ сторонѣ формы, которыя и будутъ именно зависѣть отъ политической точки зрѣнія, и которыхъ мы, во всякомъ случаѣ, отыскивать не станемъ. Намъ возразятъ, пожалуй,

---

[1]) Статьи К. К. Арсеньева: «Русскіе законы о печати», «Вѣстникъ Европы», апрѣль и іюнь, 1869.

что о различіи взглядовъ на отношенія между властью и обществомъ не можетъ быть рѣчи; что отношеніе это опредѣлено внѣ всякихъ сомнѣній: общество должно исполнять то, что предписываетъ власть. Это совершенно такъ, но сомнѣнія могутъ представляться совсѣмъ съ другой стороны. Въ различное время сама власть можетъ желать и предписывать различное. У самой власти, конечно, нельзя предполагать личныхъ интересовъ и прирожденныхъ стремленій; но если даже и допустить ихъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти интересы и стремленія вовсе не причастны къ дѣлу, а стало быть и не могли бы служить намъ указаніями. А потому, все зависитъ, по необходимости, отъ той теоретической точки зрѣнія, какую приняла власть въ ту или другую эпоху.

Исторія, наша и чужая, показываетъ намъ, что власть въ прежнія времена исходила изъ той точки зрѣнія, что правительство, хотя само неизбѣжно и встрѣчаетъ сомнѣнія, но оно не нуждается ни въ какихъ совѣтахъ или содѣйствіи со стороны общества; что оно можетъ идти одно; что, несмотря на сомнѣнія, предшествовавшія принятію каждой данной мѣры, мѣра эта, однажды принятая, тѣмъ самымъ становится безусловно хороша и дѣйствуетъ успѣшно; что все существующее внѣ оффиціальности какъ-бы не существуетъ для правительства, и все, что облечено оффиціальностью, неподлежитъ сомнѣнію и не требуетъ ни провѣрки, ни исправленія. Этотъ принципъ можетъ быть логично развиваемъ въ цѣлую обширную систему. Систему эту одни порицали, но иные хвалили. Мы не станемъ дѣлать ни того, ни другого, а только справимся, соотвѣтствовала ли бы она нашей современной дѣйствительности: мы видѣли, что прежде помѣщики оффиціально обязаны были заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ, а стало быть, по смыслу той системы, должно признавать, что благосостояніе крестьянъ было вполнѣ обезпечено. Мы видѣли, что губернской администраціи было предоставлено устройство всего благосостоянія губерніи въ хозяйственномъ отношеніи; стало быть, по теоріи оффиціальности надо было думать, что хозяйственное благосостояніе губерній было въ самыхъ надежныхъ рукахъ. Наконецъ, отправленіе прежнихъ судовъ, по смыслу той же теоріи, было превосходно и не оставляло желать ничего лучшаго.

При такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ „удовлетворительномъ“ состояніи всѣхъ отношеній въ государствѣ, не могло и возникать никакихъ вопросовъ, и о чемъ же въ то время могла бы говорить печать? Она могла только хвалить всеобщее благоустройство, а для того, чтобы она не хвалила не впопадъ и не въ мѣру, надъ нею было учреждено особое попеченіе въ видѣ предварительной цензуры, которое и поправляло хвалы печати, какъ воспитатели поправляютъ дѣтямъ поздравленія, подносимыя родителямъ.

Но этой картинѣ, этой системѣ противорѣчитъ все то, что совершено нашимъ правительствомъ въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Всѣ преобразованія свидѣтельствовали, что правительство уже отказалось отъ точки зрѣнія оффиціальнаго благополучія и административной непогрѣшимости, что оно допустило мысль о возможности разлада между мѣрами и ихъ реальными послѣдствіями, а также мысль о необходимости принимать въ соображеніе современныя общественныя потребности. Однажды ставъ на эту, новую и высокую точку зрѣнія, правительство, очевидно, болѣе всѣхъ заинтересовано знать, въ какой степени и теперь еще возможенъ разладъ между цѣлью его мѣръ и ихъ успѣхомъ на дѣлѣ, а также знать, чего въ дѣйствительности желаетъ признанное имъ общество, и въ какой мѣрѣ тѣ или другія желанія въ обществѣ единодушны. Понятно, каково теперь можетъ быть значеніе серьезной, свободной печати для самого правительства.

Отношеніе власти къ обществу въ этомъ смыслѣ совсѣмъ измѣнилось. Если на практикѣ еще не осуществились всѣ виды и всѣ послѣдствія такой перемѣны, то тѣмъ не менѣе смыслъ самой этой перемѣны, принципъ ея, сомнѣнію не подлежитъ: онъ выраженъ коренными преобразованіями. Вотъ на этой-то точкѣ и необходимо основаться при разсмотрѣніи новыхъ законоположеній для печати. При прежней системѣ понятно было, что уставъ о печати былъ составленъ въ виду достиженія одной, исключительной цѣли: предупрежденія возможности малѣйшей самостоятельности ея, пресѣченія пустѣйшаго правонарушенія съ ея стороны, хотя бы то цѣною умственнаго развитія русскаго общества, — развитія, которое впрочемъ, въ то время почиталось излишнимъ. Хотѣли же при Александрѣ I запретить одинъ изъ журналовъ за то, что онъ далъ совѣтъ почтовому вѣдомству устроить ящики для писемъ при полицейскихъ будкахъ; находили дерзостью дѣлать какія-нибудь указанія администраціи. Теперь дѣло представляется совсѣмъ иначе, и потому составляя новый уставъ о печати, въ наше время необходимо заботиться не объ однѣхъ мѣрахъ пресѣченія и карахъ за нарушеніе, какъ будто въ самомъ дѣлѣ печать — лихой татаринъ, вѣчно грозящій набѣгами, а не представитель силы самой родной и самой цѣнной въ государствѣ — мысли русскаго общества.

Нельзя считать эту мысль опасною, и напрасно было бы преувеличивать значеніе даже самыхъ ея крайнихъ уклоненій. У насъ они менѣе опасны, чѣмъ гдѣ-либо. У насъ нѣтъ партій, нѣтъ анти-правительственныхъ преданій, нѣтъ мятежныхъ цѣлей. Правда, у насъ были примѣры осужденія людей за обдумываніе мятежа, за намѣреніе ниспровергнуть правительство. Но это были именно только обдумыванія и намѣренія кружковъ, не имѣвшихъ средствъ для достиженія преступной цѣли, а вовсе не партій въ народѣ. Партій, то-есть эле-

ментовъ политической борьбы, у насъ нѣтъ. Стало быть, обычное опасеніе, что злонамѣренный органъ печати можетъ, „разжигая страсти, волновать общество", всего менѣе примѣнимо именно къ Россіи.

Итакъ, при составленіи проекта новаго устава о печати необходимо не задаваться исключительно мыслью о вооруженіи всѣхъ отраслей власти всякимъ оружіемъ противъ скромнаго и еще слабаго общественнаго слова, а позаботиться о томъ, чтобы доставить печати такое положеніе, при которомъ она могла бы успѣшно исполнить двоякое свое назначеніе, указываемое смысломъ нашей эпохи преобразованій, именно: содѣйствовать *знанію* правительствомъ что́ именно дѣлается въ странѣ, какія послѣдствія производятся его мѣрами, и вмѣстѣ — способствовать успѣхамъ умственнаго развитія, возмужанія страны. Не только съ общественной, но и съ правительственной точки зрѣнія, необходимо дать печати возможность серьезной самостоятельности, свободы отъ внушеній и безопасности отъ произвола.

Само собою разумѣется, что это можетъ быть вполнѣ осуществлено однимъ предоставленіемъ всякихъ правонарушеній печати вѣдѣнію исключительно судебной власти, съ отмѣною всякихъ административныхъ каръ. Система предостереженій во Франціи пала; а придумана она была тамъ такимъ правительствомъ, которое одно и могло нуждаться въ ней. Въ Пруссіи эта система была отмѣнена вскорѣ послѣ введенія, и прусское правительство именно съ тѣхъ поръ, какъ перестало само сомнѣваться въ своей силѣ, то-есть съ 1866-го года, сдѣлалось гораздо либеральнѣе по отношенію къ печати, чѣмъ прежде. У насъ же не могло быть и сомнѣнія въ силѣ правительства. Никакого опасенія нашему правительству печать, очевидно, внушать не можетъ, и было бы странно говорить объ этомъ; едвали даже самые опасливые люди рѣшились бы указывать на возможность мнимой опасности для него со стороны печати. Но для опасливыхъ совѣтовъ обыкновенно приводятся другія основанія, которыя можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: надо предупредить возможность проведенія въ печати „вредныхъ ученій" и появленія въ ней „неумѣстныхъ выходокъ". Это — двѣ особыя категоріи проступковъ, для которыхъ рекомендуются особыя мѣры: наиболѣе опасливые люди готовы, впрочемъ, согласиться, что противъ „неумѣстныхъ выходокъ" достаточно суда. Бюрократизмъ можетъ иногда даже радоваться появленію въ какомъ-либо изданіи „неумѣстной выходки", потому что она даетъ средство расправиться съ этимъ изданіемъ путемъ судебнаго запрещенія. Итакъ, въ этомъ отношеніи административныя мѣры взысканій не могутъ никому представляться необходимыми. Необходимость же сохраненія ихъ обыкновенно доказывалась собственно для предупрежденія вредныхъ ученій или вреднаго направленія. Въ самомъ дѣлѣ, защитники такой системы утверждали, что писатели изловчились такъ излагать свои мысли, что самая вре-

доносная идея можетъ быть проводима ими, не подпадая подъ точныя опредѣленія уголовныхъ законовъ, а стало быть, избѣгая судебнаго преслѣдованія.

Но всѣ подобныя соображенія основаны на одномъ весьма важномъ недосмотрѣ или оптическомъ обманѣ: дѣло въ томъ, что вредныя мысли, проводимыя съ такими недомолвками и подъ такимъ покровомъ, чтобы онѣ могли избѣгнуть суда, не могутъ и имѣть значенія иначе, какъ только при существованіи и, такъ-сказать, при помощи административныхъ взысканій. Иными словами: чѣмъ строже и многостороннѣе надзоръ за печатнымъ словомъ, тѣмъ болѣе взвѣшивается и авторомъ и читателемъ каждое выраженіе; тѣмъ болѣе не только писатели ухитряются прикрывать свою мысль, но и читатели — открывать ее подъ такимъ покровомъ. Когда все печаталось не иначе, какъ по одобреніи предварительной цензурою, тогда способность эта въ высшей степени была развита не только въ писателяхъ, но и въ читателяхъ. При нынѣшней системѣ, то-есть безъ предварительной цензуры, но при существованіи двоякаго надзора и двоякихъ каръ: административныхъ и судебныхъ,—это положеніе уже нѣсколько измѣнилось. Уже теперь надо говорить гораздо яснѣе, чтобы читатель понялъ,—чѣмъ то было при цензурѣ. Однако и теперь онъ еще весьма склоненъ схватывать малѣйшіе намеки и видѣть въ нихъ нѣкоторое торжество писателя потому именно, что знаетъ, какъ все еще стѣсняетъ печать административное распоряженіе ея судьбою. Но снимите излишнее стѣсненіе—и все удовольствіе разгадывать противуцензурные ребусы для читателя пропадетъ; онъ не станетъ давать себѣ труда искать въ печатномъ словѣ чего-либо кромѣ того, что въ немъ выражено съ полной ясностью. А вредныя ученія, выраженныя съ полной ясностью, во всякомъ случаѣ, будутъ подпадать дѣйствію закона, то-есть суда. Системою административнаго надзора и безотчетнаго взысканія можно, конечно, стѣснить писателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжно, она придаетъ читателю особую прозорливость, и каждому выраженію, которое прошло въ печать, придаетъ такой вѣсъ, какого бы оно никогда не имѣло, еслибы печать должна была говорить ясно, для того чтобы быть понимаемою. И никакой надзоръ администраціи, какъ онъ ни будь строгъ, не можетъ уничтожить этой солидарности вниманія читателей съ намѣреніемъ автора; писатель всегда найдетъ modus in rebus, а этотъ ребусъ-то и будетъ понятъ читателемъ, и произведетъ на него тѣмъ большее впечатлѣніе, чѣмъ значительнѣе строгость надзора. Не правы ли мы говоря, что эта система административнаго надзора основана просто на оптическомъ обманѣ?

Не проще ли устроить такъ, чтобы печать не только могла, но и *должна* была выражаться совершенно ясно, безъ всякихъ недомолвокъ?

Это и можетъ быть достигнуто только отмѣною административныхъ внушеній и взысканій, и подчиненіемъ правонарушеній печати вѣдѣнію одной судебной власти. Тогда исчезнетъ та магическая сила, которую каждое предостереженіе только удвоиваетъ.

Относительно такъ-называемыхъ „неумѣстныхъ выходокъ" можно сдѣлать также сходное замѣчаніе. Почему считаются небезвредными „неумѣстныя выходки"? — Потому, что въ нихъ видятъ нѣчто несообразное съ достоинствомъ правительства, короче—какъ-бы покушеніе на достоинство власти и ея представителей. Но такое мнѣніе основано опять на воззрѣніи совершенно устарѣвшемъ, непригодномъ для нынѣшней системы, оставшемся отъ прежней системы, выходившей изъ принципа, что внѣ оффиціальности нѣтъ ничего. При томъ взглядѣ, конечно, ничто не могло быть сказано публично, не бывъ оффиціально одобрено, или не требуя немедленнаго оффиціальнаго опроверженія, уничтоженія и наказанія. Мысль, что правительство непремѣнно должно замѣтить каждую „неумѣстную выходку" и отозваться на нее мѣропріятіемъ, уцѣлѣла какъ остатокъ отъ той системы, и пока она остается въ силѣ, до тѣхъ поръ и обществу „неумѣстная выходка" кажется смѣлостью, наступленіемъ на права правительства. Но гораздо сообразнѣе съ достоинствомъ власти не обращать на „неумѣстныя выходки" вниманія и не считать себя призванною разбирать, взвѣшивать и карать каждую изъ нихъ, пока онѣ не подходятъ прямо подъ законъ объ оскорбленіи, то-есть не подлежатъ суду. Излишняя обидчивость вовсе не требуется достоинствомъ. Если допустить, что всякая „неумѣстная выходка" должна вредить авторитету правительства, то въ какомъ же пренебреженіи долженъ быть авторитетъ тѣхъ правительствъ, которыхъ члены безпрестанно выступаютъ на арену гласности своими рѣчами? Мы видимъ, однако, что наименѣе излишествъ въ выраженіяхъ позволяетъ себѣ именно печать въ Англіи, гдѣ правительство вовсе не обращаетъ вниманія на „выходки", пока онѣ не подпадаютъ дѣйствію акта о „злословіи".

Въ высшей степени желательно, чтобы ожидаемымъ преобразованіемъ законовъ о печати воспользовались именно для устраненія такихъ и тому подобныхъ недоразумѣній; желательно, чтобы въ основаніе его легла та же самая мудрая мысль, которая положена въ основу всѣхъ другихъ преобразованій нашего времени: довѣріе къ обществу, желаніе слышать его говоръ и знать правду. Кто думаетъ, что наше общество не заслуживаетъ довѣрія, и что правительство вовсе не желаетъ слышать общественнаго голоса и знать правду,—тотъ самъ грѣшитъ и противъ общества, а еще болѣе противъ правительства. Но если на что долженъ обратить особое вниманіе новый законъ о печати, то именно на состояніе нашей провинціальной прессы, если только такъ можно называть печатную бумагу нашихъ провинцій. Нынѣш-

нимъ лѣтомъ, въ „Koelnische Zeitung" была посвящена цѣлая статья русской печати. Нѣмецкій публицистъ съ удивленіемъ говоритъ о небываломъ явленіи, когда два города въ цѣлой странѣ импонируютъ надъ общественнымъ мнѣніемъ всей страны, пользуясь привилегіею обходиться безъ предварительной цензуры. Случается даже, что губернская цензура запрещаетъ перепечатывать то, что является въ столичной печати. Выше читатели видѣли въ статьѣ: „Десять лѣтъ реформъ", доводы, почему новое Городовое Положеніе требуетъ необходимо перемѣны такого порядка вещей въ провинціальной печати. Изъ всѣхъ централизацій самая вредная — централизація въ интеллигенціи, а именно къ этому и ведетъ исключительное господство столичной прессы.

Скоро уже годъ какъ состоялось повелѣніе, возлагавшее на военное министерство составленіе проекта о преобразованіи арміи. Преобразованіе это должно заключаться въ новыхъ условіяхъ призыва къ военной службѣ и въ учрежденіи запасныхъ войскъ съ ополченіями. Для исполненія этой двойной задачи были образованы двѣ коммиссіи. Изъ отчета, напечатаннаго въ „Русскомъ Инвалидѣ" видно, что коммиссіи эти въ первую свою сессію далеко еще не рѣшили всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Въ числѣ еще неразсмотрѣнныхъ ими вопросовъ находятся весьма существенные, какъ-то: о системѣ призывовъ, о льготахъ и изъятіяхъ, о вольноопредѣляющихся и о военной замѣнѣ. Но въ числѣ вопросовъ разсмотрѣнныхъ коммиссіями заключается основной вопросъ реформы, именно *о срокахъ* военной службы.

Изъ 56 лицъ, присутствовавшихъ въ двухъ засѣданіяхъ коммиссій, посвященныхъ рѣшенію этого вопроса, по отзыву оффиціальнаго органа, 18, въ томъ числѣ 6 членовъ и 12 приглашенныхъ, высказались въ пользу наименьшаго изъ предложенныхъ сроковъ, то-есть 12-ти лѣтъ общей службы при 4-хъ годахъ дѣйствительной службы; 11 лицъ, въ числѣ которыхъ 7 членовъ и 4 приглашенныхъ, высказались за 15-ти лѣтній общій срокъ, при 5-ти годахъ дѣйствительной службы; наконецъ, предсѣдатель, 20 членовъ и 6 приглашенныхъ высказались въ пользу опредѣленія полнаго срока въ 15 лѣтъ, а срока дѣйствительной службы—въ 6 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы разсчетъ ежегоднаго количества дѣлался по 5-тилѣтнему сроку и чтобы люди, оказавшіеся излишними противъ штатовъ мирнаго времени, были увольняемы во временной отпускъ по прослуженіи не менѣе $4^1/_2$ лѣтъ. Для службы же въ мѣстностяхъ отдаленныхъ, то-есть въ Туркестанскомъ краѣ и на крайнемъ востокѣ Сибири принятъ срокъ дѣйствительной службы еще болѣе продолжительный, именно 7 лѣтъ, съ сокращеніемъ за то полнаго срока службы до 9-ти лѣтъ. Вопросъ же о срокахъ службы во флотѣ переданъ на разсмотрѣніе въ морское вѣдомство.

Таково рѣшеніе „большинства“ и рѣшенію этому, повидимому, придается значеніе окончательнаго рѣшенія, по крайней мѣрѣ насколько оно можетъ быть постановлено коммиссіями; въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что та коммиссія, которая составляетъ проектъ о запасныхъ войскахъ, приступила уже къ своей работѣ именно вслѣдъ за рѣшеніемъ о 6-ти лѣтнемъ срокѣ, на этомъ основаніи. Мы не можемъ не выразить сожалѣніе, что срокъ принятъ столь долгій, потому что аргументы, побудившіе къ тому коммиссію, убѣдительными намъ вовсе не кажутся; не можемъ и не выразить надежды, что при возобновленіи засѣданій соединенной коммиссіи, предполагавшемся въ сентябрѣ, возможенъ еще пересмотръ того рѣшенія въ смыслѣ сокращенія срока, потому что и въ самыхъ коммиссіяхъ долгій срокъ далеко не нашелъ единодушнаго сочувствія.

Изъ аргументовъ, мотивировавшихъ первоначальное принятіе его, представляетъ вѣсъ только одинъ, именно тотъ, что всѣ предположенія по этому предмету не основаны на фактахъ нашей собственной практики и что, поэтому, полезно будетъ современемъ сократить срокъ, если онъ окажется слишкомъ продолжительнымъ, чѣмъ вновь продлить срокъ, который оказался бы слишкомъ короткимъ. Это справедливо. Но вѣдь на такомъ основаніи слѣдовало бы просто сохранять statum quo: не дѣлать нововведеній, потому что они *у насъ* не испробованы, а испробовать ихъ такимъ образомъ никогда бы не пришлось. Если у насъ предпринято преобразованіе арміи на принципѣ краткосрочности потому, что въ Пруссіи этотъ принципъ на дѣлѣ испробованъ и произвелъ блестящіе результаты, то стало быть факты, замѣчаемые нами въ Пруссіи, мы уже признали убѣдительными и представляющими для насъ самихъ достаточный *опытъ*. Иначе, и самого вопроса существовать не должно. Требованіе благоразумной осторожности при подражаніи совершенно достаточно соблюдется, если мы къ прусскому 3-хълѣтнему сроку прибавимъ 1 годъ, примемъ 4-хълѣтній срокъ дѣйствительной службы. Если же мы, подражая прусской краткосрочности, установимъ у себя съ этой цѣлью срокъ вдвое продолжительнѣе прусскаго, то это очевидно будетъ вовсе не подражаніе съ осторожностью, а просто полумѣра, искаженіе всей реформы нерѣшительностью.

Всѣ же остальные мотивы, допущенные „большинствомъ“, не выдержатъ критики при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи. Въ числѣ ихъ *могъ бы быть* высказанъ такой: въ инструкціяхъ данныхъ коммиссіи упоминалось о срокѣ дѣйствительной службы въ *семь* лѣтъ; если мы сократимъ его на годъ, не будетъ ли это достаточно; не слишкомъ ли „рѣшительно“ было бы отступить отъ него на три, или хотя бы на два года? Вотъ этотъ аргументъ могъ бы подѣйствовать. Но былъ ли онъ высказанъ, мы не знаемъ. Что касается тѣхъ, которые намъ

извѣстны, то едвали и само „большинство“ въ самомъ дѣлѣ глубоко убѣдилось ими.

Переберемъ кратко всѣ эти возраженія противъ дѣйствительной краткосрочности. Говорятъ, полное образованіе нашихъ пѣхотныхъ солдатъ требуетъ „по крайней мѣрѣ“ пяти лагерныхъ сборовъ, т.-е. $4^1/_2$ лѣтъ. Но, во-первыхъ, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что сроки дѣйствительной службы должны быть 6-ть лѣтъ, то-есть еще полтора года дольше. Во-вторыхъ, слова „по крайней мѣрѣ“ выдаютъ мысль, которая здѣсь лежитъ въ основаніи. „По крайней мѣрѣ“ пяти лагерныхъ сборовъ, стало быть, „по настоящему“ не пять, а можетъ быть десять. Иными словами, это не есть какой-либо спеціальный, доселѣ непредвидѣнный и вновь заявленный доводъ, а просто тотъ же старинный аргументъ противъ самаго принципа краткосрочности. Онъ основанъ на томъ убѣжденіи, что хотя изъ нѣмца, какъ доказали факты, въ три года можно сдѣлать солдата превосходнаго, но изъ русскаго нельзя сдѣлать и порядочнаго солдата ранѣе шести лѣтъ. Положительно разубѣдить въ этомъ тѣхъ, кто въ этомъ убѣжденъ, не легко, потому именно, что это есть убѣжденіе инстинктивное. Еслибы намъ сказали, что таковъ единогласный отзывъ спеціалистовъ военнаго дѣла, то слѣдовало бы предполагать въ немъ и нѣчто болѣе инстинкта, а именно плодъ опыта. Но мы видимъ, что рядомъ съ 20-ю спеціалистами-членами, требующими 6-тилѣтняго срока, 13 такихъ же спеціалистовъ-членовъ требуютъ 5-ти и даже 4-хлѣтняго срока. Стало быть, зная вполнѣ природу русскаго новобранца, а также условія образованія солдатъ, можно имѣть убѣжденіе, что изъ русскаго выйдетъ хорошій солдатъ и при 4-хъ или 5-тилѣтнемъ срокѣ. Положимъ, русскій развитъ менѣе нѣмца. Но надо же полагать, онъ развитъ не менѣе турка, албанца и араба. А для образованія солдата въ турецкомъ регулярномъ войскѣ европейскими офицерами признанъ достаточнымъ 5-тилѣтній срокъ дѣйствительной службы. Именно потому, что у насъ нѣтъ готовыхъ своихъ фактовъ для рѣшенія вопроса, какъ находило большинство, намъ и не слѣдуетъ рѣшить вопроса на основаніи своихъ *придуманныхъ* фактовъ. Именно потому, что мы подражаемъ иностранному примѣру вслѣдствіе фактовъ, обнаружившихся заграницею, мы должны руководствоваться этими заграничными фактами, а не дѣлать произвольно то же, да только иначе, такъ, чтобъ вышло вовсе не то. Въ прусской арміи срокъ дѣйствительной службы три года, но русскій менѣе развитъ чѣмъ нѣмецъ; въ турецкой арміи срокъ пять лѣтъ, но русскій болѣе развитъ чѣмъ татаринъ или арабъ. Вотъ четырехлѣтній срокъ и выходитъ съ достаточной убѣдительностью. Увеличить его до 5-ти лѣтъ — это уже осторожность крайняя; а увеличить его до 6-ти лѣтъ — это уже неосторожность, то-

есть искаженіе системы по догадкамъ произвольнымъ, ни на чемъ неоснованнымъ.

Пойдемъ далѣе. Говорятъ, что для „полнаго образованія кавалеристовъ, конно-артиллеристовъ, музыкантовъ, фельдшеровъ и т. п." нужно опять „по крайней мѣрѣ" 6 лѣтъ; а стало быть, если принять для пѣхоты хотя бы 5-тилѣтній срокъ, то для исчисленныхъ специальныхъ частей нужно установить срокъ особый, болѣе продолжительный, а это неудобно; лучше для всѣхъ одинъ общій срокъ. Это разсужденіе въ цѣломъ своемъ составѣ нуждается въ пересмотрѣ. Во-первыхъ, почему же неудобно для специальныхъ войскъ положить срокъ дѣйствительной службы годомъ больше, съ сокращеніемъ за то на три года срока состоянія въ резервѣ, когда для войскъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ допускается же срокъ дѣйствительной службы въ 9 лѣтъ; стало быть однообразія сроковъ все-таки нѣтъ, и относительно дальныхъ мѣстностей допускается на цѣлыхъ три года то самое различіе, которое относительно службы въ арміи вообще признано „неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ", безъ ближайшаго, впрочемъ, поясненія.

Во-вторыхъ, почему для кавалериста нужно „по крайней мѣрѣ" 6 лѣтъ? Кто изъ учившихся верховой ѣздѣ учился ей втеченіи шести лѣтъ, каждый день въ году? Кѣмъ доказано, что для удовлетворительной ѣзды верхомъ необходимо посвятить ея изученію утренніе часы не менѣе 2,190 разъ? быть можетъ, такое число уроковъ требуется для цирка, но едвали это необходимо для кавалеріи; по крайней мѣрѣ извѣстно, что прусскіе „уланы", которыхъ примѣръ можно счесть достаточно доказательнымъ, совершенно удовлетворительно выучиваются своему дѣлу въ четыре года дѣйствительной службы и затѣмъ уже освобождаются отъ службы въ ландверѣ.

Что касается музыкантовъ и фельдшеровъ, то хотя и нетрудно согласиться, что для „полнаго образованія ихъ", о которомъ сказано въ отчетѣ, и шести лѣтъ не будетъ слишкомъ много, но едвали вопросъ о томъ, сколько нужно лѣтъ для полнаго музыкальнаго образованія можетъ имѣть существенное вліяніе на опредѣленіе срока службы всей арміи. Музыкантовъ и фельдшеровъ, точно такъ какъ и унтеръ-офицеровъ можно удерживать въ службѣ долѣе срока, дарованіемъ имъ преимуществъ, а никакъ не обязательно. Необходимо помнить и соблюдать слѣдующее различіе: армія, имѣющая характеръ профессіональный въ цѣломъ своемъ составѣ, можетъ не удовлетворять своей цѣли; но офицерское, а отчасти унтеръ-офицерское сословіе и сословіе не-боевыхъ чиновъ непремѣнно должны имѣть профессіональный характеръ; насильно удерживаемый на службѣ офицеръ, унтеръ-офицеръ и фельдшеръ не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, потому что для успѣшнаго отправленія этихъ должностей болѣе всего

нужны именно охота и опытность, то-есть два свойства, которыя и присущи только профессіональности. И въ Пруссіи сословіе офицеровъ въ дѣйствующей арміи имѣетъ совершенно профессіональный характеръ, отчасти даже характеръ профессіи наслѣдственной. Если, какъ сказано въ отчетѣ, опытъ доселѣ не удостовѣрилъ возможности удержанія на службѣ достаточнаго числа унтеръ-офицеровъ посредствомъ предоставленія имъ преимуществъ, то это доказываетъ только, что данныя преимущества были слишкомъ малы. Если эти преимущества останутся такими, что унтеръ-офицеры будутъ предпочитать имъ должность швейцаровъ и лакеевъ, какъ то бывало доселѣ, то, конечно, и впредь опытъ не доставитъ иного удостовѣренія.

Возьмемъ въ примѣръ фейерверкеровъ въ артиллеріи. Отъ ихъ качествъ зависитъ все достоинство дѣйствія артиллеріи. И нѣтъ сомнѣнія, что предоставленіемъ хорошаго жалованья и пенсіи можно бы образовать сословіе превосходныхъ опытныхъ фейерверкеровъ, что̀ было бы выгодно даже и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ учебная стрѣльба обходится, по нынѣшней стоимости зарядовъ, крайне дорого, если ее производить въ такихъ размѣрахъ, чтобъ хотя бы каждыя шесть лѣтъ можно было перемѣнять сполна всѣхъ фейерверкеровъ, замѣняя ихъ достаточно обученными. Образовать сословіе такихъ людей, на которыхъ можно было бы всегда разсчитывать при формированіи новыхъ частей, содержа ли этихъ людей въ двойномъ комплектѣ, или частью на полужалованьѣ, съ обязательствомъ явиться во всякое время, было бы не трудно, тѣмъ болѣе, что служба на войнѣ въ артиллеріи изъ всѣхъ родовъ оружія представляетъ и наименѣе опасности. А именно, по результатамъ прусско-австрійской войны 1866-го года, число убитыхъ въ артиллеріи составляло около 2 на тысячу чел. состава, между тѣмъ какъ кавалерія потеряла 5, а пѣхота 11 изъ 1000. При обстановкѣ выгодными матеріальными условіями, эта профессія могла бы быть удержана весьма значительнымъ числомъ опытныхъ, превосходно обученныхъ людей.

Во всякомъ случаѣ изъ-за унтеръ-офицеровъ, а въ особенности изъ-за музыкантовъ нераціонально продлить, сверхъ надобности, срокъ дѣйствительной службы огромнаго большинства людей.

Итакъ, аргументы, усвоенные большинствомъ, высказавшимся за 6-тилѣтній срокъ, не довольно сильны, чтобы можно было рѣшеніе это считать окончательнымъ. Но, сверхъ того, для усвоенія ему характера окончательности не достаточно сильно и само „большинство", то-есть численный перевѣсъ присутствовавшихъ. Изъ отчета мы видѣли, что за 6-тилѣтній срокъ высказались изъ 56 лицъ 27; не знаемъ, причтенъ ли здѣсь къ предполагаемому меньшинству тотъ членъ коммиссіи, который уже послѣ составленія журнала объявилъ, что голосъ его былъ по ошибкѣ причтенъ къ числу вотировавшихъ за 6-тилѣтній срокъ.

Но какъ бы то ни было, число 27 изъ 56-ти совсѣмъ даже и не составляетъ большинства. Можно только сказать, что за 6-тилѣтній срокъ высказалось бо́льшее число, чѣмъ за 4-хълѣтній (18) и 5-тилѣтній (11). Но все-таки, считая этихъ послѣднихъ вмѣстѣ, можно сказать, что безусловное большинство было на сторонѣ сроковъ болѣе краткихъ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что лица, подавшія голосъ за 4-хлѣтній срокъ, предпочли бы срокъ 5-тилѣтній 6-тилѣтнему, а стало быть на сторонѣ пятилѣтняго срока можно считать 29 голосовъ противъ 27, поданныхъ за срокъ шестилѣтній.

Считая рѣшеніе о срокахъ неокончательнымъ, мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи крайне продолжительнаго срока, назначеннаго для службы въ мѣстностяхъ отдаленныхъ. Замѣтимъ только, что въ мотивахъ, послужившихъ къ предпочтенію такого срока, господствуетъ нѣкоторая неясность. Долгій срокъ службы въ отдаленныхъ мѣстностяхъ рекомендуется, во-первыхъ, по малонаселенности тѣхъ мѣстностей, въ видахъ экономической пользы мѣстнаго населенія; во-вторыхъ, тѣмъ, что при короткихъ срокахъ службы люди, назначаемые въ отдаленныя мѣстности, не успѣвали бы освоиться съ климатомъ. Но если предполагается, что въ отдаленныя мѣстности будутъ назначаться на службу люди изъ иного климата, то какимъ же образомъ краткосрочность ихъ службы можетъ повліять на экономическій бытъ мѣстнаго населенія? А если въ отдаленныхъ мѣстностяхъ служить будутъ преимущественно люди тамошніе же уроженцы, то имъ, очевидно, нѣтъ нужды пріучаться къ климату, въ которомъ они родились. Послѣднимъ аргументомъ выставляется еще соображеніе, что „войска служатъ обыкновенно источникомъ колонизацій." Но эта мысль слишкомъ напоминаетъ принципъ военныхъ поселеній, и едвали коммиссіямъ военнаго вѣдомства подлежитъ забота о колонизаціи отдаленныхъ мѣстностей, которая только тогда бываетъ успѣшна, когда она вызвана естественными условіями.

Мы уже сказали, что вопросы о системѣ призывовъ, о льготахъ и изъятіяхъ, о вольноопредѣляющихся и о военной замѣнѣ еще не разсмотрѣны коммиссіями. Первый изъ этихъ вопросовъ, впрочемъ, уже былъ разсматриваемъ, но возникло разногласіе, вслѣдствіе котораго признано необходимымъ сперва собрать полныя свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ взрослыхъ братьевъ въ крестьянскомъ быту можно принимать за одну семью, то-есть живутъ ли у насъ въ крестьянскомъ быту взрослые сыновья преимущественно въ одной семьѣ, или раздѣляются и расходятся. На этотъ вопросъ едвали найдутъ сколько-нибудь точный статистическій отвѣтъ. Но мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ необходимо было и ставить этотъ вопросъ для разрѣшенія вопроса о призывахъ по разрядамъ, то-есть по числу наличныхъ работниковъ въ семьѣ. Вѣдь призывные списки составляются, по проекту,

въ волостяхъ, а въ каждой волости извѣстно, въ какой семьѣ сколько братьевъ находится на лицо и которые живутъ отдѣльно. Сомнѣнія рѣшатся здѣсь сами собою въ каждомъ частномъ случаѣ. Въ общемъ же принципѣ необходимо допустить систему призыва по разрядамъ, такъ, чтобы сперва призывались къ службѣ молодые люди бездомные и имѣющіе нѣсколькихъ взрослыхъ братьевъ; за тѣмъ, при недостаткѣ этого разряда для пополненія контингента — молодые люди семействъ менѣе обильныхъ взрослыми работниками, по степенямъ, такъ чтобы единственные сыновья въ семьяхъ составляли уже послѣдній разрядъ. Необходимо это потому, что призывать на службу придется даже и при 4-хлѣтнемъ срокѣ все - таки не болѣе одной трети всего числа молодыхъ людей, достигающихъ 21-лѣтняго возраста, а именно 200 т. изъ 650-ти тысячъ. Чѣмъ допускать пагубное начало жребія во всемъ итогѣ 650-ти тысячъ человѣкъ, при чемъ въ одной семьѣ пятеро освободятся отъ службы, а въ другой въ службу будетъ взятъ самъ хозяинъ, или единственный кормилецъ семьи, — чѣмъ допускать эту ломку условій быта по волѣ слѣпого случая, — гораздо раціональнѣе установить именно призывъ по разрядамъ для охраненія наиболѣе цѣнныхъ экономическихъ силъ страны. Непонятно даже, какъ можетъ въ этомъ отношеніи быть какое-либо сомнѣніе.

Такъ какъ засѣданія коммиссій, въ настоящее время, вѣроятно уже возобновились и посвящаются вопросу объ изъятіяхъ и льготахъ, то нелишне будетъ указать на все сказанное нами уже по этому поводу въ майской книгѣ нынѣшняго года. Необходимо допустить полное изъятіе отъ воинской повинности для получившихъ высшее образованіе и для учителей народныхъ школъ, пока они состоятъ въ этой должности, какъ то для послѣднихъ установлено закономъ 26-го ноября 1870. Оканчивающихъ ежегодно высшее образованіе въ Россіи всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Насколько призывъ ихъ къ военной службѣ можетъ усилить 750-титысячный мирный составъ русской арміи? Насколько могутъ какихъ-нибудь 400—500 человѣкъ повліять на умственный уровень 200-тысячнаго контингента? Образованность прусской арміи основана не на кандидатахъ университетовъ, а на грамотности всей массы, то-есть основана на народной школѣ. А между тѣмъ, для самихъ молодыхъ людей, готовящихся къ высшему образованію, перерывъ умственной работы хотя бы на годъ и перенесеніе въ совсѣмъ иную сферу, будетъ такъ чувствительно,—что половина изъ нихъ могутъ затѣмъ такъ и бросить учиться. Прусская система установилась при условіяхъ совершенно противоположныхъ нашимъ: при малочисленномъ населеніи и сравнительной многочисленности людей съ высшимъ образованіемъ. У насъ же населеніе такъ велико, что даже изъ людей одного только возраста возможно привлекать на службу не болѣе четверти

или трети, а людей съ высшимъ образованіемъ у насъ все еще число относительно ничтожное. Итакъ, перенимая изъ прусской системы ея принципъ общеобязательности, мы прежде всего должны помнить, въ чемъ состоитъ существенная разница условій, и затѣмъ необходимо должны принять мѣры къ охраненію образовательныхъ силъ въ странѣ, не принося ихъ въ жертву излишней причудѣ безусловнаго подражанія.

Въ виду важности предполагаемаго военнаго преобразованія и необходимости обсужденія всѣхъ сторонъ столь обширной реформы, никто не будетъ жаловаться на медленность тщательной выработки ея проекта. Поспѣшность въ такомъ дѣлѣ была бы всего хуже. Но не всѣ преобразованія у насъ совершаются по смыслу народнаго выраженія: семь разъ отмѣрь, да одинъ разъ отрѣжь! Нѣкоторыя реформы выработываются гораздо быстрѣе, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна была та реформа въ среднемъ образованіи, которая главной цѣлью имѣла утвержденіе всего курса гимназій на изученіи древнихъ языковъ. Военное вѣдомство нашло нужнымъ пригласить въ свою коммиссію о военномъ вопросѣ представителей отъ другихъ вѣдомствъ; оно, повидимому, полагало, что въ рѣшеніи вопроса о преобразованіи военной службы можно ожидать пользы отъ совѣтовъ дѣльныхъ и опытныхъ лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ арміи, а именно—„штатскихъ". Отчетъ о занятіяхъ своей коммиссіи военное вѣдомство опубликовало со всѣми подробностями, когда самый вопросъ еще далеко не рѣшенъ; должно быть, оно хотѣло дать высказаться общественному мнѣнію, ожидая, не безъ основанія, конечно, что содѣйствіе такого мнѣнія можетъ быть полезно въ разработкѣ даже спеціальныхъ административныхъ вопросовъ. Вотъ почему военное вѣдомство еще во время обсужденія вопроса обратилось съ отчетомъ къ общественному мнѣнію, несмотря на то, что и мнѣніе это—„штатское", какъ тѣ сотрудники, которыхъ призвало себѣ это вѣдомство на помощь. Однимъ словомъ, военное министерство вовсе не дѣйствовало, какъ говорится, „по военному".

Министерство народнаго просвѣщенія, при разработкѣ важной реформы, измѣняющей характеръ умственнаго образованія страны, какъ извѣстно, поступило совсѣмъ иначе, и если позволено такъ выразиться—болѣе „по военному", чѣмъ дѣйствуетъ само военное министерство. Его проекты разработаны были имъ однимъ, и въ посторонней помощи оно не нуждалось: представителей отъ другихъ, хотя бы тоже учебныхъ вѣдомствъ оно не звало, на разсмотрѣніе общества оно своихъ проектовъ не посылало, да и въ самомъ себѣ нашло возможнымъ ограничиться совѣтами собственныхъ чиновниковъ, такъ что вопросъ учебный и разрѣшился безъ участія именно ученаго сословія.

Такое движеніе учебной реформы могло имѣть свои невыгоды, но

несомнѣнно представляло и выгоду, а именно—замѣчательную быстроту рѣшенія. Въ какомъ вопросѣ поспѣшность была менѣе нужна: въ усиленіи ли преподаванія въ Россіи древнихъ языковъ или въ лучшемъ устройствѣ ея арміи—объ этомъ мы судить не будемъ; тѣмъ болѣе, что учебный вопросъ уже рѣшенъ окончательно, хотя и вполовину только противъ всей совокупности предположеній министерства народнаго просвѣщенія. О быстротѣ рѣшенія мы упомянули только въ виду новыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что и въ исполненіи преобразованія гимназій преобладающею чертою остается таже изумительная быстрота и почти военная распорядительность, какими запечатлѣлись самая концепція мысли и полная ея обработка.

Изъ двухъ проектовъ министерства, относившихся къ преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній, одинъ, посвященный учрежденію профессіональныхъ училищъ, какъ извѣстно, утвержденъ не былъ, и предположенія министерства въ этомъ отношеніи будутъ вновь разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ втеченіи нынѣшней сессіи. Для рѣшенія вопроса о реальныхъ училищахъ весьма важно справиться съ тѣмъ, что такое есть реальное училище въ истинномъ современномъ его развитіи въ Европѣ, а преимущественно въ Пруссіи, и затѣмъ сравнить предполагаемыя министерствомъ профессіональныя школы съ образованіемъ реальнаго училища, какъ оно есть тамъ, гдѣ оно въ самомъ дѣлѣ получило огромное значеніе и приноситъ несомнѣнную пользу. Такая справка и такое сравненіе тѣмъ нужнѣе, что по странному отсутствію аналогіи, предположенія министерства для устройства у насъ классическихъ гимназій постоянно принимали за образецъ классическую гимназію въ Германіи, а для устройства у насъ училищъ реальныхъ именно примѣръ и образецъ Германіи оставляли въ сторонѣ. Но устройства реальныхъ училищъ въ Германіи мы касаться теперь не будемъ: ему посвящена у насъ выше отдѣльная статья [1]).

---

[1]) Замѣтимъ при этомъ мимоходомъ, что недавно опубликованная «Выписка изъ журнала общаго собранія государственнаго совѣта 15-го мая 1871 по проектамъ» о новыхъ уставахъ гимназій, представляется намъ въ своемъ самомъ капитальномъ мѣстѣ не совсѣмъ ясною:

На одной страницѣ сказано: «Государственный совѣтъ нашелъ, что во *всѣхъ* государствахъ Европы только гимназіи, основными предметами коихъ служатъ оба древніе языка и математика, признаются приготовительными къ университетамъ учебными заведеніями... и только даваемое ими образованіе признается пригоднымъ для приготовленія къ поступленію въ университетъ.

На слѣдующей же страницѣ говорится: «Министръ народнаго просвѣщенія (въ Пруссіи) циркуляромъ отъ 7-го декабря 1870-го г. разрѣшилъ допускать окончившихъ курсъ въ реальныхъ училищахъ къ слушанію лекцій по философскому факультету», и т. д. Итакъ, не во всѣхъ государствахъ Европы только гимназіи приготовляютъ къ университету, какъ то утверждается выше. Притомъ не въ одной Пруссіи такой порядокъ: высочайшимъ повелѣніемъ отъ 19-го декабря 1859-го г. такимъ же правомъ на университетъ пользуется у насъ самихъ рижская реальная гимназія.

Другой же проектъ министерства, то-есть реформа гимназій въ смыслѣ усиленія классицизма, какъ извѣстно, прошелъ; онъ то и приводится нынѣ въ исполненіе съ той быстротою, которая не имѣетъ себѣ примѣра. Измѣненія и дополненія въ уставѣ гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864-го года, въ смыслѣ усиленія обученія древнимъ языкамъ, были утверждены 19-го прошлаго іюня; тогда же предоставлено министерству внесть на утвержденіе новый, согласованный съ этими основаніями, текстъ устава гимназій и прогимназій. Новый уставъ уже 30-го іюля удостоился утвержденія, и 29-го августа опубликованъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". А въ настоящее время мы уже имѣемъ текстъ предложенія министерства народнаго просвѣщенія попечителямъ округовъ, которымъ требуется, чтобы всѣ предписанія новаго устава относительно учебной части гимназій и прогимназій, т.-е. числа недѣльныхъ уроковъ, были приведены въ исполненіе „съ самаго начала настоящаго 1871—72 учебнаго года". Тѣмъ же предписаніемъ опредѣляется уже для ближайшаго выпускного экзамена особливая требовательность, въ силу измѣнившейся системы обученія; сверхъ того, уже и на вступительныхъ экзаменахъ въ гимназіяхъ нынѣшнею осенью примѣнена особая строгость.

Во всемъ этомъ быстрота и распорядительность не подлежатъ никакому сомнѣнію. Болѣе сомнительнымъ представляется ожиданіе, чтобы въ одну только силу введенія новаго устава успѣхи учениковъ были равно быстры, и чтобы въ первомъ выпускномъ классѣ ученики, проведя по шести лѣтъ подъ дѣйствіемъ прежняго устава, могли уже удовлетворять особливой требовательности. Что касается строгости пріемныхъ экзаменовъ, которую такъ расхваливаетъ нѣкто г. Д. въ „Моск. Вѣд.", то, само собою разумѣется, что дѣло обученія въ гимназіяхъ будетъ поставлено тѣмъ легче, чѣмъ бо́льшихъ предварительныхъ свѣдѣній будутъ требовать отъ поступающихъ въ гимназію. Напримѣръ, если бы отъ вступающихъ требовать знанія уже половины гимназическаго курса, то, конечно, дѣло обученія въ гимназіяхъ облегчилось бы наполовину. Иными словами, *поднять* уровень обученія въ гимназіяхъ будетъ тѣмъ легче, чѣмъ выше будетъ уровень знаній, пріобрѣтенный внѣ гимназій. Чѣмъ будутъ требовательнѣе при пріемѣ, тѣмъ легче покажутся намъ впослѣдствіи быстрые успѣхи гимназій. Только будутъ ли такіе успѣхи исключительно заслугою новаго устава, или они будутъ прежде всего заслугою бо́льшей требовательности?

Текстъ новаго устава гимназій, утвержденный 30-го іюля, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, такъ какъ тѣ измѣненія, которыя легли въ его основу, уже извѣстны. Мы обратимъ вниманіе только на редакцію параграфа 130-го. Въ немъ сказано: „только ученики, окончившіе курсъ ученія въ гимназіяхъ, или имѣющіе свидѣтельства о знаніи полнаго курса *сихъ гимназій*, могутъ поступать въ студенты университетовъ".

Изложеніе этого параграфа какъ-бы наводитъ на мысль, что гимназіи получатъ безусловную монополію приготовленія въ университетъ, такъ что, со стороны, молодымъ людямъ, получившимъ образованіе въ иныхъ заведеніяхъ или дома, хотя и съ превосходными знаніями по древнимъ языкамъ, доступъ въ университетъ будетъ закрытъ. Нѣтъ ничего легче, какъ осуществить такую монополію: для этого достаточно требовать отъ желающихъ получить свидѣтельства буквально знанія курса „сихъ гимназій", т.-е. требовать, чтобы они при отвѣтахъ употребляли тѣже термины, способъ и порядокъ изложенія, какіе приняты въ учебникахъ и запискахъ, употребляемыхъ въ гимназіяхъ, а иначе — немилосердно „рѣзать" ихъ, несмотря ни на какія знанія. Извѣстно, что въ числѣ педагоговъ можно найти немало людей, готовыхъ дѣйствовать безжалостно въ угоду извѣстной системѣ. Правда, смыслъ приведеннаго параграфа нѣсколько смягчается на практикѣ однимъ изъ указаній министерскаго предложенія, разосланнаго по округамъ. Изъ этого указанія мы узнаемъ, что не предполагается закрыть окончательно университетъ для всѣхъ, кто не прошелъ преобразованную гимназію: „молодые люди домашняго образованія — говорится въ циркулярѣ — должны быть подвергаемы окончательному въ гимназическомъ курсѣ испытанію совершенно наравнѣ съ гимназистами, съ тѣмъ однакоже различіемъ, что, по справедливости, слѣдуетъ принимать въ разсчетъ сравнительное неудобство ихъ положенія, происходящее отъ того, что имъ приходится экзаменоваться не у тѣхъ же учителей, у которыхъ они учились". Предостереженіе весьма гуманное; дается оно, конечно, не безъ основаній.

Министерское предложеніе попечителямъ округовъ вообще заслуживаетъ нѣсколько ближайшаго разсмотрѣнія. Оно касается какъ учебнаго плана, то-есть значенія исполняемыхъ измѣненій и распредѣленія уроковъ, такъ и нѣкоторыхъ способовъ и предметовъ педагогической дѣятельности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи циркуляръ указываетъ на нѣкоторыя раціональныя мѣры, заимствованныя изъ школьной практики въ Германіи и даетъ нѣсколько общихъ указаній столь безусловно вѣрныхъ, что надо только удивляться, какъ все еще оказывается необходимымъ давать такія указанія, или, иными словами, какъ туго улучшаются педагогическіе пріемы тамъ, гдѣ сословіе учителей въ вѣдомствѣ просвѣщенія имѣетъ менѣе самостоятельности, чѣмъ кто-либо. Но главная суть дѣла — въ разъясненіи смысла реформы и въ опредѣленіи учебнаго плана.

Сущность этой реформы нашимъ читателямъ извѣстна; главнымъ предметомъ и основою гимназическаго образованія дѣлаются два древнихъ языка. Мы не будемъ возвращаться и къ тому, что уже сказано нами о томъ, какими пожертвованіями въ другихъ предметахъ эту цѣль предположено достигнуть. Достаточно сказать, что въ циркулярѣ ми-

нистра преобладаніе древнихъ языковъ указывается, какъ прямая цѣль, и что циркуляръ всю свою заботливость посвящаетъ достиженію именно этой цѣли. Уроки исторіи, какъ извѣстно, уменьшаются, преподаваніе естественной исторіи въ низшихъ трехъ классахъ предписывается немедленно прекратить, изъ новѣйшихъ языковъ становится обязательнымъ по выбору только одинъ [1]), и притомъ ученики не только не обязываются учиться и французскому, и нѣмецкому языкамъ, но прямо узаконяется, уже циркуляромъ, а не уставомъ, вотъ что: „на будущее время тѣ, которые не оказываютъ успѣха въ обязательныхъ предметахъ (а таковы прежде всего древніе языки), *не должны быть допускаемы* къ изученію обоихъ новыхъ языковъ„. Вотъ новый пріемъ для „сосредоточенія“ учебныхъ занятій: кто не довольно успѣваетъ по-гречески, тому, какъ-бы въ наказаніе — *запретить учиться* (!) по-нѣмецки или по-французски. Мы отказываемся понимать эту мѣру, если только тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы утопить щуку въ прудѣ, въ видѣ ея наказанія.

О распредѣленіи преподаванія по другимъ предметамъ въ циркулярѣ тоже говорится, уже и потому, что необходимо указать, какимъ образомъ можетъ быть добытъ достаточный просторъ для усиленія преподаванія древнихъ языковъ. Впрочемъ, нѣсколько увеличивается число уроковъ математики, а на чистописаніе обращается даже особенное вниманіе попечителей.

„Особыя заботы окружныхъ начальствъ, директоровъ, инспекторовъ, преподавателей и надзирателей гимназій“, сказано въ циркулярѣ, „должны быть направлены къ обезпеченію возможно большей успѣшности преподаванія древнихъ языковъ, какъ основного предмета гимназическаго курса.... Въ этомъ отношеніи всѣ лица поставленныя въ ближайшее соприкосновеніе съ гимназіями, должны проникнуться убѣжденіемъ, что тѣ изъ сихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе древнихъ языковъ идетъ малоуспѣшно, вовсе не достигаютъ своей цѣли и не соотвѣтствуютъ своему назначенію“. Нельзя было яснѣе выразить убѣжденіе министерства, что назначеніе гимназій заключается именно въ обученіи греческому и латинскому языкамъ. Это и есть такъ-называемое „сосредоточеніе“, и въ другомъ мѣстѣ циркуляръ прямо называетъ такое сосредоточеніе на главныхъ предметахъ, то-есть на древнихъ языкахъ — достиженіемъ той цѣли, для которой гимназіи учреждены.

Однимъ словомъ, циркуляръ, самымъ положительнымъ образомъ, требуетъ исполненія на практикѣ той трудной задачи, чтобы образо-

---

[1]) Конечно, дѣти будутъ выбирать французскій языкъ, какъ легчайшій, и къ которому они болѣе подготовлены въ семьѣ. Такимъ образомъ, единовременно съ введеніемъ нынѣ нѣмецкаго языка во французскихъ школахъ, у насъ de facto прекращается обученіе нѣмецкому языку въ гимназіяхъ съ древними языками.

ваніе русскаго юношества сосредоточилось или замкнулось, главнымъ образомъ, въ изученіи древнихъ языковъ. А такъ какъ всему начальству гимназій дается понять, что въ этомъ именно главная цѣль, и что безъ достиженія ея, какъ бы отличны ни были успѣхи въ наукахъ, гимназіи вовсе не будутъ соотвѣтствовать своему назначенію, то понятно, что, при исполненіи, начальства зайдутъ еще далѣе циркуляра. Все это необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи проекта реальныхъ училищъ; необходимо помнить, что гимназіи положительно посвящены изученію древнихъ языковъ. Въ настоящее время трудно было бы ручаться, что эти начинанія министерства будутъ имѣть успѣхъ на дѣлѣ; но еслибы осуществилось на дѣлѣ все то, что предположено, то гимназіи, очевидно, стали бы спеціальными училищами древнихъ языковъ, обставленныхъ нѣкоторыми вспомогательными, но далеко не столь важными предметами, обученію которымъ, какъ мы видѣли, можно даже и совсѣмъ прекращать, въ случаѣ неуспѣховъ въ древнихъ языкахъ. Онѣ даже могутъ перестать быть училищами общеобразовательными потому, что общее образованіе для своей правильности предъявляетъ совсѣмъ иныя требованія: оно требуетъ вовсе не „сосредоточенія", а напротивъ — именно равновѣсія и всесторонности. Сосредоточеніе же и означаетъ спеціализацію; а крайнее сосредоточеніе обратило бы гимназіи именно въ спеціальныя греко-латинскія школы. Между тѣмъ обществу необходимо имѣть заведенія общеобразовательныя, такія, въ которыхъ весь кругъ человѣческихъ знаній не приносится въ жертву двумъ неупотребительнымъ языкамъ, и вотъ почему, чѣмъ успѣшнѣе мы предположимъ усилія вѣдомства народнаго просвѣщенія къ спеціализаціи гимназій, тѣмъ необходимѣе становится обезпечить за другими училищами, носящими названіе реальныхъ, характеръ заведеній *общеобразовательныхъ*; тѣмъ очевиднѣе становится невозможность согласиться на искаженіе ихъ въ школы чисто-прикладныя, профессіональныя, полуремесленныя.

Замѣчательно, что лица, которымъ поручено было составить циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, не скрываютъ отъ себя факта, что имъ приходится дѣйствовать наперекоръ общественному мнѣнію. Лица эти, навѣрное, гнушаются инсинуаціями „Моск. Вѣд.", будто все сопротивленіе усугубленію классицизма въ Россіи было дѣломъ какой-то „агитаціи", возбужденной будто бы вмѣстѣ и въ сферѣ законодательной (!), и въ сферѣ печати. Эти праздныя выдумки наивной злобы циркуляръ обращаетъ въ ничто слѣдующими словами: „было бы непозволительно скрывать отъ себя, что, въ настоящее время, у насъ весьма распространено, неимѣющее никакого разумнаго основанія, хотя и *нелишенное поводовъ*, предубѣжденіе противъ изученія древнихъ языковъ". Эти слова надо бы поправить въ томъ смыслѣ, что предубѣжденіе у насъ существуетъ не противъ „изученія древнихъ язы-

ковъ", а противъ принесенія имъ въ жертву всѣхъ остальныхъ предметовъ въ среднемъ образованіи. Но, послѣ приведеннаго удостовѣренія циркуляра, спрашивается, какая же еще нужна зловредная агитація и таинственная интрига для проведенія въ общество того мнѣнія, которое въ немъ „весьма распространено" и притомъ признается „нелишеннымъ поводовъ"? Слова циркуляра отдаютъ, такимъ образомъ, печати, несогласной съ проектами министерства, ту справедливость, что печать эта и въ настоящемъ случаѣ просто выражала распространенное мнѣніе русскаго общества и имѣла къ тому достаточные поводы.

Впрочемъ, циркуляръ, признавая фактъ, что у насъ „весьма распространено предубѣжденіе", видитъ въ этомъ фактѣ только поощреніе для министерства къ бо́льшему рвенію: „чѣмъ сильнѣйшее замѣчается предубѣжденіе противъ древнихъ языковъ, — сказано въ циркулярѣ,—тѣмъ болѣе начальство учебныхъ округовъ, директоры и т. д. обязаны въ интересахъ просвѣщенія, которое не можетъ не быть имъ до́рого, доказывать всѣми своими дѣйствіями и распоряженіями первенствующее значеніе древнихъ языковъ въ системѣ гимназическаго образованія". Но дѣйствія и распоряженія начальства и преподавателей могутъ доказывать только то, что̀ имъ дано доказывать. Они не могутъ доказывать превосходство одной системы обученія, когда другой системы вовсе не примѣняется. А вотъ, если у насъ рядомъ съ спеціально-классическими гимназіями будутъ учреждены общеобразовательныя реальныя училища, тогда каждая система получитъ возможность доказывать свое превосходство, и вотъ еще новое основаніе къ тому, чтобы реальнымъ училищамъ данъ былъ именно характеръ общеобразовательныхъ. Тогда общество получитъ черезъ нѣсколько лѣтъ возможность сравнить результаты и основать свое убѣжденіе на положительныхъ фактахъ. Но для этого необходимо, чтобы реальныя училища не были осуществлены въ видѣ профессіональныхъ, какъ-бы съ намѣреніемъ устранить всякую возможность невыгодныхъ для классической гимназіи сравненія и конкурренціи. Напротивъ, въ интересахъ общества именно и необходимо обезпечить себѣ возможность такой конкурренціи и такого сравненія.

Въ циркулярѣ министерства, какъ мы уже сказали, указывается и на нѣкоторые педагогическіе пріемы и способы, вполнѣ заслуживающіе одобренія. Таковы присвоеніе одному изъ учителей въ классѣ спеціальнаго значенія „класснаго наставника", введеніе въ латинское преподаваніе экстемпоралій и уменьшеніе формализма и буквоѣдства на выпускныхъ экзаменахъ. Относящіяся ко всѣмъ этимъ статьямъ соображенія проникнуты раціональнымъ и гуманнымъ духомъ, и изложены весьма убѣдительно. Они не составляютъ, впрочемъ, какого-либо новаго открытія, а заимствованы опять изъ школьныхъ уставовъ, нынѣ

дѣйствующихъ въ Пруссіи, откуда наше учебное начальство охотно заимствуетъ все, кромѣ значенія тамошнихъ реальныхъ училищъ. Какъ бы то ни было, но это значитъ, что многіе изъ учителей нашихъ гимназій, при отсутствіи у насъ серьезной самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ, которые одни могли бы успѣшно контролировать способы преподаванія и экзаменаціонные пріемы,—многіе учителя, говоримъ мы, весьма и весьма нуждаются въ томъ, чтобы самъ министръ напомнилъ имъ о необходимости раціональнаго и, прежде всего, гуманнаго отношенія къ дѣлу. Exempla et nomina odiosa sunt,—да, впрочемъ, примѣровъ извѣстно достаточно, и имена, если не учителей, то нѣкоторыхъ учениковъ всѣмъ памятны, чтобъ не считать излишнимъ со стороны министерства напоминаніе о необходимости гуманнаго отношенія къ дѣлу воспитанія и обученія. Весьма справедливо также предпочтеніе, какое циркуляръ предписываетъ отдавать на экзаменахъ письменнымъ упражненіямъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ преподаванія отечественнаго языка съ латинскимъ въ низшихъ классахъ есть также мысль, заимствованная изъ нѣмецкихъ школъ, но у насъ оно на первое время представитъ то неудобство, что такъ какъ за древніе языки начальство и учители примутся теперь съ всепоглощающимъ рвеніемъ, то русскій языкъ отъ такого соединенія проиграетъ еще болѣе; число уроковъ его уменьшено, да еще и поручается онъ латинскому учителю, отъ котораго циркуляръ при этомъ только и требуетъ „твердаго знанія элементарной русской грамматики, котораго нельзя не предположить (?) въ каждомъ учителѣ латинскаго языка". А именно это-то предположеніе и можетъ не вполнѣ оправдаться, если за недостаткомъ учителей латинскаго языка придется выписать нѣмцовъ и чеховъ, въ которыхъ можно предположить нетвердое знаніе даже и элементовъ русской грамматики.

Желая успѣха всему, чтó есть раціональнаго въ требованіяхъ циркуляра, мы должны еще разъ упомянуть съ сочувствіемъ тѣ предписанія его, которыми внушается учителямъ гуманное отношеніе къ ученикамъ: рекомендуется пріобрѣтать любовь и довѣріе послѣднихъ, сдѣлать такъ, чтобы ученики готовились къ экзаменамъ безъ тревоги и напряженія и шли на экзаменъ спокойно. Напомнить объ этомъ, повторяемъ, было необходимо, и прекрасно, что напоминаніе сдѣлано. Но желательно, чтобы и начальство не забывало слѣдующей истины, а именно, что гуманный характеръ дѣятельности учителей обусловливается не столько любовью и довѣріемъ къ нимъ со стороны учениковъ, сколько отношеніями самого начальства къ достоинству учителей. А въ этомъ отношеніи министерство, со введеніемъ новой, классической системы, станетъ иногда въ затруднительное положеніе: выборъ свѣдущихъ учителей древнихъ языковъ такъ не великъ, что поневолѣ придется иногда отложить въ сторону вопросъ о нравствен-

ныхъ качествахъ учителя. Придется набирать во множествѣ воспитанниковъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, которые собственнымъ воспитаніемъ менѣе всего пріучены, конечно, именно къ духу гуманности.

Но пусть учителя всѣ набраны превосходные; все-таки, гуманный характеръ школы, прежде всего, будетъ зависѣть отъ того, какъ само начальство будетъ относиться къ сословію учителей: будетъ ли оно само окружать учителей довѣріемъ, уваженіемъ, необходимымъ для ихъ авторитета среди малолѣтныхъ учениковъ; будетъ ли оно заботиться о серьезной самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ, необходимой для жизненности и успѣшности преподаванія? Со стороны дѣтей всегда можно ожидать готовности оказать учителямъ любовь и довѣріе. Но давно ли обезпечены учителямъ уваженіе и отсутствіе произвола со стороны начальства? Безъ этихъ же условій, никогда школа истинно-гуманною не станетъ. Она не станетъ гуманною, еслибы, избави Богъ, установилась когда-либо система произвола, придирчивости, выслушиванія навѣтовъ, взаимнаго передонесенія, или заподозриванія. При такихъ условіяхъ могли бы сдѣлаться всеобщими вовсе не гуманныя отношенія, а тотъ плачевный порядокъ, которому примѣръ представленъ корреспондентомъ „С.-Петерб. Вѣд.“ относительно немировской гимназіи за 1866-й годъ: „исключался невѣжа, некланявшійся по десяти разъ въ день при встрѣчѣ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ; исключался грубіянъ, стоящій въ шапкѣ, когда съ нимъ говорятъ тоже въ шапкѣ; исключался замѣченный съ папиросой или отрицавшій пользу короткой стрижки волосъ. Прибавьте къ этому исключеніе „по подозрѣнію“, и вы легко поймете быстрое пониженіе количества воспитанниковъ... Я пробылъ въ ней годъ и при мнѣ было исключено до полутораста человѣкъ“. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ „тревожное состояніе“ учениковъ можетъ быть не предъ экзаменами только, но нормальнымъ явленіемъ; во всякомъ случаѣ надо желать, чтобы для осуществленія въ нашихъ школахъ началъ гуманныхъ, сверху исходили не только указанія, но и примѣры, которые уяснили бы всѣмъ, педагогамъ и ученикамъ, что система подозрѣній, передонесеній и произвола осуждается высшимъ начальствомъ.

По поводу сдѣланнаго нами, въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній, отзыва объ учрежденіи княгинею Оболенскою женской реальной гимназіи, мы получили слѣдующее письмо:

М. Г. Въ 8-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1871-й годъ, во внутреннемъ обозрѣніи, обращено справедливое вниманіе на вновь возникшую частную женскую гимназію, учрежденную на средства княгини Оболенской.

„Сколько намъ извѣстно—говоритъ авторъ обозрѣнія—такой раціональный приступъ къ образованію впервые осуществляется у насъ въ этомъ училищѣ, что, вмѣстѣ съ безкорыстною цѣлью всего предпріятія, вызываетъ къ нему полнѣйшее сочувствіе".

Эти слова побуждаютъ меня, въ качествѣ отца и педагога, напомнить вамъ о другомъ частномъ учебномъ заведеніи, хорошо мнѣ извѣстномъ, такъ какъ въ немъ, уже въ продолженіи трехъ лѣтъ, учатся мои дочери. Я говорю о частной женской гимназіи госпожи Спѣшневой.

Въ этой гимназіи программа соотвѣтствуетъ программѣ мужскихъ реальныхъ гимназій, пріемы преподаванія и воспитанія вполнѣ раціональны, а управленіе учебною частію совершается съ помощью педагогическаго совѣта.

Гимназія вступаетъ въ 4-й годъ своего существованія и заключаетъ въ себѣ около 80 учениць.

Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, на основаніи сказаннаго, что иниціатива въ установленіи женскаго образованія на раціональныхъ основаніяхъ принадлежитъ у насъ вполнѣ госпожѣ Спѣшневой, а не кому другому. Названное лицо, жертвуя всѣми своими силами и всѣмъ своимъ состояніемъ для осуществленія возвышенной цѣли, заслуживаетъ, чтобы его дѣятельность была признана и оцѣнена по достоинству.

Полагаясь на ваше чувство справедливости, я надѣюсь, что вы не затруднитесь помѣстить это письмо въ ближайшемъ номерѣ „Вѣстника Европы".

Примите и пр.

А. Бекетовъ.

15-го сентября 1871 г.

Одновременно съ этимъ письмомъ мы получили подобное же заявленіе, за подписью преподавателей той же первой частной женской гимназіи, сообщающее при томъ еще нѣкоторыя подробности объ учебномъ заведеніи г-жи Спѣшневой:

„Еще въ январѣ 1869 года открыта и продолжаетъ развиваться первая частная женская гимназія; объемъ преподаванія въ ней мужскихъ реальныхъ гимназій; въ будущемъ предполагается открыть спеціальные классы для желающихъ. Гимназія поставила цѣлью не только сообщеніе ученицамъ знаній, но и пріученіе ихъ къ самостоятельному труду. Въ младшихъ классахъ преимущественное вниманіе обращается на преподаваніе русскаго языка, ариѳметики и геометріи; послѣдняя начинается съ перваго класса. Въ настоящее время открыты приготовительный и четыре общихъ класса; съ каждымъ годомъ прибавляется по одному классу; всѣхъ будетъ семь".

Охотно помѣщаемъ и ту и другую поправку, оставаясь, впрочемъ, при убѣжденіи, что главное достоинство учебнаго заведенія г-жи Спѣшневой основывается вовсе не на правѣ его первородства.

О ПОШЛИНАХЪ

ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ И ДРУГИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ *).

Мѣщанскіе промыслы.

6) Кромѣ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ заведеній, а также мастерскихъ, Положеніе 1865-го года облагаетъ еще всѣхъ мѣщанъ и цеховыхъ мужескаго пола, занимающихся ремеслами, безъ наемныхъ рабочихъ, съ помощью однихъ только членовъ своихъ семействъ; именно, они обязаны брать свидѣтельство на мѣщанскій промыселъ, стоющее 2 руб. 50 коп. въ годъ (ст. 46). Въ этомъ случаѣ облагается уже не оборотъ промышленнаго предпріятія и не предполагаемая прибыль отъ него, а личный трудъ, и при этомъ личный трудъ одного изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія, снискивающаго черезъ него свое дневное пропитаніе. Личный трудъ дѣйствительно приноситъ вознагражденіе, и иногда очень большое, и потому онъ можетъ служить предметомъ обложенія, но въ такомъ случаѣ этотъ налогъ долженъ падать, по возможности, соразмѣрно съ величиною получаемаго вознагражденія за него. Между тѣмъ, ни вознагражденіе служащихъ, какъ на государственной службѣ, такъ и въ частныхъ должностяхъ, ни литераторовъ, ни докторовъ, ни адвокатовъ, ни художниковъ, и т. д., не обложено у насъ никакимъ налогомъ, тогда какъ вознагражденіе этихъ лицъ достигаетъ нерѣдко громадныхъ размѣровъ. Первый, кажется, проектъ такого обложенія у насъ представляетъ очеркъ поразряднаго налога московскаго земства. Но если бы и былъ у насъ обложенъ личный трудъ, то и тогда обложеніе налогомъ вознагражденія личнаго труда мѣщанъ, цеховыхъ, поденщиковъ и т. п. бѣднѣйшихъ классовъ населенія, при работѣ ихъ въ своей квартирѣ или внѣ дома, можно было бы допустить только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ государственныхъ бѣдствій и опустѣнія государственнаго казначейства, такъ какъ этотъ налогъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, оспариваетъ кусокъ хлѣба у ничего неимущихъ семействъ, остающихся иногда по мѣсяцамъ безъ работы. Крестьянское населеніе, платящее подушную подать, обезпечено у насъ подушнымъ надѣломъ земли, горожане же не имѣютъ и этого

*) См. выше: сент. 406 стр.

„Сколько намъ извѣстно—говоритъ авторъ обозрѣнія—такой раціональный приступъ къ образованію впервые осуществляется у насъ въ этомъ училищѣ, что, вмѣстѣ съ безкорыстною цѣлью всего предпріятія, вызываетъ къ нему полнѣйшее сочувствіе".

Эти слова побуждаютъ меня, въ качествѣ отца и педагога, напомнить вамъ о другомъ частномъ учебномъ заведеніи, хорошо мнѣ извѣстномъ, такъ какъ въ немъ, уже въ продолженіи трехъ лѣтъ, учатся мои дочери. Я говорю о частной женской гимназіи госпожи Спѣшневой.

Въ этой гимназіи программа соотвѣтствуетъ программѣ мужскихъ реальныхъ гимназій, пріемы преподаванія и воспитанія вполнѣ раціональны, а управленіе учебною частію совершается съ помощью педагогическаго совѣта.

Гимназія вступаетъ въ 4-й годъ своего существованія и заключаетъ въ себѣ около 80 ученицъ.

Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, на основаніи сказаннаго, что инниціатива въ установленіи женскаго образованія на раціональныхъ основаніяхъ принадлежитъ у насъ вполнѣ госпожѣ Спѣшневой, а не кому другому. Названное лицо, жертвуя всѣми своими силами и всѣмъ своимъ состояніемъ для осуществленія возвышенной цѣли, заслуживаетъ, чтобы его дѣятельность была признана и оцѣнена по достоинству.

Полагаясь на ваше чувство справедливости, я надѣюсь, что вы не затрудните сь помѣстить это письмо въ ближайшемъ номерѣ „Вѣстника Европы".

Примите и пр.

А. Бекетовъ.

15-го сентября 1871 г.

Одновременно съ этимъ письмомъ мы получили подобное же заявленіе, за подписью преподавателей той же первой частной женской гимназіи, сообщающее при томъ еще нѣкоторыя подробности объ учебномъ заведеніи г-жи Спѣшневой:

„Еще въ январѣ 1869 года открыта и продолжаетъ развиваться первая частная женская гимназія; объемъ преподаванія въ ней мужскихъ реальныхъ гимназій; въ будущемъ предполагается открыть спеціальные классы для желающихъ. Гимназія поставила цѣлью не только сообщеніе ученицамъ знаній, но и пріученіе ихъ къ самостоятельному труду. Въ младшихъ классахъ преимущественное вниманіе обращается на преподаваніе русскаго языка, ариѳметики и геометріи; послѣдняя начинается съ перваго класса. Въ настоящее время открыты приготовительный и четыре общихъ класса; съ каждымъ годомъ прибавляется по одному классу; всѣхъ будетъ семь".

Охотно помѣщаемъ и ту и другую поправку, оставаясь, впрочемъ, при убѣжденіи, что главное достоинство учебнаго заведенія г-жи Спѣшневой основывается вовсе не на правѣ его первородства.

продажа, долженъ быть взятъ соотвѣтственный свидѣтельству билетъ съ платежемъ пошлинъ по мѣстному окладу".

Этимъ разъясненіемъ означенная развозная торговля съ судовъ приравнена къ лавочной торговлѣ. Разница между ними огромная: свидѣтельство на развозный торгъ, стоющее 15 руб., т.-е. небольше того, сколько стоитъ свидѣтельство на мелочной торгъ по 3-му классу, даетъ ходебщику право свободно производить торгъ въ селеніяхъ и сельскихъ усадьбахъ, переходя изъ одного уѣзда въ другой, всякаго класса, тогда какъ по свидѣтельству 2-й гильдіи и по свидѣтельству на мелочной торгъ можно торговать только въ томъ уѣздѣ, на который они даны, и не иначе какъ со взятіемъ соотвѣтствующихъ билетовъ, при чемъ одинъ билетъ, напримѣръ, 3-го класса по 2-й гильдіи, стоитъ 15 руб., не говоря уже о самомъ свидѣтельствѣ.

Такое приравненіе развозной съ лодокъ торговли къ лавочной крайне обременительно для нея. Конечно, можно допустить, что лодка вмѣщаетъ въ себѣ больше товара, чѣмъ телѣга ходебщика (хотя послѣднему не возбраняется имѣть при одномъ развозномъ свидѣтельствѣ нѣсколько телѣгъ съ товаромъ) и представляетъ какъ-бы помѣщеніе для продажи, такъ что она отчасти можетъ замѣнить лавку, и потому торговля съ лодокъ можетъ подлежать большему налогу, чѣмъ торговля ходебщика; но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что развозная торговля съ лодокъ продолжается только $^1/_2$ года, тогда какъ торговля ходебщика продолжается и зиму, и лѣто.

Въ настоящее время, вслѣдствіе такого несоразмѣрнаго обложенія ея, собственно развозная торговля съ судовъ, можно сказать, убита или скорѣе искажена; она обратилась дѣйствительно въ какое-то подобіе лавочной торговли. Число селеній одного уѣзда по большимъ рѣкамъ очень незначительно, потому что большею частью эти рѣки составляютъ границу губерній и уѣздовъ, такъ что, по одному свидѣтельству 2-й гильдіи или на мелочной торгъ, съ соотвѣтствующимъ билетомъ, лодка можетъ торговать только по одному берегу и одному, и то не на большое протяженіе,—далѣе же она должна возобновить всѣ свои торговые документы, т.-е. уже заплатить, противъ лавочной торговли, вдвое, втрое и такъ далѣе по числу уѣздовъ;— между тѣмъ продажа въ селеніяхъ и небольшихъ городахъ не представляетъ достаточной выгоды, чтобы окупить такіе расходы. Поэтому эта торговля предпочитаетъ обѣгать селенія и незначительные города и сосредоточиваться на пристаняхъ большихъ городовъ, преимущественно губернскихъ, которые, хотя и отнесены, большею частью, къ высшему классу, но, по крайней мѣрѣ, представляютъ много покупателей, и слѣдовательно въ нихъ можно скорѣе распродать весь товаръ, не прибѣгая къ возобновленію торговыхъ документовъ. Отъ этого сосредоточенія развозной рѣчной торговли въ большихъ горо-

дахъ страдаютъ какъ прибрежныя селенія, такъ въ особенности небольшіе города, напримѣръ по Волгѣ такіе города, какъ Тетюши, Сенгилей, Ставрополь, Хвалынскъ и проч. Они недостаточно велики, чтобы въ нихъ могла образоваться значительная лавочная продажа,— развозная же рѣчная торговля обѣгаетъ ихъ, и такимъ образомъ, несмотря на то, что они расположены на одной изъ самыхъ промышленныхъ рѣкъ, которая, повидимому, должна была бы доставить имъ возможность пользоваться всѣми разнообразными произведеніями половины Россіи, отъ Астрахани, Казани, Перми и Вятки до Твери и Рязани, жители ихъ терпятъ такой же недостатокъ во всѣхъ мануфактурныхъ и колоніальныхъ товарахъ, какъ какой-нибудь Новоузенскъ, расположенный въ самой глуши, на границахъ киргизскихъ степей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на то запустѣніе, въ которомъ находятся небольшіе города этихъ рѣкъ, и на незаселенность ихъ береговъ.

Кромѣ стѣсненія промышленности и препятствія къ развитію прибрежныхъ селеній и городовъ, неправильное и несоразмѣрное обложеніе рѣчной развозной торговли побуждаетъ торговцевъ прибѣгать къ обманамъ и различнымъ неблаговиднымъ уловкамъ, какъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ идетъ на перерѣзъ естественнымъ потребностямъ и экономическимъ условіямъ. Такъ, чтобы уклониться отъ уплаты установленныхъ пошлинъ, нѣкоторые рѣчные торговцы останавливаются вдали отъ берега и спускаютъ товары ночью, на лодкахъ; другіе запасаются подложными письмами отъ покупателей для удостовѣренія, что они исполняютъ коммиссіи послѣднихъ по закупкѣ и доставкѣ товаровъ и т. д.; вслѣдствіе того, сумма пошлиннаго сбора съ рѣчной торговли едвали достигаетъ того размѣра, котораго бы она могла достигнуть при болѣе умѣренномъ обложеніи этой торговли.

Поэтому, вмѣсто искаженія изложенной рѣчной торговли черезъ приравненіе ея къ лавочной, изъ нея слѣдовало бы образовать особый видъ развознаго торга, каковою она и есть въ дѣйствительности, и установивъ особый видъ свидѣтельствъ на развозный торгъ съ судовъ съ нѣсколько высшимъ размѣромъ пошлинъ, чѣмъ за свидѣтельства на сухопутный развозный торгъ, разрѣшить производить торгъ по такимъ свидѣтельствамъ до окончанія срока, на который они выданы, повсемѣстно, не исключая и городовъ. При этомъ, для того, чтобы подъ видомъ развозной рѣчной торговли не могла производиться лавочная торговля, что могло бы послужить къ подрыву этой послѣдней, достаточно было бы ограничить право производства развозной рѣчной торговли одними лѣтними мѣсяцами, именно съ 15-го апрѣля по 15-е октября, такъ какъ торговля, ограниченная такимъ срокомъ, соотвѣтствующимъ, впрочемъ, дѣйствительному ея характеру, не можетъ развиться до степени лавочной торговли.

продажа, долженъ быть взятъ соотвѣтственный свидѣтельству билетъ съ платежемъ пошлинъ по мѣстному окладу".

Этимъ разъясненіемъ означенная развозная торговля съ судовъ приравнена къ лавочной торговлѣ. Разница между ними огромная: свидѣтельство на развозный торгъ, стоющее 15 руб., т.-е. небольше того, сколько стóитъ свидѣтельство на мелочной торгъ по 3-му классу, даетъ ходебщику право свободно производить торгъ въ селеніяхъ и сельскихъ усадьбахъ, переходя изъ одного уѣзда въ другой, всякаго класса, тогда какъ по свидѣтельству 2-й гильдіи и по свидѣтельству на мелочной торгъ можно торговать только въ томъ уѣздѣ, на который они даны, и не иначе какъ со взятіемъ соотвѣтствующихъ билетовъ, при чемъ одинъ билетъ, напримѣръ, 3-го класса по 2-й гильдіи, стоитъ 15 руб., не говоря уже о самомъ свидѣтельствѣ.

Такое приравненіе развозной съ лодокъ торговли къ лавочной крайне обременительно для нея. Конечно, можно допустить, что лодка вмѣщаетъ въ себѣ больше товара, чѣмъ телѣга ходебщика (хотя последнему не возбраняется имѣть при одномъ развозномъ свидѣтельствѣ нѣсколько телѣгъ съ товаромъ) и представляетъ какъ-бы помѣщеніе для продажи, такъ что она отчасти можетъ замѣнить лавку, и потому торговля съ лодокъ можетъ подлежать большему налогу, чѣмъ торговля ходебщика; но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что развозная торговля съ лодокъ продолжается только $^1/_2$ года, тогда какъ торговля ходебщика продолжается и зиму, и лѣто.

Въ настоящее время, вслѣдствіе такого несоразмѣрнаго обложенія ея, собственно развозная торговля съ судовъ, можно сказать, убита или скорѣе искажена; она обратилась дѣйствительно въ какое-то подобіе лавочной торговли. Число селеній одного уѣзда по большимъ рѣкамъ очень незначительно, потому что большею частью эти рѣки составляютъ границу губерній и уѣздовъ, такъ что, по одному свидѣтельству 2-й гильдіи или на мелочной торгъ, съ соотвѣтствующимъ билетомъ, лодка можетъ торговать только по одному берегу и одному, и то не на большое протяженіе,—далѣе же она должна возобновить всѣ свои торговые документы, т.-е. уже заплатить, противъ лавочной торговли, вдвое, втрое и такъ далѣе по числу уѣздовъ;— между тѣмъ продажа въ селеніяхъ и небольшихъ городахъ не представляетъ достаточной выгоды, чтобы окупить такіе расходы. Поэтому эта торговля предпочитаетъ обѣгать селенія и незначительные города, и сосредоточиваться на пристаняхъ большихъ городовъ, преимущественно губернскихъ, которые, хотя и отнесены, большею частью, къ высшему классу, но, по крайней мѣрѣ, представляютъ много покупателей, и слѣдовательно въ нихъ можно скорѣе распродать весь товаръ, не прибѣгая къ возобновленію торговыхъ документовъ. Отъ этого сосредоточенія развозной рѣчной торговли въ большихъ горо-

значительную торговлю, бѣдный классъ жителей занимается исключительно земледѣліемъ. А потому нѣтъ никакой причины лишать горожанъ того права, которое предоставлено сельскимъ обывателямъ.

Руководящею мыслью всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній была та, что для естественнаго, правильнаго и безпрепятственнаго развитія промышленности государства и зависящаго отъ нея народнаго благосостоянія, безъ котораго немыслимо увеличеніе государственныхъ доходовъ, промыслы и торговля должны быть обложены налогомъ сколь возможно соразмѣрнѣе величинѣ оборотовъ и прибылей промышленныхъ предпріятій. Для достиженія этого необходимо:

1) всѣ торговыя и промышленныя заведенія раздѣлить, по суммѣ ихъ годовыхъ оборотовъ и по величинѣ прибыли, на опредѣленное число классовъ, причемъ разница между предѣлами наибольшей и наименьшей величины оборотовъ и прибыли каждаго класса должна быть установлена сколь возможно малая.

2) Затѣмъ, установивъ одинъ размѣръ налога для всѣхъ таковыхъ классовъ, напримѣръ 4% съ прибыли отъ средняго оборота каждаго класса, взимать съ каждаго торговаго и промышленнаго заведенія ту сумму налога, которая причтется съ него по принадлежности его къ тому или другому классу; слѣдовательно, въ сущности сохранить существующій билетный сборъ, возведя его на степень подоходнаго налога, съ прекращеніемъ взиманія пошлинъ за свидѣтельства и не раздѣляя мѣстности на классы.

Для бо́льшаго уясненія изложеннаго и для видимости того, какая отъ приложенія этой системы должна образоваться разница въ окладахъ обложенія, противъ существующихъ нынѣ, и въ суммѣ поступленія торговаго и промысловаго налога, здѣсь приводится примѣръ такого обложенія лавочной и оптовой торговли колоніи Екатериненштадтъ, Николаевскаго уѣзда Самарской губерніи, довольно значительнаго торговаго мѣстечка на берегу рѣки Волги, отнесеннаго къ 4-му классу. Свѣдѣнія о суммѣ торговыхъ оборотовъ колоніи Екатериненштадтъ добыты частнымъ путемъ, но они, повидимому, довольно близки къ истинѣ; они относятся къ 1868 году. Въ нихъ не вошли свѣдѣнія о питейныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ; число послѣднихъ, впрочемъ, въ колоніи Екатериненштадтъ незначительно и они содержатся преимущественно мѣстными жителями, занимающимися ремеслами безъ наемныхъ работниковъ. Въ приводимой таблицѣ, кромѣ суммы средняго оборота, получаемаго черезъ вычисленіе, приведена еще, для видимости, дѣйствительная сумма оборотовъ, или скорѣе дѣйствительная величина капиталовъ; затѣмъ, прибыль по каждому классу принята въ 10% съ исчисленнаго средняго оборота.

ныхъ качествахъ учителя. Придется набирать во множествѣ воспитанниковъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, которые собственнымъ воспитаніемъ менѣе всего пріучены, конечно, именно къ духу гуманности.

Но пусть учителя всѣ набраны превосходные; все-таки, гуманный характеръ школы, прежде всего, будетъ зависѣть отъ того, какъ само начальство будетъ относиться къ сословію учителей: будетъ ли оно само окружать учителей довѣріемъ, уваженіемъ, необходимымъ для ихъ авторитета среди малолѣтныхъ учениковъ; будетъ ли оно заботиться о серьезной самостоятельности педагогическихъ совѣтовъ, необходимой для жизненности и успѣшности преподаванія? Со стороны дѣтей всегда можно ожидать готовности оказать учителямъ любовь и довѣріе. Но давно ли обезпечены учителямъ уваженіе и отсутствіе произвола со стороны начальства? Безъ этихъ же условій, никогда школа истинно-гуманною не станетъ. Она не станетъ гуманною, еслибы, избави Богъ, установилась когда-либо система произвола, придирчивости, выслушиванія навѣтовъ, взаимнаго передонесенія, или заподозриванія. При такихъ условіяхъ могли бы сдѣлаться всеобщими вовсе не гуманныя отношенія, а тотъ плачевный порядокъ, которому примѣръ представленъ корреспондентомъ „С.-Петерб. Вѣд.“ относительно немировской гимназіи за 1866-й годъ: „исключался невѣжа, некланявшійся по десяти разъ въ день при встрѣчѣ съ однимъ и тѣмъ же лицомъ; исключался грубіянъ, стоящій въ шапкѣ, когда съ нимъ говорятъ тоже въ шапкѣ; исключался замѣченный съ папиросой или отрицавшій пользу короткой стрижки волосъ. Прибавьте къ этому исключеніе „по подозрѣнію“, и вы легко поймете быстрое пониженіе количества воспитанниковъ... Я пробылъ въ ней годъ и при мнѣ было исключено до полутораста человѣкъ“. Нельзя не согласиться, что при такихъ условіяхъ „тревожное состояніе“ учениковъ можетъ быть не предъ экзаменами только, но нормальнымъ явленіемъ; во всякомъ случаѣ надо желать, чтобы для осуществленія въ нашихъ школахъ началъ гуманныхъ, сверху исходили не только указанія, но и примѣры, которые уяснили бы всѣмъ, педагогамъ и ученикамъ, что система подозрѣній, передонесеній и произвола осуждается высшимъ начальствомъ.

По поводу сдѣланнаго нами, въ одномъ изъ предшествующихъ обозрѣній, отзыва объ учрежденіи княгинею Оболенскою женской реальной гимназіи, мы получили слѣдующее письмо:

М. Г. Въ 8-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1871-й годъ, во внутреннемъ обозрѣніи, обращено справедливое вниманіе на вновь возникшую частную женскую гимназію, учрежденную на средства княгини Оболенской.

„Сколько намъ извѣстно—говоритъ авторъ обозрѣнія—такой раціональный приступъ къ образованію впервые осуществляется у насъ въ этомъ училищѣ, что, вмѣстѣ съ безкорыстною цѣлью всего предпріятія, вызываетъ къ нему полнѣйшее сочувствіе".

Эти слова побуждаютъ меня, въ качествѣ отца и педагога, напомнить вамъ о другомъ частномъ учебномъ заведеніи, хорошо мнѣ извѣстномъ, такъ какъ въ немъ, уже въ продолженіи трехъ лѣтъ, учатся мои дочери. Я говорю о частной женской гимназіи госпожи Спѣшневой.

Въ этой гимназіи программа соотвѣтствуетъ программѣ мужскихъ реальныхъ гимназій, пріемы преподаванія и воспитанія вполнѣ раціональны, а управленіе учебною частію совершается съ помощью педагогическаго совѣта.

Гимназія вступаетъ въ 4-й годъ своего существованія и заключаетъ въ себѣ около 80 ученицъ.

Вы, безъ сомнѣнія, согласитесь, на основаніи сказаннаго, что инипіатива въ установленіи женскаго образованія на раціональныхъ основаніяхъ принадлежитъ у насъ вполнѣ госпожѣ Спѣшневой, а не кому другому. Названное лицо, жертвуя всѣми своими силами и всѣмъ своимъ состояніемъ для осуществленія возвышенной цѣли, заслуживаетъ, чтобы его дѣятельность была признана и оцѣнена по достоинству.

Полагаясь на ваше чувство справедливости, я надѣюсь, что вы не затруднитесь помѣстить это письмо въ ближайшемъ номерѣ „Вѣстника Европы".

Примите и пр.

А. Бекетовъ.

15-го сентября 1871 г.

Одновременно съ этимъ письмомъ мы получили подобное же заявленіе, за подписью преподавателей той же первой частной женской гимназіи, сообщающее при томъ еще нѣкоторыя подробности объ учебномъ заведеніи г-жи Спѣшневой:

„Еще въ январѣ 1869 года открыта и продолжаетъ развиваться первая частная женская гимназія; объемъ преподаванія въ ней мужскихъ реальныхъ гимназій; въ будущемъ предполагается открыть спеціальные классы для желающихъ. Гимназія поставила цѣлью не только сообщеніе ученицамъ знаній, но и пріученіе ихъ къ самостоятельному труду. Въ младшихъ классахъ преимущественное вниманіе обращается на преподаваніе русскаго языка, ариѳметики и геометріи; послѣдняя начинается съ перваго класса. Въ настоящее время открыты приготовительный и четыре общихъ класса; съ каждымъ годомъ прибавляется по одному классу; всѣхъ будетъ семь".

Охотно помѣщаемъ и ту и другую поправку, оставаясь, впрочемъ, при убѣжденіи, что главное достоинство учебнаго заведенія г-жи Спѣшневой основывается вовсе не на правѣ его первородства.

О ПОШЛИНАХЪ

ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ И ДРУГИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ *).

Мѣщанскіе промыслы.

6) Кромѣ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ заведеній, а также мастерскихъ, Положеніе 1865-го года облагаетъ еще всѣхъ мѣщанъ и цеховыхъ мужескаго пола, занимающихся ремеслами, безъ наемныхъ рабочихъ, съ помощью однихъ только членовъ своихъ семействъ; именно, они обязаны брать свидѣтельство на мѣщанскій промыселъ, стоющее 2 руб. 50 коп. въ годъ (ст. 46). Въ этомъ случаѣ облагается уже не оборотъ промышленнаго предпріятія и не предполагаемая прибыль отъ него, а личный трудъ, и при этомъ личный трудъ одного изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія, снискивающаго черезъ него свое дневное пропитаніе. Личный трудъ дѣйствительно приноситъ вознагражденіе, и иногда очень большое, и потому онъ можетъ служить предметомъ обложенія, но въ такомъ случаѣ этотъ налогъ долженъ падать, по возможности, соразмѣрно съ величиною получаемаго вознагражденія за него. Между тѣмъ, ни вознагражденіе служащихъ, какъ на государственной службѣ, такъ и въ частныхъ должностяхъ, ни литераторовъ, ни докторовъ, ни адвокатовъ, ни художниковъ, и т. д., не обложено у насъ никакимъ налогомъ, тогда какъ вознагражденіе этихъ лицъ достигаетъ нерѣдко громадныхъ размѣровъ. Первый, кажется, проектъ такого обложенія у насъ представляетъ очеркъ поразряднаго налога московскаго земства. Но если бы и былъ у насъ обложенъ личный трудъ, то и тогда обложеніе налогомъ вознагражденія личнаго труда мѣщанъ, цеховыхъ, поденщиковъ и т. п. бѣднѣйшихъ классовъ населенія, при работѣ ихъ въ своей квартирѣ или внѣ дома, можно было бы допустить только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ государственныхъ бѣдствій и опустѣнія государственнаго казначейства, такъ какъ этотъ налогъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, оспариваетъ кусокъ хлѣба у ничего неимущихъ семействъ, остающихся иногда по мѣсяцамъ безъ работы. Крестьянское населеніе, платящее подушную подать, обезпечено у насъ подушнымъ надѣломъ земли, горожане же не имѣютъ и этого

*) См. выше: сент. 406 стр.

обезпеченія, и законъ долженъ былъ бы поощрять такихъ людей къ труду и къ созданію ими собственнаго хозяйства, а не облагать налогомъ и не стѣснять первые шаги ихъ на этомъ пути. Съ другой стороны, и самый доходъ, выручаемый государствомъ отъ этого налога, сравнительно очень незначителенъ. Изъ вѣдомости (лит. Б), прилагаемой къ смѣтамъ департамента торговли и мануфактуръ, видно, что онъ простирался:

въ 1865 году на		235.019 р. 76 к.
въ 1866 „ „		106.219 р. 38 к.
въ 1867 „ „		136.218 р. 76 к.

Во всякомъ случаѣ, для государства выгоднѣе отказаться отъ этого дохода, потому что съ возрастаніемъ благосостоянія мѣщанъ и цеховыхъ, въ государственный доходъ поступитъ гораздо бо́льшая сумма отъ налога на промышленность. Къ этому надо еще присовокупить, что крестьяне, занимающіеся ремеслами, даже въ городахъ, безъ помощи наемныхъ работниковъ, не обложены сборомъ на мѣщанскіе промыслы. По этимъ же соображеніямъ обложеніе поразряднымъ налогомъ лицъ, отнесенныхъ въ проектѣ московскаго земства къ первымъ двумъ разрядамъ (особенно къ первому), представляется не только несправедливымъ, но и вреднымъ.

Рѣчной развозный торгъ.

7) По свидѣтельствамъ на развозный торгъ, Положеніе 1865 года (ст. 45) разрѣшаетъ торговать мануфактурными и колоніальными товарами только внѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ. Какъ видно изъ циркуляра департамента торговли и мануфактуръ (17-го ноября 1865-го года за № 8,027), подъ развознымъ и разноснымъ торгомъ Положеніе 1865-го года разумѣетъ торговлю, производимую конными или пѣшими ходебщиками. Но существуетъ еще особый видъ развозной торговли, непредусмотрѣнный Положеніемъ 1865-го года, — это торговля мануфактурными издѣліями съ судовъ и лодокъ, очень развитая на большихъ судоходныхъ рѣкахъ.

Въ разрѣшеніе возбужденнаго одною казенною палатою вопроса о томъ: подлежитъ ли подобная торговля платежу пошлинъ, и если подлежитъ, то въ какомъ размѣрѣ, департаментъ мануфактуръ и торговли далъ знать, что „оптовую продажу всѣхъ предметовъ, не поименованныхъ въ пунк. а, ст. 4 Положенія 1865-го года, съ судовъ могутъ производить только лица, имѣющія свидѣтельство 1-й гильдіи, съ обязанностью платить билетный сборъ мѣстнаго оклада, соотвѣтственно сей гильдіи, по числу судовъ или лодокъ, изъ которыхъ производится продажа; торговать же означенными товарами съ судовъ въ розницу могутъ только лица, имѣющія по мѣсту продажи свидѣтельство 2-й гильдіи, или на мелочной торгъ, смотря по роду товаровъ, при чемъ на каждое судно, изъ коего производится такая

О ПОШЛИНАХЪ

ЗА ПРАВО ТОРГОВЛИ И ДРУГИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ *).

Мѣщанскіе промыслы.

6) Кромѣ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ заведеній, а также мастерскихъ, Положеніе 1865-го года облагаетъ еще всѣхъ мѣщанъ и цеховыхъ мужескаго пола, занимающихся ремеслами, безъ наемныхъ рабочихъ, съ помощью однихъ только членовъ своихъ семействъ; именно, они обязаны брать свидѣтельство на мѣщанскій промыселъ, стоющее 2 руб. 50 коп. въ годъ (ст. 46). Въ этомъ случаѣ облагается уже не оборотъ промышленнаго предпріятія и не предполагаемая прибыль отъ него, а личный трудъ, и при этомъ личный трудъ одного изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія, снискивающаго черезъ него свое дневное пропитаніе. Личный трудъ дѣйствительно приноситъ вознагражденіе, и иногда очень большое, и потому онъ можетъ служить предметомъ обложенія, но въ такомъ случаѣ этотъ налогъ долженъ падать, по возможности, соразмѣрно съ величиною получаемаго вознагражденія за него. Между тѣмъ, ни вознагражденіе служащихъ, какъ на государственной службѣ, такъ и въ частныхъ должностяхъ, ни литераторовъ, ни докторовъ, ни адвокатовъ, ни художниковъ, и т. д., не обложено у насъ никакимъ налогомъ, тогда какъ вознагражденіе этихъ лицъ достигаетъ нерѣдко громадныхъ размѣровъ. Первый, кажется, проектъ такого обложенія у насъ представляетъ очеркъ поразряднаго налога московскаго земства. Но если бы и былъ у насъ обложенъ личный трудъ, то и тогда обложеніе налогомъ вознагражденія личнаго труда мѣщанъ, цеховыхъ, поденщиковъ и т. п. бѣднѣйшихъ классовъ населенія, при работѣ ихъ въ своей квартирѣ или внѣ дома, можно было бы допустить только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ государственныхъ бѣдствій и опустѣнія государственнаго казначейства, такъ какъ этотъ налогъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, оспариваетъ кусокъ хлѣба у ничего неимущихъ семействъ, остающихся иногда по мѣсяцамъ безъ работы. Крестьянское населеніе, платящее подушную подать, обезпечено у насъ подушнымъ надѣломъ земли, горожане же не имѣютъ и этого

*) См. выше: сент. 406 стр.

обезпеченія, и законъ долженъ былъ бы поощрять такихъ людей къ труду и къ созданію ими собственнаго хозяйства, а не облагать налогомъ и не стѣснять первые шаги ихъ на этомъ пути. Съ другой стороны, и самый доходъ, выручаемый государствомъ отъ этого налога, сравнительно очень незначителенъ. Изъ вѣдомости (лит. Б), прилагаемой къ смѣтамъ департамента торговли и мануфактуръ, видно, что онъ простирался:

въ 1865 году на	235.019 р. 76 к.
въ 1866 „ „	106.219 р. 38 к.
въ 1867 „ „	136.218 р. 76 к.

Во всякомъ случаѣ, для государства выгоднѣе отказаться отъ этого дохода, потому что съ возрастаніемъ благосостоянія мѣщанъ и цеховыхъ, въ государственный доходъ поступитъ гораздо бо́льшая сумма отъ налога на промышленность. Къ этому надо еще присовокупить, что крестьяне, занимающіеся ремеслами, даже въ городахъ, безъ помощи наемныхъ работниковъ, не обложены сборомъ на мѣщанскіе промыслы. По этимъ же соображеніямъ обложеніе поразряднымъ налогомъ лицъ, отнесенныхъ въ проектѣ московскаго земства къ первымъ двумъ разрядамъ (особенно къ первому), представляется не только несправедливымъ, но и вреднымъ.

Рѣчной развозный торгъ.

7) По свидѣтельствамъ на развозный торгъ, Положеніе 1865 года (ст. 45) разрѣшаетъ торговать мануфактурными и колоніальными товарами только внѣ городовъ, посадовъ и мѣстечекъ. Какъ видно изъ циркуляра департамента торговли и мануфактуръ (17-го ноября 1865-го года за № 8,027), подъ развознымъ и разноснымъ торгомъ Положеніе 1865-го года разумѣетъ торговлю, производимую конными или пѣшими ходебщиками. Но существуетъ еще особый видъ развозной торговли, непредусмотрѣнный Положеніемъ 1865-го года, — это торговля мануфактурными издѣліями съ судовъ и лодокъ, очень развитая на большихъ судоходныхъ рѣкахъ.

Въ разрѣшеніе возбужденнаго одною казенною палатою вопроса о томъ: подлежитъ ли подобная торговля платежу пошлинъ, и если подлежитъ, то въ какомъ размѣрѣ, департаментъ мануфактуръ и торговли далъ знать, что „оптовую продажу всѣхъ предметовъ, не поименованныхъ въ пунк. а, ст. 4 Положенія 1865-го года, съ судовъ могутъ производить только лица, имѣющія свидѣтельство 1-й гильдіи, съ обязанностью платить билетный сборъ мѣстнаго оклада, соотвѣтственно сей гильдіи, по числу судовъ или лодокъ, изъ которыхъ производится продажа; торговать же означенными товарами съ судовъ въ розницу могутъ только лица, имѣющія по мѣсту продажи свидѣтельство 2-й гильдіи, или на мелочной торгъ, смотря по роду товаровъ, при чемъ на каждое судно, изъ коего производится такая

продажа, долженъ быть взятъ соотвѣтственный свидѣтельству билетъ съ платежемъ пошлинъ по мѣстному окладу".

Этимъ разъясненіемъ означенная развозная торговля съ судовъ приравнена къ лавочной торговлѣ. Разница между ними огромная: свидѣтельство на развозный торгъ, стоющее 15 руб., т.-е. небольше того, сколько стóитъ свидѣтельство на мелочной торгъ по 3-му классу, даетъ ходебщику право свободно производить торгъ въ селеніяхъ и сельскихъ усадьбахъ, переходя изъ одного уѣзда въ другой, всякаго класса, тогда какъ по свидѣтельству 2-й гильдіи и по свидѣтельству на мелочной торгъ можно торговать только въ томъ уѣздѣ, на который они даны, и не иначе какъ со взятіемъ соотвѣтствующихъ билетовъ, при чемъ одинъ билетъ, напримѣръ, 3-го класса по 2-й гильдіи, стоитъ 15 руб., не говоря уже о самомъ свидѣтельствѣ.

Такое приравненіе развозной съ лодокъ торговли къ лавочной крайне обременительно для нея. Конечно, можно допустить, что лодка вмѣщаетъ въ себѣ больше товара, чѣмъ телѣга ходебщика (хотя последнему не возбраняется имѣть при одномъ развозномъ свидѣтельствѣ нѣсколько телѣгъ съ товаромъ) и представляетъ какъ-бы помѣщеніе для продажи, такъ что она отчасти можетъ замѣнить лавку, и потому торговля съ лодокъ можетъ подлежать большему налогу, чѣмъ торговля ходебщика; но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что развозная торговля съ лодокъ продолжается только $^1/_2$ года, тогда какъ торговля ходебщика продолжается и зиму, и лѣто.

Въ настоящее время, вслѣдствіе такого несоразмѣрнаго обложенія ея, собственно развозная торговля съ судовъ, можно сказать, убита или скорѣе искажена; она обратилась дѣйствительно въ какое-то подобіе лавочной торговли. Число селеній одного уѣзда по большимъ рѣкамъ очень незначительно, потому что большею частью эти рѣки составляютъ границу губерній и уѣздовъ, такъ что, по одному свидѣтельству 2-й гильдіи или на мелочной торгъ, съ соотвѣтствующимъ билетомъ, лодка можетъ торговать только по одному берегу и одному, и то не на большое протяженіе,—далѣе же она должна возобновить всѣ свои торговые документы, т.-е. уже заплатить, противъ лавочной торговли, вдвое, втрое и такъ далѣе по числу уѣздовъ; — между тѣмъ продажа въ селеніяхъ и небольшихъ городахъ не представляетъ достаточной выгоды, чтобы окупить такіе расходы. Поэтому эта торговля предпочитаетъ обѣгать селенія и незначительные города, и сосредоточиваться на пристаняхъ большихъ городовъ, преимущественно губернскихъ, которые, хотя и отнесены, большею частью, къ высшему классу, но, по крайней мѣрѣ, представляютъ много покупателей, и слѣдовательно въ нихъ можно скорѣе распродать весь товаръ, не прибѣгая къ возобновленію торговыхъ документовъ. Отъ этого сосредоточенія развозной рѣчной торговли въ большихъ горо-

дахъ страдаютъ какъ прибрежныя селенія, такъ въ особенности небольшіе города, напримѣръ по Волгѣ такіе города, какъ Тетюши, Сенгилей, Ставрополь, Хвалынскъ и проч. Они недостаточно велики, чтобы въ нихъ могла образоваться значительная лавочная продажа,— развозная же рѣчная торговля обѣгаетъ ихъ, и такимъ образомъ, несмотря на то, что они расположены на одной изъ самыхъ промышленныхъ рѣкъ, которая, повидимому, должна была бы доставить имъ возможность пользоваться всѣми разнообразными произведеніями половины Россіи, отъ Астрахани, Казани, Перми и Вятки до Твери и Рязани, жители ихъ терпятъ такой же недостатокъ во всѣхъ мануфактурныхъ и колоніальныхъ товарахъ, какъ какой-нибудь Новоузенскъ, расположенный въ самой глуши, на границахъ киргизскихъ степей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на то запустѣніе, въ которомъ находятся небольшіе города этихъ рѣкъ, и на незаселенность ихъ береговъ.

Кромѣ стѣсненія промышленности и препятствія къ развитію прибрежныхъ селеній и городовъ, неправильное и несоразмѣрное обложеніе рѣчной развозной торговли побуждаетъ торговцевъ прибѣгать къ обманамъ и различнымъ неблаговиднымъ уловкамъ, какъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ идетъ на перерѣзъ естественнымъ потребностямъ и экономическимъ условіямъ. Такъ, чтобы уклониться отъ уплаты установленныхъ пошлинъ, нѣкоторые рѣчные торговцы останавливаются вдали отъ берега и спускаютъ товары ночью, на лодкахъ; другіе запасаются подложными письмами отъ покупателей для удостовѣренія, что они исполняютъ коммиссіи послѣднихъ по закупкѣ и доставкѣ товаровъ и т. д.; вслѣдствіе того, сумма пошлиннаго сбора съ рѣчной торговли едвали достигаетъ того размѣра, котораго бы она могла достигнуть при болѣе умѣренномъ обложеніи этой торговли.

Поэтому, вмѣсто искаженія изложенной рѣчной торговли черезъ приравненіе ея къ лавочной, изъ нея слѣдовало бы образовать особый видъ развознаго торга, каковою она и есть въ дѣйствительности, и установивъ особый видъ свидѣтельствъ на развозный торгъ съ судовъ съ нѣсколько высшимъ размѣромъ пошлинъ, чѣмъ за свидѣтельства на сухопутный развозный торгъ, разрѣшить производить торгъ по такимъ свидѣтельствамъ до окончанія срока, на который они выданы, повсемѣстно, не исключая и городовъ. При этомъ, для того, чтобы подъ видомъ развозной рѣчной торговли не могла производиться лавочная торговля, что могло бы послужить къ подрыву этой послѣдней, достаточно было бы ограничить право производства развозной рѣчной торговли одними лѣтними мѣсяцами, именно съ 15-го апрѣля по 15-е октября, такъ какъ торговля, ограниченная такимъ срокомъ, соотвѣтствующимъ, впрочемъ, дѣйствительному ея характеру, не можетъ развиться до степени лавочной торговли.

Число заведеній.	Названіе торга и величина капиталовъ.	Общая сумма капиталовъ.	Сумма годовой прибыли въ 30%.	Сумма уплаченныхъ пошлинъ по Положенію 1865 года.	Сумма 4% налога съ годовой прибыли.	Окладъ налога на каждое заведеніе.
		руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
	Панскими и бумажными товарами					
4	съ капиталомъ отъ 25,000 руб. до 50,000 руб. . .	150,000	45,000	120	1,800	450
6	» » » 15,000 руб. » 25,000 руб. . .	120,000	36,000	180	1,440	240
12	» » » 5,000 руб. » 10,000 руб. . .	90,000	27,000	360	1,080	90
20	» » » 3,000 руб. » 5,000 руб. . .	80,000	24,000	200	960	48
	Галантерейными товарами					
2	съ капиталомъ отъ 20,000 руб. до 30,000 руб. . .	50,000	15,000	60	600	300
	Игольнымъ товаромъ и мелкими галантерейными вещами					
6	съ капиталомъ отъ 3,000 руб. до 5,000 руб. . . .	24,000	7,200	60	288	48
12	» » » 1,000 руб. » 3,000 руб. . . .	24,000	7,200	120	288	24
	Бакалейными товарами					
2	съ капиталомъ отъ 10,000 руб. до 20,000 руб. . .	30,000	9,000	60	360	180
64	Итого.	568,000	170,400	1,160	6,816	

Эта таблица даетъ увеличеніе налога на 587%, что для государственнаго бюджета даетъ увеличеніе дохода на сумму 37.000,000 руб., хотя въ этой таблицѣ, за неимѣніемъ свѣдѣній, принято, что всѣ приведенныя заведенія содержатся по особымъ свидѣтельствамъ, безъ чего увеличеніе суммы налога оказалось бы еще значительнѣе. Дѣлая такой же разсчетъ, какъ по Саратову, сумма уплачиваемыхъ пошлинъ будетъ равняться 844 руб. [1]), а потому увеличеніе суммы налога будетъ на 807,5%, или въ цифрахъ бюджета на 55.000,000 р.

По мѣстностямъ 5-го класса, при условіи, что торговый капиталъ заведенія приноситъ 30% годовой прибыли, окладъ 4% налога не измѣнилъ бы нынѣшняго оклада пошлинъ для заведеній съ капиталомъ въ 833 руб., торгующихъ по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ, и только заведенія съ меньшимъ капиталомъ платили бы менѣе, чѣмъ теперь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведеннымъ цифрамъ этого увеличенія, вслѣдствіе незначительности и неполноты данныхъ, на которыхъ они основаны, никакъ нельзя придавать значенія точнаго исчисленія; они обращаютъ на себя вниманіе преимущественно тѣмъ, что будучи выведены изъ данныхъ (хотя и не полныхъ), касающихся единичныхъ мѣстностей трехъ различныхъ классовъ, по окладу пошлинъ, и представляя по каждой изъ этихъ мѣстностей значительное возвышеніе государственнаго дохода, составляющее для бюджета всей имперіи, при отмѣнѣ платежа за свидѣтельства на мѣщанскіе промыслы, за прикащичьи свидѣтельства и за свидѣтельства членовъ купеческихъ семействъ, увеличеніе дохода на 30 м. руб., 51 м. руб. и до 55 м. руб., которое нельзя не признать весьма значительнымъ, если оно оправдается даже и на половину, — они вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождаются уменьшеніемъ налога съ болѣе мелкихъ торговыхъ предпріятій, что доказываетъ до очевидности, что такой налогъ не будетъ обременителенъ и для тѣхъ торговыхъ предпріятій, которыя будутъ платить значительно больше, чѣмъ теперь, потому что они будутъ обложены въ той же самой пропорціональности къ своимъ прибылямъ, какъ и эти мелкія предпріятія. Слѣдовательно этотъ налогъ будетъ вообще легокъ для торговли, и не только нельзя предвидѣть обремененія торговли и промысловъ, но напротивъ того, промышленность должна получить новыя силы и больше способовъ къ своему развитію, особенно чрезъ облегченіе всѣхъ начинающихся предпріятій, что съ своей стороны будетъ имѣть вліяніе на постоянное возрастаніе, изъ

---

[1]) По Самарской губерніи число выбранныхъ на 1867 и 1868 г. свидѣтельствъ 2 гильдіи 5 класса составляетъ 51, 5% числа выбранныхъ билетовъ; слѣдовательно свидѣтельствъ 2-й гильдіи слѣдуетъ считать выбранными не на 650 р. а на 334 р.; присоединивъ къ нимъ пошлинъ за свидѣтельства на мелочной торгъ 304 р. и билетнаго сбора 206 р., получится 844 р.

года въ годъ, исчисленнаго возвышенія государственнаго дохода, такъ какъ съ развитіемъ промышленности и народнаго благосостоянія увеличатся и размѣры, и число торговыхъ капиталовъ, подлежащихъ обложенію. Тѣмъ болѣе можно предвидѣть эти результаты въ томъ случаѣ, если излишекъ государственныхъ доходовъ, добытый этимъ налогомъ, будетъ употребленъ на замѣну дохода отъ подушныхъ податей, останавливающихъ развитіе благосостоянія въ самой многочисленной части населенія государства.

Что же касается государственнаго земскаго сбора, взимаемаго нынѣ съ купеческихъ свидѣтельствъ 1-й и 2-й гильдіи, то онъ могъ бы быть вовсе отмѣненъ съ этихъ свидѣтельствъ.

Во всѣхъ трехъ приведенныхъ примѣрахъ, т.-е., по колоніи Екатериненштадтъ, гг. Саратову и Бузулуку, при исчисленіи суммы пошлинъ, платимыхъ въ настоящее время указанными въ нихъ торговыми заведеніями, платежи въ государственный земскій сборъ не исчислены. Сумма этого сбора составляетъ, по приведеннымъ торговымъ заведеніямъ:

1) Колоніи Екатериненштадтъ 307 р. 50 к., т.-е., около $3^1/_2$%, или менѣе $^1/_{27}$ суммы исчисленнаго промысловаго 4% налога, принимая годовую прибыль съ капитала въ 10% только, принимая же эту прибыль въ 30% съ капитала, сумма уплачиваемаго государственнаго земскаго сбора составитъ $^1/_{80}$ часть суммы промысловаго налога;

2) Города Саратова, по числу предполагаемыхъ свидѣтельствъ 417 р., т.-е., около 3%, или менѣе $^1/_{32}$ суммы исчисленнаго промысловаго налога;

3) Города Бузулука, принимая даже, что каждое заведеніе содержится по особому свидѣтельству, 143 р., т.-е. около 2%, или менѣе $^1/_{47}$ части суммы предполагаемаго промысловаго налога.

Такимъ образомъ, при столь значительномъ увеличеніи цифры государственнаго дохода отъ подоходнаго промысловаго налога, государственный земскій сборъ, взимаемый нынѣ съ купеческихъ свидѣтельствъ, могъ бы быть, со введеніемъ этого налога, отмѣненъ безъ ущерба для государственнаго казначейства.

Въ виду столь благопріятныхъ послѣдствій, которыя можно ожидать отъ введенія подобнаго подоходнаго налога, какъ относительно развитія народной промышленности и народнаго благосостоянія, такъ и относительно увеличенія государственнаго бюджета, въ особенности для замѣны, по крайней мѣрѣ, большей части подушныхъ податей, трудности примѣненія его на практикѣ не должны останавливать правительство въ этомъ дѣлѣ; при этомъ надо сказать, что эти трудности отчасти болѣе кажущіяся и происходящія отъ новизны дѣла.

Само собою разумѣется, что это дѣло не кабинетное, а требуетъ прежде всего повсемѣстнаго изслѣдованія и изученія всѣхъ существующихъ видовъ торговли и промысловъ. И лучшими, незамѣнимыми

пособниками правительства въ этомъ дѣлѣ мы дѣйствительно считаемъ земства каждой губерніи и городскія думы, какъ это изложено самарскимъ земствомъ въ его проектѣ, по которому дѣло это принимаетъ характеръ самообложенія.

Въ противномъ случаѣ, т.-е., если это дѣло не было бы возложено на земства и думы, то пришлось бы, повидимому, учредить повсемѣстно, или только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ еще не введены земскія учрежденія, коммиссіи изъ финансовыхъ чиновниковъ, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, именно, преимущественно изъ чиновниковъ, занимающихся въ настоящее время генеральною повѣркою торговли, и изъ мѣстныхъ торговцевъ;—обязанность этихъ мѣстныхъ коммиссій должна была бы состоять въ изслѣдованіи: въ какихъ размѣрахъ производится каждая отрасль торговли и каждый промыселъ въ данной мѣстности, въ опредѣленіи maximum и minimum ихъ годовыхъ оборотовъ и получаемой отъ нихъ прибыли, и наконецъ въ изысканіи и указаніи, какими внѣшними признаками характеризуются размѣры торговыхъ и промышленныхъ предпріятій всѣхъ родовъ. Такими признаками могутъ быть родъ, величина, отдѣлка и расположеніе и т. д. помѣщенія, занимаемаго торговымъ заведеніемъ въ городѣ, въ селѣ, на базарѣ, въ въ гостинныхъ рядахъ, при домѣ, въ какой части города или улицѣ, площади и т. д.; способъ продажи, т.-е. оптовый или розничный, но при этомъ, такъ какъ понятіе опта не поддается строгому опредѣленію, то слѣдуетъ подробно опредѣлять въ каждой данной отрасли торговли, въ какомъ именно она видѣ и въ какомъ размѣрѣ производится, и названіе оптовой торговли присвоить только извѣстнымъ видамъ и размѣрамъ торговли; затѣмъ, число прикащиковъ въ магазинахъ, особенно если взиманіе пошлинъ за прикащичьи свидѣтельства и за паспорты будетъ отмѣнено; на фабрикахъ и заводахъ число работниковъ, употребленіе болѣе или менѣе сильныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ или водою, число ткацкихъ станковъ, веретенъ въ прядильнѣ, стригальныхъ машинъ, печатныхъ прессовъ, черпальныхъ машинъ и чановъ на бумажныхъ фабрикахъ, котловъ красильныхъ, печатныхъ столовъ или валовъ па ситцевыхъ фабрикахъ, горновъ, печей на заводахъ и т. д.

Собранныя, такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ свѣдѣнія необходимо было бы повѣрить черезъ сличеніе ихъ въ центральномъ учрежденіи, и, на основапіи ихъ, установить классификацію всѣхъ отраслей торговли и промысловъ, и опредѣлить окладъ налога для каждаго класса, или опредѣлить цифру налога на тѣ губерніи, гдѣ введены земскія учрежденія, предоставивъ раскладку его имъ самимъ. Еслибы при этомъ, отдѣльныя отрасли промышленности какихъ-либо мѣстностей и именно тѣхъ губерній, гдѣ еще не введены земскія учрежденія, представили особенности, не подходящія подъ общія нормы, то такіе

случаи должны бы были быть оговорены или поименованы. Это было бы необходимо собственно по такимъ заведеніямъ, обороты и прибыли которыхъ не выражаются никакими внѣшними признаками, напримѣръ, заведенія для купли и продажи процентныхъ бумагъ, конторы транспортированія пассажировъ и кладей по сухопутнымъ и воднымъ сообщеніямъ и т. п.,—и наконецъ по такимъ отраслямъ торговли и промысловъ, прибыль которыхъ не опредѣляется никакимъ другимъ признакомъ, какъ только мѣстностью.

Какой бы порядокъ въ этомъ отношеніи принятъ ни былъ, во всякомъ случаѣ слѣдовало бы, чтобы каждый торговецъ, по условіямъ принадлежности промысла къ извѣстному классу, имѣлъ возможность заранѣе получить соотвѣтствующій билетъ или патентъ, а дѣло надзора, какъ и нынѣ, будетъ состоять въ повѣркѣ: дѣйствительно ли заведеніе принадлежитъ къ тому классу, по которому взятъ билетъ, и въ случаѣ принадлежности его къ высшему классу—во взысканіи дополнительнаго налога. Въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ раскладка этого налога была бы предоставлена земству, правительственныя учрежденія могли бы быть избавлены отъ этого надзора.

Для бо́льшей точности въ опредѣленіи окладовъ налога можно было бы обязать фабрикантовъ, заводчиковъ, оптовыхъ торговцевъ, также и розничныхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе значительные обороты, а въ особенности приведенныя выше предпріятія, которыхъ обороты и прибыли недостаточно выражаются внѣшними признаками, вести матеріальныя и денежныя приходо-расходныя книги отдѣльно отъ собственно торговыхъ книгъ, нужныхъ для заведенія. Показанія этихъ книгъ могутъ служить основаніемъ къ опредѣленію окладовъ налога, если они согласны съ показаніями торговыхъ книгъ; для удостовѣренія же въ этомъ слѣдуетъ предоставить надзору за торговлей со стороны правительства или земскихъ городскихъ учрежденій право обозрѣвать эти книги. Если при этомъ будетъ установлено, что налогъ не долженъ превышать извѣстный, умѣренный процентъ прибыли, напримѣръ 4%, и что заведеніе, уплатившее за билетъ, противъ оказавшейся по книгамъ въ концѣ года прибыли, большій налогъ, чѣмъ установленные проценты, будетъ обложено на слѣдующій годъ налогомъ соотвѣтственно прибыли его по книгамъ за истекшій годъ, и наоборотъ, конечно, то надо полагать, что торговцы найдутъ собственную выгоду въ веденіи этихъ книгъ.

Въ другихъ случаяхъ можно было бы, можетъ быть, позаимствовать пріемъ, употребляемый удѣломъ при взиманіи оброчной платы за снятые у него торговцами хлѣбные амбары на пристани въ селѣ Балаковѣ (значительной пристани Самарской губерніи на берегу Волги); именно, по контрактамъ, часть платы за эти амбары взимается удѣломъ по величинѣ всей кубической вмѣстимости ихъ, но только

въ тотъ годъ, когда эти амбары дѣйствительно засыпаны хлѣбомъ, а за тотъ годъ, въ который они остались незасыпанными, и слѣдовательно законтрактовавшій ихъ торговецъ не имѣлъ случая произвести хлѣбной операціи, — означенная плата (по мѣстному выраженію „акцизъ съ амбаровъ“) не взыскивается.

Главное затрудненіе по введенію, въ особенности силами одного правительства, подоходнаго налога на торговлю и промыслы заключается, конечно, въ производствѣ требующихся изслѣдованій и оцѣнокъ, такъ какъ торговцы неохотно показываютъ дѣйствительные размѣры своихъ оборотовъ и прибыли, но это дѣло представляется особенно труднымъ отчасти потому только, что у насъ еще не было примѣра кадастровыхъ оцѣнокъ торговли и промысловъ; — торговцы же данной мѣстности знаютъ довольно вѣрно взаимное положеніе торговыхъ дѣлъ, и потому, если оцѣночныя коммиссіи будутъ состоять изъ представителей каждаго вида торговли и промысловъ въ данной мѣстности и кадастровыхъ чиновниковъ изъ числа производящихъ нынѣ повѣрку торговли, то можно предвидѣть, что изслѣдованія этихъ коммиссій будутъ отличаться достаточною правильностью, тѣмъ болѣе, что сличеніе результатовъ изслѣдованій въ разныхъ мѣстностяхъ представитъ возможность перевѣрокъ и исправленій. Съ другой стороны, многія отрасли торговли и промысловъ представляютъ большія удобства къ производству по нимъ кадастровыхъ оцѣнокъ; такъ, напримѣръ, фабрики, заводы, мельницы, хлѣбная торговля, особенно оптовая, и т. д. На внутреннихъ пристаняхъ и вообще въ мѣстахъ, откуда отправляются транспорты хлѣба, можно получить совершенно вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ хлѣба, отправляемаго каждымъ торговцемъ. Составленіе же правильныхъ оцѣнокъ по однимъ отраслямъ промышленности послужило бы значительнымъ облегченіемъ при кадастраціи остальныхъ видовъ. Во всякомъ случаѣ было бы слишкомъ смѣло надѣяться, чтобы въ такомъ сложномъ и задѣвающемъ столько личныхъ интересовъ дѣлѣ можно было съ разу достигнуть совершенства. Такіе результаты недостижимы въ одинъ или два года, но потому-то и такъ существенно важно, чтобы эта реформа была основана на раціональныхъ началахъ, при которыхъ возможно постоянное, изъ года въ годъ, совершенствованіе этого дѣла.

Съ преобразованіемъ на изложенныхъ началахъ, особенно безъ участія земства и думъ, налога на торговлю и промыслы надо, чтобы и самое Положеніе о немъ приняло совершенно другую форму. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1865 года имѣетъ тотъ недостатокъ, что оно представляетъ больше общія правила, въ видѣ ряда теоремъ, изъ сопоставленія которыхъ надо дѣлать выводъ, чтобы судить, какому сбору подлежитъ въ частности тотъ или другой видъ торговли или промысла, или какія права соединены со взятіемъ того или другого

рода свидѣтельства. Рѣшенія этихъ задачъ въ иныхъ случаяхъ представляютъ такую сложную работу, что затрудняютъ не только торговцевъ, особенно мелкихъ, но и самыя казенныя палаты, недоразумѣніями коихъ вызваны всѣ циркуляры и разъясненія министра финансовъ къ этому Положенію, представляющіе, большею частью, только выводы изъ того же Положенія. Человѣку, незанимавшемуся практическимъ примѣненіемъ этого Положенія, чтеніе его не даетъ яснаго понятія о томъ, какимъ образомъ оно выражается на практикѣ, и въ какой мѣрѣ обложена каждая отрасль торговли или промысла, изъ ежедневно встрѣчаемыхъ.

Между тѣмъ Положеніе о налогѣ на торговлю и промыслы, предназначенное для всеобщаго руководства, даже полуграмотныхъ людей, должно именно отличаться опредѣлительностью и ясностью, недопускающими никакого недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что на разумѣніи его основаны денежные разсчеты промышленниковъ. Нынѣшнее Положеніе, какъ сказано выше, представляетъ преимущественно болѣе или менѣе сложныя правила, какимъ размѣромъ пошлинъ слѣдуетъ облагать разные виды промышленности; такія общія правила, конечно, необходимы, особенно для администраціи, для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ или въ случаѣ появленія новыхъ видовъ промышленности; но въ отношеніи всѣхъ существующихъ видовъ и отраслей промышленности размѣръ обложенія каждой отрасли, каждаго вида ея, въ различныхъ размѣрахъ производства, долженъ быть положительно опредѣленъ самимъ Положеніемъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за изложеніемъ общихъ началъ, принятыхъ въ основаніе обложенія, Положеніе должно представлять по возможности полный систематическій перечень всѣхъ существующихъ видовъ промышленности или промышленныхъ заведеній, съ указаніемъ, по каждому роду заведеній, какимъ окладомъ налога они облагаются при различныхъ степеняхъ значительности ихъ оборотовъ и прибыли, и какими внѣшними признаками опредѣляется эта степень значительности оборотовъ и прибыли ихъ. Краткость Положенія, происходящая отъ того, что оно ограничивается, большею частью, общими положеніями и избѣгаетъ повторенія разъ изложеннаго въ другой статьѣ—вовсе не есть достоинство въ этомъ случаѣ; напротивъ того, достоинствомъ можно было бы признать такое изложеніе Положенія, при которомъ по каждому роду заведеній можно было бы найти всѣ относящіяся до нихъ постановленія, не справляясь въ другихъ отдѣлахъ или въ изложеніи общихъ началъ. Эти соображенія должны имѣть и земскія и городскія учрежденія каждой губерніи, если раскладка этого налога будетъ возложена на нихъ.

Для полноты изложенной реформы необходимо подвергнуть ей существующіе промысловые налоги и на тѣ отрасли промышленности, которыя обложены на основаніи особыхъ уставовъ, какъ-то: горнаго

о питейномъ сборѣ, объ акцизѣ съ табаку и проч. Эти отрасли промышленности перечислены въ ст. 9-й Положенія 1865 года: золотые пріиски, заводы и фабрики: горные, свеклосахарные, табачные, винокуренные, водочные, пиво- и медоваренные и заведенія для продажи питей и табаку;—къ нимъ для полноты надо еще прибавить трактирныя заведенія.

Выше было замѣчено, что собственно акцизъ, которымъ обложены издѣлія нѣкоторыхъ изъ этихъ производствъ, не составляетъ промысловаго налога; промысловымъ налогомъ могутъ считаться только пошлины за торговыя и акцизныя свидѣтельства, и сборъ за патенты, которые занимающіеся какъ выдѣлкою, такъ и продажею этихъ издѣлій, обязаны имѣть и, наконецъ, горная подать и горный сборъ. Всѣ эти различные виды промысловаго налога необходимо слить въ одинъ, на тѣхъ же началахъ основанный, подоходный налогъ.

Необходимость эта истекаетъ, во-первыхъ, изъ самаго существа дѣла, именно изъ того, что для правильнаго и свободнаго развитія народнаго хозяйства и народнаго богатства всѣ виды или отрасли промышленности и производительности должны быть обложены равномѣрнымъ подоходнымъ налогомъ,—въ противномъ случаѣ неминуемо возбуждается искусственный наплывъ капиталовъ къ какимъ-либо однимъ отраслямъ промышленности и отвлеченіе ихъ отъ другихъ отраслей, въ ущербъ и тѣхъ, и другихъ, и всего народнаго хозяйства; потому что искусственное возбужденіе какой-нибудь промышленности, невызываемой естественными условіями страны, не можетъ никогда довести ее до прочнаго развитія; не имѣя почвы подъ собою, эта промышленность не можетъ пустить глубокихъ корней, ея развитіе будетъ всегда болѣзненное, а между тѣмъ, на нее будутъ обращены капиталы страны, которые, такимъ образомъ, будутъ отняты отъ болѣе производительныхъ и болѣе нужныхъ, по мѣстнымъ условіямъ, отраслей промышленности, въ явный ущербъ естественнымъ потребностямъ страны и ея народному богатству. Для примѣра достаточно предположить, что въ какой-либо странѣ патентный сборъ на питейныя заведенія былъ бы относительно прибыли, получаемой содержателями этихъ заведеній, установленъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ налогъ по другимъ торговымъ заведеніямъ. Естественно, что въ этомъ случаѣ питейныхъ заведеній развелось бы болѣе, чѣмъ сколько ихъ требуютъ условія страны; слѣдовательно, они развелись бы во вредъ странѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращенные на эти излишнія питейныя заведенія капиталы были бы, такимъ образомъ, отвлечены отъ болѣе производительныхъ отраслей промышленности, напримѣръ, сельскаго хозяйства и т. д. Вредное вліяніе чрезмѣрнаго налога болѣе очевидно и не требуетъ поясненія. Поэтому исчисленныя выше отрасли промышленности должны первоначально подвергнуться такому же изслѣдованію, какъ и остальныя; только тогда представится

возможность обложить ихъ промысловымъ налогомъ наравнѣ съ прочими торговыми и промышленными предпріятіями.

Съ другой стороны, помимо надобности уравнять падающій на нихъ налогъ съ налогомъ на остальные промыслы, обложеніе ихъ подоходнымъ налогомъ представляется необходимымъ по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ оно необходимо для всѣхъ отраслей производительности, т.-е. для уравненія налога между отдѣльными предпріятіями одной и той же отрасли,—такъ какъ и по этимъ отраслямъ промышленники обязаны нынѣ брать торговыя и акцизныя свидѣтельства, пошлины за которыя должны быть, въ избѣжаніе неравномѣрности налога съ величиною оборотовъ, переложены на патенты на заведенія, замѣняющіе собою билеты Положенія 1865 года. Притомъ же, съ уничтоженіемъ торговыхъ свидѣтельствъ по Положенію о торговлѣ и промыслахъ, сохраненіе этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ для этихъ отраслей промышленности было бы аномаліею.

Наконецъ, сліяніе въ одинъ промысловый налогъ всѣхъ разнообразныхъ торговыхъ пошлинъ, патентныхъ сборовъ, платы за табачныя акцизныя свидѣтельства и горной подати, взыскиваемыхъ на основаніи различныхъ уставовъ и положеній, необходимо для прекращенія происходящихъ отъ этого разнообразія практическихъ неудобствъ и недоразумѣній лицъ, занимающихся производствомъ и продажею товаровъ, подлежащихъ оплатѣ акцизомъ. Напримѣръ, неграмотный торговецъ, желающій открыть лавочку для розничной продажи русскаго табаку, обращается въ казначейство съ просьбою о выдачѣ ему надлежащаго по роду торговли свидѣтельства и ему выдается „акцизно-свидѣтельство на табачную лавочку", стоющее 5 руб. Торговецъ, полагая, что онъ уплатилъ все, что слѣдуетъ по такой торговлѣ, открываетъ лавочку и совершенно незаслуженно подвергается взысканію штрафа за неимѣніе „свидѣтельства на мелочной торгъ" и уплатѣ слѣдующихъ за него пошлинъ 18 р. — 15 р. 10 р. — 8 р., смотря по мѣстности. Если бы ему было впередъ извѣстно, что содержаніе табачной лавочки, съ уплатою всѣхъ казенныхъ пошлинъ и сборовъ въ городской доходъ, и въ пользу земства, обойдется дороже 30 р., онъ бы можетъ быть и не открылъ такой лавочки. Для мелочной продажи табаку изъ переносныхъ будокъ, столовъ, ларей и т. п. подвижныхъ помѣщеній, а также изъ угловъ и небольшихъ помѣщеній, неимѣющихъ вида и значенія комнаты, хотя бы съ дверью или окнами на улицу, такое разнообразіе сборовъ оказывается, кромѣ того, крайне отяготительно, потому что продажу изъ такихъ помѣщеній мелочныхъ товаровъ, поименованныхъ въ росписи Е. Положенія 1865 года, (ст. 40 примѣчаніе 3-е), дозволяется производить безъ взятія свидѣтельства на мелочной торгъ, а по одному лишь билету; между тѣмъ, для продажи табаку изъ такихъ же помѣщеній слѣдуетъ имѣть та-

бачное акцизное свидѣтельство, замѣняющее билетъ, и кромѣ того свидѣтельство на мелочной торгъ.

Особеннымъ же разнообразіемъ выбираемыхъ торговыхъ документовъ отличаются питейныя заведенія; ихъ стѣны большею частью украшены 5-ю документами: 1) свидѣтельствомъ на мелочной торгъ, 2) раскурочнымъ свидѣтельствомъ, 3) врачебнымъ, 4) прикащичьимъ и 5) патентомъ на продажу питій. Разнообразіе подобныхъ уставовъ и сборовъ, распложая счеты, отчетность, вѣдомости и дѣлопроизводство административныхъ мѣстъ, неминуемо увеличиваетъ и расходъ государства на содержаніе всѣхъ этихъ мѣстъ и на печатаніе разнаго рода торговыхъ бумагъ.

Изъ предыдущихъ разсчетовъ видно, что облегченіе лежащей нынѣ тягости пошлинъ на всей менѣе крупной торговлѣ и промышленности возможно только въ томъ случаѣ, если процентъ подоходнаго обложенія не будетъ превышать 4$^{0}/_{0}$; причемъ, дѣлая этотъ разсчетъ, мы имѣли въ виду только мѣстности 5, 4 и 2 класса; для мѣстностей же 1-го класса, къ которымъ по Положенію 1865 года отнесены наши главные торговые центры, какъ, напр., С.-Петербургъ, Москва и т. д., и въ которыхъ право торговли и промысловъ обложено теперь высшими пошлинами, принятый нами 4-хъ-процентный размѣръ обложенія былъ бы, повидимому, очень значительнымъ облегченіемъ, отъ котораго въ видахъ государственной пользы можно было бы на время отказаться, а для того принять болѣе высокій $^{0}/_{0}$ обложенія. Не надо забывать, что въ указанныхъ выше разсчетахъ приведено сравненіе между 4-хъ-процентнымъ подоходнымъ налогомъ и нынѣшними пошлинами, уплачиваемыми только за торговыя свидѣтельства и билеты. Но кромѣ того существуютъ еще пошлины за прикащичьи свидѣтельства и за паспорты, которыя въ предыдущіе разсчеты не введены, за неимѣніемъ данныхъ: какую они составляютъ сумму по каждому приведенному торговому заведенію;—съ принятіемъ же въ разсчетъ этихъ пошлинъ, очевидно, что мы получили бы, во многихъ случахъ, еще большее облегченіе торговли черезъ 4$^{0}/_{0}$ подоходное обложеніе; слѣдовательно, повышеніе этого процента представляется вполнѣ возможнымъ, даже и въ томъ случаѣ если кромѣ обложенія промышленности равномѣрнымъ налогомъ, это было бы уже значительнымъ пособіемъ для менѣе крупной промышленности, имѣлось бы въ виду и непосредственное уменьшеніе цифры налога съ этой послѣдней.

Тѣмъ болѣе представляется возможнымъ возвысить процентъ подоходнаго обложенія торговли и промышленности, если при этомъ имѣется въ виду не только болѣе правильное обложеніе самой торговли и промышленности, но еще замѣна подушныхъ податей долженствующимъ произойти черезъ это излишкомъ государственнаго дохода. Самарское земство, имѣя въ виду увеличить сумму государственнаго

дохода отъ торговли и промысловъ на 34 тыс. р. (т.-е. до 45 тыс. р., тогда какъ она теперь составляетъ 11 тыс. р.), и полагая, что такого увеличенія этой суммы нельзя достигнуть черезъ 4% подоходное обложеніе, предположило, какъ мы видѣли, 8½% или 9% обложенія, при которомъ, по его разсчетамъ о торговыхъ и промышленныхъ оборотахъ по всей имперіи, можетъ получаться требуемая сумма. Такое высокое обложеніе, если и не облегчитъ непосредственно тягость пошлинъ, падающихъ теперь на относительно мелкую торговлю и промышленность, но будучи установлено для замѣны подушныхъ податей, будетъ все-таки имѣть благопріятное вліяніе на ту торговлю и промыслы. Въ самомъ дѣлѣ, не только эти 34 т. р., но и бóльшая часть той суммы, на которую, черезъ введеніе общаго подоходнаго налога, уменьшится падающая на крестьянское сословіе въ настоящее время податная тягость, можетъ быть около 50 т. р. несомнѣнно возвратятся торговлѣ и промышленности въ видѣ платы за товары и услуги, и около 15 т. р. или 10 т. р. изъ нихъ составятъ ихъ чистую прибыль, и тѣмъ самымъ процентъ обложенія ихъ уже уменьшится процента на 2, въ томъ, конечно, предположеніи, что сумма всего подоходнаго налога не будетъ ежегодно замѣтно возрастать и подвергаться крупнымъ перемѣнамъ въ раскладкѣ. Затѣмъ, съ постепеннымъ возрастаніемъ благосостоянія въ крестьянской средѣ, которое именно отъ того и должно послѣдовать, что средства этой среды будутъ тратиться не на взносы ихъ въ казначейства, а на усиленіе сельско-хозяйственной производительности, торговля и промышленность будутъ имѣть изъ года въ годъ все болѣе выгодъ. Такое взаимодѣйствіе, очевидно, не можетъ не имѣть самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ какъ для всѣхъ классовъ населенія, такъ и для государственнаго казначейства.

Н. М.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го октября, 1871.

Вакаціи въ Версали. — Процессъ парижской коммуны. — Дѣло Росселя и Рошфора. — Трошю и Рошфоръ. — Положеніе дѣлъ въ Германіи. — Движеніе „старыхъ католиковъ" и ихъ конгрессы. — Конституціонная борьба въ Австріи и выборы. — Сеймъ чешскаго королевства. — Альпійскій туннель. — Смерть двухъ визирей и назначеніе новаго.

Наконецъ, Парижъ освободился отъ осады, въ которой онъ пребывалъ ровно годъ. Годъ тому назадъ въ сентябрѣ, вокругъ его сомкнулись линии нѣмецкихъ войскъ; теперь, въ половинѣ минувшаго мѣсяца, по уплатѣ первыхъ $1^1/_2$ мильярда франковъ контрибуціи, четыре прилегающіе къ Парижу департамента очищены нѣмецкими войсками. Но внутри Парижа все-таки продолжаетъ дѣйствовать осадное положеніе, неизвѣстно для чего; развѣ для того только, чтобы генералъ Ладмиро́ могъ запрещать газеты: „запрещать Истину" (supprimer la Vérité), какъ онъ то недавно сдѣлалъ, какъ будто съ ироническою цѣлью, запретивъ газету этого названія. Во всей Франціи теперь осталось нѣмецкаго войска 80 т. чел., въ силу конвенціи 11-го марта, между Жюлемъ-Фавромъ и генераломъ Стошемъ, по которой, за уплатою первой половины втораго мильярда, французское правительство обязывается платить за продовольствіе только 80 т. чел. и 30 т. лошадей.

Затѣмъ, кромѣ большого политическаго процесса, во Франціи не происходило ничего особенно-замѣчательнаго. За продленіе и опредѣленіе своей власти президентъ республики, Адольфъ Тьеръ, благодарилъ собраніе посланіемъ. Другимъ посланіемъ онъ предложилъ депутатамъ отдохнуть отъ занятій. Собраніе рѣшило разойтись до 4-го декабря (н. с.), оставивъ для наблюденія за исполнительной властью коммиссію изъ 25-ти членовъ. Въ посланіи Тьера была помѣщена неизбѣжная аллегорія о „кораблѣ"; на этотъ разъ, впрочемъ, рулевой приглашалъ всѣхъ ма-

тросовъ и пассажировъ спасать корабль; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же предлагалъ и отдыхъ.

Послѣднимъ дѣломъ національнаго собранія было внесеніе нѣкоторыхъ измѣненій въ условленный правительствомъ съ Германіею проектъ торговой конвенціи относительно Эльзаса и Лотарингіи. Испрашивалось уполномочить правительство на заключеніе съ Германіею трактата, въ силу котораго нѣмецкія войска очистили бы раньше срока извѣстный районъ изъ занимаемыхъ ими департаментовъ, взамѣнъ предоставленія Франціею нѣкоторыхъ облегченій для эльзасской промышленности. Собраніе было очень нерасположено къ этому, но Тьеръ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и убѣдилъ большинство. Однакоже собраніе внесло въ предъявленный имъ проектъ нѣкоторыя измѣненія, что́ по отзывамъ съ нѣмецкой стороны представляетъ затрудненія къ заключенію этого трактата. Такъ, покамѣстъ, это дѣло и остановилось. Собраніе разошлось, не обсудивъ финансовыхъ законовъ; но сборы возрасли въ такой степени, что Тьеръ призналъ возможнымъ повременить введеніемъ новыхъ налоговъ. Болѣе любопытенъ версальскій процессъ.

Обзоръ суда надъ членами парижской коммуны и ихъ пособниками мы должны были отложить до произнесенія главныхъ приговоровъ. Теперь мы займемся, главнымъ образомъ, именно имъ, такъ какъ онъ имѣетъ историческое значеніе, проливая свѣтъ на событія, сопровождавшія парижское возстаніе, на характеръ и дѣятельность нѣкоторыхъ изъ главныхъ руководителей мятежа, а вмѣстѣ служитъ и къ характеристикѣ нынѣшняго положенія вещей во Франціи. Мы остановимся собственно на главной группѣ подсудимыхъ, то-есть на членахъ коммуны, а изъ ихъ „пособниковъ" на Росселѣ и Рошфорѣ.

За участіе въ составѣ коммуны судились 18 лицъ, которыхъ имена приводились обвиненіемъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Ферре́, Асси, Юрбенъ, Билльорэ, Журдъ, Тренке́, Шампи, Режѐръ, Лисбоннъ, Вердюръ, Растуль, Груссе́, Курбе́, Люллье, Клеманъ, Паранъ и Деканъ. Старшій изъ нихъ по лѣтамъ — Курбе́, 51 года, младшій — Груссе́, 27 лѣтъ. Профессіи ихъ весьма различны: отъ доктора медицины (Растуль) до сапожника (Тренке́) идутъ артисты, учителя, студентъ, литераторъ, офицеръ и ремесленники. Замѣчательно, что среди ихъ не было ни одного торговца. Наиболѣе примѣчательны по своей роли или по своему характеру: Ферре́, Асси, Журдъ, Груссе́, Люллье́ и Курбе́. Изъ „пособниковъ" же коммуны, суждены доселѣ: Россель и Рошфоръ.

Оффиціальный взглядъ на коммуну, взглядъ нынѣшнихъ правителей Франціи извѣстенъ уже изъ тѣхъ заявленій, какими они оправдывали свою войну съ парижскимъ мятежемъ и кровавое его усмиреніе. Этотъ взглядъ былъ положенъ въ основаніе записки о событіяхъ, предшествовавшихъ мятежу и его сопровождавшихъ,—записки, которая,

по слухамъ, была составлена по указаніямъ Тьера, и во всякомъ случаѣ одобрена имъ. Эту записку при предъявленіи суду принялъ на свою отвѣтственность правительственный коммисаръ (прокуроръ) майоръ Гаво. Она, вмѣстѣ съ той частью обвинительныхъ актовъ, которая касается дѣйствій общихъ всѣмъ подсудимымъ, и представляетъ полное изложеніе оффиціальнаго взгляда на мятежъ 18-го марта, дальнѣйшее его развитіе, дѣйствія центральнаго комитета и коммуны, убійства, захваты собственности, разрушенія и т. д.

Политическая сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что корнемъ всѣхъ этихъ бѣдствій служило революціонерное международное общество; что элементы безпорядка и общественнаго потрясенія были подготовлены имъ еще при существованіи имперіи; что событіе 4-го сентября 1870 г., т.-е. провозглашеніе республики не удовлетворило анархистовъ, и что они поспѣшили воспользоваться замѣшательствомъ, произведеннымъ вступленіемъ непріятельскихъ войскъ въ Парижъ, для захвата пушекъ и осуществленія своего анархическаго плана. При этомъ, записка старается ловко обойти затруднительные для правительства вопросы, именно: почему орудія не были увезены войсками и почему правительство бѣжало изъ Парижа въ Версаль. Нельзя однако не замѣтить, что этихъ вопросовъ невозможно ни разъяснить иначе какъ неспособностью и робостью правительства, ни обойти съ соблюденіемъ ловкости. Записка такъ и ограничивается показаніемъ, что хотя орудія были взяты войсками, но трудно было провезть чрезъ весь Парижъ болѣе двухсотъ упряжекъ, и что правительство, увидѣвъ непослушаніе въ рядахъ національной гвардіи, почло нужнымъ направиться (se replier) на Версаль. Но если требовалось провезти орудія чрезъ весь Парижъ, то, стало быть, уже предполагалось вывезть ихъ изъ Парижа, предполагалось внезапно отнять у парижскаго населенія, носившаго оружіе въ пятимѣсячную осаду — ружья и вывезть изъ Парижа орудія — то-есть предполагалось нѣчто такое, что и безъ участія международнаго общества непремѣнно должно было произвесть всеобщее недоумѣніе и недовѣріе.

Юридическая сущность оффиціальнаго взгляда заключалась въ томъ, что мятежъ, убійства, захваты и разрушенія составляютъ вину *всѣхъ* членовъ центральнаго комитета и коммуны, такъ какъ всѣ они солидарны въ декретахъ и распоряженіяхъ этихъ революціонныхъ учрежденій; каждый, кто не протестовалъ, формально виновенъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ; а такъ какъ каждое правительство должно несть отвѣтственность и за послѣдствія своихъ мѣръ, и за дѣйствія всѣхъ своихъ уполномоченныхъ и агентовъ, то отсюда слѣдуетъ, что лица, бывшія членами коммуны, должны отвѣчать не только за противозаконныя дѣйствія и преступленія, совершенныя ими всѣми нераздѣльно,

или каждымъ въ отдѣльности, но и за всѣ преступленія и бѣдствія, какими сопровождалось управляемое ими возстаніе.

Относительно политическаго взгляда можно замѣтить, что насколько дѣло выяснено показаніями подсудимыхъ, свидѣтелей и письменными доказательствами, нѣтъ никакой возможности относить происхожденіе мятежа преимущественно къ винѣ „международнаго общества". Правда, общество это, послѣдовавшими заявленіями, выразило свое одобреніе дѣйствіямъ коммуны; но судебными преніями вовсе не обнаружено, чтобы не только всѣ, но хотя бы большинство членовъ коммуны были членами международнаго общества; не доказано даже, чтобы кто-либо изъ самихъ подсудимыхъ былъ главнымъ зачинщикомъ мятежа, и хотя, какъ то обыкновенно бываетъ, защита охотно допускала взведеніе тягчайшихъ обвиненій на убитыхъ и отсутствующихъ, но все что можно сказать на основаніи самого нынѣшняго судопроизводства, такъ это именно, что даже Бланки, Эдъ, Делеклюзъ, Клюзре́, Риго́ и т. д. не выставлены имъ какъ прямые зачинщики и виновники мятежа. Всѣ дѣйствія, въ которыхъ обвинялись какъ подсудимые, такъ и умершіе и отсутствующіе вожди возстанія, имѣютъ характеръ эпизодическій. Менѣе всего доказано то, что оно было заранѣе подготовлено международнымъ обществомъ и приведено въ исполненіе именно такими-то его агентами. Главная вина мятежа, очевидно, въ самыхъ обстоятельствахъ. Подсудимые, конечно, виновны въ томъ, что приняли въ немъ участіе и предводительство; но никакъ нельзя утверждать, что они именно вызвали мятежъ. А въ числѣ тѣхъ причинъ, тѣхъ обстоятельствъ, которыя его вызвали, не послѣднее мѣсто занимаютъ неспособность и робость, выказанныя правительствомъ.

Относительно юридическаго взгляда, по провѣркѣ его показаніями и преніями, можно сказать, что онъ былъ слишкомъ безусловенъ. Утверждать, что въ пожарахъ и убійствѣ заложниковъ виновны нѣкоторые члены коммуны теперь можно, такъ какъ это доказано во время суда относительно Ферре́ — участіе его въ пожарахъ письменнымъ его приказаніемъ, а участіе его въ убійствѣ заложниковъ—показаніемъ двухъ свидѣтелей. Но, на основаніи судебныхъ актовъ, нельзя утверждать, что всѣ подсудимые были солидарны во всѣхъ распоряженіяхъ коммуны; въ этомъ отношеніи и судъ не основался на заключеніи обвинительной власти, допустивъ разныя степени участія и отвѣтственности каждаго за прямыя свои дѣла́. Сверхъ того, совершенно напрасно было возлагать на всѣхъ членовъ коммуны не только круговую поруку за ея дѣйствія, но еще и за всѣ дѣйствія ихъ агентовъ и за всѣ преступленія и бѣдствія, какія были послѣдствіями мятежа. Это было даже довольно неудобно въ одномъ отношеніи. Именно, когда обвиненіе ставило такой принципъ, что „всякое правительство должно несть отвѣтственность и за всѣ дѣйствія своихъ уполномоченныхъ и аген-

товъ", то такой принципъ легко было повернуть прежде всего, и самымъ страшнымъ образомъ, противъ правительства версальскаго: его агентами огромное число людей, послѣ второго взятія Парижа, умерщвлено безъ всякаго суда, по слухамъ, до 15-ти тысячъ человѣкъ. Никогда агенты коммуны не производили такой ужасной гекатомбы, какъ версальскія войска́, нѣсколько дней тѣшившіяся надъ населеніемъ Парижа.

Въ отношеніи юридическомъ нельзя также не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ системѣ обвиненія: если она возлагала солидарную отвѣтственность на коммуну за дѣйствія ея агентовъ на томъ основаніи, что коммуна фактически была *правительствомъ*, то логично ли было обвинять членовъ коммуны не за одно присвоеніе себѣ власти и мятежъ, но и за каждое отдѣльное проявленіе этой власти, какъ-то: наборъ рекрутъ, реквизиціи, фабрикацію боевыхъ снарядовъ и т. д. Что-нибудь изъ двухъ: или коммуна была правительствомъ, хотя и незаконнымъ, и въ такомъ случаѣ само собою разумѣется, что захвативъ власть, она затѣмъ въ каждомъ своемъ распоряженіи проявляла эту власть па самозащищеніе и обвинять ее достаточно было въ одномъ присвоеніи себѣ власти мятежемъ. Или коммуна была не правительство, а просто шайка разбойниковъ, дѣйствовавшихъ какъ случится, когда по общему согласію, а когда по личному усмотрѣнію, для личной выгоды; но въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи ни о солидарности членовъ коммуны между собою, ни о круговой отвѣтственности ихъ за дѣйствія ея подчиненныхъ.

На минуту мы оставимъ теперь судъ, и спросимъ себя, что же такое было въ сущности эта коммуна, и какова будетъ отвѣтственность ея передъ исторіею? На этотъ вопросъ можно отвѣтить, на основаніи судебнаго дѣла, такъ: члены коммуны были люди не подготовленные къ серьезной политической дѣятельности, хотя, по бо́льшей части, люди умственно-развитые. Министръ финансовъ былъ студентъ Журдъ, который и выказалъ собственно только одно качество—энергію, дѣятельность; министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ литераторъ-памфлетистъ Паскаль Груссé, который не зналъ даже какъ и завязать внѣшнія сношенія. Военными министрами и главнокомандующими перебывали разные люди, болѣе или менѣе знающіе и способные: Люлье, Эдъ, Клюзре, Россель, Домбровскій. Дѣйствія ихъ были парализованы недостаткомъ дисциплины въ войскѣ и безпрестанными смѣнами ихъ самихъ. Во всякомъ случаѣ, ни одного изъ нихъ не было со способностями необыкновенными и съ достаточнымъ авторитетомъ. Были люди съ необыкновенной энергіею и, надо полагать, искренніе; таковъ былъ Делеклюзъ, который не захотѣлъ пережить „еще одного торжества реакціи". Но были и такіе безсовѣстные, какъ Люлье, Феррѐ; а большинство состояло изъ людей пустыхъ и тщеславныхъ. Относительно дѣйствій

ихъ настоящее судебное разбирательство выяснило тотъ, подлежавшій еще нѣкоторому сомнѣнію фактъ, что нѣкоторые члены коммуны принимали участіе въ дѣлѣ сожженія Парижа, и что вообще коммуна держалась того убѣжденія, что если Парижъ придется сдавать врагамъ демократіи, то слѣдовало бы его разрушить. Но дѣйствительное участіе въ сожженіи зданій доказано вполнѣ только относительно Ферре́.

Съ другой стороны, можно сказать положительно, что исторія будетъ судить коммуну, по всей вѣроятности, снисходительнѣе, чѣмъ версальскіе военные судьи. Въ глазахъ исторіи между правительствомъ Тьера и коммуною не будетъ того безусловнаго различія, что одно было правительство законное, а другая — шайка мятежниковъ. Исторія не можетъ не принять къ свѣдѣнію и той точки зрѣнія, что одни были побѣжденные, а другіе побѣдители, и что во Франціи успѣхъ не одинъ разъ узаконялъ мятежъ. Во всякомъ случаѣ о большинствѣ членовъ коммуны и центральнаго комитета можно сказать, что они были люди ничтожные. Изъ восьмидесяти членовъ коммуны и сорока членовъ центральнаго комитета едва ли десятеро явились на баррикады, когда начался погромъ; остальные воспользовались всѣми средствами, чтобы разбѣжаться.

Но если большинство этихъ дѣятелей были люди ничтожные, то и о главныхъ изъ нихъ, за исключеніемъ Рауля Риго́, Ферре́ и Люллье, можно сказать, что они „могли быть хуже", чѣмъ какими они представляются на основаніи настоящаго судебнаго дѣла. Рауля Риго́ и Ферре́ слѣдуетъ назвать палачами, Люллье—безнравственный хвастунъ и продажный человѣкъ, вступившій въ сношенія съ Тьеромъ, обѣщавшій предать коммуну, если ему „будутъ доставлены денежныя средства *для этого*", то-есть просто деньги, которыя бы онъ раздѣлилъ со своими сообщниками. Но все-таки названіе „шайки разбойниковъ" исторія едва ли упрочитъ за всею коммуной. Представьте себѣ городъ съ двухмилліоннымъ населеніемъ, преданный анархіи, пораженный во всѣхъ своихъ патріотическихъ чувствахъ, лишенный необходимѣйшихъ средствъ къ жизни, и посреди его власть облеченную диктатурой, власть состоящую изъ людей, которые не имѣютъ общей цѣли и взаимно недовѣряютъ другъ другу. Еслибы они были настоящей шайкой разбойниковъ, то чего слѣдовало ожидать въ этомъ городѣ? Всеобщаго разграбленія и потоковъ крови. Вмѣсто того, мы видимъ, что убійства хотя совершены, и самыя гнусныя, убійства заложниковъ и двухъ генераловъ, одинокихъ среди толпы, но все-таки никакъ нельзя сказать, что въ Парижѣ господствовала система убійства. Вовсе нѣтъ,—и населеніе города при коммунѣ нисколько не опасалось за свою участь съ *ея* стороны. Что касается грабежа, то хотя онъ и могъ быть, и даже вѣроятно, что нѣкоторые изъ членовъ коммуны не совсѣмъ точно отдѣляли понятія о государственной и личной соб-

ственности, — какъ то явствуетъ хотя бы изъ факта нѣсколькихъ тысячъ франковъ, найденныхъ при Журдѣ, при его арестованіи, и изъ недостаточно впрочемъ выясненнаго дѣла о серебрянной посудѣ министерства иностранныхъ дѣлъ — но все-таки то, что было сдѣлано, составляло въ самомъ дѣлѣ минимумъ грабежа, возможнаго при такихъ обстоятельствахъ.

Достаточно указать на слѣдующій фактъ: при судебномъ допросѣ Журда, управлявшій французскимъ банкомъ (назначенный законнымъ правительствомъ) маркизъ Плёкъ (Ploeuc) объяснилъ, что въ банкѣ содержалось три мильярда франковъ, въ томъ числѣ мильярдъ звонкою монетою, мильярдъ вкладовъ и на текущемъ счету, представлявшій состояніе 880-ти тысячъ семействъ, наконецъ, мильярдъ въ банковыхъ билетахъ, которымъ недоставало только одной подписи. И что же?— изъ всей этой суммы коммуна вынудила выдачу себѣ въ разное время всего шестнадцати милліоновъ франковъ. Правда, Журдъ при этомъ постоянно угрожалъ въ противномъ случаѣ занять банкъ національною гвардіею, въ чемъ и давалъ маркизу Плёкъ росписки. Но не трудно повѣрить словамъ Журда, когда онъ говоритъ, вполнѣ согласно съ управлявшимъ банкомъ, что угрозу эту предъявлялъ потому, что самъ маркизъ иначе отказывался выдавать деньги, и каждый разъ требовалъ въ огражденіе своей отвѣтственности такихъ именно наивныхъ росписокъ со стороны Журда, съ помѣщеніемъ въ нихъ угрозы. Гораздо проще было безъ всякихъ росписокъ занять банкъ, и раздѣлить между собою хотя бы мильярдъ въ звонкой монетѣ, что настоящая шайка разбойниковъ, разумѣется, и не преминула бы сдѣлать.

Журдъ утверждаетъ, что изъ прусскаго лагеря спекулянты предлагали ему огромную сумму, чтобы онъ „свернулъ нѣсколько холстовъ", то-есть продалъ имъ нѣсколько знаменитыхъ картинъ, и нѣтъ никакого основанія не вѣрить этимъ словамъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что извѣстный живописецъ Курбѐ, управлявшій при коммунѣ музеями, сохранилъ коллекціи въ исправности, что̀ доказываетъ не только его честность, но и тотъ фактъ, что никто не думалъ объ общемъ разграбленіи. Иначе ни Журдъ, ни Курбе ничего не могли бы сдѣлать.

Эта общая оцѣнка сдѣлана нами на основаніи фактовъ, выясненныхъ постепенно въ теченіи всего судебнаго разбирательства, продолжавшагося около мѣсяца. Теперь мы должны прибавить нѣчто къ характеристикѣ отдѣльно нѣкоторыхъ изъ главныхъ подсудимыхъ.

Теофиль Ферре́ уличается въ поджогахъ собственноручнымъ и подписаннымъ письмомъ, въ которомъ сказано: „сожгите министерство финансовъ (faites flamber finances)"; замѣчательно, что Ферре́ по профессіи былъ счетчикъ, бухгалтеръ, и вотъ онъ же сжегъ всѣ счеты министерства финансовъ, а также и полицейскую префектуру, которой

былъ начальникомъ при коммунѣ. Онъ же уличенъ свидѣтельскими показаніями въ томъ, что приказалъ разстрѣлять нѣкоего Вейссе, и раздавалъ за это солдатамъ по 5-ти франковъ на человѣка; онъ уличался (надо впрочемъ замѣтить, что въ этомъ обличаетъ его человѣкъ, содержавшійся въ тюрьмѣ за воровство) въ томъ, что выводя изъ тюрьмы шестерыхъ заложниковъ, въ томъ числѣ архіепископа парижскаго Дарбуá, онъ сказалъ: „взяли шестерыхъ нашихъ, такъ и мы разстрѣляемъ шестерыхъ". Другіе свидѣтели уличали Ферре́ въ томъ, что онъ приказалъ освободить въ Рокеттской тюрьмѣ преступниковъ, и далъ имъ оружіе, и вмѣстѣ приказалъ вывесть большое число заложниковъ, съ тою цѣлью, чтобы они стали жертвою каторжниковъ, что и случилось, такъ какъ каторжники множество заложниковъ, между прочимъ однихъ жандармовъ убили 66 человѣкъ.

Феррѐ держалъ себя во время всего процесса очень самоувѣренно; онъ и Асси́ постоянно подсмѣивались, пожимали плечами и т. д. Президентъ однажды даже замѣтилъ имъ это, впрочемъ вѣжливо. Феррѐ, передъ защитою, роздалъ печатное объясненіе и потомъ сталъ самъ читать его передъ судомъ, но былъ прерванъ президентомъ, такъ какъ объясненіе это составлено въ очень сильныхъ выраженіяхъ. Впрочемъ, на просьбу его, чтобы ему было позволено прочесть послѣднія строки, ему это и было позволено. Сущность этого объясненія и оправданія Феррѐ состоитъ въ слѣдующемъ: „Роялисты хотѣли сдѣлать, ночью 18-го марта, государственный переворотъ, но оппозиція національной гвардіи помѣшала имъ; затѣмъ, когда комитетъ національной гвардіи Парижа рѣшился произвесть выборы въ городскую общину, чтобы Парижъ имѣлъ правильное управленіе, тогда долгомъ версальскаго правительства было признать эти выборы дѣйствительными и вступить въ соглашеніе съ общиною, чтобы возстановить согласіе. Вмѣсто того, правительство начало междоусобную войну...., произвело нападеніе на Парижъ и подвергло его вторичной осадѣ. Парижъ сопротивлялся два мѣсяца, и тогда правительство допустило въ теченіи десяти дней умѐрщвленіе массами безъ разбору и суда. Это напоминаетъ варѳоломееву ночь, это далеко превосходитъ ужасомъ пресловутые іюньскіе (1848) и декабрьскіе (1851) дни. Когда же наконецъ перестанутъ пускать въ народъ картечью? Членъ парижской общины, я нахожусь въ рукахъ ея побѣдителей; они хотятъ головы моей—пусть возьмутъ ее. Свободнымъ я жилъ, свободнымъ я и умру. Но счастье перемѣнчиво. Я возлагаю на будущность заботу о моей памяти и о моемъ дѣлѣ".

Адольфъ Асси́ по ремеслу механикъ; ему было поручено коммуною изготовленіе боевыхъ припасовъ. Обвиненіе напоминало, что онъ былъ во главѣ возстанія рабочихъ въ Крёзó, усмиреннаго при имперіи, былъ членомъ международнаго общества, и въ снарядахъ, которые

приготовлялъ для обороны противъ версальскихъ войскъ, употреблялъ синильную кислоту и начинялъ гранаты гвоздями, обмоченными въ стрихнину. Ассú отрицалъ все это, кромѣ того факта, что онъ дѣйствительно, по мѣрѣ силъ, приготовлялъ всякіе боевые снаряды для обороны Парижа. При этомъ онъ поставилъ такой принципъ: что такъ какъ версальское правительство произвело само первое нападеніе на Парижъ и продолжало его осаду, то онъ, Ассú, и всякій гражданинъ Парижа былъ обязанъ защищаться противъ этого нападенія оружіемъ. Употребленіе ядовъ и другихъ непозволенныхъ припасовъ въ боевыхъ снарядахъ Ассú отрицалъ, но въ виду многихъ показаній допустилъ, что подобные снаряды могли быть приготовлены прежде „для пруссаковъ", а послѣ и были употреблены. Впрочемъ это обвиненіе совсѣмъ напрасно, такъ какъ убійственный разсчетъ, приписываемый Ассú, былъ противенъ законамъ химіи; при разрывѣ, газы улетучивались, и никого такіе снаряды отравить не могли. Защитникъ Ассú старался оправдать его между прочимъ тѣмъ, что версальскія войскá употребляли разрывныя пули, чтó прокуроръ отвергалъ съ негодованіемъ и что въ дѣйствительности недоказано.

Франдискъ Журдъ, медицинскій студентъ, министръ финансовъ, какъ уже сказано выше, исторгалъ деньги у банка. Обвинительная власть немного черезъ мѣру придиралась къ Журду, требуя отъ него точной отчетности, которой, очевидно, не могло быть, и ставя его въ противорѣчіе съ самимъ собою на основаніи его же цифръ, хотя эти цифры, какъ приблизительныя, не могли служить основаніемъ для точныхъ выводовъ. Впрочемъ фактъ, что у Журда было 7,000 франковъ, когда онъ былъ арестованъ, не подлежитъ сомнѣнію. Журдъ показалъ, что имъ во время его управленія было получено денегъ около 47-ми милліоновъ франковъ, въ томъ числѣ по 600 т. фр. ежедневнаго сбору, а именно: найдено въ министерствѣ финансовъ наличными 4 милліона, получено ежедневнаго сбора (заставного, гербоваго, табачнаго и т. д.) 21 милл., взято отъ компаній желѣзныхъ дорогъ 2 милліона. Сверхъ того, какъ уже сказано, банкъ выдалъ ему 16 милл. франковъ, но непонятно почему эту сумму Журдъ не включаетъ въ счетъ, хотя признаетъ ея полученіе. Журдъ старался доказать, что онъ не только не ограбилъ банкъ, но напротивъ охранилъ его.

Губтавъ Курбé, знаменитый живописецъ, обвинялся главнымъ образомъ въ разрушеніи вандомской колонны. Впрочемъ, по отношенію къ нему сама обвинительная власть допускала снисхожденіе. Курбé сильно упалъ духомъ во время процесса, и оправдывался несвязно, порою даже смѣшно. Онъ доказывалъ, что главная цѣль его была охранить артистическія богатства Парижа, чтó ему и удалось, за исключеніемъ вандомской колонны, „которая, впрочемъ—прибавилъ онъ—съ точки зрѣнія искусства была ничтожна".—„Такъ вы разрушили

ее съ точки зрѣнія искусства?“ спросилъ предсѣдатель. „Да“ (absolument), отвѣтилъ-было Курбѐ, но потомъ спохватился и сталъ доказывать, что не ему принадлежала мысль о разрушеніи колонны; мысль эта была заявлена въ адрессѣ, подписанномъ нѣсколькими мэрами, и коммуна рѣшила привесть ее въ исполненіе еще прежде, чѣмъ Курбѐ вступилъ въ составъ коммуны. Однако судъ призналъ его именно виновнымъ въ разрушеніи колонны, хотя онъ и объяснялъ, что „хотѣлъ только перенести ее въ другое мѣсто“, напримѣръ, къ дому инвалидовъ или на марсово поле. Наивно было, что Курбѐ передъ военнымъ судомъ, рѣшавшимъ его участь, вдался въ художественную критику вандомской колонны; она стояла на слишкомъ узкой площади и заграждала ее; скульптура этой колонны ребяческая; въ ней недоставало перспективы; это—пародія на колонну Траяна; только тотъ не пойметъ этого, кто никогда не видывалъ дверей флорентинскаго баптистерія и т. д.

Карлъ Люллье́, отставной морской офицеръ, имѣлъ большое вліяніе въ національной гвардіи. Онъ хвастунъ, и нѣкоторыя его выходки до того странны, что, надо полагать, онъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что могъ „сместь (balayer)“ всю коммуну, еслибы захотѣлъ, и онъ хотѣлъ; онъ храбрый человѣкъ, онъ не въ первый разъ одинъ, съ револьверомъ въ рукѣ, удерживалъ цѣлую толпу. Какъ командиръ національной гвардіи, онъ могъ забрать всѣхъ этихъ людей, для этого нужны были только деньги, и правительство обѣщало ихъ ему, но не дало; впрочемъ, планъ разогнать коммуну созрѣлъ у него независимо отъ предложеній правительства. Люллье́ удивляется, какъ его отдали подъ судъ: онъ заключилъ съ правительствомъ обоюдное обязательство; онъ готовъ былъ исполнить свою долю въ этомъ обязательствѣ; а правительство, которое, кромѣ денегъ, обѣщало ему и безнаказанность, отдаетъ его подъ судъ! Впрочемъ, онъ солдатъ, и потому умретъ съ улыбкой на устахъ. Люллье́ разсказалъ еще, что онъ во время первой осады Парижа ѣздилъ на Балтійское море, осматривалъ Киль и составилъ планъ, посредствомъ котораго можно было отвлечь отъ Франціи 100 тысячъ пруссаковъ. Онъ обвинялся спеціально въ убійствѣ одного капитана, въ подговорѣ войскъ къ мятежу и въ принадлежности къ международному обществу.

Паскаль Груссе́, писатель, извѣстный своимъ сочиненіемъ „18-ое брюмера“ и участіемъ въ газетахъ „Rappel“, „Marseillaise“ и „Affranchi“, будучи при коммунѣ делегатомъ иностранныхъ дѣлъ, защищалъ дѣйствія коммуны. По его словамъ, захватъ заложниковъ былъ сдѣланъ вовсе не съ цѣлью казнить ихъ; это не приходило въ мысль „членамъ коммуны“. Коммуна питала отвращеніе къ пролитію крови, сказалъ Груссе́; „доказательствомъ служитъ фактъ, что при коммунѣ былъ произнесенъ всего одинъ смертный приговоръ, да и тотъ смягченъ“. Груссе́ призналъ, что, будучи делегатомъ, онъ „занимался внѣш-

нею пропагандою", но не объяснилъ точнѣе этихъ словъ. Что касается его сношеній съ пруссаками, то они ограничились тѣмъ, когда генералъ Фабрице угрожалъ репрессаліями за обиды, нанесенныя нѣкоторымъ иностранцамъ, Груссé потребовалъ арестованія виновныхъ и сообщилъ объ этомъ генералу. Повидимому, однако, Груссé надѣялся подкупить какого-то прусскаго офицера и съ этой цѣлью передалъ одному эльзасцу 25 т. фр., но все это не выяснено. За то выяснился одинъ забавный фактъ: Груссé, въ самую послѣднюю минуту своего управленія, уплатилъ своему портному 1,600 франковъ изъ казенныхъ денегъ. Онъ отозвался, что сдѣлалъ это съ цѣлью раздачи его рабочимъ. Но портной понялъ дѣло иначе, а именно, принялъ эти деньги въ уплату долга Груссé. Груссé объявилъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность во всѣхъ дѣйствіяхъ коммуны, исключая въ убійствѣ заложниковъ и въ поджогахъ.

Всѣхъ вопросовъ о виновности подсудимыхъ было поставлено 503. Общіе вопросы, примѣненные ко всѣмъ первымъ девяти изъ подсудимыхъ, подраздѣлены были, сверхъ того, по отдѣльнымъ пунктамъ обвиненія, относительно каждаго изъ нихъ. Совѣщанія суда передъ произнесеніемъ приговора продолжались тринадцать часовъ. Судъ возвратился въ залу совѣщанія въ три четверти седьмого вечеромъ (засѣданіе началось рано утромъ; когда судъ удалился для совѣщаній было еще только половина седьмого утромъ). Когда судъ вышелъ, стража сдѣлала на караулъ и оставалась въ такой позѣ болѣе двухъ часовъ, такъ какъ все это время длилось чтеніе приговора; наконецъ, солдаты поставили ружья къ ногѣ, безъ команды. Члены суда и всѣ присутствовавшіе стояли; судьи съ покрытыми головами. Вотъ рѣшеніе суда: Ферре́ и Люллье́ признаны виновными по всѣмъ пунктамъ обвиненія и приговорены къ смертной казни; затѣмъ признаны виновными по всѣмъ главнымъ пунктамъ: Асси́, Юрбенъ и Тренке́ (оба съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ), Билльорэ, Журдъ (съ облегчительными обстоятельствами), Шампи́, Реже́ръ, Растуль и Груссé. Впрочемъ даже и изъ этихъ главныхъ виновныхъ нѣкоторые оправданы отъ участія въ пожарахъ и убійствахъ. Таковы именно Журдъ, Шампи́, Реже́ръ, Растуль. Даже Асси́ оправданъ въ убійствѣ заложниковъ. Безусловно же виновными по всѣмъ пункамъ, безъ поводовъ къ снисхожденію, признаны только двое: Ферре́ и Люллье́. Вердюръ признанъ невиновнымъ въ убійствахъ и пожарахъ, Клеманъ виновнымъ только въ присвоеніи власти, Курбé только въ разрушеніи колонны. Наконецъ, Деканъ и Паранъ признаны по всѣмъ пунктамъ оправданными.

На этомъ основаніи, виновные, кромѣ Ферре́ и Люллье́, приговорены къ ссылкѣ въ крѣпость (déportation dans une enceinte fortifiée означаетъ ссылку на Маркизскіе острова, гдѣ устроена колонія въ укрѣ-

пленномъ лагерѣ): Ассú, Билльорэ, Шампú, Режéръ, Груссé, Вердюръ, и Феррá; къ вѣчной каторжной работѣ (въ одной изъ французскихъ крѣпостей) Юрбенъ и Тренкé; къ простой ссылкѣ Журдъ; Клеманъ—къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ; Курбé къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и 500 фр. пени. Деканъ и Паранъ освобождены.

Во время чтенія приговора стемнѣло; зала совѣщаній не освѣщена газомъ; внесли свѣчи, но зала оставалась полутемной. Публика, толпившаяся въ залѣ цѣлый день, устала и выслушала приговоръ безъ особеннаго волненія. Только при произнесеніи смертнаго приговора надъ Люллье́ послышалось выраженіе удивленія.

Аппелляціонный судъ отвергъ аппелляціи Ферре́, Юрбена, Вердюра и Феррá. Послѣ членовъ коммуны, подверглись суду ихъ „пособники", въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали военные, между прочимъ Россель, а затѣмъ и всѣ остальные, въ томъ числѣ даже обвиняемые въ одномъ „возбужденіи", какъ Рошфоръ. Полковникъ войскъ коммуны Россéль, 27-ми лѣтъ, состоялъ при началѣ франко-германской войны въ крѣпостныхъ инженерахъ капитаномъ. Услыхавъ о войнѣ, онъ просилъ перевода въ дѣйствующую армію; онъ былъ въ мецской арміи и при сдачѣ Базена подозрѣвалъ его въ измѣнѣ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими офицерами онъ обдумывалъ, нельзя ли пробиться сквозь непріятельскія силы, хотя бы съ частью войскъ, несмотря на капитуляцію. Совѣщанія эти однако ничѣмъ не кончились. Но Россель не пошелъ въ плѣнъ; переодѣвшись крестьяниномъ, онъ явился къ Гамбеттѣ, понравился ему своимъ мнѣніемъ, что войну слѣдуетъ вести до послѣдней крайности. Находясь въ Парижѣ при заключеніи мира, онъ счелъ этотъ миръ новою измѣной и потому присталъ къ коммунѣ. Еслибы Россéль въ своемъ оправданіи такъ и стоялъ бы на этомъ, а именно, что, недовѣряя правительству, заключавшему миръ, онъ потому и присталъ къ его врагамъ, каковы бы они ни были, то его показаніе было бы совершенно ясно и неоспоримо. Но онъ показалъ, что присталъ къ коммунѣ потому, что предполагалъ въ ней желаніе продолжать съ пруссаками войну. „Предо мною, въ моемъ отечествѣ—говорилъ Россèль—образовались двѣ партіи; я, какъ военный, обязанъ былъ пристать къ той, отъ которой ожидалъ, что она будетъ продолжать войну съ непріятелемъ". На это ему, разумѣется возразили, что коммуна ничѣмъ не выразила такого своего намѣренія или желанія, а напротивъ, жила въ мирѣ съ пруссаками. „Да,—согласился подсудимый—но я все-таки надѣялся, что, въ случаѣ, еслибы она одержала верхъ, коммуна возобновила бы войну". Это объясненіе нельзя не признать неудовлетворительнымъ.

Главнокомандующимъ войсками коммуны Россéль былъ самое короткое время; его не взлюбили за то, что онъ хотѣлъ возстановить

дисциплину, а ему самому пришлось убѣдиться, что никто не можетъ командовать съ успѣхомъ тамъ, гдѣ командуютъ всѣ. Онъ подалъ въ отставку и жилъ въ Парижѣ частнымъ лицомъ. Судъ приговорилъ его къ смерти какъ военнаго, поднявшаго оружіе противъ своего знамени. Впрочемъ, аппелляціонный судъ кассировалъ этотъ приговоръ подъ предлогомъ несоблюденія формальности, и передалъ дѣло о Россéлѣ на разсмотрѣніе въ другое отдѣленіе суда. Россéль (Rossel) — французъ, а не англичанинъ, какъ думали сперва; по своей матери, впрочемъ, онъ шотландскаго происхожденія.

Версальскому правительству какъ будто недоставало того, что, допустивъ захватъ въ плѣнъ свыше 32 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ половины безоружныхъ, оно само не знаетъ теперь, что дѣлать съ ними. Нѣтъ, надо было еще увеличить число судимыхъ, привлекая къ суду и тѣхъ, кто не воевалъ и не сотрудничалъ съ коммуною, а только занимался „возбужденіемъ“, какъ Рошфоръ. Рошфоръ былъ привлеченъ къ суду собственно за свои статьи въ Mot d'Ordre. Нѣтъ спору, нѣкоторыя изъ его статей наполнены бранью на правительство и содержали въ себѣ то, въ чемъ въ обыкновенныя времена легко усмотрѣть „возбужденіе къ ненависти и презрѣнію“; но то время, чрезъ которое прошолъ Парижъ, было ли обыкновенное время? По всей вѣроятности, нынѣшніе правители оставили бы Рошфора въ сторонѣ, еслибы они не знали, что осужденіемъ его они сдѣлаютъ большое удовольствіе большинству національнаго собранія, которое въ Рошфорѣ ненавидитъ не столько редактора „Mot d'Ordre“, сколько автора „Lanterne“. Сверхъ того, надо признаться, что Рошфоръ съ особеннымъ усердіемъ ругалъ именно Тьера, Фавра и Пикара. Въ одной изъ своихъ статей онъ даже прямо напоминалъ, что у Тьера и Пикара въ Парижѣ есть домá, которые могли бы отвѣчать за разрушеніе ихъ владѣльцами другихъ зданій Парижа, но „что дѣлать этого все-таки не слѣдуетъ, потому что, въ концѣ концовъ, съ народа же сберутъ деньги и на поправку этихъ домовъ; народу придется расплатиться и за свое разореніе, и за то, какое онъ причинилъ бы этимъ людямъ“. Вотъ этимъ-то „отсовѣтованіемъ“ въ такой формѣ Рошфоръ и оправдывался теперь на судѣ. Между тѣмъ, въ свое время, намекъ былъ понятъ въ прямомъ смыслѣ, безъ ироническаго нравоученія.

Рошфоръ, какъ извѣстно, былъ членомъ правительства народной обороны и ему поручено было устройство баррикадъ. Онъ держалъ себя въ то время скромно, исполнялъ свою должность и поступалъ вполнѣ добросовѣстно, заявляя полную свою солидарность съ Трошю и другими своими товарищами, что, при огромной популярности Рошфора, имѣло большое значеніе. Эти факты извѣстны, и судебное слѣдствіе нисколько не поколебало ихъ, несмотря на неблагопріятный отзывъ самого Трошю. Рошфоръ, вообще, плохой ораторъ. Онъ слишкомъ

нервенъ, и теперь, какъ и въ законодательномъ корпусѣ при имперіи, говорилъ пустяки. Онъ только повредилъ себѣ всѣмъ, что говорилъ въ судѣ, хвастая, что прекратилъ „Marseillaise" и не хотѣлъ заводить себѣ новой газеты пока былъ въ правительствѣ, между тѣмъ какъ ему одинъ издатель предлагалъ 50 тысячъ франковъ, что онъ оставилъ правительство, имѣя всего 40 франковъ въ карманѣ и т. д. Самое обращеніе его къ Трошю съ просьбою о засвидѣтельствованіи его характера было безтактно. Рошфоръ былъ всегда и популярнѣе и умнѣе Трошю.

За то же и обвиненіе, настроенное нынѣшними правителями, и самъ Трошю, поступили съ Рошфоромъ недостойнымъ образомъ. Трошю, котораго глупый „планъ" Рошфоръ такъ долго прикрывалъ своей популярностью, отвѣчалъ ему письмомъ свысока, въ которомъ упоминаетъ, что Рошфоръ, будучи членомъ правительства, сперва открыто отказался отъ жалованья, а потомъ потихоньку сталъ получать его, чѣмъ „уронилъ себя въ глазахъ" Трошю. По объясненію Рошфора, онъ, прекративъ газету, не имѣлъ средствъ жить, и потому, сперва отказавшись отъ жалованья, принужденъ былъ, къ униженію своему, просить о выдачѣ этого жалованья. Но какъ бы то ни было, Трошю поступилъ безсовѣстно, отвѣчая на просьбу Рошфора письмомъ, въ которомъ подкрѣпляетъ обвиненіе противъ него. Сверхъ того въ письмѣ господствуетъ тонъ гусиной важности, совсѣмъ не имѣющей основанія тѣмъ болѣе, что Трошю именно изъ породы тѣхъ гусей, которые *не спасли* Капитолія.

Рошфоръ—человѣкъ не симпатичный; но его поведеніе во время первой осады совсѣмъ неоправдало того, что можно было ожидать отъ такого жолчнаго и въ высшей степени самолюбиваго человѣка; онъ заслуживаетъ уваженія. Такъ, онъ добровольно прекратилъ свою газету, между тѣмъ какъ другой членъ правительства—Пикаръ наживалъ деньги своимъ Electeur libre, который оттого и расходился, что принадлежалъ члену правительства. Но какое дѣло нынѣшнимъ правителямъ Франціи до справедливости. Они, прежде всего—партія, и какъ партія, неумолимы къ другой партіи; они желаютъ воспользоваться властью, чтобы отомстить своимъ врагамъ. Такъ, въ обвиненіе было вставлено, что Рошфоръ писалъ ругательныя статьи просто по ремеслу, потому что это доставляло ему 25 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ (?), какъ будто успѣхъ есть преступленіе, какъ будто писать противъ второй имперіи могли люди только изъ-за денегъ. Такъ, обвиненіе думало „нравственно убить" Рошфора, сдѣлавъ глупое заявленіе, что Рошфоръ въ молодости написалъ одно стихотвореніе въ честь Дѣвы Маріи, а другое поднесъ герцогу Омальскому, отъ котораго и получилъ „золотой карандашъ". Какъ будто самъ Викторъ Гюго не былъ когда-то легитимистомъ, и не писалъ одъ въ честь Реставраціи. Все

это крайне печально. Судъ приговорилъ и Рошфора къ ссылкѣ въ укрѣпленное мѣсто.

Въ заключеніе замѣтимъ, что „ссылка въ укрѣпленное мѣсто“ потому считается мѣрою наказанія высшею, чѣмъ заточеніе во французской крѣпости съ принудительной работою, что, какъ то дознано опытомъ, множество ссылаемыхъ не долго переживаютъ ссылку въ колоніи. Ссылка въ такія мѣста, которыхъ климатъ неособенно полезенъ, поэтому справедливо и считается наказаніемъ ближайшимъ къ смертной казни.

Изъ другихъ событій въ Европѣ, наиболѣе общее вниманіе обратило на себя свиданіе въ Зальцбургѣ императоровъ германскаго и австрійскаго и возникшіе по этому поводу толки о чемъ-то въ родѣ „лиги мира“ или „священнаго союза“. О свиданіяхъ въ Ишлѣ, Гастейнѣ и Зальцбургѣ мы упоминали уже въ прошлый разъ. Намъ остается прибавить, что императоръ Вильгельмъ изъ Зальцбурга отправился въ Гогеншвангау, къ королю баварскому, потомъ въ Фридрисгафенъ, гдѣ имѣлъ свиданія съ членами вюртембергскаго и баденскаго владѣтельныхъ домовъ, наконецъ—въ Баденъ-Баденъ. Князь Бисмаркъ въ это время жилъ въ Рейхенгаллѣ, гдѣ видѣлся съ новымъ главою баварскаго министерства, графомъ Гегненбергомъ, и возвратился въ свой Фридрихсруэ, въ Лауенбургѣ. О „лигѣ мира“ и священномъ союзѣ было не мало толковъ въ печати; говорили, что оба императора совѣщались объ установленіи оплота противъ всякаго нарушенія мира, а также противъ ультрамонтантства съ одной стороны и соціализма съ другой. Утверждали даже, что императоры обсуждали „соціальный вопросъ“ и признали нужнымъ рѣшить „до нѣкоторой степени“. На практическомъ языкѣ это могло значить только нѣчто такое, что ни мира обезпечить, ни въ особенности „соціальнаго вопроса“ рѣшить никакъ не можетъ, а именно: союзъ противъ Франціи и принятіе общихъ мѣръ противъ „международнаго общества“. Вступить въ союзъ противъ дальнѣйшихъ покушеній со стороны Франціи Австрія не имѣетъ никакого интереса, хотя конечно обѣщать она можетъ безъ труда. Но сомнительно, чтобы всѣ подобныя условія оказались важными въ своемъ примѣненіи. Городъ Зальцбургъ еще такъ недавно былъ свидѣтелемъ подобной же встрѣчи австрійскаго императора съ императоромъ французовъ; въ то время точно также писали въ оффиціозныхъ газетахъ обѣихъ имперій, что свиданіе это служитъ обезпеченіемъ, залогомъ, ручательствомъ, а между тѣмъ, оно ровно ничего не обезпечило. Что касается общихъ мѣръ противъ международнаго общества, то подобныя мѣры, если и будутъ приняты, никакъ не рѣшатъ соціальныхъ вопросовъ, потому именно, что само международное общество ни рѣшить этихъ вопросфвъ, ни задержать ихъ рѣшенія никакъ не

можетъ, и вообще отличается болѣе энергіею своихъ манифестовъ, чѣмъ серьезнымъ вліяніемъ на массу рабочихъ гдѣ бы то ни было. Если члены его въ самомъ Лондонѣ не могутъ собрать на митингъ болѣе 6,000 человѣкъ, хотя всякое зрѣлище неизбѣжно привлекаетъ толпу въ городѣ съ трехмилліоннымъ населеніемъ, то едва ли можетъ предпринять что-либо значительное за границами Англіи.

День открытія германскаго имперскаго сейма, которое должно послѣдовать въ половинѣ октября по новому стилю, еще не назначенъ въ то время, какъ мы пишемъ эти строки. Въ числѣ вопросовъ, которые вѣроятно будутъ обсуждены имъ въ предстоящую сессію, находится и вопросъ о введеніи гражданскаго брака. Сессія сейма будетъ продолжаться всего шесть недѣль и закроется около начала декабря. Затѣмъ, будетъ открытъ сеймъ прусскаго королевства.

Между тѣмъ началась сессія сейма баварскаго. Главный интересъ въ баварскихъ дѣлахъ представляется борьбою свѣтской власти и многочисленной партіи въ самомъ католичествѣ съ ультрамонтанствомъ. Яблокомъ раздора въ католицизмѣ послужило провозглашеніе того самаго догмата о папской непогрѣшимости, котораго назначеніемъ, по мысли іезуитовъ, было установить въ католической церкви еще болѣе единства и дисциплины, чѣмъ было доселѣ. Нелѣпость этого предпріятія іезуитовъ лучше всего доказывается тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ какое имъ поставлены теперь баварскіе епископы. Вообще, іезуиты едва ли заслуживаютъ той славы практичности и прозорливости, какая за ними усвоилась. Что они неразборчивы въ средствахъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но въ концѣ концовъ, партіи и предпріятія, ими руководимыя, всегда терпѣли пораженіе. По крайней мѣрѣ такъ было въ политическихъ дѣлахъ. Теперь тоже начинаетъ оказываться и въ дѣлахъ церковныхъ.

Баварскіе епископы, какъ вообще германскіе епископы, принадлежали къ противникамъ догмата непогрѣшимости на соборѣ. Въ коллективномъ заявленіи ихъ, 10 апрѣля прошлаго года, была выяснена и несовмѣстность этого догмата съ нынѣшними государственными установленіями. Но когда догматъ все-таки былъ утвержденъ соборомъ и провозглашенъ папою, они были поставлены въ такое положеніе, что имъ приходилось или начать расколъ, или подчиниться. Они подчинились; но этого мало. Подчинившись, они должны были, противъ своего убѣжденія, принуждать все зависящее отъ нихъ духовенство и законоучителей признавать этотъ догматъ и учить ему въ церквахъ и школахъ. Между тѣмъ, наиболѣе просвѣщенная часть самого духовенства не захотѣла подчиниться ни папѣ, ни епископамъ, и во главѣ этой партіи, получившей названіе „старыхъ католиковъ“, сталъ извѣстный богословъ Дёллингеръ. Онъ и его приверженцы утверждаютъ, не безъ основанія, что догматъ, присвоивающій непогрѣ-

шимость папѣ, тѣмъ самымъ уничтожаетъ степень епископата и его авторитетъ: если ученики (discipuli Christi) должны безусловно подчиняться Петру, наравнѣ съ прочими вѣрными, то стало быть они ничѣмъ не отличаются отъ послѣднихъ.

Таковы взгляды „старыхъ католиковъ", и въ смыслѣ богословско-теоретическомъ едвали не всѣ католики легко убѣдились бы ими. Но препятствіе къ тому встрѣтилось со стороны церковно-формальной. Въ самомъ дѣлѣ, если въ католичествѣ можетъ быть предоставлено любой партіи признавать или не признавать вѣрность опредѣленій вселенскаго собора, то стало-быть авторитетъ церкви и въ католичествѣ исчезнетъ, если продолжаетъ существовать только по отношенію ко временамъ прошедшимъ, по отношенію къ опредѣленіямъ прежнихъ соборовъ. Но такъ какъ легко подвергнуть исторической критикѣ и прежнія соборы и доказывать, что каждый изъ нихъ встрѣчалъ въ свое время оппозицію, а стало быть, могъ и не представлять всей церкви, то и по отношенію къ прежнимъ соборамъ авторитетъ католической церкви будетъ подлежать колебанію. Безъ авторитета же, авторитета безусловнаго, католичество перестанетъ быть католичествомъ. Вотъ какого убѣжденія держались епископы, рѣшаясь подчиниться новому догмату противъ своего убѣжденія.

И въ самомъ дѣлѣ, факты уже доказываютъ, что „старо-католическая" партія не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отвергнуть догматъ непогрѣшимости и затѣмъ сохранить все остальное, какъ оно было доселѣ. Возникающимъ движеніямъ несвойственно останавливаться на отрицаніи только того факта, который подалъ имъ поводъ. Они встрѣчаютъ преслѣдованія и прежде всего должны, по логикѣ, отвергнуть права той власти, которая подвергаетъ ихъ самихъ полному осужденію и лишенію всѣхъ правъ. Такъ, Янъ Гусъ, поставивъ вопросъ о причащеніи въ двухъ видахъ, впослѣдствіи первый провозгласилъ реформу. Такъ, Мартинъ Лютеръ, выразивъ осужденіе индульгенціямъ, впослѣдствіи распространилъ полную реформу въ вѣрѣ. Такъ и теперь уже, въ программѣ старо-католическаго конгресса, собравшагося въ Мюнхенѣ, вожди движенія пошли уже нѣсколько далѣе отрицанія одного догмата непогрѣшимости. Они желаютъ уже „не сохраненія" только, но и „возстановленія" стараго католическаго ученія; они уже отрицаютъ не только догматъ непогрѣшимости, но и пресловутый „силлабусъ", и по всей вѣроятности, отрицая ватиканскій соборъ, они коснутся и нѣкоторыхъ опредѣленій тріентскаго. Такъ по крайней мѣрѣ уже и сдѣлалъ другой „старо-католическій" соборъ, бывшій въ Золотурнѣ, въ Швейцаріи, провозглашая избраніе священниковъ общинами.

На конгрессѣ въ Золотурнѣ присутствовало около 400 членовъ. Замѣчательно, что требуя нѣкоторыхъ измѣненій въ церкви, конгресъ этотъ, состоявшій изъ мірянъ, призналъ, однако, невозможнымъ пол-

ное отдѣленіе государства отъ церкви. Золотурнскій конгрессъ уполномочилъ отъ себя представителемъ на мюнхенскій конгрессъ члена національнаго совѣта Келлера; засѣдалъ золотурнскій конгрессъ 18-го сентября. Мюнхенскій конгрессъ открылся 22-го сентября. На этотъ конгрессъ собралось около 500 человѣкъ; предсѣдательствуетъ на немъ коронный прокуроръ Вольфъ. Дёллингеръ былъ на немъ принятъ съ восторгомъ. Программа составлена преимущественно профессорами. Въ основаніе этой программы положены опредѣленія тріентскаго собора, и догматъ непогрѣшимости отвергается въ силу именно опредѣленій этого собора; ученіе, что „папа — единственный Богомъ установленный носитель всякаго церковнаго авторитета и власти“, отвергается, „какъ противорѣчащее тріентскому канону, которымъ признано существованіе Богомъ установленной іерархіи епископовъ, священниковъ и діаконовъ“. Первенство папы, впрочемъ, признается, но уже относительно этого пункта нѣтъ рѣчи спеціально о тріентскомъ соборѣ, а есть только общая ссылка на писаніе, на отцовъ церкви и соборы. Затѣмъ излагается изъясненная нами уже точка зрѣнія, по которой „вѣроученія каждаго собора должны *въ непосредственномъ убѣжденіи* католическаго народа и богословской наукѣ оказаться согласными съ первоначальнымъ и унаслѣдованнымъ ученіемъ вѣры“, причемъ оговаривается не только всему духовенству, но и мірянамъ, право свидѣтельства и совѣта въ дѣлѣ разъясненія вопросовъ о вѣрѣ.

До сихъ поръ еще не оказывается намѣренія выступить изъ круга опредѣленій тріентскаго собора. Но вотъ тѣ пункты, которые заключаютъ уже новыя разъясненія: „Мы стремимся, при содѣйствіи богословской и канонической науки, къ такой реформѣ въ церкви, которая бы устранила, въ духѣ древней церкви, нынѣшніе недостатки и злоупотребленія (Gebrechen und Missbraüche) и въ особенности удовлетворила бы справедливыя желанія католическаго народа на закономъ опредѣленное (verfassungsmässig geregelte) участіе въ церковныхъ дѣлахъ; мы питаемъ надежду на возсоединеніе съ греко-восточною и русскою церковью, которой отдѣленіе послѣдовало безъ обязательныхъ (zwingende) причинъ, и не основано ни на какихъ недопускающихъ соглашенія (unausgleichbaren) [1]) догматическихъ различіяхъ“. Далѣе, провозглашается совмѣстность свободы и гуманной культуры съ древнимъ католичествомъ, отрицается право произвольнаго перемѣщенія приходскихъ священниковъ (Seelsorgsgeistlichen), объявляется намѣреніе твердо стоять вмѣстѣ съ правительствами, и опредѣляется необходимость совершеннаго уничтоженія вредной дѣятельности Socie-

---

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ стояло слово «существенныхъ» (wesentlichen), но оно, вслѣдствіе преній, замѣнено тѣмъ словомъ, которое мы поставили выше въ скобкахъ.

tatis Jesu. Въ историческомъ отношеніи весь этотъ вопросъ представляетъ большой интересъ. Вотъ почему мы старались выяснить различіе данныхъ точекъ зрѣнія. Вредность не только ультрамонтанства, но и всѣ направленія католицизма не подлежатъ сомнѣнію; вопросъ только въ томъ, какой путь вѣрнѣе: постепенное ли охлажденіе къ католичеству и отпаденіе отъ него, съ сохраненіемъ его только въ видѣ символа, въ странахъ населенныхъ католиками, или же реформа католической церкви, такая реформа, которая примирила бы ее съ правительствами, но вмѣстѣ и оживила бы католичество новымъ духомъ движенія, сохранивъ неизбѣжно присущіе ему клерикальные элементы. Замѣчательно, напримѣръ, что Дёллингеръ, во время преній всѣми силами возсталъ *противъ* допущенія всякаго вліянія государства въ дѣлѣ обученія, образованія, со стороны духовенства.

Каковы бы ни были теологическія различія, на дѣлѣ расколъ уже существуетъ. Мюнхенскій конгрессъ принялъ резолюціи, въ силу которыхъ „старокатолическія" общины должны отправлять безостановочно богослуженіе, обращаться, въ случаѣ нужды, къ епископамъ не своихъ епархій, къ постороннимъ епископамъ, и учредить, по мѣрѣ возможности, юрисдикцію собственныхъ епископовъ. Дёллингеръ горячо спорилъ противъ этихъ резолюцій, утверждая, что нѣтъ основанія къ учрежденію особыхъ старокатолическихъ общинъ. Но это дѣло необходимости, и необходимость, очевидно, приведетъ „старыхъ католиковъ" къ отдѣленію отъ римской церкви и въ другихъ вопросахъ.

Свѣтская власть благопріятствуетъ этому движенію, потому что римскій догматъ направленъ противъ свѣтской власти. Въ наиболѣе затруднительномъ положеніи оказались именно епископы, долженствующіе бороться и съ духовенствомъ, и съ правительствомъ и съ собственнымъ убѣжденіемъ. Они подали коллективное сообщеніе министру духовныхъ дѣлъ, а министръ написалъ сообщеніе мюнхенскому архіепископу, которое произвело большое впечатлѣніе въ Германіи, и въ нынѣшнюю сессію баварскаго сейма стало предметомъ бурныхъ преній. Министръ фонъ-Лютцъ въ своемъ сообщеніи ставитъ епископовъ въ противорѣчіе съ собственнымъ ихъ заявленіемъ 10-го апрѣля 1870-го года противъ новаго догмата, а мысль, выраженная въ новомъ ихъ сообщеніи, именно, что духовенство должно поступать по совѣсти и противъ государственныхъ постановленій, когда эти „постановленія таковы, что ихъ не слѣдовало бы дѣлать" — порицается министромъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ; онъ говоритъ, что по другимъ отраслямъ общественной дѣятельности именно эта мысль и ведетъ прямо въ тюрьму, ведетъ къ преступленію. Городъ Мюнхенъ также увлекся этимъ движеніемъ, и исходя изъ той точки, что церкви въ Мюнхенѣ составляютъ собственность города Мюнхена, предоставилъ всѣ церкви только „старокатолическимъ" духовнымъ. „Старокато-

лическая" партія обнаружилась уже и въ Пруссіи, и въ Австріи. Мы не будемъ описывать борьбы прусскаго правительства съ ультрамонтанствомъ потому, что это — правительство протестантское, чтб усложняетъ вопросъ и отчасти лишаетъ его интереса. Но мы видѣли, какъ въ Баваріи католическое правительство сочло необходимымъ возстать противъ римскихъ нововведеній.

Иного рода борьба происходитъ теперь въ Австріи, въ областныхъ сеймахъ. Мы разсказывали въ прошлый разъ, съ какой цѣлью министерство Гогенварта распустило сеймы всѣхъ нѣмецкихъ областей. Теперь опредѣлимъ ту рамку, въ которой движется все это дѣло.

Первое основаніе австрійской конституціи было дано дипломомъ 20-го октября 1860-го года, изданнымъ подъ вліяніемъ графа Голуховскаго. Этотъ дипломъ возстановлялъ венгерскую конституцію, а для Австріи давалъ основы въ смыслѣ федерализма. Онъ былъ „развитъ", но въ дѣйствительности искаженъ патентомъ 26-го февраля 1861-го года, изданнымъ по мысли кавалера Шмерлинга, въ смыслѣ централистскомъ, въ смыслѣ преобладанія нѣмецкой національности надъ прочими посредствомъ обширнаго круга дѣйствія имперскаго сейма, въ которомъ большинство — нѣмцы. Конституція эта приведена была въ дѣйствіе, но никогда не дѣйствовала вполнѣ: съ одной стороны, сеймъ Венгріи объявилъ ее незаконною и былъ за то распущенъ, а съ другой—чехи и поляки постоянно возставали противъ нея и даже удалялись изъ вѣнскаго сейма, чѣмъ и лишали его компетентности. Послѣ погрома 1866-го года состоялось соглашеніе съ Венгріею, и габсбургская монархія устроилась на принципѣ дуализма, то-есть такъ, что въ земляхъ короны венгерской преобладаніе оставлено за мадьярами, а въ земляхъ наслѣдственныхъ преобладаніе упрочено нѣмцамъ. Этотъ принципъ дуализма и легъ въ основаніе конституціи 21-го декабря 1867-го года.

Но неудовлетворительность отношеній продолжалась, такъ какъ чехи и поляки продолжали оппозицію. Поляки, впрочемъ, пошли на соглашеніе за небольшія уступки, такъ какъ Галиція не имѣетъ историческихъ правъ. Соглашеніе съ поляками было начато, а соглашеніе съ чехами подготовляемо министерствомъ Потоцкаго въ 1870-мъ году. Нѣмцы, провидя въ этомъ федерализмъ, вызвали на вѣнскомъ сеймѣ рѣшеніе о недовѣріи къ министерству Потоцкаго; но затѣмъ вожди нѣмецкой партіи Гербстъ, Гискра и др. не могли дать никакой новой программы, кромѣ удержанія конституціи 1867-го года, которая къ соглашенію не привела. Между тѣмъ, со стороны національной чешской партіи имѣлись ясно выраженныя, въ особой деклараціи, условія соглашенія. Поэтому, императоръ поставилъ во главѣ новаго кабинета графа Гогенварта, который выразилъ готовность идти на соглашеніе

съ чешскими декларантами. Чтобы удовлетворить ихъ требованія и рѣшить окончательно конституціонный вопросъ, предположено: возстановить чешскую корону, то-есть признать единство Богеміи, Моравіи и Силезіи, и допустить земли чешской короны если не къ такому положенію, въ какомъ находится Венгрія, то все-таки къ нѣкоторой самостоятельности; императоръ дастъ присягу какъ король чешскій, и національность чешская будетъ совершенно сравнена съ нѣмецкою въ земляхъ чешской короны, въ правительственномъ языкѣ, школѣ и т. д.

А такъ какъ подобныхъ правъ не предполагается дать всѣмъ прочимъ наслѣдственнымъ землямъ, то отсюда и истекаетъ то положеніе, которое мы въ прошлый разъ опредѣлили какъ нѣчто среднее между дуализмомъ и федерализмомъ, нѣчто такое, что нѣмцы въ насмѣшку называютъ тріединствомъ. Опредѣлить это можно такъ: габсбургская монархія будетъ состоять теперь изъ двухъ частей совершенно независимыхъ — Венгріи и Австріи (дуализмъ); но въ Австріи одна земля (Чехія) будетъ имѣть болѣе самостоятельности и правъ, чѣмъ другія.

Для осуществленія этого соглашенія нужно измѣнить конституцію 21-го декабря 1867 года; а для этого необходимо согласіе двухъ третей голосовъ вѣнскаго сейма. А такъ какъ депутаты въ этотъ сеймъ посылаются областными сеймами, то послѣдніе и были распущены во всѣхъ нѣмецкихъ областяхъ съ той цѣлью, чтобы на новыхъ выборахъ образовать въ нихъ достаточно-сильную правительственную партію, партію не нѣмецко-національную, готовую къ соглашенію съ чехами. Результатъ произведенныхъ выборовъ былъ блестящею побѣдою для министерства, при помощи клерикальной и консервативной партіи, которая въ нѣмецкихъ земляхъ отпадаетъ отъ „національно-нѣмецкой" программы, потому что эту программу несутъ избранники Вѣны и другихъ большихъ нѣмецкихъ городовъ, которые вмѣстѣ и националы и либералы, хотятъ и свободы личности для всѣхъ, и преобладанія нѣмецкой національности надъ большинствомъ населенія. Теперь можно ожидать, что большинство двухъ третей будетъ упрочено для измѣненія конституціи. Но вся эта австрійская ткань такова, что зашьешь въ одномъ мѣстѣ — въ другомъ рвется. Теперь нѣмцамъ остается тотъ самый ресурсъ, какой былъ доселѣ употребляемъ ихъ противниками: они могутъ протестовать на областныхъ и имперскомъ сеймахъ и удаляться изъ нихъ, отказываясь признавать ихъ постановленія. Примѣры тому уже и представились на областныхъ сеймахъ нижней Австріи, Каринтіи и Силезіи: нѣмецкая партія объявила протестъ противъ соглашенія съ чехами. Нѣмцы при этомъ надѣялись, что венгры проявятъ ревность по отношенію къ чехамъ, и распустили слухъ, что Деакъ обѣщалъ свою поддержку вождямъ національно-либеральной, такъ-называемой „кон-

ституціонной", то-есть нѣмецкой партіи. Но Деакъ опровергъ этотъ слухъ въ газетѣ.

Теперь остановимся еще специально на соглашеніи съ чехами. Чешскій сеймъ открытъ 17-го сентября н. с. прочтеніемъ „королевскаго" рескрипта отъ 12-го сент., въ которомъ изъясняется готовность „принять къ соображенію права этого королевства", и указывается на предлагаемые сейму проекты новаго избирательнаго закона и закона о покровительствѣ обѣимъ національностямъ страны (zum Schutze der beiden Nationalitäten des Landes). Нѣмецкіе органы не только въ Австріи, но во всей Германіи громятъ оба эти проекта, въ особенности второй. Но они въ этомъ дѣлѣ кругомъ неправы. Всѣ вопли о Vergewältigung нѣмецкой національности въ Австріи не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Правда, измѣненія въ избирательномъ законѣ для Богеміи предлагаются такія, которыя нѣмцамъ неблагопріятны; такъ, напримѣръ, вмѣсто торговыхъ палатъ, которыя избирали нѣмцевъ, избраніе предоставляется сословію крупныхъ фабрикантовъ; землевладѣніе раздѣляется на классы, при чемъ самому крупному землевладѣнію предоставлено избирать болѣе депутатовъ, чѣмъ сколько приходилось на его долю доселѣ. Но вѣдь не надо забывать, что за то прежній избирательный законъ, нынѣ измѣняемый, былъ намѣренно составленъ въ пользу нѣмцевъ. Что касается закона о національностяхъ, то онъ просто пытается осуществить идеальную справедливость, до такой степени заботливо онъ оберегаетъ всякими средствами равновѣсіе. Каждый округъ и каждая община сами должны избирать свой административный языкъ, притомъ, если есть въ общинѣ меньшинство иной національности, хотя бы составляющее $^{1}/_{5}$ населенія—то обязательно издавать акты съ переводомъ на ея языкъ. Всѣ акты для цѣлой страны положено издавать на обоихъ языкахъ; никто не можетъ быть коронным чиновникомъ, если онъ не знаетъ обоихъ языковъ; предсѣдателемъ и его секретаремъ на сеймѣ могутъ быть только лица, знающія оба языка. Наконецъ, на самомъ сеймѣ, депутаты раздѣляются на національныя куріи, по округамъ, и всякій законъ долженъ быть вотированъ не только совокупностью членовъ сейма, но если того потребуютъ — еще и по куріямъ.

Нѣмцы возражаютъ, что если чиновникомъ не можетъ быть незнающій по-чешски, то стало быть нѣмцы не могутъ быть чиновниками; что чехи все-равно не могутъ обходиться безъ нѣмецкаго языка, ибо онъ — Weltsprache, а нѣмцы безъ чешскаго *могутъ*, и принуждать ихъ изучать языкъ имъ ненужный есть насиліе. Но извѣстно, что нѣмцы склонны вездѣ разсуждать такимъ образомъ. Они склонны забывать коренной фактъ, именно: какой національности большинство населенія въ той странѣ, гдѣ живутъ нѣмцы. А такъ какъ въ Богеміи изъ пяти милліоновъ населенія три милліона чехи, то ясно, что нѣмецъ въ

Богеміи не долженъ быть чиновникомъ, если онъ по-чешски не знаетъ, хотя бы то и въ чисто-нѣмецкой общинѣ, потому именно, что она все-таки постоянно будетъ имѣть дѣло съ чехами. Довольно наивно видѣть насиліе въ томъ, чтобы нѣмцы-чиновники въ Чехіи знали по-чешски, когда чехи сами и не думаютъ требовать, чтобы имъ было дозволено быть чиновниками, не зная по-нѣмецки. „Міровой языкъ", конечно, имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ мѣстный; но въ мѣстной администраціи мѣстный языкъ очевидно долженъ имѣть значеніе по меньшей мѣрѣ равное тому, какое имѣетъ „міровой".

За недостаткомъ мѣста, мы должны отложить до слѣдующаго раза обозрѣніе нѣкоторыхъ современныхъ фактовъ въ Испаніи и Италіи. Упомянемъ только о происшедшемъ открытіи изумительнаго туннеля сквозь Мон-Сени́, предоставляя подробности нашему корреспонденту (см. ниже), осматривавшему исполненныя теперь работы на мѣстѣ. Эта грандіозная работа, представляющая желѣзную дорогу сквозь альпійскую скалу, длиною около 13-ти тысячъ метровъ, принадлежитъ къ числу „чудесъ" новаго времени. Дѣло это было задумано еще при Карлѣ-Альбертѣ инженерами Палеокапа и Соммеллье̇. Графъ Кавуръ принялъ его близко къ сердцу и настоялъ, чтобы Сардинское королевство взялось за осуществленіе проекта своими силами. Законъ объ этомъ былъ постановленъ сардинскимъ парламентомъ въ 1857-мъ году. Умерли и Кавуръ и Палеокапа, но дѣло доведено до окончанія на средства одной Италіи. Сперва предполагался расходъ всего въ 41 милл. 400 т. фр. Издержано же до 75 милл. фр. При пріобрѣтеніи Савойи, Франція обязалась уплатить Италіи по окончаніи работы 19 милл. фр., и по 500 т. франковъ преміи за каждый годъ, если работа будетъ окончена ранѣе 25 лѣтъ. Такимъ образомъ Франція должна будетъ уплатить теперь Италіи 26 милл. фр. Но весь расходъ былъ такъ великъ, что это составляетъ немного болѣе трети.

По поводу этого торжества, французскіе министры иностранныхъ дѣлъ и публичныхъ работъ ѣздили въ Италію. На банкетѣ, данномъ городомъ Туриномъ, г. Ремюза́ провозгласилъ тостъ за Италію, а г. Висконти-Веноста за французскую республику. При этомъ, Ремюза́ въ своей рѣчи упомянулъ о необходимости тѣсной дружбы между обѣими латинскими націями. Это заявленіе было нѣкоторыми газетами сочтено за „отвѣтъ" на зальцбургское и другія свиданія. Но это значило бы идти слишкомъ далеко. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если Франція и будетъ угрожать Италіи въ Римѣ, то Италія будетъ вѣрнымъ другомъ Франціи. А впрочемъ, можетъ быть, въ знакъ дружбы придется отдать Италіи Ниццу, такъ какъ послѣднія событія показали, что итальянская партія въ Ниццѣ могла быть удержана отъ возстанія только присутствіемъ войска.

Въ заключеніе занесемъ въ нашу хронику смерть двухъ важныхъ дѣятелей въ Турціи—великаго визиря Аали-паши и бывшаго великаго визиря Мехемета-Киприсли-паши. Аали-паша положилъ начало новой внѣшней политикѣ Турціи: политикѣ независимости отъ безпрестаннаго, докучливаго господства западной дипломатіи, предпочитая ей хотя и возможную, но отдаленную опасность со стороны Россіи. Аали-паша осуществилъ сближеніе Порты съ Россіею, и на лондонской конференціи турецкій уполномоченный отказался дѣйствовать враждебно Россіи.

Мехеметъ-Киприсли (Киприсли значитъ „кипріотъ“, по мѣсту рожденія Мехемета) паша былъ два раза великимъ визиремъ и пріѣзжалъ потомъ въ Москву, къ коронованію, въ 1856-мъ году. На мѣсто Аали великимъ визиремъ назначенъ указанный имъ самимъ при жизни Махмудъ-паша, бывшій генералъ-адмиралъ и морской министръ. Онъ, также какъ всѣ замѣчательные дѣятели Турціи, вышелъ изъ школы знаменитаго Решида-паши. Султанъ написалъ посланіе къ нему, въ которомъ указываетъ на необходимость продолжать реформы, и сознается, что не всѣ дарованныя имъ преобразованія соблюдаются сообразно его мысли и намѣренію. Султанъ положительно указываетъ, что прогрессъ въ имперіи не долженъ останавливаться на томъ что̀ сдѣлано, и объявленіе это, среди нынѣшняго настроенія европейскихъ правительствъ тѣмъ замѣтнѣе, что султанъ выступаетъ съ нимъ на континентѣ нѣсколько уединенно.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

Наканунѣ парламентской сессіи.

12-го (24-го) сентября, 1871.

Когда 15 (3) іюня, наканунѣ тріумфальнаго вступленія войскъ въ столицу, закрыта была у насъ послѣдняя парламентская сессія, императоръ, въ рѣчи, сказанной имъ въ бѣлой залѣ дворца, вкратцѣ изложилъ результаты сессіи и наконецъ замѣтилъ, что судя по образовавшимся, въ послѣднее время, отношеніямъ между германской имперіей и всѣми иностранными державами, можно ожидать прочнаго мира. До сихъ поръ это заявленіе почти вполнѣ осуществилось и даже получило новое подтвержденіе, благодаря свиданіямъ въ Ишлѣ и Зальцбургѣ, которыхъ, въ то время, еще нельзя было предвидѣть и которыя, что̀ бы тамъ вообще ни думали объ ихъ значеніи и результатахъ, несомнѣнно служатъ гарантіей мира. Конечно, не разъ было замѣчено, что настроеніе, которое привело императора Франца-Іосифа въ объятія

германскаго императора, не раздѣляется большой партіей въ Австріи, и даже въ средѣ императорской фамиліи насчитываетъ противниковъ, и я самъ слышалъ отъ очевидцевъ, что бѣгство высшаго австрійскаго дворянства изъ Ишля, въ моментъ появленія тамъ императора Вильгельма, болѣе общее явленіе, чѣмъ о томъ писали газеты. Точно также достовѣренъ анекдотъ о томъ, какъ одинъ австрійскій эрцгерцогъ сжегъ на горѣ Савѣ (одномъ изъ красивѣйшихъ пунктовъ нижней Инской долины) портретъ императора Вильгельма; но все это единичныя явленія, и никакой діалектикѣ не опровергнуть того факта, что Австрія болѣе пострадала отъ Франціи, чѣмъ отъ Пруссіи.

Касательно положительныхъ результатовъ переговоровъ въ Зальцбургѣ написаны уже чуть не цѣлые томы. Еще совсѣмъ недавно органъ одной изъ вліятельнѣйшихъ партій въ рейхстагѣ увѣрялъ, что въ Зальцбургѣ заключенъ положительный договоръ, по которому Австрія обязуется уважать положеніе дѣлъ, созданное въ Германіи событіями 1866—1871 гг., обѣ державы обязуются съобща отражать всякое нападеніе на неприкосновенность ихъ территоріи и, наконецъ, оба правительства должны зоркимъ окомъ слѣдить за попытками ультрамонтановъ и соціалистовъ. Эти заявленія преувеличены, по крайней мѣрѣ, что касается перваго пункта, который заставлялъ бы предположить о заключеніи формальнаго оборонительнаго и наступательнаго союза. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что оба правительства согласны, по мѣрѣ силъ, обезпечить себя отъ французской войны, имѣющей цѣлью месть за пораженіе. Одинъ этотъ результатъ такъ важенъ, что можетъ уволить отъ труда придумывать другіе.

Быть можетъ, вообще опасность подобной войны вовсе не такъ велика, какъ до сихъ поръ казалось и какъ я самъ — сознаюсь откровенно — склоненъ былъ предполагать, частью основываясь на французскихъ вопляхъ, частью на основаніи историческаго факта, что великія державы всегда пытались вернуть свое прежнее положеніе, когда вслѣдствіе несчастной войны имъ приходилось утрачивать часть своей территоріи. Но отношеніе версальскаго національнаго собранія къ Эльзасу и Лотарингіи можетъ навести сомнѣніе въ серьезности этихъ намѣреній. Извѣстно, что эльзасцы и лотарингцы, отправившіеся во Францію, встрѣтили тамъ не совсѣмъ любезный пріемъ. Это было заявлено даже парижскими газетами, и многіе изъ эльзасцевъ и лотарингцевъ, натолкнувшись во Франціи на горькія разочарованія, вернулись въ отечество и подтвердили этотъ фактъ. Французы великодушно предлагаютъ эльзасцамъ и лотарингцамъ поселеніе въ Алжирѣ, а молодежи военную службу въ Алжирѣ, что́, во всякомъ случаѣ, не особенно привлекательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ отношеніе версальскаго собранія къ вопросу о пошлинахъ болѣе, чѣмъ изумительно. Нѣмецкое пра-

вительство, преслѣдующее относительно новыхъ провинцій необыкновенно либеральную политику, желало, чтобы установленный во франкфуртскомъ мирномъ договорѣ срокъ, въ теченіи котораго эльзасо-лотарингскія мануфактурныя произведенія могутъ быть ввозимы во Францію безпошлинно, былъ перенесенъ съ 1-го сентября на 1-е января 1872 г., а затѣмъ въ теченіи цѣлаго года происходило бы лишь постепенное повышеніе пошлины. Взамѣнъ этого нѣмецкое правительство обѣщалось принять теперь же векселя, срокомъ на 6 — 8 мѣсяцевъ, и гарантированные банкирской подписью вмѣсто четвертаго полумильярда военной контрибуціи, который слѣдуетъ уплатить въ маѣ 1872 г., и при этомъ очистить шесть департаментовъ второго окупаціоннаго округа и ограничить окупаціонную армію 50,000 людей и 10,000 лошадей. Преимущества, вытекающія для Франціи изъ этого предложенія, громадны, потому что такимъ образомъ сокращаются расходы по содержанію оккупаціонной арміи и бо́льшая часть Франціи освобождается отъ чужеземнаго ига. Мало того: съ политической точки зрѣнія очень важно, чтобы узы, связывающія Эльзасъ и Лотарингію съ Франціей, не были вдругъ оборваны, а для этого весьма важно сохранить торговыя сношенія. Съ той минуты, какъ между Франціей и Эльзасомъ-Лотарингіей возникнетъ таможенная граница, въ этихъ провинціяхъ немедленно ощутятъ, что Франція стала чужой землей. Но во Франціи, какъ въ провинціяхъ, такъ и въ національномъ собраніи существуетъ сильная партія, ратующая за покровительственную систему торговли. Промышленники департаментовъ Нижней Сены, Сѣвернаго, Вогезскаго и Верхней Соны начали уже примиряться съ мыслью о потерѣ двухъ промышленнѣйшихъ восточныхъ провинцій Франціи. До сихъ поръ Эльзасъ и Лотарингія почти исключительно господствовали на французскомъ рынкѣ по части продуктовъ металлургіи и хлопчато-бумажныхъ товаровъ и дѣлали могущественную конкурренцію соотвѣтственнымъ фабрикамъ другихъ департаментовъ, конкурренцію, которая, разумѣется, прекращается сама собой, какъ скоро на произведенія Эльзаса-Лотарингіи будетъ наложена высокая пошлина. Поэтому, сторонники покровительственной системы изъ всѣхъ силъ возставали противъ конвенціи и наконецъ приняли ее съ измѣненіемъ (они требовали такихъ же преимуществъ для ввоза французскихъ мануфактурныхъ товаровъ въ обѣ провинціи), на которое Германія не могла согласиться. Итакъ, тутъ выказалось, какъ могущественно во Франціи вліяніе матеріальныхъ интересовъ, изъ чего можно заключить, что воинственныя поползновенія, какъ скоро должны будутъ перейти отъ словъ къ дѣлу, встрѣтятъ въ нихъ преграду.

Какое впечатлѣніе производитъ вообще поведеніе французовъ на эльзасцевъ и лотарингцевъ—трудно сказать. Извѣстія изъ этихъ провинцій весьма разнорѣчивы, но, какъ мнѣ кажется, можно давать больше

вѣры тѣмъ изъ нихъ, которыя гласятъ, что настроеніе большинства населенія все еще очень враждебно Германіи. Впрочемъ, государственный канцлеръ не смущается этимъ и продолжаетъ дѣйствовать чрезвычайно мягко и осмотрительно. Не мало существуетъ людей, полагающихъ, что строгость была бы умѣстнѣе, другіе думаютъ, что *обѣ* системы хороши, лишь бы проводились *послѣдовательно*, и до сихъ поръ нельзя сказать противнаго. Правда, тамъ и сямъ, гдѣ оппозиція становилась слишкомъ рѣзкой, угрожали строгими мѣрами, но всякій разъ дѣло ограничивалось одними угрозами. Къ тому же мало-помалу въ Эльзасѣ и Лотарингіи должны придти къ убѣжденію, что положеніе, въ какое стала тамъ Германія, въ военномъ отношеніи такъ могущественно, что только чрезвычайныя событія могутъ повести къ утратѣ этихъ провинцій, подобно тому, какъ въ прошедшемъ году потребовались чрезвычайныя событія, чтобы оторвать ихъ отъ Франціи. Единственное чрезвычайное событіе въ этомъ смыслѣ могло бы быть только распаденіе Германіи, единство которой стоило такихъ усилій и такого труда. Въ сущности, когда хорошенько разсудишь объ этомъ, то находишь изумительнымъ, что нація, которая уже, при первомъ появленіи своемъ въ исторіи, почти 2,000 лѣтъ тому назадъ, отличалась рознью, существовавшей между ея отдѣльными племенами, и которая никогда не излечивалась вполнѣ отъ этой ошибки, несмотря на всѣ ея печальныя послѣдствія,—что эта нація именно теперь—и навсегда—поправила эту ошибку. Если это дѣйствительно такъ—чтó покажетъ будущее — то это можетъ служить поразительнымъ доказательствомъ столь часто утверждавшейся и опровергаемой способности человѣческаго рода къ усовершенствованію, доказательствомъ, что характеръ народа можетъ измѣняться къ лучшему. Но не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что великіе матеріальные успѣхи, которыхъ достигло XIX-ое столѣтіе и благодаря которымъ люди сблизились другъ съ другомъ, а преграды, раздѣлявшія различные народы значительно уменьшились,—все это содѣйствовало военному движенію въ Германіи; съ другой же стороны, несомнѣнно и то, что необходимость *единства* впервые была провозглашена поэтами, философами и писателями, а правительства выступили противъ этого со всѣми аттрибутами своей власти—полицейскими мѣрами и произвольными судами, пока наконецъ сами не выполнили долю преслѣдуемой идеи. Недавно Генрихъ Лаубе, извѣстный писатель и драматургъ, посѣтилъ поля Вейсенбурга и Верта, гдѣ его осадили грустныя размышленія. Онъ также, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, былъ замѣшанъ въ процессѣ демагоговъ и долго высидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ настоящее время онъ и многіе изъ друзей его молодости, дожили, хотя и съ сѣдыми волосами, до осуществленія мечты своей молодости; но сколько умерло, не дождавшись единства отечества. Свѣжо еще преданіе о томъ, какъ идея единства побѣдила въ про-

шедшемъ году, передъ началомъ войны. Въ Баваріи такъ-называемая *патріотическая* партія одержала побѣду на выборахъ и составила большинство въ палатѣ депутатовъ. Она требовала союза съ Франціей или, по меньшей мѣрѣ, нейтралитета въ предстоявшей войнѣ, но когда дѣло дошло до рѣшенія, то она не могла устоять передъ бурей общественнаго мнѣнія, а въ Вюртембергѣ та же участь постигла родственную ей демократическую партію. Слѣдствіемъ счастливаго исхода войны было присоединеніе южно-германскихъ государствъ къ сѣверо-германскому союзу (по договорамъ 15, 23 и 25 ноября прошлаго года) и провозглашеніе германскаго императора. Въ рейхстагѣ не проявилось никакой племенной оппозиціи, проявилась только оппозиція партіи ультрамонтановъ, которая набирается изъ всѣхъ государствъ (и племенъ) Германіи. Также и въ союзномъ совѣтѣ, между представителями правительствъ царствовало до сихъ поръ единство. Слѣдовательно, до сихъ поръ еще не было ни одного явленія, которое могло бы возбудить опасенія насчетъ прочности добытаго единства. Конечно, правительства очень ревниво слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ихъ верховная власть не претерпѣла бо́льшаго ущерба, чѣмъ тотъ, который уже нанесенъ ей трактатами. Если заглянешь, напр., въ военныя конвенціи, заключенныя съ Баденомъ, Вюртембергомъ, Баваріей, Гессеномъ (послѣдняя еще подлежитъ ратификаціи императора), то приходишь въ неописанное изумленіе, видя, къ какимъ тонкостямъ прибѣгаютъ люди, чтобы соединить двѣ вещи, въ сущности несовмѣстимыя: военное главенство императора и верховную власть государей. Между южно-германскими государствами, конечно, ни одно не расположено такъ въ пользу единства Германіи, какъ Баденъ; но даже и тамъ далеко не отказываются отъ всѣхъ особенностей. Касательно мундира и регалій 14-го армейскаго корпуса (выставленнаго Баденомъ) вышло особое постановленіе, которое, напримѣръ, опредѣляетъ, что офицеры должны носить баденскую и прусскую кокарду на фуражкѣ, портупею же и шарфъ союзныхъ цвѣтовъ (черный - бѣлый - красный). Генералитетъ и генеральный штабъ носитъ на головѣ только прусскую кокарду, шарфъ и портупею *безъ* союзныхъ цвѣтовъ. Но самая запутанная задача досталась на долю генералъ - и флигель-адъютантовъ великаго герцога. Они носятъ баденское украшеніе на шлемѣ (бо́льшую звѣзду напереди шлема), султанъ на шлемѣ прусскихъ цвѣтовъ, прусскіе эполеты и погоны (которые носятся на плечѣ вмѣсто эполетъ) съ вензелемъ великаго герцога, шарфъ и портупею союзныхъ цвѣтовъ.

Это одна только внѣшность, но она характеристична. Слишкомъ много времени заняло бы критическое обозрѣніе самихъ трактатовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ является назначеніе офицеровъ. Баварія, въ этомъ отношеніи, совершенно независима, такъ какъ глав-

ная команда надъ баварской арміей принадлежитъ королю баварскому и только во время войны переходитъ къ императору; въ Вюртембергѣ король назначаетъ офицеровъ, но при назначеніи главнокомандующаго требуется согласіе императора. Напротивъ того, и въ Баденѣ и въ Гессенѣ право назначать офицеровъ предоставлено императору.

Кромѣ арміи, общимъ должно быть управленіе почтами, желѣзными дорогами и телеграфами, но и здѣсь не оберешься исключеній. Баварія не хочетъ отдать свои желѣзныя дороги центральному управленію, учреждаемому здѣсь; а что касается почты, то Баварія и Вюртембергъ удерживаютъ свои мундиры и почтовыя марки. Съ 1 января 1872 г. учреждается во всей имперіи, включая Эльзасъ и Лотарингію, *общій* почтовый мундиръ и *общая* почтовая марка, но Баварія и Вюртембергъ составляютъ изъ этого исключеніе.

Я не думаю, чтобы это представляло особую важность. Государственный канцлеръ замѣтилъ какъ-то раньше, когда дѣло шло о числѣ голосовъ у Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ, что прусское большинство въ союзномъ совѣтѣ не желательно, потому что остальныя государства не будутъ тогда интересоваться союзнымъ совѣтомъ. Въ то время у Пруссіи было 17 голосовъ, между тѣмъ какъ союзный совѣтъ въ цѣломъ насчитывалъ 43 голоса. Теперь, вслѣдствіе присоединенія южныхъ государствъ, пропорція стала еще неравномѣрнѣе: у Пруссіи остались ея 17 голосовъ, между тѣмъ какъ общее ихъ число дошло до 58.

Итакъ, союзному совѣту легко было бы подавить Пруссію большинствомъ, и хотя сила фактовъ и то обстоятельство, что въ парламентѣ въ числѣ 382 депутатовъ засѣдаетъ 235 пруссаковъ (такъ какъ здѣсь перевѣшиваетъ численность населенія Пруссіи сравнительно съ остальными союзными государствами) можетъ этому воспрепятствовать, однако, тѣмъ не менѣе, права союзнаго совѣта отнюдь не ничтожны и серьезная распря въ немъ можетъ угрожать существованію всей организаціи. Но противъ подобной случайности нѣтъ иного спасенія, какъ жизненная сила учрежденій и на нея слѣдуетъ разсчитывать. Счастливый исходъ послѣдней войны произвелъ глубокое впечатлѣніе на югѣ, которое не скоро изгладится и о которомъ свидѣтельствуетъ дружескій пріемъ, повсемѣстно оказанный населеніемъ императору Вильгельму и Бисмарку. Надо сказать, что личность обоихъ, также какъ и кронъ-принца, очень легко привлекаетъ популярность. Самъ Бисмаркъ, по своему политическому развитію, отнюдь не приверженецъ унитаризма и конечно сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы удержать монархическій государственный союзъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ настоящее время въ германской имперіи, убѣжденный, что воспоминаніе о послѣдней войнѣ, сближеніе различныхъ племенъ, частью въ общемъ парламентѣ, частью черезъ ежедневно усиливающіяся сношенія, наконецъ значительная власть, кото-

рую даетъ конституція главѣ союза,—совершенно достаточны, чтобы предохранить Германію отъ новаго распаденія.

Опасность, грозящая Германіи со стороны ультрамонтановъ, также не очень велика, хотя князь Бисмаркъ и дѣлаетъ видъ, что боится ихъ. Говорятъ, что онъ какъ-то прежде сказалъ, что ему все равно, чтó творятъ демократы, но что на католиковъ онъ обращаетъ большое вниманіе, и нѣкоторыя нападки, встрѣчающіяся въ газетахъ, такъ напр., что ультрамонтаны и соціальные демократы равно не *имѣютъ отечества* и вслѣдствіе этого являются настоящими врагами Германіи, звучатъ такъ, какъ будто бы онѣ исходятъ изъ устъ самого государственнаго канцлера и заставляютъ въ немъ искать ихъ источника.

Прошли тѣ времена, когда въ Германіи возможны были религіозныя войны или, по крайней мѣрѣ, такія, которыя велись подъ предлогомъ религіи, потому что уже Шмалькальденская война была гораздо болѣе политической, чѣмъ религіозной войной, тѣмъ болѣе тридцатилѣтняя. Тѣмъ не менѣе въ Германіи религіозные вопросы всегда внушали живой интересъ, и это снова выказалось въ вопросѣ о непогрѣшимости папы: въ то время, какъ постановленіе ватиканскаго собора было принято въ Италіи и во Франціи съ величайшимъ равнодушіемъ, въ Германіи оно дало толчокъ весьма сильному движенію. До сихъ поръ, конечно, формальныя отреченія отъ папы проявлялись лишь какъ единичныя явленія, но движеніе однако распространилось на всю Германію и Швецію, и когда всѣ тѣ, которые, не отдѣляясь вообще отъ католической церкви, возстаютъ противъ непогрѣшимости папы, сольются воедино, то образуютъ отнюдь не ничтожную партію, и эта партія, волею-неволею, вскорѣ будетъ стоять на лучшей ногѣ съ протестантами, чѣмъ съ Римомъ, и если обстоятельства будутъ способствовать ея собственному распространенію, то она приготовитъ почву для нѣмецкой національной церкви.

Но то самое явленіе, которое, быть можетъ, мѣшаетъ этому движенію—религіозный индифферентизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ отъ опасности, какою могли бы грозить ультрамонтаны, потому что толпа, находящаяся подъ безусловнымъ вліяніемъ духовенства, малочисленна сравнительно съ численнымъ населеніемъ Германіи, и въ числѣ самого духовенства весьма немного такихъ лицъ, которыя могли бы вступить въ серьезную борьбу съ правительствомъ. Самымъ значительнымъ событіемъ въ анти-папскомъ движеніи является засѣдающее въ послѣдніе три дня въ Мюнхенѣ собраніе «старо-католиковъ» (такъ называютъ себя противники догмата о папской непогрѣшимости, который они считаютъ пагубнымъ нововведеніемъ), на которое стеклись со всѣхъ концовъ Германіи около 500 депутатовъ и въ числѣ ихъ ученѣйшіе изъ католическихъ богослововъ: какъ Дёллингеръ изъ Мюнхена, Шульте изъ Праги, Рейнкенсъ изъ Бреславля и многіе другіе

(изъ Франціи прибылъ отецъ Гіацинтъ). Нѣмецкіе богословы пользуются громкой славой. Въ числѣ четырехъ факультетовъ—богословскій занимаетъ почетное мѣсто не только благодаря тому почтенію, какое внушаютъ религіозные вопросы, но и потому, что богословіе одна изъ самыхъ трудныхъ университетскихъ наукъ. Никакая другая, не исключая даже юриспруденціи, не занимала такъ сильно и такъ постоянно человѣческаго ума и усидчивости, и если большинство духовныхъ лицъ все еще держится одной поверхности науки, за то отдѣльныя личности охватываютъ могучимъ умомъ всю необъятную область науки и двигаютъ ее впередъ. Подобныя «свѣтила церкви» существуютъ во всѣхъ церквахъ, но ими особенно богата Германія. Но съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты достигли господства въ Римѣ, они немилостиво отнеслись къ научному образованію духовенства, потому что оно кажется имъ несовмѣстнымъ съ вѣрой и безусловнымъ послушаніемъ. Вслѣдствіе этого римская курія весьма неблагосклонно смотрѣла на католическіе факультеты нѣмецкихъ университетовъ, такъ какъ въ этихъ факультетахъ, благодаря ихъ связи, или, если хотите, ихъ соприкосновенію съ остальными факультетами, царствовалъ научный и свободный духъ, ненавистный римской куріи. Поэтому почти каждый изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ богослововъ, проявившихъ свою дѣятельность на поприщѣ университетской богословской науки и въ литературѣ, приходилъ въ столкновеніе съ Римомъ, и если не всѣ, то уже одно изъ его сочиненій, или высказанныхъ имъ доктринъ непремѣнно подвергались проклятію. Напротивъ того, Римъ поощрялъ образованіе богослововъ въ семинаріяхъ и другихъ замкнутыхъ, обособленныхъ отъ жизни институтахъ, гдѣ не могло быть и рѣчи о научномъ образованіи и откуда выходило необразованное и фанатическое духовенство, которое послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ (такъ какъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія іезуиты снова получили вліяніе въ Римѣ) являлось постоянно въ большинствѣ.

На послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ ясно выказалось глубокое разъединеніе. Итальянскіе епископы образовали на соборѣ относительное большинство, потому что между тѣмъ, какъ въ Германіи епархія насчитываетъ зачастую до 1 милліона душъ, въ Италіи существуютъ епархіи всего въ 10,000 населенія, а епископы *in partibus* вовсе не имѣютъ епархій, но вполнѣ зависятъ отъ папы. Эта фаланга итальянскихъ епископовъ рѣшила битву; самый порядокъ занятій былъ таковъ, что оппозиціи трудно было добиться слова, а цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ уничтожалъ возможность всякаго протеста. Но когда большинство приняло догматъ непогрѣшимости, то у противниковъ не хватило мужества продолжать оппозицію и они подчинились. Такое малодушное поведеніе князей церкви имѣло естественнымъ послѣдствіемъ то, что продолженіе борьбы поведено было другими ли-

цами и перешло въ руки міранъ. Всего сильнѣе завязалась борьба между двумя партіями въ Баваріи.

Собственная Баварія, составныя части которой образуетъ бывшее баварское курфиршество, всегда была ревностно предана католицизму, между тѣмъ какъ бóльшая часть тѣхъ земель, вслѣдствіе присоединенія которыхъ Баварія возведена была на степень королевства, населена или протестантскимъ или свободно-мыслящимъ католическимъ населеніемъ. Шестьдесятъ лѣтъ политическаго объединенія не могли вполнѣ стереть эту разницу. Истые баварцы въ округахъ Верхней и Нижней Баваріи повинуются лозунгу ультрамонтановъ, какъ мановенію волшебнаго жезла; Оберъ-Пфальцъ и сельскіе округи Швабіи слѣдуютъ ихъ примѣру, между тѣмъ какъ Франконія и въ особенности за-Рейнскій Пфальцъ порвали связь съ папствомъ и высоко держатъ знамя прогресса. Точно такъ въ большихъ городахъ: Мюнхенѣ, Нюренбергѣ, Аугсбургѣ, Вюрцбургѣ царствуетъ либеральное настроеніе; только въ Регенсбургѣ клерикальная партія очень многочисленна и беретъ верхъ надъ либеральной. Ожесточеніе между партіями было уже очень велико въ 1869-мъ году. Въ то время либералы имѣли на своей сторонѣ большинство въ палатѣ депутатовъ и приняли предложенный либеральнымъ министерствомъ Гогенлоэ училищный уставъ, по которому, хотя въ школахъ и оставалось преподаваніе закона Божія и руководство имъ предоставлялось духовенству, но за то надзоръ и руководство всего школьнаго преподаванія было изъято изъ-подъ вліянія духовенства; но рейхсратъ (такъ называется въ Баваріи верхняя палата), отвергъ уставъ. Послѣ этого палата депутатовъ была распущена и назначены новые выборы, во время которыхъ духовенство выказало необыкновенную дѣятельность. Результатъ выборовъ далъ 78 ультрамонтановъ (или, какъ они себя называютъ, патріотовъ) и 76 либераловъ. Когда палата сошлась, то нѣкоторые выборы были объявлены недѣйствительными, и такимъ образомъ, когда пришлось избирать президента, то лицомъ къ лицу очутились 72 ультромайтана и 72 либерала. Семь разъ повторялись выборы и семь разъ не оказывалось перевѣса ни на чьей сторонѣ, а пока готовились приступить къ восьмому опыту, палата была снова распущена. На новыхъ выборахъ (25 ноября 1869 г.) ультрамонтаны одержали рѣшительную побѣду. Духовенство выходило изъ себя. Оно напѣвало крестьянамъ во всѣхъ тонахъ, что либеральные выборы тожественны съ пруссификаціей, съ обращеніемъ въ лютеранство; что сынамъ ихъ придется надѣть остроконечную каску и отправляться въ Померанію и восточную Пруссію. Мало того: гдѣ эти средства не были достаточны, тамъ они объявляли, что отпущеніе грѣховъ и вѣчное блаженство будетъ удѣломъ только тѣхъ, кто подастъ голосъ за ультрамонтанскихъ кандидатовъ. Такимъ образомъ цѣлыя деревни шествовали густыми фалангами, съ священниками во

главѣ, прямо изъ церкви къ избирательной урнѣ. Но все это не привело бы еще къ цѣли, еслибы духовенству не удалось привлечь на свою сторону въ округѣ Альгау, который всегда избиралъ либераловъ и гдѣ послѣдніе считали себя обезпеченными, 27 крестьянъ, которые и дали перевѣсъ, такъ что всѣ 6 депутатовъ округа оказались ультрамонтанами. Ультрамонтаны насчитывали въ палатѣ депутатовъ 80 членовъ, а либералы только 74, и либеральное министерство Гогенлоэ вышло въ отставку. Еще свѣжо воспоминаніе о томъ, какъ въ іюлѣ прошедшаго года эта палата депутатовъ готова была объявить нейтралитетъ Баваріи въ войнѣ между Германіей и Франціей, но общественное мнѣніе и патріотизмъ короля предупредили это несчастіе.

Министерству Гогенлоэ наслѣдовало министерство Брая, и когда графъ Брай потребовалъ отставки и вернулся на свой постъ посланника въ Вѣнѣ, который занималъ прежде, то министерство иностранныхъ дѣлъ принялъ графъ Гегненбергъ, а Лутцъ два министерства: юстиціи и вѣроисповѣданій. Между тѣмъ, палаты собрались, и палата депутатовъ большинствомъ 79 голосовъ изъ 145, слѣдовательно весьма ничтожнымъ большинствомъ избрала въ президенты ультрамонтана фрейгера фонъ-Овъ. Такимъ образомъ партіи очутились лицомъ къ лицу и повидимому съ равными силами, какъ это длится уже нѣсколько лѣтъ сряду, и хотя слѣдуетъ ожидать почти навѣрное распущенія палаты депутатовъ, но борьба между ультрамонтанами и либералами въ странѣ не прекратится, а будетъ идти съ прежней энергіей. Въ самомъ Мюнхенѣ образовался комитетъ дѣйствія, вызвавшій настоящее собраніе старо-католиковъ. Это собраніе будетъ повидимому гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде предполагали, такъ какъ оно выставило весьма обширную, смѣлую программу, далеко не ограничивающуюся отрицаніемъ догмата непогрѣшимости, но даетъ совершенно новое направленіе католическимъ вѣрованіямъ въ Германіи. Программа прежде всего отвергаетъ догматъ непогрѣшимости, но затѣмъ требуетъ ни болѣе, ни менѣе какъ церковной реформы. Главные пункты этой реформы слѣдующіе: католики міряне, духовенство и ученые богословы получаютъ право обсужденія и протеста при установленіи правилъ вѣры. Требуется сліяніе съ утрехтской церковью (немногочисленной сектой въ Нидерландахъ, происшедшей изъ янсенизма, считающей себя членомъ католической церкви и признающей папу видимой главой церкви, но отрицающей его непогрѣшимость) и ожидается соединеніе съ греческой, восточной и русской церквами,— раздѣлъ съ которыми совершился безъ всякихъ настоятельныхъ причинъ и не обусловленъ никакой существенной разницей въ догматахъ,— равно какъ и соглашеніе съ остальными христіанскими вѣроисповѣданіями, а именно протестантской и епископскими церквами Англіи и Америки. Занятіе наукой объявляется необходимымъ для духовенства;

для низшаго духовенства требуется гарантій отъ іерархическаго произвола и недобровольныхъ перемѣщеній. „Мы стоимъ, гласитъ далѣе программа, за гражданскую свободу и учрежденія нашей страны, поощряющія гуманную культуру".

Вся программа, оканчивающаяся осужденіемъ іезуитскаго ордена, дышетъ свободомысліемъ и получитъ важное значеніе не только для католической, но и для евангелической церкви, какъ скоро движеніе распространится въ образованныхъ классахъ: все дѣло главнымъ образомъ сводится къ этому, и безъ численной силы побѣда невозможна. Черезъ нѣсколько недѣль, быть можетъ, легче будетъ рѣшить, какой исходъ ожидаетъ это движеніе. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднее время папство надѣлало столько ошибокъ и такъ рѣшительно объявило себя противникомъ всякаго человѣческаго прогресса (между тѣмъ какъ въ прежнія времена церковь стояла во главѣ новыхъ идей), что нельзя не предположить, что дни его владычества сочтены.

По послѣднимъ рѣшеніямъ, парламентская сессія начнется не $^{3}/_{15}$ октября, а по всей вѣроятности не раньше $^{8}/_{20}$ октября. Депутаты очень недовольны этой долгой отсрочкой, такъ какъ предвидятъ, что вслѣдствіе ея бюджетъ не будетъ представленъ своевременно (передъ окончаніемъ года) и что, кромѣ того, сессія продлится до самаго лѣта. Но все это конечно второстепенныя заботы; главное то, чтобы сама сессія не прошла безплодно.

Въ Берлинѣ все еще очень тихо. Въ послѣднія двѣ недѣли ждали, что къ намъ пожалуетъ страшная гостья, холера, которая особенно свирѣпствовала въ Кёнигсбергѣ. Въ теченіе 4-хъ недѣль тамъ умерло 1,400 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Данцигѣ, Штеттинѣ и здѣсь до сихъ поръ проявлялись лишь единичные случаи. Врачебное искусство оказалось, какъ и всегда, безсильнымъ, и наука, измѣряющая отдаленнѣйшія небесныя пространства и опредѣляющая составныя части небесныхъ тѣлъ, отдаленныхъ на милліоны миль, все еще бродитъ ощупью въ тѣхъ случаяхъ, которые всего ближе касаются человѣка, и должна отдѣлываться *ничегонезнаніемъ*. Поневолѣ признаешь вѣчныя границы, положенныя человѣческому разуму, противъ которыхъ мы тщетно возстаемъ, если не захотимъ раздѣлять ученія, впервые развитаго съ безпощадной ясностью Спинозой, что—какъ выражается этотъ мудрецъ—въ природѣ все происходитъ по извѣстнымъ, вѣчнымъ законамъ необходимости и съ высшимъ совершенствомъ, а *цѣль* есть только человѣческое понятіе, совершенно противорѣчащее истинному понятію о природѣ. Несмотря на всѣ наши усилія, условія бытія неизмѣнны и возвышаются надъ всѣмъ, что̀ мы именуемъ прогрессомъ человѣческаго генія, и всѣ мы въ скучный осенній вечеръ вздыхаемъ вмѣстѣ съ Гейне:

Zwecklos, wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer sammt der Schöpfung!

Греки называли это: *δεινὰ ἀναγκή*!

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

23-го (11-го) сентября 1871 г.

Первый альпійскій туннель.

Большинство посѣтителей, которые въ эти послѣдніе дни стеклись со всѣхъ сторонъ Италіи къ Монъ-Сенису, или, вѣрнѣе говоря, къ Монъ-Фрежюсу (monte Frejus), при видѣ отверзтія въ горѣ, вышиной и шириной въ шесть метровъ, черезъ которое они проѣхали въ три четверти часа въ закрытыхъ вагонахъ, — имѣли наивность сознаваться, что они ожидали отъ галлереи Монъ-Сениса болѣе сильнаго впечатлѣнія. Вѣроятно, они воображали, что такая галлерея должна имѣть фантастическій видъ волшебной пещеры со сводомъ, сверкающимъ драгоцѣнными каменьями, съ стѣнами выложенными серебромъ и золотомъ и источающими амброзію. Кромѣ монотоннаго стука колесъ, кромѣ свистка, возвѣщающаго начало туннеля, и свистка, возвѣщающаго конецъ его, кромѣ нѣсколькихъ клубовъ дыма, въ которомъ сверкаютъ искры, уносимаго теченіемъ воздуха въ этой подземной галлереѣ, они ничего не слыхали и не видали. Поэтому по прибытіи въ Модану они объявили себя разочарованными и нашли для себя утѣшеніе только въ великолѣпныхъ пирахъ, которые ежедневно готовятся шестьюдесятью поварами для многочисленныхъ гостей дирекціи желѣзныхъ дорогъ Верхней Италіи, выказавшей въ этомъ случаѣ по истинѣ блистательное радушіе.

Но еслибы въ Италіи существовали только эти наивные люди, то Монъ-Сениская галлерея не была бы въ настоящее время совершившимся фактомъ, и при томъ однимъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе приносятъ чести и пользы человѣчеству; крикъ, пронесшійся въ настоящее время по Италіи и Франціи: „нѣтъ болѣе Альповъ"! былъ бы невозможенъ; Франція и Италія навсегда оставались бы раздѣленными непреоборимой преградой, отчуждавшей ихъ другъ отъ друга. Такъ падаютъ всѣ такъ-называемыя естественныя границы и такъ-называемые національные оплоты, которые не столько служатъ защитой въ случаѣ войны, сколько предлогомъ для нея и помѣхой мирнымъ трудамъ. Альпы слишкомъ отчуждали насъ отъ другихъ народовъ и отъ

нашихъ сосѣдей; пробитая въ нихъ брешь обезоруживаетъ страшныхъ исполиновъ: Альпы остаются громадой, интересной геологамъ для изученія, географамъ для экскурсій, удобной для произрастанія каштановъ, служащихъ пищею нашему альпійскому населенію, и матеріала для постройки нашихъ судовъ. Одни наши поэты будутъ безутѣшны оттого, что лишаются возможности изрекать избитыя общія мѣста въ своихъ патріотическихъ тирадахъ; но такъ какъ міръ живетъ прозой, то бѣда не очень велика и мы легко утѣшимся. Аннибалъ, Карлъ Великій и Наполеонъ, переходящіе съ величайшимъ рискомъ и опасностями снѣжныя Альпы со своимъ войскомъ, перестанутъ тревожить наше воображеніе, но за то намъ сподручнѣе будетъ сбывать наши картины, статуи, а со временемъ, быть можетъ, и наши книги на всемірномъ рынкѣ, въ Парижѣ, вмѣстѣ съ нашими винами, фруктами, шелками, и давать чувствовать французамъ, что мы еще живы; а французамъ удобнѣе будетъ присылать къ намъ черезъ туннель Фрежюса своихъ отважныхъ дипломатовъ. Изъ моихъ словъ читатель догадается вѣроятно, что франко-итальянскій праздникъ на Монъ-Сенисѣ не не былъ столь радушенъ, какъ бы то было желательно. Франція прислала мало представителей, какъ будто ближайшее сосѣдство съ Италіей доставляло ей скорѣе неудовольствіе, чѣмъ радость. Говорятъ, что король Италіи желалъ присутствовать на открытіи туннеля, но такъ какъ „король" Франціи, Адольфъ Тьеръ, не удостоилъ тронуться съ мѣста и прислалъ лишь одного изъ своихъ министровъ, то король Италіи, ради политическихъ приличій, долженъ былъ сдѣлать видъ, что пропустилъ безъ вниманія великое событіе, совершившееся въ его собственное царствованіе, въ его родномъ Піемонтѣ, и продолжать въ уединеніи свою любимую охоту на дикихъ козъ и ланей. Если Италія присутствуетъ теперь при окончаніи колоссальнаго монъ-сенискаго предпріятія, то честь почина и выполненія принадлежитъ одному только Пьемонту; гдѣ король, парламентъ, министръ Кавуръ, ученые— всѣ содѣйствовали его выполненію.

Исторія этого предпріятія представляетъ большой интересъ и была описана многими; послѣдній и самый компетентный трудъ принадлежитъ графу Федерико Менабреа, который прежде чѣмъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, министромъ и президентомъ совѣта, былъ инженернымъ генераломъ и замѣчательнымъ профессоромъ математики въ туринскомъ университетѣ. Когда одинъ талантливый ломбардскій инженеръ и писатель, синьоръ Энеа Биньями, издалъ во Флоренціи прекрасное историческое, артистическое и описательное сочиненіе, озаглавленное *Frejus e Cenisio*,—Менабреа послалъ ему длинное письмо, предназначенное служить предисловіемъ къ книгѣ. Въ этомъ письмѣ Менабреа излагаетъ талантливымъ образомъ и согласно собственнымъ соображеніямъ основанія прекраснаго предпріятія.

„Много лѣтъ тому назадъ, пишетъ Менабреа, я посѣтилъ окрестности форта Лесельонъ, въ сопровожденіи „туземца“, служившаго мнѣ путеводителемъ. Ему хорошо было извѣстно все, что было интереснаго въ этихъ мѣстахъ; разсуждая о возможности проложить болѣе короткую дорогу, чѣмъ Монъ-Сенискую, чтобы соединить Савойю съ Пьемонтомъ, онъ мнѣ разсказалъ, что нѣкій синьоръ Медайль предложилъ пробить туннель между Моданой и Бардонешемъ. И дѣйствительно, когда Медайль внимательно изслѣдовалъ эти мѣста, онъ убѣдился, что русла рѣки Арко и потока Бардонеша находятся почти на одномъ уровнѣ, между Моданой и селеніемъ Бардонешъ, и что гора Фрежюсъ, расположенная между этими двумя мѣстечками, представляетъ самую узкую часть этой цѣпи западныхъ Альпъ. Эта мысль смышленаго человѣка была усвоена не раньше 1845-го г. кавалеромъ Дезамбруа, тогдашнимъ министромъ публичныхъ работъ короля Карла-Альберта, когда тотъ сталъ замышлять желѣзную дорогу черезъ Альпы. Предпринятыя изслѣдованія подтвердили мнѣніе Медайля и подали поводъ къ болѣе точному изслѣдованію, въ которомъ приняли участіе знаменитые и талантливые инженеры“.

Джузеппе Медайль былъ пьемонтецъ, уроженецъ Бардонеша; проектъ его былъ представленъ королю Карлу-Альберту еще въ 1832-мъ г. Затѣмъ, черезъ десять лѣтъ онъ былъ внесенъ въ палату земледѣлія и торговли въ Шамбери, принадлежавшемъ тогда къ королевству Сардинскому. Бѣдный Медайль умеръ, прежде чѣмъ вздумали приступить къ выполненію его проекта, и въ настоящее время поднятъ вопросъ о томъ, чтобы поставить ему памятникъ.

Далѣе, Менабреа передаетъ остроумныя соображенія пьемонтскаго геолога Анжело Сисмонда и первый проектъ сверлильной машины, представленный бельгійскимъ инженеромъ Маусомъ, и прибавляетъ по этому поводу:

„Принципъ этой машины былъ весьма остроуменъ, но не разрѣшалъ вопроса о передачѣ движенія на разстояніе слишкомъ 6,000 метровъ, что составляетъ половину длины туннеля, и о вентиляціи. Я помню, что знаменитый Гумбольдтъ, спрошенный насчетъ возможности пробить эту галлерею въ двѣнадцать километровъ, приступить къ которой возможно было только съ двухъ концовъ, отвѣчалъ, что вентиляція кажется ему самымъ большимъ затрудненіемъ въ этомъ дѣлѣ“.

За этимъ послѣдовало нѣсколько проектовъ сверлильныхъ машинъ англійскаго инженера Томаса Барлетъ, профессора Даніеля Коладона, инженера Піапати изъ Милана; всѣ предлагали какое-нибудь усовершенствованіе, но все выходило неудовлетворительнымъ.

„Надо было, продолжаетъ Менабреа, усовершенствовать всѣ эти несовершенныя идеи, изобрѣсти новые механизмы и организовать работу; словомъ, создать нѣчто стройное изъ этого хаоса разнородныхъ

элементовъ. На все это требовалось вдохновеніе генія, и геній явился— *et insufflavit super eos.* Однажды, я ѣхалъ изъ Савойи, и огибалъ крутыя извивы Монъ-Сениса, сидя въ мало-покойномъ дилижансѣ, въ обществѣ одного молодого инженера изъ туринскаго университета, уже тогда прославившагося различными замѣчательными трудами по механикѣ, и одержимаго *dal demone perforatore delle Alpi.* То былъ синьоръ Соммеллье, который вмѣстѣ со мной вздыхалъ по тѣмъ блаженнымъ днямъ, когда паръ избавитъ насъ отъ альпійскаго дилижанса.

„Чтобы разогнать скуку, онъ изложилъ мнѣ систему, какую задумалъ, чтобы приступить къ великому дѣлу. Машина для сгущенія воздуха и сверлильная были предметами его спеціальныхъ изученій. Въ то время, какъ машина должна была сгущать воздухъ отъ пяти до шести атмосферъ, слѣдовало предупредить нагрѣваніе его; слѣдовало, чтобы сверлильная машина, приводимая въ движеніе сжатымъ воздухомъ, была удобна для перемѣщенія и не тяжела, такъ, чтобы ее можно было передвигать во всѣ стороны, не тратя излишней силы. Одушевленный этой идеей, онъ напалъ на мысль сжать воздухъ съ помощью давленія столба воды и придумалъ такую сверлильную машину, которая кажется ему теперь, послѣ многихъ постепенныхъ измѣненій, достигшей возможной степени совершенства. Послѣ минутнаго размышленія, я не усумнился отвѣчать синьору Соммеллье, желавшему знать мое мнѣніе насчетъ изложенной системы, что, полагаю, онъ попалъ на настоящую дорогу, и поощрялъ его (Менабреа былъ профессоромъ Соммеллье въ туринскомъ университетѣ) продолжать свои занятія. Прибывъ въ Туринъ, онъ соединился съ синьорами Граттони и Грандисомъ, двумя инженерами (пьемонтцами), также какъ и онъ вышедшими изъ здѣшняго университета. Они также занимались рѣшеніемъ этой задачи и пришли къ той же идеѣ. Этотъ талантливый тріумвиратъ немедленно приступилъ къ дѣйствію и въ непродолжительномъ времени представилъ законченный и раціональный проектъ для устройства галлереи. Графъ Кавуръ, изумительно понимавшій и дѣйствовавшій съ налету, когда дѣло шло о томъ, что могло послужить къ славѣ и на пользу страны, отлично принялъ этотъ проектъ."

Джермано Соммеллье, генія-изобрѣтателя сверлильной машины Фрежюса, уже нѣтъ болѣе въ живыхъ; за мѣсяцъ съ небольшимъ до торжественнаго открытія туннеля онъ скончался.

Кавуръ представилъ его планъ на разсмотрѣніе технической коммиссіи, составленной изъ ученыхъ пьемонтцевъ. Затѣмъ потребовалъ и получилъ отъ малаго пьемонтскаго парламента суммы для испытанія сверлильной машины; министромъ публичныхъ работъ въ Пьемонтѣ и великимъ покровителемъ предпріятія былъ знаменитый инженеръ и ученый венеціанецъ Палеокапа; 29-го іюня 1857-го г. піе-

монтскій парламентъ вотировалъ законъ, по которому Піемонтъ долженъ быть соединенъ съ Савойей, посредствомъ бреши, пробитой въ Альпахъ. Совсѣмъ тѣмъ въ оппонентахъ не оказалось недостатка:

„Самую упорную и энергическую опозицію, продолжаетъ Менабреа, оказали ученые, и вотъ на какихъ основаніяхъ: никто не могъ отрицать, что посредствомъ равномѣрнаго давленія возможно перемѣщать воду въ трубкахъ на довольно значительное разстояніе; но это свойство, испытанное на водѣ, они не хотѣли признать за воздухомъ. Опираясь на нѣкоторыя общепринятыя формулы, имъ казалось, что они могутъ доказать какъ дважды два—четыре, что воздухъ въ трубкахъ можетъ перемѣщаться лишь на весьма незначительныя разстоянія, и называли фантастичной систему, основанную главнымъ образомъ на возможности пустить токъ воздуха на разстояніе 6,000 метровъ“.

Во Франціи предпріятіе встрѣтило всеобщее неодобреніе, за исключеніемъ Наполеона III-го, который сочувствовалъ ему. Мало-помалу, однако, сдаваясь передъ очевидностью факта, французы увѣровали и оказали содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Пьемонтскіе инженеры Борелло и Копелло исполнили геодезическія измѣренія направленія пути, особенно затруднительныя вслѣдствіе гористаго и лѣсистаго характера мѣстности, и Менабреа хвалитъ „точность“, съ какой были намѣчены оси галлерей, которыя шли отъ двухъ отверстій, находившихся на двухъ противуположныхъ склонахъ горы: обѣ подземныя галлереи пришлись какъ разъ одна съ другой. Приходилось сдѣлать весьма тонкую тріангуляцію, при чемъ рисковали, что ей помѣшаетъ притягательная сила горъ, весьма ощутительная въ этой области и производящая пертурбацію на горизонтальное положеніе инструментовъ. Десять лѣтъ тому назадъ, въ январѣ 1861-го г., когда были сдѣланы всѣ подготовительныя работы, сверлильные снаряды открыли первую брешь въ горѣ со стороны Италіи; а два года спустя машины начали дѣйствовать со стороны Франціи. 26-го декабря 1870-го г. мины взорвали послѣднюю глыбу камня, раздѣлявшую итальянцевъ отъ французовъ; 17-го сентября этого года открылась наконецъ желѣзная дорога изъ Бардонеша въ Модану въ подземной галлереи Фрежюса. Менабреа такъ описываетъ результатъ изобрѣтеній и трудовъ, доведенныхъ до конца тремя инженерами, вышедшими изъ туринскаго университета:

„Расходы превзошли предварительную смѣту; но „раны, нанесенныя золотомъ не смертельны“; цѣль достигнута и издержанные милліоны будутъ щедро оплачены богатствомъ, которое разовьется въ альпійскихъ провинціяхъ и торговымъ движеніемъ, которое ускорится, благодаря этому новому пути. Этотъ трудъ будетъ полезенъ не только для страны, въ которой онъ выполненъ, и нѣтъ сомнѣнія, что новая система будетъ примѣняема въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Грозная цѣпь Альповъ казалась недоступной для паровоза, въ особен-

ности съ западной стороны; Италіи грозила вѣчная отчужденность отъ нѣмецкой Швейцаріи и Франціи. Трудная задача рѣшена; теперь остается примѣнить новый методъ къ Сенъ-Готардскому туннелю. Отнынѣ весь вопросъ въ деньгахъ и наша страна не замедлитъ, благодаря этому остроумному открытію, пробить гранитную и ледяную стѣну, окружающую ее. Примѣненіе сжатаго воздуха, послѣ такихъ обширныхъ опытовъ, отнынѣ дѣлаетъ возможнымъ простое разрѣшеніе важной задачи, которую Карлъ Баббажъ излагаетъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, озаглавленномъ *Dell' economia delle mani fatture e delle macchine*. Онъ желалъ найти средство, распредѣлять двигательную силу въ городахъ такъ, чтобы ею могъ пользоваться, какъ нынѣ дѣлается съ газомъ, всякій простой рабочій. Средство найдено; если у васъ есть подъ руками сильная струя воды, то вы можете посредствомъ этой гидравлической силы сжать воздухъ, запереть его въ газометрѣ, затѣмъ посредствомъ трубокъ передавать его различнымъ машинамъ, находящимся въ дѣйствіи, какъ это дѣлалось въ галлереѣ. Впродолженіи опыта, длившагося двѣнадцать лѣтъ, аппараты были измѣнены и усовершенствованы. Нагнетательные снаряды, дѣйствующіе столбомъ воды, и подвергавшіеся опасности разрываться отъ сильнаго давленія воды, были замѣнены насосами, въ которыхъ вода остается между поршнемъ и воздухомъ, который желаютъ сжать, и такимъ образомъ, благодаря этому посреднику, вода возобновляется и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгается нагрѣваніе воздуха, котораго опасались. Съ помощью усовершенствованныхъ сверлильныхъ снарядовъ удавалось взрывать и расчищать ежедневно три метра въ той части галлереи, гдѣ масса была особенно тверда.

„Хотя для приведенія въ движеніе сверлильныхъ снарядовъ воздухъ проникалъ въ достаточномъ количествѣ въ глубину галлереи, тѣмъ не менѣе, правильная вентиляція всего подземелья представляла немало препятствій; но благодаря остроумнымъ приспособленіямъ удалось не только удалять испорченный воздухъ, но въ то же самое время впускать чистый. Во время работы не пренебрегали физическими и геологическими наблюденіями. Между прочимъ замѣчено, что повышеніе температуры, происходящее отъ внутренняго жара, равнялось одному градусу Цельсія на каждые 50 метровъ углубленія".

Послѣ этихъ словъ Менабреа, небезъинтересны будутъ нѣкоторыя подробности о расходахъ, которыхъ стоилъ туннель, о людяхъ работавшихъ въ немъ, о сверлильной машинѣ и о самой галлереѣ.

Законъ 15-го августа 1857-го года опредѣляетъ расходъ въ 41,400,000 фр.; около половины всей суммы, т.-е. 20,000,000 фр. приходились на долю желѣзнодорожнаго общества, носящаго имя Виктора-Эммануила; теперь оказывается, что дѣйствительный расходъ равняется 75,000,000 фр. изъ которыхъ только 19,000,000 фр. въ силу конвенціи,

заключенной въ 1862-мъ г. послѣ уступки Савойи, приходятся на долю Франціи. Персоналъ, принимавшій участіе въ предпріятіи, состоялъ: 1) изъ „технической дирекціи", составленной изъ инженеровъ Соммеллье, Граттони и Грандиса, представляемыхъ на мѣстѣ инженеромъ секціи, устроенной у каждаго изъ двухъ входовъ, подъ управленіемъ котораго находились помощникъ инженера, главный механикъ и проч. и проч.; 2), изъ „инспекціи экономической" для административныхъ распоряженій, которая въ послѣдніе три года преобразовалась въ „инспекцію техническую". Число рабочихъ, которыхъ нанимала администрація при пробитіи галлереи, доходило въ каждой половинѣ до 1,500 зимою и 2,000 лѣтомъ, кромѣ многихъ другихъ, нанимаемыхъ поставщиками строительныхъ матеріаловъ.

Въ настоящее время чудомъ является не галлерея, но машина, создавшая ее. Она имѣетъ видъ желѣзной рамы, состоящей изъ двухъ длинныхъ и прочныхъ параллельно идущихъ полосъ. Въ срединѣ рамы находится двигательный механизмъ, толкающій цилиндръ, съ бородкомъ, и конецъ трубки, проводящей сжатый воздухъ. Толчокъ дается поршнемъ, на который насаженъ сверлильный ножъ и который свободно ходитъ въ цилиндрѣ. При каждомъ своемъ движеніи онъ поочередно открываетъ и закрываетъ отверстія, впускающіе и выпускающіе сжатый воздухъ. Задній конецъ поршня больше, чѣмъ передній, и давленіе воздуха пропорціонально плоскости, на которую онъ давитъ; это обусловливаетъ то обстоятельство, что ударъ сверлильнаго ножа при поступательномъ движеніи сильнѣе, чѣмъ при обратномъ. Для предупрежденія сильныхъ ударовъ поршня о стѣнки цилиндра, въ которомъ онъ заключенъ, изобрѣтатель придумалъ заставлять его ударяться, какъ спереди, такъ и сзади, о слой воздуха, за которымъ для большей безопасности находится каучуковая подушка. Въ своей мягкостѣнной камерѣ поршень свободно движется и можетъ совершать свои стремительныя движенія, не касаясь стѣнокъ цилиндра. Кромѣ, прямолинейнаго движенія поршень долженъ вращаться вокругъ своей оси при каждомъ толчкѣ, въ подражаніе пріемамъ рудокопа. Это движеніе, которое необыкновенно трудно произвести автоматически, производится четырехграннымъ копьемъ, которое проходитъ въ цилиндръ поршня, выдвигаясь при поступательномъ движеніи и входя въ свое влагалище при обратномъ, на манеръ шпаги до половины вынутой изъ ноженъ. Наконецъ, сверлильный снарядъ движется самъ собою впередъ, толкаемый пружиной, помѣщенной сзади цилиндра. Когда отверстіе мины углубилось на 20 сантиметровъ, ручка рапиры, снабженная молоткомъ, ударяетъ по пуговкѣ и поднимаетъ крючекъ, который задерживаетъ дѣйствіе пружины; эта послѣдняя выпрямляется и толкаетъ впередъ снарядъ, до тѣхъ поръ, пока крючекъ не встрѣтитъ новаго зубца.

Эта удивительная и страшная по своему дѣйствію машина занимаетъ очень мало мѣста, всего: 2 метра и 10 сантиметровъ въ длину, 0,23 въ ширину и 0,40 въ вышину, и ее легко перенести двумъ рабочимъ.

Галлерея, начинается въ Пьемонтѣ на разстояніи въ пол-километра отъ станціи Бардонеша, маленькаго и бѣднаго мѣстечка, насчитывавшаго 1,744 жителя, но которое, сдѣлавшись центромъ работъ, обогатилось въ короткое время большимъ числомъ зданій и нѣсколькими, пока скромными отелями. Бардонешъ есть самый примѣчательный и самый центральный пунктъ долины Дора-Рипаріа и расположенъ среди тучныхъ пастбищъ, на высотѣ 1,258 метровъ надъ уровнемъ моря. Галлерея беретъ начало въ долинѣ, лежащей на высотѣ 1,269 метровъ надъ уровнемъ моря, проходитъ внутри Фрежюса 12,849 метровъ и при своемъ концѣ въ Савойѣ, нынѣ французскомъ департаментѣ, выходитъ въ долину, лежащую на высотѣ 1,156 метровъ надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, между началомъ галлереи со стороны Италіи и концомъ ея со стороны Франціи существуетъ паденіе въ 113 метровъ. Но прежде, чѣмъ прибыть въ Модану, на разстояніи 500 метровъ отъ выхода галлереи, вы проѣзжаете другую, длиною въ 145 метровъ, называемую *del Replat*; затѣмъ слѣдуетъ небольшая долина *del Rieux Roux* и ручеекъ, вода котораго, какъ говорятъ, имѣетъ свойство окаменять растительныя вещества, погруженныя въ нее; затѣмъ вы проникаете въ другое подземелье, называемое С.-Антоніо, длиной въ 568 метровъ, и наконецъ по извилистому пути съ паденіемъ около пяти километровъ, на полдороги отъ отверстія главной галлереи со стороны Савойи, являетесь на станцію Модану, маленькое мѣстечко съ 1,343 жителями, расположенное на высотѣ 1,057 метровъ надъ уровнемъ моря.

Этотъ трудъ, изумительный для того, кто можетъ его оцѣнить, былъ выполненъ въ тишинѣ съ поразительною настойчивостью и стараніемъ тою молодой Италіей, которая такъ мало избалована уваженіемъ иностранцевъ. Недовѣрчивая Франція еще въ 1862 г. назначала 25 лѣтъ для окончанія туннеля; Италія же, вѣрящая въ свои силы, отвѣчала на это окончаніемъ туннеля въ восемь лѣтъ; и это безъ всякаго шума, фразерства, и хвастовства. Вотъ прекрасный примѣръ *жизненности*, которую *la terre des morts* доказала парижской *живости*. Въ сентябрѣ прошедшаго года Италія проникла въ Римъ; въ сентябрѣ нынѣшняго года Италія проникла во Францію. Въ сентябрѣ прошедшаго года Италія предложила миръ намѣстнику Христа, но онъ объявилъ ей войну; въ сентябрѣ нынѣшняго года Италія предложила миръ своей впечатлительной сосѣдкѣ, и Франція, въ видѣ голубка, вѣстника мира, прислала къ намъ Ремюза́, друга Тьера, раздѣляющаго извѣстныя идеи послѣдняго о папскомъ вопросѣ и единствѣ

Италіи. Правда, что Ремюза сказалъ: „эта минута *была бы* наилучшей для того, чтобы высказать мысль о союзѣ, который долженъ возобновиться!“ но это „*было бы*“ звучитъ какъ-то слишкомъ холодно для насъ, и слишкомъ сомнительно. Онъ говорилъ о латинской расѣ; онъ прибавилъ затѣмъ, что величайшее достоинство туннеля заключается въ томъ, что онъ является путемъ мира, между тѣмъ какъ война непремѣнно заперла бы его. Онъ сказалъ великую истину; но такъ ли онъ думаетъ? такъ ли думаетъ тьеровская Франція? Этого нельзя заключить изъ недоброжелательнаго, часто враждебнаго тона, котораго держатся до сихъ поръ французскія газеты относительно насъ, межтѣмъ какъ англійская пресса высказываетъ живѣйшую симпатію къ нашему народу, съумѣвшему среди политическихъ заботъ выполнить такое великое дѣло. Но, въ сущности, чѣмъ же Италія провинилась передъ Франціей? Тѣмъ, что не пролила всю нашу кровь въ войнѣ, которую она имѣла величайшую неосторожность затѣять; впрочемъ, гарибальдійцы ходили во Францію не для забавы. Когда палъ человѣкъ, наложившій свое *veto* на занятіе нами Рима, мы пошли прямо къ своей цѣли, а въ настоящее время явились съ визитомъ во Францію, съ предложеніемъ мира и приглашеніемъ трудиться вмѣстѣ съ нами. Франція не трогается съ мѣста, не идетъ на встрѣчу; она оставляетъ насъ однихъ у себя въ гостяхъ и присылаетъ одного изъ своихъ оффиціальныхъ церемоніймейстеровъ съ поздравленіемъ. Это вѣжливый, но не гостепріимный способъ принимать гостей! Пьемонтскій горецъ не такъ принялъ бы французовъ, еслибы они въ мирное время сдѣлали ему сюрпризъ подземнаго визита.

Все это было очень непріятно и омрачало веселье нашего праздника. Италія измѣрила на Монъ-Сенисѣ свои силы и радуется, чувствуя себя крѣпкой; будемъ надѣяться, что это доказательство ея силы побудитъ ее къ новымъ трудамъ, столь же полезнымъ и исполненнымъ съ тою серьезностью и скромностью, какую выказали строители галлереи, подобно смышленнымъ и трудолюбивымъ гномамъ, подкопавшіеся подъ гору и вышедшіе на свѣтъ божій лишь тогда, когда ихъ дѣло было окончено. Упорство человѣческаго генія снова восторжествовало самымъ чуднымъ образомъ надъ инерціей природы, и нельзя не чувствовать итальянцу въ душѣ великой радости, что такую великую побѣду одержала младенческая Италія; какъ тотъ герой легенды, младенецъ, она, повидимому, родилась съ готовыми зубами.

D. G.

ЗАМѢТКА.

Идеалисты и реалисты. *П. Щебальскаго.* «Русскій Вѣст.» іюль, 1871 г.

Въ іюльской книжкѣ „Р. Вѣстника" г. Щебальскій посвятилъ большую статью разбору моихъ историческихъ очерковъ „Общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I", — гдѣ усердно старается „предупредить читателей Русскаго Вѣстника насчетъ уклоненія отъ правды", которыя имъ отысканы въ моей книгѣ.

Мнѣ показалось не лишнимъ съ своей стороны указать „уклоненія отъ правды", совершенныя г. Щебальскимъ. Дѣлаемъ это не изъ какого-нибудь авторскаго самолюбія, но ради предмета, такъ какъ изученіе новѣйшей нашей исторіи есть въ нашей литературѣ дѣло весьма новое, и лишнее объясненіе со стороны автора можетъ быть не безполезнымъ — между прочимъ потому, что и здѣсь оказываются благожелатели съ булгаринскимъ образомъ дѣйствій, отъ которыхъ надо предостеречь читателя.

Г. Щебальскій объясняетъ въ самомъ началѣ, что находитъ нужнымъ примѣнить особенно строгую критику относительно моего сочиненія, — потому, что „если критика можетъ быть снисходительна къ журнальнымъ статьямъ, которыя нерѣдко пишутся наскоро, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія и съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ, то въ отношеніи *книгъ*, то-есть сочиненій, предъявляющихъ претензіи на прочное существованіе, она не можетъ и не должна быть снисходительною." Но если книга есть только цѣльное изданіе того, что въ періодическомъ изданіи печаталось по необходимости выпусками, какъ это было въ настоящемъ случаѣ, то неужели самая сущность критики должна измѣниться отъ этой наружной перемѣны, и неужели вопросъ критики есть вопросъ переплета?—Критикъ хотѣлъ вѣроятно сказать что-то другое; быть можетъ, онъ искалъ снисхожденія читателя къ собственной критикѣ, помѣщенной въ журналѣ, и напоминалъ, что такія статьи „пишутся наскоро, подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія и съ точки зрѣнія современныхъ интересовъ". По моему мнѣнію, большія или меньшія требованія критики могутъ, если угодно, зависѣть совсѣмъ отъ иного условія, именно отъ того, какія цѣли ставитъ себѣ сочиненіе. Отъ книги можно требовать больше, если она не ограничивается общими очерками, отдѣльными частями предмета, а хочетъ дать законченное изслѣдованіе, напримѣръ, цѣлую исторію времени, или хочетъ быть пол-

нымъ изображеніемъ цѣлой стороны жизни. Въ настоящемъ случаѣ цѣль книги остается таже, какая была въ періодическомъ изданіи выпусками, которые въ ней только собраны: ни тамъ, ни здѣсь я не думалъ предлагать читателю ни полнаго изслѣдованія, ни окончательнаго вывода; и въ томъ и въ другомъ видѣ мой трудъ ограничивается „очерками". Г. Щебальскій не сообразилъ этого обстоятельства, — но впрочемъ я совершенно предоставляю ему упражняться съ какой ему угодно критической суровостью надъ моей работой, лишь бы онъ былъ добросовѣстенъ и не терялъ здраваго смысла.

Итакъ, я ставилъ своей книгѣ очень скромную цѣль: я не задавался цѣлыми изслѣдованіями, подробными изысканіями, — хотя критикъ добросовѣстный нашелъ бы въ ней и новые факты и новыя объясненія. Отчего же я не взялся за настоящее полное „изслѣдованіе", отчего ограничивался очерками? Причина этому весьма достаточная. Въ настоящемъ положеніи нашей литературы, и въ частности литературы исторической, по моему мнѣнію, невозможно иное изложеніе подобныхъ предметовъ. Для цѣльной, строгой исторіи мы не находимъ здѣсь ни достаточнаго матеріала, ни достаточной чисто-внѣшней возможности. Матеріалъ, открывающій намъ внутреннюю общественную исторію, еще только начинаетъ въ наше время дѣлаться извѣстнымъ: въ самомъ дѣлѣ, многое изъ самаго существеннаго и необходимаго матеріала, которымъ мы пользовались въ своемъ трудѣ или было напечатано въ различныхъ нашихъ изданіяхъ только въ самые послѣдніе годы, или только въ эти послѣдніе годы начинаетъ становиться для нашей литературы доступно. Это будетъ совершенно ясно читателю, который возьметъ трудъ просмотрѣть наши цитаты. Такимъ образомъ, матеріалъ только-что начинаетъ собираться; мы, съ своей стороны, въ теченіе своего труда имѣли не одинъ случай почти впервые указывать извѣстныя вещи, которыя еще не находили мѣста въ нашей литературѣ; во многихъ другихъ случаяхъ намъ по необходимости приходилось отказываться отъ бо́льшихъ подробностей или отъ болѣе положительныхъ выводовъ, — потому что литература еще не усвоила себѣ другихъ данныхъ, хоть существованіе этихъ данныхъ и извѣстно. Можно ли было, при этомъ положеніи вещей, имѣть притязаніе на какой-либо полный трудъ, окончательную исторію? Мы и не думали и не думаемъ этого. Единственной формой, въ которой можно было въ настоящее время говорить объ этихъ предметахъ, и казалась намъ избранная нами форма. Необходимость ея слѣдовала одинаково и изъ недостаточнаго количества матеріала, и изъ другого указаннаго нами обстоятельства — недостатка чистовнѣшней возможности полнаго изслѣдованія, другими словами, недостатка свободы историческаго и вообще литературнаго слова. Слѣды этого недостатка критикъ опять могъ бы увидѣть въ самой внѣшности моихъ статей, когда

онѣ еще печатались на страницахъ журнала. Такъ, напр., мнѣ въ прошедшемъ году, въ Петербургѣ, возможно было только нѣсколькими словами и цитатой указать новосильцовскій проектъ, который теперь, въ Москвѣ, подробно изложенъ г. Щебальскимъ. Едва ли нужно говорить, что такое положеніе дѣла не было для труда особенно удобно. Нашелся даже одинъ журналъ, считающій себя провозвѣстникомъ истинно-русскихъ началъ и русской морали, который не усумнился прямо винить меня за то, что я выбираю „запрещенные" предметы! Вслѣдствіе всего этого, я не имѣю наивности думать, что могу покушаться на „изслѣдованіе", какимъ мой критикъ полагаетъ нужнымъ считать мою книгу. Такое изслѣдованіе возможно относительно многихъ болѣе частныхъ и болѣе индифферентныхъ предметовъ, но — какъ я продолжаю думать—еще не возможно для предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Мой настоящій критикъ, какъ увидимъ всячески старается дать мнѣ еще новый поводъ въ этомъ убѣждаться.

Г. Щебальскій недоумѣваетъ, чтó собственно я разумѣю подъ „общественнымъ" движеніемъ и „общественными" понятіями, когда между прочимъ въ это движеніе я иногда включаю и правительственныя лица, и правительственныя мѣры. Странно не догадаться объ этомъ по всему содержанію книги, которую читалъ г. Щебальскій. Это—то движеніе, которое вело общество къ сознанію его собственнаго значенія въ національной жизни, выводя его изъ чисто-пассивнаго отношенія къ вопросамъ этой жизни, внушая ему стремленіе къ самодѣятельности и, въ концѣ концовъ, къ извѣстной степени самоуправленія. Мысль о необходимости этой общественной самодѣятельности рождалась изъ общихъ обстоятельствъ времени, являлась и у отдѣльныхъ лицъ или въ цѣлыхъ кругахъ самого общества, и у лицъ правительственной сферы; поэтому, въ исторію этого движенія могло одинаково входить и то и другое, по отношенію къ этой общественной идеѣ. Самая идея была создана временемъ, внутреннимъ развитіемъ исторіи, и какъ залогъ истинныхъ успѣховъ и благосостоянія націи, раздѣлялась людьми либеральныхъ воззрѣній. Какъ мы сказали, эти воззрѣнія о необходимости общественной самодѣятельности имѣло иногда само правительство, и тогда оно шло въ параллель съ наиболѣе передовыми людьми общества; иногда оно отказывалось отъ этихъ воззрѣній, и тогда относилось къ либераламъ враждебно и ихъ преслѣдовало,—ихъ задачи расходились. Г. Щебальскій преувеличиваетъ отчасти мою мысль, когда говоритъ, что эту исторію общественнаго движенія можно было бы назвать исторіей политическихъ идей,—потому что это выраженіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ слабымъ начаткамъ политической жизни, какіе мнѣ приходилось описывать, и потому еще, что въ предметъ моего изложенія входили и такія явленія общественнаго самосознанія (какъ вопросы образованія, админи-

страціи, и т. п.), которыя не имѣютъ собственно политическаго характера.

Мой критикъ вообще крайне недоволенъ моей книгой и называетъ ее памфлетомъ. „Авторъ смотритъ на людей прежняго времени точно также, какъ могъ бы смотрѣть на своего современника, онъ предъявляетъ въ отношеніи къ нимъ тѣ же требованія, какія могъ бы предъявить человѣку нынѣшняго времени, а это не правильный, не справедливый, не научный пріемъ, — замѣчаетъ наставительно г. Щебальскій; — онъ придирчивъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ дѣятелей изслѣдуемой имъ эпохи и пристрастенъ къ другимъ; его изслѣдованіе служитъ не наукѣ, не разъясненію дѣла, не правдѣ, а торжеству извѣстной тенденціи; онъ служитъ временнымъ кумирамъ и въ сущности вводитъ читателя въ большія заблужденія.“

Итакъ, даже г. Щебальскій беретъ науку подъ свою защиту. Онъ трудится совершенно напрасно. Мы намекнули выше, что имѣемъ вообще о наукѣ достаточное понятіе и, не имѣя притязанія на научныя рѣшенія въ настоящемъ случаѣ, думаемъ, что наука для достиженія требуемой отъ нея высоты нуждается въ иныхъ условіяхъ.... По крайней мѣрѣ, мы еще не видѣли науки въ этой области нашей новѣйшей исторіи. Смѣемъ увѣрить г. Щебальскаго, что и онъ очень ошибся, если гдѣ-нибудь вообразилъ ее, особенно если вообразилъ ее въ своихъ собственныхъ твореніяхъ.... Наша цѣль была только выставить первые общіе очерки вопросовъ, которые должны нѣкогда стать передъ наукой; мы хотѣли содѣйствовать распространенію необходимыхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ образованной массѣ читателей. Это не больше какъ первыя приготовленія къ будущему вполнѣ научному рѣшенію этихъ вопросовъ. Гдѣ историческая наука еще не вполнѣ возможна, тамъ возможны историческіе очерки, отличіе которыхъ отъ памфлета могло бы быть доступно и г. Щебальскому.

Одну изъ главныхъ темъ въ обличеніяхъ г. Щебальскаго составляетъ то, что будто бы я предъявляю въ отношеніи къ людямъ той эпохи тѣ же требованія, какія могъ бы предъявлять человѣку нынѣшняго времени. Мы укажемъ дальше, какъ г. Щебальскій разработываетъ эту тему, а теперь скажемъ пока, что читателю нашему, напротивъ, вѣроятно довольно ясно представлялась разница той эпохи отъ нашей, разница общественныхъ понятій, нравовъ, возникавшихъ вопросовъ; мнѣ много разъ приходилось указывать не только эту разницу, но даже разницу отдѣльныхъ періодовъ самаго царствованія императора Александра. Словомъ, историческая перспектива и различная мѣрка общественныхъ и политическихъ понятій указывается постоянно. Но съ другой стороны, я не думалъ и не думаю, чтобы наше время было такъ далеко отъ того времени, чтобы между нами не было очень значительнаго единства: многія существенныя черты учре-

жденій, понятій и нравовъ остаются тѣже, и говоря о нихъ, мы не имѣемъ надобности дѣлать усилій мысли и воображенія, какія бываютъ нужны, когда рѣчь идетъ о временахъ отдаленныхъ. Мы можемъ очень непосредственно понимать людей александровскаго времени: наши понятія отличаются отъ ихъ понятій бо́льшимъ количествомъ историческаго опыта, бо́льшимъ развитіемъ научныхъ представленій, — но существенные мотивы общественныхъ вопросовъ того и нашего времени до сихъ поръ сохраняютъ очень много общаго; то время представляло ту же борьбу двухъ разрядовъ общественнаго мнѣнія, какую мы видимъ теперь, и для „предъявленія требованій" мнѣ не было надобности переносить на то время нынѣшнихъ понятій, а довольно было сопоставлять понятія, уже существовавшія въ Александровскую эпоху. Такъ, наприм., относительно Карамзина мнѣ достаточно было сравнивать его съ Сперанскимъ, съ дѣятелями двадцатыхъ годовъ—его же современниками.

Общее воззрѣніе, на которомъ г. Щебальскій строитъ свои обвиненія противъ меня, выражено довольно курьезно. Онъ не понимаетъ вообще, къ чему доискиваться „прогресса" (г. Щебальскій любитъ ставить прогрессъ въ кавычки), къ чему судить о людяхъ на основаніи ихъ прогрессивности?—„Откуда такое требованіе? вопрошаетъ онъ. На чемъ оно основано? Развѣ историческая жизнь есть steeple chase? Развѣ кто-нибудь поставилъ въ концѣ поприща флагъ, по достиженіи котораго уже нечего будетъ желать, искать, надѣяться? Воображеніе самаго „передоваго" человѣка нынѣшняго времени принуждено остановиться на какой-нибудь политической и соціальной концепціи и не видѣть ничего совершеннѣе ея; но являются другіе люди и другія стремленія, и создадутся другіе идеалы еще болѣе „передовые". Что же слѣдовательно? Снова скачка, и потомъ опять, и опять. Но когда же наступитъ конецъ тревогамъ? Когда же отдохнетъ бѣдное человѣчество?..." Классическое мѣсто по своему простодушію, или — по своему невѣжеству! Откуда требованіе прогресса? а именно оттуда, что человѣкъ есть разумное существо, что природа вложила въ него способность пониманія и сравненія, и вмѣстѣ желаніе улучшать свою жизнь. Консервативная философія почтеннаго московскаго органа дошла до того, что становится трудно отвѣчать на ея возраженія. Мы предоставимъ г. Щебальскому искать дальнѣйшаго отвѣта въ какомъ-нибудь элементарномъ учебникѣ исторіи.

Изъ этой философіи г. Щебальскаго понятно, почему онъ не можетъ переварить общей точки зрѣнія моей книги. Я не считалъ русскаго народа ни негритянскимъ, ни китайскимъ народомъ; я считалъ его способнымъ къ развитію и къ усовершенствованію своей жизни, слѣдовательно дорогу „прогресса" считалъ его необходимой, неизбѣжной дорогой. Въ его новѣйшей исторіи наступилъ, по исторической необходимости,

тотъ періодъ, когда за внѣшнимъ образованіемъ государства и вступленіемъ въ общую европейскую среду должна была наступить пора внутренняго преобразованія въ европейскомъ смыслѣ. Это было условіе sine qua non дальнѣйшаго развитія націи; потому что исторія, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія вступалъ русскій народъ, дѣйствительно походила на steeple chase, въ которомъ отстающій теряетъ не только премію, но можетъ потерять и то, что̀ у него было. Въ наше время это начинаютъ понимать и тѣ народы, которые до сихъ поръ держались мнѣній „Русскаго Вѣстника“ и г. Щебальскаго, какъ-то: турки, китайцы, японцы и пр., которые почувствовали, что и имъ уже невозможно оставаться только спокойными зрителями steeple chase'а. Случается, что и народы, высоко образованные, воображаютъ иногда, что достигли флага; такъ большинство во Франціи полагало, что могло успокоиться на второй имперіи. Исторія дала Франціи страшный урокъ.... У насъ лѣтъ двадцать тому назадъ также думали, что флагъ достигнутъ, и также должны были въ этомъ разубѣдиться.

Для новой Россіи историческій вопросъ существенной важности и заключался именно во внутреннемъ преобразованіи общества, въ такомъ смыслѣ, чтобы оно вышло изъ своего политическаго несовершеннолѣтія, пріучилось къ извѣстной самодѣятельности, стремилось къ образованію и свободѣ, которыя одни способны дать полный просторъ, настоящее значеніе и дѣйствительность народнымъ силамъ. Въ этомъ заключалась сущность требованій „прогресса“. Понятно, что если мы хотимъ слѣдить за внутренней исторіей общества, отражающей собою и движеніе цѣлой націи, то въ этой исторіи должна занять важное мѣсто исторія того сознанія, которое выростало постепенно въ обществѣ и указывало истинные пути его дальнѣйшаго развитія; для нея конечно не можетъ оставаться индифферентнымъ вопросъ, насколько дѣятельность тѣхъ или другихъ направленій и людей помогала или препятствовала развитію въ обществѣ этого сознанія: напротивъ, степень этого содѣйствія или противодѣйствія опредѣляетъ итогъ ихъ исторической заслуги или нанесеннаго ими вреда. Это и есть точка зрѣнія, на основаніи которой я старался опредѣлить цѣнность различныхъ направленій, существовавшихъ въ русскомъ обществѣ въ Александровское время. Для всякаго разсудительнаго читателя ясно, что мнѣ вовсе не нужно было при этомъ предъявлять къ тогдашнимъ людямъ требованія нынѣшняго времени; мнѣ довольно было опредѣлять и сравнивать наличныя направленія, существовавшія уже тогда.

Г. Щебальскій усиливается доказать, что я былъ пристрастенъ къ дѣятелямъ либеральнымъ и придирчивъ къ консервативнымъ, и что, поэтому, мои отзывы не соотвѣтствуютъ „научной“ истинѣ. Мы

не будемъ пускаться въ подробный разборъ его замѣчаній и ограничимся нѣсколькими примѣрами.

Г. Щебальскій вообще полагаетъ, что первые совѣтники Александра не имѣли того значенія, какое я имъ приписываю, что „тайный комитетъ" не могъ „имѣть прямого вліянія на дѣла", что нельзя говорить серьезно объ „улучшеніяхъ", которыя были сдѣланы этими людьми, что людямъ, выступающимъ на политическое поприще, недостаточно однихъ „добрыхъ намѣреній", что разсужденіе гр. П. А. Строганова (въ протоколахъ тайнаго комитета) о возможности освобожденія крестьянъ въ то время—не записка государственнаго человѣка, а „рѣчь въ какомъ-нибудь демократическомъ клубѣ или передовая статья какой-нибудь красной французской газеты" (!), что приведенныя мной узаконенія первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра вовсе не доказываютъ вліянія тайнаго комитета, потому что „всѣ подписаны до 24-го іюня 1801-го года, то-есть до дня, когда комитетъ собрался въ первый разъ", и что „мудрено понять", зачѣмъ я выставилъ этотъ рядъ указовъ, и т. д.

На все это г. Щебальскій нашелъ бы отвѣтъ въ самой книгѣ, еслибы читалъ ее безъ полемическаго задора, а нѣсколько спокойнѣе. Я и не думалъ превозносить первыхъ совѣтниковъ Александра, очень хорошо видѣлъ недостатки ихъ либерализма, но счелъ нужнымъ указать и ихъ достоинства, тѣмъ болѣе, что справедливость требовала этого въ виду тѣхъ нападеній, съ которыми уже успѣли накинуться на нихъ консервативные историки. Поэтому, указывая недостатки первыхъ совѣтниковъ импер. Александра, я считалъ необходимымъ указать и заслугу тѣхъ новыхъ понятій, которыя въ значительной степени были ими распространяемы въ русскомъ обществѣ. Что ихъ „добрыя намѣренія" не осуществились, въ этомъ конечно не одни они были виноваты: у нихъ вовсе не было для этого возможности, и не они одни окружали императора, непостоянство и нерѣшительность котораго, особенно во внутреннихъ дѣлахъ, какъ извѣстно, приводили въ недоумѣніе даже самыхъ опытныхъ людей изъ его обстановки. Сперанскій далеко превышалъ ихъ талантомъ, но кончилъ такимъ же, или еще несравненно болѣе печальнымъ неуспѣхомъ. Но не говоря о томъ, что дѣятельность этихъ людей все-таки оставила свои цѣнные практическіе результаты (назовемъ хоть устройство министерства народнаго просвѣщенія), они имѣютъ свои несомнѣнныя заслуги въ исторіи общественныхъ понятій, о которой мы собственно говоримъ. Я не писалъ исторіи ихъ государственной дѣятельности, для меня индифферентны были ихъ административныя способности, но мнѣ важны были ихъ мнѣнія: въ исторіи нашего общественнаго движенія, или если угодно, въ исторіи политическихъ идей нашего общества, задача состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить зарожденіе этихъ идей, ихъ различные

источники, ихъ распространеніе и примѣненіе, и въ этомъ смыслѣ мы только и хотѣли сказать то, что подтверждаетъ и г. Щебальскій: „единственное и неоспоримое значеніе кружка, — говоритъ самъ критикъ, — заключается въ томъ, что онъ имѣлъ безъ сомнѣнія большое вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи и слѣдовательно облегчалъ путь замышляемымъ реформамъ". Это и требовалось доказать.

Такъ опровергаетъ мои мнѣнія г. Щебальскій. Было бы скучно исчислять неточности его указаній, въ которыхъ онъ стремится доказывать мои „промахи". Такъ онъ восклицаетъ, что „мудрено понять", для чего я, „говоря объ этомъ (тайномъ) комитетѣ, выставилъ цѣлый перечень указовъ, имѣющихъ вообще либеральный характеръ". Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ я выставилъ этотъ перечень, вовсе и рѣчи нѣтъ о комитетѣ. У меня просто говорится о томъ, какое впечатлѣніе производили первыя дѣйствія Александра[1]). Итакъ, мудрености никакой нѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Щебальскій утверждаетъ, что будто бы по моему мнѣнію все, что хорошо для одной страны, должно быть хорошо и для другой, — т.-е., г. Щебальскому хочется приписать мнѣ подобный наивный либерализмъ. Въ третьемъ мѣстѣ онъ коритъ людей, защищаемыхъ мною, моими словами, что „подлѣ Александра не было человѣка, который бы раскрылъ ему простыя, непосредственныя черты русской жизни"; и забываетъ другое мое мнѣніе, что эту жизнь еще меньше способны были раскрывать „старые служивцы", — но разница между тѣми и другими была та, что одни по крайней мѣрѣ высказывали и старались внушать Александру мягкую человѣчность и любовь къ просвѣщенію, тогда какъ другіе увлекали Александра на путь традиціоннаго суроваго деспотизма и презрѣнія къ народу, — въ чемъ напр., такъ успѣвалъ Аракчеевъ. Въ одномъ мѣстѣ я указывалъ на мнѣніе гр. Строганова о возможности освобожденія крестьянъ, не приведенное вполнѣ въ текстѣ г. Богдановича. Г. Щебальскій, только что сказавши, что г. Богдановичъ напечаталъ изъ нихъ „извлеченіе", винитъ меня, что не нашелъ у меня всего мнѣнія гр. Строганова, — существованіе котораго было мнѣ однако извѣстно. Мнѣніе это г. Щебальскому притомъ не нравится, — о вкусахъ не спорятъ.

По поводу „добрыхъ намѣреній", потерпѣвшихъ „фіаско", г. Щебальскій наставительно замѣчаетъ, что кромѣ хорошихъ намѣреній, или мыслей нужно еще „умѣніе провести эти мысли", и совѣтуетъ мнѣ „менѣе пренебрежительно отзываться о временахъ (первыхъ, по крайней мѣрѣ) Екатерины", напоминаетъ о Наказѣ и проч. Онъ не могъ

[1]) «Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять то увлеченіе, съ какимъ въ это время выражалась привязанность къ Александру» и пр. (стр. 58 книги). О тайномъ комитетѣ нѣтъ здѣсь ни слова.

привести примѣра лучше, чтобы объяснить неудачу первыхъ совѣтниковъ Александра: что же въ самомъ дѣлѣ, „Наказъ“ не потерпѣлъ „фіаско“? „Въ бесѣдахъ Александра—продолжаетъ г. Щебальскій—изрѣдка появлялась, и то очень неопредѣленно, мысль о собраніи народныхъ представителей, а Екатерина воплотила эту мысль“. И чтоже! сохранилось это собраніе?

Упрекая меня, что я „вообще, кажется, довольствуюсь со стороны законодателя добрыми намѣреніями“, г. Щебальскій запамятовалъ, въ чемъ состоитъ задача моихъ очерковъ. Я не писалъ исторію законодателей и законодательства; но для исторіи общественнаго мнѣнія эти добрыя намѣренія имѣютъ историческій смыслъ, какъ новая возникшая идея, которая вносилась въ обращеніе и со временемъ должна была принести свои результаты. Доброе намѣреніе уже оказывало свое умственное и нравственное вліяніе. Дѣйствительно, въ то время большая часть этихъ намѣреній не осуществились, но ихъ мысль продолжала дѣйствовать, и впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ вопросахъ достигла исполненія; въ другихъ—мы до сихъ поръ не сдѣлали на практикѣ повидимому ни шагу со времени Александра, но всеже кругозоръ нашихъ понятій расширился.

Переходя къ Сперанскому, критикъ оспариваетъ планы Сперанскаго, желая опровергать меня,—какъ будто я когда-нибудь говорилъ, что ихъ слѣдовало тотчасъ же и въ томъ самомъ видѣ исполнить. Онъ опять винитъ меня во враждебномъ отношеніи къ противникамъ Сперанскаго, и самъ готовъ выставлять ихъ героями. Они дѣйствительно мнѣ антипатичны. Его противники въ мірѣ административномъ пресмыкались передъ нимъ, когда онъ былъ наверху своей силы; потомъ они гнали и погубили его, когда замѣтили поворотъ фортуны, — и это одно не внушаетъ къ нимъ симпатіи; но, кромѣ этого личнаго отношенія, противники Сперанскаго вообще, въ томъ числѣ и Карамзинъ, не возбуждали во мнѣ сочувствія часто слѣпой враждой ко всякому преобразованію. Тамъ, гдѣ спокойное сличеніе мнѣній могло, быть можетъ, привести къ разумному соглашенію, гдѣ бо́льшее вниманіе къ заявляемымъ потребностямъ законодательства и управленія могло привесть къ полезному результату, они только защищали старую неурядицу, которую и укрѣпили еще на десятки лѣтъ, и изливали свою желчь противъ человѣка, нимало неуступавшаго имъ въ любви къ отечеству.

Затѣмъ опять рядъ мелочныхъ привязокъ, въ которыхъ г. Щебальскій отыскиваетъ мои мнимые промахи. Я говорилъ, напр., что планы Сперанскаго и записка Карамзина о древней и новой Россіи писались въ одно и тоже время, и поставилъ въ скобкахъ 1810—11 годъ. Г. Щебальскій съ торжественностью возражаетъ, что это промахъ, что планъ Сперанскаго былъ оконченъ въ концѣ 1809 г. Такъ; дѣйстви-

тельно слѣдовало для математической точности сказать — съ 1809— но работы Сперанскаго продолжались и въ 1810—11 г., потому что въ это время обработывались преобразованія министерствъ и сената. Далѣе. Я сказалъ, что не всѣ части плана Сперанскаго были отдѣланы; г. Щебальскій сейчасъ же останавливаетъ: „мы желали бы знать, въ какой именно части онъ отдѣланъ?" Да, напр., въ образованіи государственнаго совѣта или въ упомянутомъ сейчасъ преобразованіи министерствъ, которыя хотя и отдалились отъ первоначальныхъ намѣреній проекта, но тѣмъ не менѣе существеннымъ образомъ связаны съ общимъ планомъ реформъ Сперанскаго, — какъ г. Щебальскій можетъ узнать и отъ признаваемаго имъ вполнѣ авторитета, бар. М. Корфа. Я упомянулъ объ этой отдѣлкѣ, именно съ цѣлью дать понять, что окончательная обработка проекта могла сгладить теоретическую отвлеченность постройки при томъ замѣчательномъ талантѣ административной комбинаціи, которому не находитъ достаточно похвалъ біографъ Сперанскаго, говоря, напримѣръ, и объ этомъ преобразованіи министерствъ. Критикъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ въ возраженіяхъ противниковъ Сперанскаго противъ преобразованія сената могло участвовать „лицемѣрное подслуживанье", когда эти возраженія дѣлались „противъ предположеній завѣдомо, хоть и не оффиціально одобренныхъ государемъ". Очень просто, и понятно. Во-первыхъ, возраженія дѣлались въ то время, когда замѣчено было охлажденіе императора Александра къ Сперанскому; во-вторыхъ, г. Щебальскій вѣроятно съумѣетъ понять, что можно говорить „лесть въ видѣ грубости", можно довольно смѣло противорѣчить завѣдомо одобреннымъ предположеніямъ, когда такое противорѣчіе пріятно льститъ тайнымъ инстинктамъ власти,—какъ это было, напр., указано г. Тургеневымъ и о самой „Запискѣ" Карамзина (см. стр. 271, 273 моей книги). Г. Щебальскому напротивъ кажется, что противники Сперанскаго поступили также, какъ поступилъ бы Яковъ Долгорукій, и замѣчаетъ, что самъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ правдивѣе моего судилъ о своихъ противникахъ, когда говорилъ, что „разумъ" этихъ людей „не довольно пораженъ еще несообразностями настоящаго порядка вещей", т.-е. другими словами, что эти люди не годились вовсе судить о нуждахъ своего отечества и управлять имъ!

Главнѣйшія филиппики г. Щебальскаго направляются противъ меня, конечно, по поводу Карамзина.

Выписавъ мои слова объ „общественныхъ" понятіяхъ Карамзина, о его значеніи какъ „дѣятеля общественной жизни",—слова, кажется, совершенно понятныя,—г. Щебальскій подмѣняетъ ихъ и пишетъ слѣдующую тираду: „Опять общественныя понятія, общественная жизнь!... Мы думаемъ и теперь, какъ сказали уже въ началѣ, что этотъ эпитетъ было бы правильнѣе и точнѣе замѣнить словами „политическія,

политическая". Но развѣ *политика* была спеціальностью Карамзина? (Да за чѣмъ же вы подмѣниваете слова?) Карамзинъ былъ дѣйствительно общественный и крупный общественный дѣятель (да вѣдь и я говорю тоже самое!). Но развѣ кому-нибудь... кромѣ г. Пыпина, приходило въ голову разсматривать его какъ *политическаго* человѣка... Г. Пыпинъ совершенно напрасно старается прикрыться авторитетомъ Бѣлинскаго" и т. д., и т. д.

Что вы станете дѣлать съ такимъ критикомъ, который только что выписываетъ ваши слова, подмѣниваетъ ихъ тутъ же на глазахъ другими и ратуетъ противъ нихъ? Это — образчикъ здраваго смысла и добросовѣстности.

Г. Щебальскій дѣлаетъ при этомъ открытіе, что о Карамзинѣ можно говорить, какъ о писателѣ, историкѣ, ученомъ, но ни какъ не возможно говорить объ его общественныхъ понятіяхъ. Но какимъ же образомъ этотъ писатель, историкъ, ученый можетъ стать общественнымъ дѣятелемъ, притомъ крупнымъ; какъ онъ можетъ получить вліяніе на общество, если его дѣятельность не касается этого общества, если онъ не выражаетъ извѣстныхъ понятій, не распространяетъ ихъ, не старается дать имъ значеніе? Неужели надо пускаться въ элементарныя объясненія того, какимъ образомъ писатель, историкъ, ученый, оставаясь въ сферѣ своей спеціальности, можетъ въ то же самое время и тѣмъ самымъ быть общественнымъ, если угодно политическимъ дѣятелемъ, человѣкомъ извѣстной, рѣзко опредѣленной партіи, если въ его сочиненіяхъ проходитъ та или другая тенденція, тотъ или другой образъ мыслей? И неужели надо еще объяснять, что по этому образу мыслей, по этому направленію, по вліянію на умы и пр., онъ получаетъ то или другое мѣсто въ исторіи общественной и національной? Мы предоставимъ г. Щебальскому какъ угодно называть дѣятельность Карамзина, общественной или политической, но дѣло остается въ томъ, что Карамзинъ — независимо отъ его ученыхъ заслугъ, которыхъ я никогда не думалъ отвергать—въ своихъ сочиненіяхъ затрогивалъ, прямо или косвенно, очень многіе вопросы нашей внутренней жизни общественной и государственной — вопросы образованія, управленія, крѣпостного права; высказывался о теоретическихъ вопросахъ общественнаго устройства и политики; какъ историкъ и какъ публицистъ, заявилъ опредѣленный взглядъ на русскую исторію и настоящее положеніе Россіи—кажется, довольно основаній говорить объ общественной тенденціи его сочиненій, тѣмъ больше, что не только въ свое время, но и до сей поры имя его не одинъ разъ приводилось именно въ числѣ авторитетовъ нашего общественнаго консерватизма.

Послѣднее обстоятельство въ особенности и вызывало къ изслѣдованію этой общественно-политической стороны значенія Карамзина. Мой

критикъ, обвиняя меня въ несправедливости такого отношенія къ Карамзину, не замѣтилъ, что гораздо прежде меня такой взглядъ на Карамзина, со стороны его общественныхъ понятій, поставленъ былъ (конечно въ „охранительномъ)“ смыслѣ именно его поклонниками, людьми его собственныхъ мнѣній, той юбилейной литературой, которая принялась теперь снова „шептать святое имя“ и подъ это нашептыванье проводила свои сомнительныя тенденціи, желая изъ „святаго имени“ сдѣлать лишнюю подпорку новѣйшему обскурантизму. Г. Щебальскій, повидимому, не особенно желалъ защищать эту юбилейную литературу, а она-то между прочимъ и заставила меня выставить болѣе опредѣлительно общественныя тенденціи Карамзина.

Недовольный моимъ желаніемъ разбирать мнѣнія Карамзина по общественнымъ и политическимъ предметамъ, г. Щебальскій то винитъ меня, что я не разбираю всѣхъ произведеній Карамзина (что́ мнѣ было совершенно не нужно),—то оправдываетъ Карамзина примѣромъ Борка и Питта (примѣромъ, ровно ничего недоказывающимъ и совершенно излишнимъ),—то всячески старается представить мои взгляды столь радикальными, чтобы они внушили ужасъ благоразумному читателю.

Г. Щебальскій особенно останавливается на моемъ разборѣ мнѣній Карамзина о революціи, и защищаетъ Карамзина тѣми самыми аргументами, какіе приводимы были юбилейными панегиристами Карамзина и которыхъ я въ другой разъ разбирать не стану. Замѣчу только, что я никогда не требовалъ отъ Карамзина одобренія французской революціи, — я сказалъ только, что если онъ самъ говорилъ о свободѣ и т. п., и даже увлекался, говорятъ, Робеспьеромъ, то желательно было бы видѣть у него сколько-нибудь ясное сознаніе своихъ либеральныхъ пожеланій, и если онъ брался въ тоже время говорить о самой революціи и строго осуждать ее, то желательно было бы видѣть, по крайней мѣрѣ, больше пониманія причинъ того явленія, о которомъ онъ судилъ. Въ этомъ и былъ весь вопросъ. Этого пониманія событій у него не было,—больше ничего я не хотѣлъ сказать. Мы скажемъ сейчасъ, почему г. Щебальскому понадобилось настаивать на моихъ мнѣніяхъ о взглядѣ Карамзина на революцію. Этотъ взглядъ вообще останавливалъ на себѣ вниманіе критиковъ Карамзина, которые и старались опредѣлить его (г. Галаховъ, г. Буличъ и т. д.). Интересъ этого предмета ясенъ. Французская революція была господствующимъ событіемъ конца XVIII-го столѣтія, которое уже тогда обѣщало глубоко отразиться на политической жизни Европы. Это событіе было очень продолжительное по времени и чрезвычайно сложное по своему значенію. Всякому образованному человѣку извѣстно, что она представляетъ различные періоды, различныя направленія, представляетъ явленія возвышенныя и явленія варварства; такъ пер-

вый періодъ революціи (только и видѣнный Карамзинымъ) вовсе не похожъ на періодъ террора, или жирондисты на монтаньяровъ, конвентъ на директорію и т. д. Въ своемъ результатѣ революція принесла много политическихъ принциповъ, которые вошли уже въ европейскую политическую жизнь, какъ необходимый элементъ новаго развитія; своимъ освободительнымъ вліяніемъ она принесла много благотворныхъ послѣдствій, которыя и отразились болѣе или менѣе у всѣхъ народовъ Европы. Но, конечно, только люди невѣжественные или недобросовѣстные могутъ говорить, что признавать это историческое вліяніе революціи значитъ сочувствовать терроризму или восхвалять его. Такъ именно поступаетъ г. Щебальскій, который постоянно отожествляетъ революцію съ терроризмомъ. Онъ хвалится, что читалъ „много сочиненій“ о послѣднемъ столѣтіи французской исторіи,— не знаемъ, какія сочиненія онъ читалъ, но вынесъ изъ нихъ онъ во всякомъ случаѣ немного. Онъ могъ бы, напр., знать, что даже самые рьяные нынѣшніе республиканцы, напр. Кине, сами пишутъ обвинительные акты противъ періода террора, хотя остаются вѣрны принципамъ революціи; онъ могъ бы также знать, что, съ другой стороны, самъ бывшій императоръ французовъ, консерватизмъ котораго г. Щебальскій вѣроятно одобрялъ, выставлялъ себя поклонникомъ принциповъ 1789 года“ и т. д.

Что скажетъ г. Щебальскій, когда о самомъ Карамзинѣ разсказываютъ, что по пріѣздѣ изъ Франціи онъ былъ самыхъ крайнихъ мнѣній, даже былъ поклонникомъ Робеспьера? Куда дѣнетъ онъ этотъ фактъ? Какъ приладитъ его къ своей теоріи?

Этотъ фактъ объясняется конечно тѣмъ, что въ Робеспьерѣ Карамзину могла нравиться его чисто личная нравственная сторона, доля его отвлеченныхъ взглядовъ, которые, оказывается къ удивленію, Карамзинъ могъ повидимому отдѣлять отъ его терроризма.

Но если вообще идетъ рѣчь о взглядахъ Карамзина на революцію, то вопросъ касается именно вовсе не сочувствія терроризму (объ этомъ странно говорить), а пониманія общаго значенія переворота, заявленныхъ имъ политическихъ принциповъ и т. д. Освободительнымъ идеямъ революціи Карамзинъ, несомнѣнно, въ первое время сочувствовалъ; вопросъ и былъ въ томъ, насколько серьезно было это сочувствіе, насколько эта великодушная любовь къ человѣчеству, къ просвѣщенію, къ свободѣ доказывалась на дѣлѣ тамъ, гдѣ могло представиться для нихъ хоть нѣкоторое практическое испытаніе,—или же были они чувствомъ неглубокимъ, условной модной фразой?

Объ этомъ высказаны были критиками Карамзина извѣстныя мнѣнія, которыя казались мнѣ неточными или ошибочными,—и здѣсь имѣли свое основаніе мои замѣчанія. Но моему критику не разсудилось вникнуть въ это добросовѣстнымъ образомъ. Онъ предпочелъ ути-

лизировать этотъ предметъ съ своей точки зрѣнія. Онъ воспользовался имъ, очень своеобразно, для того, чтобы заподозрить мой собственный образъ мыслей. Подставивъ въ мое изложеніе слова терроризмъ или гильотина, онъ нахально утверждаетъ, что всѣ мои возраженія противъ Карамзина происходятъ отъ того, что Карамзинъ не сочувствовалъ гильотинѣ.

Мы давно не встрѣчали въ нашей литературѣ полемики подобнаго сорта, и соберемъ нѣсколько образчиковъ, которые, быть можетъ, не будутъ безъинтересны для читателей „В. Евр.“ Для начала онъ говоритъ, что я “негодую, что Карамзинъ не сочувствовалъ французской революціи и даже порицалъ ее.“ Сейчасъ я сказалъ, чего искалъ я въ мнѣніяхъ Карамзина о революціи. Когда я прямо говорю, что „никто не станетъ на одну минуту требовать, чтобы Карамзинъ, воспитанный въ повиновеніи властямъ и чувствительный, одобрялъ эти сцены (революціи), чтобъ ему нравились народныя волненія“, и когда я столько же прямо говорю, что однако серьезный человѣкъ долженъ бы былъ „отдать себѣ отчетъ въ томъ, *отчего* происходили эти сцены и эти волненія“, г. Щебальскій уже готовъ съ ехиднымъ замѣчаніемъ, что въ моемъ выраженіи о Карамзинѣ, а именно, что онъ воспитанъ въ повиновеніи властямъ—„предполагается ядовитая насмѣшка.“ Нѣтъ, не предполагается, а говорится въ самомъ буквальномъ смыслѣ, что онъ по всему воспитанію и по всей жизни дома, въ Россіи, не могъ быть привыченъ къ политическимъ народнымъ волненіямъ. Далѣе. „Карамзинъ, — говоритъ г. Щебальскій, — конечно не могъ усвоить нравственныхъ оснований тѣхъ людей, которые считали гильотину надежнымъ лекарствомъ отъ общественныхъ золъ. Но *это именно* и ставитъ ему г. Пыпинъ въ вину.“ Пойметъ ли когда нибудь авторъ, что это простая чепуха!? Далѣе. Вырывая обрывки моихъ словъ о томъ, какъ неопредѣленны были первоначальныя либеральныя мнѣнія Карамзина, какъ трудно понять изъ нихъ, чего собственно онъ хочетъ, г. Щебальскій восклицаетъ: „Сказать прямо чего онъ хочетъ! Мы видѣли, насколько ясно понимали то, чего они хотятъ, люди спеціально призванные для этого (для чего?), уполномоченные на то (на что?), и которымъ было вмѣнено въ обязанность (когда? кѣмъ?) ознакомиться въ Парижѣ и Лондонѣ съ требованіями новаго времени!“ Не беремся разбирать этой тирады, непонятной даже грамматически: это какая-то галлюцинація, плодъ разстроеннаго воображенія. Но этимъ еще не кончается. Слѣдуетъ затѣмъ еще приведенное нами прежде соболѣзнованіе о бѣдномъ человѣчествѣ, которому не даютъ отдохнуть прогрессисты. Что же дѣлать людямъ,—спрашиваетъ г. Щебальскій,—которые не вѣрятъ въ идеалы, уносящіе все впередъ и впередъ? Быть можетъ, скажутъ иные, просвѣщать ихъ?—„О, если бы такъ отвѣчали. Нѣтъ, просвѣщать массу некогда, а надо „пришпоривать“,

говоритъ г. Миртовъ, авторъ Историческихъ Писемъ; ретрограды — это измѣнники; ихъ слѣдуетъ истреблять, провозглашаютъ „передовые люди" Франціи.... Подумайте, однакожъ"..... И г. Щебальскій принимается усовѣщивать передовыхъ людей Франціи, отъ которыхъ опять возвращается ко мнѣ.

Откуда же взялось все это? Пристрастіе къ гильотинѣ, ядовитая насмѣшка надъ повиновеніемъ властямъ, г. Миртовъ, Парижъ и Лондонъ, передовые люди Франціи — все это нужно было очевидно для охарактеризованія моего крайняго образа мыслей. Отвѣчать на эти обличительныя потуги г. Щебальскаго можно только одно: они были бы очень гадки, еслибъ не были забавны.

Но злосчастный критикъ какъ будто чувствуетъ, что выведенные имъ „аргументы" не подѣйствуютъ, и опять принимается за мелкія придирки и отыскиваетъ „промахи". Одинъ изъ главнѣйшихъ состоитъ въ слѣдующемъ: „Г. Пыпинъ обнаруживаетъ незнаніе фактовъ", говоритъ г. Щебальскій, и выписываетъ мои слова: „Политика, враждебная Франціи начата была не Александромъ.... Александръ въ своихъ войнахъ только продолжалъ политику Екатерины." Кажется ясно, о чемъ идетъ рѣчь. „А *на дѣлѣ* оказывается, восклицаетъ г. Щебальскій, что Екатерина вовсе не вела войнъ съ Франціею, и *если* въ послѣдніе годы своего царствованія она держалась *политики враждебной* этой странѣ, то умѣла заставить Пруссію служить своимъ цѣлямъ" и проч. Бѣдный г. Щебальскій, за чѣмъ онъ наконецъ гоняется! Онъ выдумываетъ потомъ, будто бы мнѣ „нравится" извѣстная фраза, введенная Сперанскимъ въ правительственные акты: „внявъ мнѣнію совѣта"; или будто бы я „съ торжественностью" выставляю другую фразу Сперанскаго о „державной" власти, вмѣсто „самодержавной." И то и другое—опять плодъ разстроеннаго воображенія,— хотя я и не вижу ничего дурного въ этихъ фразахъ. Въ такомъ родѣ вообще привязки г. Щебальскаго.

Приводя мое мнѣніе объ указѣ относительно экзаменовъ, онъ приходитъ въ недоумѣніе, какъ могъ я назвать мѣру „неудачной", хотя говорю, что она „достигла цѣли" (заставила учиться), и мгновенно находитъ въ моихъ словахъ противорѣчіе: — приходится объяснять, что средства для достиженія цѣли могутъ быть придуманы удачно или неудачно, что къ одному и тому же мѣсту можно придти по хорошей дорогѣ или по ухабистой. Возставая противъ моихъ замѣчаній объ отзывахъ „Записки" Карамзина о министерствѣ народнаго просвѣщенія г. Щебальскій говоритъ, что я могъ бы поразить Карамзина „единственно опровергнувъ его фактическими данными",— хотя самъ нисколько не опровергнулъ того, что было сказано мной. Сущность вопроса состоитъ въ томъ, что правительство въ то время (въ первое время министерства народнаго просвѣщенія) именно

заботилось о томъ, чтобы развить любовь къ просвѣщенію, и совершенно естественно старалось прежде всего собрать средства для этого просвѣщенія (основаніе учебныхъ заведеній, приглашеніе профессоровъ и т. д.); а Карамзинъ, и за нимъ г. Щебальскій, доказываютъ, что у насъ не было „охотниковъ до высшихъ наукъ"—еще бы были охотники, когда почти негдѣ было и получить этихъ высшихъ наукъ. Г. Щебальскій съ торжествующимъ видомъ выдергиваетъ изъ моей книги отдѣльныя фразы (стр. 256, стр. 258), и удивляется „оригинальной аргументаціи": мнѣ остается посовѣтовать ему вновь прочитать стр. 256 и 258, потому что моя аргументація вовсе не ограничивается одними тѣми словами, какія онъ выдергиваетъ. Приводя указанное мною предположеніе одного изъ панегиристовъ Карамзина, что ссылка Сперанскаго могла имѣть связь съ запиской Карамзина, г. Щебальскій замѣчаетъ: „Г. П. отказывается вѣрить такой догадкѣ, *но* пишетъ четыре страницы далѣе: „Есть немалыя основанія думать, что идеи Карамзина, воплотившіяся въ запискѣ, имѣли практическое вліяніе на высшія сферы новаго наступавшаго періода, то-есть періода реакціи (281)". Что же г. Щебальскій хочетъ сказать, что здѣсь есть противорѣчіе? Но вслѣдъ за этими моими словами объясняется, о какомъ новомъ періодѣ идетъ рѣчь, и приводится цитата.

Скучно перебирать всѣ эти привязки и это лганье.

И съ такими-то пріемами г. Щебальскій все скорбитъ, что у меня нѣтъ строгихъ научныхъ пріемовъ, что я стремлюсь не къ истинѣ, а только къ либеральной репутаціи, что у насъ, кажется, начинаютъ писать исторію какъ во Франціи, гдѣ орлеанисты, бонапартисты, республиканцы и т. д. пишутъ исторію каждый посвоему, обличая историковъ всѣхъ другихъ партій и т. д. Г. Щебальскій не чувствуетъ, что онъ самъ есть человѣкъ партіи, да еще какой! По крайней мѣрѣ, ему другіе объ этомъ очень растолковывали.

Наконецъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ общемъ вопросѣ, по которому г. Щебальскій беретъ Карамзина безусловно подъ свою защиту отъ моихъ возраженій и старается выставить мою необузданность. Это — вопросъ о реформахъ, которыя по моему мнѣнію были необходимы, и стремленіе къ которымъ составляетъ, поэтому, извѣстную заслугу Сперанскаго и разныхъ другихъ людей Александровскаго времени. Г. Щебальскій, какъ мы сказали, вообще за отдыхъ для бѣднаго человѣчества и противъ реформъ, которыя это человѣчество тревожатъ. Поэтому, въ мое же обличеніе онъ приводитъ мои слова о состояніи большинства, которое „не думало о какихъ-либо подобныхъ требованіяхъ, было довольно старинной и не искало никакой свободы". Г. Щебальскому кажется, что этого довольно, чтобы считать всякія реформы пустымъ либерализмомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ объясняетъ, что-де общества постепенно усвоиваютъ принципъ свободы и само-

развитія: „въ нихъ возникаетъ естественнымъ путемъ группа людей, требующихъ перемѣнъ, и другая—требующихъ охраненія. Если мысль первыхъ достаточно созрѣла въ обществѣ, она всходитъ и получаетъ жизнь,... но всякая искусственность въ этомъ отношеніи обращается лишь во вредъ“. Затѣмъ г. Щебальскій цитируетъ Карамзина: „спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ *давно* желаютъ *лучшіе умы* въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло“...

Впрочемъ, предоставимъ г. Щебальскому проповѣдовать чтó ему заблагоразсудится, а будемъ говорить съ нашимъ читателемъ. Приведенныя слова Карамзина въ общемъ смыслѣ справедливы. Но вопросъ въ томъ, что надо умѣть видѣть, когда лучшіе умы начинаютъ желать какого-нибудь новаго устава. Объ освобожденіи крестьянъ лучшіе умы заговорили почти сто лѣтъ тому назадъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ говорилось о немъ уже совершенно сознательно;—въ сороковыхъ годахъ для лучшихъ умовъ необходимость освобожденія былъ догматъ, не подлежащій сомнѣнію, — и несмотря на то, мы видѣли, что освобожденіе крестьянъ вызвало вопли тѣхъ самыхъ охранителей, которыхъ ревностно защищаетъ г. Щебальскій. Чтоже, неужели надо было повѣрить *имъ*, что реформа совершается рано? Къ сожалѣнію, эти охранители ссылались между прочимъ и на Карамзина. Неужели въ самомъ дѣлѣ надо было дожидаться, пока согласятся наконецъ и эти господа, когда въ необходимости крестьянской реформы убѣдится Салтычиха?

А самъ крѣпостной народъ? Онъ конечно не могъ высказать своихъ желаній никакими изящными, отдѣланными фразами; его конечно и не спрашивали, нужно ли ему освобожденіе. Но для людей, глубже понимающихъ обязанности государства, для „друзей человѣчества“ можно было бы и изъ положенія крѣпостного народа научиться чему-нибудь бóльшему, чѣмъ они научились. Если освобожденіе крестьянъ совершилось теперь, изъ этого еще не слѣдуетъ, что объ немъ не должно было говорить раньше, не слѣдуетъ даже, что оно раньше никакъ не могло бы быть совершено.

Чѣмъ ранѣе отмѣняется зло „замѣченное“, тѣмъ конечно лучше; потому что обыкновенно оно и бываетъ замѣчаемо уже тогда, когда уже успѣло оказать свои вредныя дѣйствія. Если оно удерживается послѣ того, какъ было замѣчено,—въ ожиданіи, пока „достаточно созрѣетъ“ въ массѣ пониманіе этого зла — то это зло бываетъ тѣмъ вреднѣе: сознаваемое зло еще больше портитъ его виновниковъ, и раздражаетъ противниковъ. Не надо при этомъ забывать еще одного обстоятельства, составляющаго особую принадлежность нашей жизни. Мы никогда не были пріучены къ свободному выраженію мнѣній, и надо,

чтобы очень накипѣло чувство, для того, чтобы оно наконецъ высказалось —съ опасностью подвергнуться нападеніямъ, гиканью и воплямъ „недостаточно созрѣвшей" массы; и если въ этихъ условіяхъ человѣкъ рѣшался высказываться, это было уже много, это значило, что зло, на которое онъ указывалъ, было дѣйствительное зло, что на него обратилъ бы вниманіе истинный „другъ человѣчества", что противъ него принялъ бы мѣры правитель энергическій и дѣйствительно чуткій къ народному благу. Заявленія и протесты нашей общественной мысли и нашей литературы бывали обыкновенно микроскопическія, такъ что кажется мудрено было бы сказать, что они представляли собой что-либо „достаточно созрѣвшее",—но самыя репрессаліи, какими встрѣчали ихъ и которыя очевидно превышали мѣру этихъ заявленій, показывали, что въ этихъ послѣднихъ заключалось однако нѣчто дѣйствительное и серьезное...

Чтобы при указанномъ порядкѣ вещей, при недостаткѣ свободы для выраженія общественнаго мнѣнія, видѣть необходимость преобразованій въ національной жизни, нужно было конечно много доброй воли, а также и значительной проницательности. Къ сожалѣнію, не разъ оказывалось въ нашей исторіи, что эта необходимость не была замѣчаема, и нужны были жестокіе удары судьбы, чтобы они обнаруживались для всѣхъ. Человѣкъ, который передъ крымской войной осмѣлился бы сказать вслухъ, что думали „лучшіе умы", конечно не избѣгъ бы не только строгаго взысканія, но и жестокаго негодованія и преслѣдованія отъ „охранителей" изъ среды самого общества. Но былъ ли бы этотъ человѣкъ неправъ; не былъ ли бы его поступокъ дѣломъ истинной любви къ отечеству? И не нужно было бы много времени, чтобы событія совершенно оправдали этого человѣка, чтобы они ушли, можетъ быть, гораздо дальше, чѣмъ онъ даже предполагалъ.

Возьмемъ еще примѣръ изъ того, что происходитъ въ настоящую минуту. Повидимому, трудно найти общество болѣе вялое, болѣе консервативно-неподвижное, чѣмъ современное русское общество. Между тѣмъ недавно его вздумали спросить объ одномъ, весьма существенномъ и чрезвычайно трудномъ внутреннемъ вопросѣ; вопросъ былъ—податной вопросъ; общество—не какой-нибудь либеральный или радикальный кружокъ, а самый средній уровень, спокойный, послушный,—наше земство. Чего же, оказывается, желаетъ это земство? Оно согласно и единодушно желаетъ вещи, которая привела въ ужасъ публициста „Р. Вѣстника", желаетъ самой „демократической" формы налога,—формы, которой боится самъ президентъ французской республики!—Что было бы, если бы года два назадъ сталъ кто-нибудь изъ нашихъ публицистовъ доказывать, что намъ нуженъ подоходный налогъ? Можно себѣ представить, какой вопль подняли бы охранители! Они стали бы утверждать, что „спасительными уставами бываютъ

единственно тѣ, коихъ „давно" желаютъ лучшіе умы въ государствѣ", и тогда, когда мысль о нихъ „достаточно созрѣла" въ обществѣ и пр. Да какъ же наконецъ разбирать намъ и это „давно" и это „достаточно"?

И можно ли винить общество, если оно, увидѣвъ недостатки прежняго порядка, ищетъ средствъ избавиться отъ нихъ на будущее время; если, подъ вліяніемъ этихъ самыхъ недостатковъ, крайне стѣсняющихъ всякую свободную мысль и обсужденіе предмета, эта самая мысль о реформѣ должна прятаться въ тѣсномъ кругѣ людей, и если, стѣсненная и ограниченная всѣми условіями жизни, лишенная свѣта и свободы, она дѣлаетъ иногда ошибки, преувеличиваетъ свои надежды, заблуждается относительно средствъ? Напротивъ, заслугой этихъ людей будетъ и то, если они сознаютъ необходимость перемѣны, необходимость искать средствъ улучшенія вещей,—потому, что предоставленныя самимъ себѣ и только „охраняемыя", эти вещи могутъ вырости наконецъ до настоящаго бѣдствія. Будутъ ли отвергать защитники охраненія, что тотъ порядокъ вещей, къ преобразованію котораго стремились либералы времени имп. Александра, что этотъ порядокъ, сохранившійся и нетронутый, не выросталъ дѣйствительно до бѣдствія?

Съ точки зрѣнія охранителей должна конечно подвергаться осужденію и реформа Петра Великаго, — и Карамзинъ, напр., послѣдовательно осуждалъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сказать, что такой реформы „давно желали" лучшіе умы въ допетровской Россіи, чтобъ мысль о такой реформѣ „достаточно созрѣла" въ допетровскомъ обществѣ? Мы продолжаемъ однако думать, что при всемъ томъ реформа была спасительнымъ переворотомъ, который не только прервалъ традицію старой Россіи, грозившую въ будущемъ бѣдственнымъ концомъ для ея народнаго и государственнаго существованія, но и открылъ для Россіи единственный путь здраваго развитія—путь европейскій.

А. Пыпинъ.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Одиннадцатое засѣданіе комитета, 21-го іюня 1871 г.—1) Доложенъ отзывъ Б. И. Утина о положеніи вдовы одного писателя. Она занимаетъ уголъ за $1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ, не имѣетъ даже постели, которую должна была продать вмѣстѣ съ другими вещами, чтобъ выручить сумму, необходимую на похороны мужа. Зарабатываетъ рукодѣльемъ около 8 рублей въ мѣсяцъ. Въ виду такого положенія, Б. И. Утинъ выдалъ просительницѣ 25 р. Опредѣлено утвер-

дить это распоряженіе. — 2) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ помощь Общества не могла бы вывести просителей изъ затруднительнаго положенія.—3) Выдано 50 рублей въ единовременное пособіе престарѣлой вдовѣ писателя. Послѣ мужа не осталось никакого состоянія; вслѣдствіе различныхъ болѣзней, она почти не встаетъ съ постели, а лечиться не можетъ, не имѣя на то денегъ; квартира ея сырая и холодная. — 4) Выдано 100 рублей писателю, находящемуся въ болѣзненномъ состояніи; ни выходить, ни заниматься работою онъ не можетъ; существуетъ исключительно литературнымъ трудомъ.—5) Выдано 50 р. въ пособіе писателю, въ стѣсненномъ положеніи котораго представлено удостовѣреніе А. С. Суворина. — 6) Объявлена благодарность Общества А. Н. Плещееву, за труды его по собранію свѣдѣній о положеніи двухъ просителей.

Двѣнадцатое засѣданіе комитета, 5-го іюля 1871 года.—1) Выдано въ ссуду 120 р. одному молодому писателю.—2) Отклонены ходатайства двухъ лицъ, такъ какъ къ измѣненію прежнихъ своихъ рѣшеній комитетъ не нашелъ достаточныхъ основаній.—3) Сообщеніе члена Общества Г. К. Рѣпинскаго, что, не заставъ дома просительницу, о трудахъ мужа которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, и уѣзжая изъ Петербурга, онъ увѣдомилъ ее, чтобъ свѣдѣнія эти она доставила А. С. Суворину. Опредѣлено: поручить А. С. Суворину объясниться съ просительницею.

Отчетъ казначея за іюнь 1871 года.

I. Наличность кассы въ началѣ мѣсяца: Къ 1-му іюня состояло въ кассѣ 56,135 р. 76 к. Въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 3,750 р., наличными деньгами 245 р. 76 к.; итого 56,135 р. 76 к.

II. Приходъ: Въ теченіе мѣсяца поступило взносами отъ пяти членовъ Общества 85 р.; всего въ кассѣ и въ приходѣ 56,220 р. 76 к.

III. Расходъ: Въ теченіе мѣсяца израсходовано 1,132 р. Въ томъ числѣ: 1) пенсіи шести семействамъ 415 р.; 2) на воспитаніе двухъ лицъ 87 р.; 3) единовременное пособіе шести лицамъ 330 р.; 4) въ ссуду одному лицу 300 р.; итого 1,132 р.

IV. Наличность кассы въ концѣ мѣсяца: По 30-е іюня записано на приходъ 56,220 р. 76 к.; по 30-е іюня выписано въ расходъ 1,132 руб. Къ 1-му іюля состоитъ въ кассѣ 55,088 р. 76 к. Въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 52,140 р.; 2) на текущемъ счету 2,900 р.; 3) наличными деньгами 48 р. 76 к.; итого 55,088 р. 76 к.

Списокъ членамъ Общества, отъ коихъ поступили взносы въ теченіе іюня мѣсяца.

За 1864 г.: М. А. Языковъ 10 р. *За 1867, 1868 и 1869 гг.*: А. Н. Струговщиковъ 30 р. *За 1870 г.*: А. П. Опочининъ 10 р. *За 1871 г.*: М. А. Пленъ 10 р., П. Г. Осокинъ 25 р.

Тринадцатое засѣданіе комитета, 19-го іюля 1871 г.—1) Выдано 100 рублей одному писателю, находящемуся въ весьма стѣсненномъ положеніи. Понадѣявшись на вознагражденіе за одну изъ своихъ статей, онъ вошелъ въ долги, которыхъ уплатить не можетъ, потому что статья его не могла быть напечатана; за прежнія же статьи его ему заплатили меньше, чѣмъ онъ ожидалъ. — 2) Выдано 52 рубля

одному писателю, для уплаты сдѣланнаго имъ долга на изданіе его сочиненія. — 3) Выслано 50 рублей дочери профессора, находящейся въ крайности, вслѣдствіе ея болѣзненности, простирающейся дотого, что она по цѣлымъ днямъ не оставляетъ постели. — 4) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ просительница не удовлетворяетъ условіямъ устава Общества. — 5) Выслушанъ докладъ А. С. Суворина, что просительница, о трудахъ мужа которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, не была у него, и потому онъ не можетъ исполнить порученіе комитета. Опредѣлено: разрѣшеніе ходатайства просительницы отложить до указанія ею правъ на пособіе со стороны Общества. — 6) Объявлена благодарность Общества П. Е. Басистову за его труды по собранію свѣдѣній о положеніи двухъ лицъ.

Отчетъ казначея за іюль 1871 г.

Къ 1-му іюля *состояло* въ кассѣ 55,088 р. 76 к.—Въ теченіе мѣсяца *поступило* 12 руб. 50 коп., въ томъ числѣ: процентовъ по 1-му купону 1-го іюля 2 руб. 50 коп. и взносъ М. А. Сердечнаго за 1871 годъ 10 рублей; всего въ кассѣ и въ приходѣ 55,101 руб. 26 коп.— Въ теченіе мѣсяца *израсходовано* 629 руб., въ томъ числѣ: пенсіи 4-мъ семействамъ 307 руб., ссуда 1-му лицу 120 руб., единовременныя пособія 3-мъ лицамъ 202 руб.—Къ 1-му августа *состоитъ* въ кассѣ 54,472 руб. 26 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 руб., деньгами 232 руб. 26 копѣекъ.

ОПЕЧАТКИ:

Въ настоящемъ томѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.	Строч.	Напечатано:	Вмѣсто:
7	1 св.	печально	*печалью*
582	8 сн,	зла	*злая*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1871.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

Описаніе обороны города Севастополя. Составлено подъ руководствомъ ген.-ад. *Тотлебена.* Ч. I, съ приложеніями. Военная Библіотека. Т. V. Спб. 1871. Стр. 481. Ц. всѣмъ 14 том. съ атлас. 16 руб.

Извѣстный трудъ генерала Тотлебена займетъ два тома «Военной Библіотеки», на изданіе которой мы имѣли уже случай указывать нашимъ читателямъ. Вышедшая нынѣ первая часть доводитъ исторію обороны до 9 февраля 1855 года, и заключается обзоромъ положенія союзныхъ армій въ зиму съ 1854 на 1855 годъ. Главное достоинство настоящаго описанія, которое можно признать образцовымъ, состоитъ именно въ томъ, что оно не сосредоточиваетъ всю исторію обороны на какой нибудь спеціальности, и беретъ ее, какъ результатъ совокупныхъ усилій всѣхъ родовъ войскъ. Авторъ задался, кромѣ того, мыслью о необходимости излагать добытые имъ матеріалы настолько популярно, сколько это не вредитъ спеціальному назначенію труда, и конечно тѣмъ самымъ только увеличилъ его достоинство и число лицъ, которыя могутъ воспользоваться этимъ трудомъ, какъ школою для себя.

Война за утвержденіе прусской гегемоніи въ Европѣ и отношеніе Россіи къ ней. *В. Андреева.* Спб. 1871. Стр. 442. Ц. 2 р.

Кто любитъ процессъ чтенія для самого процесса, не помышляя ни мало о результатахъ чтенія для себя и не заботясь о потерянномъ времени, для того книга г. Андреева — величайшая находка. Не соглашаясь съ серьезными историческими изслѣдованіями послѣдней войны, авторъ предпринималъ свой трудъ съ цѣлью доказать, что «послѣдній разгромъ Франціи совершенно случаенъ», и «прорѣчь (т.-е. предсказать) это несчастіе не трудно было», такъ какъ «Франція въ 1870-мъ году находилась въ исключительномъ положеніи... Вода въ Севѣ упала и на поверхности ея показался извѣстный пророческій камень» и т. д. Достаточно и этого, чтобы «прорѣчь» неудовольствіе серьезнаго читателя, который подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ не найдетъ ничего болѣе, какъ случайный сборникъ анекдотовъ и философскихъ измышленій въ родѣ вышеприведеннаго. Вотъ образчикъ и анекдотовъ. Авторъ нашелъ въ одномъ погребѣ Берлина компанію, и на вопросъ: кто онъ? отвѣчалъ: «я русскій. — Русскій? замѣтилъ нѣмецъ, осматривая новаго гостя (т.-е. автора); всѣ русскіе глупы». Рѣшительно не понимаемъ, съ какою цѣлью можетъ быть разсказанъ подобный анекдотъ, а такихъ анекдотовъ у автора много.

Какъ добывать шелкъ. Наставленіе къ разведенію шелковичныхъ деревь и выводкѣ шелковичныхъ коконовъ. *В. Э. Иверсена.* Спб. 1871. Стр. 89. Ц. 25 к.

О степени выгодности шелководства можно заключить изъ того, что двое могутъ заработать въ шесть недѣль до 150 руб., а для выкормки червей на такое производство достаточно одной комнаты въ 4 или 5 куб. саженъ. При всемъ томъ въ Россіи существуетъ теперь всего 97 фабрикъ, вырабатывающихъ на 20 мил. рублей, и это число начинаетъ уменьшаться въ послѣдніе годы. Авторъ ищетъ причины такого явленія въ нераспространенности необходимыхъ свѣдѣній по шелководству, а именно съ цѣлью сдѣлать ихъ общедоступными онъ и издалъ популярную брошюру, содержащую практическіе совѣты относительно лучшихъ способовъ ухода за шелковицею и червями, вмѣстѣ съ объясненіемъ самого шелкопроизводства. Брошюра снабжена рисунками.

Товарные склады и варранты. Составилъ *Н. Х. Бунге.* Кіевъ, 1871. Стр. 66. Ц. 50 к.

Желѣзныя дороги развивались у насъ несравненно быстрѣе, чѣмъ прививались къ намъ тѣ порядки, при помощи которыхъ можно было бы вполнѣ воспользоваться ими, и въ настоящее время многіе опасаются, что ихъ назначенія будутъ у насъ скоро опредѣлить такъ, какъ Талейранъ опредѣлялъ назначеніе языка для дипломатіи. Въ виду того, брошюра г. Бунге можетъ оказать важную услугу, какъ обстоятельное руководство для тѣхъ, которые пожелали бы устройствомъ товарныхъ складовъ и правильною выдачею свидѣтельствъ на сложенный товаръ (варрантовъ) обезпечить нашей торговлѣ пользованіе желѣзными дорогами. Авторъ весьма подробно знакомитъ читателя съ существующими законодательствами по этому предмету въ западныхъ государствахъ, и въ заключеніе приводитъ проектъ устава товарищества кіевскихъ товарныхъ складовъ вмѣстѣ съ образцами квитанцій и варрантовъ.

Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Съ рисунками. Изданіе редакціи журнала «Знаніе». Спб. 1871. Стр. 439. Ц. 2 р. 50 к.

Мы имѣли случай говорить объ извѣстномъ новомъ трудѣ Ч. Дарвина, по поводу его перваго русскаго перевода, остановившагося пока на первомъ выпускѣ, обнимающемъ одну половину перваго тома оригинала. Намъ остается теперь только указать на особенность новаго перевода: въ одномъ его томѣ излагается все содержаніе обоихъ томовъ Дарвина, въ сокращенномъ видѣ, а именно опущены мѣста, представляющія спеціальный интересъ. Но первая часть (о происхожденіи человѣка) и общій обзоръ переведены безъ сокращеній. Важнѣйшія сокращенія указаны впрочемъ самими издателями въ предисловіи. Къ этимъ двумъ переводамъ, на-дняхъ, присоединится третій, полный переводъ и изданный притомъ подъ редакціею И. М. Сѣченова.

ИЗДАНІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

въ **1872**-мъ году

на тѣхъ же условіяхъ:

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — **15 руб.**; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ* — исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики:** 1) *по почтѣ* — прямо въ Редакцію, такъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и [illegible].

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно списаться съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

одному писателю, для уплаты сдѣланнаго имъ долга на изданіе его сочиненія. — 3) Выслано 50 рублей дочери профессора, находящейся въ крайности, вслѣдствіе ея болѣзненности, простирающейся дотого, что она по цѣлымъ днямъ не оставляетъ постели. — 4) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ просительница не удовлетворяетъ условіямъ устава Общества. — 5) Выслушанъ докладъ А. С. Суворина, что просительница, о трудахъ мужа которой ему было поручено собрать свѣдѣнія, не была у него, и потому онъ не можетъ исполнить порученіе комитета. Опредѣлено: разрѣшеніе ходатайства просительницы отложить до указанія ею правъ на пособіе со стороны Общества. — 6) Объявлена благодарность Общества П. Е. Басистову за его труды по собранію свѣдѣній о положеніи двухъ лицъ.

Отчетъ казначея за іюль 1871 г.

Къ 1-му іюля *состояло* въ кассѣ 55,088 р. 76 к.—Въ теченіе мѣсяца *поступило* 12 руб. 50 коп., въ томъ числѣ: процентовъ по 1-му купону 1-го іюля 2 руб. 50 коп. и взносъ М. А. Сердечнаго за 1871 годъ 10 рублей; всего въ кассѣ и въ приходѣ 55,101 руб. 26 коп.— Въ теченіе мѣсяца *израсходовано* 629 руб., въ томъ числѣ: пенсіи 4-мъ семействамъ 307 руб., ссуда 1-му лицу 120 руб., единовременныя пособія 3-мъ лицамъ 202 руб.—Къ 1-му августа *состоитъ* въ кассѣ 54,472 руб. 26 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 руб., деньгами 232 руб. 26 копѣекъ.

ОПЕЧАТКИ:

Въ настоящемъ томѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.	Строч.	Напечатано:	Вмѣсто:
7	1 св.	печально	*печалью*
582	8 сн,	зла	*злая*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1871.

Книга девятая. — Сентябрь.